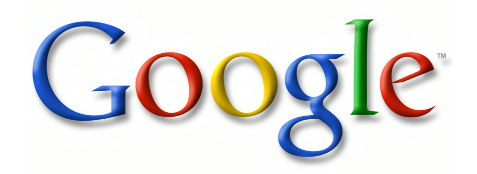
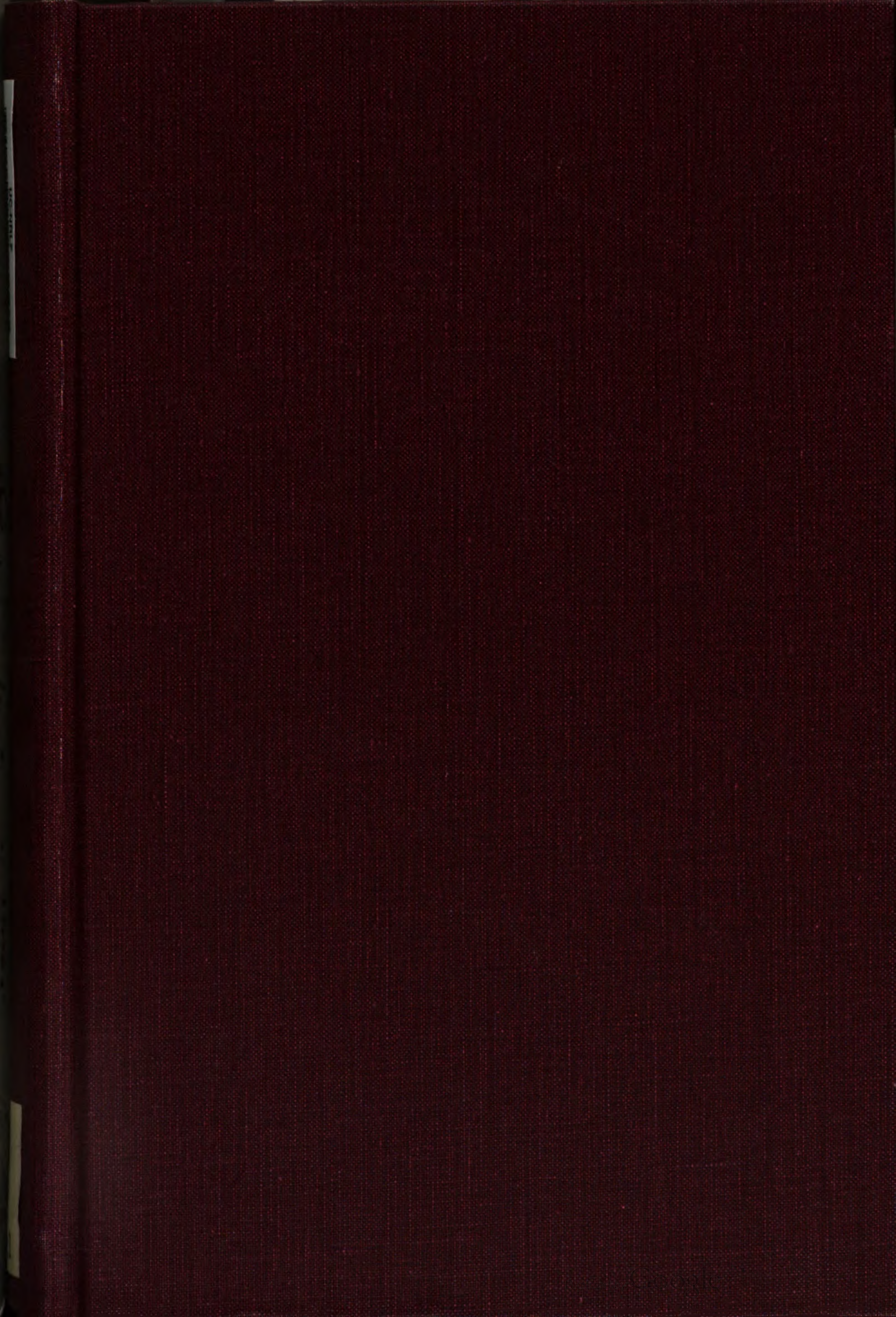
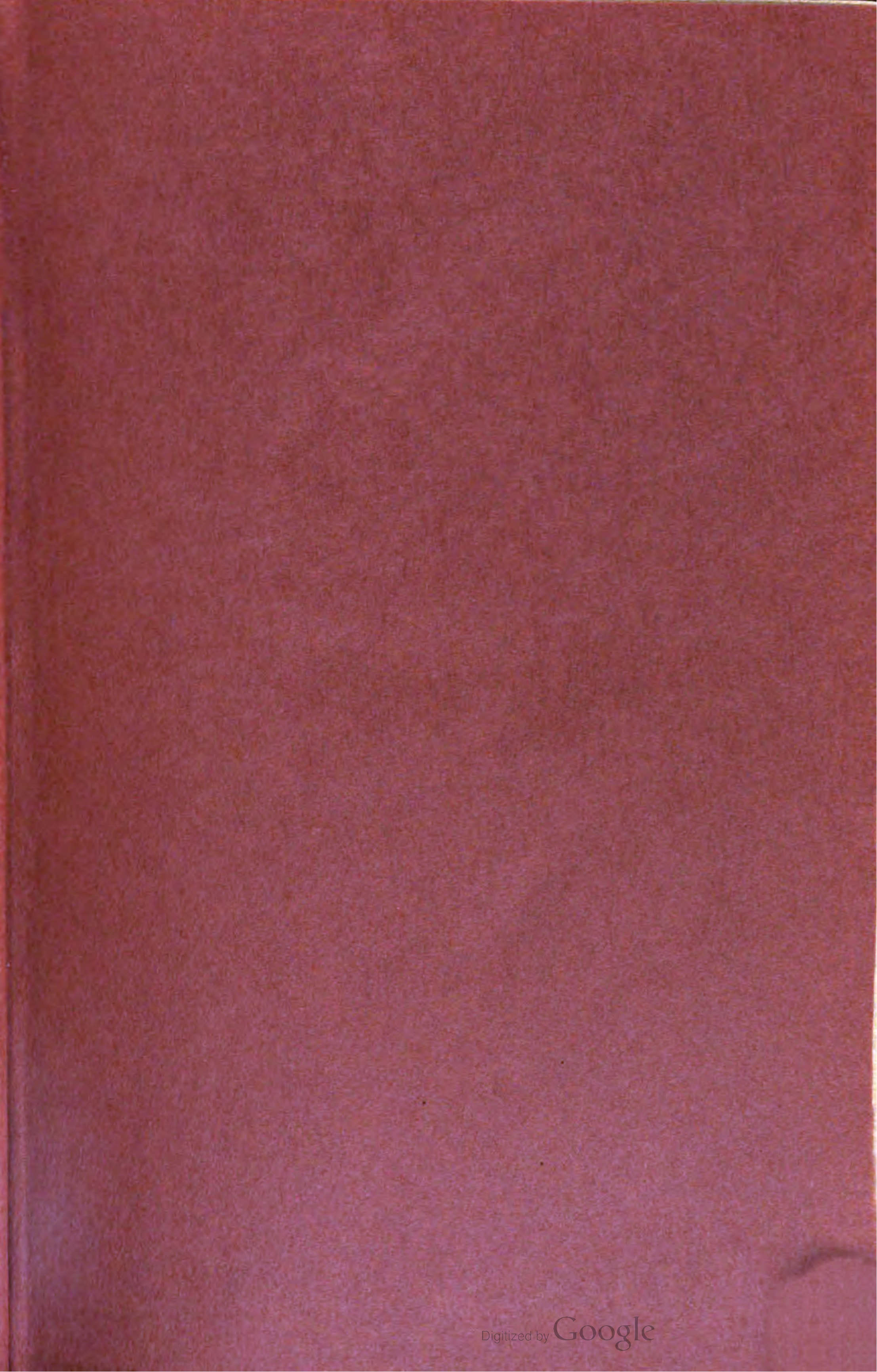

Открыта подписка на 1898 годъ на

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Начиная съ майской книги 1897 г. „Сѣверный Вѣстникъ“ издается
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Въ виду облегченія условій изданія, съ освобожденіемъ журнала отъ предварительной цензуры, редакція «Сѣвернаго Вѣстника» съ 1898 г. расширяетъ провинціальный отдѣлъ и проситъ лицъ, имѣющихъ къ тому возможность, доставлять матеріалы, пригодные для обработки въ областномъ отдѣлѣ, а также самостоятельныя замѣтки и корреспонденціи касательно явленій мѣстной жизни, текущихъ интересовъ мѣстнаго общества, народнаго образованія, дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, всевозможныхъ общественныхъ начинаній и т. п.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

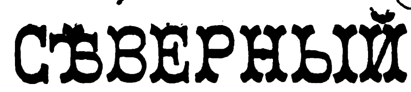
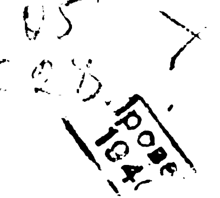
Н. Арефьевъ, К. Бальмонтъ, проф. Ѳ. Батюшковъ, П. Боборыкинъ, П. Вейнбергъ, М. Венюковъ, А. Волынскій, П. Ганзенъ, Н. Геренштейнъ, прив.-доц. В Гессенъ, П. Гнѣдичъ, М. Горькій, Н. Дружининъ, А. Каменскій, Н. Карабчевскій, В. Каренинъ, проф. А. Кирпичниковъ, А. Коптяевъ, Б. Корженевскій, Котъ-Мурлыка, Я. Крюковской, д-ръ А. Лозинскій, М. Лохвицкая, К. Льдовъ, Е. Лѣткова, В. Микуличъ, Н. Минскій, Вас. Немировичъ-Данченко, Вл. Немировичъ-Данченко, Ф. Нефедовъ, проф. Д. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Оршанскій, д-ръ Л. Оршанскій, М. Петровъ, А. Рейнгольдтъ, Л. Саломэ, проф. В. Сергѣевичъ, С. Смирнова. В. Спасовичъ, А. Субботинъ. П. Тверской, гр. Л. Н. Толстой, проф. А. Трачевскій, М. Чайковскій, В. Чуйко, О. Чюмина, О. Шапиръ, В. Шенрокъ, А. Шеллеръ, проф. Л. Шепелевичъ, В. Ширковъ, проф. Е. Шмурло, проф. И. Фойницкій, К. Фофановъ, проф. Н. Холодковскій, І. Ясинскій, А. Эртель и мн. др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи. **Главная контора**: Спб., Б. Московская, д. 11, въ **Москвѣ**— въ конт. **Н. Печковской**, Петровскія линіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	Годъ.	Полгода.	Четверть года.	1 мѣс.
Для иногороднихъ съ перес. .	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р.
Въ Спб. съ дост.	11 »	5 » 50 »	2 » 75 »	1 »
Для заграничныхъ	14 »	7 » — »	4 » — »	— »

Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается подписка въ кредитъ.

СѢВЕРНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Январь № 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.

СОДЕРЖАНІЕ
№ 1 „Сѣвернаго Вѣстника" 1898 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

При этомъ № прилагаются, для новыхъ подписчиковъ, двѣ первыя части романа **Генрика Сенкевича** «КРЕСТОНОСЦЫ».

Черемуха.

Разсказъ.

I.

Скорый поѣздъ подходилъ къ Кіеву. Въ дамскомъ купэ толстая сѣдая дама съ заспанными глазами усердно стягивала ремни своего портъ-плэда, а молодая дѣвушка въ синемъ беретѣ, заложивъ руки въ карманы синей кофточки, смотрѣла въ окно.

— Взгляните, тетя, какъ хорошо!.. Это Лавра?..

— Мостъ?.. Ну да, да. Ахъ, Боже мой, я вздохну свободно, только когда увижу ее. Мнѣ все кажется, что она умерла...

— Что вы, тетя! Богъ милостивъ.

— Однако, тутъ нѣтъ ничего невозможнаго. Мнѣ и ночью казалось, и теперь все кажется, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ. Завяжи мнѣ вуаль, пожалуйста.

Минуту спустя, дамы пробирались уже въ суетѣ и сутолокѣ большой станціи, вслѣдъ за рослымъ артельщикомъ, захватившимъ въ объятія ихъ ручной багажъ.

Дамы приказали извозчику везти себя въ ближайшую къ университету гостинницу и, наскоро закусивъ, помывшись и переодѣвшись съ дороги, отправились разыскивать акушерскую клинику.

— Ça doit être ici,—сказала Настасья Сергѣевна, разбирая въ лорнетъ золоченую надпись на подъѣздѣ.

Толстый швейцаръ съ добродушнымъ и глупымъ лицомъ отворилъ имъ дверь.

— Здѣсь акушерская клиника?

— Здѣсь. Пожалуйте.

— Скажите, а вы не знаете: здѣсь госпожа Лялина?

— Здѣсь. Пожалуйте.

— Скажите, пожалуйста, а вы не знаете: ей дѣлали операцію?

— Ляликой? Никакъ нѣтъ; не дѣлали еще.

Настасья Сергѣевна перекрестилась.

— Слава Богу! Слышишь, Маша, мы не опоздали. Послушайте, а можно ее сейчасъ видѣть?

— Пожалуйте.

Дамы сняли верхнее платье и въ сопровожденіи швейцара прошли широкимъ свѣтлымъ корридоромъ, мимо пустой аудиторіи, мимо общихъ палатъ, въ которыхъ лежали, сидѣли и бродили больные,—въ другой корридоръ съ отдѣльными комнатами для платныхъ больныхъ. Отыскавъ указанный номеръ, Настасья Сергѣевна постучала въ дверь.

— Войдите!—отвѣчалъ ей знакомый голосъ.

Въ узкой высокой комнатѣ со скромной больничной обстановкой сидѣла съежившись на кровати худенькая и блѣдная Анна Сергѣевна.

— Батюшки, это вы! Вотъ радость-то! Я только завтра ждала васъ.

Сестры крѣпко обнялись и нѣсколько секундъ молча держали другъ друга въ объятіяхъ, потомъ взглянули другъ на друга съ удивленіемъ, съ состраданіемъ, съ жалостью,—онѣ не видѣлись восемь лѣтъ,—потомъ обѣ прослезились и снова принялись цѣловаться.

— Маша, милая, и она пріѣхала,—сказала Анна Сергѣевна, переходя отъ сестры къ племянницѣ.—Вѣдь я тебя вотъ какой послѣдній разъ видѣла. Какъ эти дѣти ростутъ незамѣтно. Но какъ я рада, какъ я рада, что вы пріѣхали! Теперь, если и плохо кончится...

— Что ты, что ты, Богъ съ тобой!..

— Ну, душа моя, надо быть ко всему готовой. А Лиля моя какъ вамъ благодарна! Вѣдь до вашей телеграммы она сама думала ѣхать со мной. Подумай, съ пятимѣсячнымъ ребенкомъ.

— Она сама кормитъ?

— Ну, да; и при этомъ волнуется за меня, а я за ребенка; и мы всѣ другъ друга волнуемъ. Но что за мальчикъ у нея, ахъ, что за мальчикъ! Маша улыбается: ты думаешь—всѣ бабушки пристрастны? Честное слово, нѣтъ. Всѣ находятъ его необыкновеннымъ. И такой тихій, спокойный... А взглядъ, глазки!..

— Ну, и Лиля счастлива?

— О, вполнѣ. Она проситъ тебя, Маша, писать ей отсюда почаще, не теперь конечно, а тамъ ужъ, послѣ операціи...

— А когда же операція?

— Кто ихъ знаетъ; они меня все еще готовятъ. Каждый день ко мнѣ профессоръ заходитъ, потомъ еще докторъ и фельдшерица. Да еще къ каждой больной приставлено по два студента, какъ видишь, цѣлый штатъ.

— А студенты зачѣмъ?

— А они изучаютъ болѣзнь, присутствуютъ при операціи и потомъ недѣлю безотлучно дежурятъ при больной, такъ что, понимаешь, вся картина операціи со всѣми послѣдствіями проходитъ у нихъ на глазахъ. Имъ, конечно, это очень полезно; но многія больныя тяготятся этимъ.

— Еще бы! Они будутъ страшно стѣснять тебя.

— Что-жъ подѣлаешь? Чужой монастырь со своимъ уставомъ. Напортить они, положимъ, ничего не могутъ, такъ какъ лѣчить меня все-таки будетъ докторъ. Ну, а вы надолго пріѣхали? Гдѣ вы остановились?

— Въ Метрополѣ. Намъ сказали, что это ближе всего къ клиникѣ. А не уѣдемъ, пока вы совсѣмъ не поправитесь.

— Ну, спасибо, спасибо.

— Скажи, пожалуйста, что-жъ это за операція?—озабоченно морщась, спросила Настасья Сергѣевна.—Какъ ты рѣшаешься?..

Анна Сергѣевна засмѣялась и пожала плечами.

— Что-жъ подѣлаешь? Я тебѣ писала... Мнѣ бы собственно давно уже надо было обратиться къ доктору, да тутъ Лилины роды подошли; не до того было. Потомъ вижу: Лиля здорова, ребенокъ здоровъ, думаю: дольше нельзя откладывать. А у насъ въ городѣ, кстати, модный акушеръ, восходящее свѣтило. Смѣлость невообразимая, двухъ зарѣзалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, молодой, самоувѣренный, прекрасныя манеры, дамы влюбляются... словомъ, въ модѣ и въ славѣ. Ѣду къ нему, онъ меня совсѣмъ успокоилъ. У васъ, говоритъ, пустяки. Нужна операція, но пустая операція. Такія операціи женщины дѣлаютъ. Пріѣзжайте ко мнѣ... Я въ восторгѣ, что все это такъ легко и просто, говорю Лилѣ... А она въ ужасъ пришла. Ну, тутъ началось сущее мученье; всѣ меня засыпали совѣтами и наставленіями, посылали въ Москву, въ Петербургъ, наконецъ, какъ-то всѣ сошлись на Кіевѣ. Зять привезъ меня сюда и опять за мной пріѣдетъ, когда пора будетъ ѣхать домой. Дастъ Богъ, все пройдетъ благополучно! Но какъ я рада, что вы пріѣхали! Какъ тебя-то мужъ отпустилъ? Вѣдь онъ безъ тебя не дышетъ?

— Да это все Маша устроила. Какъ пришло твое письмо, мы всѣ очень огорчились, а Маша объявила, что ѣдетъ къ тебѣ. Ну, старикъ мой хмурился, хмурился, а вечеромъ и говоритъ мнѣ: Какъ же она одна поѣдетъ? Ужъ не ѣхать-ли и тебѣ? Я скорѣй и дала тебѣ телеграмму, чтобъ онъ не передумалъ.

— Напишу ему, поблагодарю его. Все-таки онъ не одинъ остался. Пусть немножко поживетъ съ Володей холостой жизнью. Что Володя? Все такъ же хорошо учится?

— Отлично идетъ. Онъ ужъ на третьемъ курсѣ, съ бородой, ты бы не узнала его. Я его почти не вижу. Столько у него знакомыхъ. Не

повѣришь, до чего въ Петербургѣ на расхватъ молодые люди. Цѣлый день ему записки несутъ. Мнѣ иной разъ даже досадно. Отнимаютъ у мальчика время, отрываютъ отъ дѣла. И мы сами его почти не видимъ.

— Ну, а ты, Маша, какъ поживаешь?

— А Маша тоже весь день въ своей рисовальной школѣ; а вернется домой, рисуетъ у себя въ комнатѣ.

— И хорошо рисуетъ?

— Прекрасно. Мы мечтаемъ объ Италіи. Говорятъ: у ней большое дарованіе.

Маша покраснѣла и махнула рукой, говоря:

— Какое тамъ дарованіе!

— Знакомыхъ у насъ пропасть,— продолжала Настасья Сергѣевна,— но знаешь, какъ въ Петербургѣ, безъ приглашеній никто вечеромъ не ходитъ; а мы и не зовемъ. Прежде у насъ были назначенные дни; но до того это всѣмъ намъ было въ тягость, что эту зиму мы ихъ отмѣнили. И гораздо лучше. Два-три раза въ зиму зовемъ уже всѣхъ сразу, а сами почти никуда не ѣздимъ. Хочется и покоя на старости лѣтъ.

— Ну, а Маша съ кѣмъ же выѣзжаетъ?

— Маша? да ея никуда не вытащишь; она совсѣмъ дикая. Только и знаетъ свою школу, да свою комнату. Володины товарищи ждутъ какъ милости, чтобы она показалась.

— И въ театры не ѣздитъ?

— Никуда. Она говоритъ:— мнѣ и дома хорошо.

— Ну, если ты такъ равнодушна къ городскимъ удовольствіямъ, пріѣзжай къ намъ въ деревню. Тебѣ понравится. У насъ хорошо и просто, больше простору, больше досуга. Я сама такъ привыкла къ деревнѣ, что, кажется, не могла бы ужъ теперь жить въ городѣ.

— Отчего? Та же жизнь, тѣ же люди...

— Ну нѣтъ, извини. У васъ жизнь сложная, искусственная, все такъ перепутано, что концовъ и не ухватишь. А главное, что мнѣ было-бы тяжело: это полное отчужденіе отъ жизни народа...

— Развѣ въ городѣ нѣтъ народа?

— Есть, конечно; но не въ естественныхъ условіяхъ и въ тяжелыхъ условіяхъ.

— А у васъ не въ тяжелыхъ?.. И почему у васъ естественно, а у насъ неестественно? Мнѣ кажется, вездѣ одно и то-же: тѣ же люди, тѣ же потребности, тѣ же слабости и пороки, тѣ же обязанности, тотъ же Богъ... Я, знаешь, не люблю объ этомъ думать. Какъ начнешь думать, сейчасъ или страшно, или грустно становится... А ты все по старому философствуешь?

— Что-жь, милая, больной старухѣ и дѣлать, какъ не философствовать. Жизнь прожитая чему-нибудь должна была научить, что-ни-

будь уяснить. И яснѣй всего мнѣ теперь то, что мы сами портимъ себѣ жизнь тѣмъ, что лжемъ на каждомъ шагу. До того ко лжи придышались, что и не замѣчаемъ ея, и не лгать намъ уже кажется афектаціей или вольнодумствомъ. Только тѣмъ всѣ и заняты, какъ-бы всякую правду запрятать какъ можно дальше и какъ можно глубже. А смотришь, все же есть уголки, гдѣ она наружу вылѣзаетъ. И здѣсь одинъ изъ такихъ уголковъ; здѣсь тоже видишь les dessous de la vie. Охъ, доктора могли-бы быть философами, еслибъ имъ только было время для этого, еслибъ ихъ такъ не тормошили ихъ больные. Вчера, напримѣръ, приходитъ ко мнѣ моя сосѣдка. У нея... Выйди, Маша, на минутку; я тебя позову, какъ доскажу...

Маша покорно встала и вышла въ корридоръ. Окно, къ которому она подошла, выходило въ недавно разбитый садикъ съ молодыми деревцами и кустиками. Сидѣлка въ одномъ платьѣ громко и усердно выколачивала повѣшенное на веревкѣ байковое одѣяло. Другая бѣжала куда то съ огромнымъ узломъ бѣлья.

Видъ этотъ живо напомнилъ Машѣ оставленный только два года тому назадъ институтъ. Тѣ же стѣны и корридоры, тѣ же горничныя, тотъ-же особый замкнутый женскій мірокъ. Только тамъ все было такъ ясно и радостно; а здѣсь что-то тоскливо. Бѣдная, бѣдная тетя Аня! Самая болѣзнь ея казалась Машѣ чѣмъ-то нецѣломудреннымъ и ужаснымъ. Неужели всякая женщина можетъ дожить до такого несчастья! Какъ это страшно! До сихъ поръ Маша думала, что всѣ на свѣтѣ здоровы и молоды, какъ она. Когда пришло такъ поразившее ее письмо тети Ани, Машѣ казалось, что только въ ихъ семьѣ могло случиться это ужасное несчастіе. А теперь она видѣла огромное зданіе, длинный корридоръ съ рядомъ комнатъ, въ каждой изъ которыхъ сидѣла больная, ожидающая болѣе или менѣе тяжелой операціи. И не успѣетъ одна изъ нихъ очистить комнаты,—какъ на смѣну является другая. Вотъ тебѣ и женская жизнь! Вотъ тебѣ и женское счастье! Положимъ, это ненормальности, но вѣдь и въ нормальной жизни замужней женщины добрая треть ея уходитъ на болѣзни. Это хорошо, какъ крестъ, который надо умѣть нести. Но какъ много въ жизни страннаго и интереснаго!.. И удивительно, что никто не говоритъ объ этомъ съ дѣвушками. Отчего? говорятъ: и не нужно. Неужели-же нужнѣе всѣ эти пустяки, которыми ихъ занимаютъ? Вотъ и тетки ея: кажется добрыя, не глупыя женщины, а и у нихъ первый вопросъ: выѣзжаетъ ли Маша? бываетъ-ли въ театрѣ? А не спросятъ: понимаетъ-ли что-нибудь Маша? А она такъ глупа, такъ глупа... Она чутка, она не пропуститъ лжи или фальши, она твердо знаетъ, что ей нравится и что не нравится, но—и только. Мыслей у нея совсѣмъ нѣтъ, такъ обрывки какіе-то... Маша знаетъ, что она никогда и не будетъ умной; но она и не гонится за этимъ;

ей хотѣлось бы только быть честной и справедливой. А интересно, можетъ-ли женщина быть умной, или нѣтъ?.. Маша что-то не видывала умныхъ женщинъ; ужь одно то, что почти всѣ онѣ говорятъ больше, чѣмъ думаютъ... Мужчинъ она мало знаетъ; издали, они кажутся ей умными, благородными, великодушными, ей кажется, что они лучше женщинъ; но опять таки и въ нихъ чего-то не хватаетъ, чего-то имъ не достаетъ... Иначе не было-бы этого инстинктивнаго недовѣрія къ нимъ, этого желанія быть на сторожѣ...

Высокій студентъ съ книгами подъ мышкой прошелъ въ комнату сосѣдки Анны Сергѣевны. Потомъ забѣгали по корридору сидѣлки съ подносами, съ дымящимися тарелками. Тетки окликнули Машу, и она вернулась въ комнату, гдѣ Анна Сергѣевна уже кушала поданный обѣдъ, похваливая его. Вскорѣ послѣ обѣда въ комнатѣ появилась вертлявая, смуглая фельдшерица, отъ которой сильно пахло табакомъ и духами.

— Моя сестра и племянница. Ольга Андреевна Зотикова.

— Изъ Петербурга?—веселой скороговоркой спросила Ольга Андреевна, раскладывая на столѣ принадлежности своей профессіи.—Ну, вотъ и прекрасно. Теперь вамъ веселѣе будетъ.

— И не такъ страшно,—сказала Настасья Сергѣевна.

— Страшно у насъ не бываетъ. Съ нашимъ профессоромъ никогда не страшно. Да и madame Лялина такой молодецъ! Вотъ кто у насъ труситъ, это Горская.

— Это та хорошенькая блондинка?

— Да. Ну ужъ у насъ здѣсь тоже всѣ съума посходили, точно никогда хорошенькихъ не видали. Студенты, доктора только и знаютъ, что цѣлый день бѣгаютъ на нее смотрѣть. А она психопатка какая-то, всѣхъ боится, стыдится, дрожитъ, какъ осиновый листъ, и цѣлые дни плачетъ. Вчера докторъ Бѣгоцкій ужъ насильно познакомилъ ее съ m-me Буличъ, знаете, эта дама изъ Петербурга...

— Неужели къ вамъ ѣздятъ изъ Петербурга? Вѣдь у насъ свои клиники, свои профессора...

— Да, но у нея здѣсь родные и братъ студентъ. И потомъ прямо отсюда она поѣдетъ къ отцу въ деревню, подъ самымъ Кіевомъ.

Ольга Андреевна поставила больной градусникъ и еще съ четверть часа проболтала, разсказывая что попало о своихъ докторахъ и больныхъ и охотнѣе всего возвращаясь къ хорошенькой Горской.

— Страшная тараторка,—сказала Анна Сергѣевна, когда фельдшерица скрылась. Тамъ, въ другомъ корридорѣ, для слабыхъ больныхъ, другая фельдшерица Елена Николаевна. Та гораздо симпатичнѣе.

— А насъ будутъ пускать къ тебѣ послѣ операціи?

— Не знаю. Вотъ, спросимъ у доктора.

Высокій ламповщикъ вошелъ зажечь лампу.

— Не пора намъ уходить?

— Нѣтъ, посидите еще. Развѣ, что вы сами съ дороги устали?

— О, мы-то чудесно выспались въ вагонѣ.

— Такъ чего-же вамъ? Сидите.

Потомъ зашелъ докторъ. Настасья Сергѣевна и Маша отошли въ сторону, пока длился осмотръ и опросъ больной; но какъ только это кончилось, Настасья Сергѣевна обрушилась на доктора съ разспросами о болѣзни сестры. Докторъ отвѣчалъ ей спокойно и вѣжливо, терпѣливо выслушивая по нѣскольку разъ одни и тѣ же вопросы. А будутъ ихъ пускать къ больной послѣ операціи? Нѣтъ, не будутъ. Отчего? Такое правило. Но это возмутительно! Докторъ ласково улыбнулся, но повторилъ, что недѣлю къ больной никого не будутъ пускать; потомъ сколько угодно...

— Какъ это досадно,—сказала Настасья Сергѣевна, когда онъ вышелъ изъ комнаты.—Какіе странные порядки! Къ чему это? А онъ очень симпатичный. Какъ его фамилія? Бѣгоцкій?.. Очень симпатичный!

— Неправда-ли? Мнѣ тоже онъ очень нравится. Да вообще здѣсь хорошо. Допрашивали они меня, я тебѣ скажу, какъ на страшномъ судѣ, и все, все записывали... Не шутя, у нихъ и твои болѣзни записаны и болѣзни покойной Маши, и все мое лѣченье, не въ обиду лѣчившимъ меня докторамъ.

Маша, какъ и всегда, при упоминаніи о ея покойной матери, задумалась. Мать ея умерла черезъ шесть дней послѣ ея рожденья. Все, что Маша знала о ней, она знала отъ другихъ, изъ разсказовъ, изъ писемъ. Тѣмъ не менѣе, мать ея была для нея живымъ знакомымъ существомъ, поэтическимъ и близкимъ.

Маша смотрѣла теперь на тетю Аню, такъ похожую лицомъ на ея покойную мать, и думала: неужели и она умретъ! И неужели это произойдетъ при нихъ, и они увидятъ это? Жутко!

А сестры все болтали и болтали. Настасья Сергѣевна говорила о своемъ сынѣ, Анна Сергѣевна о своемъ внукѣ. Маша слушала ихъ и думала:—Какъ, однако, всѣ люди похожи другъ на друга. Чуть заговорилъ, сейчасъ:—*я*, *мои*, *мое*... И каждому интересно только то, что онъ самъ говоритъ. А надо бы *иначе*. И неужели вся жизнь пройдетъ въ томъ, что все не будетъ *иначе*? Понемножку сестры начали позѣвывать.

— Однако я тебя совсѣмъ заговорила, — сказала Настасья Сергѣевна, вставая,—идемъ, Маша, пора. Когда же къ тебѣ можно завтра?

— Когда хотите. Лучше послѣ двухъ, утромъ здѣсь уборка; потомъ Шейнъ бываетъ и пріемъ больныхъ.

— Ну, тамъ видно будетъ. Спокойной ночи!

Сестры поцѣловались, и Настасья Сергѣевна пошла съ Машей корри-

доромъ, который показался имъ уже знакомымъ и менѣе длиннымъ. Спускаясь въ швейцарскую, Маша заглянула въ открытую дверь налѣво и увидѣла доктора Вѣгоцкаго. Онъ сидѣлъ одинъ у стола и писалъ что то при свѣтѣ лампы съ зеленымъ колпакомъ. Маша видѣла только его спину и его склоненную надъ работой курчавую голову. Но и поза его, и самая комната съ ея строгой казенной обстановкой понравились ей.

Швейцаръ подалъ Настасьѣ Сергѣевнѣ ея петербургское пальто на шелковой changeant подкладкѣ, а Маша тѣмъ временемъ сама сняла съ вѣшалки и надѣла свою синюю кофточку.

Свѣжій весенній воздухъ съ запахомъ распускающихся тополей пахнулъ имъ въ лицо, когда онѣ вышли на Бибиковскій бульваръ.

Темнѣло и свѣтлыя звѣздочки загорались уже въ небѣ.

— Какъ она, бѣдняжка, похудѣла, какъ измѣнилась,—сказала Настасья Сергѣевна, тяжело опираясь на руку Маши. Потомъ, неудержимо зѣвнувъ, она прибавила:—не знаю, какъ тебя, а меня страшно ко сну клонитъ.

— Меня тоже,—сказала Маша и, взглянувъ на яркую звѣздочку подумала: — «Но какъ здѣсь хорошо! Боже мой, какъ здѣсь хорошо!»

На другой день дамы съ утра отправились къ своей больной. Въ обѣихъ клиникахъ и въ акушерской, и въ находящейся надъ ней глазной былъ часъ пріема. И швейцарская, и слѣдующая за ней комната были биткомъ набиты больными, ожидающими пріема. Слѣпые и полуслѣпые старики и старухи, блѣдныя истеричныя женщины съ дѣтьми и безъ дѣтей сидѣли на скамейкахъ и на ступеняхъ лѣстницы въ унылыхъ позахъ, съ выраженіемъ скуки и страданія на истомленныхъ болѣзнью лицахъ. Тяжелый запахъ пота, бѣдности, заношеннаго платья, затхлаго жилья и грязи стоялъ въ воздухѣ. Толстый швейцаръ сурово и пренебрежительно поглядывалъ на это сборище темныхъ горемыкъ, наводнившихъ его швейцарскую.

Юные, румяные студенты въ фуражкахъ съ синими околышами входили веселыми группами, шумно раздѣвались въ шинельной и, поглощенные своими лекціями и руководствами, торопливо пробѣгали мимо своего живого матеріала, не удостоивая его взглядомъ.

На Настасью Сергѣевну это множество больныхъ сдѣлало удручающее впечатлѣніе.

— Нѣтъ, лучше не ходить въ такой часъ,—сказала она.—Ça sent mauvais; да и что за радость глядѣть на страданія, которымъ все равно не можешь помочь.

А Машу страшно потянуло къ этимъ больнымъ. Никогда еще она не видѣла ихъ такъ много и такъ близко, никогда еще не чувствовала такъ живо своей связи съ другими существами и своей любви къ нимъ. Это не были нищіе на паперти (которые, впрочемъ, тоже всегда

представлялись Машѣ переодѣтыми для испытанія людей ангелами). Эти ничего не просили; но Машѣ самой хотѣлось просить у нихъ въ чемъ-то прощенья. Она завидовала этимъ жизнерадостнымъ юношамъ, торопящимся въ аудиторію: они научатся помогать людямъ. Какъ хорошо быть докторомъ и умѣть вылѣчивать болѣзни! Счастливый Бѣгоцкій!

Маша поспѣшила за Настасьей Сергѣевной, которая, приподнявъ подолъ юбки, чтобы не подобрать микробовъ, торопливо пробиралась къ сестрѣ. При поворотѣ въ другой корридоръ онѣ услыхали шумъ шаговъ и голосовъ и увидѣли знаменитаго Шейна, окруженнаго докторами, которымъ онъ громко и авторитетно говорилъ что-то. Ольга Андреевна, потряхивая короткими черными кудрями, быстро семенила ножками, силясь не отставать отъ профессора, который шелъ увѣренной твердой походкой, чувствуя себя здѣсь хозяиномъ и учителемъ.

— Можете поздравить меня,—сказала Анна Сергѣевна, встрѣчая гостей на порогѣ своей комнаты.—Въ субботу мнѣ дѣлаютъ операцію.

— Помогай тебѣ Богъ! Что-жъ, можетъ быть, оно и лучше скорѣй.

— Ну, конечно, а то истомишься совсѣмъ.

По окончаніи лекцій, въ комнату Анны Сергѣевны пришли ея студенты: полякъ Валицкій и хохолъ Хоменко. Настасья Сергѣевна стала разспрашивать одного изъ нихъ о предстоящей операціи. Польщенный юноша щеголялъ своими свѣжими познаніями, сыпалъ названіями болѣзней, а другой тѣмъ временемъ тихо бесѣдовалъ съ Машей о Кіевѣ и его достопримѣчательностяхъ.

Слѣдующіе два дня дамы съ утра до вечера просидѣли въ клиникѣ, гдѣ уже чувствовали себя, какъ дома. Разговоръ ихъ вертѣлся преимущественно на медицинѣ и болѣзняхъ, но удѣлялось время и клиническимъ новостямъ и сплетнямъ. Хорошенькая Горская продолжала занимать всѣхъ своей красотой и своимъ отчаяніемъ. Два дня пролетѣли незамѣтно и въ пятницу вечеромъ дамамъ пришлось на недѣлю проститься съ Анной Сергѣевной.

Ночь на субботу Настасья Сергѣевна спала безпокойно, съ вечера долго молилась, потомъ вздыхала и ворочалась. На разсвѣтѣ она приняла твердое рѣшеніе ѣхать къ Шейну и умолять его не дѣлать операціи. Но умывшись и одѣвшись, она передумала и стала торопиться въ Лавру.

Всю дорогу, пока онѣ ѣхали на извощикѣ, Настасья Сергѣевна твердила:

— Боже мой, Боже мой!—и поминутно посматривала на часы.—Молись, Маша, молись!—твердила она, и Маша съ серьезнымъ видомъ утвердительно кивала головой, обѣщая молиться. У воротъ Лавры Настасья Сергѣевна перекрестилась на изображеніе святого Антонія и расплатилась съ извощикомъ.—Ну, будетъ что Богъ дастъ,—сказала она

Машѣ, входя въ ворота.—Я только думаю: неужели Богъ захочетъ именно намъ послать несчастіе? За что?.. Другимъ вѣдь сходитъ благополучно.

Первая подвернувшаяся богомолка получила отъ Настасьи Сергѣевны рублевую бумажку и просьбу молиться о болящей Аннѣ; двѣ слѣдующія получили уже только по двугривенному, затѣмъ посыпались гривенники, а когда дамы приблизились къ церкви, ихъ окружила такая ужасная орава калѣкъ, уродовъ, лохмотьевъ, протянутыхъ грязныхъ рукъ, кивающихъ головъ и мигающихъ глазъ, что Настасья Сергѣевна, шепнувъ Машѣ: «une vraie cour de miracles» сунула въ самую длинную и ловкую изъ протянутыхъ корявыхъ рукъ серебряный полтинникъ и твердо и рѣзко сказала: «Подѣлитесь!» Калѣки, осыпая другъ-друга ругательствами, вступили въ свалку, а дамы поспѣшно проскользнули въ притворъ.

Церковь была биткомъ набита молящимися. Несмотря на это, по петербургской привычкѣ, Настасья Сергѣевна стала храбро пробираться впередъ, кидая ободряющіе взгляды Машѣ. Дойдя до самаго иконостаса и видя, что дальше идти некуда, она покорно перекрестилась, разстегнула воротъ пальто и слыша, что монахи тихо запѣли Херувимскую, опустилась на колѣни.

Въ обыкновенное время Настасья Сергѣевна не была особенно набожна и говаривала: «Все у меня слава Богу! Чего я буду надоѣдать Богу безъ надобности». Но когда являлась надобность, вмѣстѣ съ ней являлась и дѣтская вѣра въ Бога-благодѣтеля, который сдѣлаетъ по ея просьбѣ. И теперь, разсовавъ монахамъ свои записки о здравіи болящей Анны, она стояла на колѣняхъ и, съ умиленіемъ глядя на ликъ Спасителя на старинной иконѣ, горячо умоляла Его послать какого-нибудь святого или ангела на помощь этимъ бѣднымъ докторамъ, которые сами по себѣ ничего не умѣютъ.

Маша стояла подлѣ тетки и то пыталась молиться, то развлекалась, разглядывая строгія, сосредоточенныя лица богомолокъ, которыя стояли передъ ней сплошной стѣной въ своихъ бѣлыхъ, сѣрыхъ и коричневыхъ свиткахъ, съ большими темными платками, намотанными сверхъ очипковъ. И глазомъ художника Маша останавливалась на красивыхъ характерныхъ лицахъ; потомъ, вспомнивъ о бѣдной тетѣ Анѣ, начинала креститься.

Послѣ обѣдни начался молебенъ съ акаѳистомъ, на который Настасья Сергѣевна особенно разсчитывала для успѣха операціи. Всѣ молящіеся опустились на колѣни, и на зовъ ихъ, подъ звуки стройнаго хорового пѣнія, старинная икона Успенія стала тихо спускаться на бархатныхъ шнурахъ и остановилась среди раскрытыхъ Царскихъ вратъ.

Въ церкви стало тихо-тихо, всѣ глаза устремились на икону. Маша

уже не развлекалась. Высота собора, блескъ свѣчей и позолоты, запахъ ладона, вопли акаѳиста, общее настроеніе молитвы и вѣры, жалость ко всѣмъ человѣческимъ страданіямъ и тревога за бѣдную тетю Аню, любовь къ умершей матери, все это вмѣстѣ приводило Машу въ волненіе; сердце ея загоралось знакомымъ чувствомъ безпредѣльной любви къ чему-то лучшему и высшему, чѣмъ все то, что она знаетъ; губы ея дрожали, и ей хотѣлось что-то шептать, но словъ не было, и она молилась безъ словъ, сердечнымъ порывомъ, не зная такъ-ли она молится какъ надо, зная, что можетъ молиться только такъ, какъ ее научили.

Потомъ, вслѣдъ за теткой и другими богомолками, Маша подошла къ иконѣ и поцѣловала ее, думая о тетѣ Анѣ. И когда, черезъ нѣсколько минутъ, принявъ всѣ просьбы, вздохи, молитвы и поцѣлуи, старинная икона тихо возвратилась на свое мѣсто, Маша, какъ и многія изъ молящихся, почувствовала успокоеніе и увѣренность въ томъ, что теперь все будетъ хорошо.

Молебенъ кончился; всѣ вышли на воздухъ. Настасья Сергѣевна отерла платкомъ красное, мокрое лицо и взглянула на часы.

— Теперь кончено,—сказала она.—Какъ хорошо, что мы молились въ самый моментъ операціи. Ну, ѣдемъ скорѣй; тебѣ ничего отложить пещеры до другого раза? Мнѣ такъ хочется скорѣй узнать.

— Конечно, тетя.

Швейцаръ встрѣтилъ ихъ съ особенно значительнымъ видомъ. Къ больной ихъ не пустили; но Настасья Сергѣевна пробралась къ Бѣгоцкому и не отстала отъ него, пока не выпытала у него все, что ее интересовало и безпокоило. Операція была очень трудной; но доктора надѣялись на то, что все пойдетъ хорошо. Бѣгоцкій повторилъ запрещеніе навѣщать больную въ теченіи недѣли, и Настасья Сергѣевна не безъ унынія вернулась въ свой Метрополь.

Въ теченіи недѣли между Метрополемъ и клиникой не прекращалось сообщеніе. Первые два дня писали студенты, на третій день сама Анна Сергѣевна написала карандашомъ короткую записку. Маша каждый день заходила въ клинику и вручала швейцару письма, судки, банки съ компотами, бутылки вина для передачи больной. Отправляя ее въ клинику, Настасья Сергѣевна каждый разъ говорила ей: «И пожалуйста, если увидишь Бѣгоцкаго, разспроси его хорошенько»...

Маша часто видѣла Бѣгоцкаго, кланялась ему издали, но никогда не заговаривала съ нимъ, думая: «Чего я буду даромъ отнимать у него время? Тетя и сама напишетъ все нужное».

Весна подвигалась; повѣяло тепломъ, сады зазеленѣли, и въ одинъ прекрасный вечеръ Маша неожиданно нашла открытыми ворота Ботаническаго сада, который давно манилъ ее.

Въ саду не было ни души, кромѣ сторожа у воротъ. Все было еще свѣжо и мокро отъ только что пролившагося ливня. На свѣже-омытыхъ молодыхъ листьяхъ блестѣли капли дождя; на вязкихъ дорожкахъ блестѣли лужи, по которымъ шлепали толстыя солидныя лягушки, а соловьи громко и свободно заливались свистомъ и щелканьемъ въ тишинѣ душистаго влажнаго сада.

Маша весело углублялась въ незнакомыя аллеи и дорожки, радуясь простору и поэтическимъ пригоркамъ, съ которыхъ открывались чудные виды на окрестности.—Скамейки были мокры; присѣсть было негдѣ. Тяжелыя грязныя калоши Маши увязали въ землѣ; но не смущаясь этимъ, она карабкалась по оврагу, скользя и падая и пачкая платье. Потомъ она останавливалась гдѣ-нибудь подъ деревомъ и отдыхала, любуясь прозрачной далью, въ которой синѣли поля и лѣса. Ей казалось, что она еще никогда не видала весны, никогда не слыхала соловьевъ. И она до ночи не ушла-бы изъ этого чуднаго сада, еслибъ не вспомнила, что надо еще зайти въ клинику за пустыми судками и отвѣтной запиской. Подходя къ знакомому подъѣзду, Маша ужаснулась при видѣ своего грязнаго подола и бѣлыхъ, какъ у маляра, ногъ. Она чувствовала себя растрепанной и красной отъ ходьбы и, приглаживая за уши выбившіеся волосы, подумала:

— Только-бы не наткнуться на Шейна или на Бѣгоцкаго!—Какъ нарочно, швейцара не оказалось и пришлось ждать его. А Бѣгоцкій спускался съ лѣстницы и шелъ прямо къ Машѣ. Зачѣмъ? Что ему было нужно отъ нея? Да ничего и не было нужно; онъ спустился къ ней только затѣмъ, чтобъ сказать ей, что тетѣ Анѣ лучше, что она отлично себя ведетъ и замѣчательно помогаетъ своему выздоровленію тѣмъ, что такъ разумно относится къ своему лѣченью. Онъ ставитъ ее въ примѣръ всѣмъ больнымъ. Черезъ два дня ихъ снова пустятъ къ ней.

Швейцаръ принесъ Машѣ судки, завязанные въ салфетку, и записку отъ Анны Сергѣевны.

— Такъ скажите тетѣ, что черезъ два дня мы раскрываемъ вамъ двери. Пусть она больше на меня не сердится.

— Да она не сердится нисколько... До свиданья!—Онъ пожалъ ей руку; Маша улыбнулась и позабывъ о грязномъ подолѣ и о бѣлыхъ калошахъ, побѣжала по бульвару счастливая, окрыленная, взволнованная. Не случилось ничего необыкновеннаго; но развѣ нужно что-нибудь необыкновенное для того, чтобъ живо чувствовать радость жизни. Господи, какая весна!.. На углу Владимірской мальчикъ продавалъ фіалки. Маша купила все, что у него оставалось, и заплатила такъ щедро, что мальчикъ началъ тоже радостно улыбаться. Настасья Сергѣевна ужаснулась при видѣ ея подола.

— Боже милостивый! Гдѣ это ты такъ перемазалась!?

Наконецъ ихъ пустили къ Аннѣ Сергѣевнѣ, которая, со времени операціи, лежала въ новой комнатѣ, въ другомъ корридорѣ. Она лежала блѣдная, слабая, сильно измѣнившаяся, съ угасшимъ взглядомъ, со сбившимися волосами, которыхъ недѣлю не расчесывали. Машѣ показалось, что это не тетя Аня, а какой-то чужой, новый человѣкъ съ тѣнью смерти на лицѣ.

Войдя къ сестрѣ и взглянувъ на нее, Настасья Сергѣевна чуть не заплакала, но овладѣла своимъ волненіемъ и сказала неестественно-веселымъ тономъ:—Да ты совсѣмъ молодцомъ смотришь, недѣльки черезъ двѣ и встанешь?

— Раньше, — сказала слабымъ голосомъ Анна Сергѣевна. — Я и такъ совсѣмъ хорошо себя чувствую. Только вотъ рука...

— Что рука?

— Отнялась,—-устало и равнодушно сказала Анна Сергѣевна, пробуя здоровой правой рукой приподнять лѣвую, которая падала какъ плеть.

— Что-жъ это такое?

— Говорятъ, пройдетъ. Это бываетъ. Но главное, представь: болей никакихъ. Мнѣ просто не вѣрится. Мнѣ кажется—это не я, а какой-то новый счастливый челоьѣкъ. Первые дни было непріятно... слабость, хлороформъ, все неловко, скверно!.. а теперь ничего. Они всѣ меня поздравляютъ. Вчера забѣжалъ ко мнѣ докторъ Николадзе, знаешь этотъ восточный, черный, и говоритъ: «Ага, отъ смерти удрали!..»

— Что за шутки!—возмутилась Настасья Сергѣевна.

— Да онъ это предобродушно. Я говорю: удрала!

— А ты не слишкомъ-ли много говоришь. Помолчи лучше. Мы будемъ тебѣ разсказывать.

— Нѣтъ, теперь ничего. Черезъ два дня Елена Николаевна передастъ меня опять Ольгѣ Андреевнѣ; это будетъ уже значить, что я внѣ опасности, такъ какъ Ольгѣ Андреевнѣ довѣряютъ только здоровыхъ.

— Ну, а что твои сидѣлки—студенты? оказались на высотѣ своего призванія?

Анна Сергѣевна слабо улыбнулась.

— Спали, сердечные. Они вѣдь и по ночамъ тутъ у меня дежурили, и Валицкій храпѣлъ такъ, что чудо! Теперь это кончено. Они еще навѣщаютъ меня какъ добрые знакомые, но наукѣ я уже дала все, что могла. Теперь вы будете моими сидѣлками.

Съ этого дня Настасья Сергѣевна и Маша совсѣмъ переселились въ клинику и только ночевать и обѣдать уходили въ гостинницу. Маша перетащила сюда свой альбомъ, карандаши и краски, Настасья Сергѣевна свою колоду картъ для раскладыванья пасьянсовъ.—Кровать Анны Сергѣевны стояла такъ, что, не поднимая головы съ подушки, она видѣла длинный корридоръ на всемъ его протяженіи вплоть до операціонной

комнаты, которая находилась въ противоположномъ концѣ его.—И Анна Сергѣевна, и обѣ ея родственницы съ интересомъ слѣдили за тѣмъ, какъ въ назначенный день и часъ въ комнатѣ этой собирались доктора и студенты, какъ входила туда больная, которую черезъ нѣкоторое время вывозили на кровати въ видѣ захлороформированнаго трупа и везли въ одну изъ приготовленныхъ комнатъ по этому-же корридору.

Сдѣлали операцію и хорошенькой Горской.

— Какая прелесть! совсѣмъ пери!—сказала Настасья Сергѣевна, лорнируя издали мертвенно-блѣдную молодую женщину съ большимъ узломъ золотистыхъ волосъ, заложенныхъ на темени.

— Да, бѣдняжка! Совсѣмъ ребенокъ! Хоть-бы она теперь выздоровѣла!

Горскую положили въ одной комнатѣ съ m-me Буличъ, которой тоже сдѣлали операцію.

— Что-же это?—сказала Настасья Сергѣевна,—у нихъ тамъ будетъ теперь сидѣть четыре студента?

— Пять,—отвѣчала, улыбаясь, Анна Сергѣевна.—Брату m-me Буличъ разрѣшено быть у нея, и онъ не выходитъ оттуда. Говорятъ, онъ влюбился въ Горскую.

— Ну, въ нее легко влюбиться. Бѣдный мальчикъ! Скажи, пожалуйста, а кто тутъ въ первой комнатѣ у васъ, рядомъ съ Горской? Тамъ никто не лежитъ, а комната занята.

— Ахъ, тамъ прекурьезная особа, нѣкто Семина. Она живетъ здѣсь уже третій мѣсяцъ въ ожиданіи операціи, на которую не можетъ рѣшиться. Она и не лѣчится, а только совѣтуется со всѣми докторами, да гуляетъ по корридору со студентами. Въ страшной дружбѣ съ Ольгой Андреевной, у которой по вечерамъ студенты играютъ въ карты. У нея есть гдѣ-то мужъ, который привозитъ ее сюда. А она влюблена въ Шейна и когда васъ нѣтъ, заходитъ дѣлать мнѣ свои confidences, но я всегда притворяюсь спящей.

— Не она-ли это идетъ сюда?

— Ну, при васъ не войдетъ.

— Въ красной кофточкѣ?

— Она самая. Маша, затвори дверь.

— Поздно, тетя.

На порогѣ уже проскользнула блѣдная дама съ взбитыми пепельными кудрями и кривымъ вывернутымъ ухомъ.

— У васъ гости? Простите, родная,—начала она, жеманно кланяясь Настасьѣ Сергѣевнѣ и улыбаясь беззубымъ ртомъ;—чтобъ не забыть, я вамъ мой долгъ принесла. Вотъ!

Она вынула изъ бумажки лимонъ и положила его на столъ двумя пальчиками, кокетливо приподнявъ остальные.

— Ну, какъ вы себя чувствуете, голубка?

— Ничего,—сухо сказала Анна Сергѣевна и взглянула на сестру.

— А я, дорогая, сегодня всю ночь проплакала,—начала Семина, вздыхая и очевидно не собираясь уходить.—Профессоръ сегодня говоритъ мнѣ: что это у васъ такой загробный видъ, m-me Семина? Я ему все разсказала. Дѣло въ томъ, что приходитъ ко мнѣ вчера Бѣгоцкій и говоритъ: я прошу васъ перейти въ другую комнату, въ тотъ корридоръ. Здѣсь мнѣ нужны комнаты для слабыхъ больныхъ.—Какъ вамъ это нравится? А?.. А я не больная? Да я хуже всякой слабой! У той есть надежда выздоровѣть, а я, можетъ быть, на всю жизнь обречена на страданія. Что-же это? Одну больную обижать для удобства другой? Какъ хорошо! Понимаете, какъ онъ сказалъ мнѣ это, я растерялась, я была поражена, я не нашла что сказать и вышла изъ комнаты. Потомъ со мной припадокъ сдѣлался; докторъ Шварцъ едва меня въ чувство привелъ. И всю ночь, голубка, я дрожала. Вотъ такъ дрожу и плачу, плачу, плачу... Я рѣшила уѣхать. Профессоръ говоритъ мнѣ: Оставайтесь въ своей комнатѣ. Но какъ я останусь послѣ такого оскорбленія?

Анна Сергѣевна безъ большого сочувствія поглядывала на говорившую и вступилась за Бѣгоцкаго.

— Отчего вы думаете, что онъ хотѣлъ васъ оскорбить? Онъ и раньше жаловался мнѣ, что не хватаетъ комнатъ. А больныя все прибываютъ.

— А мнѣ какое дѣло? Пусть строятъ новое зданіе!

— Да вѣдь тѣ комнаты нисколько не хуже этихъ.

— Ахъ, голубка, не въ томъ дѣло! Вы Бѣгоцкаго не знаете. Тамъ даже лучше. Здѣсь чего стоитъ одно сосѣдство этой Горской съ полной комнатой студентовъ. Вы знаете, она влюбилась въ брата m-me Буличъ и теперь о мужѣ своемъ слышать не хочетъ. Да! А недѣли три тому назадъ, когда я ей сказала: Знаете, голубка, говорю, я отъ студентовъ слышала, да и отъ профессора, что вашъ мужъ виноватъ въ томъ, что вы хвораете. (Профессоръ даже его скотиной назвалъ, но я ей этого не передавала). А она такъ разсердилась на меня, вспыхнула и говоритъ: не думаю. И она меня, представьте, возненавидѣла до того, что мы кланяться перестали. Богъ съ ней! А теперь она сама не можетъ слышать имени своего мужа. И потомъ онѣ обѣ тамъ стонутъ, кричатъ, студенты поминутно шмыгаютъ мимо моей двери! Богъ знаетъ что!.. Понятно, мнѣ въ томъ корридорѣ было-бы спокойнѣе. Но мнѣ кажется, что я имѣю право сама просить о томъ, чтобы меня перевели туда, гдѣ мнѣ лучше, а не ждать, чтобы мнѣ приказывали, какъ горничной, переходить куда имъ вздумается. Согласитесь, это гадость, это низость, это такая мерзость!—Тусклые и томные глаза Семиной наполнились слезами, которыя она отерла и продолжала:—Тутъ вѣдь въ чемъ

все дѣло! Онъ знаетъ, что я безплатная. Будь я платной, никогда онъ не позволилъ-бы себѣ такой наглости. А онъ уже давно ищетъ насолить мнѣ. Онъ вѣдь и Горскую хотѣлъ было положить ко мнѣ въ комнату. Я ему сказала тогда: мы съ ней не кланяемся, и мы обѣ женщины нервныя. Если вы думаете, что намъ полезно быть вмѣстѣ... А сегодня я Ольгу Андреевну спросила: имѣетъ право вашъ Бѣгоцкій выгонять меня изъ моей комнаты? Она возмутилась, говоритъ: да что онъ тутъ за хозяинъ? Да вы скажите профессору. Я и сказала. А Бѣгоцкому я сейчасъ заявила, что я не перейду отсюда ни-ку-да! Черезъ двѣ недѣли,—раньше мнѣ неудобно,—черезъ двѣ недѣли я уѣду совсѣмъ и тогда, говорю, дѣлайте съ вашей комнатой, что хотите.—Я уже и мужу написала. Конечно, я ему ни слова не скажу объ оскорбленіи. Онъ человѣкъ горячій, и Бѣгоцкому плохо пришлось-бы! Но я не люблю ссорить людей. Я все въ себѣ таю. Богъ съ нимъ!

— Какіе у васъ духи?— неожиданно спросила ее Анна Сергѣевна.

— Glycis, голубка, Glycis... Это Roger Gallet... Tubéreuse Glycis.

— Какіе крѣпкіе!

— Неужели? А я совсѣмъ не слышу.

Семина снова глубоко вздохнула и, покачивая головой, начала медленно и патетически:

— И такъ, черезъ двѣ недѣли, черезъ двѣ недѣли я отсюда уѣду...

— Вотъ мы вмѣстѣ и уѣдемъ, — попробовала утѣшить ее Анна Сергѣевна.

— Да; только вы уѣдете съ какими-нибудь результатами, а я...— Она безнадежно махнула рукой.

— Отчего вы не рѣшаетесь на операцію?—съ участіемъ спросила Настасья Сергѣевна.

— Легко сказать!—Умереть боюсь. Въ мои годы, знаете, еще пожить хочется!

Настасья Сергѣевна брезгливо посмотрѣла на нее и оглянулась на Машу, которая прилежно рисовала у окна.

— А меня сегодня за то профессоръ порадовалъ,—начала Семина, оживляясь и играя атласными лентами своего пояса. — Подарилъ мнѣ свою карточку. Потомъ принесу вамъ показать. А я ему сувенирчикъ заказала; не знаю, хорошо-ли здѣсь сдѣлаютъ? Я ему вѣдь такъ обязана, такъ обязана!.. Гладкія матовыя запонки и по пяти камней на каждой: amethyste, diamant, opale, rubies, émeraude... Изъ начальныхъ буквъ выходитъ слово. Но онъ не обратитъ вниманія, конечно, не пойметъ!..

— Пойметъ,—успокоила ее Анна Сергѣевна и, переглянувшись съ сестрой, нетерпѣливо вздохнула. Семина замѣтила это и обидѣлась.

— До свиданья, голубка. Простите, я васъ заговорила, кажется. Всего, всего хорошаго. Je vous salue, madame.

— Какая несчастная!—сказала Настасья Сергѣевна, глядя ей въ слѣдъ.

— Да, она съ Ольгой Андреевной изводятъ меня своими сплетнями. Меня здѣсь совсѣмъ не романы интересуютъ, а успѣхи хирургіи. Удивительныя онъ дѣлаетъ операціи. Представь, приводятъ къ нему дѣвушку... Маша, выйди на минутку.

Маша привыкла уже къ этимъ высылкамъ, и чуть тетки оглядывались на нее, спѣшила выйти изъ комнаты. Теперь она прямо шла къ своимъ новымъ знакомымъ въ послѣднюю палату, въ сторонѣ отъ другихъ. Тамъ лежали только двѣ больныя: глухая старуха, больная ракомъ, и крестьянка хохлушка съ болѣзнью мочевого пузыря. Каждая больная распространяла свое зловоніе и несмотря на высоту и чистоту комнаты, воздухъ въ ней былъ тяжелый и смрадный. Обѣ больныя радовались появленію Маши, которая развлекала ихъ новостями и разсказами, писала за нихъ письма роднымъ и исполняла въ городѣ ихъ мелкія порученія. Маша полюбила обѣихъ, но особенно хохлушку, Оксану Ничипоровну Паливодыню. Маленькая, костлявая, съ истаявшимъ прозрачнымъ лицомъ, съ большими глазами и страдальческой улыбкой, Оксана стыдилась своей болѣзни и боялась операціи. Первые дни своего пребыванія въ клиникѣ она не переставая плакала, такъ жутко и тоскливо казалось ей въ непривычной обстановкѣ. Глухая старуха была неразговорчива и только стонала и охала отъ боли. Доктора и студенты, приходившіе разспрашивать о болѣзни, говорили быстро, строго и порусски, приводя ее въ трепетъ и смущеніе, тѣмъ болѣе, что и въ деревнѣ ей наговорили такъ много худого о клиникѣ. И хотя, разсказывая о себѣ Машѣ, она на каждомъ словѣ вставляла: «Дай Боже здоровья господамъ Кочубеямъ за то, что они меня сюда устроили», но тутъ же робко спрашивала: правда-ли, что въ случаѣ неудачной операціи, бѣдныхъ людей жертвуютъ въ аптеки, гдѣ изъ ихъ сала изготовляется вазелинъ? Ей такъ сказали въ деревнѣ.

Маша опровергала это и усердно разсказывала ей объ удачныхъ операціяхъ, объ искусствѣ и добротѣ просвѣщенныхъ докторовъ.

И когда Маша долго не шла къ нимъ, Оксана сама вставала и, громко шлепая туфлями, плелась по корридору; остановившись противъ двери комнаты Анны Сергѣевны, она издали кивала и улыбалась Машѣ.

Анна Сергѣевна понемножку поправлялась, хотя все еще лежала и все еще не могла шевелить лѣвой рукой. Бѣлецкій говорилъ, что это пройдетъ само собою, но предложилъ полечить руку электричествомъ.

А погода становилась все лучше и лучше. Въ комнатѣ Анны Сергѣевны уже отворяли окно, и радуясь теплу и солнцу, она говорила:

«Какъ хорошо должно быть теперь на дворѣ! Какъ мнѣ жаль бѣдную Машу, что она все сидитъ безъ воздуха. Вѣдь тебѣ должно быть здѣсь страшно скучно?»

Но Машѣ не было скучно. Ей нравилось въ клиникѣ; она перезнакомилась и подружилась съ больными, подружилась и съ двумя студентами, которые нравились ей гораздо больше, чѣмъ петербургскіе юристы, товарищи ея двоюроднаго брата Володи. Маша читала съ интересомъ медицинскія книги, которыя студенты забывали въ комнатѣ Анны Сергѣевны, и ее все больше и больше влекла къ себѣ ихъ профессія. Перевязывать раны, класть компрессы, поправлять подушки и подносить лѣкарства, все это такъ легко и просто и нужно. Когда Володя говорилъ ей, что римское право есть драгоцѣнная кристаллизація всесвѣтной гражданственной мудрости, это казалось ей не интереснымъ наборомъ словъ, а здѣсь все было такъ ясно: человѣку больно, надо помочь ему.

Кромѣ того, понемножку и незамѣтно ей сталъ нравиться Бѣгоцкій. И ей казалось такъ хорошо въ этихъ стѣнахъ, гдѣ всѣ его знали, любили и цѣнили. Всѣ, всѣ любили его здѣсь: и больныя, и сидѣлки, и студенты. Всѣмъ онъ былъ нуженъ и полезенъ.

Каждое утро Машѣ было весело ждать его появленія въ корридорѣ. Она узнавала его издали, не только по походкѣ, которая ей такъ нравилась, но какимъ-то особеннымъ чутьемъ. Если она сидѣла спиной къ двери, она чувствовала, что пора обернуться; если она читала или рисовала, она знала, что пора поднять глаза и, несмотря на свою близорукость, никогда не ошибалась.

И чѣмъ больше она его видѣла, тѣмъ полнѣе и радостнѣе былъ ея день, тѣмъ милѣе и понятнѣе были ей всѣ тѣ таинственныя, поэтическія рѣчи, которыя шептали ей облака, звѣзды, мѣсяцъ, соловьи и тополи, когда она теплымъ весеннимъ вечеромъ возвращалась къ себѣ въ гостинницу. А тетя Аня думала, что ей скучно.

Конечно, онъ не подозрѣвалъ ничего подобнаго. Боже сохрани! Еслибъ онъ зналъ, можетъ быть, ему было бы смѣшно или досадно. Еслибъ тетки знали, можетъ быть онѣ смѣялись бы надъ ней, какъ смѣялись надъ Семиной съ ея разговорами о профессорѣ? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ это очень смѣшно и очень дурно? Во всякомъ случаѣ, никто не будетъ смѣяться надъ Машей, потому что никто этого не узнаетъ. Онъ ей нравится не наружностью своей (хотя, конечно, ни у кого нѣтъ такой милой наружности), но своей искренностью, своей солидностью, а больше всего своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ больнымъ. Маша не можетъ не видѣть, что онъ и Елена Николаевна здѣсь дѣльнѣе, нужнѣе, полезнѣе всѣхъ. И такъ простъ, и такъ скроменъ при этомъ!

Маша не знаетъ, женатъ-ли онъ, но и не станетъ спрашивать объ этомъ. Что это мѣняетъ? Она — некрасивая, небогатая, неинтересная дѣвушка. Такую ли ему нужно? А самое лучшее—никакой. Мало его и такъ здѣсь любятъ!

Какъ-то утромъ Маша пришла одна къ Аннѣ Сергѣевнѣ и застала ее въ оживленной бесѣдѣ съ краснощекой Степанидой, главной сидѣлкой и правой рукой Елены Николаевны.

— Ты что-жь это одна? Настя нездорова?

— Нѣтъ, тетя, наконецъ, собралась сдѣлать визиты своимъ двумъ знакомымъ дамамъ. Она все откладывала это.

— А мы здѣсь со Степанидой разсуждаемъ о бракѣ. Жаль, что ты ея не слышала. Она ярая противница брака.

— Я не говорю вообще, — поправила ее Степанида. — Я говорю только, что я лично рѣшила никогда не вступать въ бракъ. Конечно, меня и не удовлетворилъ бы бракъ съ человѣкомъ простого званія. Разъ я здѣсь привыкла къ обществу студентовъ, къ разговорамъ людей интеллигентныхъ, ну, какой интересъ могу я найти въ жизни съ человѣкомъ безъ развитія, безъ образованія?

— Я совѣтую Степанидѣ держать экзаменъ на фельдшерицу, — сказала Анна Сергѣевна и прибавила:—Il paraît qu'elle est amoureuse de mon docteur.

Маша багрово покраснѣла и стала смотрѣть въ окно; но съ этой минуты она почувствовала большую симпатію къ толстой румяной Степаницѣ, которая, дѣйствительно, такъ же охотно говорила о докторѣ, какъ Маша слушала. Степанида разсказала имъ, что докторъ не женатъ и живетъ здѣсь со старушкой матерью; а сестра его въ Петербургѣ на курсахъ. Потомъ она разсказала, что когда въ клиникѣ много дѣла, когда есть трудно больные, то докторъ остается здѣсь ночевать. Тогда Степанида приготовляетъ ему постель въ кабинетѣ. И одинъ разъ онъ такъ долго разговаривалъ съ ней, что Елена Николаевна даже бранила ее, потому что, извѣстно, барышня все-таки старая дѣва, а Степанидѣ только лестно, если докторъ, человѣкъ интеллигентный и образованный, хочетъ съ нею побесѣдовать.

Каждый вечеръ Бѣгоцкій заходилъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ. Иногда онъ не шелъ такъ долго, что Маша начинала уже приходить въ уныніе. Чтобъ обмануть свое волненіе, она садилась рисовать и рисовала, не поднимая головы, до тѣхъ поръ, пока одна изъ тетокъ не говорила: «Кажется, Бѣгоцкій идетъ!» Онѣ принимались прибирать какой-то мнимый безпорядокъ, и Маша помогала имъ, отложивъ свой альбомъ и слыша безпокойные толчки своего сердца. Онъ входилъ въ комнату и спрашивалъ Анну Сергѣевну о ея здоровьѣ, всегда одинаково внимательно и добросовѣстно, не забывая ничего изъ прежняго, подсказывая ей ея

ощущенія. Потомъ онъ говорилъ съ Настасьей Сергѣевной, разсказывалъ о другихъ больныхъ и, посидѣвъ у нихъ немножко и озаривъ радостью этотъ уголокъ, шелъ дальше къ другимъ больнымъ: къ хорошенькой Горской, у которой продолжались нервные припадки, къ глухой старухѣ, къ Оксанѣ.

А Маша по уходѣ его долго сидѣла недвижно и сквозь свой счастливый бредъ смутно слышала знакомые голоса тетокъ, которыя припоминали что-нибудь изъ сказаннаго Бѣгоцкимъ. Что онъ сказалъ? Какъ онъ сказалъ? Маша вѣрно помнитъ; что значитъ молодая память! Потомъ сестры возвращались къ своимъ нескончаемымъ бесѣдамъ и спорамъ; а Маша садилась на подоконникъ и, устремивъ въ даль близорукіе каріе глаза, уносилась въ счастливыхъ смутныхъ грезахъ.

— Опять она цѣлый день безъ воздуха,—говорила съ сокрушеніемъ Анна Сергѣевна, ласково поглядывая на тоненькую фигуру племянницы, примостившейся на подоконникѣ.—Поди ты прогуляйся, пока не стемнѣло.

Маша покорно вставала, цѣловала тетку и уходила, думая: «Теперь ужъ онъ не придетъ». Въ швейцарской, отыскивая свою кофточку, она внимательно оглядывала вѣшалку. Его пальто уже не было. Стало быть, день былъ конченъ.

Съ наступленіемъ тепла ботаническій садъ ожилъ и оживился. Птицы, пчелы, дѣти и зубрящая молодежь оглашали его смѣхомъ, говоромъ, жужжаньемъ, щебетаньемъ и чириканьемъ. Все жило, все копошилось и радовалось въ солнечныхъ лучахъ. Садовникъ выносилъ изъ теплицы зимовавшія тамъ растенія и высаживалъ ихъ въ грунтъ. Няньки выводили на солнышко дѣтей, которыхъ кутали и прятали зимою. И цѣлый день дѣти эти, маленькіе, чуткіе, забавные, бѣгали тамъ, ползали, играли пескомъ, улыбались, прыгали, падали и плакали, возвращаясь къ юбкамъ нянюшекъ, которыя, сидя на скамейкахъ, добросовѣстно перемывали косточки своимъ господамъ.

Вечеромъ, когда садовникъ поливалъ цвѣты, а няньки уводили дѣтей, Маша входила въ садъ, гуляла по своимъ любимымъ дорожкамъ, поднималась въ гору и садилась на скамейку, съ которой всегда любовалась закатомъ. Вечерняя заря горѣла въ небѣ. Соловьи заливались и въ ближайшихъ и въ отдаленныхъ кустахъ. А сквозь густую зелень старыхъ деревьевъ видвѣлись розовыя стѣны клиники. И Маша радовалась близости этихъ стѣнъ, за которыми ей было такъ хорошо. А тетя Аня думала, что ей тамъ скучно!..

Время летѣло. Сестры поговаривали уже о выходѣ изъ клиники и радовались этому, что казалось Машѣ черной неблагодарностью; положимъ, тетю Аню тянуло къ дочери и внуку. Рѣшено было все-таки,

что по выходѣ изъ клиники Анна Сергѣевна проживетъ еще недѣльку въ Кіевѣ, чтобъ не пускаться въ путь слишкомъ слабой; къ тому же надо было еще полѣчить руку электричествомъ.

Въ Метрополѣ взяли еще одну комнату съ балкономъ на улицу, съ нарядной триповой мебелью. Прощанье Анны Сергѣевны съ больными, съ которыми она сжилась и сдружилась, было самое теплое. Маша тоже прощалась съ ними, какъ съ самыми близкими и дорогими родными. Семина, которая никуда не уѣхала и не собиралась уѣзжать, дала ей свою карточку въ бальномъ платьѣ, съ накинутой на голыя плечи тибетской ротондой. Хорошенькая Горская, похудѣвшая и еще похорошѣвшая, приподнялась на кровати, чтобъ поцѣловать Машу и пожелать ей всего хорошаго; а Оксана плакала, ловила ея руку, силясь поцѣловать ее и, тоскливо улыбаясь, говорила: «А мнѣ послѣ-завтра операція».

Перебрались въ Метрополь. Пріятельницы Настасьи Сергѣевны пріѣхали отдать ей визитъ и усердно звали къ себѣ Машу, желая познакомить ее съ кіевскимъ обществомъ, съ кіевскими развлеченіями. Но обѣ дамы показались Машѣ такими чуждыми, скучными, неестественными, что ей было пріятно, когда онѣ уѣхали. За то когда пришла къ нимъ Елена Николаевна, что это была за радость! Это былъ свой, настоящій, живой, интересный человѣкъ.

Самъ Бѣгоцкій приходилъ къ нимъ черезъ день вечеромъ и каждый разъ оставался пить чай. Это было еще лучше чѣмъ въ клиникѣ; здѣсь онъ былъ еще милѣе и проще; онъ даже шутилъ и смѣялся, чего раньше Маша почти не видѣла.

И когда онъ уходилъ, а въ комнату являлся лакей за самоваромъ и посудой, Маша шла на балконъ и долго, долго стояла тамъ, глядя на темный живописный городъ съ причудливо разбросанными вереницами сіяющихъ огней. Она не знала, гдѣ онъ живетъ, въ какую сторону пошелъ; Степанида не сказала ей этого. Ей казалось, что онъ еще и не ушелъ, что онъ гдѣ-то здѣсь, близко, близко, что сейчасъ онъ войдетъ, заговоритъ. Сердце не вѣрило его отсутствію.

Что же? Неужели это такъ и кончится? Неужели жизнь такъ жестока? Человѣкъ понравился, сердце привязалось къ нему, и вотъ все обрывается, кончается. Надо ѣхать. Что-жъ ей дѣлать. Сказать ему?.. Конечно, нѣтъ. Развѣ есть слова, которыми можно сказать это? Это скажется и безъ словъ, если только онъ захочетъ узнать... А не захочетъ? Ну, что-жъ дѣлать? Не захочетъ, такъ не захочетъ... Зачѣмъ онѣ сюда пріѣхали?

Недѣля пролетѣла какъ мигъ. Зять Анны Сергѣевны пріѣхалъ за ней изъ деревни. Наканунѣ ихъ отъѣзда изъ Кіева Бѣгоцкій пришелъ къ нимъ въ послѣдній разъ. Маша очень волновалась и не могла себѣ представить, что это послѣдній разъ и что она больше не увидитъ его.

— Ну, что новенькаго у васъ въ клиникѣ?—спросила Бѣгоцкаго Анна Сергѣевна, когда вечеромъ всѣ собрались у самовара.—Что Горская? поправилась? уѣхала?

— Поправилась и уѣхала. Уѣхала вмѣстѣ съ m-me Буличъ къ ней въ деревню, а о мужѣ своемъ и слышать не хочетъ. Съ нимъ все кончено, и какъ только выйдетъ разводъ, она сдѣлается женой брата m-me Буличъ.

— Бѣдный мужъ!—сказала Настасья Сергѣевна.

— Говорятъ: страшный мерзавецъ!

— Все равно.—И Настасья Сергѣевна стала осуждать Горскую, находя ее легкомысленной.

Бѣгоцкій и Анна Сергѣевна возражали ей:

— Что-жъ тутъ дурного? Чѣмъ она виновата? Она молода и еще можетъ быть счастливой; для чего ей губить свою жизнь? Бѣдняжка вышла замужъ такой молодой и неопытной и четыре года не знала ничего, кромѣ физическихъ и нравственныхъ страданій. Дайте ей возможность загладить ея ошибку.

— Это вы называете загладить ошибку?—ужаснулась Настасья Сергѣевна.—Да Богъ съ вами! Она теперь дѣлаетъ ошибку, которой никогда и ничѣмъ не загладитъ.

Почему? Бѣгоцкій не видѣлъ ничего дурного въ разводѣ. Это единственный разумный исходъ при несчастномъ бракѣ.

Настасья Сергѣевна не могла съ этимъ согласиться, и поднялся горячій споръ, въ которомъ одна Маша не принимала участія.

— Ну, извините,—кричала, захлебываясь, Настасья Сергѣевна.—По моему или есть бракъ, или его нѣтъ. А если есть бракъ, не должно быть развода. Помилуйте, какъ я могу допустить извѣстную близость съ человѣкомъ и потомъ уйти отъ него, перестать заботиться о немъ, отойти отъ него, можетъ быть,—страшно выговорить,—перейти къ другому?! Да это гадко, беззаконно, неестественно и безнравственно, и твоя Горская поступаетъ безнравственно.

— Позволь. Ея первый бракъ былъ ошибкой.

— А второй не «будетъ ошибкой»?

— Не думаю, сказалъ Бѣгоцкій. Они удивительно подходятъ другъ къ другу. Они созданы другъ для друга.

— Это всегда такъ кажется, пока люди влюблены. Видала я подходящія пары, которыя начинали потомъ искать еще болѣе подходящее. Не понимаю только, истинно не понимаю: что толку мѣнять мужей? Вѣдь все равно, будетъ опять то же самое: тѣ же дѣти, тѣ же обязанности...

— Позволь, однако; вѣдь тутъ все дѣло въ симпатіи. Иначе можно бы выходить за каждаго встрѣчнаго...

— Да большинство такъ и дѣлаетъ.

— Ну и чтожъ тутъ хорошаго? И еслибъ Маша это сдѣлала, ты первая огорчилась бы. А еслибъ Маша была несчастна, повѣрь, ты не находила-бы, что она не имѣетъ права уйти отъ своего мужа.

— Да что ты, Анна, съ ужасомъ воскликнула Настасья Сергѣевна.— Конечно, я находила бы, что она не имѣетъ права уйти, что она *должна* сдѣлаться однимъ человѣкомъ съ нимъ, жить одной жизнью съ нимъ...

— До гробовой доски?

— До гробовой доски.

— Да во имя чего?

— Во имя долга и религіи. Наконецъ, просто потому, что иначе гадко. Такъ люди и ничего не захотятъ терпѣть; а развѣ это по-христіански?

— Поди пожалуйста; это жестоко и нелѣпо. По твоему женщина раба, вещь, не человѣкъ, не свободная душа...

— Человѣкъ, а не вещь, и потому имѣетъ обязанности и должна быть вѣрной.

— Чему?

— Не чему, а кому: мужу своему. А ты говоришь такія вещи при Машѣ...

— Какія такія вещи?.. Я говорю то, что думаю, какъ и ты... Я ей не навязываю своего мнѣнія; я только высказываю его. Я нахожу, что женщина должна жить по своей совѣсти и стоять на своихъ ногахъ, отвѣчая за свои вины и ошибки. Право, это лучше, чѣмъ всю жизнь лгать и втихомолку жаловаться, да съ видомъ жертвы валить свои вины на другого. Любишь человѣка—люби его, слѣдуй влеченію своего сердца,— увидишь, что ошиблась, что онъ не стоитъ, не цѣнитъ тебя—уйди отъ него. На насъ Богомъ возложено святое дѣло материнства, и мы должны помнить объ этомъ и ограждать себя отъ насилія, отъ обидъ и притѣсненій. Въ нашемъ лицѣ обижаютъ будущія поколѣнія. Если Маша будетъ несчастна...

— Ну, извини! Пусть лучше меня обижаютъ, чѣмъ я стану обижать. Не то меня унижаетъ, что ко мнѣ несправедливо относятся, а то, что я сама дѣлаю дурного. Прежде всего сами-то мы должны оставаться безупречными. Если Маша будетъ несчастна...

— Не поссорьтесь изъ-за Машинаго несчастья,—сказалъ мужъ Лили,—во всякомъ случаѣ, это преждевременно. Ну, а ты сама, Маша, что скажешь? Что бы ты сдѣлала, еслибъ чувствовала себя несчастной?

— Не знаю,—сказала Маша, улыбаясь и наливая стаканъ Бѣгоцкаго.—Вѣроятно молчала бы, какъ молчу теперь.

— Тетя Настя, ну, а еслибъ у Машинаго мужа сдѣлалась чахотка?

— Или проказа?—сказала Маша.

— Ну, вы шутите, а я не шутя говорю; любишь человѣка, такъ люби его и съ чахоткой, и съ проказой...

— Н-н-н-у... процѣдилъ Бѣгоцкій.

— Тогда, чтобъ быть послѣдовательной, надо за мужемъ идти на костеръ.

— Чтожъ, и прекрасный былъ обычай, прекрасный для язычниковъ. Христіанкѣ незачѣмъ лишать себя жизни, ей достаточно умереть для міра,—сказала Настасья Сергѣевна, давно про себя рѣшившая, что если ея любимый мужъ умретъ раньше ея, то она займется добрыми дѣлами, что и теперь ей было-бы очень пріятно, но на что у нея рѣшительно нѣтъ времени.

— А я нахожу,—упрямо возразила Анна Сергѣевна,—что нетолько физическія болѣзни и уродства даютъ право на разводъ, но и нравственныя уродства, недостатки и пороки. Помилуй, за что я буду передавать моимъ несчастнымъ дѣтямъ пороки, которые мнѣ отвратительны...

— Хорошо. Но кто-же васъ разсудитъ: ты будешь находить пороки въ немъ, а онъ въ тебѣ; ты его считаешь дурнымъ и виноватымъ, а онъ...

— Ну, душа моя, позволь, я тебѣ скажу короче общее правило. Кто доволенъ своимъ мужемъ или женой, тотъ всегда будетъ противъ развода, за долгъ, за вѣрность и т. п. Ну, а кто знаетъ, что значитъ несчастный бракъ, тотъ не станетъ говорить, что если человѣкъ тонетъ и увидитъ плывущую доску, то не имѣетъ права протянуть къ ней руки.

— Однако, ты сама не развелась,—хотѣла было сказать Настасья Сергѣевна, но вспомнивъ, что въ комнатѣ есть посторонній человѣкъ, Бѣгоцкій, поправилась и сказала:—Однако мы видимъ, что хорошія женщины не разводятся.

— И неизвѣстно еще: правы-ли онѣ?—съ раздраженіемъ сказала Анна Сергѣевна.

— Знаете, Настасья Сергѣевна,—началъ Бѣгоцкій, — бываютъ въ жизни жертвы совсѣмъ безполезныя. Я знлъ одну молодую дѣвушку, которая вышла замужъ за старика, прожила съ нимъ восемь лѣтъ и оба были очень несчастны. Наконецъ, они разошлись. Она ожила, поздоровѣла, поправилась. Черезъ три года издали въ театрѣ увидѣла своего мужа и потомъ говорила моей матери: «Я смотрѣла на него въ театрѣ и думала: чего мы другъ друга мучили столько времени, когда обоимъ намъ теперь гораздо лучше?—И представьте, что если мужъ Горской дѣйствительно такой негодяй, какъ о немъ говорятъ,—сдѣлаетъ-ли его сколько-нибудь лучше то обстоятельство, что бѣдняжка зачахнетъ подлѣ него, не нарушивъ вѣрности? Зачѣмъ? Останься она съ нимъ, всѣ трое будутъ несчастны; а теперь всѣмъ будетъ лучше.

— Ну, не знаю,—сказала Настасья Сергѣевна.—Я на ея мѣстѣ не могла бы быть счастливой. Знать, что такъ обидѣла человѣка...

— Да почему ты знаешь? Можетъ быть, и для мужа это къ лучшему.

— А вспомни, что сказано въ Евангеліи: кто разведется... Tu n'as pas de religion.

— Да напротивъ...

И всѣ стали кричать разомъ, не слушая другъ друга:

— Да какая цѣль брака?..—Дѣторожденіе?—Кто сказалъ?..—Говорятъ: дѣторожденіе, а потомъ нужны войны для истребленія людей. Какая нелѣпость!—Если мы будемъ повторять всѣ нелѣпости!..—Отчего нелѣпо то, что я говорю, и не нелѣпо то, что ты говоришь?..—Да я вовсе не хочу сказать тебѣ что-нибудь непріятное.—Чего же ты сердишься?—Ахъ, поди пожалуйста, гдѣ же я сержусь?..—Это ты сердишься!..—Позвольте, отчего-же мы всѣ осуждаемъ Анну Каренину и восхищаемся Татьяной Пушкина, Анелькой Сенкевича?..

— Никогда я не осуждала Анны Карениной.

— Однако, ты не находишь ея правой?

— И виноватой не нахожу. У тебя совсѣмъ чувства нѣтъ... И жалости нѣтъ...

— Ну, позволь... Тогда чтожъ намъ и разговаривать?

Настасья Сергѣевна совсѣмъ разсердилась. Она вдругъ почувствовала себя одинокой, нелюбимой и непонятой, и ей страшно захотѣлось поскорѣе домой, къ мужу, который любилъ, цѣнилъ и понималъ ее (она забыла, что при несогласіяхъ съ нимъ ей всегда казалось, что съ сестрой у нея полное сочувствіе и пониманіе).

На столѣ тихо шипѣлъ самоваръ, а на дворѣ шумѣлъ весенній дождь. Мужчины курили, улыбаясь горячности дамъ. Маша полоскала чашки и съ удивленіемъ смотрѣла на тетокъ. Чего онѣ такъ кричатъ и волнуются? Еслибъ въ разводѣ не было ничего дурного, то никому не приходило-бы въ голову говорить объ этомъ. Хорошее не нуждается въ защитѣ. А главное, что имъ-то до того, разводится Горская или нѣтъ? Не все имъ равно? Машѣ казалось, что онѣ оттого такъ ожесточенно кричатъ и спорятъ, что для нихъ безвозвратно прошло все лучшее, свѣтлое и радостное, что можетъ дать жизнь на землѣ, и ей было жаль ихъ. Она чувствовала себя такой счастливой, сидя за однимъ столомъ съ Бѣгоцкимъ, а онѣ, бѣдныя, только спорили и кричали.

Бѣгоцкій хотѣлъ-было уже откланяться, но Маша отворила дверь на балконъ и вынесла туда букеты ландышей на дождь, который долженъ былъ задержать у нихъ гостя.

— Проливной дождь,—сказала она, возвращаясь въ комнату, и всѣ накинулись на доктора.—Что вы? Куда вы? Переждите. У васъ нѣтъ даже и зонтика.

Онъ остался и просидѣлъ у нихъ весь вечеръ. Сѣли ужинать. За

ужиномъ уже не спорили. Мужъ Лили разсказывалъ анекдоты, которымъ всѣ смѣялись; сестры, перебивая одна другую, припоминали смѣшные эпизоды изъ своей молодости. Анна Сергѣевна стала разсказывать доктору о талантѣ Маши и хотѣла показать ему ея рисунки, но Маша воспротивилась этому, искренно находя ихъ отвратительными.

— Засидѣлся-же я у васъ сегодня,—сказалъ Бѣгоцкій, вставая уже въ первомъ часу.—А вамъ пора ложиться спать передъ дорогой. Ну-съ, позвольте вамъ пожелать...

Анна Сергѣевна вскочила и поспѣшно вышла въ сосѣднюю комнату (всѣ поняли, что за деньгами). Осторожно сунувъ ихъ ему въ кулакъ, пока онъ цѣловалъ ея руку, она стала горячо благодарить его, увѣряя, что навсегда сохранитъ самыя пріятныя воспоминанія о клиникѣ.

На слѣдующее утро дамы проводили Анну Сергѣевну, которая уѣхала съ зятемъ въ деревню доканчивать свое излѣченіе.

— Вотъ мы съ тобой и осиротѣли,—сказала Настасья Сергѣевна, возвращаясь въ Метрополь.—Какъ мнѣ не достаетъ теперь Анны! Я думаю, и ей безъ меня скучно. Увидимся-ли мы еще?.. Обѣ не молодѣемъ. И теперь такъ много умираютъ скоропостижно.

Послѣ обѣда Настасья Сергѣевна, плохо спавшая ночь, легла отдохнуть, а Маша пошла въ Ботаническій садъ еще разъ взглянуть на свои любимыя дорожки и проститься съ ними.

Она прошла мимо клиники. Швейцаръ, сложивъ на груди руки, сидѣлъ на табуреткѣ у подъѣзда, наслаждаясь хорошей погодой. Онъ дружелюбно привѣтствовалъ Машу.

— Какъ тетенька? Поправляются-ли?

— Тетя ужъ уѣхала. И мы завтра ѣдемъ.

— Погостили бы у насъ еще. У насъ теперь хорошо.

«Еще-бы не хорошо!»—подумала Маша и вздохнувъ, вошла въ садъ.

Былъ праздничный день, и садъ былъ полонъ гуляющихъ. По главной аллеѣ тѣсно двигалась взадъ и впередъ пестрая толпа. Пробираясь въ ней, Маша наткнулась на двухъ нарядныхъ дамъ съ двумя сопровождающими ихъ штатскими.

Одинъ изъ нихъ былъ Бѣгоцкій. Онъ узналъ Машу, приподнялъ шляпу и улыбнулся ей, какъ ей показалось, насмѣшливо. Маша покраснѣла и чуть не выронила изъ рукъ альбома. Конечно, она была рада его видѣть. Но эти дамы! Что это за дамы? Она не успѣла разглядѣть ихъ, замѣтила только, что обѣ модно и нарядно одѣты, и что у одной изъ нихъ красный зонтикъ, а у другой—crême съ кружевомъ.

Машѣ вдругъ стало невыносимо грустно и тоскливо. Ей показалось, что всѣмъ на свѣтѣ хорошо и радостно, только она одна несчастна и одинока. Птицы щебетали такъ живо и весело, все кругомъ смотрѣло

такъ свѣтло и празднично, а ей щемило сердце все больнѣе и больнѣе. Ей хотѣлось и заплакать, и убѣжать куда-нибудь и спрятаться. Торопливо и взволнованно она стала спускаться съ одной горы, поднялась на другую, избѣгая дорожекъ, прямо по травѣ, все углубляясь и углубляясь въ зеленую чащу. Когда она, наконецъ, оглянулась, кругомъ не было ни души. Густая стѣна зелени стояла между нею и ближайшей дорожкой. Маша опустилась на траву, бросила альбомъ и невольно поднесла къ глазамъ кулакъ въ шведской перчаткѣ. На перчатку закапали слезы. Маша увидѣла ихъ и улыбнулась. Ей стало и смѣшно и стыдно. Точно Семина! Неужели она такая-же глупая? Конечно, глупая! Отчего это всѣ другія влюбленныя всегда кажутся такими смѣшными и противными, а себѣ, небось, все спускаешь? Нѣтъ, не надо, не надо этого, стыдно! И о чемъ плакать?.. Вѣдь, можетъ быть, это все вздоръ и пустяки и пройдетъ, какъ пройдетъ эта весна съ ея соловьями и черемухой?.. Маша закинула голову и стала смотрѣть вверхъ. Яркія, ослѣпительно-бѣлыя облака тихо плыли по голубому небу, мѣняясь и вытягиваясь, какъ-бы говоря о томъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего постояннаго, что одно мгновенье не похоже на другое, что незамѣтно, неуловимо все проходитъ, проходитъ, мѣняется... Сильный запахъ черемухи заставилъ Машу оглянуться. Въ двухъ шагахъ отъ нея, вокругъ большого дерева, сплошь осыпаннаго цвѣтомъ, гудѣли и кружились пчелы. И черемуха была не бѣлая, а розовая. Только въ Кіевѣ могли быть такія чудеса! Маша заглядѣлась на это красивое дерево, которое казалось ей живымъ, неожиданно вставшимъ передъ ней другомъ. Потомъ, несмотря на запрещеніе, она сорвала съ него вѣтку, чтобъ показать ее тетѣ Настѣ, которая тоже навѣрное не видывала розовой черемухи, и нѣсколько успокоившись, пошла дальше, къ своей любимой скамейкѣ на горѣ.

Тамъ было совсѣмъ тихо и уединенно. Маша сѣла на скамейку. Ярко-голубые купола храма святого Владиміра вставали передъ ней изъ моря зелени. Маша вспомнила, что въ альбомѣ ея, полномъ видовъ Кіева, нѣтъ еще этого храма. А отсюда онъ былъ гораздо красивѣе, чѣмъ съ площади. И радуясь этому, Маша вынула карандашъ и принялась рисовать, твердо рѣшивъ не думать больше о Бѣгоцкомъ.

Соловьи уже пощелкивали, принимаясь за свои вечернія пѣсни. Гуляющихъ въ этой части сада было мало. Прошелъ некрасивый сутуловатый студентъ, уткнувшій носъ въ книгу, и проходя мимо Маши, метнулъ на нее не то глубокомысленный, не то мечтательный взглядъ. За нимъ пробѣжалъ, посвистывая, другой студентъ, фатоватый и съ закрученными усиками, съ моноклемъ, для удержанія котораго онъ высоко закидывалъ голову. Промчалась ватага красныхъ веселыхъ гимназистовъ. Они подпрыгивали, боролись, бросали другъ въ друга книгами

и фуражками, декламировали что-то молодыми ломающимися голосами и поминутно разражались веселымъ безпричиннымъ хохотомъ.

Поднялась въ гору старушка, страдающая одышкой, и сѣла на скамейку, подлѣ Маши.

Маша твердо рѣшила не думать больше о Бѣгоцкомъ; но при видѣ старушки фантазія ея заработала. А что если это его мать; та самая счастливая мать, о которой Маша давно уже думала съ такимъ благоговѣніемъ, съ такой любовью! И вдругъ сейчасъ она заговоритъ съ ней, все откроется, онѣ поймутъ другъ друга. Старушка съ любопытствомъ разсматривала Машу, ея шляпку, платье, ботинки, альбомъ и рисунокъ, потомъ заговорила съ ней. Маша, не переставая рисовать, вѣжливо отвѣчала на ея вопросы и поспѣшила разсказать ей о клиникѣ и о Бѣгоцкомъ. Увы! старушка не знала его и стала разсказывать Машѣ о докторѣ Рагульскомъ, лѣчившемъ ее отъ ревматизма. Маша была разочарована, но подумала:

— Ну-что жь, это не его мать; но вѣдь можетъ зайти сюда и его мать. Отчего ей не быть здѣсь въ такой чудный вечеръ! Онъ, небось, здѣсь со своими дамами!..

Машѣ казалось, что она гораздо, гораздо больше любитъ эту почтенную, достойную мать, чѣмъ его...

А пока она мечтала о его матери, Бѣгоцкій самъ поднялся въ гору и неожиданно выросъ передъ ней изъ земли.

— Вотъ вы куда забрались?—весело сказалъ онъ, пожимая ея руку.— А я удивился, встрѣтивъ васъ. Я думалъ, вы уже уѣхали. Такъ вы остаетесь еще?

— Только до завтра,—сказала Маша, смотря на него взволнованными, радостными глазами.

Старушка поглядѣла на обоихъ съ любопытствомъ, потомъ встала и, ласково простившись съ Машей, поплелась дальше, уступивъ свое мѣсто Бѣгоцкому.

Они остались вдвоемъ.

— Вотъ видите; вчера вы не хотѣли показать мнѣ своихъ рисунковъ; вотъ вамъ и наказанье,—сказалъ онъ, безцеремонно завладѣвая ея альбомомъ и усаживаясь подлѣ нея.—Вчера я былъ-бы снисходителенъ, ради тетушекъ; а сегодня буду критиковать безъ пощады... Бульваръ и клиника... Софійскій соборъ... Да какъ вы славно рисуете!

— Это-то безпощадная критика!

— Нѣтъ, безъ шутокъ, какъ хорошо! Я не ожидалъ. Я думалъ: вы просто, какъ барышня рисуете, а вы—мастеръ.

Маша, улыбаясь, слушала и почти не слышала его. А онъ переворачивалъ страницы и передъ глазами ихъ проходили поэтическія картинки, знакомые виды Кіева, группы богомолокъ, монахи и нищіе,

Аскольдова могила, видъ на Днѣпръ съ высокаго Царскаго сада, воздушная Андреевская церковь и видъ на Подолъ съ ея площадки.

— Когда вы успѣли столько нарисовать? Вы все время были въ клиникѣ?

— Да я и тамъ рисовала.

— Ну, тамъ вы больныхъ утѣшали. Васъ до сихъ поръ оплакиваютъ.

— Да?—И вспомнивъ о своей Оксанѣ, Маша спросила, что она?

Плохо бѣдной Оксанѣ; операція ей не удалась, придется повторить. А она такъ слаба и истощена, что это можетъ плохо кончиться.—И неужели нельзя помочь ей?—Трудно.—Бѣдная, жалкая, одинокая Оксана! У Маши сжалось сердце. Онъ тоже жалѣлъ больную; еще бы! онъ такой добрый! Машѣ казалось, что еслибъ она просила Бога создать ей человѣка, въ которомъ было бы все, что она цѣнитъ и любитъ, все, что ей нравится, то Онъ могъ бы создать только Бѣгоцкаго.

Пересмотрѣвъ альбомъ и расхваливъ ея рисунки, Бѣгоцкій заговорилъ о Шейнѣ и о клиникѣ; и слушая его, Маша съ радостью отмѣчала, что онъ говоритъ съ ней совсѣмъ не такъ, какъ съ тетками. Онъ говоритъ о себѣ, о томъ, чѣмъ онъ намѣренъ заниматься въ будущемъ году, о перемѣнахъ въ клиникѣ. Конечно, онъ чувствуетъ, что такъ и надо, что чѣмъ больше онъ будетъ говорить о себѣ, тѣмъ лучше, такъ какъ для нея не можетъ быть ничего интереснѣе этого.

Въ саду было хорошо, какъ въ раю. Изрѣдка проходили мимо люди и какъ сквозь сонъ Маша слышала чьи-то шаги, чьи-то голоса; ей казалось, что это тѣни.

Солнце садилось, золотя горизонтъ. Бѣлыя облака стали розовыми, потомъ лиловыми и темно-синими и все темнѣли по мѣрѣ того, какъ свѣтлѣло небо.

— А хорошо вѣдь здѣсь,—сказалъ Бѣгоцкій,—у васъ въ Петербургѣ небось нѣтъ такого сада.

— Еще бы! Развѣ въ Петербургѣ есть что нибудь хорошее? Такъ обидно уѣзжать именно теперь, когда здѣсь такъ хорошо; въ Петербургѣ теперь особенно скверно; а Кіевъ!.. Маша не видала города красивѣе. Здѣсь все необыкновенно! Она показала ему вѣтку розовой черемухи. Никогда и нигдѣ не видала она такой черемухи.

— И я не видалъ,—сказалъ Бѣгоцкій, разглядывая вѣтку.—гдѣ это вы нашли?

— Здѣсь въ саду. Большое дерево и все въ цвѣту. Хотите, я вамъ покажу?

Они пошли искать черемуху, но по дорогѣ Маша забыла, зачѣмъ пошла. И разговаривая, они обошли кругомъ весь садъ. Оказалось, что имъ не только есть о чемъ поговорить, но что имъ очень легко гово-

рится, и что ему вовсе не скучно съ ней. Чего же она раньше такъ робѣла, такъ боялась? О глупая, глупая!.. Они вышли изъ сада, прошли мимо клиники и вмѣстѣ дошли до гостинницы. Все было прекрасно, и Машѣ не вѣрилось, что въ самомъ разгарѣ такого счастья надо прощаться. А надо было прощаться, потому что они были уже у подъѣзда. Они пожали другъ другу руки, пожелали другъ другу всего хорошаго и разошлись. Маша невольно сейчасъ же оглянулась и увидѣла, что и онъ оглянулся; и не только оглянулся, но и шелъ къ ней.

— Чуть было не унесъ вашей черемухи,—сказалъ онъ, возвращая ей розовую вѣтку.

Маша поблагодарила, хотѣла сказать ему еще что-то, но не находила словъ. И они молча стояли другъ противъ друга. Онъ все теплѣе и ласковѣе пожималъ ея руку, точно утѣшая ее въ чемъ-то, и готовая зарыдать Маша рѣшила, что если теперь онъ пойдетъ и еще разъ оглянется, то она просто побѣжитъ къ нему и все, все скажетъ ему. Только бы онъ оглянулся; тамъ будетъ что будетъ, но она скажетъ. Вѣдь не убьетъ же онъ ее за это. Чтожъ такое?.. Ну, пусть онъ только оглянется! пусть только оглянется! И они еще разъ пожелали другъ другу всего хорошаго, еще разъ простились и разстались. Но онъ не оглядывался и быстро уходилъ отъ нея.

А швейцаръ гостинницы уже распахнулъ передъ ней дверь.

Какой рѣзкій переходъ отъ тихаго поэтическаго вечера, отъ душистаго ботаническаго сада съ его соловьями и черемухой къ этой гадкой пыльной швейцарской съ запахомъ керосина и кухни. Въ раскрытыя двери ресторана виднѣлись шмыгающіе съ кушаньемъ лакеи, раздавался звонъ посуды, стукъ ножей и вилокъ; ближе звенѣли электрическіе звонки; кто-то говорилъ въ телефонъ. Свѣтъ лампъ непріятно рѣзалъ Машѣ глаза. Она стала подниматься по лѣстницѣ съ триповой рампой, съ пыльнымъ ковромъ, прикрытымъ затоптаннымъ половикомъ. Толстый приличный старикъ, съ тщательно расчесанными сѣдыми бакенбардами спускался навстрѣчу Машѣ. Онъ вѣжливо посторонился, давая ей дорогу и не безъ аппетита скользнулъ взглядомъ по ея разгорѣвшимся щекамъ и блестящимъ глазамъ.

Дверь номера показалась Машѣ тяжелой и непріятной, точно за ней было горе. Она не сразу рѣшилась отворить ее. О, эта пустая, скучная комната!

Все, все стало чуждо, больно и гадко, только вѣтка черемухи сохраняла еще что-то родное и милое.

— Нагулялась?—спросила Настасья Сергѣевна, уже раздѣтая, въ ночной кофточкѣ и съ закрученными на ночь косичками. Она сидѣла у стола, среди уложенныхъ вещей и раскладывала пасьянсъ.

— А я почти все ужъ уложила, кромѣ мелочи. Завтра меньше суеты будетъ.

— Посмотрите, тетя, какая черемуха, совсѣмъ розовая...

— Странно! Гдѣ это ты нашла?

— Въ ботаническомъ саду. Я встрѣтила тамъ Бѣгоцкаго. Онъ вамъ кланяется — сказала Маша, наливая въ вазочку воды для черемухи.

— А!—равнодушно отозвалась Настасья Сергѣевна. — А ты чего на ужинъ хочешь? Я спрошу яичницы. Позвони, пожалуйста!

Послѣ ужина, до котораго Маша не дотронулась, она стала укладывать свои вещи. Она перебирала ихъ машинально, не замѣчая присутствія тетки, которая около нея двигалась, мылась, молилась и ложилась спать.

Нѣжность, грусть и радость составляли какой-то туманъ, застилающій отъ нея все существующее. И опять ей казалось, что Бѣгоцкій здѣсь съ нею, что онъ близко, что сейчасъ онъ войдетъ, заговоритъ и опять все будетъ хорошо. Маша легла спать, но спать не могла и не хотѣла. Ей было хорошо не спать и лежать въ темнотѣ и тишинѣ, думая о немъ. Какъ же теперь она будетъ жить? Неужели она не будетъ ничего знать о немъ? Неужели ей не удастся ничего сдѣлать для него? Ну, будетъ что будетъ; а все же у нея были здѣсь дни счастья, которыхъ у нея никто не отниметъ. Можетъ быть, теперь ей будетъ очень тяжело; но что же дѣлать? Теперь ужъ этого не передѣлаешь, ужъ назадъ не оторвешь сердца. Это ничего; сколько на свѣтѣ несчастныхъ людей, которымъ куда тяжелѣе! И передъ ней вставалъ жалкій образъ мертвенно блѣдной и худой Оксаны съ оскаленными зубами съ страдальческой улыбкой. Стало свѣтать. Маша встала и сѣла писать письмо Оксанѣ. Она написала ей о своемъ отъѣздѣ, подбодряла ее въ виду предстоящей ей второй операціи и осыпала ее всѣми ласковыми словами, какія только приходили ей въ голову. Вложивъ въ конвертъ денегъ, она заклеила конвертъ, надписала адресъ и, накинувъ на плечи сверхъ ночной кофточки свой дорожный плэдъ, вышла на балконъ.

Кіевъ дремалъ еще, и въ полумглѣ мѣсяцъ казался Машѣ особенно яркимъ, страннымъ и назойливымъ. Онъ точно говорилъ съ ней и заглядывалъ ей въ глаза и въ сердце и спрашивалъ о чемъ-то. Небо тоже казалось новымъ и страннымъ; странной казалась и эта тишина не проснувшагося утра. Но она была по сердцу Машѣ, которая чувствовала, что и Бѣгоцкій, и Оксана гдѣ-то близко, что покойная мать ея близко, что Богъ близко и что близка какая-то другая, совсѣмъ, совсѣмъ другая свѣтлая, блаженная жизнь. Маша чувствовала, что никогда въ жизни не забудетъ она этого утра, этой ночи, этого разсвѣта, этого мѣсяца, который все назойливѣй и назойливѣй смотрѣлъ ей въ

сердце. По щекамъ ея свободно и неудержимо лились обильныя слезы. Ей не было ни больно, ни страшно, ни грустно; напротивъ, ей было совсѣмъ хорошо; но все лицо ея было мокро отъ слезъ, о которыхъ она не думала и которыхъ не отирала... Такъ вотъ это какъ! Вотъ какъ бываетъ на землѣ. Ну, что-жъ, она рада!.. Рада и тому, что никто, никто изъ живыхъ существъ не видитъ ея. Такъ лучше, такъ совсѣмъ хорошо.

И не шевелясь и кутаясь въ плэдъ, Маша сидѣла на балконѣ, пока небо не заалѣло чудесной зарею, какой она тоже не видала никогда въ жизни. А когда утренній вѣтерокъ заколыхалъ верхушки тополей и проснувшіяся птицы суетливо закружились въ воздухѣ, отрывисто и громко чирикая, она вернулась въ комнату, зѣвая и потягиваясь. Но на душѣ было все такъ-же хорошо и, проходя мимо вазочки съ черемухой, Маша наклонилась надъ душистой вѣткой и поцѣловала ее. Потомъ, не раздѣваясь, она легла въ кровать и скоро заснула. Во снѣ Маша видѣла Шейна и Степаниду; а когда она открыла глаза, Настасья Сергѣевна уже стучала педалью умывальника и плескалась, намыливъ себѣ шею.

Было ясное майское утро и крестъ святой Софіи ярко блестѣлъ на солнцѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ онѣ уже сидѣли въ дамскомъ купэ, окруженныя своимъ багажемъ. Настасья Сергѣевна накупила пропасть подарковъ и мужу, и сыну, и прислугѣ, и теперь озабоченно поглядывала на верхнюю сѣтку, пересчитывая глазами свои пакеты, тюки и коробки. А Маша мысленно переносилась въ клинику. Всѣ онѣ тамъ теперь счастливыя, видятъ его, можетъ быть, говорятъ съ нимъ... Утромъ Оксана получила ея письмо и теперь, вѣроятно, уже передала ему ея поклонъ. Альбомъ Маши, увязанный въ холщевой чехолъ, лежалъ подлѣ нея на диванѣ и въ немъ, на страницѣ недоконченнаго рисунка, заложена была вѣтка черемухи, которую Маша увозила съ собой въ Петербургъ.

Рѣзкій звонокъ, рѣзкій свистокъ, и вагоны тронулись, покатились и застучали. Замелькали дома и казармы, запестрѣли монастыри и церкви. Вотъ и мостъ, и рѣка, вотъ и лавра, раскинувшаяся на высокомъ живописномъ берегу.

Настасья Сергѣевна набожно крестится, благодаря Бога за благополучный исходъ операціи, а Маша глядитъ на холодныя, желтоватыя волны, и глаза ея застилаются слезами. Неужели это такъ и кончится?

В. Микуличъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Мицкевичъ и русское общество.

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями. Онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь. Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта.

Пушкинъ о Мицкевичѣ.

Странно звучатъ эти стихи въ наше время слѣпой и узкой злобы. По поводу строющагося теперь памятника въ Варшавѣ, въ обществѣ и печати снова заговорили о великомъ польскомъ поэтѣ, но уже не такъ, какъ говорилъ о немъ Пушкинъ. Его имя за послѣднее время встрѣчается часто въ нѣкоторой части нашей печати, окруженное, однако, не ореоломъ славы, какъ говорили въ доброе старое время, а ореоломъ злобы. Его изображаютъ врагомъ русскаго народа и постановка ему памятника въ Варшавѣ считается какъ-бы нѣкоторой враждебной манифестаціей противъ Россіи. При этомъ, съ апломбомъ и храбростію, достойными лучшей доли, эта часть нашей печати высказываетъ о Мицкевичѣ возмутительныя по своей невѣжественной дерзости соображенія, тѣмъ болѣе недостойныя, что они считаются какъ-бы наиболѣе удобнымъ орудіемъ для разжиганія вражды между двумя родственными народностями. Говорятъ, напримѣръ, что Мицкевичъ—ренегатъ, потому что онъ, будто-бы, не полякъ и не литвинъ, а просто бѣлоруссъ, т.-е. другими словами, русскій. И эта нелѣпость, которой, конечно, не вѣрятъ даже

тѣ, которые ее высказываютъ, безпрепятственно находитъ мѣсто въ печати! Люди, которые, по своей малограмотности, можетъ быть никогда и въ рукахъ не держали поэмы Мицкевича «Конрадъ Валленродъ», со словъ какихъ-то пошляковъ говорятъ о его «валленродизмѣ», придавая этому слову значеніе коварной измѣны. Поэтому, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо не мѣшаетъ напомнить этимъ «патріотамъ своего отечества», договорившимся до безсмыслицы, о томъ, чѣмъ былъ польскій поэтъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ для лучшихъ представителей русской литературы того времени и для всего образованнаго русскаго общества.

I.

Мы только-что напомнили стихотвореніе, посвященное Пушкинымъ Мицкевичу. Въ немъ величайшій русскій поэтъ говоритъ съ особеннымъ уваженіемъ, симпатіей и любовью о поэтѣ другой національности,—и это въ самый разгаръ вражды между двумя народами (стихотвореніе было написано въ 1834 году, т.-е. черезъ два года послѣ подавленія революціи въ Польшѣ). Впервые оно было напечатано въ посмертномъ изданіи, съ буквой М. вмѣсто полнаго имени польскаго поэта. Въ то время это имя было въ Россіи запретнымъ, и даже Анненковъ въ своемъ изданіи принужденъ былъ сохранить этотъ анонимъ. Во второй половинѣ стихотворенія Пушкинъ прибавляетъ, что теперь (т.-е. въ 1834 году):

Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть издалека.
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!.. О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

И тутъ, Пушкинъ, говоря о томъ, что въ Парижѣ Мицкевичъ сталъ во враждебныя отношенія къ Россіи, не обращается къ поэту съ упрекомъ, а только умоляетъ Всевышняго возвратить миръ въ его озлобленную душу. Не правъ Пушкинъ только въ одномъ: никогда Мицкевичъ не былъ «угодникомъ черни буйной». Это доказывается всей жизнію поэта; въ Парижѣ, живя среди польской эмиграціи, онъ никогда не потакалъ тому, что считалъ вреднымъ, никогда не подчинялся стаднымъ стремленіямъ и подъ конецъ жизни окончательно порвалъ всѣ связи съ большинствомъ эмиграціи.

Одинъ изъ друзей Мицкевича, г. Реттель, говоритъ, что однажды Мицкевичъ передалъ ему слова Пушкина, сказанныя во время одной изъ дружескихъ бесѣдъ въ Москвѣ: «Огромная разница, существующая между вами и мною, объясняется нашимъ взаимнымъ положеніемъ; вы—

поэтъ порабощеннаго народа, я—народа поработившаго. Отсюда ваше преимущество надо мною. Вы не повѣрите, съ какой радостью я помѣнялся-бы съ вами ролями!» На сколько вѣрно г. Реттель передалъ слова Пушкина, мы, конечно, не знаемъ и, поэтому, не придаемъ имъ никакого особеннаго значенія, но зная возвышенный складъ мыслей Пушкина, не трудно допустить, что эти слова дѣйствительно были имъ сказаны, и сказаны, разумѣется, совершенно искренно. Вообще, русскіе, съ которыми Мицкевичъ подружился во время своего пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ, относились къ нему съ такимъ-же уваженіемъ и съ такой-же симпатіей, какъ и Пушкинъ. По этому поводу напомню одинъ изъ очень любопытныхъ фактовъ, мало, какъ кажется, до сихъ поръ извѣстныхъ. Разсказъ объ этомъ фактѣ находится въ книгѣ г. Вѣтринскаго (Чешихина) «Т. Н. Грановскій и его время». Это-же событіе почти въ тѣхъ-же словахъ описываетъ и Герценъ въ своихъ «Былое и думы» (томъ VIII, стр. 253—260). На обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ, въ 1844 г., въ честь Грановскаго, съ участіемъ обѣихъ только-что тогда сформированныхъ, но уже враждебныхъ другъ-другу литературныхъ партій, Хомяковъ поднялъ бокалъ со словами: «За великаго отсутствующаго славянскаго поэта!» Имени, которое не смѣли произносить, не было нужно; всѣ встали, всѣ подняли бокалы и, стоя въ молчаніи, выпили за здоровье изгнанника. Говоря объ этомъ фактѣ, «Вѣстникъ Европы» прибавляетъ отъ себя: «Какой это былъ-бы урокъ для нынѣшнихъ московскихъ «агитаторовъ», еслибы только они были способны понимать подобные уроки! Какая пропасть отдѣляетъ современныхъ «охранителей» отъ первыхъ славянофиловъ, даже отъ славянствующихъ патріотовъ, въ родѣ Погодина и Шевырева (тоже присутствовавшихъ на обѣдѣ). Замѣтимъ, что въ то время Мицкевичъ былъ еще живъ и занималъ каѳедру въ Collège de France, и всетаки лучшіе изъ тогдашнихъ русскихъ видѣли въ немъ не политическаго противника, а «великаго славянскаго поэта». Тѣмъ нормальнѣе была-бы такая точка зрѣнія теперь, когда публицистическая дѣятельность Мицкевича давно забыта и его имя окружено только лучами поэтической славы. Этимъ, очевидно, руководилось и правительство, разрѣшая постановку памятника Мицкевича въ Варшавѣ, но этого никакъ не могутъ понять наши злобствующіе ультра-націоналисты. Безсильные помѣшать хорошему дѣлу въ принципѣ, они изъ всѣхъ силъ стараются испортитъ его въ деталяхъ» («Вѣст. Евр.», 1897, октябрь, стр. 843).

Со своей стороны и Мицкевичъ также любилъ и дружески относился къ русскимъ, съ которыми судьба свела его въ Россіи. Даже поселившись окончательно за-границей, Мицкевичъ не разрывалъ связей съ Россіей и русскимъ обществомъ, имѣлъ между русскими знакомыхъ и друзей (среди которыхъ былъ и такой прямолинейный славянофилъ, какъ

Хомяковъ), переписывался съ ними, любилъ вспоминать о своемъ пребываніи въ Москвѣ и Петербургѣ. Даже въ самый разгаръ своей вражды къ Россіи, увлеченный мечтой о возможности возстановленія Польши, Мицкевичъ съ особенной настойчивостью, по временамъ даже ко вреду художественной цѣльности произведенія, выдѣлялъ тѣхъ русскихъ, которые не раздѣляли политики гнета и патріотизмъ которыхъ не дѣлалъ ихъ несправедливыми и не гуманными. Этому въ его произведеніяхъ можно найти много любопытныхъ примѣровъ. Въ третьей части «Dziadów», напримѣръ, укажу на восьмую сцену, въ которой въ очень симпатичныхъ чертахъ выведенъ Бестужевъ, умѣряющій патріотическіе порывы молодого поляка-энтузіаста. Въ извѣстномъ стихотвореніи «Do pizyjaciół Moscali» (къ друзьямъ москалямъ), онъ, обращаясь къ русскимъ, говоритъ: «Если къ вамъ издалека, отъ свободныхъ народовъ долетитъ на сѣверъ эта скорбная пѣснь, и зазвучитъ надъ страной льдовъ,—пусть она предсказываетъ вамъ свободу, какъ журавли предсказываютъ весну». Наконецъ, въ «Панѣ Тадеушѣ» встрѣчается любопытное и многознаменательное сопоставленіе капитана Рыкова и полковника Плутова: Рыковъ—русскій, натура невѣжественная и грубая, но честная и искренняя, и Плутъ—полякъ-ренегатъ, превратившійся въ Плутова, утонченный подлецъ и мерзавецъ! Все это доказываетъ только, что поэтъ отдѣлялъ понятіе государства отъ понятія національности. Къ русскому государству онъ относился враждебно, убѣжденный, справедливо или нѣтъ, что оно было главнымъ виновникомъ паденія Польши, но къ русскому народу, въ будущее котораго онъ глубоко вѣрилъ, въ которомъ замѣчалъ черты великодушія въ характерѣ, онъ относился любовно и дружественно.

Пушкинъ принадлежалъ къ любимѣйшимъ воспоминаніямъ Мицкевича изъ эпохи его жизни въ Россіи. Это было самое свѣтлое пятно на печальномъ фонѣ его тогдашнихъ размышленій и думъ. Въ своемъ «курсѣ славянскихъ литературъ» онъ посвятилъ Пушкину нѣсколько лекцій, преисполненныхъ восторгомъ передъ громаднымъ талантомъ своего друга. Узнавъ, въ 1837 году, о смерти Пушкина, Мицкевичъ написалъ на французскомъ языкѣ и помѣстилъ въ газетѣ «Globe» его некрологъ, въ которомъ старался объяснить французамъ великое значеніе Пушкина, какъ поэта; этотъ некрологъ и теперь еще можетъ служить образцомъ проницательной и безпристрастной литературной критики. Всѣ тѣ русскіе, съ которыми поэтъ познакомился въ Россіи или которыхъ встрѣчалъ за-границей, навсегда остались его друзьями, какъ напримѣръ, графиня де-Сиркуръ (урожденная графиня Хлюстина), князь Голицынъ, Жуковскій, князь Вяземскій (у котораго Мицкевичъ гостилъ въ Остафьевѣ), Соболевскій, Хомяковъ, Елагина (мать Кирѣевскихъ), Оленинъ, княгиня Зенаида Волконская, Смирнова, Веневитиновъ, Полевой, Погодинъ, Шевыревъ, Баратынскій, Рылѣевъ, Бестужевъ, братья Кирѣевскіе, А. Тургеневъ, Коз-

ловъ, который сказалъ о польскомъ поэтѣ: «Vous nous l'avez donné fort, nous vous le rendons puissant».

Эти традиціи сохранились и по-нынѣ: подобно тому, какъ Пушкинъ является залогомъ будущаго единенія между двумя словянскими народностями, такъ и Мицкевичъ становится примиряющимъ звеномъ между русскимъ обществомъ и польскимъ.

II.

Въ 1823 году на Виленскій университетъ обрушилась грозная буря. Въ Вильнѣ было открыто тайное общество «Филаретовъ». Въ настоящее время съ достаточной точностью выяснено, что хотя это общество и имѣло патріотическія цѣли, но не стремилось ни къ какимъ политическимъ переворотамъ. Были произведены аресты въ большомъ количествѣ бывшихъ студентовъ университета, между которыми находился и Мицкевичъ, незадолго передъ тѣмъ окончившій университетъ съ дипломомъ доктора философіи и бывшій тогда учителемъ латинскаго языка въ Ковенской гимназіи. По рѣшенію комиссіи, составленной изъ графа Аракчеева, Шишкова и Новосельцева, арестованные были сосланы въ разныя внутреннія губерніи. Мицкевичъ былъ, если можно такъ выразиться, переданъ въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія, которое отправило его въ Петербургъ въ 1824 году. Въ Петербургъ Мицкевичъ пріѣхалъ на другой день послѣ большого наводненія. Слѣды этой страшной катастрофы остались въ произведеніяхъ и Мицкевича и Пушкина. Въ стихотвореніи «Oleszkiewicz», которое Пушкинъ считалъ лучшимъ стихотвореніемъ Мицкевича, находится мастерское описаніе наводненія, но Пушкинъ въ примѣчаніи къ «Мѣдному Всаднику» замѣтилъ, что это описаніе не совсѣмъ вѣрно: «снѣгу,—говоритъ онъ,—не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше (т. е. самого Пушкина) описаніе вѣрное, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ польскаго поэта».

Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...

Пшецлавскій въ своихъ воспоминаніяхъ увѣряетъ, будто бы это наводненіе за нѣсколько дней впередъ предсказано живописцемъ-мистикомъ Олешкевичемъ, съ которымъ Мицкевичъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ познакомился. Іосифъ Олешкевичъ, родомъ изъ Минской губерніи, учился въ петербургской академіи художествъ и окончивъ свое художественное образованіе, былъ сдѣланъ академикомъ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно религіозный, священное писаніе онъ изучалъ постоянно и, какъ увѣряетъ Пшецлавскій («Калейдоскопъ воспоминаній»)

имѣлъ «странныя предчувствія». Онъ же сообщаетъ, что продолжительныя и частыя бесѣды Мицкевича съ Олешкевичемъ излечили поэта «не отъ атеизма, которымъ онъ не былъ зараженъ, а отъ религіознаго индиферентизма, которымъ тогда страдалъ». Впослѣдствіи Мицкевичъ писалъ о немъ: «хотя онъ былъ живописцемъ, но его скорѣе слѣдовало бы назвать гусляромъ, потому что онъ давно уже отвыкъ отъ красокъ и кисти, изучалъ только библію и кабалу и говорилъ, что бесѣдуетъ съ духами». Совершенно несомнѣнно, что Олешкевичъ имѣлъ большое вліяніе на Мицкевича, который по натурѣ былъ склоненъ къ мистицизму. Задатки мистицизма мы встрѣчаемъ уже въ «Dziadach», которые были написаны до знакомства съ Олешкевичемъ, еще въ Вильнѣ. Впослѣдстіи этотъ мистицизмъ принялъ у Мицкевича огромные размѣры и привелъ его, благодаря Товьянскому, къ мессіанизму.

На первыхъ же порахъ своей петербургской жизни Мицкевичъ познакомился съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ, а также и съ нѣкоторыми другими жертвами неудавшагося декабрьскаго переворота 1825 года. Однако, поэту не суждено было на этотъ разъ долго прожить въ Петербургѣ: черезъ три мѣсяца министерство рѣшило отправить его въ Одессу, гдѣ онъ долженъ былъ преподавать латинскій языкъ въ Ришельевскомъ лицеѣ. Нѣсколько времени Мицкевичъ провелъ ничего не дѣлая; затѣмъ онъ получилъ другое назначеніе: по собственному желанію его отправили въ Москву на службу въ канцелярію генералъ-губернатора. Своимъ пребываніемъ на югѣ, Мицкевичъ, однако, воспользовался наилучшимъ образомъ: въ обществѣ графа Ржевускаго и еще нѣсколькихъ лицъ онъ совершилъ двухмѣсячное путешествіе по Крыму. Очарованный южной природой Крыма, онъ написалъ по пріѣздѣ въ Москву свои знаменитые «Крымскіе сонеты», которые такъ часто были пореводимы на русскій языкъ, а одинъ изъ нихъ былъ переведенъ даже Лермонтовымъ («Аллахъ-ли тамъ, среди пустыни застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни»).

Первыя впечатлѣнія, оставленныя въ душѣ Мицкевича знакомствомъ съ Россіей и русскими поэтъ впослѣдствіи выразилъ въ отдѣльной группѣ стихотвореній, которыя печатаются обыкновенно въ концѣ третьей части «Dziadów» и составляютъ какъ-бы особенное и независимое цѣлое. Въ составъ этой группы входятъ: «Къ друзьямъ москалямъ», «Путь въ Россію», «Предмѣстье столицы», «Петербургъ», «Памятникъ Петра Великаго», «Смотръ» и «Олешковичъ». Русская природа, люди, психологія и патологія тогдашняго Петербурга (совершенно измѣнившагося, разумѣется, съ тѣхъ поръ), извѣстное сопоставленіе Петра Великаго съ императоромъ Маркомъ Авреліемъ и, наконецъ, настоящій художественный шедевръ наблюдательности и картиннаго изображенія—«Смотръ», вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе этой группы стихотвореній. Злая сатира, иногда даже слегка набросанная каррикатура и горькая

иронія проникаютъ ихъ. Впервые знакомясь съ русской природой, поэтъ сначала недоумѣваетъ. Россія представляется ему «пустынной, бѣлой (онъ ѣхалъ зимой и земля была покрыта снѣгомъ) и открытой страной, словно изготовленная для письма бумага». И онъ спрашиваетъ себя, «будетъ-ли на ней писать перстъ Божій, употребляя людей вмѣсто буквъ? Или-же онъ начертаетъ здѣсь правду святой вѣры, что любовь управляетъ людскимъ племенемъ, что трофеями міра являются жертвы?» И вотъ онъ встрѣчаетъ людей, и эти люди кажутся ему такими-же странными, загадочными, какъ и ихъ страна. «Съ разросшимися плечами, съ широкою грудью, съ жирной шеей, словно звѣри и деревья сѣвера, полныя свѣжести и здоровья, и силы. Но лицо каждаго—такое-же какъ и ихъ страна,—пустынная, открытая и дикая равнина, и изъ ихъ сердецъ, какъ изъ подземныхъ вулкановъ, огонь еще не дошелъ до ихъ лица, и не горитъ еще на разгоряченныхъ устахъ, не застываетъ въ темныхъ морщинахъ чела, какъ это бываетъ на лицахъ людей востока и запада, по которымъ поочередно прошло столько преданій и событій, столько страданій и надеждъ, что каждое лицо становится памятникомъ цѣлаго народа. Здѣсь-же глаза этихъ людей, какъ и города той земли, огромны и лучезарны, и никогда душевная тревога не вызоветъ необычнаго движенія въ бровяхъ и никогда не затемнитъ ихъ продолжительное чувство. Со стороны глядя—они возвышенны, прекрасны, а въ глубинѣ пустынны и безлюдны. Тѣло этихъ людей, точно грубая ткань, въ которой зимуетъ душа-гусеница до тѣхъ поръ, пока не разовьетъ себѣ грудь для полета, не высунетъ себѣ крылья, не выткетъ и не украситъ... Но когда, наконецъ, засвѣтитъ солнце свободы,—какое насѣкомое вылетитъ изъ этой оболочки? Ясный-ли мотылекъ поднимется надъ землею, тьма-ли распространится—грозное дитя ночи?»

Среди этихъ стихотвореній особеннаго вниманія заслуживаетъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Памятникъ Петра Великаго». Въ формѣ разговора съ Пушкинымъ Мицкевичъ здѣсь высказываетъ свой взглядъ на Петра. Повидимому, въ этомъ предметѣ оба поэта расходились во взглядахъ. Пушкинъ видѣлъ въ реформѣ Петра великое будущее Россіи, Мицкевичъ-же какъ-бы предугадываетъ вскорѣ послѣ того высказанные взгляды первыхъ славянофиловъ, относившихся, какъ извѣстно, совершенно отрицательно къ реформѣ Петра. Форма, приданная стихотворенію, намекаетъ на то, что Пушкинъ и Мицкевичъ не разъ бесѣдовали на эту тему, и едва-ли можно сомнѣваться, что въ стихотвореніи остались слѣды этихъ бесѣдъ. Вложенный въ уста Пушкина взглядъ на Петра, повидимому, вѣрно передаетъ мысль русскаго поэта, что подтверждается тѣмъ, что Пушкинъ, которому стихотвореніе было извѣстно, никогда не протестовалъ противъ сказаннаго Мицкевичемъ. А предлогъ къ этому былъ: послѣ строкъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ».

Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ,

Пушкинъ сдѣлалъ примѣчаніе, въ которомъ указываетъ на описаніе памятника у Мицкевича.

«Однажды вечеромъ,—говоритъ Мицкевичъ,—подъ дождемъ, укутанные въ одинъ плащъ, взявшись за руки, стояли два молодые человѣка у подножья памятника Петра. Первый—странникъ, прибывшій съ запада, жертва произвола; второй—пѣвецъ русскаго народа, славный на всемъ сѣверѣ своими пѣснями. Ихъ души, поднявшись надъ всѣми земными преградами, были подобны двумъ породнившимся скаламъ Альпъ, хотя горный потокъ и разлучилъ ихъ навсегда». Тутъ польскій поэтъ влагаетъ въ уста Пушкина слѣдующее описаніе памятника: «Первому изъ царей, что создалъ всѣ эти чудеса, вторая царица воздвигла этотъ памятникъ, и царь, отлитый въ формѣ великана, сѣлъ на бронзовый хребетъ буцефала и смотритъ, куда-бы ему направить коня. Но Петръ не можетъ стоять на собственной землѣ: на родинѣ ему не достаточно просторно. Поэтому за пьедесталомъ для него было послано за море, съ приказомъ вырвать съ береговъ Финляндіи цѣлую скалу гранита; и эта скала, по приказу царицы, плыветъ по морю, движется по сушѣ и въ указанномъ мѣстѣ падаетъ передъ царицей. Скала готова; летитъ мѣдный царь. Конь вскакиваетъ на стѣну гранита, останавливается на краю и становится на дыбы... Не въ такомъ положеніи видимъ мы въ Римѣ любимца народовъ, того Марка Аврелія, который тѣмъ главнымъ образомъ прославилъ свое имя, что изгналъ шпіоновъ и доносителей, а когда укротилъ домашнихъ злодѣевъ, когда на берегахъ Рейна разгромилъ орды варваровъ, возвращается въ спокойный Капитолій. Прекрасное, благородное, ясное у него лицо; на челѣ свѣтится мысль о благѣ народовъ, онъ важно простеръ руку, какъ-бы собираясь благословить свои народы, а другую руку опустилъ на возжи, укрощая коня. Догадаться можно, что на его пути стояли толпы народа и кричали: «Возвращается цезарь, отецъ нашъ!» И цезарь медленно подвигается среди толпы, желая всѣхъ порадовать своимъ взглядомъ. Конь приподымаетъ гриву, очи его горятъ огнемъ, но онъ знаетъ, что везетъ дорогого гостя,—отца милліоновъ дѣтей, и сдерживаетъ себя; дѣти могутъ подойти близко и созерцать своего отца. Конь ровнымъ шагомъ подвигается по ровной дорогѣ, и не трудно догадаться, что дойдетъ до безсмертія...

III.

Въ началѣ своего пребыванія въ Москвѣ Мицкевичъ почти исключительно вращался въ небольшомъ кружкѣ своихъ соотечественниковъ. Къ концу года онъ, однако, познакомился съ Николаемъ Полевымъ, редакторомъ «Московскаго Телеграфа», который въ свою очередь познакомилъ его съ другими лицами и такимъ образомъ у Мицкевича образовался обширный кругъ знакомства между русскими. Онъ сблизился съ Погодинымъ, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Веневитиновымъ, Кирѣевскими, Елагиной (матерью Кирѣевскихъ), Оленинымъ, княгиней Волконской. Вездѣ Мицкевичъ былъ принятъ радушно, его полюбили и, главнымъ образомъ, не какъ поэта, потому что многіе, не зная польскаго языка, не могли познакомиться съ его произведеніями, между которыми уже были, кромѣ мелкихъ стихотвореній, «Гражина», крымскіе сонеты, первая, вторая и четвертая части «Dziadow»,—но какъ человѣка выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ, поражавшаго возвышенностію взглядовъ, прекраснымъ, многостороннимъ образованіемъ и какимъ-то дѣтскимъ добродушіемъ.

Это общеніе и дружескія связи съ русскими не нравились его соотечественникамъ, жившимъ обособленно и избѣгавшимъ знакомства съ русскими. Они упрекали его въ «легкомысліи», но Мицкевичъ подшучивалъ надъ ихъ узкимъ и одностороннимъ патріотизмомъ и не обращалъ вниманія на этотъ ригоризмъ своихъ соотечественниковъ. Лишенный всякихъ предразсудковъ, будучи выше всякой мелкой партійности, Мицкевичъ бывалъ въ русскомъ обществѣ и заводилъ литературныя связи. Его пребываніе въ Москвѣ совпало съ большимъ оживленіемъ въ русской литературѣ. Журналы слѣдили за движеніемъ въ европейскихъ литературахъ гораздо усерднѣе, чѣмъ это мы видимъ въ настоящее время; все выдающееся, новое, оригинальное сейчасъ-же переводилось. Мицкевичъ невольно сравнивалъ это движеніе съ застоемъ, замѣчаемымъ тогда въ польской литературѣ. По этому поводу онъ, между прочимъ, писалъ Одынцу, жившему въ Варшавѣ: «Оставьте вы, ради Бога, эти переводы изъ второстепенныхъ поэтовъ. Гдѣ, кромѣ Варшавы, въ настоящее время переводятъ Легуве и Делиля, или,—что еще хуже,—Мильвуа. Русскіе съ сожалѣніемъ покачиваютъ головой. Въ литературѣ мы отстали на цѣлое столѣтіе. Здѣсь каждое новое стихотвореніе Гете вызываетъ повсемѣстный энтузіазмъ, сейчасъ-же переводится и комментируется. Каждый новый романъ Вальтеръ Скотта сейчасъ-же появляется въ книжныхъ магазинахъ. А у насъ? Милѣйшій Дмоховскій считаетъ «Георгики» Козьмяна чуть-ли не жемчужиной польской поэзіи». О Пушкинѣ Мицкевичъ имѣлъ самое высокое мнѣніе и считалъ его представителемъ, наравнѣ съ Жу-

ковскимъ, русскаго романтизма, въ будущность котораго онъ вѣрилъ. Онъ писалъ Одынцу въ 1827 году: «мы видимся часто. Пушкинъ—моихъ лѣтъ; онъ чрезвычайно остроуменъ, читалъ много и хорошо, прекрасно знаетъ новую литературу, о поэзіи имѣетъ высокое и вполнѣ правильное понятіе. Теперь онъ написалъ трагедію «Борисъ Годуновъ»; я знаю изъ нея нѣсколько сценъ; она прекрасно задумана и заключаетъ въ себѣ чудныя подробности». Извѣстный поворотъ въ политическихъ мнѣніяхъ Пушкина, охладившій публику къ своему любимому поэту, былъ замѣтенъ Мицкевичу; это не оттолкнуло его отъ русскаго поэта, но онъ, тѣмъ не менѣе, хорошо понималъ послѣдствія этого охлажденія. Уже значительно позднѣе, въ «Курсѣ славянскихъ литературъ», польскій поэтъ прямо и искренно высказалъ свое мнѣніе: «и Пушкинъ, и общество были, по своему, правы. Общество отстранилось отъ него не изъ вражды къ нему, а лишь потому, что не находило въ немъ своей точки опоры. Оно желало, чтобы ея любимый поэтъ былъ руководителемъ ея совѣсти или, вѣрнѣе, ея завѣтныхъ думъ; оно какъ-бы говорило ему: ты въ своихъ первыхъ произведеніяхъ проповѣдывалъ протестъ и онъ, дѣйствительно, возникъ; впослѣдствіи ты проповѣдывалъ разочарованіе, охлажденіе разгоряченной фантазіи, романтической мечтательности: настало и это. Но теперь, что ты намъ будешь проповѣдывать? Что мы должны дѣлать? чего должны ожидать? На это Пушкину нечего было отвѣчать. Вокругъ себя онъ видѣлъ всеобщее къ себѣ охлажденіе. Все, что было лучшаго въ русскомъ образованномъ обществѣ,—политическія стремленія юности, страстныя мечты, вызванныя Байрономъ, увлеченіе славянской стариной,—все это онъ открылъ, пріодѣлъ въ прекрасную поэтическую форму и показалъ обществу. Теперь оставалось сдѣлать новый шагъ впередъ, но именно на этотъ шагъ Пушкину не доставало энергіи. Печаль, которая вслѣдствіи этого овладѣла имъ, отразилась въ его послѣднихъ прозведеніяхъ». Въ той-же лекціи Мицкевичъ передаетъ и другія подробности, драгоцѣнныя для характеристики Пушкина. «Неудача,—говоритъ онъ,—постигшая заговорщиковъ (рѣчь идетъ о декабристахъ), отразилась и на Пушкинѣ. Съ этого момента онъ лишился мужества и политическаго энтузіазма; это замѣтно на его произведеніяхъ, онъ еще не сознается передъ самимъ собой, что онъ до тѣхъ поръ заблуждался, но въ кружкѣ близкихъ людей онъ иногда съ горечью и пренебреженіемъ отзывается о своихъ прежнихъ друзьяхъ и ихъ идеяхъ. Между тѣмъ императоръ пригласилъ его къ себѣ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ Россія существуетъ, императоръ бесѣдовалъ съ частнымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ никакого оффиціальнаго повода предстать предъ своимъ императоромъ. Императоръ высказалъ ему свои чувства: онъ сказалъ, что Россія ненавидитъ его за то, что онъ замѣнилъ собою великаго князя Константина; онъ почти извинялся передъ Пушкинымъ, что овладѣлъ престоломъ, поощрялъ его писать и сѣтовалъ

на него за его молчаніе. «Если ты опасаешься цензуры,—сказалъ онъ ему, —то я самъ буду твоимъ цензоромъ». Пушкинъ былъ тронутъ; онъ ушелъ сильно взволнованный; онъ заявилъ своимъ друзьямъ-иностранцамъ (Мицкевичъ, повидимому, намекаетъ на себя), что, слушая императора, онъ чувствовалъ, что можетъ ему только повиноваться. «Какъ я хотѣлъ-бы его ненавидѣть!»—говорилъ онъ.—«Но за что мнѣ его ненавидѣть?» Пушкинъ не рѣшался высказать этой мысли своимъ соотечественникамъ, которые начинали относиться къ нему подозрительно. Такъ какъ онъ сталъ болѣе трезвымъ въ своихъ чувствахъ и началъ подсмѣиваться надъ чрезмѣрнымъ энтузіазмомъ, философскими идеями, либерализмомъ своихъ друзей, то возникло подозрѣніе, что онъ подкупленъ правительствомъ. Это подозрѣніе наполняло его сердце скорбью; онъ думалъ, что и общественное мнѣніе отъ него отвернулось, что всѣ ему измѣнили, и сталъ осыпать своихъ прежнихъ друзей ѣдкими эпиграммами» [1]).

Въ концѣ 1827 года Мицкевичъ и Малевскій, сопровождая князя Голицына, пріѣхали въ Петербургъ. Мицкевичъ ѣхалъ въ Петербургъ по семейнымъ дѣламъ и съ цѣлью наблюдать за печатаніемъ «Конрада Валлендрода», который вышелъ въ февралѣ 1828 года. Извѣстіе о томъ, что Мицкевичъ въ Петербургѣ, взволновало польское общество. Малиновскій въ письмѣ къ Лелевелю слѣдующимъ образомъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него Мицкевичемъ: «Послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, послѣ столькихъ взаимныхъ несчастій, мы здоровались другъ съ другомъ съ братскимъ чувствомъ. По внѣшности Мицкевичъ нѣсколько измѣнился, и отпустилъ баки, что придаетъ ему болѣе солидный видъ. Цвѣтъ лица здоровѣе, онъ возмужалъ и измѣнился, но въ свою пользу. Въ обществѣ онъ уже не такъ эксцентриченъ, какимъ былъ прежде; напротивъ, онъ гораздо свободнѣе и пріятнѣе. Его талантъ несомнѣнно созрѣлъ; его разговоръ, обогащенный тѣмъ, что онъ видѣлъ и что прочувствовалъ, окрасился, кромѣ того, его богатой фантазіей... Его пріѣздъ въ Петербургъ произвелъ настоящую сенсацію. Какъ русскіе, такъ и поляки оказываютъ ему всякаго рода любезности. Настоящую праздничную жизнь мы ведемъ теперь. Свой импровизаторскій талантъ Мицкевичъ довелъ, по истинѣ, до удивительной степени совершенства. Когда онъ чувствуетъ себя въ духѣ, стоитъ только сыграть на роялѣ какую-нибудь знакомую ему пѣсенку,—и онъ сейчасъ начнетъ импровизовать, такъ страстно, съ такимъ огнемъ, что кажется будто какой-то таинственный духъ заставляетъ его высказывать свои чувства. Его импровизаціи я уже слышалъ нѣсколько разъ. Записывать за нимъ

[1]) Cours de litterature slave, cinquantième leçon. Приведенное нами мѣсто «Курса» находится также и въ русскомъ переводѣ г. Семевтковскаго: «Сочиненія Мицкевича (изданіе Вольфа, Петербургъ, 1883 г.) томъ III, стр. 358, 359.

чрезвычайно трудно, потому что никакое перо не можетъ поспѣть за нимъ, и кромѣ того, онъ не позволяетъ записывать, говоря, что видъ пишущихъ охлаждаетъ его вдохновеніе».

Изъ его тогдашней петербургской жизни сохранились воспоминанія о двухъ большихъ его импровизаціяхъ. Одну изъ нихъ Мицкевичъ сказалъ на Рождество 1827 года въ квартирѣ Рогальскаго. Съ просьбой что-нибудь сказать обратился къ нему князь Левъ Сапѣга. Мицкевичъ отвѣтилъ, что готовъ импровизировать хотя-бы цѣлую трагедію и просилъ дать ему сюжетъ. Какъ разъ передъ тѣмъ, въ публичной библіотекѣ Малиновскій открылъ нѣсколько старинныхъ брошюръ, касавшихся дѣлъ Самуила Зборовскаго и въ короткихъ словахъ сообщилъ ихъ содержаніе. Мицкевичъ скрылся въ сосѣдней комнатѣ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами. Малиновскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Мицкевичъ импровизировалъ съ поразительной страстностію и сказавъ болѣе двухъ тысячъ стиховъ, опустился на кресло въ полномъ изнуреніи. Относительно содержанія этой импровизаціи нельзя, однако, сказать ничего опредѣленнаго, потому что Малиновскій въ своихъ письмахъ, вѣроятно вслѣдствіе плохой памяти, передаетъ его путанно и даже противорѣчиво.

Вторую импровизацію Мицкевичъ произнесъ на обѣдѣ у Булгарина. Тему,—экспедиція Парри къ сѣверному полюсу,—предложилъ Сенковскій. Поэтъ прежде всего сдѣлалъ прекрасное описаніе грозной полярной пустыни и океана, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ и льдами. Парри рѣшилъ открыть новый путь для мореплавателей. Приготовленіе къ экспедиціи были переданы такъ живо и съ такими подробностями, что вызвали порывъ восхищенія. Спутники уже достигли вѣчныхъ льдовъ, затрудненія и опасности возростаютъ и вотъ въ экспедиціи возникаетъ бунтъ. Матросы настаиваютъ на немедленномъ возвратѣ и начальнику экспедиціи угрожаютъ смертію. Тогда Парри,—это мѣсто, вѣроятно, было особенно хорошо,—мощью своего краснорѣчія успокаиваетъ ихъ. Въ эту минуту показался орелъ надъ кораблемъ. Парри указалъ имъ на орла, какъ на символъ энергіи и возвышенности.

Вскорѣ послѣ этого Мицкевичъ возвратился въ Москву, но уже въ началѣ 1828 года окончательно распрощался съ Москвой и возвратился въ Петербургъ. Его русскіе друзья на прощаніе устроили въ честь его вечеръ, и поднесли ему въ даръ серебряный кубокъ, внутри котораго были вырѣзаны имена братьевъ Кирѣевскихъ, Баратынскаго, Н. Полевого и С. Соболевскаго. Иванъ Кирѣевскій и Баратынскій прощались съ нимъ стихами. «Будемъ надѣяться,—сказалъ первый,—что несчастіе не всегда будетъ сопровождать тебя; можетъ быть счастіе оживитъ твое сердце, хотя бы и на чужбинѣ». Баратынскій совѣтовалъ Мицкевичу освободиться изъ-подъ вліянія Байрона. Мицкевичъ, тронутый всѣми этими искренними

проявленіями дружбы, поблагодарилъ собраніе импровизаціей на французскомъ языкѣ.

Князь Вяземскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Мицкевичъ въ Москвѣ часто импровизировалъ въ кружкѣ пріятелей. Польскій языкъ,— говоритъ онъ,—не имѣетъ качествъ итальянской рѣчи, въ немъ нѣтъ ни музыкальности, ни красокъ, но тѣмъ не менѣе Мицкевичъ совершалъ чудеса съ этимъ языкомъ. Импровизованный стихъ вылеталъ изъ устъ его звучнымъ, ослѣпительнымъ потокомъ, свободно и красиво. Въ его импровизаціяхъ образы и выраженія, мысль и чувство пріобрѣтали какой-то особенный поэтическій оттѣнокъ, можно было подумать, что онъ декламируетъ наизусть поэму, прежде написанную. Князь Вяземскій вспоминаетъ одну изъ такихъ импровизацій. Мицкевичъ импровизировалъ на тему: Черное море выбрасываетъ на берегъ трупъ царьградскаго патріарха, умерщвленнаго турками. Подумавъ нѣсколько минутъ, поэтъ всталъ съ лицомъ, осѣненномъ вдохновеніемъ: было что-то пророческое въ этомъ лицѣ,—прибавляетъ Вяземскій. Слушатели точно также находились въ поэтическомъ настроеніи. Ни чуждый ему французскій языкъ, ни проза не въ состояніи были подавить его вдохновенія. Импровизація была поразительна и чрезвычайно замѣчательна. Жаль, что не было стенографіи. Жуковскій и Пушкинъ были въ восторгѣ.

Кромѣ «Крымскихъ сонетовъ» «Конрада Валленрода» и нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній, между которыми обращаютъ на себя вниманіе стихотвореніе посвященное Каролинѣ Янишъ (впослѣдствіи, Павловой) и сонетъ, посвященный княгинѣ Зинаидѣ Волконской (Poezio, gdziecudny pędzel twojej ręki), Мицкевичъ написалъ въ Россіи еще небольшую поэму подъ заглавіемъ «Фарисъ». Поводъ къ этому стихотворенію подало слѣдующее обстоятельство: однажды, возвращаясь изъ гостей, Мицкевичъ замѣтилъ, что приближается гроза; онъ взялъ извощика (дѣло было въ Петербургѣ) и поѣхалъ домой. Быстрота ѣзды на извощикѣ, грохотъ мостовой, бѣшенные порывы вѣтра, громъ, молнія,—все это произвело на поэта такое сильное впечатлѣніе, что онъ не могъ заснуть и втеченіе ночи написалъ эту небольшую поэму. «Фарисъ» есть какъ бы отзвукъ изученій востока, начатыхъ поэтомъ еще въ 1825 году и затѣмъ продолжавшихся во время пребыванія его въ Петербургѣ подъ руководствомъ Сенковскаго. Поэма эта—не болѣе, какъ картина борьбы смѣлаго бедуина съ преградами и опасностями, которыя ставитъ ему природа въ пустынѣ. Несмотря на простоту и даже ясность этого сюжета, польская критика (по преимуществу нашего времени) увидѣла въ поэмѣ скрытую аллегорію, но въ толкованіи этой аллегоріи произошли разногласія. Г. Хмѣлевскій, напримѣръ, въ своей прекрасной біографіи Мицкевича замѣчаетъ, что каждая подробность въ «Фарисѣ» имѣетъ символическій смыслъ, такъ напримѣръ, въ скалахъ Мицкевичъ олицетворяетъ холод-

ныхъ эгоистовъ, въ коршунахъ—жестокихъ людей, въ облакѣ—мечтательныя, сантиментальныя натуры, въ скелетахъ—вымершее поколѣніе, въ ураганѣ—страсти или насиліе, изображающія по пути рыцаря новой идеи всяческаго рода препятствія,—равнодушіе, смутныя стремленія, смерть и пр. Во всякомъ случаѣ въ «Фарисѣ» г. Хмѣлевскій усматриваетъ «рыцаря новой идеи», твердо стремящагося, несмотря на всѣ преграды, къ осуществленію своей идеи.

Не только совершенно другое, но даже и противоположное толкованіе предлагать г. Болеславъ Прусъ. Въ «Фарисѣ» онъ видитъ два предмета изображенія,—изображеніе аравійской природы и изображеніе борющагося съ нею человѣка. Восточная природа, по его мнѣнію, довольно вѣрно изображена, но особенной надобности въ такомъ изображеніи онъ не видитъ. За то типъ изображеннаго человѣка имѣетъ свое значеніе, тѣмъ болѣе, что всѣ эти «фарисы» (Прусъ выходитъ изъ предположенія, что поэтъ писалъ не бедуина, а подъ маской бедуина—поляка недавняго прошлаго) въ свое время представляли значительное большинство въ польскомъ обществѣ, а можетъ быть, остатки остаются въ немъ и понынѣ. «И въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ изъ себя этотъ фарисъ? Это—человѣкъ огромной воли, безумной храбрости,—однимъ словомъ, матеріалъ для героя. Но это довольно своеобразный герой, смахивающій на авантюриста. Онъ стремится къ какимъ-то безконечнымъ горизонтамъ: тихое пристанище оазиса, который кормилъ его,—ему опостылѣло, и вотъ онъ на своемъ конѣ мечется по пустынѣ, неизвѣстно куда и зачѣмъ. Такимъ образомъ «Фарисъ» есть олицетвореніе самого крайняго индивидуализма, его ничто не связываетъ, ничего не удерживаетъ; онъ чувствуетъ потребность во что бы то ни стало израсходовать свои силы, а такъ какъ онъ не умѣетъ употребить ихъ на пользу общества, то онъ бѣжитъ, хотя бы и въ пустыню, топча все что ему встрѣчается на пути». При такомъ характерѣ «Фариса», его лучшія качества становятся вредными, а его созерцаніе природы является простою блажью. Какъ типъ прошлаго онъ несомнѣнно имѣетъ значеніе, но какъ образецъ это—плохой образецъ: Мицкевичъ, рисуя его, былъ только лѣтописцемъ своего времени, а не учителемъ народа.

Совершенно соглашаясь съ проф. Калленбахомъ, что такое толкованіе имѣетъ нѣсколько тенденціозный характеръ и что поэтъ, можетъ быть, вовсе и не имѣлъ въ виду изобразить въ Фарисѣ поляка своего времени, нельзя однако же предположить, что Мицкевичъ хотѣлъ просто написать поэму въ восточномъ стилѣ, хотя бы и вкладывая въ своего выдуманнаго героя общечеловѣческія черты. Идея лежитъ въ основѣ всѣхъ его произведеній, даже такихъ, которымъ онъ не придавалъ никакого значенія. Кромѣ того, какъ поэтъ онъ субъективенъ, подобно Байрону. Въ этомъ мы видимъ главную, существенную разницу между Мицкевичемъ и Пушки-

нымъ. Русскій поэтъ—объективенъ, ни символизмъ, ни аллегоріи не имѣютъ для него особеннаго значенія, онъ—художникъ по преимуществу, поэзія для него не есть средство пропаганды идей, а сама себѣ довлѣетъ. Необходимо также замѣтить (и это—главное), что Мицкевичъ романтикъ,—чистокровный романтикъ, для котораго право фантазіи, безграничный, ничѣмъ не стѣсняемый полетъ мысли стоятъ на первомъ планѣ. Русская литература двадцатыхъ годовъ интересовала Мицкевича, главнымъ образомъ, потому, что въ ней романтизмъ являлся господствующимъ направленіемъ. Представителями этого направленія явились Пушкинъ и Жуковскій. Мицкевичъ хорошо помнилъ, что баллада Жуковскаго «Людмила», продекламированная въ Вильнѣ молодымъ Чернявскимъ (сыномъ профессора русской литературы въ Виленскомъ университетѣ) была первой искрой, упавшей на готовую уже почву и открывшей ему романтическій міръ. Не мудрено, поэтому, что романтическому движенію въ Россіи онъ приписывалъ значеніе, которого оно въ дѣйствительности не имѣло. Оно было въ гораздо большей степени инстинктивно, чѣмъ сознательно. Пушкинъ говоритъ о романтизмѣ въ небольшой замѣткѣ «Объ опредѣленіи романтизма по формѣ произведеній», причисляя къ поэзіи романтической только тѣ поэтическія формы, которыя не были извѣстны древнимъ и тѣ, въ которыхъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими. Съ формальной стороны это несомнѣнно вѣрно, но сущности романтизма это не касается, и конечно, сводить весь вопросъ о романтизмѣ на вопросъ о поэтическихъ формахъ—странно. Даже Жуковскій, считавшій себя впослѣдствіи родоначальникомъ русскаго романтизма, совсѣмъ и не думалъ ни о какой литературной реформѣ, которую суждено было создать романтическому движенію. Переводя англійскихъ и нѣмецкихъ романтиковъ, онъ лишь подчинялся своимъ личнымъ вкусамъ. Его переводы, безъ всякаго сомнѣнія, имѣли огромное значеніе для русской литературы, потому что впервые знакомили русское общество съ сокровищами западной романтической поэзіи, но на этомъ его роль и кончилась. Онъ не видѣлъ тѣхъ логическихъ послѣдствій, которыя велъ за собой послѣдовательный романтизмъ, онъ не замѣтилъ, что на западѣ романтизмъ развиваясь на благопріятной ему почвѣ, предоставляя поэту полную свободу въ выраженіи чувства, тѣмъ самымъ оказывалъ вліяніе и на соціально-политическое движеніе. Этимъ, между прочимъ, и объясняются тѣ противоположныя теченія, которыя были порождены романтизмомъ, начиная съ реакціоннаго движенія Шлегеля и кончая освободительными стремленіями Байрона. Въ Россіи положеніе романтической школы было совсѣмъ другое и не могло имѣть такихъ послѣдствій, поэтому, она и не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя на нее полагались. Русскій романтизмъ не имѣлъ возможности отразиться въ обществѣ, какъ живое, освободительное начало.

Совершенно другое мы видѣмъ въ Польшѣ, гдѣ романтизмъ разцвѣлъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ. И въ Польшѣ романтизмъ является, какъ потребность выйти изъ вымиравшихъ поэтическихъ формъ, какъ стремленіе приблизиться къ источнику народной поэзіи, воскрешая прошлое. Мицкевичъ несомнѣнно и шелъ этой дорогой, когда писалъ «Гражину» и «Конрада Валленрода». Но на этомъ его роль не кончилась: анализируя прошлое, онъ оживилъ его дѣйствительно народнымъ содержаніемъ. Такимъ образомъ, возникла поэзія, которая на почвѣ прошлаго создавала политико-общественный идеалъ настоящаго и будущаго. Разладъ между поэзіей и жизнію сгладился самъ собой, и первымъ проявленіемъ этого слиянія былъ «Конрадъ Валленродъ».

IV.

Источниками «Конрада Валленрода», по сознанію самого Мицкевича, послужили ему два историческія сочиненія, Коцебу «Preussens ältere Geschichte» и Беккеръ «Versuch einer Geschichte der Hochmeister in Preussen». Въ этихъ сочиненіяхъ поразили Мицкевича обстоятельства жизни трехъ героевъ: Альфа, Вальтера и Валленрода. Мицкевичъ въ своей поэмѣ слилъ въ одно лицо всѣ эти три фигуры, имѣющія между собой очень мало общаго въ лѣтописи. Такой поэтическій синтезъ возникъ въ мысли Мицкевича вслѣдствіе того загадочнаго факта, что историческій Валленродъ, гросмейстеръ тевтонскаго ордена, имѣя всѣ средства разгромить Литву и даже овладѣть Вильной, безъ всякой видимой причины теряетъ время и возвращается въ Пруссію. «Лѣтописцы и позднѣйшіе историки,—говоритъ Мицкевичъ,—не могутъ угадать причины столь внезапнаго отъѣзда его отъ войска, не находя въ тогдашнихъ обстоятельствахъ никакого къ тому повода. Нѣкоторые приписывали бѣгство Валленрода умопомѣшательству. Всѣ здѣсь приведенныя противорѣчія въ характерѣ и дѣйствіяхъ нашего героя примиряются, если допустить, что онъ былъ литвинъ и что вступилъ въ Орденъ, чтобы отомстить ему». Такъ и поступалъ Мицкевичъ. Онъ предполагаетъ, что молодой литвинъ Альфъ помогаетъ Кейстуту убѣжать отъ тевтонцевъ и самъ бѣжитъ съ нимъ въ Литву. Крещенный нѣмцами, онъ не забываетъ своей родины. Онъ бѣжитъ вмѣстѣ съ Кейстутомъ въ Литву и затѣмъ исторія уже ничего далѣе не знаетъ о немъ. Но Мицкевичъ превращаетъ его въ героя. Отомстить за родину, хотя бы цѣною преступленія и измѣны,—вотъ единственная цѣль жизни Альфа; онъ вступаетъ въ орденъ, становится гросмейстеромъ, ведетъ тевтонцевъ на Литву и тамъ ихъ губитъ.

Слѣдуетъ прибавить, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Колленбахъ,—что на такую догадку могъ навести Мицкевича Байронъ своимъ «Корсаромъ». И въ самомъ дѣлѣ трудно незамѣтить сходства

между этими двумя поэмами. Байроновскій Корсаръ — грекъ, ненавидящій турокъ. Корсаръ, который, какъ и Мицкевича Валленродъ, называется Конрадомъ, грабитъ турецкіе корабли. Собственно на грабежѣ онъ могъ бы успокоиться и остаться простымъ пиратомъ: онъ награбилъ много богатствъ и съ островомъ пиратовъ связываетъ его любовь: онъ любитъ свою Медору, которая въ пустынной башнѣ тоскуетъ по немъ, когда онъ со своими пиратами отправляется грабить турокъ. Напрасно Медора умоляетъ Конрада бросить грабежи и пользоваться жизнію и мирнымъ существованіемъ. Конрадъ долженъ еще разъ разстаться съ нею: ему пришелъ въ голову новый планъ мести. Переодѣтый въ дервиша, онъ во время пира проникаетъ во дворецъ паши, отвлекаетъ подозрѣнія и въ тотъ моментъ, какъ паша начинаетъ догадываться, что имѣетъ дѣло съ подложнымъ дервишемъ,—онъ даетъ знакъ и его пиратъ поджигаетъ турецкіе корабли. Корабли и городъ горятъ, и «дикая радость горитъ въ очахъ Конрада».

His heart was form'd for softness—warp'b to wrong;
Betray'd too early, and beguiled to long.

Такимъ образомъ, не трудно прійти къ заключенію, что планъ своей поэмы Мицкевичъ заимствовалъ у Байрона, подобно тому, какъ и самъ Байронъ заимствовалъ его изъ описанія Гиббона. Но и кромѣ плана, Мицкевичъ заимствовалъ различныя подробности, въ особенности въ характеристикѣ Конрада Валенрода. Однако, всѣ эти сближенія не должны вводить насъ въ заблужденіе: сходство байроновскаго героя съ героемъ Мицкевича скорѣе внѣшнее, физическое, чѣмъ духовное; въ то время, какъ у Байрона на первый планъ выступаютъ необузданныя страсти, у Мицкевича, напротивъ того, идея родины заслоняетъ собою всѣ другія чувства и побужденія, и становится господствующей. Тѣмъ не менѣе, эта любовь къ родинѣ не исключительно овладѣла героемъ; есть еще и другое чувство, столь же сильное и страстное,—любовь къ Альдонѣ. Такимъ образомъ, благодаря этимъ двумъ чувствамъ, взаимно исключающимъ другъ друга, возникаетъ трагическая коллизія, составляющая сущность поэмы и ея руководящую идею, — коллизія сознанія, что и онъ могъ бы пользоваться мирнымъ и спокойнымъ счастьемъ, съ мыслью, которая отравляетъ все его существованіе, съ мыслью, что онъ принадлежитъ народу порабощенному и что никакое человѣческое счастье уже не въ состояніи возвратить ему утраченное душевное равновѣсіе. Ему остается одно: отречься отъ этого счастья и посвятить себя родинѣ, посвятить все, даже спасеніе собственной души ради спасенія родины, хотя, какъ христіанинъ, онъ знаетъ, что путь, ведущій его къ этой цѣли— преступенъ. Альфъ цѣлые годы скитается по чужимъ странамъ, какимъ-то таинственнымъ образомъ (можетъ быть тоже преступнымъ) присвои-

ваетъ себѣ названіе исчезнувшаго рыцаря Валленрода, вступаетъ въ орденъ, достигаетъ популярности среди рыцарей, высказываетъ чувства ненависти къ язычникамъ-литвинамъ, и становится гросмейстеромъ ордена. Цѣль близка, но въ эту минуту любовь, до сихъ поръ подавленная, возвращается въ его сердце съ новою силою. Альфъ любитъ Альдону, какъ любилъ прежде и даже больше, потому что продолжительное отсутствіе усилило тоску по родинѣ и по той, которая для него была самымъ дорогимъ сокровищемъ на родинѣ. Онъ сожалѣетъ о своей утраченной молодости, — и это сожалѣніе не роняетъ героя, потому что оно естественно и человѣчно. Онъ точно говоритъ устами другого поэта: «а счастье было такъ близко, такъ возможно». Вотъ это-то именно чувство сожалѣнія превращаетъ его изъ мелодраматическаго героя, — истукана идеи,—въ дѣйствительнаго человѣка, которому «ничто человѣческое не чуждо».

По волѣ я отъ счастья отказался,
Чтобъ замыселъ свершить кровавыхъ дѣлъ моихъ.
Теперь-же долгія увѣнчаны мученья,
У цѣли удалось давно желанной стать...
А ты пришла ко мнѣ побѣду вырывать...
О юность! жертвъ твоихъ необозримъ предѣлъ:
Любовью, счастіемъ и, наконецъ, душою
Народу жертвовать я съ молоду умѣлъ,
Скорбя, но съ мужествомъ! Теперь я устарѣлъ.
Отчаянье меня, и долгъ, и воля Божья
Зовутъ на брань, и что-жъ? - не смѣю оторвать
Я головы сѣдой отъ этихъ стѣнъ подножья...

(*Перев. Н. Семенова*).

Эта постоянно и послѣдовательно увеличивающаяся борьба человѣческихъ слабостей съ грознымъ, непоколебимымъ долгомъ придаетъ поэмѣ по истинѣ грандіозный паѳосъ.

Поэма, послѣ своего появленія вызвала самые разнообразные толки прежде всего въ польской критикѣ. Такъ напримѣръ, одинъ изъ талантливѣйшихъ польскихъ критиковъ сороковыхъ годовъ, Мохнацкій, видитъ въ «Конрадѣ Валленродѣ» благородное предпріятіе и возвышенное настроеніе. Съ другой стороны, другой критикъ, Козьмянъ, вышучиваетъ Валленрода, называетъ его «пьяницей» и всю эту поэму, которая должна представить намъ, «какимъ благороднымъ образомъ литвины любятъ свою родину». Моравскій, признавая за поэмой большія достоинства, спрашиваетъ, однако: «можетъ-ли быть поступокъ Валленрода, хотя и имѣющій въ своемъ основаніи любовь къ родинѣ, благороднымъ?»—и отвѣчаетъ: «нѣтъ, никакая сила воображенія не въ состояніи оправдать измѣну». Изъ этихъ критическихъ отзывовъ одинъ отзывъ имѣетъ для насъ особенный интересъ, это—отзывъ Новосильцова, тогдашняго по-

печителя виленскаго учебнаго округа (этотъ отзывъ, въ формѣ оффиціальной бумаги, былъ напечатанъ въ русскомъ текстѣ, Третякомъ въ «Pamictnikach Towarzystwa liter. im. A. Mickiewicza, томъ V, стр. 245—256). Въ своей оффиціальной бумагѣ критикъ-сенаторъ предполагаетъ, что Мицкевичъ мечтаетъ о какомъ-то будущемъ Валленродѣ; прославляя впередъ воображаемаго Валленрода, Мицкевичъ можетъ быть надѣется, что такимъ образомъ онъ создастъ дѣйствительнаго Валленрода. Затѣмъ Новосильцевъ приступаетъ къ литературному разбору поэмы; такъ, въ Гальбанѣ онъ видитъ олицетвореніе самого поэта, обращаетъ вниманіе на тенденціозное motto изъ Маккіавели (bisogna essere volpe e leone), сознается, что «мѣстами» встрѣчаются прекрасные стихи, но прибавляетъ, что, въ цѣломъ, поэма состоитъ изъ «разноцвѣтныхъ лохмотьевъ и неровныхъ частей». Въ концѣ Новосильцевъ прибавляетъ, что вовсе не желаетъ вредить Мицкевичу; его намѣреніе было только указать, какого неустаннаго наблюденія заслуживаютъ произведенія лицъ, дѣйствующихъ подъ вліяніямъ худо понятаго патріотизма.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Новосильцевъ своимъ оффиціальнымъ докладомъ идетъ по слѣдамъ тѣхъ тенденціозныхъ критиковъ, которые, упуская психологическое содержаніе поэмы, видятъ въ ней зловредную и преступную идею. Но это доказываетъ только близорукость этихъ критиковъ. Мы уже указали на борьбу, происходящую въ душѣ Конрада,—борьбу между долгомъ (спасеніе родины) и чувствомъ, которое говоритъ ему, что преступленіе, совершенное хотя-бы съ наилучшими цѣлями, тѣмъ не менѣе остается преступленіемъ. Это положеніе превосходно развилъ г. Спасовичъ, говоря, что въ душѣ Конрада находили себѣ мѣсто и другіе инстинкты, откровенность, искренность, нравственный инстинктъ, не позволяющій обманывать себя никакими софизмами, и отвращеніе отъ звѣрскаго способа борьбы, въ особенности отъ лисьей измѣны и отъ злоупотребленія довѣріемъ. «Съ рѣшающимъ судьбы ордена ударомъ онъ медлитъ до послѣдней возможности; онъ устаетъ въ даваніи зла и говоритъ «довольно», потому что и «нѣмцы—люди». Онъ знаетъ, что ему нѣтъ прощенія, что единственный для него выходъ—смерть. Онъ умираетъ, какъ Самсонъ, величаво, гордо, попирая плащъ и знаки—великаго магистра, съ словами: «Вотъ грѣхи живота моего».

Эта недостаточно продуманная нравственная щепетильность нѣкоторыхъ польскихъ критиковъ, видѣвшая въ «Конрадѣ Валленродѣ» проповѣдь измѣны, отразилась и въ русской критикѣ. Никто изъ критиковъ не обратилъ вниманія на то простое обстоятельство, что идея, положеннаго Мицкевичемъ въ основаніе своей поэмы, не есть его личное достояніе, а принадлежитъ цѣлой литературной полосѣ, которая извѣстна подъ названіемъ романтизма. Мы уже указывали на близкое родство

этой идеи съ идеей Байроновскаго «Корсара». Совершенно то же самое мы видѣли и въ «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголя. Стоитъ только обратить вниманіе на разсказъ о томъ, какъ казакъ Мосій Шило вторгается въ довѣріе къ туркамъ и «когда турки, обрадовавшись, что достали себѣ такого слугу, стали пировать и, позабывъ законъ свой, всѣ перепились, онъ принесъ всѣ шестьдесятъ четыре ключа и роздалъ невольникамъ, чтобы отмыкали себя, бросали бы цѣпи и кидали въ море, а брали-бы на мѣсто того сабли, да рубили турокъ». Казаки «Тараса Бульбы» находятъ такой подвигъ не только полезнымъ, но и достойнымъ всякаго восторга. Повидимому и авторъ, т. е. самъ Гоголь, раздѣляетъ чувства своихъ дѣйствующихъ лицъ; по крайней мѣрѣ, нигдѣ ни въ тонѣ разсказа, ни въ его формѣ, ни въ той или иной фразѣ не видно, чтобы онъ думалъ иначе.

Съ «Конрада Валленрода» политическій романтизмъ окончательно воцарился въ польской литературѣ.

V.

Въ чемъ заключалась дѣйствительная сущность романтизма съ точки зрѣнія Мицкевича? Мицкевичъ еще въ Вильнѣ въ предисловіи къ «Балладамъ и романсамъ» старался отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ его предисловіи встрѣчается много вѣрныхъ замѣчаній и глубокихъ мыслей, но все это могло быть плодомъ чтеній, а не личныхъ самостоятельныхъ размышленій и не вполнѣ отвѣчаетъ натурѣ поэта. Только впослѣдствіи, заграницей (въ 1830 г.), мы находимъ этотъ отвѣтъ въ разговорахъ и бесѣдахъ съ Сигизмундомъ Красинскимъ, съ которымъ Мицкевичъ тогда познакомился. Молодой Красинскій, тоже будущій великій польскій поэтъ, наслышался въ Варшавѣ много толковъ о романтизмѣ, который былъ тогда въ большой модѣ, и о самомъ Мицкевичѣ, который и тогда уже считался представителемъ польскаго романтизма. Мицкевичъ, гораздо старше Красинскаго, старался дать ему истинное понятіе о поэзіи, о ея цѣляхъ и требованіяхъ. Однажды, прогулка въ Лаутербрунненъ и видъ «прекрасныхъ ужасовъ» природы вызвали разговоръ о балладѣ и романтичности. Красинскій чрезвычайно удивлялся тому, какъ «корифей нашего романтизма высмѣивалъ или громилъ то самое, въ чемъ больше всего упрекали его варшавскіе классики». Тогда-то именно Мицкевичъ и далъ такое опредѣленіе романтизма, о которомъ еще лѣтъ восемь тому назадъ онъ и самъ, можетъ быть, еще не подозрѣвалъ. По сообщенію Одынца, Мицкевичъ полагалъ, что дѣйствительная сущность романтизма заключается въ возможности и свободѣ изученія голой правды, въ отстраненіи отъ нея всякаго временнаго одѣянія, подобно тому, какъ скульпторъ на голой модели познаетъ строеніе человѣческаго тѣла, и

только потомъ въ своихъ произведеніяхъ пріискиваетъ ему соотвѣтственное одѣяніе. Весь романтическій переходъ польской литературы Мицкевичъ сравнивалъ съ ущельемъ въ Лаутербрунненѣ, который, будучи самъ по себѣ хаотическимъ и дикимъ, тѣмъ не менѣе ведетъ къ Юнгфрау. Подобно этому ущелью и романтическая литература имѣетъ въ перспективѣ народную поэзію. Эта ясная формула была весьма полезна будущему автору «Небожественной комедіи», который во многомъ не отдавалъ себѣ еще отчета въ этихъ сложныхъ вопросахъ. Онъ и тогда уже сознается въ своихъ письмахъ, что Мицкевичъ научилъ его смотрѣть на міръ спокойнѣе, безпристрастнѣе, сознается, что благодаря Мицкевичу онъ избавился отъ «многихъ предразсудковъ и совершенно ложныхъ представленій». Въ одномъ своемъ письмѣ, написанномъ уже послѣ отъѣзда Мицкевича въ Римъ, Красинскій такъ выражается о Мицкевичѣ: «Этотъ человѣкъ удивительно умѣетъ примирять сухую реальность жизни съ самыми возвышенными представленіями поэзіи, идеалистической философіи, имѣющій самыя чистыя намѣренія и желанія; человѣкъ великаго ума, проникающаго во всѣ науки и искусства... Онъ вполнѣ убѣдилъ меня въ томъ, что правда и одна только правда можетъ быть прекрасной въ наше время; что всѣ украшенія, всѣ цвѣты стиля—нуль, когда мысль отсутствуетъ...»

Мицкевичъ еще въ Москвѣ, послѣ прочтенія «Бориса Годунова» Пушкина, сталъ мечтать объ исторической драмѣ и много думалъ объ этомъ предметѣ, разумѣется, съ точки зрѣнія романтическихъ склонностей своего генія. Послѣ вечера у Веневитинова, на которомъ Пушкинъ читалъ свою драму, Мицкевичъ пишетъ Лелевелю: «Теперь самое важное, безъ чего я ничего не могу сдѣлать, есть проектъ написать драму о Варварѣ Родзивилловнѣ. Пожалуйста, сохраните это въ секретѣ: боюсь, чтобы меня не осмѣяли за то, что я осмѣливаюсь трактовать предметъ, который былъ такъ часто разрабатываемъ польской поэзіей». Проектъ этотъ не былъ осуществленъ, вѣроятно потому, что тогда Мицкевичъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ справиться съ драмой. По-крайней мѣрѣ на такую догадку наводитъ письмо къ Одынцу, который тогда былъ занятъ своей неудачной драмой «Изора»: «Я долженъ сказать тебѣ правду: не полагаю я великихъ надеждъ на твою драму, потому что ты еще слишкомъ молодъ и не настолько еще изучилъ людей, чтобы изображать характеры не пустой декламаціей, а реальными и глубокими чертами... Я значительно старше тебя, я встрѣчался съ гораздо большимъ количествомъ людей, а между тѣмъ, всякій разъ, когда принимаюсь за драму, чувствую, что мнѣ многаго еще недостаетъ».

Въ перепискѣ Мицкевича мы встрѣчаемъ одно очень любопытное мѣсто: «Какой-то физіологъ доказываетъ,—говоритъ Мицкевичъ,—что мозгъ ребенка въ утробѣ матери послѣдовательно похожъ на мозгъ рыбы,

птицы, млекопитающаго и только послѣ всѣхъ этихъ переходовъ онъ начинаетъ приближаться къ мозгу человѣка». Такіе же фазисы, по его мнѣнію, проходитъ и человѣкъ, въ своемъ нравственномъ и художественномъ развитіи. И всякій разъ, когда онъ на какомъ-нибудь изъ этихъ переходныхъ фазисовъ остановится, появляется на свѣтъ божій уродъ, головастикъ, поэтъ-бумагомаратель. Затѣмъ, говоря о себѣ, Мицкевичъ утверждаетъ, что въ первое время своего пребыванія въ университетѣ онъ находился въ состояніи млекопитающаго, т.-е. писалъ такія стихотворенія и имѣлъ такія понятія объ искусствѣ, какъ того требовали тогдашніе варшавскіе критики. Въ новогродской школѣ онъ чувствовалъ себя въ фазисѣ рыбы, когда началъ переводить въ стихи «Нуму Помполія» Флоріана, да и то съ польской прозы Сташица. Только въ послѣдніе годы въ университетѣ онъ научился чувствовать и цѣнить дѣйствительную красоту въ переводахъ Кохановскаго и въ стихотвореніяхъ Трембицкаго.

Подобные же переходы и фазисы замѣчаемъ мы и въ размышленіяхъ Мицкевича о драмѣ, сущность которой занимала его всю жизнь. Въ Петербургѣ и Москвѣ онъ восторгается «Борисомъ Годуновымъ», который наводитъ его на мысль написать драму о Варварѣ Родзивилловнѣ, затѣмъ въ Веймарѣ, часто видаясь съ Гете, онъ начинаетъ понимать недостатки въ «Фаустѣ», въ Дармштатѣ высказываетъ свое недовольство «Мессинской невѣстой» Шиллера, которую онъ тогда видѣлъ на сценѣ. Во время представленія Мицкевичъ скучалъ и подъ конецъ ушелъ домой, не дождавшись окончанія. Потомъ онъ объяснялъ Одынцу, какая существуетъ разница между французской подражательностью и нѣмецкой. Французскіе поэты,—говорилъ онъ,—временъ Людовика XIV имѣли покрайней мѣрѣ ту заслугу, что, подражая чужимъ формамъ, они умѣли примѣняться къ требованіямъ современнаго имъ общества и воплощать идеи и чувства по крайней мѣрѣ той части народа, среди которой жили и для которой писали. Одно лишь филологическое подражаніе греческимъ поэтамъ, какъ, напримѣръ, въ «Мессинской невѣстѣ» Шиллера, можетъ оцѣнить только высоко образованная публика.

Во время пребыванія своего въ Римѣ, Мицкевичъ съ большимъ интересомъ читалъ сочиненіе Брюмуа о греческомъ театрѣ и оно-то навело его на мысль о Прометеѣ, «о которомъ онъ думалъ давно уже». Тогда же онъ купилъ въ Римѣ Эсхила въ подлинникѣ и зачитывался имъ. Изъ письма Одынца мы узнаемъ, что приводя сцену Прометея съ Гермесомъ, Мицкевичъ съ восторгомъ говорилъ о трагедіи Эсхила. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ и самъ задумалъ написать трагедію подъ заглавіемъ «Прометей». «Это не будетъ,—передавалъ онъ,—ни переводъ, ни даже подражаніе греческому поэту; это будетъ лишь перезсказъ его идеи, примѣненный къ христіанскимъ понятіямъ. Въ содержаніи же это будетъ

вѣчная исторія человѣческаго духа, въ основѣ своей возвышеннаго, но обманутаго и заблуждающагося въ своей борьбѣ съ существами высшими, или сильнѣйшими его, существами, которыхъ онъ не въ силахъ признать или которымъ не можетъ покориться». Приводя эти слова, Одынецъ полагаетъ, что знаменитая сцена импровизаціи въ третьей части «Dziadów» есть не болѣе, какъ отраженіе основной мысли этой задуманной польскимъ поэтомъ тогда трагедіи, которая его занимала чрезвычайно, но которую ему все-таки не пришлось написать. Въ трагедіи Эсхила Мицкевичъ восторгался глубокими мыслями, но для соотвѣтствующаго выраженія этихъ прометеевскихъ мыслей Мицкевичу недоставало внѣшняго побужденія, которое явилось только черезъ годъ, въ политической катастрофѣ 1831 года.

Огромный теоретическій и психологическій интересъ имѣютъ для насъ мнѣнія Мицкевича, высказанныя имъ во Флоренціи, въ церкви Santa Croce, у памятника Микель-Анджело Буонаротти и Галлилея. Одинъ изъ спутниковъ Мицкевича, англійскій художникъ Алленъ (другъ Вальтеръ Скотта) намекнулъ на судьбу великихъ людей и на тѣ преграды, которыя встрѣчаетъ каждый новый геній и каждая новая правда. Эти слова обратили на себя вниманіе польскаго поэта. Эти преграды объяснялъ онъ вѣковѣчной борьбой человѣка съ небомъ о первенствѣ земли надъ солнцемъ. По его мнѣнію, и въ свѣтѣ природы, и въ свѣтѣ духа является солнце,—одно сотворенное, другое—откровенное. Въ свѣтѣ природы, Коперникъ и Галлилей доказали, что земля не господинъ, а лишь слуга солнца. Но въ свѣтѣ духа, несмотря на всѣ свидѣтельства и наблюденія, солнце правды все еще подвергается сомнѣніямъ каждаго новаго поколѣнія, которое эту правду разсматриваетъ съ своей односторонней точки зрѣнія, всегда стараясь сдѣлаться спутницей разума. Почему,—продолжалъ Мицкевичъ,—вопросъ о зависимости земли отъ солнца легче было разрѣшать въ свѣтѣ природы, чѣмъ въ свѣтѣ духа? Потому, что въ свѣтѣ природы, орудіемъ устраняющимъ всяческія сомнѣнія является разумъ, между тѣмъ, какъ въ свѣтѣ духа, рѣшеніе принадлежитъ не разуму, а чувству. Но разумъ съ этимъ не можетъ примириться. Разумъ, не могущій своими собственными силами дойти до окончательной истины, не хочетъ покориться чувству, потому что чувство утверждаетъ истину только смиреніемъ, а свидѣтельствуетъ объ этой правдѣ—вѣрой. Разумъ не уступаетъ чувству, потому что этому мѣшаетъ его гордость; а поэтому предпочитаетъ не признавать истины. «А все это вмѣстѣ взятое,—прибавлялъ Мицкевичъ,—является доказательствомъ того, что въ свѣтѣ духа земля, силой которой является разумъ, а грѣхомъ—его гордость, до сихъ поръ господствуетъ надъ солнцемъ, свѣтомъ котораго является правда, а тепломъ—любовь».

Такимъ образомъ, уже въ 1830 году, еще до политической катастофы

въ Варшавѣ, оказавшей на Мицкевича такое сильное вліяніе, польскій поэтъ уже находился въ томъ фазисѣ своего развитія, который въ концѣ концовъ привелъ его къ мистицизму и мессіанизму, и тогда уже онъ отрицательно относился къ «нѣмецкой философіи» и медленно приближался къ религіозному міровоззрѣнію, которое лежало въ самыхъ свойствахъ его натуры, но которое не всегда проявлялось достаточно ясно. Довольно яркое этому свидѣтельство мы находимъ въ одномъ письмѣ Хлюстина, русскаго пріятеля Мицкевича, которому тотъ писалъ въ 1830 году: «Со всѣхъ сторонъ я слышу, что вы примиряетесь съ католицизмомъ (que vous donnez dans le catholicisme). Конечно, нужна поддержка въ жизни... Но я думалъ, что вы, какъ и я, находите эту поддержку въ ненависти къ грубой силѣ, а не въ воображаемой, капризной, изнѣживающей любви, годной лишь на то, чтобы служить маской для интригъ адской касты, которая, на мой взглядъ, является причиной всѣхъ нашихъ политическихъ бѣдствій, годной для поддержки низкихъ интересовъ этой касты, но могущей увлекать лишь слабыя души или, вѣрнѣе, людей безъ души. Таковы были ваши мнѣнія, когда я съ вами встрѣчался. Долженъ-ли я думать, что вы измѣнились? Отвѣчайте мнѣ, дорогой Мицкевичъ, не оставляйте меня въ сомнѣніяхъ».

Слухи, о которыхъ въ этомъ письмѣ говоритъ Хлюстинъ, несомнѣнно, были справедливы, но Хлюстинъ тѣмъ не менѣе ошибается, когда думаетъ, что Мицкевичъ a donné dans le catholicisme. Въ римскій періодъ своей жизни, Мицкевичъ, дѣйствительно, одно время находился подъ впечатлѣніемъ религіозныхъ стремленій, но только одно время, да и то подъ впечатлѣніемъ священника Холоневскаго, очень умнаго человѣка. Но этотъ періодъ набожности скоро прошелъ и уже никогда не возвращался. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы Мицкевичъ не былъ религіозенъ; напротивъ, религіи онъ приписывалъ огромное значеніе, но къ католической церкви, какъ церкви, онъ относился критически. Въ 1844 г. въ самый разгаръ своего миссіанизма, онъ въ своемъ «Курсѣ славянскихъ литературъ» горько упрекалъ «Оффиціальную церковь» (Eglise officielle) въ равнодушіи къ духовнымъ потребностямъ массъ, находилъ, что церковь стала матеріалистична, потеряла инстинктъ живой правды и забыла первые вѣка своего существованія.

Но возвратимся къ его воззрѣніямъ на драму. Во время своего путешествія по Германіи и еще, повидимому, находясь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ «Бориса Годунова», историческая драма очень интересовала польскаго поэта. По его мнѣнію, поэзія должна быть «истиной для истины». Но «истины» нельзя понять однимъ разумомъ. Только «вдохновеніе»,—великій даръ божій,—обнаруживаетъ ее по временамъ. Существуютъ поэты, которымъ не достаетъ вдохновенія, и которые замѣняютъ его искусствомъ; они создаютъ искусственную поэзію. Такою искусственною поэзіей была

поэзія Возрожденія, поэзія подражанія классическимъ образцамъ. Она на цѣлые вѣка убила истинную поэзію, поэзію христіанскаго и народнаго чувства. Въ настоящую минуту только поэзія начинаетъ возвращаться къ истинѣ, при посредствѣ подражанія народнымъ формамъ. Но тѣсная сфера чисто-научныхъ представленій будетъ недостаточна для выраженія высшихъ истинъ. Байронъ—поэтъ истины, но только истины, личныхъ чувствъ. Гете ищетъ истину разумомъ, Шиллеръ предчувствуетъ ее вдохновеніемъ. Вслѣдствіе этого, по мнѣнію Мицкевича, вліяніе Шиллера на нѣмецкій народъ гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе Гете. Шиллеръ говоритъ чувству, а слѣдовательно, юности, и развивая юность—создаетъ новое поколѣніе. Гете говоритъ только разуму, т.-е. тѣмъ, которые могутъ только размышлять надъ жизнію, потому что въ дѣйствительности они уже не живутъ. Тутъ мы уже встрѣчаемъ въ зародышѣ тѣ идеи, которыя черезъ нѣсколько лѣтъ станутъ преобладающими и окончательными у Мицкевича. Наиболѣе законченная формула взглядовъ поэта на драму встрѣчается въ слѣдующихъ его словахъ: «высшій родъ драматизма есть драматизмъ психическій, а въ этомъ драматизмѣ польская исторія не только не уступаетъ никакой другой, но можетъ быть превышаетъ ихъ, потому что вращается въ сферахъ, господствующихъ надъ человѣческимъ разумомъ, надъ всякимъ эгоистическимъ интересомъ, или страстью, и имѣетъ то сходство съ поэтической Элладой, что она подчиняетъ всѣ человѣческія дѣла міру сверхчувственному, съ помощью чувства и вѣры». Примѣръ такого высшаго драматизма Мицкевичъ видитъ въ отношеніяхъ Яна Замойскаго къ Самуилу Зборовскому, въ сценѣ, когда судья, приговоривъ виновнаго къ казни, самъ за день до совершенія казни приходитъ въ темницу, съ тѣмъ, чтобы испросить прощенія у приговореннаго. Великій «фатумъ» повисъ подъ нимъ: неприкосновенность права, неприкосновенность высшей идеи. Человѣкъ, стоящій лицомъ къ лицу со смертію, христіанинъ, стоящій лицомъ къ лицу съ вѣчностью, гражданинъ, стоящій лицомъ къ лицу съ высшей идеей, можетъ возвыситься надъ временной дѣйствительностью, можетъ признать необходимость и справедливость приговора,—а слѣдовательно, можетъ простить,—и прощаетъ. Болѣе высокаго и возвышеннаго паѳоса не можетъ быть ни въ поэзіи, ни въ человѣческой жизни. Это признаніе и прощеніе превращаетъ виновнаго въ жертву,—жертву добровольную на благо родины въ будущемъ.

Такимъ образомъ, первоначальная идея исторической драмы, которую Пушкинъ далъ Мицкевичу въ «Борисѣ Годуновѣ», съ теченіемъ времени совершила въ душѣ Мицкевича огромную и, по истинѣ, замѣчательную эволюцію,—отъ шекспировской драмы онъ перешелъ къ драмѣ идеалистической и даже мистической. Но и въ драмѣ Пушкина Мицкевичъ видѣлъ элементъ этого идеализма, онъ это ясно выразилъ въ своей французской

статьѣ на смерть Пушкина. Воспоминаніе о безвременно погибшемъ другѣ оживило въ Мицкевичѣ много уже пережитыхъ для него самого литературныхъ идей, къ которымъ теперь онъ могъ уже относиться спокойно, потому что онѣ принадлежали исторіи. Эта статья особенно замѣчательна тѣмъ, въ ней мы видимъ, какъ уже въ 1837 году относился Мицкевичъ, если не холодно, то безпристрастно къ романтизму вообще и въ частности къ байронизму. Совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Калленбахъ, что въ этой статьѣ Мицкевичъ съ удивительной проницательностью указываетъ на послѣдовательное развитіе Пушкина,—на его отношенія къ Байрону и на связь русскаго романтизма съ декабрьскимъ движеніемъ. Въ русской литературѣ только значительно позднѣе, сначала Бѣлинскій, а потомъ Аполлонъ Григорьевъ, Анненковъ и Пыпинъ, приступили къ болѣе подробному развитію этой программы изслѣдованій. «Я былъ убѣжденъ,—заканчиваетъ свою статью Мицкевичъ,—что его поэтическое безмолвіе пророчило много хорошаго для русской литературы. Я ожидалъ, что онъ вскорѣ снова появится на сценѣ, какъ новый человѣкъ, во всей силѣ своего таланта, созрѣвшій благодаря опыту, окрѣпшій, благодаря труду».

Козловъ правду сказалъ о польскомъ поэтѣ: «Vous nous l'avez donné fort, nous vous le rendons puissant».

В. Чуйко.

Рабочее законодательство въ Западной Европѣ.

I.

Отъ 23-го по 28-е августа текущаго года въ г. Цюрихѣ засѣдалъ международный конгрессъ по рабочему законодательству, созванный союзомъ Швейцаріи. Этотъ союзъ, въ составъ котораго входятъ всѣ рабочія организаціи страны безъ различія политическихъ и религіозныхъ воззрѣній (соціалъ-демократическій союзъ, національное общество «Грютли», католическія общества и т. д.), циркуляромъ отъ 4-го апрѣля сего года, обратился «къ рабочимъ всѣхъ странъ», приглашая тѣ рабочія организаціи, которыя стоятъ за введеніе рѣшительной государственной защиты рабочихъ, принять участіе въ съѣздѣ, имѣющемъ цѣлью обсужденіе задачъ международнаго рабочаго законодательства и изысканіе средствъ для ихъ осуществленія. Въ упомянутомъ циркулярѣ говорится между прочимъ слѣдующее: «Швейцарскій союзный совѣтъ уже не разъ пытался побудить правительства промышленныхъ странъ войти между собою въ соглашеніе относительно средствъ защиты рабочихъ. До сихъ поръ, однако, ничего въ этомъ направленіи не было достигнуто. Воззрѣнія отдѣльныхъ правительствъ на этотъ предметъ слишкомъ отличались другъ отъ друга. Между тѣмъ, соціалистическія рабочія организаціи своими международными конгрессами съ одной стороны и майскими демонстраціями въ пользу восьмичасового рабочаго дня съ другой—создали энергичное движеніе, имѣющее цѣлью уменьшеніе рабочаго дня законодательнымъ путемъ. Въ виду этого, съѣздъ представителей швейцарскихъ рабочихъ, имѣвшій мѣсто въ г. Билѣ въ 1893 году, рѣшилъ предложить рабочимъ организаціямъ собраться на съѣздъ для обсужденія вопросовъ означеннаго характера... И дѣйствительно,—говорится далѣе въ циркулярѣ,—стоитъ труда попытаться вызвать къ жизни во всѣхъ странахъ могучее движеніе, въ которомъ принимали бы участіе всѣ друзья государственной защиты рабочихъ безъ различія политическихъ и религіоз-

ныхъ воззрѣній, движеніе, которое всюду выставило бы одинаковыя требованія и задачи и которое, вслѣдствіе воплощенія въ себя объединенной силы рабочихъ всѣхъ странъ, вскорѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлалось бы непреоборимымъ. Когда правительства увидятъ себя поставленными лицомъ къ лицу съ такимъ могучимъ движеніемъ, то можно надѣяться, что въ непродолжительное время удастся побудить ихъ принять болѣе энергичныя мѣры въ желательномъ направленіи и войти въ соглашеніе между собою относительно равнаго проведенія таковыхъ во всѣхъ странахъ».

Приглашеніе рабочаго союза Швейцаріи встрѣтило сочувствіе среди рабочихъ другихъ странъ. Второй циркуляръ, разосланный организаціоннымъ комитетомъ конгресса, оповѣщаетъ объ этомъ съ восторгомъ. «Рабочія организаціи всевозможныхъ направленій,—говорится въ этомъ циркулярѣ,—точно также какъ и такія, которыя стоятъ на совершенно нейтральной почвѣ, заявили о своемъ желаніи принять участіе въ съѣздѣ. Представители рабочихъ въ законодательныхъ и административныхъ учрежденіяхъ государствъ и общинъ явятся къ намъ. Кромѣ того, многіе ученые, друзья и защитники рабочаго законодательства пожелали присутствовать на конгрессѣ и справлялись о томъ, на какихъ условіяхъ имъ будетъ разрѣшенъ доступъ. Желая сохранить за конгрессомъ характеръ рабочаго конгресса, но принимая въ то-же время во вниманіе, что присутствіе такихъ людей можетъ доставить конгрессу много чести и несомнѣнную пользу, комитетъ рѣшилъ допустить означенныхъ ученыхъ на конгрессъ въ качествѣ гостей, предоставивъ имъ пользоваться совѣщательнымъ голосомъ».

И вотъ въ означенные дни августа собрались въ Цюрихѣ представители рабочихъ организацій всѣхъ цивилизованныхъ странъ и множество ученыхъ и литераторовъ, въ большинствѣ случаевъ извѣстныхъ по своимъ работамъ въ области соціальной политики вообще или рабочаго законодательства въ частности. Всѣхъ собравшихся было около 400 человѣкъ.

Внѣшній видъ конгресса былъ въ высшей степени замѣчателенъ. Онъ представлялъ собою невиданное дотолѣ зрѣлище. Еще никогда представители рабочихъ различныхъ политическихъ и религіозныхъ направленій не собирались для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся интересовъ рабочаго класса. Въ первый разъ на этомъ конгрессѣ политическіе противники сошлись съ тѣмъ, чтобы по возможности установить тѣ пункты, относительно которыхъ возможно нѣкоторое соглашеніе, чтобы намѣтить тотъ путь, по которому всѣ безъ исключенія представители и защитники рабочихъ интересовъ могутъ, до поры до времени, идти рука объ руку. И надо отдать справедливость всѣмъ безъ исключенія участникамъ конгресса въ томъ, что они искренно стремились достигнуть означенной цѣли. Нигдѣ не было замѣтно желанія восторжествовать надъ

своимъ противникомъ во что-бы то ни стало: напротивъ, противники всѣми силами старались воздѣйствовать другъ на друга исключительно убѣдительностью приводимыхъ ими фактовъ или доводовъ. Результатомъ такихъ стараній и явилось то, что, несмотря на господствовавшее на конгрессѣ разнообразіе политическихъ и религіозныхъ воззрѣній, большинство резолюцій было принято конгрессомъ почти единогласно, а остальныя громаднымъ большинствомъ голосовъ. Правъ былъ поэтому маститый борецъ германской соціалъ-демократіи, Вильгельмъ Либкнехтъ, заявляя въ своей рѣчи, произнесенной имъ предъ закрытіемъ конгресса, что недовѣріе, съ которымъ многіе явились на конгрессъ, вполнѣ разсѣялось въ виду господствовавшаго тамъ духа примирительности и терпимости по отношенію къ воззрѣніямъ противника. Этими словами Либкнехтъ выразилъ то, что должны были чувствовать всѣ безъ исключенія участники конгресса.

Несмотря, однако, на стремленіе представителей всѣхъ партій и направленій по возможности придти къ соглашенію относительно цѣлаго ряда стоявшихъ на очереди вопросовъ рабочаго законодательства, надо къ ихъ чести сказать, что ни съ какой стороны нельзя было замѣтить старанія скрыть отъ противника свои основныя убѣжденія, отвлечь его глаза отъ своихъ конечныхъ цѣлей и задушевныхъ чаяній. Напротивъ, всѣ ораторы видимо заботились о томъ, чтобы въ собраніи не было сомнѣнія относительно занимаемой ими принципіальной точки зрѣнія какъ по отношенію къ соціальному вопросу вообще, такъ и въ частности къ обсуждавшемуся въ данное время тому или иному вопросу изъ области рабочаго законодательства. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства можно было удостовѣриться, что почти всѣ теоріи, приводимыя въ пользу защиты или обоснованія рабочаго законодательства, имѣли на конгрессѣ своихъ энергичныхъ представителей, и никто не вправѣ сказать, что конгрессъ работалъ подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-либо одной политической или религіозной партіи. Правда, соціалъ-демократическая партія и партія христіанскихъ (католическихъ) соціальныхъ политиковъ численностью своею превышали всѣ остальныя представленныя на конгрессѣ партіи, тѣмъ не менѣе число представителей той или иной партіи не играло первенствующей роли: не подавлять противника количествомъ явившихся представителей, а воздѣйствовать на него убѣдительностью своего довода въ пользу того или иного положенія—вотъ что поставили себѣ задачей представители всѣхъ безъ исключенія партій. Если принять при этомъ во вниманіе, что всѣ безъ исключенія участники конгресса явились сюда проникнутые заранѣе убѣжденіемъ въ цѣлесообразности и необходимости рабочаго законодательства, вслѣдствіе чего весь вопросъ сводился только къ тому, годна или негодна та или иная мѣра, желательно или нежелательно то или иное законоположеніе для дости-

женія опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, то станетъ очевиднымъ, что указанная выше задача должна была быть выполнена безъ особенныхъ затрудненій.

Результаты трудовъ конгресса, изложенные въ семи резолюціяхъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, могутъ, въ виду всего вышесказаннаго, разсматриваться какъ квинтэссенція требованій всѣхъ безъ исключенія друзей рабочаго законодательства, требованій, которыя, по мнѣнію конгресса, могутъ и должны быть удовлетворены въ ближайшее время во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра. Всѣ безъ исключенія участники конгресса, безъ сомнѣнія, сочтутъ своей нравственной обязанностью сдѣлать все зависящее отъ нихъ для осуществленія намѣченныхъ конгрессомъ ближайшихъ цѣлей. И если и нельзя надѣяться, что всѣ высказанныя конгрессомъ желанія въ ближайшемъ будущемъ всюду будутъ проводиться съ одинаковой энергіей и настойчивостью, то уже одно то обстоятельство, что представители различныхъ государствъ отъ различныхъ религіозныхъ и политическихъ воззрѣній высказались за цѣлесообразность и необходимость проведенія однихъ и тѣхъ-же мѣропріятій въ пользу защиты рабочихъ, придаетъ конгрессу чрезвычайно важное культурно-историческое значеніе. Чтобы понять всю важность созданнаго конгрессомъ положенія вещей съ точки зрѣнія прогресса и цивилизаціи, необходимо заранѣе составить себѣ ясное представленіе о задачахъ и цѣляхъ рабочаго законодательства вообще и въ частности о значеніи рабочаго законодательства на почвѣ международныхъ соглашеній.

II.

Извѣстно, что въ концѣ прошлаго и въ особенности въ началѣ текущаго столѣтія въ государствахъ западной Европы мало-по-малу были устранены старыя, давно потерявшія всякое право на существованіе формы политической и правовой жизни, державшія дотолѣ въ оковахъ духъ предпріимчивости и прогресса. Экономическая жизнь народовъ, больше всего страдавшая подъ гнетомъ стараго порядка вещей, стала быстро развиваться. Измѣнившійся вслѣдствіе введенія машинъ и механическихъ двигателей способъ производства сдѣлалъ возможнымъ выработку несмѣтнаго количества полезныхъ продуктовъ, которые, благодаря возникшимъ въ то же время новымъ средствамъ сообщенія, могли быть доставлены въ отдаленнѣйшіе уголки земли. «Народное богатство» росло не по днямъ, а по часамъ. Повсюду засвистѣли локомотивы, будя все окружающее къ жизни и дѣятельности; даже самые нижніе слои народовъ были выведены изъ своего состоянія вѣчнаго равнодушія. Возникли повсюду новыя потребности; къ жизни стали предъявляться со всѣхъ сторонъ новыя требованія. Всѣ надежды были направлены на

развивающуюся промышленность, которая на самомъ дѣлѣ творила чудеса и которая поэтому, какъ казалось, и должна была оправдать возложенныя на нее надежды.

Періодъ, полный надеждъ и вожделѣній, длился, однако, не долго. Вскорѣ появились всякаго рода затрудненія, которыя съ теченіемъ времени все увеличивались и накоплялись. Оказалось, что новый порядокъ вещей не всѣмъ принесъ одинаковую благодать, а что, напротивъ, только сравнительно незначительное меньшинство цивилизованнаго общества въ состояніи было воспользоваться щедрыми дарами измѣнившихся обстоятельствъ, въ то время какъ народная масса продолжала въ потѣ лица своего трудиться для достиженія средствъ пропитанія, безъ надежды когда-либо выйти изъ своего несчастнаго положенія. Далѣе стало очевиднымъ, что при новыхъ условіяхъ производства борьба интересовъ приняла небывалые дотолѣ размѣры. Борющіеся выступили на поле битвы, подозрительно относясь другъ къ другу. Ни предъ чѣмъ не останавливаясь, каждый довѣрялъ исключительно силѣ находящагося въ его рукахъ оружія. Оружіемъ-же, отъ котораго въ этой жестокой борьбѣ единственно зависѣлъ успѣхъ, явилось обладаніе капиталомъ. Чѣмъ сильнѣе оружіе, другими словали, чѣмъ большимъ капиталомъ кто-либо могъ пользоваться, тѣмъ легче удавалось ему побороть своего противника, тѣмъ вѣрнѣе онъ въ состояніи былъ обращать въ свою личную пользу тѣ преимущества, которыя доставлялъ ему новый способъ производства. Личныя способности, индивидуальныя качества не играли въ этой борьбѣ большой роли. Капиталъ приносилъ своему владѣльцу, безъ отношенія къ личности послѣдняго, всѣ сокровища и наслажденія, которыя были созданы современной цивилизаціей.

Но если борьба между обладателями капитала, въ концѣ концовъ, разрѣшалась подрывомъ экономической самостоятельности менѣе сильныхъ капиталистовъ, то существовалъ одинъ слой общества, экономическое состояніе котораго съ самаго начала было до того незначительно, что оно при измѣнившихся условіяхъ хозяйственной и политической жизни никоимъ образомъ не можетъ быть принято во вниманіе. Этотъ слой общества былъ въ виду этого съ развитіемъ новаго способа производства отданъ, такъ сказать, душой и тѣломъ во власть экономически болѣе сильныхъ—во власть обладателей капитала.

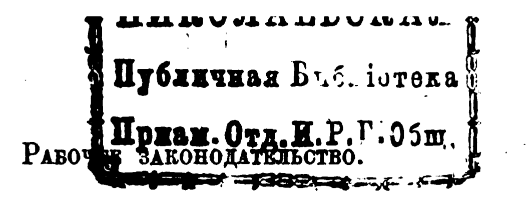
Чтобы понять послѣднее, необходимо бросить бѣглый взглядъ на характеръ современнаго способа производства, главнымъ образомъ обусловившаго тѣ формы общественной жизни цивилизованныхъ народовъ, отъ которыхъ зависитъ указанное положеніе названнаго слоя общества.

Господствующій въ настоящее время способъ производства возникъ и развился на ряду съ такъ называемымъ всемірнымъ рынкомъ. Взаимныя отношенія между ними до того тѣсны и разнообразны, что было-бы

весьма трудно рѣшить, который изъ этихъ факторовъ современной экономической жизни имѣетъ болѣе опредѣляющее значеніе. За то можно съ полной увѣренностью сказать, что существованіе этихъ явленій немыслимо одно безъ другого. Фундаментомъ современнаго способа производства является неограниченная конкурренція между предпринимателями, свобода производства и передвиженія и возможно полное и всестороннее раздѣленіе труда. Характерной же особенностью всемірнаго рынка служитъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что тамъ предлагаются ни кѣмъ заранѣе не заказанные товары со всѣхъ странъ и частей свѣта покупателямъ, потребность которыхъ точно также какъ и численность ихъ продавцамъ совершенно неизвѣстны; да часто и неизвѣстно, явится-ли вообще покупатель для тѣхъ или иныхъ товаровъ. Сообразно съ этимъ, при производствѣ товаровъ въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ и не обращается вниманія ни на имѣющуюся потребность, ни на покупную способность потребителя, ни на то, найдутъ-ли вообще произведенные товары въ надлежащее время выгодный сбытъ. Одна только надежда на сбытъ руководитъ въ большинствѣ случаевъ предпринимателемъ, надежда, только весьма рѣдко основанная на дѣйствительномъ знаніи существующей потребности рынка, которая потому часто и не оправдывается.

Повсюду, гдѣ современный способъ производства играетъ господствующую роль, предприниматели руководствуются одинаковыми принципами, или, если угодно, одинаковой безпринципностью. Отовсюду стекаются на всемірный рынокъ товары, для которыхъ необходимо еще только найти покупателя. И вотъ тутъ начинается дикая охота на послѣдняго, сопровождаемая ужасной конкурренціей между предпринимателями, стремящимися во что бы то ни стало сбыть свой товаръ. Какъ и всякая борьба, и борьба между предпринимателями кончается побѣдой болѣе сильныхъ надъ болѣе слабыми; другими словами, только тому изъ предпринимателей удается достигнуть своей цѣли, удается продать свой товаръ, который въ состояніи предложить его по болѣе низкой цѣнѣ, нежели другіе. Возможно дешевле продать съ тѣмъ, чтобы продать возможно большее количество товару,—а это послѣднее необходимо для того, чтобы на количествѣ продаваемыхъ вещей наверстать то, что при болѣе дешевой продажѣ приходится терять на каждомъ отдѣльномъ проданномъ предметѣ,—является въ виду этого основнымъ принципомъ современнаго торговаго міра, принципомъ котораго, очевидно, могутъ придерживаться только тѣ, которые производятъ свои товары въ крупныхъ размѣрахъ.

Это одно обстоятельство — это стремленіе предпринимателя продать свои товары возможно дешевле съ тѣмъ, чтобы парализовать конкурренцію со стороны своихъ противниковъ — даетъ намъ ключъ къ пониманію многихъ общественныхъ явленій настоящаго времени и главнымъ

образомъ—къ пониманiю причинъ и условiй положенiя рабочаго класса въ современныхъ цивилизованныхъ странахъ. Стремленiе возможно дешевле сбыть свой товаръ по необходимости сопровождается желанiемъ получить возможность довести расходы по производству до minimum'а. Удешевленiе производства можетъ, однако, быть достигнутымъ только двоякимъ образомъ: введенiемъ улучшенныхъ способовъ производства или же всякаго рода эксплуатацiей рабочихъ силъ. Что второй способъ удешевленiя производства пагубнымъ образомъ отражается на всемъ положенiи и бытѣ рабочаго, ясно безъ дальнѣйшихъ разсужденiй. Эта эксплуатацiя выражается ни въ чемъ иномъ, какъ въ увеличенiи рабочаго времени, уменьшенiи заработной платы, замѣнѣ работы мужчинъ работой женщинъ и дѣтей и массой другихъ подобныхъ фактовъ, ухудшающихъ условiя жизни рабочаго. Введенiе же новыхъ методовъ производства при существующихъ условiяхъ труда обыкновенно влечетъ за собою временную или хроническую безработицу большихъ или меньшихъ размѣровъ, а слѣдовательно и увеличенiе нищеты и безпомощности рабочаго класса.

III.

Это безвыходное положенiе рабочаго класса, ухудшающееся по мѣрѣ улучшенiя и развитiя производства и слѣдовательно увеличенiя богатства, поставило въ наше время на очередь такъ называемый рабочiй вопросъ, важность котораго, въ виду упомянутыхъ обстоятельствъ, не подлежитъ никакому сомнѣнiю. Вотъ ужъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ этотъ вопросъ приковалъ къ себѣ общественное вниманiе всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и съ тѣхъ поръ, какъ рабочiй классъ выдѣлилъ изъ своей среды особую политическую партiю, поставившую себѣ задачей завоевать труду подобающее ему положенiе въ обществѣ, этотъ вопросъ сталъ также однимъ изъ главныхъ предметовъ обсужденiя и заботъ законодательныхъ и административныхъ органовъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

Какъ улучшить или измѣнить судьбу тѣхъ миллiоновъ, которые въ потѣ лица своего трудятся надъ производствомъ тѣхъ колоссальныхъ богатствъ, отъ которыхъ имъ достаются лишь жалкiя крохи? Какъ отвратить отъ современнаго общества опасность ухудшенiя быта громаднаго большинства его членовъ, вызваннаго измѣнившимися условiями экономической и правовой жизни? Время, когда экономическая наука и находившееся подъ ея влiянiемъ общественное мнѣнiе видѣли единственную панацею отъ всѣхъ общественныхъ золъ въ строгомъ преслѣдованiи принципа невмѣшательства государства въ экономическiя отношенiя гражданъ, лежитъ далеко позади насъ. Отдѣльные голоса, раздающiеся по временамъ то тутъ, то тамъ изъ разрозненныхъ кружковъ нѣкогда могу-

щественной фаланги поборниковъ невмѣшательства, не производятъ больше никакого впечатлѣнія; они довольно скоро затихаютъ, не найдя себѣ слушателей, причемъ никто ужъ не находитъ нужнымъ доказывать несостоятельность подобныхъ вожделѣній. Повсюду пробило себѣ дорогу убѣжденіе, что государство не можетъ и не должно оставаться спокойнымъ зрителемъ совершающейся на почвѣ экономической жизни борьбы интересовъ, стоющей милліоны человѣческихъ жертвъ. На этомъ пунктѣ сходятся всѣ дальнозоркіе политики, къ какому-бы лагерю они ни принадлежали. Вопросъ заключается только въ томъ, въ какой мѣрѣ желательно государственное вмѣшательство и какими средствами это вмѣшательство можетъ достигнуть желаемыхъ результатовъ. Понятно, что отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ прежде всего отъ того, какихъ кто конкретныхъ результатовъ желаетъ достигнуть, а затѣмъ и отъ того, насколько кто вѣритъ въ способность государства имѣющимися въ его распоряженіи средствами повліять на ходъ экономическихъ дѣлъ въ желательномъ направленіи.

Очевидно, что, при господствующемъ разнообразіи взглядовъ на сущность задачи и цѣли государства, отношеніе различныхъ политическихъ партій къ упомянутому выше вопросу точно также должно отличаться большимъ разнообразіемъ. И дѣйствительно требованія, предъявляемыя къ государству различными партіями въ интересующемъ насъ отношеніи, до того рѣзко отличаются другъ отъ друга, что, казалось-бы, между ними нѣтъ и не можетъ быть никакой точки соприкосновенія. Тѣмъ не менѣе, существуетъ одна область, въ которой всѣ политическія партіи въ состояніи до извѣстной степени согласовать свои желанія и надежды—это область *рабочаго законодательства*. Если соціалъ-демократическая партія, партія политически организованнаго пролетаріата, и отрицаетъ за современнымъ государствомъ способность рѣшить рабочій вопросъ настоящаго времени, если христіанскіе соціальные политики считаютъ необходимымъ для этой цѣли попытаться ввести нѣкоторыя средневѣковыя формы общественной и правовой жизни и если соціалъ-реформеры въ большинствѣ случаевъ возлагаютъ свои надежды на «самодѣятельность» рабочихъ, выражающуюся въ развитіи промысловыхъ союзовъ и ассоціаціонныхъ предпріятій—то всѣ эти партіи, точно также какъ и нѣкоторыя другія, поставившія себѣ цѣлью борьбу съ современнымъ капитализмомъ, ясно сознаютъ, что болѣе или менѣе дѣйствительное улучшеніе быта рабочаго класса въ настоящемъ, т.-е. еще при существованіи капиталистическаго строя, возможно только путемъ энергичнаго рабочаго законодательства, направленнаго на смягчаніе золъ, обусловленныхъ названнымъ строемъ.

IV.

При опредѣленіи задачъ рабочаго законодательства необходимо прежде всего не упускать изъ виду, что многіе нежелательные факты современной общественной жизни являются необходимыми спутниками господствующаго экономическаго строя. Рабочее законодательство, которое по сущности своей не можетъ касаться этихъ основъ, должно поэтому заранѣе отказаться отъ иллюзіи, будто ему удастся устранить борьбу интересовъ различныхъ классовъ общества и установить полную гармонію на началахъ справедливости и истины. Принявъ это во вниманіе, можно легко отмѣтить тѣ пункты, на которые долженъ обратить вниманіе законодатель, понявшій, насколько важно съ точки зрѣнія культуры и цивилизаціи огражденіе рабочаго класса отъ излишней эксплуатаціи его нравственныхъ и физическихъ силъ.

Рабочій является обладателемъ одного фактора производства въ то время, какъ въ рукахъ предпринимателя находятся всѣ другіе. При существующихъ экономическихъ условіяхъ предприниматель и рабочій нуждаются другъ въ другѣ для извлеченія пользы изъ находящихся въ ихъ владѣніи экономическихъ силъ. Они встрѣчаются на рынкѣ и заключаютъ между собою договоръ, основанный на исполненіи точно опредѣленныхъ взаимныхъ обязательствъ. Присматриваясь къ этому акту нѣсколько ближе, нетрудно, однако, замѣтить, что въ виду различія въ характерѣ обязательствъ, взятыхъ на себя каждой изъ сторонъ, положеніе одной изъ договаривающихся сторонъ, именно предпринимателя, является съ самаго начала болѣе выгоднымъ. Въ то время, какъ то, что предприниматель обязанъ доставить рабочему, составляетъ ничто иное какъ извѣстную сумму выговоренныхъ денегъ или предметовъ, имѣющихъ извѣстную денежную цѣнность, обязательство рабочаго заключается въ отдачѣ части живой силы, неразрывно связанной съ его собственной личностью. Продажа этой силы означаетъ для рабочаго ничто иное, какъ временную отдачу своей личности въ распоряженіе предпринимателя. Такимъ образомъ, заключеніе означеннаго выше договора между предпринимателемъ и рабочимъ съ точки зрѣнія послѣдняго равносильно ограниченію его свободной воли и самодѣятельности, признанію надъ собою господства другого человѣка втеченіи того времени, пока договоръ имѣетъ силу. Покупатель рабочей силы получаетъ въ извѣстномъ смыслѣ право распоряжаться личностью рабочаго въ то время, какъ онъ остается полновластнымъ господиномъ самого себя. Каждый договоръ между рабочимъ и предпринимателемъ является, согласно съ этимъ, въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ ограниченіемъ права рабочаго въ извѣстное время распоряжаться своей личностью по

своему собственному усмотрѣнію. Можно, конечно, указать на то, что при всякомъ договорѣ, заключенномъ между двумя сторонами, всегда предполагается подчиненіе воли одного волѣ другого. Стоитъ, однако, обратить вниманіе на то обстоятельство, что рабочій по необходимости, волей-неволей долженъ вступать въ договоръ съ предпринимателемъ, т. е. продавать свою живую силу во что-бы то ни стало, ибо иначе онъ не въ состояніи достать нужныхъ средствъ пропитанія, чтобъ понять, что въ этомъ отношеніи ограниченіе воли рабочаго имѣетъ совершенно иное значеніе, нежели ограниченіе воли договаривающихся при другихъ случаяхъ. Подъ страхомъ голодной смерти или нищеты, рабочій вынужденъ поступить на службу къ предпринимателю; послѣдній, зная нужду рабочаго, спѣшитъ воспользоваться ею въ видахъ уменьшенія расходовъ по производству. Какъ бы ни были тяжелы предложенныя предпринимателемъ условія, рабочій долженъ на нихъ согласиться, такъ какъ онъ не въ состояніи ждать, пока ему, можетъ быть, удастся болѣе выгодно продать свою силу. Свобода договора, гарантируемая закономъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, является для рабочаго пустымъ звукомъ. Договоръ его съ предпринимателемъ принимаетъ форму сдѣлки, гдѣ одинъ устанавливаетъ условія, а другой безотвѣтно имъ подчиняется.

Въ виду этого обстоятельства, ближайшая задача законодательства должна быть усмотрѣна въ томъ, чтобы путемъ извѣстныхъ мѣропріятій сдѣлать рабочаго при заключеніи договора съ предпринимателемъ равноправнымъ послѣднему. Не трудно, конечно, понять, что современное государство рѣшить этотъ вопросъ въ окончательной формѣ не въ состояніи. Все болѣе увеличивающаяся съ расширеніемъ машиннаго производства конкурренція между самими рабочими, съ одной стороны, какъ и все болѣе развивающееся сплоченіе различныхъ группъ предпринимателей въ картели съ другой—будетъ въ возрастающей степени служить помѣхой приведенія въ полное равновѣсіе силъ рабочихъ съ силами предпринимателей. Тѣмъ не менѣе, государство въ состояніи до извѣстной степени достигнуть означенной цѣли, если оно дастъ рабочимъ возможность позаботиться о дальнѣйшемъ развитіи тѣхъ институтовъ и организацій, которые уже въ настоящее время дѣйствуютъ въ томъ направленіи, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Рабочій, представляющій собою, какъ мы видѣли, экономически болѣе слабую сторону и поэтому всегда побѣждаемый, оказывается въ состояніи противопоставить требованіямъ предпринимателя свои собственныя требованія, если ему удалось войти въ соглашеніе со своими товарищами, преслѣдующими одинаковые съ нимъ интересы. Отдѣльному рабочему предприниматель легко можетъ отказать отъ мѣста въ случаѣ нежеланія продолжать работу на предлагаемыхъ условіяхъ; изъ огромной запасной арміи ищущихъ работы всегда найдется достаточно замѣсти-

телей. Если же всѣ рабочіе какой-либо отрасли какого-либо района или даже только одной какой-нибудь фабрики сообща порѣшать взяться за работу только въ случаѣ исполненія работодателемъ извѣстныхъ условій, то и послѣдній, не желая потерять своихъ рабочихъ, безъ которыхъ онъ не въ состояніи извлекать какую-либо пользу изъ своего капитала, становится въ необходимость обращать больше вниманія на требованія и желанія рабочихъ.

Въ виду этого первымъ условіемъ болѣе или менѣе правильнаго отношенія между рабочимъ и предпринимателемъ является предоставленіе рабочимъ права свободнаго сплоченія въ союзы и общества, точно также, какъ и свободнаго обсужденія вопросовъ, касающихся ихъ интересовъ, съ цѣлью достиженія общаго соглашенія между сотоварищами по работѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что подобное право предоставляется предпринимателямъ, которые и безъ этого права имѣютъ полнѣйшую возможность сговариваться между собою и строго слѣдить за исполненіемъ этого соглашенія, чѣмъ въ еще большей степени усиливается его власть надъ рабочими.

Приводимыя противъ требованія свободы союзовъ и собраній возраженія часто не выдерживаютъ никакой критики. Распространенное въ нѣкоторыхъ слояхъ общества мнѣніе, будто допущеніе свободы сходокъ и союзовъ влечетъ за собою потерю самостоятельности отдѣльнаго рабочаго, основано на абсолютномъ незнакомствѣ съ положеніемъ современнаго рабочаго. Стоитъ только задать себѣ вопросъ: при какихъ условіяхъ труда больше принудительности и несамостоятельности,—въ томъ-ли случаѣ, когда рабочій, гонимый нуждой, принимаетъ безъ дальнѣйшаго разговора условія, предлагаемыя предпринимателемъ, или тогда, когда онъ, опираясь на солидарность со своими сотоварищами, имѣетъ возможность заранѣе обсудить, насколько выгодна или невыгодна для него работа въ томъ или иномъ мѣстѣ,—чтобы понять, что подобное сужденіе по меньшей мѣрѣ неосновательно. Нерѣдко аргументомъ противъ предоставленія свободы собраній и союзовъ служатъ интересы потребителей, которымъ будто-бы этой мѣрой наносится большой ущербъ. Разсуждаютъ при этомъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: если рабочіе будутъ въ состояніи свободно собираться съ тѣмъ, чтобы войти между собою въ соглашеніе относительно увеличенія своихъ требованій по отношенію къ предпринимателямъ, то послѣдніе, въ своемъ стремленіи наверстать какимъ-либо инымъ путемъ полученный отъ исполненія предъявленныхъ имъ рабочими требованій убытокъ, будутъ вынуждены продавать свои товары по болѣе дорогой цѣнѣ. Мало-по-малу наступитъ общая дороговизна всѣхъ предметовъ потребленія, отъ которой пострадаютъ одни только потребители. При болѣе близкомъ разборѣ приведеннаго сужденія оказывается, что, съ одной стороны, считается какъ

будто вполнѣ естественнымъ, чтобы предприниматель добивался своихъ выгодъ, не обращая вниманія ни на что, съ другой стороны подобное стремленіе рабочаго считается за нѣчто предосудительное, при чемъ вполнѣ упускается изъ виду, что сами рабочіе доставляютъ наибольшій контингентъ потребителей, которымъ означенной мѣрой и предоставлена была-бы возможность заботиться объ увеличеніи своей потребительной способности. Если ужъ ссылаться на интересы потребителей, то прежде всего необходимо было-бы запретить коалиціи между предпринимателями, которые устройствомъ всевозможныхъ синдикатовъ вызываютъ искусственное повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости (сахаръ, керосинъ, уголь и т. д.) и этимъ въ значительной степени ухудшаютъ условія жизни менѣе состоятельныхъ слоевъ общества. Нерѣдко также выставляютъ на видъ прямо интересы предпринимателя, которые не страдаютъ при предоставленіи рабочимъ коалиціоннаго права. Кому дороги интересы одних предпринимателей, тому, само собою понятно, всякое мѣропріятіе въ пользу рабочихъ, какъ и вообще все рабочее законодательство, кажется не только лишнимъ, но и вреднымъ. Но въ вопросахъ рабочаго законодательства должны выступать на первый планъ не интересы отдѣльныхъ личностей и даже не интересы какого-нибудь отдѣльнаго общественнаго класса; благосостояніе и будущность всего общества требуютъ энергичнаго вмѣшательства со стороны законодательства въ сферу отношеній между трудомъ и капиталомъ. И это единственная точка зрѣнія, которой приходится въ этомъ случаѣ руководствоваться.

Въ тѣсной связи съ коалиціоннымъ правомъ находится *право на свободное устройство забастовокъ*. Собственно говоря, свобода сходокъ и союзовъ только тогда имѣетъ смыслъ и цѣну для рабочаго, когда съ нею связано право рабочаго въ сообществѣ со своими товарищами прекращать работу, въ случаѣ если это окажется нужнымъ для огражденія своихъ интересовъ. Само собою понятно, что условія разъ заключеннаго договора не сохраняютъ за собою силы навсегда. При измѣнившихся обстоятельствахъ они могутъ оказаться весьма тягостными для той или другой стороны. Если сохраненіе старыхъ условій невыгодно для предпринимателя, то онъ, въ большинствѣ случаевъ, въ состояніи ихъ измѣнить, предложивъ рабочимъ согласиться на новыя условія. Разрозненные рабочіе, обыкновенно, безъ дальнѣйшаго разговора принимаютъ предложеніе хозяина, тѣмъ болѣе, что предприниматель въ состояніи придать своему требованію должный вѣсъ, войдя въ соотвѣтствующее соглашеніе со своими сотоварищами. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло у рабочаго. Отдѣльный рабочій, какъ показано было выше, ничего предпринять не въ состояніи. Только въ сообществѣ со своими сотоварищами онъ можетъ, по временамъ, надѣяться на успѣхъ, причемъ солидарныя дѣйствія ра-

бочихъ только тогда действительны, когда они могутъ закончиться общей забастовкой; только сознаніе возможности потери рабочихъ можетъ заставить предпринимателя быть более сговорчивымъ по отношенію къ предъявленнымъ ему требованіямъ. Забастовка является поэтому въ рукахъ рабочихъ тѣмъ оружіемъ, посредствомъ котораго они въ состояніи заставить предпринимателей смотрѣть на нихъ, какъ на равноправныхъ договорщиковъ, законными средствами отстаивающихъ свои интересы.

V.

Выше было указано, что вызываемое конкурренціей стремленіе предпринимателя уменьшить, по возможности, расходы по производству, неизбѣжно ведетъ на почвѣ господствующихъ экономическихъ отношеній къ эксплуатаціи физическихъ и нравственныхъ силъ рабочаго населенія.

Одной изъ главныхъ разновидностей этой эксплуатаціи является *увеличеніе рабочаго времени* до крайнихъ размѣровъ. Не говоря уже о томъ, что слишкомъ большая продолжительность рабочаго времени необходимо способствуетъ увеличенію безработицы и слѣдовательно уже съ этой стороны весьма вредно отражается на экономическомъ положеніи рабочаго класса, вопросъ этотъ важенъ еще въ томъ отношеніи, что съ нимъ неразрывно связаны важнѣйшіе вопросы народной гигіены и нравственности. Отъ чрезмѣрнаго напряженія организмъ рабочаго быстро разрушается, силы его преждевременно отказываются служить и всевозможныя болѣзни находятъ въ немъ чрезвычайно благопріятную почву. Ранняя смерть заканчиваетъ его многострадальную жизнь. Съ другой стороны, рабочій, вслѣдствіе продолжительности рабочаго дня, лишается всякой возможности заниматься чѣмъ нибудь инымъ внѣ обязательнаго ручного труда. У него не хватаетъ ни силъ, ни времени для удовлетворенія своихъ культурныхъ потребностей, потребностей къ образованію, къ эстетическому наслажденію, къ обществу. Даже обязанности по отношенію къ своей семьѣ, и тѣ онъ не въ состояніи исполнять въ желательной степени.

На основаніи этихъ соображеній, является необходимость ограничить законодательнымъ путемъ продолжительность рабочаго времени, причемъ при установленіи размѣра этой продолжительности необходимо, прежде всего, руководствоваться тѣми данными, которыя установлены медицинской наукой.

Противники ограниченія продолжительности рабочаго времени въ своей оппозиціи противъ этого мѣропріятія указываютъ главнымъ образомъ на то, что рабочій будто не будетъ знать, что предпринять со своимъ свободнымъ временемъ, какъ его убить; онъ сдѣлается, по ихъ мнѣнію, частымъ посѣтителемъ трактировъ и кабаковъ, будетъ пропи-

вать свои деньги и этимъ еще въ большей степени нанесетъ ущербъ своему здоровью и своей нравственности, нежели нѣсколькими лишними часами работы въ день. Не говоря уже о томъ, что подобное мнѣніе основано въ большинствѣ случаевъ на ничѣмъ не оправданномъ высокомѣріи его проповѣдниковъ и содержитъ глубокое оскорбленіе личности рабочаго, оно въ то-же время свидѣтельствуетъ о томъ, насколько болѣе обезпеченные классы общества мало знаютъ и понимаютъ потребности и надежды современнаго рабочаго населенія. Подобныя мнѣнія не заслуживаютъ, впрочемъ, серьезнаго возраженія. Достаточно указать на общеизвѣстный фактъ, что рабочее населеніе какъ разъ тамъ находится на весьма низкой ступени культурнаго развитія, не имѣя болѣе высокихъ потребностей и предаваясь всякимъ грубымъ наслажденіямъ, гдѣ рабочее время наиболѣе продолжительно, въ то время какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ удалось добиться извѣстнаго сокращенія рабочаго времени, потребности рабочихъ наименѣе отличаются отъ потребностей другихъ слоевъ общества, чтобъ понять, что указанное выше мнѣніе лишено всякаго смысла.

Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ аргументъ, противъ требованія ограниченія законодательнымъ путемъ продолжительности рабочаго времени, основанный на опасеніи уменьшенія производительности труда вслѣдствіе сокращенія рабочаго дня. Къ счастью опытъ показалъ, что эти опасенія неосновательны; производительность отъ сокращенія рабочаго дня не только не уменьшается, но даже часто еще увеличивается. Даже сокращеніе рабочаго времени до восьми часовъ въ день оказывается выгоднымъ не только для рабочаго, но и для предпринимателя. Во многихъ мѣстахъ фабриканты, установившіе на своихъ фабрикахъ или заводахъ восьми-часовой рабочій день въ видѣ пробы, спустя нѣкоторое время, рѣшили сохранить его навсегда. По свидѣтельству самихъ-же фабрикантовъ, восьми-часовой рабочій день даетъ помимо другихъ выгодъ возможность еще дѣлать нѣкоторыя сбереженія на издержкахъ по производству: машины находятся меньшее количество времени въ употребленіи и въ виду этого меньше портятся, требуется меньше газа или электричества на освѣщеніе, меньше топлива и смазочнаго матеріала и т. п.; далѣе оказывается, что, если и принять въ разсчетъ тѣ части расходовъ по производству, которыя и при уменьшеніи общаго количества рабочаго времени остаются неизмѣнными, какъ, напримѣръ, проценты на капиталъ, жалованье директору и другимъ служащимъ при управленіи и т. п., то и тогда интересы предпринимателя ни въ какомъ случаѣ не страдаютъ. Такіе-же благопріятные результаты дало введеніе восьми-часового рабочаго дня въ мастерскихъ нѣкоторыхъ англійскихъ министерствъ и въ казенныхъ мастерскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

VI.

Господствующій нынѣ способъ производства съ самаго начала своего развитія ознаменовался привлеченіемъ дѣтей и женщинъ къ фабричному труду. Гибельныя послѣдствія этой системы дали себя знать главнымъ образомъ съ двухъ сторонъ. Безжалостная эксплуатація дѣтей и женщинъ, во-первыхъ, подкосила здоровье этихъ двухъ категорій рабочихъ, задержала развитіе молодого поколѣнія, увеличила смертность рабочаго населенія, при чемъ семейная жизнь рабочаго пострадала въ весьма высокой степени или сдѣлалась совсѣмъ невозможной. Съ другой стороны она понизила нравственный и умственный уровень выросшихъ при такихъ условіяхъ поколѣній, одичалость и некультурность которыхъ превышали всякое представленіе. При всемъ томъ работа дѣтей и женщинъ все больше увеличивалась, вытѣсняя въ той-же степени трудъ взрослыхъ рабочихъ мужского пола въ различныхъ отрасляхъ промышленности.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что государство во имя общихъ интересовъ не можетъ допустить дальнѣйшаго развитія эксплуатаціи въ означенномъ направленіи. Исключеніе труда женщинъ изъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя по своей природѣ могутъ оказать особенно вредное вліяніе на ихъ здоровье, соотвѣтственное ограниченіе рабочаго времени вообще, точно также какъ и запрещеніе фабричной работы дѣтей, является предметомъ чрезвычайной важности, какъ-бы предприниматели ни старались доказывать необходимость работы дѣтей и женщинъ въ интересахъ національной промышленности. Однако, нерѣдко и изъ не предпринимательской среды раздаются голоса противъ соотвѣтственнаго запрещенія или болѣе значительнаго сокращенія работы женщинъ и дѣтей. Для доказательства нецѣлесообразности этой мѣры указываютъ при этомъ на то обстоятельство, что трудъ дѣтей и женщинъ лежитъ въ интересахъ самой рабочей семьи. Заработокъ отца семейства до того скуденъ, что рабочая семья не въ состояніи однимъ этимъ прожить, и потому на заработокъ другихъ членовъ семьи приходится смотрѣть, какъ на весьма желательное увеличеніе средствъ къ существованію послѣдней. Какъ ни справедливо это замѣчаніе, оно, тѣмъ не менѣе, не можетъ служить оправданіемъ приношенія дѣтей на жертву разрушающей ихъ здоровье и жизнь фабричной работѣ; точно также оно не можетъ оправдать допущеніе труда женщинъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя по природѣ своей особенно вредно отражаются на женскомъ организмѣ, не можетъ оправдать допущеніе чрезмѣрнаго труда женщинъ вообще, разъ пагубныя послѣдствія его не подлежатъ никакому сомнѣнію. При всемъ томъ не слѣдуетъ упускать изъ виду слѣдующаго обстоятельства: зарабо-

токъ взрослыхъ членовъ семьи мужского пола потому такъ низокъ, что послѣднимъ приходится конкуррировать съ болѣе дешевымъ трудомъ дѣтей и женщинъ.

Съ вопросомъ объ ограниченіи труда работницъ вообще тѣсно связанъ вопросъ о необходимости чрезвычайной защиты беременныхъ женщинъ и рожницъ. Если принять во вниманіе, что изнурительная фабричная работа уже въ первые мѣсяцы беременности можетъ быть сопряжена съ вредными послѣдствіями какъ для матери, такъ и для ребенка, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что продолженіе работы вплоть до родовъ или въ первое время послѣ родовъ должно считаться прямо гибельнымъ. Устраненіе работы женщинъ въ такомъ состояніи втеченіи извѣстнаго времени до и послѣ родовъ лежитъ несомнѣнно въ интересахъ какъ самихъ женщинъ, такъ и будущихъ поколѣній, получающаяся при этомъ убыль въ заработкѣ работницы можетъ быть пополнена, какъ показываетъ опытъ, различнымъ путемъ.

VII.

Ограниченіе закономъ продолжительности рабочаго времени не можетъ, однако, считаться достаточнымъ для того, чтобы сдѣлать рабочаго способнымъ противостоять вреднымъ вліяніямъ физическаго труда. Съ развитіемъ капиталистическаго способа производства рабочее время мало по малу охватило не только всѣ часы дня, но стало распространяться и на ночь. Между тѣмъ, *ночная работа*, по свидѣтельству компетентныхъ врачей, должна считаться въ высшей степени вредной. Конгрессъ по гигіенѣ и демографіи, засѣдавшій въ Вѣнѣ въ 1887 году, въ принятыхъ имъ резолюціяхъ касательно фабричной гигіены высказывается по этому поводу между прочимъ въ томъ смыслѣ, что запрещеніе ночного труда женщинъ необходимо въ интересахъ гигіены и морали, что въ такой же степени важно абсолютное запрещеніе ночного труда подростковъ обоего пола; въ то же время конгрессъ указывалъ на то, что отъ ночного труда и взрослый мужчина мало по малу теряетъ свое здоровье, причемъ его умственныя и нравственныя силы значительно слабѣютъ.

Существуютъ, конечно, нѣкоторыя отрасли промышленности, въ которыхъ по природѣ соотвѣтствующаго производства невозможно прекращать или прерывать работу безъ значительнаго ущерба для всего предпріятія; но количество подобныхъ производствъ сравнительно очень незначительно, вслѣдствіе чего оно и не можетъ быть принято въ разсчетъ при обсужденіи вопроса о ночномъ отдыхѣ. Законодатель всегда можетъ дѣлать въ пользу этихъ отраслей промышленности соотвѣтственныя исключенія, заботясь, однако, о томъ, чтобы ночной трудъ не производился безпрерывно одними и тѣми же рабочими, которымъ, кромѣ того,

должно быть предоставлено днемъ достаточно времени для отдыха, и чтобы производимая этими рабочими работа въ общемъ не превышала установленной закономъ продолжительности рабочаго времени.

Одинаковыя соображенія приводятъ къ требованію предоставленія рабочимъ по крайней мѣрѣ *одного свободнаго дня* въ недѣлю. Еще гигіеническій конгрессъ, имѣвшій мѣсто въ Женевѣ въ 1882 году, принялъ резолюцію, первые два пункта которой заключаютъ дословно слѣдующее: «1) Человѣческій организмъ такъ устроенъ, что нуждается изъ семи дней въ одномъ днѣ отдыха отъ физической и умственной работы. Одинъ день отдыха въ недѣлю тѣмъ важнѣе, чѣмъ изнурительнѣй и однообразнѣй работа. Недостатокъ въ еженедѣльномъ отдыхѣ вредитъ здоровью и работоспособности и ведетъ постепенно къ хилости, ранней неспособности къ труду и преждевременной смерти. Кромѣ того, непрерывная работа часто является причиной пьянства и разстройства семейной жизни; она угрожаетъ общественной безопасности, какъ, напр., при службѣ на желѣзныхъ дорогахъ и т. д. 2) Чтобы день отдыха вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ гигіены, недостаточно, однако, предоставить отдѣльному рабочему отдыхъ въ какой либо день на недѣлѣ: день отдыха долженъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ, съ тѣмъ, чтобы и внѣшнимъ образомъ отличить его отъ будничныхъ дней. Этотъ день долженъ дѣйствительно быть посвященъ возобновленію истраченныхъ силъ, и поэтому тѣло и душа должны быть заняты другимъ, нежели въ рабочіе дни». Въ томъ же смыслѣ неоднократно высказывались многіе знаменитые врачи и физіологи.

Очевидно, что самымъ подходящимъ днемъ, соотвѣтствующимъ указаннымъ требованіямъ, надо считать воскресенье, когда и всѣ другіе слои общества отдыхаютъ отъ своихъ занятій.

Воскресный отдыхъ важенъ, однако, не только съ гигіенической точки зрѣнія. Помимо семейныхъ обязанностей, у рабочаго западно-европейскихъ странъ есть еще обязанности гражданина, добросовѣстное исполненіе которыхъ возможно только при обладаніи вполнѣ яснымъ представленіемъ по крайней мѣрѣ относительно важнѣйшихъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Чтобы пріобрѣсть соотвѣтствующія свѣдѣнія, рабочему надо учиться, посѣщать собранія, на которыхъ болѣе свѣдущими людьми читаются лекціи или произносятся рѣчи на интересующія его темы, быть въ постоянномъ сношеніи со своими товарищами и т. д. Свободные отъ работы часы въ будничные дни, съ одной стороны, недостаточны, съ другой—они не въ такой степени удобны для достиженія означенной цѣли: послѣ цѣлаго дня физическаго труда трудно съ ясной головой слѣдить за изложеніемъ нерѣдко весьма запутанныхъ вопросовъ, трудно сейчасъ взяться за работу, требующую сильнаго напряженія умственныхъ и нравственныхъ силъ, трудно сноситься съ товарищами,

которыхъ еще только нужно отыскать гдѣ нибудь въ отдаленномъ мѣстѣ сборища. За то въ тотъ день, когда рабочій—полновластный господинъ своего времени, онъ можетъ имъ распорядиться по своему усмотрѣнію и согласно со своими потребностями.

VIII.

Одной изъ характеристическихъ особенностей господствующаго экономическаго строя несомнѣнно служитъ довольно частое появленіе кризисовъ, вслѣдствіе перепроизводства. Съ этимъ обстоятельствомъ связано главнымъ образомъ то, что предложеніе рабочихъ рукъ почти постоянно превышаетъ спросъ на нихъ, вслѣдствіе чего конкуренція между самими рабочими доходитъ до крайнихъ размѣровъ. Это отражается, въ свою очередь, прежде всего на *высотѣ заработной платы*, которая тогда такъ низко падаетъ, что рабочему еле хватаетъ на покрытіе первыхъ жизненныхъ потребностей, не говоря уже о томъ, что объ удовлетвореніи высшихъ, культурныхъ потребностей при такомъ положеніи вещей не можетъ быть и рѣчи.

Конечно, при существованіи полнѣйшей свободы коалиціи рабочіе въ состояніи, крѣпко сплотившись, не дать заработной платѣ упасть до минимума, нужнаго для простого поддержанія жизни. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что самыя лучшія рабочія организаціи въ большинствѣ случаевъ не достигаютъ такого успѣха, если они поставлены лицомъ къ лицу съ сильными организаціями предпринимателей.

Для улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ при существующихъ экономическихъ отношеніяхъ существуетъ только одно средство: *установленіе минимума заработной платы* для всѣхъ безъ исключенія производствъ, минимума, соотвѣтствующаго даннымъ физическимъ и культурнымъ потребностямъ рабочаго населенія. На основаніи этого минимума устанавливается затѣмъ рабочая плата для каждаго отдѣльнаго производства соотвѣтственно его особенностямъ, которая съ теченіемъ времени повышается или понижается, смотря по тому, насколько общія условія даннаго производства улучшились или ухудшились.

Требованіе установленія законодательнымъ путемъ минимума заработной платы не должно, однако, отожествлять со стремленіемъ нѣкоторыхъ экономистовъ найти теоретическимъ путемъ формулу для такъ называемой «справедливой», естественной и т. д. заработной платы, каковое стремленіе, очевидно, должно признать утопическимъ. Установленіе минимальной заработной платы не представляетъ на практикѣ никакихъ трудностей. Вѣдь уже и въ настоящее время отъ времени до времени между предпринимателями, съ одной стороны, и промысловыми союзами или другими организаціями рабочихъ съ другой—устанавливаются пу-

темъ обоюднаго соглашенія тарифы, имѣющіе силу болѣе или менѣе продолжительное время. Точно также не представляетъ собою ничего необыкновеннаго установленіе подвижной скалы заработной платы; подобная форма регулированія заработной платы уже десятки лѣтъ практикуется на англійскихъ и сѣверо-американскихъ угольныхъ копяхъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ. Но такъ какъ при частныхъ сдѣлкахъ никогда не исключена возможность эксплутаціи со стороны болѣе сильной партіи, то и вмѣшательство законодательной власти является необходимымъ; только такимъ путемъ можетъ быть дана гарантія, что заработная плата никогда не упадетъ ниже опредѣленной нормы, необходимой для веденія образа жизни, болѣе или менѣе приличествующаго культурному человѣку, и что съ другой она будетъ въ самомъ дѣлѣ находиться хотя бы въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ общими условіями и положеніемъ отдѣльныхъ отраслей промышленности.

Заработная плата, составляющая единственный доходъ громаднаго большинства современнаго рабочаго населенія, естественно играетъ чрезвычайно важную роль въ его домашнемъ хозяйствѣ. Поэтому помимо размѣра заработка должны еще обратить на себя вниманіе законодателя и *форма его выплаты*. Въ первые эпохи нашей промышленной эры выплата производилась очень часто не наличными деньгами, а всевозможными продуктами. Рабочій получалъ отъ фабриканта, въ счетъ заработка, либо продукты производства данной фабрики, либо ему опредѣлялась квартира, давалось топливо и другіе припасы. Нерѣдко причитающаяся сумма выплачивалась также особыми знаками, марками, которые принимались въ уплату въ нѣкоторыхъ означенныхъ предпринимателемъ лавкахъ и кабакахъ. Эта въ прежнее время весьма распространенная форма выплаты заработка и далеко не исчезнувшая еще и въ настоящее время, извѣстна подъ названіемъ—Trucksystem.

Охарактеризованная выше система во многихъ отношеніяхъ невыгодна для рабочаго. Во-первыхъ, заработная плата при этой системѣ рѣдко достигаетъ условленной высоты, если, напр., рабочему выплачиваютъ его недѣльный или мѣсячный заработокъ булавками или дѣтскими игрушками, словомъ предметами, которые ему не особенно легко сбыть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходится работать, то, уже не взирая на то, что ему приходится продавать эти вещи, если онъ найдетъ покупателя, по гораздо низшей цѣнѣ, чѣмъ онъ ихъ получилъ, онъ теряетъ еще много отъ потери времени; ибо, чтобъ найти покупателя, ему нерѣдко приходится отправляться въ ближайшій городъ, слѣдовательно и на нѣкоторое время отказаться отъ заработка. Если же въ счетъ заработка выдаются продукты, необходимые въ домашнемъ хозяйствѣ рабочаго, или предоставляется пользованіе квартирой въ домѣ, принадлежащемъ предпринимателю, то и тутъ очевидно рабочій нерѣдко можетъ

терпѣть убытокъ, тѣмъ болѣе, что доказано, что въ большинствѣ случаевъ предприниматель обсчитываетъ своихъ рабочихъ и требуетъ за доставленные имъ продукты цѣну, превышающую ихъ рыночную стоимость. Съ другой стороны, рабочій, получая свою заработную плату не деньгами, не имѣетъ возможности распоряжаться своимъ заработкомъ по своему усмотрѣнію; онъ не свободенъ въ выборѣ предметовъ, ему нужныхъ или желательныхъ: онъ не въ состояніи на свои заработныя деньги позволить себѣ то или иное удовольствіе, такъ какъ денегъ наличныхъ-то онъ при господствѣ такой системы или совсѣмъ не получаетъ, или получаетъ только тогда, когда онъ ужъ надѣлалъ долговъ въ съѣстныхъ лавкахъ и т. п. мѣстахъ и приходится расплачиваться. Далѣе, главнымъ образомъ приходится обратить вниманіе, это на то обстоятельство, что эта система рабочаго ставитъ въ еще большую зависимость отъ предпринимателя, чѣмъ это слѣдуетъ изъ заключеннаго между ними договора. Живя, напр., въ домѣ, принадлежащемъ предпринимателю, рабочій изъ опасенія остаться безъ крова никогда не посмѣетъ противорѣчить своему господину, если тотъ почему либо пожелаетъ повысить свои требованія, уменьшить заработную плату и т. п. Такимъ образомъ, за предоставленную рабочему вмѣсто платы квартиру, онъ вмѣстѣ съ трудомъ своимъ долженъ пожертвовать еще и своей личной свободой.

Для огражденія личной свободы рабочаго, точно также какъ для устраненія излишней эксплоатаціи его, законодатель видитъ себя вынужденнымъ запретить означенный способъ выплаты заработка. Однако, одно запрещеніе не ведетъ еще, какъ показываетъ опытъ, къ желанной цѣли. Съ одной стороны, надо принять во вниманіе то обстоятельство, что фабрики часто находятся вдали отъ мѣстъ, гдѣ рабочій могъ бы дѣлать свои покупки по своему благоусмотрѣнію; съ другой стороны, выплата производится нерѣдко въ концѣ мѣсяца или каждыя двѣ недѣли, что заставляетъ рабочаго пріобрѣтать нужные ему предметы въ долгъ тамъ, гдѣ представляется для этого возможность. Рабочій вынужденъ такимъ образомъ покупать въ лавочкахъ, находящихся вблизи фабрики, на которой онъ работаетъ. И тутъ-то фабриканту опять представляется возможность эксплуатировать своихъ рабочихъ тѣмъ, что онъ или открыто самъ устраиваетъ такія лавки, или же предоставляетъ ихъ устройство и содержаніе подставнымъ лицамъ, дѣйствующимъ на его страхъ и рискъ.

Вмѣстѣ съ запрещеніемъ выплачивать заработокъ товаромъ, съѣстными припасами и т. п., необходимо, въ виду сказаннаго, еще позаботиться о томъ, чтобы, во-первыхъ, выплата производилась черезъ болѣе короткіе промежутки и, во-вторыхъ, чтобы рабочіе имѣли возможность за свои деньги доставать хорошіе продукты, здоровую, сообразную требованіямъ гигіены квартиру, по цѣнѣ, соотвѣтствующей общимъ рыноч-

нымъ условіямъ. Способствовать устройству потребительныхъ товариществъ, предоставить государству или городскимъ управленіямъ заботу объ устройствѣ соотвѣтствующихъ рабочихъ квартиръ—должно считаться важнѣйшими задачами законодательной дѣятельности въ указанномъ здѣсь отношеніи. При этомъ надо замѣтить, что квартирный вопросъ еще съ другой точки зрѣнія долженъ обратить на себя вниманіе законодателя. Хорошая, здоровая, по возможности удобно устроенная квартира является безспорно однимъ изъ важныхъ условій хорошей семейной жизни. Рабочій, проводящій большую часть дня на фабрикѣ, долженъ, оставляя работу, найти домашній очагъ, который привлекалъ бы его и доставлялъ извѣстное нравственное удовлетвореніе. У кого всего этого нѣтъ, тотъ будетъ естественно искать развлеченія другимъ путемъ; и если принять во вниманіе отсутствіе хорошихъ доступныхъ рабочему учрежденій увеселительнаго и воспитательнаго характера, то становится яснымъ, что развлеченія, получаемыя рабочимъ, часто будутъ далеко нежелательнаго свойства. Ужасающее распространеніе алкоголизма и другихъ подобныхъ общественныхъ язвъ обусловливается не въ малой степени дурнымъ, ненормальнымъ состояніемъ квартиръ рабочаго населенія.

IX.

Современное, основанное на широкомъ примѣненіи машинъ производство, представляетъ при извѣстныхъ условіяхъ весьма удобное поле, съ одной стороны, для развитія всевозможныхъ т. н. рабочихъ болѣзней, и для умноженія числа увѣчій болѣе или менѣе опаснаго характера—съ другой. Свойства отдѣльнаго производства, конструкція и количество употребляемыхъ машинъ, устройство фабричныхъ помѣщеній и многіе другіе подобные факторы играютъ въ этомъ случаѣ выдающуюся роль. Различнаго рода увѣчья приключаются въ большинствѣ случаевъ при уходѣ за машинами и механическими двигателями и могутъ быть доведены до минимума устройствомъ соотвѣтственныхъ предохранительныхъ приспособленій. Что касается причинъ т. н. рабочихъ болѣзней, то одинъ компетентный ученый врачъ говоритъ слѣдующее: «Причиной болѣзней рабочихъ являются, во-первыхъ, вредныя условія фабричныхъ помѣщеній, въ которыхъ рабочему приходится проводить болѣе или менѣе продолжительное время. Далеко не безразлично для здоровья работающихъ на фабрикахъ, сколько приходится на каждаго для дыханія воздуха, при какой температурѣ и при какомъ освѣщеніи производится работа, проникаетъ ли въ мастерскую запахъ или испорченный воздухъ изъ отхожихъ мѣстъ, существуетъ ли достаточная вентиляція, есть ли возможность по окончаніи работы умыться и вычиститься и т. п. Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ можно соотвѣтственнымъ устройствомъ промы-

шленныхъ заведеній. Далѣе самъ родъ занятія можетъ при болѣе или менѣе продолжительномъ вліяніи на здоровье рабочаго служить основаніемъ всевозможныхъ болѣзней, извѣстныхъ въ медицинѣ подъ общимъ названіемъ болѣзней дыхательныхъ органовъ. Сюда относятся какъ тѣ болѣзненныя состоянія, причиной которыхъ служитъ вдыханіе различной пыли, такъ и тѣ, которыя происходятъ отъ воздѣйствія химическихъ ядовъ (свинца, фосфора, мышьяка, ртути и т. п.) и вредныхъ для дыханія газовъ; наконецъ, сюда же принадлежатъ болѣзни, производимыя патогенными организмами, попадающими въ человѣческій организмъ чрезъ дыхательные пути».

При стремленіи предпринимателя уменьшить по возможности расходы по производству, нельзя, очевидно, допустить, чтобы всѣ требованія гигіены и профилактики были удовлетворены фабрикантомъ добровольно, по собственному почину. Соотвѣтственное этимъ требованіямъ устройство фабричныхъ помѣщеній и предохранительныхъ приспособленій связано, конечно, съ расходами, на которые фабрикантъ въ большинствѣ случаевъ рѣшится только подъ страхомъ наказанія за упущеніе. Отсюда слѣдуетъ необходимость установить законодательнымъ путемъ обязанность предпринимателя устраивать свое промышленное заведеніе такъ, чтобы здоровье работающихъ въ немъ не потерпѣло ущерба. Строго слѣдя за исполненіемъ соотвѣтственныхъ предписаній, можно въ нѣкоторой степени предупредить несчастные случаи и предохранить рабочаго отъ указанныхъ выше ужасныхъ болѣзней.

X.

Если мы прослѣдимъ далѣе положеніе рабочаго класса въ современномъ обществѣ, имѣя при этомъ въ виду главнымъ образомъ скудость его доходовъ, то предъ нами открываются дальнѣйшія задачи законодательной дѣятельности въ интересующей насъ области. Не имѣя никакихъ другихъ доходовъ, кромѣ заработной платы, хватающей въ большинствѣ случаевъ только на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей, рабочій въ случаѣ болѣзни, увѣчья или старости, дѣлающихъ его неспособнымъ къ труду, или же вслѣдствіе невозможности найти работу, оказывается не въ состояніи содержать самого себя и св ю семью. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочій безъ какой либо вины съ своей стороны лишается всякихъ средствъ къ существованію, становится нищимъ, нуждающимся въ посторонней помощи. Безъ какой либо вины съ своей стороны,—такъ какъ и при невозможности здоровому человѣку достать заработокъ, о винѣ послѣдняго не можетъ быть и рѣчи. Безработица все больше становится хронической общественной язвой, полнѣйшее устраненіе которой при данныхъ условіяхъ является вещью невозможной.

Безработица въ той формѣ, въ какой она существуетъ въ настоящее время, безработица, отъ времени до времени охватывающая цѣлыя отрасли производства, цѣлыя группы рабочаго населенія, является необходимымъ спутникомъ господствующаго капиталистическаго строя и исчезаетъ только съ измѣненіемъ послѣдняго.

Безвыходное положеніе рабочаго, которому приходится въ случаѣ неспособности къ труду или неимѣнія работы голодать или обращаться къ посторонней помощи или же прямо воровать, до того очевидно, что не требуетъ никакихъ доводовъ. Въ такой же мѣрѣ ясно, что государство обязано взять на себя заботу объ этихъ несчастныхъ, трудомъ своимъ создавшихъ тѣ несмѣтныя богатства, которыми гордится современная культура.

Частная и общественная благотворительность, съ одной стороны, оказывается далеко недостаточной для удовлетворенія все болѣе распространяющейся нужды рабочаго населенія, съ другой стороны—она въ большинствѣ случаевъ связана для послѣдняго съ униженіями различнаго рода и даже съ потерей нѣкоторыхъ личныхъ правъ. Такъ называемая самопомощь рабочихъ въ видѣ учрежденія различныхъ кассъ, выдающихъ кое-какія пособія въ случаѣ болѣзни, увѣчья и т. д., хотя и заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ доказательство готовности рабочаго приносить посильныя жертвы въ интересахъ своего класса, по незначительности оказываемой помощи также, однако, не можетъ считаться рѣшеніемъ вопроса.

Задача законодателя заключается въ томъ, чтобы изыскать средства для созданія такого положенія вещей, при которомъ рабочіе, лишенные на болѣе или менѣе продолжительное время возможности собственнымъ трудомъ поддерживать свое существованіе, могли бы получать необходимую поддержку безъ ущерба для своего нравственнаго достоинства и безъ ограниченія своихъ гражданскихъ правъ. При чемъ нельзя упустить изъ виду, что дѣло идетъ не о болѣе или менѣе лучшей организаціи частной или общественной благотворительности, а объ установленіи *права* на опредѣленную помощь въ случаѣ нужды, права, основаннаго на сознаніи чрезвычайной важности услугъ, оказываемыхъ рабочимъ населеніемъ всему современному обществу.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія принципъ обязательнаго страхованія рабочихъ. Если принять во вниманіе, что при существующихъ экономическихъ отношеніяхъ положеніе рабочаго никогда не можетъ достигнуть полной матеріальной обезпеченности и что, слѣдовательно, при наступленіи неспособности къ труду или отсутствіи заработка, рессурсы рабочаго въ довольно непродолжительное время должны оказаться исчерпанными, то становится яснымъ, что только страхованіе рабочаго, путемъ котораго послѣдній при случаѣ имѣетъ право на по-

лученіе если не всего, то по крайней мѣрѣ извѣстной части своего обычнаго заработка, можетъ хотя нѣкоторымъ образомъ смягчить послѣдствія роковыхъ для него случайностей.

XI.

Мы видѣли, что при господствующихъ экономическихъ отношеніяхъ стремленіе предпринимателя по возможности уменьшить расходы по производству точно также какъ и стремленіе рабочаго добиться лучшихъ условій труда неминуемо ведетъ къ конфликтамъ между обѣими договаривающимися сторонами. При существованіи коалиціоннаго права рабочіе въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ разсчитывать путемъ забастовки заставить предпринимателя уважить ихъ требованія.

Несмотря на важное значеніе забастовокъ съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго, нельзя, однако, не признать, что ихъ можно сравнивать съ обоюдоострымъ оружіемъ. Если время забастовки неудачно выбрано, если у забастовавшихъ недостаточно средствъ для своего прокормленія во время конфликта, или же если противъ рабочихъ, отказавшихся работать, выступаетъ соединенная сила предпринимателей, то пораженіе стачечниковъ въ большинствѣ случаевъ неизбѣжно. Послѣднее же обстоятельство чрезвычайно вредно отражается на положеніи рабочихъ и притомъ не только съ матеріальной стороны, но, что въ данномъ случаѣ еще важнѣе, еще и съ нравственной: неудавшаяся забастовка ослабляетъ энергію рабочихъ и компрометируетъ это важное средство борьбы современнаго пролетаріата въ глазахъ тѣхъ, которые дотолѣ еще не принимали въ ней активнаго участія.

Съ другой стороны, забастовки почти всегда связаны съ болѣе или менѣе крупными потерями и для тѣхъ слоевъ населенія, которые не принимаютъ непосредственнаго участія въ борьбѣ рабочихъ съ предпринимателями. Забастовка часто вызываетъ вздорожаніе продуктовъ соотвѣтственной отрасли производства и наноситъ этимъ ущербъ потребителю. Забастовавшіе рабочіе въ большинствѣ случаевъ видятъ себя вынужденными сократить свои расходы, чѣмъ уменьшается спросъ на извѣстные продукты, продаваемые въ лавкахъ, содержатели которыхъ имѣютъ своихъ покупателей главнымъ образомъ среди рабочихъ; одна крупная стачка, длящаяся болѣе продолжительное время—и существованіе множества мелкихъ лавочниковъ разбито въ прахъ. Не говоря уже о томъ, что крупная забастовка наноситъ несомнѣнный ущербъ и многимъ слоямъ самаго рабочаго населенія, не причастнымъ къ данной забастовкѣ, ибо уменьшеніе сбыта извѣстныхъ продуктовъ неминуемо влечетъ за собою излишекъ рабочихъ рукъ, производящихъ эти продукты.

Въ виду приведенныхъ соображеній очевидно, что общество имѣетъ интересъ въ томъ, чтобы конфликты между рабочими и предпринимате-

лями по возможности предупреждались или устранялись мирнымъ путемъ. Разногласія между названными классами общества имѣютъ обыкновенно своимъ основаніемъ или неисполненіе условій существующаго между ними договора или же желаніе создать для дальнѣйшихъ сношеній новыя условія. Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о нарушеніи правъ одной изъ договаривающихся сторонъ, въ другомъ о созиданіи болѣе или менѣе новаго положенія вещей.

Положеніе предпринимателя какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ далеко благопріятнѣе положенія рабочаго. Съ одной стороны, предприниматель въ состояніи обратиться въ случаѣ нарушенія его правъ къ суду, въ то время какъ для рабочаго этотъ путь въ большинствѣ случаевъ закрытъ, какъ въ виду его сравнительной дороговизны, такъ и въ виду того, что тасканіе по судамъ сопряжено съ большой потерей времени. Съ другой стороны, предприниматель, желающій предложить своимъ рабочимъ новыя условія, можетъ большей частью достигнуть своей цѣли простой угрозой разсчитать своихъ рабочихъ въ случаѣ неповиновенія послѣднихъ, чѣмъ, однако, конфликты не только не устраняются, но еще больше обостряются.

Чтобы поставить рабочаго на одну доску съ предпринимателемъ, чтобы дать ему возможность наравнѣ съ послѣднимъ искать защиту своихъ интересовъ и дѣйствительно ее находить, является необходимымъ вызвать къ жизни такія учрежденія, которыя не имѣли бы указанныхъ выше недостатковъ. Возможно быстрое разбирательство дѣла, знакомство призванныхъ разбирать возникшіе конфликты между рабочими и предпринимателями съ общими и мѣстными условіями соотвѣтствующаго производства, абсолютное безпристрастіе, довѣріе тяжущихся — вотъ что должно служить характеристической особенностью названныхъ учрежденій. При существованіи подобныхъ учрежденій, рѣшенія которыхъ должны были бы имѣть обязательный характеръ, надежда на возможность улаживанія большаго числа конфликтовъ мирнымъ путемъ, т.-е. безъ лишнихъ потерь какъ для той, такъ и для другой стороны, не была бы илюзорной.

XII.

Припомнивъ все вышесказанное, мы видимъ, что задачи рабочаго законодательства опредѣляются главнымъ образомъ съ четырехъ точекъ зрѣнія: 1) Съ точки зрѣнія охраненія свободы и равноправности рабочаго при заключеніи договора съ предпринимателемъ; 2) заботы о физическомъ, нравственномъ и духовномъ благосостояніи и развитіи рабочаго населенія; 3) заботы о помощи тѣмъ, которые безъ собственной вины не въ состояніи своимъ трудомъ добывать себѣ необходимыя къ существованію средства и наконецъ 4) съ точки зрѣнія стремленія раз-

рѣшать мирнымъ путемъ разногласія между рабочими и предпринимателями.

Удовлетворительнымъ рѣшеніемъ этихъ задачъ исчерпывается все современное рабочее законодательство, имѣющее своей цѣлью смягченіе ужасныхъ послѣдствій господствующаго способа производства, отъ которыхъ приходится страдать рабочему населенію цивилизованныхъ странъ.

Присматриваясь, однако, къ тому, что въ дѣйствительности сдѣлано современнымъ государствомъ въ интересующемъ насъ направленіи, приходится убѣдиться, что ни въ одной странѣ рабочее законодательство не достигло указанныхъ выше границъ, а что, напротивъ, въ большинствѣ странъ это законодательство сдѣлало только первые нерѣшительные шаги.

Н. Райхесбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Разсказы о жалкихъ улицахъ.

Артура Моррисона.

(Съ англійскаго).

Улица.

(Введеніе).

Эта улица въ Истъ-Эндѣ, намъ нѣтъ надобности разъяснять — гдѣ. Истъ-Эндъ самъ по себѣ громадный городъ, въ своемъ родѣ не менѣе знаменитый, чѣмъ другіе города, построенные рукою человѣка.

Но кто знаетъ Истъ-Эндъ? «Это, что отъ Корнгиля и дальше за Лиденъ-Голь-стритъ и Ольдъ-Гетъ», скажетъ одинъ;—ужасное мѣсто, гдѣ онъ какъ-то встрѣтился съ однимъ знакомымъ пасторомъ; зловредная сѣть отверженныхъ закоулковъ, гдѣ прячутся человѣческія пресмыкающіяся, гдѣ грязные мужчины и женщины живутъ пенсовыми порціями джина, гдѣ неизвѣстны воротнички и чистыя рубашки, гдѣ фонарь подъ глазомъ составляетъ обычное украшеніе каждаго гражданина и никто никогда не чешетъ своихъ волосъ. «Истъ-Эндъ»—скажетъ другой,—это царство *безработныхъ*. А безработные,—это раса, отличительный признакъ которой бѣлая глиняная трубка въ зубахъ и непримиримая вражда къ мылу; эта-же раса по временамъ переселяется толпою, со знаменами, въ Гандъ-Паркъ, причемъ снабжаетъ пьяными буянами ближайшіе полицейскіе участки. Еще другой знаетъ Истъ-Эндъ, какъ мѣсто, откуда получаются просительныя письма, гдѣ существуетъ фондъ для раздачи угля и одѣялъ, гдѣ всѣ пребываютъ въ безвыходной несостоятельности и каждый желаетъ провести день за городомъ. Много въ публикѣ ходитъ туманныхъ представленій объ Истъ-Эндѣ, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности только преувеличенное отраженіе второстепенныхъ фактовъ. Разумѣется, въ Истъ-Эндѣ есть грязные закоулки, какіе бываютъ и въ

Вестъ-Эндѣ [1]), есть тутъ нищета и горе, какъ и вездѣ, гдѣ собирается множество людей, въ борьбѣ изъ за хлѣба. Но все это не представляетъ особаго зрѣлища. Наша улица около ста пятидесяти ярдовъ въ длину— вся на одинъ манеръ. Она не красива на видъ. Маленькій неопрятный, кирпичный домъ, двадцать футъ вышиною, съ тремя квадратными отверстіями для помѣщенія оконъ и однимъ продольнымъ отверстіемъ для двери, самъ по себѣ не производитъ особенно пріятнаго впечатлѣнія. Каждая сторона улицы состоитъ изъ пятидесяти или шестидесяти такихъ домовъ, въ одинъ рядъ, связанныхъ общею передней стѣной. Въ общемъ получается впечатлѣніе конюшни.

За угломъ находятся булочная, мелочная лавка и кабакъ. Ихъ не видно изъ упомянутыхъ прямоугольныхъ дыръ, но они хорошо извѣстны каждому обитателю. Лавочникъ по воскресеньямъ ходитъ въ церковь и платитъ за свое мѣсто. Съ другого конца,—поворотъ въ менѣе респектабельныя улицы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ окнахъ торчатъ надписи: «катаютъ бѣлье» и выходныя двери здѣсь стоятъ настежь; въ другихъ—на дверныхъ ступенькахъ сидятъ грязнаго вида женщины, и дѣвушки въ бѣлыхъ передникахъ проходятъ на фабрику. Множество такихъ переулковъ и поворотовъ, въ нисходящей степени опрятности, отдѣляютъ эту улицу отъ самыхъ жалкихъ закоулковъ.

Людъ, населяющій нашу улицу, сравнительно тихъ и мало заявляетъ о себѣ. Они не ходятъ со знаменами въ Гайдъ-Паркъ и рѣдко дерутся. Возможно, что одинъ или двое изъ нихъ когда-нибудь, въ трудныя минуты жизни, задолжали фонду угля и одѣялъ, но кто-бы они ни были, они предпочли-бы смерть разглашенію такого позора, да вѣроятно и были недалеко отъ нея, когда рѣшились на это.

Нѣкоторые изъ обитателей улицы работаютъ въ докахъ, другіе—на газовыхъ заводахъ, или въ какой-нибудь изъ судостроительныхъ верфей, еще уцѣлѣвшихъ на Темзѣ. Обыкновенно двѣ семьи занимаютъ домъ, потому что за каждымъ рядомъ дыръ имѣются по три комнаты, но это въ томъ случаѣ, если нѣтъ холостыхъ жильцовъ, или взрослыхъ сыновей, которые платятъ за помѣщеніе и столъ. Что касается взрослыхъ дочерей, то онѣ рано выходятъ замужъ. Поступать въ прислуги считается здѣсь несовмѣстимымъ съ собственнымъ достоинствомъ. Молодую прислугу еще можно захватить въ маленькихъ улицахъ съ другого конца, гдѣ «берутъ катать бѣлье», а фабричныя дѣвушки живутъ еще дальше, на границѣ самыхъ жалкихъ закоулковъ.

Каждое утро, въ половинѣ пятаго, здѣсь происходитъ особенное явленіе. Вся улица наполняется оглушительнымъ стукомъ, повторяющимся поочередно у каждыхъ дверей, въ отвѣтъ на который изнутри слышится

[1]) Западная часть города, гдѣ живутъ состоятельные классы.

глухой крикъ. Эти сигналы производитъ ночной сторожъ, или ранній полицейскій, или тотъ и другой вмѣстѣ, призывая спящихъ собираться въ доки, на газовые заводы и корабельныя верфи. Быть разбуженнымъ такимъ образомъ стоитъ четыре пенса въ недѣлю, и за эти четыре пенса идетъ страшная борьба между ночнымъ сторожемъ и полисмэномъ. Ночной сторожъ, быстро исчезающій остатокъ древняго *Чарли* [1]), представляетъ собою профессіональнаго исполнителя; но онъ остается позади, потому что необходимо имѣть большія связи, чтобы его занятіе окупалось по четыре пенса съ двери. Вѣдь это не легкое дѣло громыхать аккуратно въ половинѣ пятаго утра у двухъ дверей на разстояніи въ три четверти мили одна отъ другой, да еще у сотни другихъ въ промежуткѣ между ними. Поэтому полисмэнъ, для котораго четыре пенса только сверхштатный доходъ и который ограничивается меньшимъ раіономъ, быстро отбиваетъ дѣло у ночного сторожа, и теперь уже рѣдко слышится его вечерній крикъ «десятый часъ», въ то время, какъ онъ собираетъ свои порученія на утро у разныхъ дверей, и потомъ слышатся тяжелые шаги по направленію къ докамъ, газовымъ заводамъ и верфямъ. Позже опять слышенъ шумъ отворяемыхъ дверей и потомъ топотъ грустныхъ маленькихъ ногъ по мрачной улицѣ по направленію къ мрачной городской школѣ, черезъ три мрачныя улицы дальше. Потомъ тишина, прерываемая только звуками мытья и чистки, да слабымъ пискомъ крупозныхъ младенцевъ. Послѣ того опять слышны шаги маленькихъ ногъ по направленію къ докамъ, газовымъ заводамъ и верфямъ, съ отцовскимъ обѣдомъ въ мискѣ, обвязанной краснымъ платкомъ; и потомъ опять по направленію къ мрачной городской школѣ. Опять звуки мытья и чистки и ребячій пискъ и, можетъ быть, слабая въ двухъ или трехъ мѣстахъ попытка къ украшенію пустыхъ оконныхъ дыръ въ видѣ поливки цвѣточнаго горшка, наполненнаго грязью. Наконецъ, топотъ маленькихъ ногъ, приближающихся къ дравнымъ дырамъ, за ними шаги закопченыхъ рабочихъ; запахъ жареной селедки по всѣмъ угламъ; сумракъ, драка между мальчишками на улицѣ, можетъ быть—между взрослыми на углу кабака; сонъ.

Вотъ полная хроника дня въ этой улицѣ, и одинъ день точь въ точь, какъ другой.

Таковъ каждый день, кромѣ воскресенья. Въ воскресенье на углу, около прикрытой на половину булочной, носится запахъ стряпни, и маленькія ноги спѣшатъ по улицѣ, сгибаясь подъ тяжестью дымящейся жареной говядины, картофеля и мучного пудинга, счастливыя маленькія ноги, обутыя въ праздничные башмаки, когда у отца хорошая работа и онъ принесъ всѣ деньги домой; не тѣ маленькія ноги въ дырявыхъ

[1]) Такъ назывались въ Лондонѣ прежніе ночные сторожа, когда еще не существовало полисмэновъ.

башмакахъ, поддерживающія худое маленькое тѣло въ затасканной ежедневной одеждѣ, когда отецъ бываетъ безъ работы, или боленъ, или пьянъ, и съ воскресной стряпней можно управиться дома, если еще есть что стряпать.

Въ воскресенье утромъ одинъ или двое изъ отцовъ семействъ появляются въ удивительныхъ черныхъ парахъ, съ безчисленными морщинами по швамъ. По пятамъ ихъ и съ боковъ топчатся неутомимыя маленькія ноги, и изъ подъ неудобныхъ бархатныхъ токовъ и соломенныхъ шляпъ выглядываютъ серьезныя маленькія лица, до-нельзя отполированныя мыломъ. Разряженные и въ такомъ порядкѣ, они чинно идутъ по мрачной маленькой улицѣ въ мрачную методистскую капеллу, гдѣ собрались такіе-же, какъ они, и такъ-же одѣтые люди и гдѣ, впродолженіи двухъ битыхъ часовъ, они выслушиваютъ неистовыя угрозы адскихъ мукъ.

Но бо́льшая часть мужчинъ остаются дома, лежатъ полуодѣтые на кроватяхъ и читаютъ воскресныя газеты; нѣкоторые изъ нихъ, выгнанные изъ квартиры, потому что мѣшаютъ хозяйкамъ,—болтаются на улицѣ въ ожиданіи, пока откроется кабакъ за угломъ. Такъ проходитъ воскресенье въ этой улицѣ, и всѣ они похожи другъ на друга, и одинъ монотонный день смѣняется такимъ-же. Для женщинъ воскресенье ничѣмъ не отличается отъ другихъ дней недѣли, развѣ только что бываетъ нѣсколько болѣе работы. Для нихъ перерывомъ недѣли служитъ день стирки. Никакое событіе внѣшняго міра не тревожитъ этой улицы. Пусть гибнутъ или возвышаются народы, но здѣсь каждый безцвѣтный день протянетъ свои двадцать четыре часа, точно такъ-же, какъ это было вчера, какъ будетъ завтра. За предѣлами улицы можетъ происходить борьба партіи, война, возникать слухи о войнѣ, праздноваться національныя торжества; но топотъ маленькихъ ногъ нисколько не ускорится и не замедлится. Эти странныя маленькія женщины, дѣвочки улицы, которыя по матерински обращаются со всякимъ человѣческимъ существомъ женскаго пола, моложе ихъ, а на мальчиковъ однихъ лѣтъ съ ними, или старше, прикрикиваютъ: «Господь съ ребенкомъ!» или—«Высѣчь этихъ дѣтей!» — эти странныя маленькія женщины попрежнему будутъ ходить на рынокъ со своими большими корзинками и будутъ смотрѣть на цѣну свинины, какъ на самое важное соображеніе для человѣка. Ничто не тревожитъ этой улицы,— ничто, кромѣ стачки.

Никто не смѣется здѣсь: жизнь слишкомъ для того серьезна; никто не поетъ. Жила здѣсь одна женщина, которая пѣла, молодая жена одного рабочаго, взятая изъ деревни. Но у нея пошли дѣти и голосъ ея пропалъ. Потомъ умеръ мужъ, и она перестала пѣть. Потомъ ее взяли на родину, и вмѣстѣ съ дѣтьми, державшимися за ея подолъ, они навсегда покинули улицу. Другія женщины мало занимались ею. Она была «безпомощная».

По ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что одна изъ квадратныхъ дыръ въ нижнемъ этажѣ одного изъ домовъ этой улицы отличается отъ другихъ. Тутъ были сдѣланы попытки превратить ее въ лавочное окно. Полдюжины свѣчъ, нѣсколько тощихъ сахарныхъ сосулекъ и болѣзненнаго вида копченыхъ сельдей, башмачныя тесемки и вязанка или двѣ растопокъ составляютъ весь наличный товаръ, который иногда освѣщается по вечерамъ парафиновой лампой на жестяной подставкѣ, а то свѣчей. Здѣсь живетъ вдова, изможденная, худая женщина, съ впалыми красными глазами. У нея есть еще другой источникъ дохода, кромѣ свѣчекъ и тесемокъ; она стираетъ и чиститъ весь день, а по ночамъ шьетъ дешевыя рубашки. Кромѣ того, наверху у нея спятъ два «молодыхъ постояльца», а дѣти спятъ въ задней комнатѣ; сама-же она, предполагается,—никогда не спитъ. Полисмэнъ не стучитъ здѣсь по утрамъ; вдова сама будитъ жильцовъ; и каждый изъ обитателей улицы, какъ-бы поздно онъ ни ложился, выглянувъ въ окно, всегда видитъ свѣтъ въ комнатѣ, гдѣ она сидитъ за иголкой. Эта тихая женщина, которая мало разговариваетъ съ сосѣдями, такъ какъ у нея много своего дѣла, — женщина съ твердымъ характеромъ, которой будетъ несовсѣмъ удобно—даже опасно предложить угля или одѣяло. Никто не относился къ «безпомощной» пѣвуньѣ съ такимъ презрѣньемъ, какъ она; и начало этого презрѣнія легко было прослѣдить, потому что поющей женщинѣ, какъ-то по пути на рынокъ, два раза довелось видѣть вдову выходящей изъ лавки закладчика.

Взятая въ цѣломъ, это не грязная улица. Домъ вдовы одинъ изъ самыхъ чистыхъ и ея дѣти подъ-стать съ нимъ. Но есть домъ еще чище, гдѣ царитъ одна самовластная шотландка, которая гонитъ со своихъ отполированныхъ ступенекъ всякаго бродячаго торговца и чиститъ дверную ручку послѣ прикосновенія каждой руки. Шотландка нѣсколько разъ пробовала брать «молодыхъ постояльцевъ», но всегда это кончалось шумной свалкой.

Въ этой улицѣ нѣтъ ни одного дома безъ дѣтей, и число ихъ все растетъ. Въ связи съ этимъ находятся девять изъ десяти визитовъ доктора, и его появленіе составляетъ главную тему женскихъ разговоровъ черезъ палисадникъ.

Другъ за другомъ появляются маленькіе незнакомцы, чтобы прожить такую-же безцвѣтную жизнь, какъ и каждый день въ этой улицѣ.

Наступаетъ разсвѣтъ жизни, и стукъ доктора въ дверь, подобно стукотнѣ будящаго сторожа, раздается по цѣлому ряду оконныхъ дыръ. Слѣдующій затѣмъ слабый крикъ возвѣщаетъ о появленіи новаго маленькаго существа, чтобы совершить свой многотрудный путь по уже разъ протоптанной тропѣ. Позже—топотъ маленькихъ ногъ и школа; полдень юности, когда любовь заглядываетъ даже въ эту улицу; послѣ того—еще топотъ новыхъ маленькихъ ногъ... мытье, чистка, дѣтскій ревъ и поблек-

шій цвѣточный горшокъ; конецъ черной дневной работы, послѣднее возвращеніе домой; ночь; сонъ.

Если лучъ любви западаетъ въ одинъ изъ уголковъ улицы, то обыкновенно въ раннюю пору этой жалкой жизни и, самъ по себѣ, это только пыльный лучъ. Онъ упадаетъ рано; это единственное свѣтлое явленіе въ этой улицѣ, и потому его ждутъ и разсчитываютъ на него. Подростки и дѣвочки ходятъ держась за руки по этой улицѣ, въ такомъ возрастѣ, когда въ другомъ болѣе свѣтломъ мѣстѣ ихъ еще не покинуло-бы болѣе естественное влеченье къ кукламъ и игрѣ въ *шарики*. Они «водятъ компанію», и это дѣло производится по особому, свойственному улицѣ, обычаю. Сперва молодежь «ходитъ» парами. Никакого любовнаго разговора, никакого обмѣна обѣтовъ нѣтъ между ними.

Они ходятъ бокъ о бокъ, какъ обходъ, по улицамъ—обыкновенно въ молчаніи, иногда обмѣниваясь пустыми словами. У нихъ нѣтъ танцовальныхъ вечеровъ, игры въ *теннисъ*, или катаній въ лодкахъ и пикниковъ, чтобы сблизиться; поэтому имъ остается только ходить вмѣстѣ по улицѣ, чтобы свести знакомство. Если пара останется недовольна обществомъ другъ друга, то нѣтъ ничего легче какъ разойтись и начать ходить съ другимъ. Когда такимъ путемъ каждый изъ нихъ нашелъ себѣ подходящую пару, то покупаются кольца и этотъ странный союзъ обращается въ настоящее обрученіе; но это бываетъ только послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ совмѣстной ходьбы. Обѣ эти стадіи сватовства извѣстны подъ общимъ названіемъ «водить компанію»,— но лица заинтересованныя въ дѣлѣ дѣлаютъ тщательное различіе между ними. Тѣмъ не менѣе въ періодъ «ходьбы» будетъ считаться такою-же измѣной пойти съ кѣмъ-нибудь другимъ, какъ еслибъ то было послѣ обмѣна колецъ. Унылое дѣло представляетъ собою любовное ухаживаніе въ этой улицѣ, если подумать о другихъ мѣстахъ. Здѣсь любовь начинается и кончается слишкомъ рано.

Никто въ этой улицѣ не ходитъ въ театръ. Это связано съ длиннымъ путешествіемъ и стоитъ денегъ, на которыя можно купить хлѣба, и пива, или сапоги. Тѣ-же, кто облекается въ черныя пары и по воскресеньямъ, будутъ считать это грѣхомъ. Никто здѣсь не читаетъ стиховъ или романовъ. Самыя слова эти здѣсь чужды. Воскресная газета, въ нѣкоторыхъ домахъ, представляетъ единственное чтеніе, на которое способна эта улица. Случалось иногда, что между тщательно хранимыми сокровищами подростающей дочери попадался пенсовый романъ, но онъ подвергался безпощадной конфискаціи. Воздухъ этой улицы не благопріятствуетъ идеалу.

Но все же въ ней есть стремленія. Недавно въ ней поселился молодой постоялецъ, принадлежащій къ обществу взаимнаго усовершенствованія. Принадлежность къ этому обществу составляетъ нѣчто вродѣ ученой степени, и на собраніяхъ происходятъ дебаты и съ большимъ

апломбомъ читаются доклады самодовольными молодыми постояльцами улицы, единственная подготовка которыхъ къ такимъ дебатамъ и докладамъ заключается въ ихъ неисчерпаемомъ невѣжествѣ,—потому что невѣжество составляетъ неизбѣжный удѣлъ здѣшнихъ жителей: они ничего не видятъ, ничего не читаютъ и ни о чемъ не размышляютъ.

Въ какой-же части Истъ-Энда находится эта улица?

Да вездѣ. Сто пятьдесятъ ярдовъ только одно изъ звѣньевъ громадной, перепутанной цѣпи, только одинъ изъ поворотовъ извилистаго лабиринта. Вся улица, съ ея безчисленными оконными дырами,—сотни миль въ длину. Правда, что она состоитъ изъ отдѣльныхъ отрѣзковъ, но въ дѣйствительности это одно громадное цѣлое, потому что во всемъ мірѣ не найти такого, общаго всѣмъ ея частямъ, жалкаго однообразія, такой пустоты, такого полнаго отсутствія всего пріятнаго въ жизни.

I. Исторія Лизерунтъ.

I.

Сватовство

Гдѣ-то въ метрической книгѣ было записано имя Элизаветъ Хунтъ; но, черезъ семнадцать лѣтъ послѣ записи, оно превратилось въ *Лизерунтъ* [1]). Лизерунтъ работала на фабрикѣ пикулей и появлялась на улицѣ въ модномъ, но затасканномъ костюмѣ, который обыкновенно дополнялся бѣлымъ передникомъ. Она, пожалуй, была красавицей. То-есть, у нея были красныя щеки, большіе бѣлые зубы, маленькій вздернутый носъ и длинные блестящіе волосы; а ея лицо послѣ мытья лоснилось. Много такихъ дѣвушекъ выходятъ замужъ въ шестнадцать лѣтъ, но Лизерунтъ запоздала и у нея до сихъ поръ не было обожателя.

Билли Чопъ былъ годомъ старше Лизерунтъ. Онъ носилъ котелокъ съ тонкими полями, сплюснутый на верхушкѣ; у него былъ сюртукъ съ короткими фалдами, воротникъ котораго, должно быть, въ знакъ независимости хозяина, съ одной стороны торчалъ вверхъ, а съ другой книзу. Послѣ ѣды онъ всегда засовывалъ руки въ карманы своихъ панталонъ, и у него была мать, которая катала бѣлье. Его разговоръ съ Лизерунтъ, впродолженіи долгаго времен, и состоялъ изъ небрежныхъ кивковъ; но въ этотъ четвергъ произошло важное событіе, въ то время, какъ Лизерунтъ возвращалась съ фабрики домой въ направленіи угасавшаго краснаго заката, въ самомъ дальнемъ концѣ Коммершалъ Родъ,

---

[1]) То-есть:—Лиза Хунтъ (Lizo-Hunt).

потому что навстрѣчу ей шелъ раскачиваясь Билли Чопъ; и поровнявшись съ нею, такъ мотнулъ ее за руку, что она отлетѣла къ стѣнѣ.

— Оставьте,—сказала довольная Лизерунтъ,—пустите!—Она вѣдь знала, что это любовь.

— Куда наровите, Лизеръ?

— Домой, конечно, нахалъ. Отстаньте,—и она попробовала сорвать шляпу съ головы Билли. Билли отпустилъ ее и пошелъ впереди. Она дѣлала видъ, что хочетъ обогнать его, но не особенно спѣшила. Она видѣла, что дѣло идетъ на ладъ.

— Слушайте, Лизеръ,—сказалъ Билли, переставъ выплясывать и принимая дѣловой тонъ,—идете куда въ понедѣльникъ?

— Не съ вами, нахалъ; идите, какъ въ прошлую Пасху, съ своей Беллеръ Досонъ.

— Чортъ съ Беллеръ Досонъ; что въ ней хорошаго! Я отправлюсь на лужки. Пойдемъ?

Лизерунтъ, довольная въ душѣ, но съ наружнымъ пренебреженіемъ, обѣщала «посмотрѣть».

Ухаживатель, наконецъ, явился, и она возвратилась домой съ такимъ чувствомъ, какъ будто получила ученую степень. Еще два дня раньше она было увѣрила себя въ этомъ, когда Семъ Кардныо бросилъ въ нее апельсинной коркой; но онъ скоро ушелъ, повертѣвшись нѣсколько времени на мостовой. Семъ былъ парень почище Билли и самъ зарабатывалъ свой хлѣбъ; вѣроятно онъ имѣлъ въ виду серьезную цѣль; но нужно пользоваться тѣмъ, что въ рукахъ. Что касается Билли Чопъ, то, возвращаясь домой, онъ твердо рѣшилъ самъ разнести по домамъ выкатанное матерью бѣлье и получить за него деньги; онъ также былъ намѣренъ помощью угрозъ и ласки выманить у матери всѣ деньги, какія она могла дать, чтобы предполагаемая экскурсія на Ванстедскіе луга удалась въ лучшемъ видѣ. Ничто не сравнится съ гуляньемъ на Ванстедскихъ лугахъ въ Духовъ день. Предъ вами открытая площадь болѣе квадратной мили, гдѣ можно горланить сколько угодно, тутъ нельзя заблудиться, какъ въ Эппингскомъ лѣсу; кабаки всегда около васъ; разные соблазны, игры, качели, лотки съ жареной рыбой, ослы,—все это скучено гуще, чѣмъ по Гемстедъ-Гизѣ; *дамскіе мучители* [1]) большаго размѣра и ихъ содержимое пахнетъ хуже, чѣмъ на другихъ гуляньяхъ. Тамъ-же вы можете напиться и буянить, не опасаясь, что васъ запрутъ подъ замокъ, потому что въ полицейскій участокъ не помѣстить всѣхъ; и когда вамъ все наскучило, вы можете еще поджечь траву. Сюда-то Билли и Лизерунтъ направились утромъ въ Духовъ день изъ дверей «Терноваго дерева». Но, несмотря на цѣлые часы, посвященные

[1]) *Ladies tormentor*—спринцовки, наполненныя вонючею жидкостью, которою негодяи изъ лондонской толпы обрызгиваютъ женщинъ.

истребленію жареной рыбы и полу-пинты [1]) пива, оба чувствовали, что чего-то недостаетъ. На Лизерунтъ была старая выцвѣтшая шляпа не изъ плюша, къ тому же и съ чернымъ перомъ длиною только въ одинъ футъ. Между тѣмъ извѣстно, что фабричной дѣвушкѣ изъ Леймъ-Хауза неприлично идти на гулянье иначе, какъ въ плюшевой шляпѣ съ высокой тульей ярко-голубого или зеленаго цвѣта и украшенной розовымъ или пунцовымъ страусовымъ перомъ, огибающимъ тулью и спускающимся какъ можно ниже, на спину. Лизерунтъ знала это и еслибъ у нея не было ухаживателя, осталась бы дома. Но нужно пользоваться случаемъ. И, при данныхъ обстоятельствахъ, только другая несчастная дѣвочка въ ея положеніи могла бы понять то горькое чувство зависти, съ которымъ она смотрѣла на окружавшія ее перья и что она съ радостью отдала бы свое ухо за костюмъ надлежащаго великолѣпія. Въ головѣ Билли, сквозь пивной туманъ, также мелькало сознаніе, что обстоятельства требовали извѣстнаго количества плюша и соотвѣтственнаго расхода съ его стороны. Однако, ссоры не было, и парочка прогуливалась и бѣгала, охвативъ другъ друга за шею; черезъ надлежащіе промежутки Лизерунтъ хлопала своего обожателя по спинѣ;—однимъ словомъ, дѣло шло какъ слѣдуетъ, хотя Билли, въ виду уже извѣстнаго недостатка въ ея костюмѣ, не настаивалъ на обычномъ обмѣнѣ шляпами.

Все шло хорошо, какъ я говорилъ, пока Билли не купилъ *дамскаго мучителя* и не сталъ брызгать изъ него въ Лизерунтъ. Тогда она бросилась отъ него бѣжать, съ пронзительными криками, такъ что ея обожатель остался нѣсколько позади. Случилось, что въ этотъ моментъ Семъ Кардью увидѣлъ ее одну, бѣгущую посреди толпы и, охвативъ ее рукою за талію, нѣсколько разъ повернулъ около себя, смѣло протискиваясь между разными лотками и балаганами.

— Галло [2]), Лизеръ! Куда спѣшите? Если-бъ я васъ не ухватилъ...

Но тутъ явился Билли Чопъ и сталъ гнѣвно спрашивать, какого чорта Сему Кардью нужно отъ его дѣвочки. Семъ былъ расположенъ къ дракѣ болѣе, чѣмъ Билли; но у послѣдняго шумѣло много пивныхъ полупинтъ въ головѣ: поэтому драка началась. Около бойцовъ образовался веселый кружокъ, съ краю котораго стояла торжествующая Лизерунтъ, хотя она и испустила слабый крикъ. Четыре дня передъ тѣмъ у нея не было обожателя; теперь около нея стояло два, да еще дрались изъ-за нея! Здѣсь, передъ глазами всей публики на лужкахъ! Впродолженіи пяти минутъ она была Еленою Троянской.

Въ значительно меньшій промежутокъ Билли позналъ раскаяніе. Онъ поднялся, хныча, съ окровавленной физіономіей и на бѣгу лягнулъ своего противника. Ему не дали, однако, улепетнуть и онъ повалился на

[1]) Полъ-пинты—около бутылки.

[2]) Непереводимое восклицаніе

землю; тутъ ему пришлось-бы плохо отъ окружавшей его толпы. Ударъ кулакомъ допускается на Ванстедскихъ лугахъ, но горе вамъ, если вы себѣ позволите лягнуть кого-нибудь, кромѣ своей жены. Но въ то время, какъ кружокъ сомкнулся надъ Билли, показались круглые верхи шляпъ двухъ полисмэновъ, пробивавшихся сквозь толпу, и Семъ Кардью, быстро облачившись въ сюртукъ, отошелъ съ невиннымъ видомъ въ сторону, насколько то позволялъ подбитый глазъ, между тѣмъ какъ Билли, никѣмъ не замѣченный, исчезъ съ противуположной стороны.

Лизерунтъ и ея новый обожатель прошли обычную рутину полупинтъ и другихъ увеселеній и скоро оказались въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; Лизерунтъ осталась довольна исходомъ дѣла и гордилась своимъ приключеніемъ. Билли былъ хорошъ самъ по себѣ, но Семъ былъ лучше. Она рѣшилась попытать его насчетъ шляпы съ перомъ еще до наступленія слѣдующаго праздника. Солнце опускалось, когда она вмѣстѣ съ своимъ новымъ обожателемъ, охвативъ другъ друга за шею, возвращались посреди криковъ и хоровъ толпы, по направленію къ Рошфордъ-Родъ. Послѣ того,—конка, кафе-шантанъ въ Боу, полупинты и мракъ.

Израненный Билли возвратился домой; разспросы матери вызвали столь сильное негодованіе съ его стороны, что она должна была пріютиться у сосѣдки. Онъ отмстилъ за себя въ два пріема. На второй же вечеръ послѣ того, когда Лизерунтъ шла домой съ кружкой пива, кто-то наскочилъ на нее въ темномъ углу, повалилъ на земь ударомъ въ ухо и убѣжалъ, сопровождаемый ея криками. Хотя она и не могла разглядѣть, но знала, кто это былъ, и на слѣдующій день Семъ Кардью поклялся переломить спину Билли. Но это ему не удалось, потому что въ тотъже вечеръ на него напало семь или восемь человѣкъ, съ палками и ремнями (это были парни изъ Козвей, тогда какъ Семъ Кардью жилъ въ Брэдъ Ленѣ, — причина достаточная для нападенія, даже еслибы въ числѣ ихъ не было Билли Чопъ). Семъ пытался вырваться отъ нихъ и убѣжать, но его повалили и стали колотить; они били его ногами по головѣ и животу, пока онъ не остался безъ движенія и тогда скрылись.

Онъ пролежалъ дома четыре недѣли и когда всталъ, то весь былъ въ повязкахъ. Лизерунтъ часто приходила къ его кровати и два раза приносила по апельсину. При этомъ было много разговоровъ о мщеніи. Но недѣли проходили. Прошелъ уже мѣсяцъ, какъ Семъ всталъ съ постели; и Лизерунтъ надоѣли разговоры о перевязкахъ. Въ нее также запало сомнѣніе; она стала думать о праздникѣ,—до него оставалось менѣе двухъ недѣль. Семъ былъ совсѣмъ разбитъ и до плюшевой шляпы казалось такъ-же далеко, какъ и прежде. За эти послѣднія недѣли Билли Чопъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, насѣдалъ изъ-за денегъ на свою мать; и послѣдняя, видя, что если онъ будетъ разносить готовое бѣлье, то прикарманитъ деньги, стала кончать его и доставлять по домамъ въ его

отсутствіе. Тогда Билли Чопъ вынужденъ былъ колотить ее по головѣ и хватать за горло.

Въ околоткѣ было окно модистки, въ которомъ выставлялись однѣ модныя плюшевыя шляпы съ перьями, и вотъ какъ-то вечеромъ Лизерунтъ застоялась передъ нимъ, когда кто-то схватилъ ее за талью и сказалъ: которая вамъ нравится, Лизеръ? — Лизерунтъ обернулась и увидѣла, что это Билли. Она вырвалась отъ него и отошла въ гнѣвѣ и полная недовѣрія.

— Убирайтесь,—сказала она.

— Сейчасъ же наряжу,—сказалъ Билли.—Безъ обмана наряжу.

— Убирайтесь!—повторила Лизерунтъ.—Чего вамъ нужно еще?

Но вслѣдъ за тѣмъ, убѣдившись, что вранья не было, она подошла опять къ окну. Черезъ нѣсколько времени они возвращались домой уже съ бумажнымъ сверткомъ, въ которомъ заключалась шляпа изъ самаго краснаго плюша съ лазоревымъ перомъ. Эта шляпа, въ слѣдующее гулянье, вызвала всеобщее удивленіе на Лужкахъ, и не было дѣвушки, которая не согласилась бы продать за нее свою душу. Что касается Билли, то онъ былъ не хуже другихъ; и всего не заполучишь; да и Семъ Кардью со своими перевязками и оханьями не Богъ вѣсть чего стоилъ.

Такъ завершилось сватовство Лизерунтъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ обвѣнчалъ одинъ благодушный ректоръ [1]), періодически посвящавшій день для даровыхъ вѣнчаній и который изъ принципа поощрялъ ранніе браки. Они поселились у матери Билли.

II.

Первый ребенокъ.

Когда Билли Чопъ женился, событіе это не сопровождалось особыми торжествами. Свадебнаго вечера не было, потому что признали за лучшее выпить бывшіе въ наличности напитки въ своей собственной семьѣ. Отца у Лизерунтъ не имѣлось, а ея мать не интересовалась этимъ событіемъ; она не видалась съ дочерью цѣлый годъ и кромѣ того была въ то время занята на цѣлый мѣсяцъ по дѣлу о буйствѣ въ пьяномъ видѣ. Такъ что ихъ общество ограничивалось тремя лицами. Билли Чопъ былъ страшно пьянъ съ самаго утра, его молодая супруга весь вечеръ горланила непрерывные хоры, а его мать, подъ вліяніемъ непривычной кварты джина, оправдываемой такимъ чрезвычайнымъ случаемъ, проливала горькія слезы надъ своимъ мальчикомъ, который слишкомъ ослабѣлъ, чтобы вознегодовать на это.

[1]) Старшій пасторъ въ приходѣ.

Онъ больше всѣхъ имѣлъ основаніе радоваться. Потому что Лизерунтъ всегда могла добыть свои десять шиллинговъ съ фабрики пикулей, и можно было предполагать, что она не утратитъ способностей къ такому заработку, сдѣлавшись Лизеръ Чопъ; а этотъ заработокъ составлялъ весьма приличное добавленіе къ тому непостоянному доходу, зависѣвшему отъ катка, который Билли Чопъ выручалъ со своей матери. Что касается Лизеръ, то для нея уже было важно то обстоятельство, что она вышла замужъ; ей только не хватало нѣсколькихъ мѣсяцевъ до восемнадцати, а это, какъ вы уже знаете, считается позднимъ бракомъ.

Разумѣется скоро начались ссоры, потому что новая м-съ Чопъ, менѣе покорная сначала, чѣмъ ея теща, требовала нѣкотораго укрощенія, и пришлось возобновить тѣ ручные пріемы, которые разъ были примѣнены во время сватовства. Но ссоры между женщинами были пріятны для Билли: онѣ развлекали его и потомъ за нимъ лучше ухаживали.

Пришло время, когда Лизеръ должна была сдѣлаться матерью. Это обстоятельство принесло неожиданную полкрону отъ евангелическаго ректора, который даромъ обвѣнчалъ ихъ. Онъ случайно увидѣлъ Билли на улицѣ и узналъ отъ него объ ожиданіяхъ м-сисъ Чопъ, а также, что Билли былъ безъ работы (фактъ неопровержимый)—все это навело его на мысль, что его принципы могутъ иногда приводить къ матеріальнымъ неудобствамъ. Для Билли же, повидимому, открывался новый источникъ полученія, и онъ безъ сомнѣнія надолго сдѣлался бы кліентомъ ректора, если бы этотъ добрый человѣкъ не поспѣшилъ розыскать для него мѣсто носильщика при товарномъ складѣ; предложеніе этого мѣста навѣки оттолкнуло отъ него Билли. Но были еще митинги и демонстраціи *безработныхъ*; также ходили слухи, что при этомъ раздавали шиллинги; и такъ какъ присутствовать на уличномъ митингѣ не менѣе забавно, чѣмъ просто шляться на улицѣ, то Билли въ разсчетѣ на такой шансъ часто посѣщалъ подобныя собранія. Но его по большей части ожидало разочарованіе; поэтому онъ старался предварительно запастить деньгами дома.

Но впродолженіи нѣсколькихъ недѣль деньги отъ женщинъ стали поступать менѣе обильно. Лизеръ говорила о приготовленіи необходимыхъ вещей для ожидаемаго новорожденнаго, — поведеніе, по мнѣнію Билли, ни съ чѣмъ несообразное, потому что, если они не въ состояніи были кормить и одѣвать ребенка, то этотъ долгъ падалъ на его бабушку. Таковъ былъ законъ и его никто не могъ обойти. Но даже при такихъ аргументахъ полученіе шиллинга требовало много угрозъ и хлопотъ. Наконецъ, Лизеръ перестала ходить на фабрику пикулей, и даже была не въ состояніи долго пособлять матери Билли при катаньѣ бѣлья. Такъ продолжалось съ недѣлю, но тутъ Билли, какъ-то поднявшись съ дурнымъ вкусомъ во рту, рѣшилъ прекратить эти глупости и потребовалъ два шиллинга.

— Два боба? Зачѣмъ?—спросила Лизеръ.

— Потому что нужно, не разговаривай.

— Нѣтъ ихъ у меня,—сказала сердито Лизеръ.

— Это чортово вранье.

— Самъ вралъ.

— Я расшибу тебя въ куски, проклятая кобыла! — онъ было схватилъ ее за горло, такъ что она отшатнулась на стулъ.

— Рожу сворочу, если не дашь денегъ сейчасъ-же! Я задамъ тебѣ!

— Пусти! Ты убьешь меня и ребенка!—вопила Лизеръ.—Тутъ вбѣжала мать Билли и, охвативъ его руками, оттащила отъ жены.

— Полно, Билли,—закричала она въ ужасѣ.—Перестань... будетъ! ты попадешь въ бѣду. Оставь ее! Если что случится съ ней, ты будешь отвѣчать.

Билли бросилъ жену и повернулся къ матери.

— Руки долой,—сказалъ онъ,—а то самой достанется. — И въ видѣ предостереженія толкнулъ ее въ грудь.

— Ты получишь, что у меня есть, Билли, только не лѣзь ты въ бѣду. Довольно съ тебя шиллинга?

— Нѣтъ, не довольно Что я мальчишка, что-ли? Я долженъ получить сегодня два шиллинга.

— Я берегла ихъ для квартиры, но...

— Да; ты думаешь о проклятомъ хозяинѣ, а не обо мнѣ? — и онъ положилъ въ карманъ два шиллинга.—Я еще не кончилъ съ тобою, голубушка,—добавилъ онъ, обращаясь къ женѣ;—будешь ты у меня прятать деньги. Подожди только!

Лизеръ поднялась на ноги и медленно добралась до корридора. Считая себя тутъ на безопасномъ разстояніи, она стала отвѣчать на его ругательства. Онъ ударилъ ее ногою, такъ что она повалилась на нижнюю ступень лѣстницы, и, оттолкнувъ мать, хотѣлъ повторить ударъ въ болѣе чувствительное мѣсто. Но между жильцами наверху произошло движеніе, послышался стукъ въ дверь, и онъ убрался.

Лизеръ вопила, лежа скорчившись на лѣстницѣ; посреди ея криковъ можно было только разобрать слова: «Боже мой... началось!».

Билли отправился на митингъ *безработныхъ*, гдѣ поддерживалъ одобрительными криками предложеніе штурмовать лондонскій Тоуэръ. Но онъ не присоединился къ процессіи, во главѣ которой шелъ человѣкъ съ платкомъ на палкѣ, обѣщавшій сокрушить всѣхъ полисмэновъ на пути, потому что ему была извѣстна судьба такихъ процессій. Съ нѣкоторыми другими онъ постоялъ нѣсколько времени на углу ближайшей таверны, въ ожиданіи какого-нибудь подгулявшаго матроса екатерининскихъ доковъ, склоннаго угостить *безработныхъ*. Потомъ онъ направился въ болѣе уединенную пивную, гдѣ угостилъ себя, на собственный счетъ,

пинтой или двумя пива. Бросивъ взглядъ на афиши кафе-шантановъ, развѣшенныя около стойки, онъ рѣшилъ какъ провести вечеръ и затѣмъ, вспомнивъ, что обѣденное время, направился домой.

Входная дверь была открыта и въ первой комнатѣ, гдѣ стоялъ катокъ, не было и слѣдовъ обѣда. А было уже три часа. Билли толкнулся въ заднюю комнату и потребовалъ разъясненія.

— Билли,—послышался слабый голосъ Лизеръ съ ея кровати,—посмотри на беби!

Что-то копошилось подъ фланелевой юбкой. Билли приподнялъ ее.

— Это? какой ощипанный рябчикъ,—сказалъ онъ.

Это былъ слѣпой, безволосый человѣкъ менѣе фута длиной, съ старообразнымъ лицомъ на большой головѣ. Съ одной стороны, отъ ляшки до плеча, былъ замѣтенъ большой синякъ.

Билли опустилъ юбку.

— Гдѣ мой обѣдъ?—сказалъ онъ.

— Я не знаю,—отвѣтила разсѣянно Лизеръ.—Который часъ?

— Часъ? Ты меня не дурачь. Вставай сію-же минуту, шевелись! Я хочу обѣдать.

— Мать собираетъ, кажется,—сказала Лизеръ.—Доктору пришлось долго хлопать надъ нимъ, прежде чѣмъ онъ закричалъ; теперь онъ немного кричитъ. Онъ...

— Подымайся живо! Нечего зубы-то заговаривать. Собирай мой обѣдъ.

— Я готовлю, Билли,—сказала его мать въ двери. Она только-что принялась за него, когда Билли вошелъ.—Въ минуту будетъ готово.

— Иди сюда, кажется, ты не очень-то любишь за нее работать? Нечего ей больше валяться; да я еще у нея въ долгу за утрешнее. Встанешь ты, или поднять тебя пинками?

— Она не можетъ, Билли,—сказала его мать.

— Ты проклятый звѣрь, избить тебя слѣдуетъ,—произнесла, всхлипывая, Лизеръ. Но Билли схватилъ ее за плечи и сталъ тащить съ постели, и опять мать умоляла его вспомнить, что онъ можетъ попасть въ бѣду.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ помощникъ врача, студентъ четвертаго курса при лондонскомъ госпиталѣ, весьма рослый парень, который передъ тѣмъ мылъ руки въ кухнѣ. Сначала онъ не могъ понять смысла происходившей передъ нимъ сцены. Но потомъ, ничего не говоря, схватилъ Билли Чопъ за шиворотъ, протащилъ его черезъ корридоръ и, вытолкнувъ пинкомъ на улицу, захлопнулъ за нимъ дверь.

Когда онъ вернулся въ комнату, Лизеръ сидѣла на кровати, держась рукою за раму.

— Ахъ, ты поганый молокососъ!—кричала она прерывающимся исте-

рическимъ голосомъ.—Подойди только, я печенку тебѣ вырву! Тронуть моего мужа... микстурная собака! У-у-у!

И слабой рукой она бросила въ него треснутымъ чайникомъ.

— Стыдись, негодяй ты этакій!—кричала мать Билли.—Будь живъ его отецъ, онъ-бы сорвалъ тебѣ голову. Еще зоветъ себя докторомъ... мальчишка! Убирайся вонъ! Прочь изъ моего дома, а то я позову полицію!

— Да слушайте-же, чортъ возьми, вѣдь онъ-бы убилъ ее,—сказалъ студентъ и потомъ добавилъ, обращаясь къ Лизеръ:—ложитесь!

— Не лягу. Убирайся! Подойди только, я тебя прикончу. Уходи, пока цѣлъ!

— Ради самого Бога, заставьте ее лечь. Она вѣдь убьетъ себя. Я уйду,—упрашивалъ студентъ мать Билли.—Пожалуй лучше прислать доктора.

И онъ ушелъ, предоставляя Билли Чопъ вернуться и отмстить за полученный пинёкъ.

III.

Перемѣна обстоятельствъ.

Лизеръ еще не было двадцати-одного года, когда у нея родился третій ребенокъ. Еще за нѣсколько времени до того, ее разсчитали на фабрикѣ пикулей, и ея дѣятельность ограничивалась теперь поденной работой по домамъ. Правда, мытье половъ и чистка дома стоятъ нѣсколько выше пикульной фабрики въ отношеніи респектабельности, но это занятіе непрочно и хуже оплачивается. Въ Истъ-Эндѣ такая работа попадается сравнительно рѣдко. Кромѣ того она бываетъ преимущественно въ такихъ домахъ, гдѣ наемная поденщица—рѣдкое явленіе, и потому она вдвойнѣ испытываетъ весь гнетъ своего положенія. Крайняя неопредѣленность и неточность въ поступленіи такихъ доходовъ ужасно возмущала Билли Чопъ. Онъ никогда не могъ быть увѣренъ, что отбираетъ все: ему случалось получать девять пенсовъ, шиллингъ, восемнадцать пенсовъ. Раза два было по полъ-кронѣ, благодаря случайной поденщинѣ у доктора или пастора, и разъ ему досталось три шиллинга. Билли терзали подозрѣнія, что Лизеръ утаиваетъ часть денегъ. Понятно, что при такомъ колебаніи доходовъ требовались понудительныя мѣры, чтобы выжать все до послѣдняго мѣдяка, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда ровно ничего не было; поэтому случалось, что Лизеръ отказывали въ работѣ, благодаря подбитому глазу. Сама Лизеръ была теперь неузнаваема. Румянецъ, разливавшійся прежде до самыхъ глазъ и угловъ рта, теперь сосредоточивался только во впадинахъ щекъ, въ ряду ея крупныхъ бѣлыхъ зубовъ виднѣлись прогалины; даже вздернутый носъ за-

острился; ея волосы висѣли сухими космами, а очертанія фигуры напоминали мѣшокъ. Когда она была дома, то грязныя и ревущія дѣти валялись на ея колѣняхъ или толклись у ея пятъ, тутъ-же стоялъ катокъ, который ей теперь часто приходилось вертѣть, потому что за послѣднее время мать Билли обнаружила странную слабость: она вдругъ обмирала послѣ продолжительной работы, или опускалась въ изнеможеніи на ближайшую мебель и хваталась за бокъ. Отъ этой болѣзни она принимала особое лекарство, когда у нее случалось два пенса, послѣ чего отъ нея пахло джиномъ и мятой; обстоятельство это не разъ возбуждало гнѣвъ въ груди ея сына Билли, нравственно возмущеннаго пропиваніемъ денегъ, которыя въ дѣйствительности принадлежали ему.

Меньшому ребенку Лизеръ шелъ восьмой мѣсяцъ и онъ по большей части былъ предоставленъ самому себѣ, когда Билли, послѣ весьма суроваго и постнаго дня, сдѣлалъ одно весьма пріятное открытіе. Былъ мокрый и вѣтряный вечеръ, и дождь барабанилъ въ окна. Билли сидѣлъ передъ жалкимъ огнемъ въ передней комнатѣ и курилъ трубку; между тѣмъ, какъ его мать складывала готовое бѣлье. Онъ топнулъ два раза ногой и, снявъ сапогъ, сталъ ощупывать внутри. Это былъ гвоздь. Ручка кочерги представляла весьма удобную наковальню, и, разыскивая молотокъ, Билли вспомнилъ о кирпичахъ въ каткѣ. Онъ всталъ и, поднявъ крышку верхняго ящика, началъ шарить между кирпичами и другими грузами, когда ему попался подъ руку маленькій, но довольно тяжелый свертокъ.

— Э... э... что это такое?—сказалъ онъ и вытащилъ свертокъ.

Его мать, стоявшая къ нему спиной, бросилась черезъ комнату, схватившись за грудь (это стало теперь ея привычкой).

— Что такое Билли,—сказала она.—Не это, тамъ ничего нѣтъ. Я тебѣ достану все что нужно, Билли.

Билли оттолкнулъ ее и разорвалъ свертокъ. Тамъ были деньги, сложенныя маленькими столбиками: фартинги, полупенсы и трехъ-пенсовыя монетки, съ нѣсколькими сикспенсами и однимъ или двумя шиллингами, а также одинъ золотой полусоверенъ.

— О,—сказалъ Билли,—вотъ такъ штука, не правда-ли? Прячетъ деньги въ каткѣ! Нѣтъ-ли еще?

И онъ сталъ переворачивать кирпичи.

— Нѣтъ, Билли, не бери это... оставь ихъ!—молила его мать.—Вотъ слѣдуютъ деньги за бѣлье... бери ихъ всѣ. Я коплю ихъ, Билли, на такое важное дѣло... Богъ въ томъ свидѣтель, Билли.

— Да,—отвѣтилъ Билли, продолжая рыться между кирпичами,—копишь на здоровую выпивку. А теперь ея не будетъ. Нечего сказать, хорошо... прятать деньги отъ родного сына!

— Это не для того, Билли... клянусь Богомъ, нѣтъ; это если что

случится со мною. Только, чтобы прилично похоронить—вотъ и все. Незнаешь, когда придетъ часъ... Ты самъ будешь радъ деньгамъ на похороны...

— Я буду радъ имъ теперь,—отвѣчалъ Билли, прикарманившій деньги;—и они у меня. Ты не изъ такихъ, что скоро мрутъ; да если-бъ и случилось... на то есть приходъ. Можетъ быть, ты теперь будешь пооткровеннѣе съ деньгами.

— Оставь-же мнѣ хоть часть, — тебѣ не нужно всего. Дай мнѣ сколько-нибудь; ты можешь получить деньги за бѣлье. Тутъ больше десяти дюжинъ, и, если хочешь, отнеси его самъ.

— Въ такой дождь? Покорно благодарю! Деньги меня не минуютъ и безъ того.

— Вотъ, — промѣняй эти фартинки у лавочника, когда понесешь бѣлье: тутъ на два боба съ пенсомъ мелочи, и я не хочу прорывать свои карманы.

Во время ихъ разговора Лизеръ вышла изъ задней комнаты. Но она не сказала ничего и занялась ребенкомъ, бывшимъ у нея на рукахъ. Когда, наконецъ, мать Билли, отчаянно рыдая, потащилась по дождю съ большимъ, завернутымъ въ клеенку узломъ, Лизеръ пробурчала, сердито, не подымая глазъ:

— Ты могъ-бы оставить ей эти деньги, вѣдь ты получаешь все, что тебѣ нужно.

Въ другое время подобное возраженіе повело-бы къ враждебнымъ дѣйствіямъ; но теперь, имѣя деньги въ карманѣ, Билли былъ настроенъ благодушно.

— Ты пустая голова,—сказалъ онъ,—онѣ во всякомъ случаѣ у меня. Она можетъ высчитать ихъ за одно съ квартирной платой, если хочетъ.

Это была шутка, и онъ самъ ухмыльнулся ей. Плата матери за квартиру была полнѣйшей фикціей, придуманной хитроумнымъ выборнымъ агентомъ, чтобы дать Билли право подачи голоса при выборахъ членовъ парламента.

Въ эту ночь Билли и Лизеръ спали, по обыкновенію, на своей кровати въ задней комнатѣ, вмѣстѣ съ двумя меньшими дѣтьми. Мать Билли каждую ночь устраивала себѣ кровать изъ трехъ стульевъ и стараго чемодана, въ передней комнатѣ около катка, а старшій ребенокъ спалъ на полу около нея. На разсвѣтѣ Лизеръ была разбужена внезапнымъ крикомъ маленькаго созданія. Онъ вертѣлъ ручку у двери, пока та не отворилась, и ввалился въ комнату съ крикомъ ужаса.

— Сверни ему шею,—пробормоталъ полупроснувшійся отецъ.—Чего щенокъ оретъ?

— Боюсь бабу... боюсь бабу!—могъ только проговорить ребенокъ и опять заволилъ.

Лизеръ вскочила съ кровати и выбѣжала въ другую комнату, откуда тотчасъ-же раздался и ея крикъ.

— О-о-о! Билли, Билли! О, Богъ мой! Билли, иди сюда!

И Билли, теперь совершенно проснувшійся, послѣдовалъ за Лизеръ.

Онъ ввалился въ комнату, протирая глаза, и увидѣлъ въ чемъ дѣло.

Вытянувшись на спинѣ, покрытая старымъ тряпьемъ, лежала его мать. Очертанія стараго, изможденнаго лица, застывшаго съ выраженіемъ какого-то мучительнаго удивленія,—рѣзко выдѣлялись на черномъ фонѣ каминной рѣшетки. Но его сморщенная, старая кожа точно побѣлѣла, сгладилась и многія изъ морщинъ исчезли.

Билли Чопъ остановился на полудорогѣ, отскочилъ отъ трупа и уставился на него глазами изъ полуоткрытой двери.

— Богъ мой!—проговорилъ онъ хрипло.—Неужто умерла?

Охваченная припадкомъ нервной дрожи, Лизеръ повалилась на полъ, головою на трупъ и разразилась истерическими воплями, между тѣмъ какъ Билли наскоро одѣлся и выбѣжалъ изъ дому. Онъ мало показывался дома, пока тѣло не было унесено, по распоряженію слѣдователя, два дня спустя. Когда онъ приходилъ поѣсть, то сидѣлъ въ какомъ-то безпокойствѣ, поглядывая,—заперта-ли дверь въ переднюю комнату. Но когда тѣло было унесено, то его способности возвратились къ нему. И онъ ясно понялъ, что произошла перемѣна къ худшему. Оставался катокъ, но кто будетъ его вертѣть? Если Лизеръ, то больше не будетъ поденщины,—видимая потеря третьей части его доходовъ. Да еще было сомнительно, чтобы люди, отдававшіе катать бѣлье его матери, поручили теперь эту работу Лизеръ. Почти навѣрное многіе изъ нихъ не дадутъ, потому что катанье бѣлья предоставляется преимущественно вдовамъ, и въ околоткѣ многія изъ нихъ постоянно перебивали эту работу другъ у друга. Кромѣ того, имъ первымъ предоставляется случайная поденная работа въ домахъ, и Билли неоднократно съ горечью размышлялъ о несправедливости такого порядка.

Слѣдствіе было одною формальностью, и докторъ безъ колебанія выдалъ свидѣтельство о естественной смерти отъ болѣзни сердца. Билли ослѣпила было свѣтлая мысль,—сбора по подпискѣ между жюри,—которою, вмѣстѣ со многими жалобными представленіями, онъ подѣлился съ судебнымъ слѣдователемъ; но этотъ чиновникъ, умудренный долгимъ опытомъ, безжалостно отвергъ ее. Такъ что слѣдствіе ничего не принесло ему, кромѣ разочарованія и чувства оскорбленія.

Опасенія Билли оправдались, и всѣ заказы на катанье бѣлья сразу прекратились и были распредѣлены между мѣстными вдовами. Какъ ни заброшены были дѣти, но все-же Лизеръ теперь не могла ихъ оставлять безъ всякаго призора. Билли приходилось плохо, и ни угрозы, ни колотушки не въ состояніи были выжать теперь ни одного шиллинга.

— Слушай,—сказалъ онъ однажды вечеромъ,—это мнѣ надоѣло. Иди и добывай денегъ.

— Иди и добывай денегъ?—повторила Лизеръ.—О, да. Легко сказать. «Иди и добывай», ты говоришь. А какъ?

— Какъ знаешь... мнѣ все равно. Иди!

— Слушай,—отвѣчала Лизеръ, посмотрѣвъ на него во всѣ глаза,—да развѣ я могу поднять на улицѣ?

— Конечно, можешь. Другія не находятъ, что-ли?

— Богъ съ тобой, Билли... Что ты хочешь сказать?

— То что говорю много другихъ дѣлаютъ такъ. Иди... ужъ не такая ты невинность. Иди, повидай Сема Кардью. Двигайся.., не стѣсняйся.

Лизеръ, стоявшая на колѣняхъ у постели ребенка, поднялась на ноги вся блѣдная и съ блестящими глазами.

— Полно врать, Билли,—отвѣчала она.—Ты не хотѣлъ этого сказать. Завтра утромъ я пойду на фабрику: можетъ меня возьмутъ временно.

— Къ чорту фабрика!—и онъ толкнулъ ее въ корридоръ.—Иди и добывай мнѣ денегъ, если не хочешь, чтобы я свернулъ тебѣ голову.

Въ корридорѣ послышалась возня, звуки ударовъ и всхлипыванье. Потомъ дверь хлопнула и Лизеръ Чопъ очутилась на темной улицѣ.

II. Боксеръ.

Въ шесть часовъ на улицахъ было темно и сыро; но на Бетналь-Гринѣ пылали колеблющіеся огни газа и смоченной нефтью пакли, отражаясь серебристымъ отблескомъ на каждомъ скользкомъ камнѣ, валявшемся по дорогѣ. Недди Мильтонъ совсѣмъ не былъ приготовленъ къ дракѣ; но долженъ былъ боксировать, потому что отданнаго входнаго шиллинга все равно не вернешь, а случаемъ слѣдовало воспользоваться. Онъ надѣялся поправить свои дѣла поединкомъ на кулачкахъ. Это былъ единственный остававшійся у него выходъ.

Онъ читалъ и весьма порядочно писалъ; въ началѣ онъ могъ-бы получить мѣсто конторскаго мальчика, если-бъ только мать могла справить ему приличное платье. Представлялся также шансъ попасть на заводъ, но потомъ не оказалось свободныхъ мѣстъ. Такъ что Недди оставалось только перебиваться случайной работой.

День, безъ сомнѣнія, выдался плохой, да и вообще дѣла были въ гадкомъ состояніи. Прошло почти двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Недъ лишился своей послѣдней работы, и, повидимому, другой никогда не будетъ.

У матери уже три или четыре дня не было шитья; онъ ясно припоминалъ, что послѣ домашняго завтрака остался небольшой кусокъ хлѣба,

такъ что нечего было и думать идти домой, потому что у матери, въ такія времена, проявлялась дурная привычка сказываться сытой и морить себя голодомъ. Онъ даже пожалѣлъ, что отдалъ за входъ свой послѣдній шиллингъ. Сколько ѣды можно было купить на эти деньги:—жареную рыбу, напримѣръ, прогорклый, масляный чадъ отъ которой уже нѣсколько разъ пріятно щекоталъ ему ноздри, и онъ слышалъ ея шипѣнье на сковородѣ, впродолженіе всего своего пути черезъ Бетналь-Гринъ. Недди внесъ этотъ входной шиллингъ только за два дня до прекращенія своей послѣдней работы, и онъ очень-бы пригодился ему теперь. Но можетъ быть сдѣланная затрата окажется источникомъ богатства. Счастье должно перемѣниться. До тѣхъ-же поръ, если и придется поголодать... что-же, въ кулакѣ всегда есть лишнія дырки!

У содержателя кабака *Принца регента* была большая запасная комната за офиціальнымъ помѣщеніемъ, которую, подъ вліяніемъ соображеній о выгодѣ, а также изъ любви къ спорту,—онъ два раза въ недѣлю предоставлялъ въ распоряженіе *Регентства клуба боксеровъ*. Здѣсь Недди Мильтонъ, послѣ продолжительнаго курса колотушекъ, обучился нѣкоторымъ пріемамъ кулачнаго искусства; здѣсь-же, въ этотъ самый вечеръ, долженъ былъ происходить кулачный турниръ, который, можетъ быть, широко откроетъ передъ нимъ золотыя ворота фортуны.

Какой-нибудь любитель изъ кабатчиковъ, или прозорливый *букъ-мекеръ* [1]) изъ Боу могъ видѣть и одобрить его выпады (въ кулачномъ бою) и, положивъ на него деньги, поставить его на профессіональную дорогу. А вѣдь это значило кулачное состязаніе черезъ шесть или восемь недѣль, съ хорошимъ кормомъ за все это время. Конечно, въ бою слѣдовало побѣдить. Ну, а потомъ!..

Онъ уже два раза дрался на кулачномъ поединкѣ. Разъ онъ выигралъ съ перваго-же круга, но на второмъ его поколотили; въ другой разъ онъ былъ разбитъ съ перваго-же круга, но вѣдь его противникомъ былъ побѣдившій всѣхъ Табъ Россеръ, за которымъ теперь была ставка въ сто фунтовъ, который отличался на кулачныхъ выставкахъ въ западной части, носилъ франтовской нью-маркетскій сюртукъ и могъ угощать виски съ содовой водой кого угодно. Онъ не могъ разсчитывать, чтобы его «выставили» на основаніи его первыхъ опытовъ. Можетъ быть, третья проба будетъ удачнѣе, но для этого ему слѣдовало быть покрѣпче. Со времени его завтрака,—если послѣдній заслуживалъ такое названіе,—прошло десять часовъ и съ тѣхъ поръ онъ только выпилъ полпинты слабаго эля, которымъ его угостилъ одинъ благопріятель; но этотъ напитокъ безъ акомпанимента ѣды только холодилъ желудокъ.

Свернувъ въ Кембриджъ-Родъ, онъ перешелъ улицу и направился

---

[1]) *Book-maker*—составитель книжки записей на пари въ спортѣ. *Прим. пер.*

переулками въ сторону Глобъ-Родъ. Шлепая по холодной грязи, онъ чувствовалъ, какъ порывы вѣтра съ мелкимъ дождемъ охватывали его отсырѣвшія плечи и волосы, падавшіе лохмами на воротникъ. Холодное ощущеніе, испытываемое въ одной изъ ступней, также давало ему знать, что въ подошвѣ сапога была дыра.

У стойки «Принца Регента» уже собралось много посѣтителей и большая часть изъ нихъ знала Недди.

— Эй, Недъ,—крикнулъ какой-то рябой парень,—ты что-то не похожъ на борца! Хлебни-ка глотокъ пива.

Недъ умѣренно глотнулъ изъ кружки и вытеръ ротъ рукавомъ. Стоявшій позади него рослый мужчина засмѣялся, и Недъ покраснѣлъ. Тотъ слышалъ насмѣшку. Онъ могъ быть однимъ изъ тѣхъ, которые поставятъ деньги за него и составятъ его счастье; а его товарищъ замѣтилъ, что за Недди опасно держать пари—развѣ еще противъ бифштекса.

— Тебѣ биться съ Патси Бирдъ,—сообщилъ одинъ изъ пріятелей Неду.—Придется смотрѣть въ оба.

Дѣло было плохо. Патси имѣлъ всѣ шансы на выигрышъ, и встрѣтиться съ нимъ для начала,—мало предвѣщало хорошаго. Это былъ плотный, маленькій мясникъ,. и Неду оставалась только одна надежда, что онъ при взвѣшиваніи перетянетъ назначенный вѣсъ.

Другой парень, стоявшій у стойки, вопросительно посмотрѣлъ въ лицо Неду, взялъ его за плечо и тихонько отвелъ въ сторону. Это былъ Сэмъ Іонгъ, котораго Недъ побѣдилъ на первомъ состязаніи.

— Что, голоденъ, Недди?—спросилъ онъ, когда они были въ углу.

Со стыдомъ на лицѣ, Недъ долженъ былъ сознаться въ этомъ, потому что между людьми, которымъ грозитъ голодъ, это часто считается большимъ стыдомъ. Сэмъ развернулъ засаленную бумагу, въ которой былъ завернутъ бѣлесоватый пирогъ со свининой.

— Бери половину,—сказалъ онъ.

Это была неапетитная, тяжелая масса, но Недъ отломилъ большой кусокъ, поспѣшно проглотилъ его и возвратилъ остальное со стыдливой благодарностью. Послѣ того онъ не подходилъ къ группѣ, собравшейся у стойки, но перешелъ прямо въ другую комнату, гдѣ была устроена арена, огражденная веревкой.

Дѣло началось. Первыми слѣдовали выставочныя схватки для развлеченія компаніи. Недди испытывалъ нервное безпокойство. Отчего они прямо не начали состязаній? Когда послѣднія начались, онъ стоялъ пятымъ. Это значило, что ему придется ждать около часу; а чѣмъ дольше приходилось ждать, тѣмъ сильнѣе онъ сознавалъ, какъ мало былъ подготовленъ для борьбы.

Наконецъ, представленіе кончилось, и началось настоящее дѣло. Онъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ за первыми стычками и чувство-

валъ крайнее безпокойство. Парни имѣли здоровый и сильный видъ. Патси Бирдъ не уступалъ другимъ по силѣ и вѣсу. Выстоитъ-ли онъ противъ него? Это нервное возбужденіе было совершенно ново и непонятно для него. Онъ никогда не ощущалъ ничего подобнаго. Онъ едва не трясся; кусокъ холоднаго пирога застрялъ гдѣ-то на полпути и душилъ его. Патси Бирдъ стоялъ въ противоположномъ углу, окруженный своими почитателями. Это былъ хорошо откормленный, краснолицый, плотный парень, обнаруживавшій полную самоувѣренность. Его короткіе волосы плотно облегали круглую, какъ шаръ, голову. Недди замѣтилъ у него съ лѣвой стороны носа маленькій кусокъ пластыря. Ясно, что это было нѣжное мѣсто, все равно—царапина или прыщикъ, и туда нужно бить. Да еще съ лѣвой стороны, совсѣмъ удобно,—это еще нѣсколько утѣшило его.

Онъ продолжалъ слѣдить за происходившимъ передъ нимъ поединкомъ. Борьба была упорная и оба участника то и дѣло наносили удары. Но они видимо слишкомъ спѣшили; вскорѣ послѣ того они стали неровно дышать, точно собирались чихнуть, и, опустивъ головы, продолжали съ усталымъ видомъ тузить другъ друга. Кто-то толкнулъ его въ спину и онъ понялъ, что ему пора собираться. Его туалетъ не отличался сложностью. Пара изношенныхъ резиновыхъ и гимнастическихъ туфель замѣнила его стоптанные сапоги, а парусинная куртка,—рубашку; но его обтрепанныя снизу панталоны, съ сомнительнымъ задомъ, остались на немъ.

Вскорѣ послѣ того въ одѣвальную комнату привели послѣднихъ боксёровъ; тогда одинъ изъ секундантовъ, кривой старикъ, съ перешибленнымъ носомъ, тотчасъ-же ухватился за Недди.

— Идемъ, молодчикъ,—сказалъ онъ,—я твой дружка. Нѣтъ фланели? Ну, ладно. Скачи на вѣсы.

Относительно вѣса не могло явиться затрудненій. Онъ прежде вытягивалъ восемь *стонъ* [1]) тридцать фунтовъ, теперь же едва выходило восемь стонъ. Патси Бирдъ, съ другой стороны, потянулъ полныя девять стонъ.

— Ничего, дай ему стону впередъ,—сказалъ курносый старикъ,—больше чести его оттузить. Ну, надѣнемъ ихъ. Пощупай-ка.

И онъ замигалъ своимъ единственнымъ глазомъ, натягивая на руку Недди одну изъ грязныхъ, поношенныхъ боксёрскихъ перчатокъ. Онѣ были очень мягки. Недди мысленно благодарилъ кривого старика: онъ зналъ по собственному опыту, что чѣмъ слабѣе набита перчатка, тѣмъ сильнѣе чувствуется ударъ кулака.

— Самая мягкая пара на мѣстѣ,—пробормоталъ его секундантъ,

---

[1]) Stone—вѣсовая единица для людей и животныхъ составляетъ 14 англійскихъ фунтовъ.

держа въ зубахъ одну изъ перчатокъ.—Онѣ были на моемъ парнѣ въ послѣдній разъ. Ну, идемъ.

Онъ схватилъ полотенце и бутылку съ водой и увлекъ Недди изъ раздѣвальной въ кружокъ. Недди сѣлъ на свой стулъ въ одномъ углу комнаты, положивъ руки на веревку, въ то время какъ его секундантъ, стоя передъ нимъ съ поднятыми руками, торжественно раскачивался взадъ и впередъ, махая полотенцемъ надъ его головой. Пока тотъ прохлаждалъ его, Недди все еще чувствовалъ кусокъ пирога у себя въ груди. Онъ сталъ смутно размышлять, почему Бирда называли Патси, когда его настоящее имя было Джо. То-же самое относилось къ Табу Россеру, Гоко Джонсу и Типи Мичсону. Въ то-же время онъ ощущалъ непріятную пустоту въ животѣ. Выдержитъ ли онъ колотушки? Совсѣмъ не годится сдать на половинѣ. Хотя...

— Готовы,—пропѣлъ сигнальщикъ.

Курносый старикъ перебросилъ на руку полотенце.—Промочи-ка ротъ,—сказалъ онъ, поднося бутылку къ губамъ Недди. Не проглатывай только,—добавилъ онъ, когда тотъ набралъ въ ротъ воды.—Выплюнь.

— Секунданты, вонъ изъ круга!

Старый боксёръ взялъ свою бутылку и перелѣзъ черезъ веревку.

— Не нападай самъ,—шепнулъ онъ ему сзади.—Норови въ пластырь, и если ты его не отдуешь, я самъ тебя отколочу!

— Время!

Секунданты подняли стулья и вытащили ихъ изъ круга, въ то время, какъ борцы приблизились и пожали другъ другу руки. Патси Бирдъ откинулъ правую руку и выдвинулъ впередъ лѣвое колѣно, когда они стали выпадать,—это была его мáнера. Все безпокойство Недди какъ рукой сняло. Когда онъ сталъ въ позицію, откинувъ лѣвую ногу, и поднялъ кулаки, онъ почувствовалъ самоувѣренность хорошаго работника, у котораго всѣ его инструменты въ надлежащемъ порядкѣ. Онъ даже болѣе не ощущалъ куска тѣста, остановившагося у него въ груди.

— Покупайте, покупайте!—закричалъ какой-то шутникъ въ толпѣ зрителей, намекая на обычное занятіе Бирда. Патси усмѣхнулся при этомъ комплиментѣ, но все вниманіе Недди было сосредоточено на предстоявшемъ дѣлѣ. Онъ сдѣлалъ фальшивое движеніе лѣвымъ кулакомъ и отпрянулъ, но Патси не попался въ обманъ. Тутъ Недди опять наступилъ, быстро уклонившись отъ удара. Патси сдѣлалъ стремительное нападеніе и Недди получилъ здоровенный ударъ по уху. Зрители ревѣли. Теперь они наступали другъ на друга посрединѣ круга. Патси сдѣлалъ фальшивые выпады лѣвой рукой, въ то время, какъ локоть его правой нервно колебался. Это указывало на его намѣреніе двинуть правымъ кулакомъ, причемъ противнику слѣдовало держать на готовѣ лѣвый и зорко слѣдить за движеніями врага, что и дѣлалъ Недди, двигая своимъ

лѣвымъ кулакомъ и не спуская глазъ съ пластыря и угрожавшей ему правой руки. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, они двигались по всему кругу, причемъ Патси наступалъ все ближе, а Недъ уклонялся отъ ударовъ и парировалъ лѣвой. Наконецъ, Недди получилъ здоровенный тумакъ по носу, отъ котораго у него потекли слезы изъ глазъ, но сквозь нихъ онъ все-таки замѣтилъ, что у противника пластырь сдвинулся съ мѣста и изъ подъ него текла тоненькая струйка крови, по направленію къ углу рта. Ясно—это былъ порѣзъ. Онъ выступилъ впередъ и наносилъ удары справа и слѣва; за это онъ получилъ страшный тумакъ по шеѣ, а другой обрушился на его локоть. Но онъ попалъ въ намѣченную цѣль, и тонкая струйка превратилась въ широкую кровяную полосу на лицѣ Патси. Зрители ревѣли и свистали отъ удовольствія. Игра была великолѣпна. Но лѣвая рука Недди становилась все слабѣй и ему трудно было поднимать ее. По временамъ Патси наносилъ удары безъ отдачи и скоро началъ гонять его вокругъ веревки. Недди отбивался слабо, тяжело дышалъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ перерыва. Его руки висѣли, какъ налитыя свинцомъ, и онъ только могъ наносить слабые толчки. До него доносились крики многихъ голосовъ: «Задай ему, Патси! Выманивай его! Вотъ такъ, Патси! Не давай ему спуска!». Патси, дѣйствительно, не давалъ ему отдыха. Удары сыпались на него справа, слѣва и сверху Недъ видѣлъ ихъ, но не имѣлъ силы во-время отражать или давать сдачи. Онъ только могъ переступать съ мѣста на мѣсто, по временамъ замахиваясь совершенно отяжелѣвшей рукой. Въ это время онъ почувствовалъ страшный ударъ по носу, отъ котораго отлетѣлъ къ веревкѣ, затѣмъ другой въ ребра, который чуть не опрокинулъ его. Въ отчаяніи онъ размахнулся правой рукой и со всей силы треснулъ Патси по нѣжному мѣсту. Его лицо искривилось отъ боли и...

— Время!

Кто-то схватилъ Недди за поясъ и посадилъ на стулъ.—Молодецъ,— сказалъ кривой старикъ, обмывая губкой ему лицо.—Только не разваливайся на половинѣ круга. Послѣдняя затрещина пришлась не совсѣмъ ловко, а?

Недди только покачалъ головой, сидя съ откинутой головой на стулѣ, тяжело дыша и устремивъ глаза въ потолокъ.

— Не бѣда; только не сдавай. Работай лѣвымъ... Ты задалъ ему хорошаго; ему потребуется цѣлый ярдъ пластыря сегодня ночью. Когда онъ нападаетъ, принимай на лѣвый, а изъ за него давай сдачу правымъ... если тебѣ знакомъ фокусъ. Норови въ самую скулу. Не хочешь-ли освѣжиться?—Онъ набралъ полный ротъ воды, прыснулъ ему въ лицо и, вытеревъ полотенцемъ, началъ опять махать имъ надъ головой Недди.

— Секунданты, прочь изъ круга,—закричалъ сигнальщикъ.

— Иди смѣло, паренекъ,—послышался шопотъ сзади,—ты можешь

свалить его! И Недди почувствовалъ, какъ изъ губки, сжатой позади его затылка, потекла прохладная струя по его спинѣ.

— Время!

Недди чувствовалъ себя лучше, хотя и ощущалось утомленіе въ мускулахъ руки. Рана на лицѣ Патси была хорошо промыта, но изъ нее все еще сочилась кровь, и онъ теперь рѣшился не давать покоя Недди. Онъ тотчасъ-же бросился на него, но былъ встрѣченъ здоровенной оплеухой по больному мѣсту. «Браво, Недди!» раздался чей-то голосъ и компанія заревѣла попрежнему. Патси сталъ сдержаннѣе. Онъ выпадалъ теперь осторожно, все время подергивая больной щекой. Недди не переходилъ въ наступленіе (ему слѣдовало беречь себя) и такимъ образомъ они продолжали вызывать другъ друга втеченіи нѣсколькихъ секундъ. Наконецъ Патси наступилъ опять, и Недди сталъ дѣйствовать обѣими руками. Разъ ему удалось нанести ударъ правымъ изъ подъ защиты, какъ совѣтовалъ его секундантъ,—но не сильный. Онъ чувствовалъ, какъ его силы упадали,—теперь гораздо скорѣе, чѣмъ въ первый разъ; Патси-же былъ, повидимому, также свѣжъ и рѣшителенъ, какъ съ самаго начала. Онъ оттѣснилъ Недди къ самой веревкѣ и нанесъ ему два жестокихъ удара, изъ которыхъ одинъ пришелся по скулѣ. Пытаясь уклониться, Недди качнулся влѣво и упалъ на лицо. Ему удалось однако повернуться на бокъ и моментально онъ былъ на ногахъ, хотя чуть переводилъ духъ и едва стоялъ. Въ головѣ у него стучало и онъ едва могъ поднять руки. Но противникъ не давалъ ему передышки и гналъ его по всей аренѣ; Недди теперь могъ только безпомощно отмахиваться своими ослабѣвшими руками, между тѣмъ ударъ слѣдовалъ за ударомъ,—то въ носъ, то по уху, то въ скулу и грудь, пока, наконецъ, что-то заколотилось въ его головѣ, и онъ чувствовалъ, что теряетъ сознаніе. До него доносилось какъ будто издалека:—«Хорошо, Патси! Теперь не уйдетъ! Не давай спуску! Приканчивай!». Голоса доносились до него точно изъ какого-то другого сосѣдняго строенія, гдѣ кого-то немилосердно тузили. Ему представлялся кто-то, едва державшійся и не имѣвшій силы выплюнуть кровь, которая набиралась въ ротъ изъ разбитаго носа; кто-то внутренно молившій, чтобы поскорѣе прошли три минуты, казавшіяся тремя часами, и стонавшій отъ боли въ животѣ, гдѣ теперь лежалъ кусокъ свинца, бывшій прежде пирогомъ со свининой. Въ то-же время ему слышалось нѣсколько другихъ голосовъ, кричавшихъ:—«Братъ Недди, все равно безъ пользы. Сдавай!» Вдругъ что-то ударило его между глазами и одновременно сзади по головѣ (это была одна изъ стоекъ). Онъ махнулъ рукой, но она ничего не встрѣтила, потомъ другой,—и она во что-то попала. Потомъ слѣдовалъ страшный ударъ, казалось своротившій ему голову, и онъ опять почувствовалъ, что лежитъ лицомъ на полу. Какъ ни было плохо, но это былъ покой.

Недди ощутилъ холодную воду на своемъ лицѣ, и кто-то говорилъ ему. Онъ опять сидѣлъ на стулѣ и кривой старикъ обмывалъ ему губкой лицо.

— Тебя спасло одно, что вышло время, а то тебѣ низачто-бы не подняться въ десять секундъ. Развѣ пойдешь еще на третій? Лучше брось, безчестья не будетъ послѣ того, какъ ты постоялъ за себя.

Но Недди отрицательно покачалъ головой. Онъ выдержалъ два круга и не хотѣлъ отказываться отъ своего послѣдняго шанса.

— Ну, ладно, коли не хочешь,—сказалъ его менторъ.—Смѣлость прежде всего. Но прямымъ ударомъ ничего не сдѣлаешь; бей на отмашь—это твой единственный шансъ. Береги свою правую и бей здорово. Онъ уже не такъ свѣжъ теперь; ты ему задалъ работу. Прежде, чѣмъ онъ тебя сшибъ съ ногъ, ты ему влѣпилъ здороваго по носу. Да ты самъ и не видѣлъ?—Тѣмъ временемъ престарѣлый боксеръ усиленно растиралъ ему руки и далъ выпить глотокъ воды.—Секунданты, вонъ изъ круга.—Кривой старикъ отступилъ еще разъ, но Недди слышалъ его голосъ позади себя.—Смотри-же, бей крѣпко и скорѣй; если найдетъ дурманъ, сейчасъ-же бросай. А не то я самъ вытащу тебя за штаны изъ круга и осрамлю.

— Время!

Недди сознавалъ, что ему не продержаться болѣе полминуты да и то съ трудомъ. Медлить не слѣдовало. Его утѣшило одно, что Патси обнаруживалъ теперь несомнѣнные слѣды выдержаннаго боя: носъ былъ въ крови у ноздрей и ранка на щекѣ открылась. Онъ стремительно налетѣлъ на Недди. Тотъ уклонился, но не могъ дать сдачи. Они обмѣнялись нѣсколькими ударами, и потомъ Недди получилъ прямой ударъ въ ротъ, отъ котораго пошатнулся назадъ. Послышались крики «Патси» и послѣдній бросился на него, готовясь нанести еще ударъ. Недди кое-какъ отпарировалъ и ударилъ справа изъ подъ защиты. Попалъ-ли онъ? Онъ самъ не чувствовалъ удара, но Патси лежалъ, растянувшись, на лицѣ.

Въ толпѣ поднялся ревъ. Кривой старикъ живо перекинулъ стулъ черезъ веревку, и Недди опустился на него, тяжело дыша и съ залитыми кровью глазами. Патси продолжалъ лежать безъ движенія. Человѣкъ, слѣдившій за временемъ, далъ пройти десять секундъ и подалъ новый сигналъ, но Патси только шевельнулъ ногой. Недъ Мильтонъ выигралъ.

— Браво, паренекъ,—сказалъ старый боксеръ, схвативъ Недди за поясъ и втаскивая его въ раздѣвальную комнату.—Лучшій сшибной ударъ, что мнѣ пришлось видѣть... прямо въ скулу. Не повѣрилъ-бы, что это ты. Я вѣдь говорилъ, что все дѣло въ смѣлости. Помойся теперь и еще лучше почувствуешь себя послѣ упражненія. Давай-ка сюда перчатки... мнѣ нужно спѣшить къ другому бойцу!—Послѣ того онъ ухватился за другого парня и повелъ его изъ комнаты.

— Хлебни глотокъ пива,—сказалъ, протягивая ему оловянную кружку

одинъ изъ новыхъ пріятелей Недди. Онъ выпилъ, хотя чувствовалъ себя, какъ во снѣ. Его охватила слабость и полная апатія, и если-бы его оставили въ покоѣ, онъ не шевельнулся-бы съ мѣста. Но тѣмъ временемъ Патси пришелъ въ себя, и его подтащили къ нему для рукопожатія.

— Задалъ-же ты мнѣ чертову работу, сказалъ Недди,—я не ожидалъ, что побью тебя.

— Побьешь меня? Развѣ это правда? Какъ такъ?

— Сшибъ съ ногъ боковымъ,—отвѣчало сразу нѣсколько голосовъ.

— Будь я проклятъ,—сказалъ Патси...

Позднимъ вечеромъ по окончаніи дѣла Недди сидѣлъ у буфета и смотрѣлъ, полный ожиданія, на толстыхъ людей съ красными лицами, которые курили четырехъ-пенсовыя сигары и пили спеціальный шотландскій эль; но никто изъ нихъ не обратилъ на него вниманія. Счастье еще не выпало на его долю. Но черезъ недѣлю должно было состояться второе и окончательное состязаніе... можетъ быть, тогда его и ожидаетъ удача. Если-бъ только удалось выиграть. Между тѣмъ, онъ чувствовалъ большую слабость и тошноту и хорошенько не зналъ, какъ доберется до дому. На улицѣ лилъ дождь. Онъ опустилъ голову на столъ, гдѣ сидѣлъ, и когда пришло время запирать,—его нашли крѣпко спящимъ.

---

* * *

Зеленой ризою то блещущей, то мрачной
Безбрежная легла громада тяжкихъ водъ.
Надъ нею—синевой глубокой и прозрачной
Горитъ пустынный небосводъ.
Разрѣзывая грудь смирившагося моря,
Въ туманѣ утреннемъ, полетомъ съ чайкой споря,
Скользитъ угрюмый пароходъ.

Но таютъ впереди дрожащіе туманы,
За ними—тамъ, куда не проникаетъ взоръ,
Цвѣтутъ желанныя невѣдомыя страны:
Отъ вѣка молчаливыхъ горъ
Чалмами снѣжными вѣнчанныя вершины,
Селенья пестрыя, веслыя долины,
Пустыни сумрачный просторъ.

И вѣрится мечтѣ плѣнительной и странной,
Что вѣчно свѣтелъ тамъ безсмертный ликъ весны
И красотою все сіяетъ первозданной;
Что какъ нѣмыя глубины
Полуденныхъ небесъ, какъ дремлющія воды,
Тамъ все обвѣяно дыханіемъ свободы
И нерушимой тишины.

Ф. Червинскій.

Гдѣ и какъ ютится петербургская бѣднота?

Сильное наводненіе 4-го ноября 1897 года вновь, въ десятый, сотый разъ напомнило, что значительная часть петербургскаго населенія живетъ при крайне печальныхъ жилищныхъ условіяхъ. Не только наиболѣе потерпѣвшіе обитатели Гавани, самой низменной части въ Петербургѣ, пострадали отъ разбушевавшейся стихіи, но и жители отдаленныхъ отъ Невы частей, имѣющіе несчастіе обитать въ многочисленныхъ подвальныхъ жилищахъ, оказались «потопленными». Петербургское населеніе горячо откликнулось на это стихійное бѣдствіе: пожертвованія посыпались со всѣхъ сторонъ; пострадавшихъ постарались осушить, согрѣть, накормить, одѣть въ теплое платье. Но, какъ это всегда бывало и раньше, взрывъ великодушія скоро остылъ; пострадавшіе забыты, вмѣсто нихъ выступили на очередь другія злобы дня и все осталось, остается, останется и впредь по старому. Одни лишь врачи и санитары еще долго будутъ видѣть во-очію печальные результаты наводненія: всевозможныя эпидеміи и болѣзни, не переводящіяся въ Петербургѣ, получили еще болѣе сильное развитіе. Больницы переполнены и въ нихъ не хватаетъ мѣстъ; смертность достигла высоты, которой не было уже 15 лѣтъ; врачи завалены по горло работой, аптеки вынуждены были требовать помощниковъ изъ Москвы и другихъ городовъ. Быть можетъ, указаніе на опасности отъ эпидемій и болѣзней, не щадящихъ богатыхъ и вліятельныхъ слоевъ и круговъ населенія, оставитъ впечатлѣніе на болѣе продолжительное время и заставитъ насъ серьезнѣе подумать, какъ улучшить положеніе многочисленныхъ бѣдняковъ, такъ какъ состояніе ихъ здоровья, въ концѣ концовъ, отражается и на насъ.

Въ Петербургѣ не переводятся самыя разнообразныя и жестокія эпидеміи. Различные виды тифовъ смѣняютъ другъ друга и, чередуясь, даютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣсто и жестокимъ эпидеміямъ кори, оспы, дифтерита, скарлатины. Иногда затихая на время, онѣ вскорѣ вновь обнаруживаются

съ чрезвычайной силой. Администрація и органы общественнаго самоуправленія, по своему, энергично борятся съ ними: издаются обязательныя постановленія; организуются отряды санитарныхъ врачей, осматривающихъ дома, жилища, лавки, рынки, дезинфецирующихъ помѣщенія, въ которыхъ найдены больные; послѣднихъ обособляютъ, удаляя въ хорошо устроенныя больницы. Если послѣ этого наступаетъ болѣе или менѣе замѣтное ослабленіе эпидеміи, всѣ, конечно, очень довольны и приписываютъ «достигнутые» удовлетворительные результаты своей энергіи и настойчивости, выражаютъ увѣренность въ близкой и окончательной побѣдѣ надъ сильнымъ врагомъ. Отряды санитарныхъ врачей, временныхъ дезинфекторовъ распускаются. Но... проходитъ немного времени, опять возникаетъ какая-либо тяжелая эпидемическая болѣзнь и сказка о бѣломъ бычкѣ начинается сызнова: опять врачи осматриваютъ дома, жилища, лавки и рынки, опять брызгаютъ всякими дезинфецирующими средствами, опять изолируютъ больныхъ, и т. д. до безконечности.

Мы вполнѣ признаемъ цѣлесообразность подобныхъ способовъ борьбы съ эпидеміями, но лишь въ ряду другихъ, болѣе широкихъ мѣръ оздоровленія города и самого населенія. Давно уже можно было убѣдиться, что все, въ настоящее время предпринимаемое противъ эпидеміи, не можетъ увѣнчаться серьезнымъ успѣхомъ, пока не позаботятся о болѣе удовлетворительной бытовой обстановкѣ *всего населенія*, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; пока не подумаютъ о необходимости дать ему средства и возможность жить въ удовлетворительныхъ помѣщеніяхъ, питаться доброкачественной пищей, не работать свыше силъ при крайне вредныхъ условіяхъ; наконецъ, пока не озаботятся о достаточномъ просвѣщеніи массъ, чтобы народъ самъ могъ охранять себя отъ болѣзней, чтобы онъ имѣлъ гдѣ проводить свои досуги, пользуясь разумными общеобразовательными развлеченіями, а не искалъ забвенія своихъ бѣдъ и не находилъ источника подъема физическихъ и духовныхъ силъ въ вертепахъ, гдѣ гибнутъ всякое сознаніе и способность противодѣйствія внѣшнимъ вреднымъ условіямъ.

Всякое заболѣваніе, особенно какой либо заразною болѣзнью, результатъ взаимодѣйствія болѣзнетворнаго начала, съ одной стороны, и способности противодѣйствія ему организма, съ другой. У насъ въ Россіи вездѣ, даже въ столицахъ, заносъ всякой эпидемической болѣзни представляетъ громадную опасность, такъ какъ среди бѣднаго и невѣжественнаго населенія, дурно питающагося, живущаго при самой печальной обстановкѣ, всякая зараза находитъ благопріятную почву для своего развитія и широкаго распространенія. Лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить недавно пережитая нами эпидемія холеры, свирѣпствовавшая даже въ Петербургѣ, гдѣ противъ нея были направлены колоссальныя средства, почти два года. Зародившись въ лачугахъ и жалкихъ логови-

щахъ бѣдняковъ, эпидемія на столько усилилась, что пробралась въ хоромы и дворцы, не щадя даже тѣхъ, кто принималъ всѣ, рекомендуемыя наукой и практикой мѣры самозащиты. Нужно-ли лучшее доказательство, насколько мы всѣ заинтересованы въ устраненіи причинъ, развивающихъ тяжкія эпидеміи среди бѣдныхъ классовъ населенія?

Эпидеміи въ большихъ городахъ, въ столицахъ въ особенности, имѣютъ громадное не только мѣстное, но и общегосударственное значеніе. Въ нихъ происходитъ непрерывный обмѣнъ населенія. Какъ громадный водоворотъ, столичная жизнь вовлекаетъ въ свои пучины многія сотни тысячъ, цѣлые милліоны жителей съ тѣмъ, чтобы выбросить ихъ вновь на поверхность житейскаго моря и разнести по всему лицу нашей страны. Рабочій, побывавшій въ столицѣ, приноситъ къ себѣ въ деревню не только пріобрѣтенныя имъ городскія привычки, но и зародыши всевозможныхъ, въ томъ числѣ и заразныхъ, болѣзней. Придя изъ деревни здоровымъ, крѣпкимъ человѣкомъ, онъ нерѣдко возвращается въ нее не только развращенный изнанкой городской цивилизаціи, но и истощенный разгульной, безпорядочной, безсемейной жизнью, нося въ себѣ зародыши бугорчатки, сифилиса, сыпного тифа, возвратной горячки, оспы. Въ большую или малую деревню онъ вернется на побывку, занесенная имъ зараза въ большинствѣ случаевъ скоро разовьется въ тяжелую эпидемію, бороться съ которой сельское населеніе не имѣетъ средствъ. Для беззащитныхъ жителей нашихъ деревень занесенная эпидемія—грозная стихійная сила, не знающая преградъ. Вотъ почему еще разъ напоминаемъ, что обстановка жизни и труда во всѣхъ мѣстахъ скопленія людей, тѣмъ болѣе въ бойкихъ городахъ и, въ особенности, въ столицахъ, есть вопросъ не только мѣстнаго благоустройства, предметъ попеченія мѣстныхъ общественныхъ управленій и мѣстной администраціи, но и государственныхъ учрежденій и вѣдомствъ и всѣхъ, кто не можетъ равнодушно пройти мимо людскихъ страданій.

Посмотримъ, поэтому, какъ живетъ петербургская бѣднота. Вѣроятно, въ подобныхъ ей условіяхъ живетъ и населеніе другихъ большихъ городовъ. При описаніи жизни петербургской бѣдноты мы будемъ руководствоваться исключительно данными оффиціальныхъ учрежденій и лицъ, отчетами полицейскихъ и санитарныхъ врачей [1]). Ихъ отчеты заслуживаютъ особаго вниманія: петербургскіе полицейскіе и санитарные врачи народъ бывалый, много видавшій на своемъ вѣку, а потому ихъ ничѣмъ не поразишь! Утрировки, преувеличеній, дѣланныхъ ужасовъ въ ихъ изложеніи не найти. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ лѣтописца они протоколируютъ все ими найденное, не восхищаясь прекраснымъ, не воз-

[1]) Городъ С.-Петербургъ съ точки зрѣнія медицинской полиціи. Составлено врачами С.-Петербургской полиціи при участіи и подъ ред. старш. врача И. Еремѣева. Спб. 1897 г.

мущаясь дурнымъ. Они неукоснительно слѣдятъ только, чтобы не было отступленій отъ всякихъ «обязательныхъ постановленій», въ различное время изданныхъ, вполнѣ мирясь съ тѣмъ, что высшія требованія «обязательныхъ постановленій» еле-еле подходятъ подъ самыя минимальныя требованія гигіены, а часто даже далеко не достигаютъ ихъ. Такіе источники не могутъ быть заподозрѣны ни въ предвзятости, ни въ тенденціозномъ подборѣ фактовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы побесѣдуемъ главнымъ образомъ о томъ, гдѣ и какъ живетъ петербургская бѣднота; обстановки труда громадной части петербургскаго населенія мы коснемся только мимоходомъ, насколько оно требуется для иллюстраціи петербургскихъ жилищъ. Объ условіяхъ питанія побесѣдуемъ въ другой разъ.

Гигіена предъявляетъ довольно строгія требованія къ жилищамъ, тѣмъ болѣе строгія, чѣмъ продолжительнѣе въ нихъ пребываніе людей. Въ театрахъ, въ школахъ и тому подобныхъ мѣстахъ кратковременнаго скопленія людей мы можемъ довольствоваться меньшимъ объемомъ помѣщенія, чѣмъ въ мастерскихъ, жилыхъ и особенно спальныхъ комнатахъ. Но, въ сущности, всѣ эти требованія, изученіе которыхъ составило цѣлую науку «строительной гигіены», сводятся къ одному, чтобы въ помѣщеніяхъ, гдѣ находятся люди, всегда были свѣтъ и чистый воздухъ, свободный отъ всякихъ постороннихъ, газообразныхъ и организованныхъ примѣсей. Такъ какъ, въ какое бы замкнутое пространство ни попалъ человѣкъ, воздухъ неизбѣжно долженъ грязниться, причемъ загрязненіе идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ въ меньшемъ пространствѣ находится человѣкъ, то однимъ изъ основныхъ условій всякаго жилища должна быть возможность непрерывнаго обмѣна воздуха, т. н. вентиляціи. Воздухъ жилыхъ помѣщеній загрязняется ранѣе всего самими ихъ обитателями. Далѣе, воздухъ нашихъ помѣщеній грязнится такъ называемымъ почвеннымъ воздухомъ, причемъ чѣмъ почва грязнѣе, тѣмъ и выдѣляющійся изъ нея наружу воздухъ также грязнѣе. Впрочемъ, о значеніи почвы для удовлетворительнаго состоянія жилищъ нами еще будетъ сказано нѣсколько словъ при описаніи подваловъ. Почти одинаково съ почвой, всего рѣзче обнаруживающей свое вліяніе на нижніе этажи, грязнитъ воздухъ подпольное пространство нашихъ помѣщеній, такъ какъ для такъ называемой «смазки» употребляется почти всегда самый грязный мусоръ, богатый всевозможными болѣзнетворными бактеріями. Помимо того, воздухъ грязнится куреніемъ, освѣщеніемъ и, въ особенности, кожной испариной, обусловленной нечистоплотнымъ содержаніемъ тѣла и неопрятнымъ содержаніемъ помѣщенія, присутствіемъ въ послѣднемъ грязныхъ предметовъ, будь то неопрятное платье, обувь или предметы выдѣленія людей и животныхъ.

На ряду съ чистотой воздуха требуется и достаточная сухость его,

такъ какъ въ противномъ случаѣ избытокъ влажности бываетъ причиной сырости въ помѣщеніи, вредъ которой давно уже извѣстенъ не только врачамъ, но и публикѣ. Замѣна испорченнаго воздуха свѣжимъ достигается вентиляціей, естественной, т. е. черезъ стѣны, окна, двери, и искусственной, помощью различныхъ приспособленій. Само собою разумѣется, что если воздухъ, являющійся на смѣну испорченному, также получается изъ загрязненнаго источника, то и вентиляція мало поможетъ дѣлу [1]). Знаменитый гигіенистъ Петтенкоферъ совершенно справедливо указалъ, «что вентиляція противъ устранимыхъ загрязненій воздуха ничѣмъ не оправдывается, тѣмъ болѣе, что она оказывается очень мало дѣйствительною. Если въ моей комнатѣ находится «навозная куча, то гораздо разумнѣе просто удалить ее, «чѣмъ начать усиленно вентилировать комнату».

Такъ какъ вентиляція нашихъ жилищъ, чтобы уравновѣсить происходящую въ нихъ порчу воздуха, можетъ происходить только съ опредѣленной скоростью, то гигіена и предъявляетъ хотя разнообразныя, но минимальныя требованія кубическаго пространства на одного человѣка, смотря по роду помѣщеній. Такъ, напр., для больного минимумъ пространства считается 5 кубическихъ саженъ; другими словами, если принять высоту помѣщенія въ 5 аршинъ, длину его въ 2½ сажени, то ширина помѣщенія должна равняться почти 4 аршинамъ на одного больного. Въ казармахъ для войскъ нормой принято считать 3 куб. сажени и т. д. Но такъ какъ на практикѣ устройство такихъ обширныхъ помѣщеній потребовало бы громадныхъ, подчасъ непосильныхъ расходовъ, то, пользуясь вентиляціей, ограничиваются обыкновенно объемомъ не менѣе 1½ куб. сажени на человѣка, т. е. при высотѣ помѣщенія въ 4 аршина, квадратное пространство на одного человѣка должно быть не менѣе 10 квадратныхъ аршинъ. Это количество считается минимальнымъ всегда, вездѣ и во всѣхъ случаяхъ. Какъ мы увидимъ дальше, эти скромныя требованія, допускаемыя только при условіи достаточно-энергичной вентиляціи, представляются недостижимымъ идеаломъ для громадной части петербургскаго населенія, довольствующагося такими размѣрами, которые казались бы невѣроятными, если бы намъ не было извѣстно, что всякій организмъ вообще, а человѣческій тѣмъ болѣе, обладаетъ способностью приспособляться ко всевозможнымъ неблагопріятнымъ факторамъ. Вредное дѣйствіе послѣднихъ сказывается лишь постепенно, но для санитара и статистики оно выражается въ громадной заболѣваемости жильцовъ тѣсныхъ квартиръ, въ ужасающемъ вымираніи въ нихъ дѣтей, въ краткой продолжительности средней жизни, ранней неспособности къ труду и въ другихъ однородныхъ фактахъ.

---

[1]) Интересующихся подробнѣе этимъ предметомъ отсылаемъ къ статьѣ моего брата, Д. М. Герценштейна. «Сѣв. Вѣстн.» 1896 г., №№ 4 и 5.

Бѣдное населеніе большихъ городовъ вынуждено всегда пользоваться худыми и тѣсными квартирами, какъ, съ другой стороны, именно неудовлетворительно-устроенные дома почти исключительно и предназначены для бѣдноты. Это представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что доказано, что именно дома, населенные бѣдными жильцами, требуя наименьше расходовъ, въ то-же время и самые выгодные для ихъ владѣльцевъ, какъ дающіе наивысшій доходъ. Особенно печальна участь бѣдной части населенія городовъ, когда оно быстро возрастаетъ, быстрѣе, чѣмъ частная и общественная предпріимчивость успѣваютъ приспособиться къ народившимся потребностямъ въ жилищахъ.

«Жилищный голодъ», переживаемый въ настоящее время петербургскимъ населеніемъ, особенно тяжко отражается на бѣднякахъ. Для людей богатыхъ, которыхъ всего менѣе коснулось непомѣрное повышеніе платы за квартиры, надбавка нѣсколькихъ процентовъ къ ней не составляетъ какого-либо затрудненія. Люди среднихъ классовъ вынуждены довольствоваться меньшимъ числомъ комнатъ, сдавать нѣкоторыя изъ нихъ жильцамъ, соединяться въ двѣ семьи для пользованія общею квартирою, или, живя въ прежнихъ, отрѣшиться отъ какихъ-либо потребностей: рѣже ходить въ театръ, меньше довольствоваться извозчиками, менѣе тратить на наряды и т. д. Наконецъ, многіе рѣшаются переѣзжать въ пригородныя мѣста или селиться на окраинахъ города. Но, параллельно вздорожанію квартиръ, повышается и стоимость отдѣльныхъ комнатъ, угловъ и прочихъ помѣщеній, разсчитанныхъ на пріютъ бѣдной части населенія. Кто прежде пользовался комнатой, мирится теперь съ полукомнатой; нанимавшіе полукомнаты переѣзжаютъ теперь въ углы; угловые жильцы передвигаются и ютятся подальше отъ оконъ, такъ какъ за близость къ окну нужно платить лишнія деньги; кому и это не подъ силу, тѣ забираются въ ночлежные пріюты и постоялые дворы, число посѣтителей которыхъ безпрерывно растетъ. Петербургскіе домовладѣльцы, идя навстрѣчу нарождающимся потребностямъ, приспособляютъ подъ квартиры такія помѣщенія, которыя прежде предназначались подъ коровники, конюшни, сараи для дровъ и т. под. службы.

При такихъ условіяхъ бѣдные люди вынуждены довольствоваться всякимъ помѣщеніемъ, которое имъ попадается подъ руку. Главная особенность жилищъ бѣдныхъ людей, благодаря дороговизнѣ ихъ — это чрезмѣрное переполненіе, тѣснота, грязь, отсутствіе свѣта, сырость, зависящая не только отъ неблагопріятной почвы, но и отъ переполненія ихъ жильцами, стирки и сушки бѣлья и т. под. Тотъ-же недостатокъ квартиръ объясняетъ также и то, почему до сихъ поръ въ большихъ городахъ значительная часть населенія вынуждена пользоваться для жилья чердачными и еще болѣе ужасающими подвальными помѣщеніями, не смотря на то, что противъ нихъ давно уже рѣзко высказалась наука,

а вслѣдъ за нею и законъ. Согласно нашему «Строительному уставу», жилье въ подвалахъ никогда не было оффиціально разрѣшено, а въ низменныхъ, подвергающихся наводненію мѣстахъ, даже запрещено (ст. 337); тѣмъ не менѣе число такихъ помѣщеній непрерывно возрастаетъ при молчаливомъ согласіи органовъ общественныхъ управленій.

Если съ подвальными помѣщеніями нигдѣ нельзя мириться, то существованіе ихъ въ Петербургѣ просто преступно! Ужасъ подвальныхъ помѣщеній выступаетъ открыто, на глазахъ у всѣхъ, при частыхъ петербургскихъ наводненіяхъ. Послѣдствія наводненій 1892, 1895 и въ особенности недавно пережитаго наводненія 4-го ноября 1897 года должны непрерывно напоминать, что уже давно пора покончить съ злосчастными подвалами. Жадности домовладѣльцевъ, угодливости передъ ними архитекторовъ долженъ быть разъ навсегда положенъ предѣлъ, потому что никакія ухищренія не могутъ спасти жильцовъ подобныхъ помѣщеній отъ потопа, едва вода въ Невѣ болѣе или менѣе подымется. А эти потопы подразумѣваютъ не только ухудшеніе матеріальнаго и физическаго благосостоянія, но и постоянную угрозу усиленія всевозможныхъ эпидемій. Даже тугая на мѣры борьбы съ домовладѣльцами петербургская городская дума нашлась вынужденной издать обязательное постановленіе, правда, на каждомъ шагу игнорируемое, что подвалы должны быть не ниже 3½ аршинъ, хорошо освѣщены, а полы и стѣны до уровня уличнаго тротуара, или поверхности двора, непроницаемы для воды.

Очистивъ свою совѣсть изданіемъ такого обязательнаго постановленія, представители общественнаго управленія ничего не хотятъ сдѣлать, чтобы изданныя обязательныя постановленія исполнялись, такъ какъ соблюденіе этого правила отразилось бы раньше всего на многихъ гласныхъ, извлекающихъ громадный доходъ съ подваловъ. А кто себѣ врагъ?

Главная бѣда петербургскихъ подвальныхъ помѣщеній лежитъ въ ихъ легкой затопляемости и во всѣхъ связанныхъ съ этимъ послѣдствіяхъ. Стоитъ только подуть болѣе или менѣе сильному западному вѣтру съ моря, подымающему уровень Невы, какъ въ подвалахъ уже показывается вода, ранѣе чѣмъ начинаетъ страдать несчастная Гавань, бѣдствія которой достаточно всѣмъ знакомы. Объясняется это все очень просто: Петербургъ, какъ принято выражаться, стоитъ на болотѣ. Это выраженіе въ значительной степени вѣрно не только въ томъ отношеніи, что поверхность его едва-едва выдается надъ уровнемъ моря, что городъ построенъ на очень влажной почвѣ, потребовавшей громадныхъ усилій для ея осушенія, какъ, напр., поднятія уровня ея, прорытія большихъ и малыхъ каналовъ и т. под. Еще вѣрнѣе это опредѣленіе потому, что трудно придумать, чего только не дѣлаетъ петербургское населеніе, чтобы все больше и больше загрязнить свою почву. Каждый человѣкъ даетъ отбросы, годовая сумма которыхъ громадна. Профессоръ Эрисманъ вы-

числилъ, что 100,000 городского населенія даетъ ежедневно до 30,000 кубич. футовъ жидкихъ нечистотъ и помоевъ. Для Петербурга съ его громадно-развитой фабрично-заводской и ремесленной промышленностью это отношеніе должно быть, во всякомъ случаѣ, значительно увеличено. Чтобы оцѣнить, что значитъ суточное количество 30,000 кубическихъ футъ нечистотъ, достаточно сказать, что годовое количество ихъ наполнило-бы до краевъ каналъ шириною въ 10 саженъ, глубиною въ 2 сажени и длиною болѣе нежели въ 3 версты. Для всего Петербурга эти цифры нужно увеличить, по крайней мѣрѣ, въ 12 разъ; другими словами, собранные за годъ петербургскіе помои и нечистоты могутъ восполнить каналъ такой ширины и глубины, безъ малаго въ 40 верстъ длины. Вспомнимъ, что суточное потребленіе воды въ Петербургѣ доходитъ почти до 20 милліоновъ ведеръ или въ годъ почти восемь милліардовъ. Вся эта масса водъ, способная затопить цѣлую область, послуживъ для нашихъ потребностей и достаточно загрязнившись, должна быть удалена, и ранѣе всего удаляется черезъ почву. Эта громадная масса превышаетъ почти въ 4 раза количество водъ, ниспадающихъ на Петербургъ въ видѣ обильныхъ осадковъ: дождя, снѣга, тумановъ [1]). Все это тоже избираетъ почву, какъ путь, черезъ который они могутъ удалиться съ петербургской поверхности. Если допустить, что дождевыя массы промываютъ почву, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ вносятъ въ нее и грязь, на ней лежащую. Какую бы слабую степень растворенья нечистотъ мы ни приняли во всѣхъ этихъ колоссальныхъ массахъ жидкости, все-же очевидно, какое громадное количество нечистотъ должно остаться въ поверхностныхъ слояхъ почвы, если онѣ тѣмъ или другимъ путемъ не удалены. Вѣдь петербургское населеніе даетъ въ годъ до 2 милліоновъ пудовъ однихъ твердыхъ изверженій желудка. Что степень концентраціи нашихъ жидкихъ изверженій не мала, можно убѣдиться, прокатившись лѣтомъ на пароходикѣ по Фонтанкѣ или Екатерининскому каналу. Всякій можетъ убѣдиться, какая зловонная, грязная жидкость полной струей льется изъ громадныхъ водосточныхъ трубъ домовъ.

Громадная масса воды, проникающей въ петербургскую почву, ищетъ себѣ исхода и, естественно, направляется въ мѣста наименьшаго препятствія. Она, при помощи многочисленныхъ сточныхъ трубъ, изливается въ каналы и рѣчки, которыми перерѣзанъ весь Петербургъ. Но значительная часть ея все-же остается въ самой почвѣ, всегда пропитывая ее большимъ или меньшимъ количествомъ влаги. Если свободный истокъ этихъ водъ почему-либо затрудненъ, то почва такъ переполняется водой, что послѣдняя начинаетъ просачиваться въ подвалы, погреба, по-

[1]) Принимая площадь Петербурга въ 57 квадр. километровъ, а годовое количество всѣхъ осадковъ въ 47 сант., годовый объемъ осадковъ составитъ 2.6.790.000 кубич. метровъ или 2.178.230.000 ведеръ.

мойныя ямы и другія мѣста. Такое препятствіе свободному истеченію почвенной воды всегда чаще создаетъ подъемъ уровня рѣки. Если вѣтеръ дуетъ съ моря и задерживаетъ воду въ Невѣ, заставляетъ ее даже идти противъ теченія, какъ немедленно переполняются каналы и рѣчки, лишенныя возможности дать свободный истокъ своему содержимому въ рѣку. Подъемъ уровня воды въ каналахъ и рѣчкахъ чисто механически закрываетъ просвѣты выходящихъ въ нихъ сточныхъ трубъ, — грязная вода которыхъ, не находя выхода, устремляется обратно, еще болѣе пропитываетъ загрязненную почву и начинаетъ въ большей или меньшей мѣрѣ просачиваться въ подвальныя помѣщенія. Еще нѣтъ никакихъ основаній опасаться наводненія въ самыхъ низменныхъ частяхъ города, а въ подвалахъ уже начинаетъ просачиваться грязная почвенная вода, пропитывая поры ихъ стѣнъ и пола разведенными нечистотами и содержимымъ нашихъ выгребныхъ и помойныхъ ямъ.

Какъ-бы то ни было, вода, просачиваясь черезъ почву, оставляетъ въ поверхностныхъ слояхъ всѣ свои примѣси, освобождается отъ нихъ и, до нѣкоторой степени очищенная, проникаетъ дальше. Ея-же примѣси остаются близко отъ насъ, подвергаются всѣмъ возможнымъ процессамъ гніенія, броженія и разложенія; грязнятъ не только почвенный воздухъ, проникающій въ жилища, но и надпочвенный, которымъ мы всѣ непосредственно дышемъ. Такая загрязненная почва—самая благопріятная среда для развитія самыхъ разнообразныхъ, самыхъ опасныхъ бактерій. Если бы въ почвѣ не происходилъ рядъ химическихъ и физическихъ процессовъ, сильно вліяющихъ на азотистые продукты нечистотъ и переводящихъ ихъ въ болѣе или менѣе безвредныя соединенія, мы въ самое короткое время такъ загрязнили бы почву, на которой живемъ, что животная жизнь на ней сдѣлалась бы невозможной. Но при всей дезинфецирующей способности земли, которой оказываетъ громадное содѣйствіе и находящаяся на ней растительность, она недостаточна для полнаго обезвреживанія значительныхъ массъ нечистотъ, и изъ году въ годъ накопляется въ почвѣ все бо́льшее и бо́льшее количество вредныхъ примѣсей. Вотъ почему, не смотря на кажущуюся иногда наружную опрятность Петербурга, она только маскируетъ невообразимо вредную грязь, скрывающуюся подъ кокетливой внѣшностью. Грязь эта накопляется многими десятилѣтіями и, подвергаясь непрерывному гніенію и броженію, заражаетъ почву, воду и воздухъ. Не удивительно, что при нѣсколькихъ подъ-рядъ теплыхъ дняхъ, крайнее зловоніе на всѣхъ улицахъ даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Еще лучше можно убѣдиться, что́ такое петербургская почва, при рытьѣ каналовъ или какихъ-либо ямъ.

Въ Петербургѣ трудно или даже невозможно изолировать стѣны нашихъ подваловъ отъ проникновенія въ нихъ воды и воздуха изъ почвы.

Гигроскопическія стѣны будутъ всасывать изъ окружающаго ихъ слоя почвы воду и воздухъ, какъ выжатыя губки. Въ Берлинѣ, гдѣ почва гораздо суше, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ почвенная вода стоитъ значительно ниже, чѣмъ у насъ, по проекту фабриканта Калле (Kalle), подвальныя помѣщенія могутъ быть допущены подъ жилье только въ случаѣ, если ихъ полъ лежитъ по крайней мѣрѣ на 30 сантиметровъ выше самаго высокаго стоянія грунтовыхъ водъ, а потолокъ, по меньшей мѣрѣ, на 1 метръ, притолоки оконъ на 60 сантим. выше поверхности примыкающей почвы. Согласно обязательнымъ постановленіямъ петербургской городской думы, стѣны подвальныхъ помѣщеній должны быть изолированы отъ почвы водонепроницаемыми слоями, но, какъ справедливо указываютъ врачи, даже цементированные подвалы не защищены отъ затопленія почвенной водой, такъ какъ для того, чтобы вода не могла въ нихъ проникнуть, требуется слой цемента, по меньшей мѣрѣ, въ 4 пальца, между тѣмъ домовладѣльцы ограничиваются слоемъ въ полъ-пальца. Нѣкоторые домовладѣльцы, устраивая подвальныя помѣщенія, на столько напередъ убѣждены, что затопленіе ихъ неизбѣжно, что оно «отъ Бога», что предусмотрительно устраиваютъ въ какой-либо комнатѣ или сѣняхъ колодезь, а для выкачиванія воды—насосъ.

Въ своихъ описаніяхъ подвальныхъ помѣщеній всѣ врачи говорятъ въ одинъ голосъ. Такъ, напр., врачи адмиралтейской части, напоминая, что еще въ 1890 году числилось тамъ 448 подвальныхъ помѣщеній, изъ нихъ жилыхъ—358, указываютъ, что такъ какъ эта часть подвергается частымъ наводненіямъ, то подвалы для жилья были запрещены. Несмотря на то, домовладѣльцы отдаютъ въ наймы подвальныя помѣщенія подъ жильцовъ не только въ старыхъ домахъ, но даже устраиваютъ ихъ и во вновь воздвигаемыхъ зданіяхъ. Къ чему-же въ такомъ случаѣ «всуе писать законы»?

Сами подвалы, несмотря на громадную наемную плату, устроены просто преступнымъ образомъ. Нѣкоторые имѣютъ болѣе сажени глубины. Всѣ они ранѣе всякихъ другихъ жилищъ подвергаются затопленію даже при незначительныхъ подъемахъ воды, благодаря обратному току грунтовой воды въ трубахъ. Стѣны ихъ, даже въ сухое время года, всегда сыры, вслѣдствіе дурной естественной вентиляціи. Населены они многочисленными, очень бѣдными жильцами, скученными до невѣроятности, при весьма, къ тому еще, недостаточной топкѣ. Въ отчетахъ о своихъ путешествіяхъ по Гавани послѣ наводненія 4-го ноября 1897 года г. Чеховъ совершенно вѣрно подмѣтилъ, что главная нужда такихъ жильцовъ въ дровахъ, дровахъ и дровахъ, такъ какъ съ сыростью можно бороться только усиленной топкой. Всегда сырые подвалы, насыщая воздухъ обильными испареніями, не только затрудняютъ дыханіе, но кажутся очень холодными ихъ жильцамъ, такъ какъ во влажномъ воз-

духѣ ощущеніе холода всегда сильнѣе, чѣмъ въ сухомъ. Если воздухъ сухъ, то температура въ 13° Реомюра доставляетъ намъ вполнѣ пріятное самочувствіе; напротивъ, даже при 15°, но въ сыромъ помѣщеніи, мы испытываемъ тягостное ощущеніе зябкости. Но если усиленная топка подваловъ немного устраняетъ сырость, то, съ другой стороны, особенно зимой, въ высшей степени грязнитъ воздухъ въ нихъ, сильнѣе притягивая окружающій зараженный почвенный воздухъ.

Врачи адмиралтейской части указываютъ, что подвалы рѣдко ремонтируются. А знаете-ли, читатель, какова цѣна помѣщеній въ нихъ? отъ 60 до 180 рублей въ годъ за комнату; для торговыхъ помѣщеній плата за комнату составляетъ 250 рублей и подымается даже до 500 рублей въ годъ.

Врачи казанской части, съ своей стороны, также жалуются, что въ ихъ раіонѣ много жилыхъ подваловъ, совершенно не приспособленныхъ для жилья. Всѣ изданныя указанія совершенно игнорируются домовладѣльцами, ссылающимися на то, что въ ихъ подвалахъ обитатели живутъ десятки лѣтъ, — немыслимое ни въ какой культурной странѣ игнорированіе санитарныхъ законовъ освящено временемъ. Лишь бы интересы домовладѣльцевъ были соблюдены, а что подвальные жильцы болѣютъ и мрутъ, то за десятки лѣтъ, втеченіи которыхъ они пользовались своими помѣщеніями, они имѣли достаточно времени привыкнуть къ тому. Громадное большинство подваловъ казанской части скудно освѣщены и при высокихъ грунтовыхъ водахъ, или при засореніи городскихъ водосточныхъ колодцевъ и трубъ, заливаются водой, отчего они не только сыры, но почти съ постояннымъ скопленіемъ грязной воды на полахъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда стѣны и полы цементированы. Нерѣдко стѣны подваловъ соприкасаются съ выгребами. Легко себѣ представить, какія примѣси къ своему воздуху втягиваютъ изъ окружающей среды подобныя подвальныя помѣщенія и какъ это должно все отражаться на благополучіи ихъ жильцовъ. Воздухъ въ подвалахъ, при отсутствіи вентиляціи и достаточнаго свѣта, сырой и затхлый. Такъ какъ въ подвалахъ не только живутъ, но въ нихъ помѣщаются и различныя торгово-промышленныя заведенія, даже торгующія съѣстными припасами, то при всякомъ наводненіи, заливающемъ подвалы грязною водою, сплошь и рядомъ съѣстные товары подмачиваются.

Подобно тому, какъ въ адмиралтейской части, и въ казанской наемная плата за подвалы очень высока. Средняя стоимость комнаты 180 рублей; а квартира въ 3—4 комнаты оплачивается 500 руб. въ годъ. Такая высокая цѣна обусловливается громаднымъ спросомъ на помѣщенія. Въ одной казанской части числится до 10,000 подвальныхъ жильцовъ. Теперь становится понятнымъ безсиліе администраціи бо-

роться съ такимъ зломъ. Когда, послѣ наводненія 1895 года, полиція, во исполненіе закона, хотѣла выселить подвальныхъ жильцовъ, она не могла привести своего намѣренія въ исполненіе за абсолютнымъ неимѣніемъ мѣстъ, куда можно было-бы ихъ перевести. Такое-же затрудненіе встрѣтилось и послѣ наводненія 4-го ноября настоящаго года, когда были залиты подвалы даже на относительно возвышенныхъ мѣстахъ, какъ, напр., на Большой Конюшенной и др. улицахъ.

Въ спасской части изъ 372 домовъ въ 142 имѣются жилые подвалы. Прежде ихъ было значительно больше, но полиціи удалось закрыть многіе изъ нихъ послѣ наводненія 1895 и 1896 годовъ.

Въ московской части, гдѣ наводненія не даютъ себя чувствовать съ такой силой, какъ въ другихъ мѣстахъ города, подвалы находятся въ немного лучшихъ условіяхъ, но и здѣсь врачи указываютъ на ихъ незначительную высоту. Нельзя не обратить вниманія и на значительную скученность въ нихъ. Такъ, напр., въ первомъ участкѣ имѣется 112 жилыхъ подваловъ съ 657 жильцами, т.-е. почти 6 человѣкъ на подвалъ; во-второмъ участкѣ въ 126 жилыхъ подвалахъ живетъ 1075 человѣкъ или, въ среднемъ, по 9 человѣкъ на одно подвальное помѣщеніе.

На Васильевскомъ островѣ, даже послѣ изданія въ 1824 году закона, запрещающаго здѣсь сооруженіе подваловъ и чердаковъ для жилья, тѣмъ не менѣе построено, строится и теперь много домовъ съ жилыми подвалами и чердаками. Здѣсь существованіе ихъ тѣмъ болѣе неумѣстно, что подвалы неминуемо заливаются водой; даже въ тѣхъ домахъ, гдѣ полы ихъ устроены изъ толстаго слоя бетона. Въ 1895 г. въ одномъ 2 участкѣ было залито до 50 подваловъ, причемъ во многіе изъ нихъ вода проникала черезъ фановыя трубы. Въ другіе она проникала черезъ оконныя и дверныя отверстія или черезъ отдушники въ подпольяхъ. Подвалы заливались на высоту отъ двухъ аршинъ до одной сажени. Большая часть ея была выкачиваема на улицу, другая—черезъ подпольныя пространства всасывалась въ почву. Врачи васильевской части описываютъ свои подвалы слѣдующими характерными словами: «нѣсколько крутыхъ, зачастую ветхихъ, ступеней ведутъ въ полутемный корридоръ, въ который выходятъ двери квартиръ. Первая комната—кухня, въ большинствѣ случаевъ, темная; остальныя двѣ или три съ недостаточнымъ свѣтомъ и высотою, разгороженныя на нѣсколько мелкихъ клѣтушекъ для угловыхъ жильцовъ, съ желѣзными временными печами посрединѣ». Послѣ наводненія 1895 г., подвалы были осмотрѣны санитарными врачами и признаны совершенно непригодными для жилья. Но здѣсь встрѣтилось также затрудненіе, на которое натолкнулись въ казанской части: некуда было выселить жильцовъ.

Почти то-же самое сообщаютъ врачи и о подвалахъ петербургской части, гдѣ въ 198 домахъ имѣется свыше 400 жилыхъ подвальныхъ помѣщеній. Почти всѣ квартиры далеко ниже установленной закономъ высоты

и не имѣютъ непроницаемыхъ для воды стѣнъ и половъ. Многія изъ нихъ сырыя и холодныя. Такія квартиры часто служатъ причиной заболѣваній жильцовъ, но сдѣлать что-либо, по откровенному сознанію врачей, санитарный надзоръ не въ силахъ. Послѣ наводненія 1895 года огромное большинство подвальныхъ жильцовъ Петербургской стороны ютилось у знакомыхъ, на чердакахъ, въ чуланахъ, а многіе, за невозможностью отыскать себѣ квартиры, уѣхали въ деревню.

Читая ужасы про петербургскіе подвалы, безстрастно изложенные мѣстными полицейскими врачами, легко мириться даже съ тѣмъ, что представляютъ собою петербургскіе жилые чердаки. Но трудно себѣ представить, что при нашихъ холодахъ и морозахъ могутъ найтись смѣльчаки, рѣшающіеся жить въ такихъ помѣщеніяхъ, тѣмъ болѣе, что они даже воспрещены закономъ. При всемъ томъ въ очень многихъ домахъ имѣются мансарды. Особенно ихъ много въ казанской части. По словамъ врачей казанской части, московской и петербургской частей, всѣ эти помѣщенія холодны, полутемны, со слѣдами сырости на потолкахъ и стѣнахъ отъ протекающихъ крышъ, отъ промерзанія. Наружныя стѣны очень тонки, а потому легко промерзаютъ. Осушить и нагрѣть ихъ, даже усиленной топкой, нѣтъ никакой возможности, такъ какъ они смежны съ холодными чердаками, предназначенными для сушки бѣлья. Вмѣстѣ съ тѣмъ они тѣсны, низки, не имѣютъ даже 3 аршинъ вышины.

Какъ велико число обитателей въ нихъ, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Въ спасской части изъ 372 домовъ въ 69 имѣются жилыя мансарды. Въ первыхъ двухъ участкахъ московской части насчитывается 111 мансардъ съ 851 жильцами.

Петербургскую бѣдноту, вынужденную довольствоваться неудовлетворительными въ санитарномъ отношеніи квартирами, можно раздѣлить на двѣ группы: одна состоитъ изъ лицъ, у которыхъ есть извѣстная, минимальная до фиктивности, свобода въ выборѣ себѣ жилищъ. Такія лица ищутъ, соображаясь со своими средствами и потребностями, но все-же какъ-бы добровольно останавливаютъ свой выборъ. На ряду съ ними существуетъ обширнѣйшій классъ жителей, которые живутъ тамъ, гдѣ имъ велитъ хозяинъ, наниматель. Для нихъ выбора нѣтъ, такъ какъ, въ случаѣ несогласія на предлагаемое помѣщеніе, имъ грозитъ отказъ отъ мѣста, на которое и такъ зарятся многія сотни кандидатовъ. Типичнѣйшими, особенно для Петербурга, представителями такого класса населенія являются швейцары и дворники. Громадность ихъ контингента заслуживаетъ, чтобы подробнѣе остановиться на ихъ жилищной обстановкѣ.

Съ легкой руки мелкой прессы, всѣ мы привыкли относиться къ швейцарамъ съ особеннымъ предубѣжденіемъ: всѣ они лодыри, лѣнтяи, бездѣльники, жадно вымогающіе всевозможные «на чаи», низкопоклонники передъ богатыми жильцами и грубые съ нежелающими платить имъ какую-

бы то ни было дань. Кто изъ насъ, возвращаясь позднею ночью послѣ веселой пирушки или пріятно проведеннаго вечера, не возмущался, когда злосчастный швейцаръ, быть можетъ, уже двадцать разъ поднятый со своего ложа, не вскакивалъ моментально отворять намъ двери. Но, скажите, читатель, если вы давно живете въ Петербургѣ и когда-либо обращали вниманіе на швейцаровъ, много-ли видали изъ нихъ вы здоровыхъ и цвѣтущихъ людей. Обратите вниманіе на этихъ «лодырей», не поразитъ-ли васъ въ большинствѣ случаевъ ихъ блѣдный, усталый видъ, худоба и поразительное безсиліе. Быть можетъ, такихъ вы не видали или видали очень рѣдко, но за одно можно поручиться: вы никогда не видали у швейцара цвѣтущаго и здороваго ребенка, здоровой и краснощекой жены. Швейцаръ цѣлые дни проводитъ на лѣстницѣ, на улицѣ. Его семья проводитъ все время въ ужасающихъ швейцарскихъ.

Сколько швейцаровъ имѣется въ Петербургѣ—мы не знаемъ. Но, судя потому, что въ одной спасской части въ 372 домахъ полиція насчитала 224 швейцара, нужно думать, что число ихъ далеко превысило не одну тысячу. Громадное большинство изъ нихъ народъ семейный. Упомянутые 224 человѣка съ семьями составляли 557 человѣкъ; такимъ образомъ, на каждую швейцарскую приходилось, въ среднемъ, до 2—4 жильцовъ.

Если не считать встрѣчающихся, какъ рѣдкое исключеніе, спеціально-устроенныхъ помѣщеній для швейцаровъ и ихъ семей въ первомъ этажѣ, то всѣ остальныя швейцарскія въ столицѣ могутъ быть подведены подъ три типа: первый типъ—это подвалы, низкіе, сырые, подвергающіеся затопленію. О подвалахъ мы уже говорили раньше. Прибавимъ только, что подвалы для швейцаровъ самые ужасные изъ всѣхъ существующихъ. Другія швейцарскія устроены въ видѣ деревянныхъ построекъ между лѣстничнымъ маршемъ, второй площадкой и капитальной стѣной. Третій, наиболѣе распространенный типъ, представляется въ то-же время наиболѣе неудовлетворительнымъ. Это—тѣсныя, низкія помѣщенія, съ неравномѣрной высотой подъ второй площадкой лѣстницы: въ нихъ у входа можно стоять, выпрямившись; войдя въ нихъ, замѣчаютъ, что помѣщеніе постепенно понижается и въ швейцарскую можно войти только согнувшись. Такъ описываетъ швейцарскія полицейскій врачъ казанской части. Почти то-же самое подтверждаютъ и врачи всѣхъ остальныхъ частей. Такъ, напр., Адмиралтейской части находящіяся подъ лѣстницами «швейцарскія» отличаются разнообразной до «причудливости» архитектурой, что зависитъ отъ положенія площадокъ, наклоновъ и направленій маршей лѣстницъ, подъ которыми онѣ устроены. Потолки въ нихъ то подымаются, то опускаются, иногда на высоту 2½ аршинъ отъ пола, который также неровный, имѣетъ уступы и лѣстницы. Само помѣщеніе представляетъ многочисленные и частые изгибы, идущіе темнымъ коридорчикомъ, окан-

чивающимся сзади «мало пригодной комнаткой». Въ большинствѣ случаевъ окна малы или они выходятъ въ полутемныя помѣщенія домовъ, подъ арки, ворота, въ узкіе свѣтовые дворики, на лѣстницу, а потому швейцарскія всегда темны, мрачны и сыры. Такія невозможныя помѣщенія существуютъ въ роскошныхъ, напоминающихъ дворцы, домахъ на Большой Морской, Милліонной и другихъ улицахъ. Сплошь и рядомъ въ нихъ на человѣка встрѣчается не болѣе $^{3}/_{4}$ кубич. сажени, т. е. пространство длиною и вышиною въ сажень и шириною въ два аршина. Легко себѣ представить, каковъ воздухъ въ такихъ коробкахъ. Врачъ петербургской части сообщаетъ, что такъ какъ швейцарамъ постоянно приходится бывать на лѣстницѣ, то домовладѣльцы въ большинствѣ случаевъ устраиваютъ имъ помѣщенія подъ лѣстницей. Помѣщенія эти, большею частью, тѣсныя, не высокія и часто холодныя. Положеніе швейцаровъ семейныхъ гораздо хуже, чѣмъ холостыхъ. Но сдѣлать что-либо существенное въ данномъ случаѣ очень трудно, такъ какъ предъявленіе требованій къ домовладѣльцамъ можетъ повлечь за собою лишеніе мѣста, а, слѣдовательно, и заработка семейныхъ швейцаровъ. Почти то-же говорятъ врачи и другихъ частей. Каковы были до недавняго прошлаго швейцарскія въ московской части, можно видѣть изъ того, что онѣ въ большомъ числѣ были закрыты для жилья административнымъ порядкомъ еще въ 1892 и 1894 гг., какъ неудовлетворявшія самымъ необходимымъ условіямъ жилыхъ помѣщеній. Нынѣ существующія это—узкая, тѣсная каморка, полутемная и часто не имѣющая достаточной высоты.

Но швейцары блаженствуютъ въ сравненіи съ дворниками. Кто не знаетъ, что работа петербургскаго младшаго дворника представляетъ собою истинный каторжный трудъ. Непостижимо, какая сила организма требуется, чтобы справиться съ тою массою обязательныхъ работъ, которыя выпадаютъ на ихъ долю. Въ тѣ часы, когда запоздалые гуляки возвращаются домой, дворники уже на ногахъ и метутъ улицы. Едва пробуждается жизнь въ домѣ, начинается безконечное тасканье громаднѣйшихъ связокъ дровъ по 4, 5, 6 и даже 7-мъ этажамъ,—процедура, которая иногда повторяется 2 раза въ день. Поливка улицъ, ночныя дежурства должны были-бы, кажется, окончательно доканать и надорвать силы. Естественно, что при такой громадной затратѣ ихъ, дворникъ болѣе всякаго другого нуждается въ отдыхѣ, въ чистомъ и просторномъ помѣщеніи. Но, въ дѣйствительности, оно далеко не такъ. Читая описанія дворницкихъ, составленныя полицейскими врачами, не вѣрится, что дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ; врачъ адмиралтейской части сообщаетъ: дворницкія часто размѣщены въ подвалахъ, иногда подъ лѣстницами, въ первыхъ, рѣже въ другихъ этажахъ, причемъ въ послѣднихъ живутъ преимущественно старшіе дворники. Помѣщенія послѣднихъ, за исключеніемъ немногихъ сырыхъ или темныхъ, удовлетворительны,

находятся или рядомъ съ жильемъ подручныхъ, или вдали отъ послѣдняго; иногда старшій дворникъ живетъ въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ подручными, причемъ отводитъ себѣ громадную часть ея. Помѣщенія младшихъ дворниковъ состоятъ изъ одной комнаты, часто тѣсной, съ потолками ниже требуемыхъ обязательными постановленіями 3½ аршинъ. Попадаются дворницкія высотою не болѣе 2 аршинъ 10 вершковъ, такъ что въ нихъ не могъ-бы стоять вытянувшись гвардеецъ. Окна громаднаго числа дворницкихъ, малаго размѣра, выходятъ въ полутемныя подворотни, такъ что большинство дворницкихъ почти лишены дневного свѣта. По словамъ врача казанской части, дворницкія устраиваются въ такихъ помѣщеніяхъ, которыя отдавать въ наемъ не представляется уже возможнымъ. Онѣ бываютъ двухъ типовъ: однѣ въ подвалахъ лицевыхъ домовъ, низкихъ и легко затопляемыхъ; другія въ заднихъ дворахъ, гдѣ онѣ нерѣдко находятся рядомъ съ прачешными, ретирадами, мусорными и помойными ямами. Онѣ малы, темны, тѣсны, отличаются удушливымъ, спертымъ воздухомъ и содержатся вообще очень неопрятно. «Почти во всякой дворницкой сырость на стѣнахъ и откосахъ оконъ, иногда капитальная, но большею частью отъ внутреннихъ причинъ, излишества числа людей въ помѣщеніи, недостаточнаго обмѣна воздуха въ немъ и неудовлетворительнаго отопленія. Не всякій младшій дворникъ имѣетъ свой уголъ съ кроватью и постельными принадлежностями; въ большинствѣ случаевъ они спятъ или по двое на койкахъ, или на нарахъ, или же просто на полу, вповалку, какъ и на чемъ попало. Встрѣчаются и такія дворницкія, гдѣ ¾ помѣщенія занимаетъ русская печь и такъ какъ не остается мѣста для устройства наръ, то дворники спятъ въ повалку на печи». Подобную тѣсноту врачъ какъ-бы склоненъ оправдать тѣмъ, что въ настоящее время, вслѣдствіе многочисленныхъ требованій, предъявляемыхъ владѣльцамъ, изъ которыхъ главное—непрерывныя дежурства, пришлось значительно увеличить число дворниковъ; помѣщенія-же остались прежнія.

Ту-же группу лицъ, вынужденныхъ жить тамъ, гдѣ имъ укажутъ, составляютъ многочисленные ученики и ученицы, мастеровые, мастерицы различныхъ ремесленныхъ и промышленныхъ заведеній. Весьма удачную характеристику ихъ жилищной обстановки даютъ врачи казанской части: «дороговизна квартиръ, — говорятъ они, — особенно въ такой центральной части города, какъ казанская, и отсутствіе ихъ заставили владѣльцевъ ремесленныхъ заведеній тѣсниться въ квартирахъ до такой степени, что скученность и всѣ связанные съ нею санитарные недостатки сдѣлались имъ присущи». Владѣльцы промышленныхъ заведеній заботятся главнымъ образомъ объ улучшеніи внѣшняго вида заведеній, мастерскія-же и спальни рабочихъ устраиваются въ полутемныхъ комнатахъ, выходящихъ на дворъ, или подвалахъ. Почти во всякой мастерской допускается совмѣстный ноч-

легъ взрослыхъ и малолѣтнихъ; во многихъ рабочіе спятъ, ѣдятъ и работаютъ въ одномъ и томъ-же помѣщеніи, проводя, слѣдовательно, въ немъ круглые годы. Открытіе всякаго заведенія въ Петербургѣ возможно лишь послѣ предварительнаго осмотра помѣщенія коммиссіею, но, по полученіи желаемаго разрѣшенія, владѣлецъ мастерской устраивается по своему усмотрѣнію, руководствуясь, конечно, всего менѣе интересами рабочихъ. Особенно труденъ контроль надъ давно существующими заведеніями, помѣщающимися въ подвальныхъ этажахъ старинныхъ домовъ. Переходя изъ рукъ въ руки и существуя подъ одной и той-же фирмой много лѣтъ, они пользуются почему-то особымъ преимуществомъ игнорировать всѣ узаконенія и обязательныя постановленія. Болѣе всего злоупотребляютъ своими правами владѣльцы мастерскихъ, находящихся въ подвалахъ. Имъ обыкновенно, при отсутствіи надлежащей высоты, не разрѣшаютъ въ нихъ жилья, т.-е. постоянное пребываніе и устройство ночлега для рабочихъ; но спустя нѣкоторое время, хозяева преспокойно поселяются въ нихъ сами и допускаютъ ночлегъ рабочихъ. Еще болѣе удивительно, что вопросъ о жильѣ вообще толкуется совершенно произвольно; нигдѣ не существуетъ вполнѣ категорическаго опредѣленія, что такое «жилье», а потому подъ нимъ подразумѣваютъ почти исключительно *ночлегъ* и, руководствуясь этимъ, разрѣшаютъ въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, не имѣющихъ установленной высоты ($3^1/_2$ арш.), устройство мастерскихъ, но безъ жилья, совершенно «игнорируя, что хотя ремесленники уходятъ на 7 часовъ спать въ другія квартиры, однако большую часть сутокъ проводятъ въ этихъ-же мастерскихъ и такое продолжительное пребываніе въ квартирѣ, гдѣ люди работаютъ, столуются и даже въ обѣденное время отдыхаютъ, не считается жильемъ». При такомъ взглядѣ на квартиры, насъ не удивляетъ, что, по заявленію врачей адмиралтейской части, даже въ булочныхъ и кондитерскихъ необыкновенно грязное содержаніе спаленъ рабочихъ, особенно ихъ постелей, самое обычное явленіе. Рабочіе на чистоту и вентиляцію своихъ помѣщеній не обращаютъ никакого вниманія, а хозяевамъ еще меньше нужды до помѣщенія рабочихъ. До чего доходитъ безцеремонность хозяевъ и индифферентизмъ рабочихъ, видно изъ того примѣра, что въ одной нѣмецкой булочной рабочіе помѣщались въ тѣсной комнаткѣ, служившей раньше кладовой. Въ мелочныхъ лавкахъ спальни рабочихъ обыкновенно представляютъ собою тѣсныя, часто полутемныя помѣщенія, содержимыя въ высшей степени грязно. Въ особенности это относится къ постелямъ рабочихъ.

Еще печальнѣе жилищная обстановка рабочихъ въ столярныхъ мастерскихъ, гдѣ имъ приходится спать на верстакахъ въ тѣсныхъ мастерскихъ, причемъ постельныя принадлежности (если можно назвать этимъ именемъ рваное, грязное одѣяло, старый полушубокъ или рваное пальто)

сваливаются днемъ въ сушильню. Даже владѣльцы слесарно-кузнечныхъ заведеній, атмосфера которыхъ прямо убійственна по скопленію въ ней дыма, копоти и разныхъ ядовитыхъ газовъ, не стѣсняются иногда устраивать въ мастерскихъ жилье и, несмотря на сосѣдство горна, чада и дыма, находящіяся тутъ кровати съ постельными принадлежностями указываютъ, что владѣльцы не задумываются отводить ночлегъ своимъ рабочимъ даже въ такихъ помѣщеніяхъ. Въ сапожныхъ мастерскихъ, къ слову сказать, чрезвычайно тѣсныхъ, у стѣны, противоположной окнамъ, помѣщается нѣсколько кроватей, иногда отгороженныхъ отъ мастерской или занавѣской, или шкапомъ. Число кроватей никогда не соотвѣтствуетъ числу проживающихъ въ мастерской рабочихъ; на кроватяхъ спятъ взрослые, а мальчики прямо на полу, какъ попало. Воздухъ въ мастерскихъ всегда спертый и удушливый, а запахъ кожи придаетъ ему еще и специфическій букетъ. Иногда владѣлецъ мастерской снимаетъ большую квартиру, состоящую изъ нѣсколькихъ комнатъ, но для своихъ надобностей онъ занимаетъ собственной мастерской только кухню или одну комнату; остальныя сдаетъ въ наемъ преимущественно сапожникамъ-одиночкамъ или мелкимъ хозяевамъ, такъ что подобныя заведенія скорѣе напоминаютъ собою угловыя квартиры съ кустарями-сапожниками. Хотя у всѣхъ подобныхъ одиночекъ есть подмастерья и ученики, но они не испрашиваютъ себѣ разрѣшенія на открытіе мастерскихъ, ссылаясь на то, что работаютъ каждый на себя. Они устраиваются со своими верстаками, гдѣ только возможно. Хозяева съ семьями спятъ на двухспальныхъ кроватяхъ, а подмастерья и ученики,—гдѣ попало, на полу. Содержатся такія помѣщенія въ высшей степени грязно: на никогда не моющихся мѣстахъ подъ койками, сундуками, въ нихъ и на полкахъ пыль, грязныя тряпки, обрѣзки, хламъ, грязныя опорки, калоши, грязная и ветхая обувь. Дороговизна квартиръ вынуждаетъ владѣльцевъ извлекать выгоду изъ каждаго свободнаго уголка, такъ что для ночлега отдаются въ наемъ даже темные корридоры. Въ башмачныхъ мастерскихъ мастеровые и ученики спятъ въ переднихъ, корридорахъ и темныхъ комнатахъ. По своему крайне неудовлетворительному состоянію близко стоятъ къ сапожнымъ мастерскимъ и портняжьи. Часто владѣльцы портняжьихъ мастерскихъ, по собственному произволу, сокращаютъ помѣщенія своихъ мастерскихъ и комнаты, предназначавшіяся для мастерской, отдаютъ въ наемъ, вслѣдствіе чего въ остающейся части помѣщенія оказывается чрезмѣрное переполненіе.

Такое-же поразительное пренебреженіе къ элементарнымъ требованіямъ благоустройства и гигіены, такую-же вопіющую нетребовательность къ минимальнымъ удобствамъ въ своихъ жилыхъ помѣщеніяхъ обнаруживаютъ многочисленныя жилища, въ которыхъ ютится громадный классъ петербургскихъ извозчиковъ. Не видавши ихъ, трудно повѣрить, что въ

этихъ дворахъ, представляющихъ собою какія-то свалки нечистотъ, въ этихъ жалкихъ логовищахъ живутъ люди съ семьями и дѣтьми. Но повторимъ лучше, что говорятъ о нихъ врачи александро-невской части, въ которой находится 274 извощичьихъ двора. По настоящее время даже не всѣ онѣ вымощены. Тѣ-же, въ которыхъ имѣется мостовая, вымощены обыкновенно крупнымъ булыжникомъ; кое-гдѣ сохранилась старая деревянная мостовая. Вслѣдствіе постояннаго и непрерывнаго движенія экипажей, она портится очень скоро, но рѣдко и плохо поправляется. Разъ только образовалась хотя небольшая выбоина или неровность, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ является лужа грязной воды, чему еще способствуетъ дурное устройство стоковъ, отверстія которыхъ забиты на половину навозомъ и разнымъ мусоромъ. Гдѣ-же имѣются поднавѣсы и сараи съ досчатыми полами, тамъ дѣло обстоитъ еще хуже, такъ какъ подъ ними моются экипажи и пролетки, такъ что накопляющаяся подъ полами вода образуетъ никогда не высыхающія болотца, составляющія одно изъ главнѣйшихъ золъ извощичьихъ дворовъ. «Здѣсь идетъ непрерывное гніеніе органическихъ веществъ; здѣсь главная порча почвы и воздуха и зараза ихъ. Нигдѣ ни на какихъ другихъ дворахъ столицы нѣтъ такого загрязненія почвы, какъ именно здѣсь. Во многихъ дворахъ выкопаны колодцы, глубиной около аршина, съ ветхими, иногда совершенно разрушившимися срубами, съ желтоватой мутной водой, напоминающей по цвѣту конскую мочу, солоноватаго вкуса, рѣзко-аммiачнаго запаха и столь испорченной, что при поливкѣ ею распространяется сильное зловоніе. Представляя собою скопленія наивозможно загрязненной почвенной воды, эти колодцы являются скорѣе простыми ямами, въ которыя со двора попадаютъ всякіе отбросы и особенно конская моча и навозная жижа, куски старыхъ рогожъ, тряпки, трупы мелкихъ домашнихъ животныхъ и крысъ. Вода ихъ служитъ почти исключительно для обмыванія экипажей. Скопляющійся навозъ, складываемый въ ветхіе ящики, пропускающіе жижу въ почву, еще болѣе ухудшаетъ качество воздуха и почвы въ означенныхъ дворахъ».

Но еще болѣе тягостное впечатлѣніе производятъ самыя помѣщенія для извозчиковъ. По картинному описанію г. Еремѣева, въ александро-невской части существуетъ не мало старинныхъ, низенькихъ одноэтажныхъ домишекъ, съ такими же надворными флигелями, напоминающихъ скорѣе деревенскія избы, чѣмъ дома столицы. Почти всѣ они заняты извозчичьими квартирами. Видимо при постройкѣ такихъ домовъ «проводился спеціально-народный архитектурный принципъ, выработанный суровымъ нашимъ климатомъ—принципъ сбереженія тепла». Съ этой цѣлью комнаты строились низкія, чтобы ихъ легче было натопить, оконъ поменьше числомъ и размѣрами, чтобы некуда было уходить теплу. Эта цѣль достигнута, но въ ущербъ всѣмъ требованіямъ гигіены. Не говоря уже о

томъ, что всѣ онѣ служатъ кухнями, въ которыхъ готовятъ пищу для извозчиковъ и ихъ хозяевъ, что́ уже само по себѣ достаточно отравляетъ воздухъ въ нихъ, вся обстановка въ нихъ какъ бы разсчитана на особый подборъ неблагопріятныхъ условій. Какъ правило, помѣщеніе состоитъ изъ относительно большой комнаты, имѣющей входъ прямо съ сѣней; къ внутренней стѣнкѣ, противъ стѣны съ окнами, близъ входныхъ дверей, прислонена большая русская печь, такъ что разстояніе между ею и противоположной стѣной весьма незначительное. Вслѣдствіе этого, нары, устроенныя къ тому крайне неудовлетворительно, придвигаются по возможности ближе къ окнамъ, чтобы оставить хотя бы одинъ проходъ, въ аршинъ шириною. При значительномъ числѣ рабочихъ, ихъ размѣщаютъ въ различныхъ проходныхъ комнатахъ, обыкновенно очень узкихъ, въ которыхъ нары ставятся только съ одной стороны. При такомъ размѣщеніи на рабочаго приходится, максимумъ, ³/₄ куб. сажени, но если вычислить объемъ, занимаемый печью, мебелью, людьми, то это количество придется значительно уменьшить. Поднарныя пространства, очищаемыя отъ пыли и грязи очень рѣдко, заняты сундуками и мѣшками съ вещами рабочихъ; здѣсь же складывается и разный хозяйскій хламъ, въ видѣ негодной къ употребленію сбруи и т. п. Все это сильно грязнитъ помѣщеніе и воздухъ. При крайней духотѣ и тѣснотѣ, извозчичьи помѣщенія очень темны. Извозопромышленники стараются извлечь всѣ выгоды на квартирѣ: пользуясь тѣмъ, что работники ѣздятъ въ двѣ смѣны—днемъ, отъ 9—11 часовъ утра до 12 и 2 часовъ ночи, и ночью, отъ 11—12 часовъ вечера до 6—7 часовъ вечера другого дня, извозохозяева нанимаютъ и устраиваютъ помѣщеніе не на все число работниковъ, служащихъ у нихъ, а только на половину. Благодаря этому, помѣщеніе служитъ вѣчною спальною: днемъ для ночныхъ извозчиковъ, ночью для дневныхъ, почему о какомъ-либо провѣтриваніи не можетъ быть и рѣчи.

Какъ своеобразно понимаютъ извозопромышленники сущность предъявляемыхъ имъ санитарныхъ мѣръ, всего лучше характеризуетъ слѣдующій фактъ: согласно обязательнымъ постановленіямъ, во всѣхъ извозопромышленныхъ заведеніяхъ должны быть сушильни для сбруи и платья работниковъ, назначеніе которыхъ предполагается въ томъ, чтобы не грязнились помѣщенія, въ которыхъ живутъ извозчики. Извозопромышленники, подчиняясь требованіямъ, устроили сушильни въ той же комнатѣ, гдѣ спятъ извозчики. Для этой цѣли въ углу, всего чаще около печи, они сколотили изъ досокъ нѣчто вродѣ шкапа, имѣющаго одною стѣнкою печку, другою—прилегающую къ ней стѣну, а двѣ остальныя—изъ плохо сколоченныхъ досокъ, недоходящую до потолка, площадью два-три квадр. аршина. Въ одной изъ стѣнокъ шкапа устраивается дверка, по стѣнамъ вбиваются гвозди, протягиваются веревки — и су-

шильня готова. Само собою разумѣется, что подобныя приспособленія не удовлетворяютъ первымъ требованіямъ своего назначенія, такъ какъ вентиляція вполнѣ отсутствуетъ: испаряющаяся влага свободно распространяется по всей квартирѣ, насыщая воздухъ затхлымъ, прѣлымъ запахомъ. Платье, сложенное кучами, не успѣваетъ высохнуть и не вполнѣ просохлое надѣвается. Многіе хозяева ставятъ въ сушильни кровати или даже приколачиваютъ нары, по словамъ хозяевъ, для кухарки или для одного-двухъ рабочихъ.

Д-ръ мед. **Г. Герценштейнъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

* * *

Нѣмая тѣнь среди чужихъ тѣней,
Я зналъ тебя, но ты не улыбалась,
И, стройная, едва-едва склонялась
Подъ бременемъ навѣкъ ушедшихъ дней,—

Какъ лилія, смущенная волною,
Склоненная надъ зеркаломъ рѣки,—
Какъ лебедь, ослѣпленный бѣлизною
И полный удивленья и тоски.

* * *

Кто заглянетъ въ лоно водъ,
Гдѣ въ прозрачности зеркальной,
Вѣчно—близкій, вѣчно—дальній,
Опрокинутъ небосводъ,
Легкій, свѣтлый и печальный,—
Тотъ на мигъ душой пойметъ,
Что, какъ эти грезы—тѣни,
Онъ лишь слѣдъ иныхъ видѣній,
Что и онъ уже не тотъ.

К. Бальмонтъ.

Крестоносцы.

Историческая повѣсть **Генрика Сенкевича.**

Переводъ съ польскаго **Нат. Арабажиной.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Мацько терпѣливо ждалъ нѣсколько дней, не дойдутъ-ли до него изъ Згоржелицъ какія-нибудь вѣсти, и не смилуется-ли аббатъ, но ему, наконецъ, надоѣли неизвѣстность и ожиданіе и онъ рѣшилъ самъ отправиться къ Зыху. Все, что произошло, произошло не по его винѣ, но онъ желалъ все-таки знать, не обиженъ-ли Зыхъ и на него, ибо что касается аббата, то онъ былъ убѣжденъ, что съ этой минуты гнѣвъ его будетъ тяготѣть одинаково и надъ Збышко, и надъ нимъ.

Однако, онъ желалъ сдѣлать все, что было въ его власти, чтобы умирить этотъ гнѣвъ, и потому по дорогѣ онъ размышлялъ про себя, кому и что скажетъ онъ въ Згоржелицахъ, чтобы уменьшить обиду и сохранить старую сосѣдскую дружбу. Но мысли не клеились у него въ головѣ и онъ былъ радъ, что засталъ одну Ягенку, которая приняла его по старому съ поклономъ, поцѣловала ему руку и привѣтствовала его, хотя нѣсколько грустно.

— А отецъ дома?—спросилъ Мацько.

— Дома, но они съ аббатомъ отправились на охоту. Они скоро возвратятся.

Сказавъ это, она провела его въ домъ. Усѣвшись, они оба молчали нѣкоторое время; дѣвушка первая прервала молчаніе.

— Скучно вамъ одному въ Богданцѣ?

— Скучно!—отвѣчалъ Мацько,—а ты уже знаешь, что Збышко уѣхалъ?

Ягенка тихонько вздохнула.

— Знаю. Я въ тотъ же день знала это и думала... что онъ заѣдетъ сказать хоть доброе слово на прощанье, но онъ не заѣхалъ...

— Какъ же онъ могъ заѣхать?—сказалъ Мацько,—вѣдь аббатъ на-двое разорвалъ бы его, да и отецъ твой радъ бы ему не былъ.

А она покачала головой и отвѣчала:

— Я никому не позволила бы принести ему вредъ.

Хоть сердце у Мацько было жесткое, но, услыхавъ это, онъ привлекъ къ себѣ Ягенку и сказалъ:

— Богъ съ тобой, дѣвушка! Тебѣ грустно, да и мнѣ не легко, потому что ни аббатъ, ни даже родной отецъ не любятъ тебя больше моего. Лучше было бы, если бы я умеръ отъ той раны, отъ которой ты вылѣчила меня, лишь бы онъ тебя взялъ въ жены, а не другую...

А на Ягенку нашла такая минута грусти и тоски, когда человѣкъ не воленъ надъ собой, и она сказала:

— Я ужъ никогда не увижу его, а если и увижу, то съ дочерью Юранда—и лучше было бы, если бы я раньше всѣ глаза выплакала.

И поднявъ конецъ фартука, она закрыла имъ глаза, наполнившіеся слезами.

— Успокойся! Поѣхалъ-то онъ поѣхалъ, но дастъ Богъ возвратится безъ дочери Юранда!—возразилъ Мацько.

— Отчего бы ему съ ней не возвратиться?—откликнулась Ягенка изъ подъ фартука.

— А оттого, что Юрандъ не хочетъ отдать за него дочь.

Ягенка вдругъ раскрыла лицо и, обративши его къ Мацько, живо спросила:

— Онъ говорилъ тебѣ! правда-ли это?

— Правда, клянусь тебѣ!

— А почему?

— Кто его знаетъ. Обѣтъ какой-то далъ, что-ли; а противъ обѣта ничего не подѣлаешь! Збышко ему понравился, потому что обѣщалъ помогать ему отомстить за жену, но и это не помогло. Ни къ чему не повело и то, что сама княгиня Анна сватала его. Юрандъ не хотѣлъ слушать ни просьбы, ни совѣты, ни приказанія. Сказалъ, что не можетъ. Ну и видно, что есть этому причина, а это человѣкъ твердый, который не измѣнитъ того, что сказалъ разъ. Ты, дѣвушка, не теряй надежды и успокойся. По справедливости, онъ долженъ былъ ѣхать, потому что онъ въ костелѣ поклялся добыть эти павлиньи перья... Дѣвушка вѣдь прикрыла его покрываломъ въ знакъ того, что хочетъ его въ мужья взять, вѣдь поэтому ему и голову не отсѣкли — онъ обязанъ ей—нечего говорить. Дастъ Богъ не будетъ она его, но онъ по праву принадлежитъ ей. Зыхъ на него обиженъ, аббатъ навѣрное

отомстить ему такъ, что его шкура трещать будетъ, мнѣ тоже досадно, а обсудивъ со всѣхъ сторонъ—что ему оставалось дѣлать? Коли онъ обязанъ, такъ и надо ему было ѣхать. Вѣдь онъ шляхтичъ, но только вотъ что я скажу тебѣ: если только тамъ нѣмцы не поколѣчатъ его здорово, такъ онъ возвратится такимъ, какимъ онъ пріѣхалъ и возвратится не только ко мнѣ старику, не только въ Богданецъ, но и къ тебѣ, потому что ему очень пріятно видѣться съ тобой.

— Гдѣ тамъ! совсѣмъ онъ не радъ видѣться со мной!—сказала Ягенка.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она пододвинулась къ Мацько и, прикоснувшись къ нему локтемъ, спросила:

— Откуда вы это знаете!—а? Вѣдь это неправда?..

— Откуда знаю?—отвѣчалъ Мацько.—Я видѣлъ, какъ ему тяжело было уѣзжать. И кромѣ того, когда ужъ рѣшено было, что ему надо ѣхать, я спросилъ его: «А развѣ тебѣ не жаль Ягенку?». А онъ говоритъ: «Да пошлетъ ей Господь здоровья и всего наилучшаго!» И такъ началъ вздыхать, какъ будто у него въ груди были кузнечные мѣха...

— Навѣрно неправда!—повторила Ягенка,—но говорите еще...

— Ей Богу правда! Ужъ та не слишкомъ-то придется ему по вкусу послѣ тебя, потому что ты сама знаешь, что красивѣе тебя дѣвки во всемъ свѣтѣ не найти. Нравишься ты ему, не бойся—можетъ быть еще больше, чѣмъ онъ тебѣ.

— Гдѣ тамъ!—воскликнула Ягенка.

И сообразивъ, что она сказала, она снова спрятала свое зарумянившееся лицо, а Мацько усмѣхнулся, погладилъ усы рукой и сказалъ:

— Ахъ! если бы я былъ молодъ! Но ты успокойся, потому что я ужъ предвижу, какъ все будетъ: онъ поѣдетъ, получитъ шпоры на мазовецкомъ дворѣ, тамъ граница близко и крестоносца легко встрѣтить... Я знаю, что среди нѣмцевъ бываютъ здоровые рыцари, но желѣзо и отъ его шкуры не отскочитъ, и я такъ думаю, что не всякій справится съ нимъ, потому что онъ хорошо драться умѣетъ. Видишь, какъ онъ сразу осадилъ Утана изъ Роговой и Волка изъ Бржозовой, хоть всѣ говорятъ, что это молодцы на славу и сильные какъ медвѣди. Привезетъ онъ свои павлиньи перья, но дочь Юранда не привезетъ, потому что вѣдь я говорилъ съ Юрандомъ и знаю, какъ стоитъ дѣло. Ну, а потомъ что? Потомъ возвратится сюда, потому что куда же ему возвращаться?

— Когда онъ еще возвратится?

— Ну! если ты не выдержишь, такъ на тебя никто не будетъ обижаться. А ты, тѣмъ временемъ, повтори аббату и Зыху то, что я говорю тебѣ. Пусть они хоть немного умиротворятся въ своемъ гнѣвѣ на Збышко.

— Какъ же я буду говорить? Татуся больше озабоченъ, чѣмъ сердитъ, но при аббатѣ о Збышко и упоминать не безопасно. Задалъ онъ и мнѣ, и татусѣ за того слугу, котораго я послала Збышко.

— За какого слугу?

— Знаете... Тутъ у насъ былъ Чехъ, котораго отецъ поймалъ подъ Болеславцемъ, хорошій парень и вѣрный слуга. Звали его Глава. Татуся далъ мнѣ его въ услуженіе, потому что онъ называлъ себя тамошнимъ владѣльцемъ, а я дала ему хорошее вооруженіе и послала его къ Збышко, чтобы онъ прислуживалъ ему и охранялъ, а если... чего Боже сохрани, такъ далъ бы знать... Я дала ему и денегъ на дорогу, а онъ поклялся мнѣ спасеньемъ своей души, что до смерти будетъ ему вѣрно служить.

— Ахъ ты милая дѣвушка! Богъ тебѣ заплатитъ! А Зыхъ не противился этому?

— Какъ же не противился! Сначала татуся не позволялъ, а потомъ я упала ему въ ноги, такъ и стало по моему. Съ татусей легко, но когда аббатъ узналъ объ этомъ отъ своихъ скомороховъ, такъ всѣхъ сталъ проклинать и это былъ такой страшный день, что татуся въ овинъ убѣжалъ. И только вечеромъ аббатъ сжалился надъ моими слезами и еще бусы подарилъ мнѣ... Но я охотно терпѣла, лишь бы у Збышко была больше свита.

— Ей-ей. Я не знаю кого я больше люблю: его или тебя; но онъ и безъ того хорошую свиту взялъ съ собой и денегъ я тоже далъ ему, хоть онъ и не хотѣлъ... Но вѣдь, Мазовія не за морями...

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ лаемъ собакъ и звукомъ трубъ. Услыхавъ это, Ягенка сказала:

— Татуся и аббатъ возвратились съ охоты. Пойдемъ на крыльцо, потому что лучше будетъ, если аббатъ увидитъ васъ сначала издалека, чѣмъ нечаянно въ домѣ.

Сказавъ это, она вмѣстѣ съ Мацько вышла на крыльцо, откуда они увидѣли кучку людей, лошадей, собакъ и проколотыхъ рогатинами или подстрѣленныхъ изъ лука лосей и волковъ. Аббатъ, замѣтивъ Мацько, еще прежде чѣмъ сошелъ съ лошади, бросилъ рогатиной въ его сторону, нэ для того, чтобы попасть въ него, но для того, чтобы этимъ показать свой гнѣвъ на богданецкихъ жителей. Но Мацько издалека снялъ передъ нимъ шапку, какъ будто не видѣлъ этого, а Ягенка не замѣтила ничего, потому что ее прежде всего поразило присутствіе двухъ ея ухаживателей.

— Чтанъ и Волкъ!—воскликнула она.—Они, должно быть, встрѣтились съ татусей въ лѣсу.

А у Мацько даже защемила старая рана при видѣ ихъ. Въ головѣ его мелькнула мысль, что одинъ изъ нихъ можетъ получить Ягенку,

а за ней Мочидолы, земли аббата, лѣса, деньги... И грусть, и злость охватили его сердце, въ особенности когда онъ увидалъ совершенно необыкновенныя дѣла. Волкъ изъ Бржозовой, несмотря на то, что еще недавно аббатъ собирался драться съ его отцомъ, теперь подскочилъ къ его стремени, чтобы помочь ему сойти съ лошади, а аббатъ дружески оперся на руку молодого шляхтича.

— Помирится аббатъ со старымъ Волкомъ,—подумалъ Мацько—и отдастъ за дѣвушкой лѣса и земли.

Но его грустныя мысли были прерваны голосомъ Ягенки, которая проговорила въ эту самую минуту:

— Вылѣчились ужъ послѣ драки съ Збышко, но пусть хоть каждый день пріѣзжаютъ—ничего не дождутся!

Мацько взглянулъ на нее: лицо дѣвушки раскраснѣлось, но было спокойно, а голубые глазки ея сверкали гнѣвомъ, потому что ей хорошо было извѣстно, что Волкъ и Чтанъ затѣяли ссору въ трактирѣ изъ-за нея и изъ-за нея же были побиты.

— Эхъ! сдѣлаешь то, что скажетъ аббатъ!—сказалъ Мацько.

— Аббатъ сдѣлаетъ то, что я захочу! — отвѣтила она ему безъ запинки.

«Господи!—подумалъ Мацько—и такой дѣвкой пренебрегъ этотъ глупый Збышко!»

II.

А тѣмъ временемъ «глупый Збышко» выѣхалъ изъ Богданца дѣйствительно съ тяжелымъ сердцемъ. Сначала ему было какъ-то странно и не по себѣ безъ дяди, съ которымъ онъ до этого времени никогда не разлучался и къ которому онъ такъ привыкъ, что теперь и самъ хорошо не зналъ, какъ онъ обойдется безъ него въ пути и на войнѣ. Во-вторыхъ, ему и Ягенку было жаль, такъ какъ онъ только теперь почувствовалъ, какъ хорошо было рядомъ съ ней и какъ можетъ быть грустно безъ нея. И онъ самъ изумился этому чувству грусти и даже встревожился, такъ какъ, еслибы онъ тосковалъ по Ягенкѣ, какъ братъ по сестрѣ—это было бы ничего, но онъ замѣтилъ, что его «томитъ» потому, что ему хочется брать ее на руки, сажать на лошадь, или снимать съ нея, хочется переносить ее черезъ потоки, выжимать воду изъ ея косы, хочется ходить съ ней по лѣсамъ и смотрѣть на нее, совѣтоваться съ ней. Онъ такъ къ этому привыкъ и ему было это такъ пріятно, что теперь, когда онъ началъ думать объ этомъ, онъ тотчасъ же замечтался и совершенно забылъ, что ѣдетъ въ далекій путь, въ самую Мазовію и вмѣсто того ему ясно вспомнилась та минута, когда Ягенка пришла къ нему на помощь въ лѣсу, въ его борьбѣ съ медвѣдемъ. И ему показалось, что все это было вчера, какъ и ихъ

охота на бобровъ у Оджаяннаго озерка. Вѣдь онъ не видалъ ея, когда она вплавь пустилась за бобромъ, но теперь ему казалось, что онъ видитъ ее и его снова стало «томить». Потомъ онъ вспомнилъ, какою нарядной ѣхала она въ костелъ въ Кржесню и какъ онъ удивлялся, что милая простая дѣвушка показалась ему дѣвушкой знатнаго рода, ѣдущей со своимъ дворомъ. Вслѣдствіе всего этого, у него на сердцѣ сдѣлалось какъ-то грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ сладостно, а когда онъ кромѣ того, подумалъ, что онъ могъ бы съ ней сдѣлать все, что хотѣлъ, и какъ и ее влекло къ нему, какъ она глядѣла ему въ глаза, какъ прижималась къ нему, то онъ едва могъ усидѣть на лошади: «еслибы я хоть встрѣтилъ ее гдѣ-нибудь и попрощался съ ней и обнялъ на дорогу,—говорилъ онъ себѣ,—можетъ быть мнѣ было бы легче»,—но онъ сейчасъ же почувствовалъ, что это было не правда и что ему не сдѣлалось бы отъ этого легче, потому что при одной мысли о такомъ прощаніи его обдавало жаромъ, хотя на дворѣ стояли заморозки.

Въ концѣ концовъ, онъ испугался этихъ воспоминаній, слишкомъ похожихъ на страсть и стряхнулъ ихъ съ себя какъ сухой снѣгъ съ платья.

— Я ѣду къ своей Данусѣ, къ своей дорогой!—говорилъ онъ себѣ.

И онъ сразу понялъ, что это совсѣмъ другое чувство, какъ бы болѣе благочестивое и не волнующее кровь. И понемногу, по мѣрѣ того, какъ холодѣли у него ноги и рѣзкій вѣтеръ студилъ его кровь, всѣ мысли его обратились къ Данусѣ, дочери Юранда. Этой онъ дѣйствительно былъ обязанъ. Если бы не она, давно ужъ не было бы его на свѣтѣ. Вѣдь въ ту минуту, когда она въ присутствіи всѣхъ рыцарей и горожанъ сказала «ты мой!»—она этимъ самымъ вынула его изъ рукъ палачей—и съ этой минуты онъ принадлежитъ ей такъ-же, какъ рабъ принадлежитъ своему господину. Не онъ взялъ ее, а она его; противъ этого не поможетъ даже сопротивленіе Юранда. Она одна могла бы прогнать его, какъ госпожа можетъ прогнать своего слугу, хоть онъ и тогда не ушелъ-бы далеко, такъ какъ его связываетъ и собственная клятва. Но онъ тутъ же подумалъ, что она не прогонитъ его, а скорѣе пойдетъ за нимъ прочь съ мазовецкаго двора, хоть на край свѣта—и подумавъ это онъ началъ прославлять ее въ душѣ, порицая Ягенку, какъ будто она была виновата въ томъ, что искушенія мучили его и что чувство его двоилось. Теперь ему не пришло даже въ голову, что Ягенка вылѣчила стараго Мацько и что, кромѣ того, въ ту ночь безъ нея можетъ быть медвѣдь сорвалъ-бы ему всю кожу съ головы, и онъ мысленно сердился на Ягенку, думая, что такимъ образомъ онъ заслужитъ Данусю и оправдается въ собственныхъ глазахъ.

Въ это время подъѣхалъ чехъ Глава, посланный Ягенкой, и ведущій съ собой навьюченную лошадь.

— Слава Отцу и Сыну...—сказалъ онъ, низко кланяясь.

Збышко видѣлъ его раза два въ Згоржелицахъ, но теперь не узналъ его и сказалъ:

— Во вѣки вѣковъ. А кто ты?

— Вашъ слуга, благородный господинъ.

— Какъ мой слуга? Вонъ тѣ мои слуги,—сказалъ онъ, указывая на двухъ турокъ, подаренныхъ ему Сулимчикомъ Завишей, и на двухъ сильныхъ молодцовъ, которые, сидя на лошадяхъ, подъ узцы вели рыцарскихъ жеребцовъ.

— Вонъ тѣ мои, — а тебя кто прислалъ?

— Панна Ягенка, дочь Зыха изъ Згоржелицы.

— Панна Ягенка?

Збышко еще полонъ былъ возмущенія противъ нея, а поэтому, сказалъ:

— Возвращайся домой и поблагодари панну за любезность, потому что ты мнѣ не нуженъ.

Но Чехъ покачалъ головой.

— Я не возвращусь, господинъ. Меня вамъ подарили и кромѣ того я поклялся служить вамъ до самой смерти.

— Если тебя мнѣ подарили, то ты мой слуга!

— Да, вашъ, господинъ.

— Такъ я приказываю тебѣ возвратиться!

— Я присягнулъ вамъ и хоть я и военноплѣнный изъ-подъ Болеславца, и бѣдный человѣкъ, но я самъ владѣлецъ.

— Убирайся!—разсердился Збышко,—какъ же? Ты будешь служить мнѣ противъ моей воли, что-ли? Убирайся, иначе я велю натянуть лукъ.

А Чехъ спокойно взялъ суконное верхнее платье, подбитое волкомъ, отдалъ его Збышко и сказалъ:

— Панна Ягенка прислала вамъ и это, господинъ.

— Ты кажется хочешь, чтобы я тебѣ кости поломалъ?—спросилъ Збышко, принимая копье изъ рукъ своего слуги.

— Кромѣ того есть кошелекъ, если вы пожелаете,—отвѣчалъ Чехъ.

Збышко нацѣлился копьемъ, но вспомнилъ, что Чехъ былъ хоть и военноплѣнный, но одинаковаго съ нимъ происхожденія и владѣлецъ, который очевидно только поэтому и остался у Зыха, что не имѣлъ достаточно денегъ для выкупа,—а потому онъ опустилъ копье.

Чехъ наклонился къ его стремени и сказалъ:

— Не сердитесь, господинъ. Если вы не позволите ѣхать съ вами, такъ я поѣду за вами на разстояніи одной или двухъ десятинъ, но все-таки поѣду, потому что я поклялся въ этомъ спасеніемъ своей души.

— А если я прикажу убить тебя, или связать?

— Если вы прикажете убить меня, — такъ я въ этомъ грѣшенъ

не буду, а если вы велите связать меня, я подожду пока не найдутся добрые люди, которые бы развязали меня, или волки, которые бы съѣли меня.

Збышко не отвѣчалъ,—и только тронулъ лошадью и поѣхалъ впередъ, а за ними тронулась и вся его свита. Чехъ съ лукомъ за плечами и сѣкирой на плечѣ потащился сзади, кутаясь въ лохматую зубровую шкуру, потому что поднялся рѣзкій вѣтеръ и въ воздухѣ закрутились снѣжинки.

Мятель увеличивалась съ каждой минутой. Турки мерзли даже въ тулупахъ, слуги Збышко начали ударять одну руку объ другую, а онъ самъ, будучи не слишкомъ тепло одѣтымъ, раза два взглянулъ на волчью шубу, которую привезъ Глава, и наконецъ приказалъ одному изъ турокъ подать ее.

Хорошенько закутавшись въ нее, онъ вскорѣ почувствовалъ тепло, которое разливалось по всему его тѣлу. Въ особенности удобнымъ оказался каптуръ, который закрывалъ ему глаза и значительную часть лица, такъ что вихрь не имѣлъ на него никакого дѣйствія. Тогда онъ невольно подумалъ, что Ягенка разумная дѣвушка, и онъ немного пріостановилъ лошадь, потому что у него вдругъ явилось желаніе разспросить Чеха о ней и о всемъ томъ, что дѣлалось въ Згоржелицахъ. И взглянувъ на него, онъ сказалъ:

— Развѣ старый Зыхъ знаетъ, что панна выслала тебя ко мнѣ?

— Знаетъ,—отвѣчалъ Глава.

— И онъ не противился этому?

— Противился.

— Разскажи все, какъ было.

— Господинъ ходилъ по комнатѣ, а панна за нимъ. Онъ кричалъ, а она ничего не говорила—только какъ онъ взглянетъ на нее, такъ она бросается ему въ ноги. И ни слова. Наконецъ, онъ сказалъ: «Оглохла ты, что-ли, ничего мнѣ не отвѣчаешь? Скажи, потому что я въ концѣ концовъ позволю, а когда я позволю, такъ аббатъ мнѣ лобъ расшибетъ!» Когда панна поняла, что поставитъ на своемъ, такъ она начала благодарить его со слезами: «поклянись мнѣ, что ты тайкомъ не выскочишь прощаться съ нимъ, тогда позволю, иначе нѣтъ!» Тутъ панна закручинилась, но поклялась и господинъ былъ доволенъ, потому что они оба съ аббатомъ очень боялись того, чтобы у нея ни явилось охоты повидаться съ вашей милостью... Но это еще не конецъ, потому что потомъ панна пожелала, чтобы были двѣ лошади, а господинъ не позволялъ, панна хотѣла волчью шкуру и кошелекъ, а господинъ не позволялъ. Да что тамъ всѣ эти запрещенія! Если бы ей вздумалось домъ сжечь, такъ и то господинъ согласился бы. — А потому вотъ и другая лошадь, и волчья шкура, и...

«Славная дѣвушка» подумалъ про себя Збышко.

Черезъ минуту онъ громко спросилъ:

— А съ аббатомъ не было бѣды?..

Чехъ улыбнулся, какъ умный слуга, который хорошо понимаетъ, что вокругъ него происходитъ, и отвѣчалъ:

— Они-то оба дѣлали это потихоньку отъ аббата, но я не знаю, что произошло, когда тотъ узналъ, потому что я выѣхалъ. Аббатъ—извѣстно аббатъ! Закричитъ иногда и на панну, а потомъ только за ней и слѣдитъ глазами и глядитъ, не слишкомъ-ли онъ ее обидѣлъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ разъ накричалъ на нее, а потомъ пошелъ къ сундуку, и такую цѣпь оттуда вынулъ, что лучше и въ самомъ Краковѣ не достать—и говоритъ ей:—«на!»—Она съ аббатомъ помирится, потому что и родной отецъ любитъ ее не сильнѣе аббата.

— Это вѣрно!

— Такъ-же вѣрно, какъ то, что на небѣ есть Богъ!

Тутъ они замолчали, а вѣтеръ не утихалъ и снѣгъ продолжалъ падать. Вдругъ Збышко остановилъ лошадь, потому что сбоку изъ лѣсу раздался какой-то жалобный голосъ, на половину заглушенный лѣснымъ шумомъ:

— Христіане! спасите слугу Господа въ бѣдѣ!

И въ ту же минуту на дорогу выбѣжалъ человѣкъ, одѣтый не то какъ духовное лицо, не то какъ свѣтское, и, остановившись передъ Збышко, закричалъ:

— Кто бы ты ни былъ, господинъ! помоги человѣку и ближнему своему въ тяжелой бѣдѣ!

— Что случилось и кто ты?—спросилъ молодой рыцарь.

— Я слуга Господа, хотя я не посвященъ, а случилось со мной вотъ что: сегодня утромъ вырвалась отъ меня лошадь и унесла съ собой ларецъ со святынями и я остался одинъ, безъ оружія, а вечеръ приближается и жутко ждать, когда лютый звѣрь откликнется въ лѣсу. Я погибну, если вы не спасете меня.

— Еслибы ты погибъ по моей волѣ,—отвѣчалъ Збышко,—я долженъ былъ бы отвѣчать за твои грѣхи, но почему я узнаю, что ты говоришь правду и что ты не какой-нибудь проходимецъ или мошенникъ, какихъ много по дорогѣ шляется?

— Узнаешь по ларцамъ, господинъ. Всякій охотно отдалъ бы кошелекъ, наполненный дукатами, лишь бы получить то, что въ нихъ находится, но я даромъ ими подѣлюсь съ тобой, лишь бы взяли меня и мои сундуки.

— Ты говоришь, что ты слуга Господа, а того не знаешь, что спасеніе надо давать не ради земныхъ наградъ, а ради небесныхъ. Но какъ же ты спасъ ларецъ, если лошадь, на которой ты ѣхалъ, ускакала?

— Лошадь, прежде чѣмъ я ее нашелъ, волки загрызли на лугу, а ларцы остались и я дотащилъ ихъ до дороги, чтобы здѣсь ждать помощи и спасенія отъ добрыхъ людей.

Сказавъ это и желая доказать, что онъ говоритъ правду, онъ указалъ на два короба изъ луба, которые лежали подъ сосной. Збышко глядѣлъ на него довольно недовѣрчиво, потому что этотъ человѣкъ казался ему не слишкомъ-то достойнымъ уваженія и, кромѣ того, въ его языкѣ, хотя и чистомъ, слышалось что-то чужеземное. Збышко, однако, не хотѣлъ отказать ему въ помощи и позволилъ ему вмѣстѣ съ его коробами, оказавшимися удивительно легкими, забраться на лошадь, которую велъ въ поводу Чехъ.

— Да умножитъ Господь твои побѣды, могучій рыцарь!—сказалъ незнакомецъ.

А потомъ, замѣтивъ юношеское лицо Збышко, прибавилъ въ полъголоса:

— А также и волосы на твоей бородѣ.

Черезъ минуту онъ уже ѣхалъ рядомъ съ Чехомъ. Нѣкоторое время они ѣхали молча, потому что дулъ сильный вѣтеръ и въ лѣсу стоялъ страшный шумъ, но когда стихія нѣсколько успокоилась, Збышко услышалъ позади себя слѣдующій разговоръ:

— Я не отрицаю того, что ты былъ въ Римѣ, но выглядываешь ты настоящимъ проходимцемъ, то и дѣло дующимъ пиво, — говорилъ Чехъ.

— Бойся вѣчной погибели,—отвѣчалъ незнакомецъ:—потому что ты говоришь съ человѣкомъ, который въ прошедшее Свѣтло Христово Воскресенье ѣлъ крутыя яйца, вмѣстѣ со святымъ отцомъ. Не говори со мной о пивѣ, потому что и такъ холодно, развѣ о горячемъ, но если у тебя есть гдѣ-нибудь фляшка съ виномъ, такъ дай мнѣ сдѣлать два-три глотка, а я тебѣ за это отпущу цѣлый мѣсяцъ грѣховъ.

— Ты не посвященъ. Я слышалъ, какъ ты самъ говорилъ объ этомъ. Какъ же ты отпускаешь мнѣ мѣсяцъ грѣховъ?

— Да, я не посвященъ, но голова у меня выбритая, я имѣю разрѣшеніе на это и, кромѣ того, я везу съ собой отпущенія и реликвіи.

— Въ этихъ коробахъ? спросилъ Чехъ.

— Да, въ этихъ коробахъ. А если бы вы увидѣли все то, что я везу, такъ пали бы ницъ, да не только вы, но и всѣ сосны въ бору, всѣ дикіе звѣри.

Но Чехъ, который былъ малый сметливый и многое видѣвшій, подозрительно взглянулъ на продавца отпущеній и сказалъ:

— А лошадь волки съѣли!

— Съѣли, потому что они сродни діаволу, но они всѣ лопнули. Одного лопнувшаго я видѣлъ собственными глазами. Если у

тебя есть вино, то дай, потому что я смерзъ, сидя на краю дороги, хотя вѣтеръ и стихъ.

Однако, Чехъ не далъ вина и они снова замолчали, но продавецъ реликвій скоро сталъ разспрашивать самъ:

— Куда вы ѣдете?

— Далеко. Но теперь въ Сѣрадзъ. Поѣдешь съ нами?

— Я долженъ ѣхать. Я эту ночь высплюсь въ сараѣ, а завтра можетъ быть этотъ благочестивый рыцарь подаритъ мнѣ лошадь—и я поѣду дальше.

— Откуда ты?

— Изъ прусскихъ странъ, изъ подъ Мальборга.

Услыхавъ это, Збышко повернулъ голову и кивнулъ незнакомцу, чтобы онъ приблизился.

— Ты изъ подъ Мальборга?

— Я, господинъ, былъ въ святой землѣ, а потомъ въ Константинополѣ и Римѣ, откуда черезъ Францію возвратился въ Мальборгъ, а изъ Мальборга отправился въ Мазовію со святыми реликвіями, которыхъ истинные христіане съ радостью покупаютъ, чтобы спасти свою душу.

— Былъ ты въ Плоцкѣ или въ Варшавѣ?

— Я былъ и тамъ, и тамъ. Да пошлетъ Господь здоровье обѣимъ княгинямъ. Княгиню Александру не напрасно любятъ даже нѣмецкіе владыки, потому что она очень набожна, хотя и княгиня Анна Янушъ не хуже.

— Видѣлъ ты дворъ въ Варшавѣ?

— Я встрѣтился съ нимъ не въ Варшавѣ, а въ Цѣхановѣ, гдѣ князья гостепріимно отнеслись ко мнѣ, какъ къ слугѣ Господа, и щедро одарили на дорогу. Но и я оставилъ имъ реликвіи, которыя обратятъ на нихъ Божіе благословеніе.

Збышко хотѣлъ разспросить о Данусѣ, но имъ вдругъ овладѣло какое-то смущеніе и несмѣлость, потому что онъ понималъ, что это было бы все равно, что разсказать о своей любви незнакомцу, человѣку простого происхожденія, который, кромѣ того, имѣлъ подозрительный видъ и могъ быть простымъ обманщикомъ.

— Какія же реликвіи возишь ты по бѣлу свѣту?—спросилъ онъ незнакомца, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Везу я и отпущенія, и реликвіи, которыя совершенно отличаются отъ отпущеній: есть такія, по которымъ отпускаются грѣхи на вѣки, на пятсотъ лѣтъ, и на триста, и на двѣсти и менѣе, болѣе дешевыя, чтобы и бѣдный людъ ихъ могъ пріобрѣтать и тѣмъ самымъ уменьшать себѣ муки, которыя ожидаютъ ихъ въ чистилищѣ. У меня есть отпущеніе, и на прежніе грѣхи, и на будущіе, но не думайте, господинъ,

что деньги, которыя я получаю за нихъ, я беру себѣ... Кусокъ черного хлѣба и глотокъ воды—вотъ что мнѣ нужно, а все остальное я везу въ Римъ, чтобы тамъ откладывалось на новый крестовый походъ. Правда, по бѣлу свѣту разъѣзжаетъ не мало такихъ, которые выканючиваютъ послѣдній грошъ у бѣднаго люда, и у которыхъ все фальшивое: и отпущенія, и реликвіи, и печати, и свидѣтельства—и такихъ, то святой отецъ справедливо письмами преслѣдуетъ, но мнѣ пріоръ сѣрадскій нанесъ несправедливость и обиду, потому что у меня печати истинныя. Взгляните, господинъ, на воскъ и вы сами скажете.

— А что это за пріоръ?

— Ахъ, господинъ! Дай Богъ, чтобы я ошибался въ своемъ предположеніи, что онъ зараженъ еретическимъ ученіемъ Виклефа. Но, если, какъ мнѣ сообщилъ вашъ оруженосецъ, вы ѣдете въ Сѣрадзъ, тогда я предпочитаю не показываться ему, чтобы не дойти до грѣха и не оскорбить святыню.

— Однимъ словомъ, это значитъ, что онъ принялъ тебя за обманщика и мошенника?

— Если бы только меня, господинъ! Я простилъ бы ему изъ любви къ ближнему, какъ я поступилъ и съ другимъ, но онъ согрѣшилъ противъ моихъ святыхъ товаровъ, и я очень боюсь, что онъ погубилъ безвозвратно свою душу.

— Какіе же это у тебя святые товары?

— Такіе, что и говорить-то о нихъ съ покрытой головой не годится, но на этотъ разъ и въ виду того, что у меня есть готовыя отпущенія, я разрѣшаю вамъ не снимать каптура, потому что вѣтеръ сильно дуетъ. За это купите отпущеньице и грѣхъ вамъ не зачтется. Чего только у меня нѣтъ! Есть у меня копыто осла, на которомъ произошло бѣгство въ Египетъ—его нашли около пирамидъ. Арагонскій король давалъ мнѣ за него пятьдесятъ дукатовъ настоящаго золота. Есть у меня перо изъ крыла архангела Гавріила, которое онъ уронилъ во время Благовѣщенія; есть у меня двѣ перепелки, ниспосланныхъ къ израильтянамъ въ пустынѣ; есть у меня масло, которымъ язычники хотѣли помазать святого Іоанна,—и ступень отъ лѣстницы, которая снилась Іакову,—и слезы Маріи Египетской и немного ржавчины отъ ключей святого Петра... Но всего перечислить я не могу, потому что я промерзъ, а твой оруженосецъ, господинъ, не захотѣлъ дать мнѣ вина, да и, кромѣ того, я не кончилъ бы до вечера.

— Великія реликвіи, если онѣ истинны!—сказалъ Збышко.

— Если онѣ истинны, господинъ? Возьми копье изъ рукъ слуги и нацѣлься, потому что діаволъ близокъ, это онъ тебѣ внушаетъ такія мысли. Держи его на разстояніи копья. А если ты не хочешь накликать на себя бѣду, то купи у меня отпущеніе за этотъ грѣхъ, а то

черезъ три недѣли умретъ у тебя тотъ, кого ты больше всего на свѣтѣ любишь.

Збышко испугался угрозы, потому что ему вспомнилась Дануся и отвѣчалъ:

— Вѣдь это не я не вѣрю, а пріоръ доминикановъ.

— Взгляните сами на воскъ на печатяхъ; а что касается пріора, такъ Богъ знаетъ живъ-ли онъ еще, потому что судъ Господенъ наступаетъ быстро.

Когда они пріѣхали въ Сѣрадзъ, то оказалось, что пріоръ былъ живъ. Збышко даже отправился къ нему, чтобы заказать двѣ обѣдни, изъ которыхъ одна должна была быть за здоровье Мацько, а другая за добытіе этихъ шлемовъ съ павлиньими перьями, за которыми ѣхалъ Збышко. Пріоръ, какъ и очень многіе въ тѣ времена въ Польшѣ, былъ чужеземецъ, родомъ изъ Киліи, но за сорокъ лѣтъ жизни въ Сѣрадзѣ хорошо изучилъ польскій языкъ и былъ большимъ врагомъ крестоносцевъ. Узнавъ о предпріятіи Збышко, онъ сказалъ:

— Большинство изъ нихъ будетъ наказано Господомъ Богомъ, но я не отговариваю тебя отъ твоего намѣренія во-первыхъ потому, что ты поклялся, а во-вторыхъ потому, что имъ не можетъ быть достаточно большого наказанія за все то, что они сдѣлали въ Сѣрадзѣ.

— Что же они сдѣлали?—спросилъ Збышко, который радъ былъ узнать о всѣхъ грѣхахъ крестоносцевъ.

Старый пріоръ простеръ руки и прежде всего началъ громко читать «Вѣчный покой», потомъ сѣлъ и минуту сидѣлъ съ закрытыми глазами, какъ бы желая припомнить что-то прошлое, и наконецъ заговорилъ:

— Привелъ ихъ сюда Викентій изъ Шамотура. Мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ и я пріѣхалъ сюда изъ Киліи, откуда меня взялъ мой дядя Петжольдъ казнохранитель. Крестоносцы напали ночью на городъ и сейчасъ же подожгли его. Мы со стѣнъ видѣли, какъ они мечами рубили и мужчинъ и женщинъ, какъ малыхъ дѣтей они бросали въ огонь. Я видѣлъ убитыхъ князей, потому что въ бѣшенствѣ своемъ они никому не прощали. И случилось такъ, что пріоръ Николай, будучи родомъ изъ Эльбалонги, зналъ комтура Германа, который предводительствовалъ войскомъ. Вышелъ онъ тогда со старшими братьями къ этому свирѣпому рыцарю и, упавъ передъ нимъ на колѣни, заклиналъ его по-нѣмецки, чтобы онъ сжалился надъ кровью христіанской. А тотъ отвѣчалъ ему: «я не понимаю»—и приказалъ продолжать рѣзню. Тогда же было убито много монаховъ, а среди нихъ и дядя мой Петржольдъ, а Николая даже къ хвосту лошадиному привязали... А къ утру въ городѣ не было ни одного живого человѣка, исключая крестоносцевъ и меня, потому что я спрятался на балкѣ колокола. За это

Господь ужъ наказалъ ихъ подъ Пловцами, но они не перестаютъ стараться о погибели нашего христіанскаго народа и до тѣхъ поръ будутъ стараться объ этомъ, пока рука Божія совершенно не сотретъ ихъ съ лица земли.

— Подъ Пловцами тоже, почти всѣ мужья моего рода погибли,— отвѣчалъ Збышко; — но я не жалѣю ихъ, потому что Богъ короля Локетка наградилъ такой великой побѣдой и двадцать тысячъ нѣмцевъ уничтожилъ.

— Ты дождешься еще большей войны и большихъ побѣдъ, — сказалъ пріоръ.

— Аминь!—отвѣчалъ Збышко.

И они заговорили о другомъ. Молодой рыцарь разспрашивалъ коечто о продавцѣ реликвій, съ которымъ онъ встрѣтился на пути и узналъ, что много таких обманщиковъ шляется по проѣзжимъ дорогамъ, обманывая легковѣрныхъ людей. Пріоръ сказалъ ему также, что существуютъ папскія буллы, приказывающія епископамъ преслѣдовать такихъ продавцевъ и, если у кого-нибудь изъ нихъ не окажется бумагъ и печати, то сейчасъ же сажать ихъ. А такъ какъ бумаги этого бродяги показались ему подозрительными, то пріоръ сейчасъ же велѣлъ отослать его на епископскій судъ. Если бы оказалось, что онъ дѣйствительно былъ посланъ съ отпущеніями, въ такомъ случаѣ ему ничего дурного не сдѣлали бы. Но онъ бѣжалъ. Можетъ быть онъ просто боялся затрудненій въ пути, но его бѣгство навлекло на него еще большія подозрѣнія.

Подъ конецъ, пріоръ пригласилъ Збышко переночевать и отдохнуть въ монастырѣ, но онъ не могъ это сдѣлать, такъ какъ собирался вывѣсить оповѣщеніе «о вызовѣ на борьбу пѣшую или конную» всѣхъ тѣхъ рыцарей, которые не согласились бы съ тѣмъ, что панна Данута, дочь Юранда, самая красивая и самая добродѣтельная дѣвушка въ королевствѣ,—а на монастырскихъ воротахъ было совершенно неудобно вывѣсить подобное воззваніе. Ни пріоръ, ни другіе монахи даже не соглашались написать этого оповѣщенія, путому малоодой рыцарь былъ сильно озабоченъ и совершенно не зналъ, какъ помочь своему горю. И только послѣ возвращенія въ трактиръ, пришло ему на мысль отправиться къ продавцу отпущеній.

— Пріоръ не знаетъ, не проходимецъ-ли ты, — сказалъ ему Збышко, — онъ говоритъ: зачѣмъ ему бояться епископскаго суда, если его бумаги настоящія.

— Я и не боюсь епископа,—отвѣчалъ Сандерусъ,—а только монаховъ, которые не знакомы съ печатями. Я собственно хотѣлъ ѣхать въ Краковъ, но у меня нѣтъ лошади, поэтому я долженъ ждать, пока мнѣ кто-нибудь не подаритъ ее. Но тѣмъ временемъ, я пошлю письмо, къ которому и приложу собственную печать.

— Я такъ думалъ, что если ты докажешь, что умѣешь писать, то это будетъ признакомъ того, что ты не простой человѣкъ. Но какъ же ты пошлешь письмо.

— Черезъ какого-нибудь странника или странствующаго монаха, развѣ мало народу идетъ въ Краковъ къ гробу королевы.

— А ты съумѣешь мнѣ оповѣщеніе написать?

— Напишу я вамъ все, что прикажете, — хорошенько и дѣльно, хотя бы и на доскѣ.

— На доскѣ еще лучше,—сказалъ обрадованный Збышко,—потому что не порвется и пригодится впослѣдствіе.

И дѣйствительно, по прошествіи нѣкотораго времени, когда слуги отыскали и принесли чистую доску, Сандерусъ отправился писать. Что онъ тамъ написалъ—Збышко прочитать не могъ, но онъ сейчасъ велѣлъ прибить это воззваніе къ воротамъ, а подъ нимъ повѣсить щитъ, который турки сторожили поочердно. Тотъ, кто ударитъ въ него копьемъ, тотъ тѣмъ самымъ покажетъ, что принимаетъ вызовъ. Но очевидно въ Сѣрадзѣ ощущался недостатокъ въ любителяхъ такихъ дѣлъ, потому что ни въ этотъ день, ни на другой до самаго полудня щитъ ни разу не зазвенѣлъ,—а послѣ полудня нѣсколько изумленный юноша собрался ѣхать дальше.

Но передъ самымъ отъѣздомъ къ Збышкѣ пришелъ Сандерусъ и сказалъ ему:

— Еслибы, господинъ, вы вывѣсили этотъ щитъ въ прусскихъ странахъ, оруженосецъ навѣрное затягивалъ бы вамъ ремни на вооруженіи.

— Какъ же? Вѣдь крестоносецъ, какъ монахъ, не можетъ имѣть дамы, которой онъ поклоняется, ему не разрѣшается.

— Не знаю, разрѣшается—ли имъ, или нѣтъ, но знаю, что они ихъ имѣютъ. Правда, крестоносецъ безъ соблазна на единоборство выступать не можетъ, потому что онъ присягаетъ, что только за вѣру будетъ драться, но тамъ, кромѣ монаховъ, есть очень много и свѣтскихъ рыцарей изъ далекихъ странъ, которые приходятъ на помощь къ нѣмецкимъ. А тѣ только и глядятъ, съ кѣмъ бы имъ сцѣпиться, въ особенности французскіе рыцари.

— Ого! видѣлъ я ихъ подъ Вильно, и дастъ Богъ и въ Мальборгѣ увижу. Мнѣ необходимо павлиньи перья съ шлемовъ, потому что я поклялся достать ихъ—понимаешь?

— Господинъ, купите у меня двѣ—три капли пота Святаго Георгія, которыя упали, когда онъ боролся съ дракономъ. Ни одна реликвія такъ не полезна рыцарю. А за это дайте мнѣ лошадь, на которую вы позволили мнѣ присѣсть, такъ я вамъ еще и отпущеніе дамъ, за ту кровь христіанскую, которую вы пролили во время драки.

— Оставь, потому что иначе я разсержусь, я не стану брать твой товаръ, до тѣхъ пока не узнаю, настоящій ли онъ?

— Поѣзжайте, господинъ, какъ вы собирались, на мазовецкій дворъ, къ князю Янушу. Спросите тамъ, сколько они у меня реликвій взяли, и сама княгиня, и рыцари, и панны на свадьбахъ, на которыхъ мнѣ пришлось быть.

— На какихъ свадьбахъ?—спросилъ Збышко.

— Какія обыкновенно бываютъ передъ рождественскимъ постомъ: женились рыцари, одинъ за другимъ, потому люди говорятъ, что будетъ война между польскимъ королемъ и нѣмецкими владыками за землю Добржинскую... Нѣкоторые говорятъ себѣ: «Богъ знаетъ, буду-ли я живъ»—и хотятъ передъ смертью испытать счастье съ женщиной.

Збышко очень заинтересовала мысль о войнѣ, но еще сильнѣе то, что Сандерусъ говорилъ о свадьбахъ, а поэтому спросилъ:

— Какія же тамъ дѣвицы выходили замужъ?

— А придворныя княгини. Я не знаю, осталась ли хоть одна, потому что я слышалъ, какъ княгиня говорила, что ей придется искать новыхъ придворныхъ дѣвушекъ.

Услышавъ это, Збышко смолкъ на мгновеніе и потомъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ спросилъ:

— А панна Данута, дочь Юранда, имя которой стоитъ на доскѣ, тоже вышла замужъ?

Сандерусъ медлилъ съ отвѣтомъ, прежде всего потому, что самъ ничего хорошенько не зналъ, а во-вторыхъ, потому, что оставляя рыцаря въ неувѣренности, онъ вѣрнѣе могъ забрать надъ нимъ власть и ему лучше удасться воспользоваться имъ. Онъ ужъ и раньше рѣшилъ въ душѣ, что ему надо держаться этого рыцаря, у котораго была хорошая свита и снабженъ онъ былъ деньгами довольно хорошо. Сандерусъ зналъ людей. Ранняя молодость Збышко позволяла ему надѣяться на то, что онъ будетъ щедръ и неосмотрителенъ, и будетъ бросать деньгами. Онъ уже замѣтилъ дорогое медіоланское вооруженіе и огромныхъ боевыхъ жеребцовъ, которыми не всякій могъ обладать, а потому онъ говорилъ себѣ, что при такомъ богатомъ юношѣ ночлегъ ему будетъ обезпеченъ, и случаевъ продать реликвій будетъ больше, да и въ пути нечего бояться опасности и, наконецъ, изобиліе ѣды и питья, а это для него было важнѣе всего.

Поэтому, услышавъ вопросъ Збышко, онъ нахмурилъ брови, поднялъ глаза кверху, какъ-бы напрягая память, и отвѣчалъ:

— Панна Данута, дочь Юранда... А откуда она?

— Да, дочь Юранда, изъ Спыхова.

— Видѣлъ-то я ихъ всѣхъ, но какъ тамъ ихъ звали не припомню.

— Она еще молодая... играетъ на лютнѣ и развлекаетъ своей игрой княгиню.

— Ага... молодая... играетъ на лютнѣ... выходили и молодыя... Не черненькая ли она, какъ агатъ?

Збышко взглянулъ свободнѣе:

— Нѣтъ! это не та! Она бѣлая, какъ снѣгъ, только щеки румянныя,— и бѣлокурая.

— Дѣло въ томъ,— отвѣчалъ Сандерусъ,— что одна черная, какъ агатъ, осталась при княгинѣ, а почти всѣ остальныя вышли замужъ.

— Вѣдь ты говоришь «почти всѣ», это не значитъ всѣ. Бога ради, если ты хочешь что-нибудь получить отъ меня, постарайся припомнить!

— Да! Дня въ три или четыре я могъ бы вспомнить... а лучше всего для меня была бы лошадь, которая бы носила на себѣ мой святой товаръ.

— Ты ее получишь, если только скажешь мнѣ правду.

Въ эту минуту Чехъ, который присутствовалъ при этомъ разговорѣ, украдкой усмѣхнулся и сказалъ:

— Правда будетъ извѣстна на мазовецкомъ дворѣ.

Сандерусъ поглядѣлъ на него и сказалъ:

— А ты думаешь, что я боюсь мазовецкаго двора?

— Я не говорю, что ты боишься его, а говорю только, что ты ни сейчасъ, ни черезъ три дня на лошади не уѣдешь, а если окажется, что ты солгалъ, такъ его милость велитъ тебѣ кости поломать.

— Разумѣется!—отвѣчалъ Збышко.

Сандерусъ подумалъ, что послѣ такого обѣщанія лучше быть осторожнымъ, и отвѣчалъ:

— Если бы я хотѣлъ солгать, я бы сразу сказалъ, что она вышла или не вышла замужъ, а я сказалъ не помню. Если бы у тебя былъ разумъ, такъ ты бы изъ моего отвѣта убѣдился въ моей добродѣтели.

— Мой разумъ не сродни твоей добродѣтели, потому что она можетъ быть только сродни собакѣ.

— Моя добродѣтель не лаетъ, а твой разумъ лаетъ, а кто лаетъ при жизни, тотъ послѣ смерти будетъ выть.

— Вѣрно! А твоя добродѣтель послѣ смерти не будетъ выть, а скрежетать зубами, если ты во время жизни не потеряешь ихъ на служеніе черту.

И они принялись ссориться; у Чеха былъ ловкій языкъ, потому что на каждое слово нѣмца онъ въ отвѣтѣ находилъ два. А тѣмъ временемъ Збышко приказалъ собираться къ отъѣзду и они скоро двинулись въ путь, предварительно разспросивъ добрыхъ людей о дорогѣ въ Ленчицу. Скоро они въѣхали въ пустой боръ, которымъ поросла большая

часть страны. Но черезъ него шла дорога, мѣстами даже окопанная, на низкихъ мѣстахъ вымощенная кругляками—памятникъ владычества короля Казиміра. Дѣйствительно, послѣ его смерти, среди боевой сумятицы, которую подняли Наленчане и Гржималиты, дороги нѣсколько пришли въ упадокъ, но во времена Ядвиги, послѣ успокоенія королевства, въ рукахъ пришлаго люда, въ болотахъ снова застучали лопаты, въ лѣсахъ—топоры и подъ конецъ жизни Ядвиги купцы ужъ могли вести свои нагруженные возы изъ одного города въ другой, не опасаясь, чтобы они завязли въ болотѣ или поломались въ рытвинахъ. Только дикій звѣрь да разбойникъ могли мѣшать на дорогахъ, но отъ звѣря на ночь были свѣточи, а на день луки, разбойниковъ же было меньше, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ. Но тотъ, кто ѣхалъ со свитой и въ вооруженіи, могъ никого не бояться.

Збышко тоже не боялся ни разбойниковъ, ни вооруженныхъ рыцарей и даже не думалъ о нихъ, потому что его охватила страшная тревога и вся душа его, всѣ помыслы его были на дворѣ мазовецкомъ. Застанетъ-ли онъ свою Данусю придворной княгини или женой какого-нибудь мазовецкаго рыцаря—онъ не зналъ и съ утра до вечера мучился этими мыслями. Иногда ему казалось чѣмъ-то невѣроятнымъ, чтобы она могла забыть о немъ,—но потомъ ему снова приходило въ голову, что можетъ быть, Юрандъ прибылъ во дворъ изъ Спыхова и выдалъ дѣвушку замужъ за какого-нибудь сосѣда или пріятеля. Вѣдь онъ говорилъ еще въ Краковѣ, что Дануся писана не для Збышко и что онъ не можетъ ему отдать ее—значитъ онъ очевидно обѣщалъ ее кому-то другому, былъ связанъ клятвой и, вотъ, теперь сдержалъ ее. Когда все это приходило Збышко въ голову, онъ окончательно убѣждался въ томъ, что не видать ему Данусю дѣвушкой. Въ такія минуты онъ звалъ Сандеруса и снова разспрашивалъ его; но этотъ послѣдній мутилъ и путалъ все больше. Не разъ онъ вотъ-вотъ вспоминалъ придворную Дануту и ея свадьбу, а потомъ вдругъ, приложивъ палецъ къ губамъ, задумывался и отвѣчалъ:

— »Нѣтъ, не та!» — Въ винѣ, которое должно было прояснять его память, нѣмецъ тоже не находилъ ее—и безпрестанно держалъ молодого рыцаря между смертельнымъ страхомъ и надеждой.

И Збышко ѣхалъ дальше, въ тревогѣ, горѣ и неувѣренности. Дорогой онъ уже не думалъ ни о Богданцѣ, ни о Згоржелицахъ, а только о томъ, что ему оставалось дѣлать. Прежде всего, ему надо было разузнать всю правду на мазовецкомъ дворѣ, а потому онъ спѣшилъ, останавливался только для краткаго ночлега по постоялымъ дворамъ, трактирамъ и городамъ, чтобы не измучить лошадей. Въ Ленчицѣ онъ снова велѣлъ вывѣсить на воротахъ доску съ воззваніемъ, размышляя, что вѣдь все равно вышла-ли Дануся замужъ, или нѣтъ, она все-таки

остается дамой его сердца и онъ обязанъ состязаться за нее. Но въ Ленчицѣ мало кто умѣлъ прочитать воззваніе, а тѣ изъ рыцарей, которымъ его прочли свѣдующіе въ письмѣ клирики, пожимали плечами, такъ какъ не знали этого чужеземнаго обычая и говорили: «это какой то дуракъ ѣдетъ, потому кто-же можетъ соглашаться или не соглашаться съ нимъ, если никто не видѣлъ этой дѣвушки!» А Збышко ѣхалъ дальше съ большей поспѣшностью.

Никогда не переставалъ онъ любить своюДанусю, но въ Богданцѣ и въ Згоржелицахъ, проводя ежедневно время съ Ягенкой и любуясь ея красотой, онъ не такъ часто думалъ о первой, а теперь ни днемъ, ни ночью не выходила она у него изъ головы. Какъ живая, стояла она передъ его глазами. Даже во снѣ видѣлъ онъ ее предъ собой, съ распущенными волосами, съ лютней въ рукахъ, въ красныхъ башмачкахъ и съ вѣнкомъ на головѣ. Она протягивала къ нему руки, а Юрандъ отвлекалъ ее отъ него. Когда исчезали сновидѣнія, ихъ мѣсто занимала тоска еще большая, чѣмъ была раньше, и никогда еще Збышко не любилъ эту дѣвушку такъ, какъ любилъ ее теперь, когда онъ не былъ увѣренъ—не отняли-ли ее у него.

Теперь ему приходило въ голову, что ее навѣрно выдали поневолѣ, и онъ въ душѣ не осуждалъ ее, потому что, какъ ребенокъ, она еще не могла имѣть своей воли. Вмѣсто того, онъ въ душѣ бѣсился на Юранда и на княгиню Янушъ, а когда онъ подумалъ о мужѣ Дануси, такъ сердце у него чуть не выпрыгнуло и онъ грустно взглядывалъ на слугъ, везущихъ вооруженіе подъ попонами. Онъ давалъ себѣ обѣтъ, что не перестанетъ служить ей, и если даже онъ застанетъ ее чужой женой, тѣмъ не менѣе онъ обязанъ сложить къ ея ногамъ павлиньи перья съ шлемовъ. Но въ этой мысли было больше горя, чѣмъ утѣшенія, потому что онъ совершенно не зналъ, что онъ потомъ будетъ дѣлать.

Только мысль о великой войнѣ утѣшала его. Хоть ему и не хотѣлось жить безъ Дануси, но онъ не давалъ обѣта непремѣнно погибнуть и наоборотъ чувствовалъ, что во время войны онъ забудетъ все и всѣ заботы и печали отойдутъ отъ него.

А великая война какъ бы висѣла въ воздухѣ. Неизвѣстно было, откуда берутся вѣсти о ней, потому что между королемъ и Орденомъ господствовалъ миръ, однако же повсюду, куда заѣзжалъ Збышко, не говорили ни о чемъ о другомъ, кромѣ войны. Народъ какъ-бы предчувствовалъ, что это должно наступить, а нѣкоторые открыто говорили: «зачѣмъ-же намъ понадобилось соединиться съ Литвой, какъ не противъ этихъ волковъ крестоносцевъ? Съ ними необходимо сразу покончить, чтобы они перестали грызть насъ». А другіе говорили: «Безумные монахи! мало имъ было Пловцевъ! Надъ ними смерть витаетъ, а

они еще землю добржинскую забрали, которую должны выжигать вмѣстѣ съ кровью!.. И повсюду во всѣхъ земляхъ королевства безъ излишняго хвастовства готовились къ бою на жизнь или смерть, но съ глухой завзятостью могучаго народа, который слишкомъ долго выносилъ обиды и наконецъ готовился къ выполненію страшнаго мщенія. Повсюду Збышко встрѣчалъ людей, убѣжденныхъ въ томъ, что очень скоро придется имъ садиться на коней, и удивлялся тому, что война должна была такъ скоро наступить, хотя онъ, какъ и другіе, полагалъ, что рано или поздно къ этому должно было прійти. Ему не пришло въ голову, что желаніе народа опередило въ данномъ случаѣ событія. Онъ вѣрилъ другимъ, а не себѣ, и радовался въ сердцѣ своемъ при видѣ этой суматицы приготовленій къ войнѣ, которыя встрѣчалъ на каждомъ шагу. Повсюду другія заботы уступали мѣсто заботѣ о конѣ и вооруженіи, всюду осматривались копья, мечи, сѣкиры, рогатины, шлемы, панцыри, ремни, и нарукавники.

Кузнецы день и ночь ударяли молотомъ въ желѣзныя бляхи, куя грубыя тяжелыя вооруженія, которыя едва-ли съумѣли бы поднять изящные рыцари Запада, но которыя легко носили крѣпкіе «помѣщики» Великой и Малой Польши. Старики вынимали изъ сундуковъ заплѣснѣвшіе мѣшки съ гривнами, для того, чтобы снаряжать дѣтей своихъ на войну. Однажды, Збышко ночевалъ у богатаго шляхтича Вартоша изъ Бѣлявъ, который имѣлъ двадцать два сильныхъ сына; всѣ свои многочисленныя земли онъ оставилъ монастырю въ Ловачахъ, чтобы купить двадцать два панцыря, столько же шлемовъ и другихъ военныхъ снарядовъ. И Збышко, хоть ничего не слышалъ въ Богданцѣ объ этомъ, но сейчасъ же рѣшилъ, что придется отправиться на Нѣмцевъ и благодарилъ Бога, что такъ хорошо снаряженъ въ походъ.

И дѣйствительно его вооруженіе возбуждало всеобщее удивленіе. Збышко принимали за сына воеводы, а когда онъ говорилъ, что онъ только простой шляхтичъ и что такое вооруженіе можно купить у нѣмцевъ, лишь-бы хорошенько за него сѣкирой отплатить, то сердца всѣхъ загорались желаніемъ воевать. Многіе, при видѣ этого вооруженія, не въ силахъ будучи подавить своего желанія, догоняли Збышко на дорогѣ и говорили: «Не хочешь-ли ты драться за него?» Но онъ спѣшилъ и не желалъ драться, а Чехъ натягивалъ лукъ. Збышко пересталъ даже вывѣшивать въ трактирахъ доску съ воззваніемъ, потому что сообразилъ, что чѣмъ глубже въѣзжалъ онъ въ страну, чѣмъ дальше отъ границы, тѣмъ меньше понимали его люди и тѣмъ больше считали его дуракомъ.

Въ Моравіи меньше говорили о войнѣ, но и тутъ вѣрили, впрочемъ, въ то, что война будетъ, но не знали когда. Въ Варшавѣ было совершенно спокойно, тѣмъ болѣе, что дворъ былъ въ Цѣхановѣ, который князь Янушъ перестраивалъ послѣ послѣдняго литовскаго нападенія,

или лучше сказать строилъ наново, потому что отъ прежняго Цѣханова осталось только одно укрѣпленіе. Въ Варшавѣ Збышко принялъ Ясько Соха, староста замка сынъ воеводы Авраама, который палъ подъ Ворсклой. Ясько зналъ Збышко, потому что былъ вмѣстѣ съ княгиней въ Краковѣ, а потому онъ съ радостью хорошенько угостилъ его—и какъ только они сѣли за ѣду, Збышко сталъ разспрашивать о Данусѣ и о томъ, не вышла-ли она замужъ вмѣстѣ съ другими придворными княгини.

Но Соха не могъ ему отвѣтить на это. Князь и княгиня были въ Цѣхановѣ, съ самой весны. Въ Варшавѣ осталось только нѣсколько оруженосцевъ да онъ, для стражи. Онъ слышалъ, что въ Цѣхановѣ были всякія празднества и свадьбы, какія обыкновенно бываютъ передъ рождественскимъ постомъ, но онъ, какъ женатый человѣкъ, не разспрашивалъ, которая изъ придворныхъ вышла замужъ, а которая осталась.

— Но я думаю,—сказалъ онъ,—что дочь Юранда не вышла замужъ, такъ какъ это не могло произойти въ отсутствіе Юранда, а я не слышалъ, чтобы онъ пріѣзжалъ. У князей гостятъ также два брата изъ ордена, комтуры, одинъ изъ Ямсборга, а другой изъ Щитна, а съ ними вѣроятно и какіе-нибудь заграничные гости,—а тогда Юрандъ никогда не пріѣзжаетъ, потому что одинъ видъ бѣлаго плаща доводитъ его до бѣшенства. А если не было Юранда, такъ и свадьбы не было. Хочешь, я пошлю гонца развѣдать обо всемъ? Онъ быстро возвратится, хотя я убѣжденъ, что ты увидишь дочь Юранда дѣвушкой.

— Я самъ завтра-же поѣду, но за утѣшеніе твое спаси тебя Богъ. Пусть только лошади отдохнутъ, тогда я и поѣду, я не буду покоенъ до тѣхъ поръ, пока не узнаю правды. Да заплатитъ тебѣ Богъ, потому что мнѣ сразу легче стало.

Но Соха не остановился на этомъ и сталъ разспрашивать у шляхтичей, которые гостили теперь въ замкѣ и среди солдатъ, не слыхалъ-ли кто чего-нибудь о свадьбѣ дочери Юранда. Однако, никто объ этомъ не слыхалъ, хотя нашлись и такіе, которые были въ Цѣхановѣ и даже на нѣкоторыхъ свадьбахъ: «развѣ кто-нибудь взялъ ее на этихъ послѣднихъ недѣляхъ». Дѣйствительно, могло случиться и такъ, потому что въ тѣ времена не тратили много времени на приготовленія. Но тѣмъ не менѣе, Збышко пошелъ спать, нѣсколько пріободрившись. Уже лежа въ кровати онъ сталъ размышлять—не прогнать-ли Сандеруса, но тутъже сообразилъ, что негодяй можетъ быть ему полезнымъ своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка тогда, когда онъ отправится противъ Лихтенштейна. Онъ думалъ также о томъ, что Сандерусъ не обманулъ его и хотя содержать его было довольно дорого, потому что онъ ѣлъ и пилъ за четверыхъ, но онъ былъ услужливъ и выказывалъ привязанность новому господину. Кромѣ того, онъ обладалъ искусствомъ письма, и

въ этомъ отношеніи стоялъ выше оруженосца Чеха и выше самого Збышко.

Поэтому молодой рыцарь позволилъ ему ѣхать въ Цѣханово. Сандерусъ былъ радъ не только изъ-за продовольствія, а также и потому, что онъ въ хорошемъ обществѣ возбудитъ больше довѣрія и легче найдетъ покупателей на свой товаръ. Сдѣлавъ еще одинъ ночлегъ въ Насельскѣ и ѣдучи не слишкомъ спѣшно и не слишкомъ медленно, они на другой день увидѣли передъ собой стѣны Цѣханова. Збышко остановился въ трактирѣ, чтобы надѣть на себя вооруженіе и въѣхать въ замокъ такъ, какъ надлежало рыцарю, въ шлемѣ и съ копьемъ въ рукѣ,— мигомъ сѣлъ на огромнаго жеребца и, сдѣлавъ въ воздухѣ знакъ креста, поѣхалъ впередъ.

Но онъ не отъѣхалъ и десяти шаговъ, когда ѣдущій сзади Чехъ поровнялся съ нимъ и сказалъ:

— Ваша милость, какіе-то рыцари ѣдутъ за нами, крестоносцы, что-ли?

Збышко повернулъ лошадь и не дальше какъ на разстояніи половины десятины за собой увидалъ блестящую свиту, впереди которой ѣхали двое рыцарей на могучихъ лошадяхъ, оба въ полныхъ вооруженіяхъ, каждый въ бѣломъ плащѣ съ чернымъ крестомъ и въ шлемѣ съ высокими павлиньими перьями.

— Это крестоносцы!—сказалъ Збышко.

И онъ невольно наклонился на сѣдлѣ и положилъ копье къ ушамъ лошади; видя это, Чехъ плюнулъ себѣ въ руку, чтобы топорище не скользило въ ней.

Слуги Збышко, люди бывалые и знающіе военный обычай, также приготовились,—правда не къ битвѣ, потому что въ рыцарскихъ поединкахъ слуги не принимали никакого участія, но для размѣренія мѣста при конной битвѣ, или для утрамбованія покрытой снѣгомъ земли при пѣшей битвѣ. Одинъ только Чехъ, будучи шляхтичемъ, приготовлялся къ работѣ, но и онъ разсчитывалъ, что Збышко сдѣлаетъ вызовъ потомъ ударитъ и въ душѣ даже очень удивлялся тому, что молодой рыцарь сперва наклонилъ копье.

Но Збышко во время пришелъ въ себя. Онъ вспомнилъ свой безумный поступокъ подъ Краковомъ, когда онъ неосмотрительно хотѣлъ кинуться на Лихтенштейна—и всѣ несчастья, которыя отъ этого произошли, а потому онъ, поднялъ копье, отдалъ его Чеху и, не доставая меча, двинулся къ рыцарямъ. Приблизившись къ нимъ, онъ увидѣлъ, что, кромѣ нихъ, есть еще третій рыцарь, также съ перьями на головѣ и четвертый невооруженный, длинноволосый, который показался ему Мазуромъ.

Увидавъ ихъ, онъ подумалъ:

— Я въ темницѣ поклялся своей Данусѣ добыть столько шлемовъ съ павлиньими перьями, сколько пальцевъ на рукахъ, а не только три; но, если-бы эти не оказались послами, то я сейчасъ-же могъ-бы добыть три шлема.

Но онъ сообразилъ, что это, должно быть, какіе-нибудь послы къ князю Мазовецкому, а потому, тяжело вздохнувъ, громко проговорилъ:

— Слава Господу Іисусу Христу!

— Во вѣки вѣковъ, — отвѣчалъ невооруженный длинноволосый всадникъ.

— Будьте счастливы!

— И вы, господинъ.

— Слава святому Георгію.

— Это и нашъ патронъ.

И они начали привѣтствовать другъ друга, а потомъ Збышко сообщилъ, кто онъ, какого герба и откуда идетъ въ мазовецкій дворъ, а длинноволосый рыцарь сказалъ, что его зовутъ Гендрикъ изъ Кропивницы и что онъ везетъ гостей къ князю: брата Готфрида, брата Родигра и господина Фулька де-Лорхе изъ Лотаргиніи, который гостилъ у крестоносцевъ и хочетъ собственными глазами увидать князя Мазовецкаго, а въ особенности княгиню, дочь славнаго «Кейстута».

Пока называли ихъ имена, заграничные рыцари, сидя на коняхъ, наклоняли свои головы, на которыхъ были одѣты желѣзные шлемы; видя красивое вооруженіе Збышко, они рѣшили, что князь выслалъ къ нимъ навстрѣчу какого-то знатнаго рыцаря, можетъ быть родственника или даже сына своего.

А Гендрикъ изъ Кропивницы продолжалъ:

— Комтуръ, или по нашему староста изъ Янсборга, гоститъ у князя и это онъ разсказалъ князю объ этихъ рыцаряхъ, которымъ очень хотѣлось пріѣхать къ нему, но они не смѣли, въ особенности-же этотъ рыцарь изъ Лотарингіи, потому онъ живетъ далеко и предполагалъ до сихъ поръ, что за владѣніями крестоносцевъ обитаютъ сейчасъ-же сарацины, съ которыми война не прекращается. А князь, сейчасъ-же послалъ меня на границу, чтобы я ихъ охранялъ и благополучно провелъ среди замковъ.

— Такъ безъ вашей помощи они не могли-бы проѣхать?

— Нашъ народъ страшно золъ на крестоносцевъ и это не потому, что они то и дѣло нападаютъ на наши земли, потому что и мы къ нимъ частенько заглядываемъ, какъ потому, что они предатели: если крестоносецъ обниметъ тебя и цѣлуетъ въ губы, всякій въ то-же время сзади готовъ тебя ножемъ пырнуть; это свинство и намъ мазурамъ это отвратительно... Эхъ! Да даже подъ собственную крышу и нѣмца каждый готовъ принять и не сдѣлаетъ гостю вреда, но на пути онъ радъ ему помѣшать.

А есть и такіе, которые ничего другого не дѣлаютъ, кромѣ какъ мстятъ, или дѣлаютъ это ради славы, которую да пошлетъ Богъ всякому.

— Кто-же изъ васъ всѣхъ самый славный?

— Есть одинъ такой, что лучше нѣмцу увидѣть смерть, чѣмъ его: зовутъ его Юрандъ изъ Спыхова.

Задрожало сердце молодого рыцаря, когда онъ услыхалъ это имя, и онъ сразу рѣшилъ заставить Гендрика изъ Кропивницы развязать свой языкъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ,—слышалъ: это тотъ самый, у котораго дочь Данута сначала была придворной княгини, пока не вышла замужъ. И сказавъ это, онъ съ любопытствомъ сталъ вглядываться въ выраженіе лица мазовецкаго рыцаря, удерживая дыханіе въ груди, а тотъ съ большимъ удивленіемъ отвѣчалъ:

— А кто вамъ это разсказалъ? Вѣдь она еще дѣвочка. Случается, правда, что и такія выходятъ замужъ, но дочь Юранда не вышла. Вотъ шесть дней, что я выѣхалъ изъ Цѣханова, а тогда видѣлъ ее съ княгиней. Какже ей выходить замужъ во время рождественскаго поста?

Услыхавъ это, Збышко употребилъ всю силу воли, чтобы не кинуться Мазуру на шею и не закричать ему: «Да вознаградитъ тебя Господь за это извѣстіе!»—Однако онъ сдержался и сказалъ:

— А я слышалъ, что Юрандъ отдалъ ее кому-то.

— Княгиня хотѣла отдать, а не Юрандъ, но ничего не могла сдѣлать противъ воли отца. Она хотѣла выдать ее за одного рыцаря въ Краковѣ, который поклялся дѣвушкѣ въ вѣрности и котораго она любитъ.

— Любитъ его?—закричалъ Збышко.

Гендрикъ пытливо взглянулъ на него, усмѣхнулся и сказалъ:

— Знаете! вы какъ-то странно разспрашиваете объ этой дѣвушкѣ.

— Я просто разспрашиваю о знакомыхъ, къ которымъ ѣду.

Изъ подъ шлема почти не видно было лица Збышки и можно было разглядѣть только глаза, носъ и часть щекъ, но за то носъ и щеки были такія красныя, что насмѣшливый и лукавый Мазуръ сказалъ:

— Вѣрно, отъ морозу такъ покраснѣлъ носъ у васъ, какъ красное яйцо на пасху.

А юноша смутился еще больше и отвѣчалъ:

— Навѣрное...

Нѣкоторое время они ѣхали молча, только лошади фыркали и выпускали цѣлые клубы пара изъ ноздрей, да чужіе рыцари начали между собой разговаривать. Черезъ нѣкоторое время Гендрикъ изъ Кропивницы спросилъ:

— А какъ васъ зовутъ, я не разслышалъ?

— Збышко изъ Богданца.

— А тотъ, который клялся дочери Юранда, какъ будто также назывался.

— Развѣ вы думаете, что я отрекусь?—быстро и гордо отвѣчалъ Збышко.

— Да и не зачѣмъ. Господи, такъ вы тотъ самый Збышко, на котораго дѣвочка набросила покрывало. Послѣ возвращенія изъ Кракова, всѣ придворные только и говорили, что о васъ, и у многихъ изъ слушателей по щекамъ слезы текли. Такъ это вы? Вотъ такъ радость будетъ во дворѣ... ну и любитъ-же васъ княгиня.

— Да благословитъ Богъ ее и васъ за добрую вѣсть... Потому что, когда мнѣ сказали, что она вышла замужъ, такъ я даже заболѣлъ.

— Зачѣмъ-же ей было выходить... Такая дѣвушка—лакомый кусочекъ, конечно, потому что за ней все Спыхово, но хоть много есть красивыхъ молодцовъ при дворѣ, но никто не заглядывалъ ей въ глаза, потому что каждый уважалъ и ея поступокъ, и вашу клятву. Да и княгиня не допустила бы этого. Вотъ-то радость будетъ! Правду сказать и дразнили-же иногда дѣвушку! Скажетъ ей кто-нибудь»: не возвратится твой рыцарь»—такъ она даже ногами топаетъ: «возвратится! возвратится!» хотя часто, если ей кто-нибудь говорилъ, что вы другую взяли, такъ и до слезъ доходило.

Растрогался Збышко отъ этихъ разсказовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страшно разсердился на людскія рѣчи и сказалъ:

— Кто обо мнѣ такія вещи разсказывалъ, того я вызову.

А Гендрикъ изъ Кропивницы началъ смѣяться.

— Бабы нарочно болтали! Такъ вы и бабъ вызывать будете? Мечомъ противъ веретена ничего не сдѣлаешь!

Збышко былъ очень доволенъ, что Богъ послалъ ему такого веселаго и любезнаго товарища и онъ сталъ разспрашивать его о Данусѣ, потомъ объ обычаяхъ при дворѣ Мазовецкомъ и опять о Данусѣ, о князѣ Янушѣ, о княгинѣ и опять о Данусѣ,—наконецъ, вспомнивъ о своихъ клятвахъ, онъ разсказалъ Гендрику что слышалъ дорогой о войнѣ—какъ народъ уже готовится къ ней, какъ ожидаютъ ее со дня на день и, наконецъ, спросилъ, также-ли думаютъ и въ княжествѣ Мазовецкомъ.

Но помѣщикъ изъ Кропивницы не думалъ, чтобы война была такъ близка. Люди говорятъ, что иначе быть не можетъ, но онъ самъ однажды слышалъ, какъ князь говорилъ Николаю изъ Длуголяса, что крестоносцы спрятали рога и если-бы король настаивалъ, такъ они отдали бы и землю Добржинскую, которую захватили, потому что они боятся его могущества—или по крайней мѣрѣ они стали-бы волочить дѣло, пока хорошенько не приготовятся.

— Князь недавно ѣздилъ въ Мальборгъ, гдѣ за отсутствіемъ магистра его принималъ великій маршалъ и устраивалъ для него ристалища, а теперь у князя гоститъ комтуръ—и вотъ еще новые гости ѣдутъ...

Онъ остановился на мгновеніе, потомъ прибавилъ:

— Люди говорятъ, что крестоносцы не безъ причины сидятъ у насъ и князь Зѣмовита въ Плоцкѣ. Они, кажется, хотятъ, чтобы въ случаѣ войны наши князья помогали-бы не польскому королю, а имъ, а если имъ не удастся добиться этого, такъ хоть того, чтобы князья остались въ сторонѣ; но этого не будетъ...

— Дастъ Богъ не будетъ. Какъ-же-бы они усидѣли дома? Да, кромѣ того, ваши князья обязаны королевству польскому. Я думаю, что вы не усидите.

— Не усидимъ—отвѣчалъ Гендрикъ изъ Кропивницы.

Збышко снова взглянулъ на чужестранныхъ рыцарей и на ихъ павлиньи перья и проговорилъ:

— Такъ и эти затѣмъ-же ѣдутъ?

— Они братья ордена; можетъ быть и затѣмъ. Кто ихъ знаетъ!

— А этотъ третій?

— А третій ѣдетъ изъ любопытства.

— Онъ должно быть знатный.

— Да! за нимъ идетъ цѣлыхъ три воза съ богатой утварью и девять людей въ свитѣ. Вотъ-бы хорошо было съ такимъ подраться! Даже слюнки текутъ.

— Но вамъ нельзя?

— Какъ-же? Вѣдь князь велѣлъ мнѣ охранять ихъ. До Цѣханова ни одного волоса не спадетъ у нихъ съ головы.

— А если-бы я вызвалъ ихъ? если-бы они захотѣли со мной драться?

— Тогда вамъ пришлось-бы прежде всего драться со мной, потому что, пока я живъ, изъ этого ничего не можетъ выйти.

Услыхавъ это, Збышко дружески взглянулъ на молодого шляхтича и сказалъ:

— Вы понимаете, что значитъ рыцарская честь? Съ вами я драться не буду, потому мы съ вами пріятели, но въ Цѣхановѣ я, дастъ Богъ, найду возможность вызвать нѣмцевъ.

— Въ Цѣхановѣ дѣлайте все, что вамъ угодно. Тамъ не обойдется безъ какихъ-нибудь ристалищъ, такъ можетъ быть дѣло дойдетъ и до драки, лишь бы князь и комтуры разрѣшили-бы.

— У меня есть доска, на которой стоитъ вызовъ всѣмъ тѣмъ, кто не признаетъ, что панна Данута, дочь Юранда, самая добродѣтельная и самая красивая дѣвушка на свѣтѣ. Но знаете... повсюду люди только плечами пожимали и смѣялись.

— Потому это чужестранный обычай, и правду говоря, глупый, котораго народъ у насъ не знаетъ, развѣ гдѣ-нибудь на границѣ. Этотъ лотарингецъ тоже задиралъ шляхтичей по дорогѣ, приказывалъ прославлять какую-то свою даму больше другихъ. Но его никто не понималъ и я не допускалъ до драки.

— Какъ это? онъ велѣлъ прославлять свою даму? Побойтесь Бога! Развѣ у него нѣтъ стыда въ глазахъ?

Збышко взглянулъ на заграничнаго рыцаря, какъ бы желая убѣдиться, какъ выглядывалъ человѣкъ, у котораго нѣтъ стыда въ глазахъ, но въ душѣ онъ, однако, долженъ былъ признать, что Фульке де Лорхе совершенно не походилъ на обыкновеннаго проходимца. Изъ подъ опущеннаго забрала выглядывали красивые глаза и молодое лицо съ какимъ-то грустнымъ выраженіемъ. Збышко съ удивленіемъ замѣтилъ, что вокругъ шеи его была трижды обмотана волосяная веревка, которая спускалась вдоль вооруженія до самыхъ щиколокъ и на ногахъ кончалась также троекратнымъ заворотомъ.

— Что это у него за веревка?—спросилъ Збышко.

— Я не могъ разузнать, какъ слѣдуетъ, потому что они не понимаютъ нашего языка, кромѣ брата Родигера, который умѣетъ два-три слова сказать на нашемъ языкѣ, да и то плохо. Однако, я думаю что этотъ молодой рыцарь далъ клятву, что онъ не сниметъ этой веревки до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ какого-нибудь рыцарскаго подвига. Днемъ онъ носитъ его поверхъ вооруженія, а ночью на голомъ тѣлѣ.

— Сандерусъ!—вдругъ закричалъ Збышко.

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ нѣмецъ, приближаясь.

— Спроси этого рыцаря, кто самая добродѣтельная и самая красивая дѣвушка на свѣтѣ?

Сандерусъ спросилъ.

— Ульрика де Эльнеръ!—отвѣчалъ Фульке де Лорхе, и поднявъ глаза вверху, началъ вздыхать, а у Збышко сдавило грудь, когда онъ услышалъ такое оскорбленіе, и онъ такъ страшно разсердился, что на мѣстѣ поднялъ жеребца на дыбы, но едва только онъ передохнулъ, какъ Гендерикъ изъ Кропивницы въѣхалъ между нимъ и чужеземцемъ и сказалъ:

— Тутъ вы драться не будете!

Но Збышко снова обратился къ продавцу реликвій:

— Скажи ему отъ меня, что онъ любитъ сову.

— Мой господинъ говоритъ, благородный рыцарь, что вы любите сову!—какъ эхо повторилъ Сандерусъ.

Услыхавъ это, Янъ де Лорхе опустилъ поводъ и правой рукой сталъ разстегивать и снимать желѣзную перчатку и потомъ бросилъ ее въ снѣгъ передъ Збышко, а этотъ мигнулъ своему Чеху, чтобы онъ поднялъ ее на острое копье. Тогда Гендерикъ изъ Кропивницы уже съ грознымъ лицомъ обратился къ Збышко и сказалъ:

— Я говорю вамъ, не деритесь до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончена моя служба. Я не позволю ни ему, ни вамъ.

— Вѣдь не я его вызвалъ, а онъ меня!

— Да, но, зачѣмъ вы назвали его даму совой. Довольно уже, а кто будетъ мнѣ противиться... Эхъ! и я умѣю закрутить поясъ.

— Я не хочу съ вами драться.

— А вамъ пришлось бы, потому что я поклялся охранять этого рыцаря.

— Такъ какъ же это будетъ?—упрямо спросилъ Збышко.

— Цѣханово уже недалеко.

— Но что подумаетъ нѣмецъ?

— Пусть ему объяснитъ вашъ человѣкъ, что здѣсь состязанія быть не можетъ и что сначала должно вамъ испросить разрѣшенія князя, а ему—комтура.

— Ну! а если они не разрѣшатъ?

— Такъ вы найдете другъ друга. Будетъ объ этомъ.

Збышко увидѣлъ, что помочь горю нельзя, и понимая, что Гендрикъ изъ Кропивницы не можетъ допустить драки, снова позвалъ Сандеруса, чтобы онъ объяснилъ лотарингскому рыцарю, что они будутъ драться тогда, когда пріѣдутъ. Де-Лорхе, выслушавъ нѣмца, кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ понимаетъ, а потомъ протянулъ къ Збышко руку и троекратно пожалъ ее, что по рыцарскимъ обычаямъ означало, что гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, но они должны драться. Потомъ въ полномъ согласіи съ внѣшней стороны они двинулись къ Цѣханову, тупыя башни котораго уже виднѣлись на фонѣ зарумянившагося неба.

Въѣхали они еще за-свѣтло, но, пока они обмѣнивались обычными фразами у воротъ, пока спустили мостъ, наступила глубокая ночь. Принялъ ихъ и угостилъ знакомый уже Збышко Николай изъ Длуголяса, который предводительствовалъ стражей, состоящей изъ горсти рыцарей и трехсотъ вѣрныхъ стрѣльцовъ Съ самаго начала Збышко, къ своему великому огорченію, узналъ, что двора не было. Князь, желая почтить комтуровъ изъ Щитна и изъ Янсборга, устроилъ огромную охоту въ курнейскихъ лѣсахъ, а для торжественности туда же отправилась и княгиня вмѣстѣ съ придворными дамами. Изъ знакомыхъ женщинъ Збышко нашелъ только Офку, вдову Кржиля изъ Яржембкова, которая была ключницей въ замкѣ. Она очень обрадовалась ему, потому что со времени прибытія изъ Кракова она всякому—хочешь, не хочешь—разсказывала о его любви къ Данусѣ и приключеніи съ Лихтенштейномъ. Эти разсказы возбуждали къ ней большое уваженіе среди младшихъ придворныхъ,—а поэтому она была благодарна Збышко—и теперь она старалась утѣшить его въ томъ, что онъ не засталъ Дануси.

— Ты ее не узнаешь!—говорила она.—Годы идутъ и ея платьице начинаетъ ей дѣлаться узкимъ въ грдуи, потому что она полнѣетъ, это ужъ птенецъ, и любитъ она тебя иначе чѣмъ прежде. Пусть-ка

теперь кто-нибудь крикнетъ ей въ ухо: «Збышко!» такъ ее какъ шиломъ кольнетъ. Такая ужъ наша женская доля, противъ этого ничего сдѣлать нельзя... такъ повелѣлъ Господь... А дядя твой здоровъ, говоришь? Чего же онъ не пріѣхалъ?.. Такая ужъ доля... Томится, томится женщина, если она одна... Слава Богу, что дѣвушка ногъ не поломала, потому что она каждый день лазила на башни и на дорогу глядѣла... Каждая изъ насъ нуждается въ другѣ...

— Только дамъ лошадямъ отдохнуть и поѣду къ ней, хоть бы и ночью, но поѣду,—отвѣчалъ Збышко.

— Сдѣлай это, только возьми проводника изъ замка, потому что иначе ты заблудишься въ лѣсу.

За ужиномъ, который Николай изъ Длуголяса устроилъ для гостей, Збышко объявилъ, что онъ поѣдетъ сейчасъ же къ князю и проситъ дать ему проводника. Братья ордена приблизились послѣ ужина къ огромному очагу, въ которомъ пылали цѣлые сосновые пни, и рѣшили ѣхать только на другой день, послѣ отдыха. Но де-Лорхе, разузнавъ въ чемъ дѣло, высказалъ желаніе ѣхать вмѣстѣ съ Збышко, говоря, что иначе онъ могъ бы опоздать на охоту, которую хотѣлъ непремѣнно видѣть.

Потомъ онъ приблизился къ Збышко и, протянувъ ему руку, снова троекратно пожалъ его руку.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ вопросу о позитивной этикѣ.

Было время, когда философію обвиняли въ томъ, что она незаконно присваиваетъ себѣ право судить обо всемъ, что интересуетъ человѣка, что она хочетъ замѣнить собою и религію, и науку. И такое обвиненіе было справедливо. Но въ лицѣ Канта философія сознала свои задачи, вполнѣ отличныя отъ задачъ положительной науки, она предоставила ей заниматься своимъ дѣломъ и хотѣла только, чтобъ признавали ея голосъ въ той небольшой области, которую она себѣ отмежевала. Однако, этотъ миръ между наукой и философіей существовалъ недолго, и теперь все чаще и чаще приходится говорить о его нарушеніи уже со стороны науки. Поощряемая многочисленными и важными открытіями и гордая великимъ множествомъ накопленнаго матеріала, она считаетъ себя всесильной и предлагаетъ намъ рѣшенія такихъ вопросовъ, которые, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются далеко за предѣлами ея матеріала и ея методовъ. И это въ особенности касается вопросовъ этическихъ, гдѣ сильно замѣтно стремленіе замѣнить «идеалистическую» этику этикой «позитивной», построенной, преимущественно, на основахъ соціологіи. Если же на мѣсто этики поставить всю область т. н. нравственныхъ наукъ, т. е. наукъ о государствѣ, обществѣ, правѣ и нравственности, то, можно сказать, не проходитъ дня, чтобъ не появилось какой-нибудь новой попытки обосновать или популяризовать построеніе этическихъ теорій на почвѣ позитивизма. И только потому, что въ высшей степени важно разобраться въ этомъ съ перваго взгляда простомъ, а на самомъ дѣлѣ—сложномъ явленіи, нельзя обходить молчаніемъ и тѣхъ произведеній литературы, которыя — сами по себѣ — вѣроятно, и не заслуживали бы нашего вниманія.

Вотъ почему нельзя не остановиться на недавно вышедшей небольшой книжкѣ Achelis'a: «Ethnologie und Ethik». Книжка эта представляетъ изъ себя отдѣльный выпускъ издаваемой въ Германіи цѣлой серіи не-

большихъ очерковъ по вопросамъ общественной жизни (Fragen des öffentlichen Lebens), и, насколько можно судить по характеру всего изданія и по низкой цѣнѣ его, она предназначена для самаго широкаго круга читателей. На нее можно смотрѣть, поэтому, какъ на нѣкотораго рода катехизисъ соціологическаго направленія въ этикѣ. Содержаніе ея не отличается большой сложностью.

Авторъ раздѣляетъ всѣ системы этики на спекулятивныя и эмпирическія, причемъ образцомъ первыхъ онъ считаетъ этику Канта. По его мнѣнію, коренная ошибка всѣхъ подобныхъ построеній состоитъ въ томъ, что они совсѣмъ не анализируютъ фактовъ нравственности, но предполагаютъ уже доказаннымъ существованіе нравственнаго закона и занимаются только вопросомъ, насколько человѣкъ имѣетъ возможность подчиняться этому закону. Всѣ такія разсужденія, не желающія воспользоваться данными опыта, превращаются, въ концѣ концовъ, въ пустую игру понятій. Но у нихъ есть еще другая слабая сторона,—именно они считаютъ личность за единственную носительницу нравственныхъ идей и единственнаго судью во всѣхъ этическихъ конфликтахъ. Опытъ рѣшительно противорѣчитъ возможности такой точки зрѣнія на личность: вся современная психологія «единогласно» пришла къ положенію, что наше сознаніе есть лишь небольшая частица общаго сознанія, лишь проявленіе общей душевной жизни. Поэтому нельзя принимать готовымъ не только существованіе закона, но и существованіе личности, нужно, напротивъ, выяснить еще образованіе и возникновеніе понятія *я*. А эту задачу всего легче исполнить соціологіи, ибо наблюденіе показываетъ, что личность находится въ сильной зависимости отъ общественныхъ движеній, а если въ ней есть что-нибудь самостоятельное, то оно получаетъ свое внѣшнее выраженіе въ формахъ общественности—въ религіи, правѣ, нравахъ и т. д.; изучать человѣческій духъ, конечно, гораздо легче въ этихъ объективныхъ формахъ, чѣмъ чрезъ посредство самонаблюденія. Эта соціально-психологическая точка зрѣнія, говоритъ Ахелисъ, и характеризуетъ современную этнологію, которая находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ индивидуально-психологическими объясненіями. Не допуская и мысли, чтобы человѣкъ въ изолированномъ состояніи могъ придти къ какимъ-нибудь представленіямъ о правѣ и нравственности, соціологія понимаетъ эти представленія, какъ продуктъ общественныхъ взаимоотношеній. Только отсюда открывается возможность установить общіе законы (8), которые имѣютъ силу по отношенію ко всѣмъ людямъ (für sämmtliche Menschen), ко всѣмъ народностямъ,—если только они стоятъ на одной и той же ступени развитія. Это относится одинаково къ праву и къ нравственности, ибо эти понятія различаются сравнительно поздно. Конечно, отдѣльная личность можетъ такъ или иначе реагировать на содержаніе нормы, устанавливаемой обществомъ; эта

реакція есть проявленіе индивидуальнаго правосознанія, но это правосознаніе есть опять-таки продуктъ взаимодѣйствія различныхъ сторонъ окружающей среды (климата, почвы и т. д.). Если же это такъ, то не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было абсолютной морали, годной для всѣхъ временъ и всякой культуры: напротивъ, на всякой стадіи развитія есть своя мораль, своя мораль есть и у всякаго, сколько-нибудь своеобразнаго народа. Точно также лишь относительное значеніе имѣютъ и нравственные идеалы, ибо они представляютъ изъ себя только произведеніе того или другого опредѣленнаго соціальнаго типа. Поэтому не слѣдуетъ вовсе поднимать вопроса о томъ, что́ хорошо, а что́ дурно, что́ такое—право, и что неправо, но нужно просто изучать существующіе нравы и нравственныя воззрѣнія народовъ и выяснять причины ихъ возникновенія.

Если я раньше назвалъ книгу Ахелиса катехизисомъ соціологической этики, то читатель, познакомившись теперь съ ея содержаніемъ, долженъ согласиться, что катехизисъ этотъ написанъ, въ общемъ, довольно блѣдно и уступчиво; въ литературѣ названной школы безъ труда можно было-бы указать нѣсколько произведеній, въ которыхъ вопросы ставятся и разрѣшаются гораздо рѣшительнѣе. Но фактъ этотъ не слѣдуетъ объяснять себѣ тѣмъ, что одно направленіе сознало, наконецъ, свои слабыя стороны и уступаетъ свое мѣсто другому: эта уступчивость объясняется только субъективными особенностями писателя—и ничѣмъ инымъ. Поэтому и въ книгѣ Ахелиса можно найти ту основную мысль, которая связываетъ воедино всѣ отдѣльныя развѣтвленія соціологической школы. Эта мысль состоитъ въ томъ, что только изъ изученія отдѣльныхъ фактовъ нравственности можно вывести, какъ понятіе нравственности, такъ и самыя нравственныя нормы. И съ этой мыслью никакъ нельзя согласиться.

Необходимо различать двѣ вещи: во-первыхъ, нравственныя заповѣди, которыя обращаются къ человѣку съ повелѣніемъ, которыя требуютъ, чтобъ онъ что-нибудь сдѣлалъ или чего-нибудь не дѣлалъ, и вовторыхъ—самую дѣятельность человѣка, поскольку въ ней замѣтно вліяніе этихъ заповѣдей. Заповѣди или нормы говорятъ о томъ, что должно быть; изучая дѣйствія людей, мы можемъ узнать только то, что есть. Если намъ извѣстна какая-нибудь заповѣдь, напр. заповѣдь о томъ, что не слѣдуетъ творить себѣ кумира,—мы при наблюденіи человѣческихъ дѣйствій легко замѣтимъ среди нихъ такія, которыя соотвѣтствуютъ этой заповѣди, и такія, которыя ей противорѣчатъ; мы можемъ, пожалуй, открыть и такія дѣйствія, которыя совсѣмъ не касаются этой заповѣди. Первыя мы назовемъ дѣйствіями нравственными, вторыя—безнравственными, третьи—нравственно-безразличными. Но еслибъ мы не знали этой заповѣди, могли-ли бы мы провести границу между нрав-

ственными и безнравственными поступками? Нѣтъ: все, что можно было бы сдѣлать, это—раздѣлить всѣ поступки на три разряда; но который изъ этихъ разрядовъ обнимаетъ дѣйствія нравственныя, мы не могли бы рѣшить именно потому, что намъ неизвѣстна та заповѣдь, соблюденіе коей только и дѣлаетъ поступокъ нравственнымъ. Можетъ быть, поступаетъ нравственно тотъ, кто творитъ себѣ изъ чего-нибудь кумиръ, а можетъ быть—тотъ, кто этого не дѣлаетъ. Предикатъ нравственнаго мы можемъ прилагать къ дѣйствіямъ только тогда, когда знаемъ его содержаніе; такимъ образомъ, изъ простого изученія фактовъ, поступковъ людей мы совсѣмъ не можемъ узнать, что́ слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ,—что́ нравственно и что безнравственно. Не стану поднимать здѣсь слишкомъ остраго вопроса: можно ли просто *изучать* нравы общества, ничего не зная о тѣхъ нравственныхъ нормахъ, которыя въ данномъ обществѣ дѣйствуютъ; достаточно установить только то, что выведеніе нормъ изъ дѣйствій логически невозможно. Логически—нормы существуютъ раньше, чѣмъ тѣ дѣйствія, которыя имъ должны соотвѣтствовать. Соціологическая школа не соглашается съ этимъ,—и здѣсь лежитъ ея главнѣйшая и коренная ошибка.

Эта ошибка названной школы обусловливается, главнѣйшимъ образомъ, тѣмъ, что она неправильно понимаетъ задачи этической науки. Она представляетъ себѣ дѣло такъ, какъ будто этика (понимая этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ) изобрѣтаетъ нравственныя нормы, указываетъ границы правды и неправды, исходя при этомъ изъ предвзятыхъ, недоказуемыхъ, а иногда и противорѣчащихъ наукѣ началъ; она находитъ, что этика должна, вслѣдствіе этого, постоянно сталкиваться съ фактами дѣйствительности, которые не всегда укладываются въ формы, опредѣляемыя чистымъ умозрѣніемъ.

Но нужно сказать, что «этика» не есть понятіе всегда себѣ равное, и что такъ опредѣляемыя задачи ея не только не исчерпываютъ всего ея содержанія, но и вовсе не угадываютъ ея сущности. Если мы на минуту изъ сферы нравственности перенесемся въ сферу права, то мы увидимъ, что тамъ есть: 1) догма (наука права въ тѣсномъ смыслѣ), и 2) философія права. Ближайшая задача науки права—толкованіе дѣйствующихъ правовыхъ нормъ, имѣющее своей цѣлью облегчить примѣненіе ихъ къ жизни; философія права, какъ отрасль теоріи познанія, изучаетъ предпосылки, лежащія въ основѣ юридическаго познанія. Ту же классификацію проблемъ можно намѣтить и по отношенію къ нравственности. Существуютъ нравственныя нормы, дѣйствующія въ данной общественной группѣ; истолковать ихъ, выяснить ихъ смыслъ, разрѣшить возможные конфликты есть задача *науки* о нравственности; такъ, если нравственными нормами признаются заповѣди, данныя Богомъ, то такой наукой (соотвѣтствующей догмѣ права) будетъ нравственное богословіе, которое устанавливаетъ текстъ заповѣдей, толкуетъ ихъ и т. д. Но

кромѣ этого у насъ есть и другіе вопросы: мы спрашиваемъ, почему данное положеніе есть именно нравственная норма, на чемъ основывается его обязательность, какъ возможно его познаніе и т. д.; этими вопросами занимается этика, какъ *философія* нравственности. Наука изслѣдуетъ положительную, дѣйствующую нравственность, философія изучаетъ это изслѣдованіе. Отсюда видно, что этика, какъ бы мы ее ни понимали, вовсе не ставитъ себѣ задачей кого-нибудь поучать или наставлять; она только изслѣдуетъ.

Однако, какъ въ сферѣ права, такъ и въ сферѣ нравственности, могутъ быть моменты, когда мы не знаемъ, слѣдуетъ ли данную норму считать дѣйствующей, обязательной, или нѣтъ; мы не знаемъ, дѣйствуетъ ли еще такой-то уставъ, не отмѣненъ ли онъ,—мы не знаемъ, имѣетъ ли значеніе такая-то заповѣдь, или нѣтъ. Разница лишь въ томъ, что право только иногда возбуждаетъ въ насъ подобное сомнѣніе, въ сферѣ же нравственности это сомнѣніе составляетъ до сихъ поръ общее правило. До сихъ поръ еще не согласились въ вопросѣ о томъ, что считать дѣйствующей, положительной нравственностью; почему здѣсь нѣтъ согласія,—вопросъ другой,—но его нѣтъ. Одинъ признаетъ религіозную мораль, другой—мораль утилитаризма, третій—стоицизмъ и т. д. А отсюда и вытекаетъ возможность такихъ теорій, которыя уже предполагаютъ доказанной обязательность, дѣйствительность извѣстнаго рода морали и прямо приступаютъ къ толкованію ея нормъ,—и такихъ системъ, которыя сначала изслѣдуютъ, что̀ есть дѣйствующая нравственность, и, найдя ее, приступаютъ къ ея изученію (бываетъ и обратно). Поэтому на первый взглядъ можетъ казаться, что подобныя системы сами изобрѣтаютъ нормы или исходятъ изъ предвзятыхъ мнѣній. На самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ. И Кантъ (на котораго ссылается Ахелисъ), видящій нравственность въ максимахъ практическаго разума, сначала толкуетъ его законы, а потомъ обращается къ изслѣдованію вопроса о ихъ обязательности. Ахелисъ же представляетъ себѣ дѣло такъ, какъ будто Кантъ выставляетъ нравственный законъ, ничѣмъ не доказывая его существованія, совершенно игнорируя факты жизни и только занимаясь вопросомъ о возможности исполненія этого закона.

Вотъ, мнѣ кажется, причина главнѣйшей ошибки соціологической школы. Конечно, это не единственная ея ошибка. Такъ, тотъ же Ахелисъ грубо смѣшиваетъ законъ природы съ закономъ нравственности и отрицаетъ за личностью всякое значеніе, совершенно забывая, что реально-то существуетъ только человѣкъ,—общество есть лишь сумма индивидуумовъ, которыхъ мы мыслимъ въ идеальномъ единствѣ. Но я не буду останавливаться теперь на этихъ вопросахъ и отложу разсмотрѣніе ихъ до выхода въ свѣтъ какого-нибудь новаго труда того же направленія.

В. Вальденбергъ.

Десять лѣтъ исторіи нашихъ финансовъ.

Въ любой странѣ государственное хозяйство имѣетъ громадное вліяніе на общественное хозяйство и на ходъ культуры вообще. Въ странѣ съ слабой общественной иниціативой и мало проявляющейся общественной самодѣятельностью активная роль государства и его хозяйства можетъ разростаться до крайнихъ предѣловъ. Если въ такой странѣ большинство населенія поступается въ пользу казны чрезмѣрно высокой частью своихъ доходовъ, то государство съ его хозяйствомъ можетъ стать и становится доминирующимъ факторомъ въ общемъ ходѣ культурнаго и экономическаго развитія. Было бы трудно доказать, что государственное хозяйство не имѣетъ такого значенія въ Россіи, со времени ухода покойнаго Н. Х. Бунге въ январѣ 1887 г. и появленія во главѣ нашего финансоваго вѣдомства покойнаго И. А. Вышнеградскаго. Г. Вышнеградскій, какъ принято говорить, открылъ «новую эру» въ исторіи нашего государственнаго хозяйства. Эта новая эра имѣетъ уже за собою десятилѣтнюю практику. Появившійся на-дняхъ отчетъ государственнаго контроля, по исполненію государственной росписи за 1896 г., даетъ возможность кратко охарактеризовать десять лѣтъ новой финансовой политики.

За эти десять лѣтъ произошла крупная перемѣна въ отношеніяхъ общества и печати къ вопросамъ финансовой политики. Прежде печать и общество съ большимъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ и направленіемъ государственно—хозяйственной политики. Вопросы государственнаго хозяйства буквально не сходили со столбцовъ и страницъ періодической печати. Въ данное же время государственное хозяйство, повидимому, перестало интересовать и печать и общество. Еще года три-четыре тому назадъ отчеты государственнаго контроля по исполненію росписей ожидались съ нетерпѣніемъ. Появленіе этихъ отчетовъ вызывало живой обмѣнъ мыслей въ массѣ газетныхъ статей. Въ данномъ году газеты

кратко отмѣтили извлеченія изъ отчетовъ государственнаго контроля по исполненію росписи за 1896 г., заблаговременно появившіяся на столбцахъ «Вѣстника Финансовъ». Самый же отчетъ, появившійся въ концѣ ноября, наша повседневная печать встрѣтила почти единодушнымъ молчаніемъ, за исключеніемъ «Русскихъ Вѣдомостей», по традиціи посвятившихъ ему двѣ-три статьи. Очевидно, отчеты государственнаго контроля (да и другія оффиціальныя изданія) перестали возбуждать любопытство общества. Въ противномъ случаѣ, печать, несомнѣнно, работала бы надъ этими изданіями съ прежнимъ рвеніемъ. О причинахъ такого индифферентизма мы распространяться не будемъ. Повидимому, общество заразилось этимъ индифферентизмомъ потому, что оно новаго не ждетъ и напередъ знаетъ, что̀ будетъ сказано въ отчетахъ государственнаго контроля и другихъ оффиціальныхъ изданіяхъ. Вѣдь теперь всякому извѣстно, что дефицита при исполненіи (какъ и при составленіи) росписи не будетъ, и всѣ напередъ знаютъ, что непремѣнно будутъ показаны крупные излишки доходовъ надъ расходами.

Конечно, суть дѣла заключается не въ самыхъ излишкахъ, составляющихъ главную цѣль всей нашей финансовой политики. Лѣтъ десять тому назадъ и общество и печать находили, что эти излишки являются для нашего государственнаго хозяйства своего рода недосягаемымъ идеаломъ. И общество и печать, конечно, тогда ничего не имѣли противъ появленія излишковъ въ нашей росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Наоборотъ, они видимо желали, чтобы появилось превышеніе доходовъ надъ расходами, но считали его при сохраненіи status quo недосягаемымъ идеаломъ. «Московскія Вѣдомости» не переставали выражать пожеланія—найти человѣка, который бы и при данныхъ условіяхъ изгналъ дефициты, допускавшіеся Н. Х. Бунге. Покойный Вышнеградскій, выступившій въ роли такого человѣка, быстро принялся за реализацію «недосягаемаго идеала». Съ 1888 года у насъ дефицитъ уступилъ мѣсто избыткамъ доходовъ надъ расходами. О первыхъ избыткахъ говорили много, и говорили съ восторгомъ и ликованіемъ. Въ сторонѣ отъ этихъ восторговъ держались лишь нѣкоторые органы повседневной печати, видѣвшіе за показной и обратную сторону дѣла. Потомъ восторги начали ослабѣвать, чему въ особенности содѣйствовалъ памятный 1891 г. Стали говорить о непрочности результатовъ, достигнутыхъ Вышнеградскимъ и отсутствіи у нихъ настоящаго основанія. Съ тѣхъ поръ уже изгладились слѣды первоначальнаго отношенія къ избыткамъ доходовъ надъ расходами, которые продолжаютъ рости непрерывно и составляютъ и до сихъ поръ, какъ мы сказали, главную цѣль всей финансовой политики.

Преемникъ Н. Х. Бунге, открывая новую эру въ исторіи русскихъ финансовъ, пошелъ по новому пути, игнорируя тѣ взгляды, кото-

рые установились и въ руководящихъ сферахъ. Напомнимъ, что въ руководящихъ сферахъ, при вступленіи Вышнеградскаго въ министерство финансовъ, господствовало довольно вѣрное представленіе о положеніи податныхъ силъ. Къ этому времени земская статистика успѣла обрисовать съ фотографической точностью положеніе деревни, исключающее быстрый ростъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Предполагалось, что и ту сумму средствъ, которая требовалась по послѣднему бюджету на 1887 г., составленному уходившимъ въ отставку Н. Х. Бунге, можно получить и сводить концы съ концами безъ дефицита только при предварительномъ болѣе равномѣрномъ распредѣленіи податей и сборовъ и при перенесеніи возможно большей части податнаго бремени съ вѣковыхъ податныхъ силъ на болѣе налогоспоспособные классы населенія. Къ такой реформѣ Н. Х. Бунге приступилъ, и несмотря на всѣ пререканія, но онъ не успѣлъ пойти дальше приступа. Преемникъ его отказался слѣдовать по намѣченному имъ пути и открытая имъ новая эра въ исторіи русскихъ финансовъ представляєтъ собою эпоху поразительно быстраго роста государственныхъ доходовъ и расходовъ. За десятилѣтній періодъ обыкновенные государственные доходы возростали въ слѣдующемъ порядкѣ:

въ 1887 г. . .	820.355,981 р.	въ 1892 г. . .	964.687,095 р.
» 1888 » . .	873.560,748 »	» 1893 » . .	1.031.489,740 »
» 1889 » . .	914.526,821 »	» 1894 » . .	1.145,352,364 »
» 1890 » . .	933.379,144 »	» 1895 » . .	1.244,362,202 »
» 1891 » . .	890.545,476 »	» 1896 » . .	1.368,719,351 »

Съ 1887 г. по 1896 годъ обыкновенные государственные доходы увеличивались на 548 м. р., *т.-е. на 67 процентовъ*. Конечно, не было никакой физической возможности получить всѣ эти 67 процентовъ при помощи однихъ налоговъ. Государственные доходы увеличивались благодаря крупнымъ доходамъ, доставляемымъ желѣзными дорогами. Для большей ясности необходимо доходы, доставляемые желѣзными дорогами, исключить изъ общей суммы доходовъ за всѣ десять лѣтъ. Въ такомъ случаѣ окажется, что казна получила обыкновенныхъ доходовъ:

въ 1887 г. . .	764.856,071 р.	въ 1892 г. . .	853 584,802 р.
» 1888 » . .	798.119,785 »	» 1893 » . .	911.822,077 »
» 1889 » . .	831.653,838 »	» 1894 » . .	989.896,871 »
» 1890 » . .	845.313,772 »	» 1895 » . .	1.026,660.512 »
» 1891 » . .	791.855,223 »	» 1896 » . .	1.056,344,979 »

Безъ желѣзныхъ дорогъ, за десятилѣтіе 1887—1896 гг. государственные доходы увеличились на 291.488.908 р., т.-е. на 38 процентовъ. Въ теченіи того-же періода времени казна прибѣгала и къ чрезвычайнымъ рессурсамъ. Чрезвычайные доходы составляли:

въ 1887 г. . .	142.038,362 р.	въ 1892 г. . .	189.617,408 р.
» 1888 » . .	54.662,834 »	» 1893 » . .	160.532,630 »
» 1889 » . .	53.161,540 »	» 1894 » . .	75.226,335 »
» 1890 » . .	94.858,076 »	» 1895 » . .	153.068,740 »
» 1891 » . .	29.513,486 »	» 1896 » . .	43.500,457 »

За десять лѣтъ въ распоряженіе финансоваго вѣдомства поступило чрезвычайныхъ доходовъ 996.170.868 р., почти полностью, а именно, въ размѣрѣ 831.021.160 р., доставленныхъ займами.

Колоссальный ростъ государственныхъ доходовъ не вполнѣ совпадаетъ съ ростомъ государственныхъ расходовъ. Государственные доходы возростали быстрѣе государственныхъ расходовъ. Обыкновенные государственные расходы равнялись:

въ 1887 г. . .	841.999,226 р.	въ 1892 г. . .	952.575,764 р.
» 1888 » . .	836.992,477 »	» 1893 » . .	996.392,639 »
» 1889 » . .	868.824,115 »	» 1894 » . .	1.045,512,088 »
» 1890 » . .	914.789,775 »	» 1895 » . .	1.129,439,236 »
» 1891 » . .	925.355,708 »	» 1896 » . .	1.229,044,280 »

Въ общемъ за десятилѣтній періодъ государственные расходы увеличились на 387.045.054 р. или приблизительно по 35 процентовъ. Такъ какъ для большей ясности выше были исключены въ смѣтахъ доходовъ—доходы отъ желѣзныхъ дорогъ, то и въ смѣтѣ расходовъ нужно исключить расходы по желѣзнымъ дорогамъ. Въ такомъ случаѣ окажется, что обыкновенные расходы равнялись:

въ 1887 г. . .	743.557,969 р.	въ 1892 г. . .	809.670,636 р.
» 1888 » . .	735.113,117 »	» 1893 » .	842.487,608 »
» 1889 » . .	761.588,151 »	» 1894 » . .	862.396,860 »
» 1890 » . .	778.330.012 »	» 1895 » . .	886.627,280 »
» 1891 » . .	794.957,061 »	» 1896 » . .	950 760,987 »

Эти данныя показываютъ, что, по исключеніи расходовъ по эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, увеличеніе остающихся обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ за десятилѣтній періодъ равняется 207.203.018 р., что составляетъ 28 процентовъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ государственные доходы (безъ желѣзныхъ дорогъ) увеличились на 38 процентовъ, государственные расходы (также безъ желѣзныхъ дорогъ) поднялись всего на 28 процентовъ. Правда, одновременно съ обыкновенными расходами производилось и не мало чрезвычайныхъ. Чрезвычайные расходы составляли:

въ 1887 г. . .	76.950,449 р.	въ 1892 г. . .	166.759.310 р.
» 1888 » . .	69.231,493 »	» 1893 » . .	47.702,806 »
» 1889 » . .	80.456,102 »	» 1894 » . .	101.423,380 »
» 1890 » . .	123.901,207 »	» 1895 » . .	366.634,470 »
» 1891 » . .	178 377.328 »	» 1896 » . .	255.308.655 »

Всего за десять лѣтъ на чрезвычайные расходы потребовалось 1.466.745.200 руб. Для ихъ покрытія чрезвычайные рессурсы оказывались недостаточными и на нихъ пришлось затратить часть превышеній обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами.

Вотъ эти превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами, какъ мы уже сказали, составляютъ главную цѣль той новой эры въ исторіи нашихъ финансовъ, которую рѣшилъ открыть покойный Вышнеградскій. Появленіе такихъ излишковъ, независимо отъ напряженія финансовой машины, является вполнѣ понятнымъ. Благосостояніе народа можетъ рости и старые оклады налоговъ въ общемъ могутъ давать все большую и большую сумму доходовъ. Въ такомъ случаѣ избытки въ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами появляются сами собою, независимо отъ стараній финансоваго вѣдомства. Конечно, у насъ такое самостоятельное появленіе излишковъ государственныхъ доходовъ надъ государственными расходами не могло имѣть мѣста. При непрерывномъ ростѣ государственныхъ расходовъ, полученіе этихъ излишковъ у насъ финансовое вѣдомство должно было поставить спеціальной цѣлью своихъ усилій по отношенію къ податнымъ силамъ. При опредѣленномъ положеніи этихъ податныхъ силъ, стремленіе къ такой цѣли должно было имѣть за себя какія-нибудь вѣскіе мотивы и соображенія. Эти мотивы и соображенія изложены въ докладѣ къ росписи на 1893 годъ. «Въ нашемъ отечествѣ, сказано въ докладѣ,—по особымъ историческимъ условіямъ его государственнаго сложенія и развитія,—финансовое хозяйство не можетъ замкнуться въ строго опредѣленныхъ рамкахъ, предустанавливаемыхъ потребностями государственными въ общепринятомъ значеніи этого слова». Въ подтвержденіе этого указывается на общественныя бѣдствія. «Когда такія бѣдствія принимаютъ значительные размѣры, вся тяжесть борьбы съ ними, при слабомъ развитіи въ населеніи самопомощи, неизбѣжно ложится на правительство, а въ финансовомъ отношеніи—на казну. Неурожай 1891 года, вызвавшій въ короткое время расходы казны свыше 162 мил. рублей для помощи пострадавшимъ, показалъ, въ какихъ широкихъ размѣрахъ должно располагать государство запасными средствами на потребности, неподдающіяся человѣческому предвидѣнію, удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть ни отклонено, ни отсрочено правительствомъ, еслибы даже по формальнымъ основаніямъ таковыя и не относились къ его непосредственному вѣдѣнію. При этихъ условіяхъ, финансовое хозяйство Россіи должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы поступленіе государственныхъ доходовъ было всегда нѣсколько впереди итога обыкновенно изъ года въ годъ повторяющихся расходовъ на предвидимыя государственныя потребности, и если, для достиженія такого положенія, требовалось-бы нѣкоторое напряженіе платежныхъ силъ, то по отношенію къ плательщикамъ это имѣло-бы значеніе, сходственное

съ приплатою страховой преміи на случай непридвидѣнныхъ бѣдствій, угрожающихъ народному хозяйству гораздо болѣе серьезными потрясеніями при необезпеченности своевременной и достаточной помощи».

Всѣ эти соображенія, повидимому, говорятъ въ пользу того, что финансовое хозяйство Россіи должно быть поставлено въ особыя условія и что эти особыя условія требуютъ, чтобы въ Россіи обыкновенные государственные доходы всегда превышали обыкновенные государственные расходы. Въ другихъ, культурныхъ государствахъ это превышеніе—какъ самодовлѣющая цѣль финансовой политики—не допускается. Казна должна соразмѣрять свои доходы съ своими расходами и не должна предъявлять излишнихъ притязаній къ плательщикамъ налоговъ. Въ Россіи слѣдованіе этому правилу, говорятъ оказывается неумѣстнымъ потому, что Россія—страна, въ которой часто повторяются разныя бѣдствія, съ которыми населенію, при его безпомощности, трудно бороться своими собственными силами. Внося добавочную сумму налоговъ сверхъ прямой въ томъ надобности казны безпомощное населеніе гарантируетъ себѣ помощь государственнаго казначейства въ дни часто повторяющихся бѣдствій. Но тутъ конечно представлялось-бы умѣстнымъ выяснить причины часто повторяющихся общественныхъ бѣдствій, не носящихъ стихійнаго характера, въ родѣ неурожаевъ и частыхъ эпидемій. До сихъ поръ, кажется, является господствующимъ такое мнѣніе, что неурожай разростается на степень голода въ виду безпомощности населенія, и что разныя эпидеміи находятъ себѣ самую благопріятную почву въ условіяхъ оскудѣлаго, безпомощного существованія. При такихъ условіяхъ взиманіе добавочныхъ налоговъ хотя-бы и въ интересахъ оказанія помощи насенію можетъ только обострять потребность въ этой помощи.

Впрочемъ, разъ «страховая премія» взимается на случай общественныхъ бѣдствій, то было бы желательно, чтобы и помощь оказывалась соотвѣтственная размѣрамъ нужды населенія. Въ 1891—92 гг., на которые сдѣлана ссылка въ приведенныхъ словахъ доклада росписи на 1893 годъ, помощь была оказана въ размѣрѣ 161 м. р. Въ дѣйствительности она оказалась далеко недостаточной, о чемъ свидѣтельствуютъ и до сихъ поръ живые слѣды народнаго бѣдствія. Кромѣ того, помощь въ 161 м. р. приблизительно равняется «страховой преміи», подъ которой разумѣются требованія отъ плательщиковъ ежегодного превышенія въ обыкновенныхъ доходахъ надъ обыкновенными расходами. «Страховая премія», равняющаяся, или неуступающая тому, что будетъ выдано страхователю, по меньшей мѣрѣ, должна давать крупные барыши, далеко превосходящіе то, что получаютъ страхователи. Само собою понятно, что подъ какимъ-бы предлогомъ ни взимались крупныя превышенія въ доходахъ надъ расходами, они въ теченіе десятилѣтія могли быть понижены до размѣра обозначившейся средней потребности въ «страховой преміи». Между тѣмъ

этой «страховой преміи» предоставляется возростать, повидимому, отъ причинъ случайныхъ и неподдающихся предвидѣнію. По этому поводу «Русскія Вѣдомости» справедливо замѣчаютъ: «значительный избытокъ поступленій противъ смѣты не можетъ быть признанъ вполнѣ случайнымъ уже по той причинѣ, что указанное явленіе систематически повторяется у насъ въ послѣдніе годы и въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, которые не могутъ найти себѣ полное объясненіе въ необходимой осторожности при предположительномъ исчисленіи доходовъ. Судя по опыту послѣднихъ лѣтъ, обыкновенные доходы, повидимому, могутъ быть безъ всякой опасности для равновѣсія бюджета опредѣлены выше той суммы, въ которой они высчитываются въ настоящее время. Въ такомъ случаѣ та часть сверхсмѣтныхъ поступленій, которая носитъ теперь какъ бы случайный характеръ и предназначается на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, могла бы быть отнесена къ постояннымъ доходамъ. Это дало бы возможность или понизить обложеніе въ наиболѣе отяготительныхъ его видахъ, или употреблять добавочныя средства на текущія потребности, изъ которыхъ многія, и весьма важныя, до сихъ поръ удовлетворяются слишкомъ скудно. Громадный излишекъ доходовъ противъ смѣтныхъ назначеній, констатируемый отчетомъ государственнаго контроля за 1896 г., снова ставитъ на очередь этотъ вопросъ, не разъ уже возбуждавшійся въ печати за послѣдніе годы».

Несмотря на опредѣленные результаты, повторяющіеся изъ года въ годъ, при самомъ составленіи росписи, когда выражаются, такъ сказать, надежды на поступленіе тѣхъ или иныхъ суммъ, размѣры ихъ постоянно понижаются противъ дѣйствительныхъ поступленій. Благодаря такому пріему, между исчисленіями доходовъ при самомъ составленіи росписи и дѣйствительными поступленіями доходовъ окажется всегда крупное различіе, которое потомъ и комментируется въ томъ смыслѣ, что поступленіе доходовъ превзошло ожиданія росписи на такую-то громадную сумму. Этотъ комментарій сначала производилъ свое впечатлѣніе, а потомъ къ нему привыкли и, теперь всѣ знаютъ напередъ, что въ отчетѣ объ исполненіи росписи за такой то годъ будетъ сказано, что дѣйствительное поступленіе доходовъ превзошло ожиданія. Еслибы въ самой росписи исчисленія доходовъ проставлялись въ той суммѣ, въ какой они, по всѣмъ даннымъ, засвидѣтельствованнымъ опытомъ, должны быть проставлены, то въ такомъ случаѣ не приходилось бы съ цифрами въ рукахъ указывать на тотъ напередъ подготовляемый фактъ, что поступленія доходовъ превзошли ожиданія и превзошли ихъ на весьма крупную сумму. Съ внѣшней стороны, конечно, получился бы меньшій эффектъ, но по существу дѣла было-бы вполнѣ ясно, куда идутъ тѣ превышенія въ обыкновенныхъ доходахъ надъ обыкновенными расходами, которыя взимаются въ видѣ «страховой

преміи» для оказанія помощи въ годину бѣдствій. Теперь же приходится путемъ разныхъ разсчетовъ опредѣлять тѣ назначенія, по которымъ расходится «страховая премія».

Приведенныя выше данныя по системѣ обыкновеннаго бюджета, безъ оборотовъ по желѣзнымъ дорогамъ, свидѣтельствуютъ, что обыкновенные доходы, за исключеніемъ 1891 превышали обыкновенные расходы:

въ 1887 г. на .	21 298.102 р.	въ 1892 г. . .	43.914,166 р.
» 1888 » . .	63.006,668 »	» 1893 » . .	69.334,469 »
» 1889 » . .	70 065,687 »	» 1894 » . .	127.500,011 »
» 1890 » . .	66.983,760 »	» 1895 » . .	140.033,232 »
» 1891 » . .	—[1]) 3.101,838 »	» 1896 » . .	105.583,992 »

За выдѣленіемъ желѣзнодорожныхъ оборотовъ по обыкновенному бюджету, исполненіе росписей за 10 лѣтъ дало избытокъ доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 704.618,249 р. Если-же мы не будемъ исключать изъ обыкновеннаго бюджета оборотовъ по желѣзнымъ дорогамъ, то результатъ получится иной. Сохраняя за желѣзнодорожными оборотами мѣсто, занятое ими въ смѣтѣ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, получаемъ, что, за исключеніемъ 1887 и 1891 гг., превышеніе доходовъ надъ расходами составляло:

въ 1887 г. . .	— 21.643,245 р.	въ 1892 г. . .	12.111,331 р.
» 1888 » . .	36.568,271 »	» 1893 » . .	35.097,101 »
» 1889 » . .	45.702,706 »	» 1894 » . .	99.840,276 »
» 1890 » . .	18.589,369 »	» 1895 » . .	114.922,966 »
» 1891 » . .	— 34.810,232 »	» 1896 » . .	139.675,071 »

Со включеніемъ желѣзнодорожныхъ оборотовъ ежегодные избытки въ доходахъ надъ расходами оказываются гораздо меньшими, причемъ нѣкоторые годы (1887 и 1891 гг.) даютъ крупные дефициты. Въ общемъ-же избытокъ въ доходахъ съ 704.618,249 р. понижается до 446.053,614 р. Этотъ результатъ ясно показываетъ, что обыкновенные доходы желѣзныхъ дорогъ за всѣ десять лѣтъ оказывались далеко недостаточными для покрытія ихъ обыкновенныхъ расходовъ на всю разницу между 704.618,249 р. и 446.053,614 р., т. е. на 258.554,635 р. Говоря другими словами, на удовлетвореніе обыкновенныхъ расходовъ желѣзныхъ дорогъ, не могущихъ сводить концы съ концами, за весь десятилѣтній періодъ пошло 36,7 проц. всѣхъ тѣхъ избытковъ, которые доставлялись другими источниками государственныхъ доходовъ. Кромѣ того, приведенныя выше данныя о чрезвычайномъ бюджетѣ за десятилѣтній періодъ показываютъ, что чрезвычайные рессурсы (вмѣстѣ съ займами) оказывались недостаточными для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ. Чрезвычайныхъ расходовъ за 10 лѣтъ произведено на сумму въ 1.466.745,200 р., а чрезвычайныхъ рессурсовъ (вмѣстѣ съ займами)

[1]) Минусъ вездѣ обозначаетъ недостатокъ въ доходахъ для покрытія расходовъ.

имѣлось въ распоряженія казны только 996.170,868 р. Недостатокъ въ чрезвычайныхъ рессурсахъ пришлось покрывать изъ указанныхъ 446.053,614 р., усиленныхъ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ, которые за 10 лѣтъ въ общей сложности равнялись 177.269,718 р. Принимая во вниманіе, что на общественныя бѣдствія израсходовано всего 161.010,818, можно думать, что роль «страховой преміи», гарантирующей населенію помощь казны въ годины бѣдствій, могла быть возложена на остатки отъ заключенныхъ смѣтъ, безъ напередъ устанавливаемаго въ самыхъ росписяхъ крупнаго превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами.

Помимо превышеній между ожидаемыми исчисленіями по росписи и дѣйствительными поступленіями при исполненіи росписи, выше былъ отмѣченъ быстрый ростъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ. При обсужденіи вопроса о томъ, на сколько этотъ ростъ государственныхъ расходовъ, требовавшій соотвѣтствующаго напряженія податныхъ силъ, могъ содѣйствовать культурному росту страны и благосостоянію низшихъ классовъ населенія,—важно отмѣтить тѣ виды расходовъ, которые возростали за десятилѣтній періодъ. О роли желѣзныхъ дорогъ мы уже сказали достаточно, а теперь отмѣтимъ по вѣдомствамъ увеличеніе расходовъ въ 1896 году по сравненію съ 1887 годомъ. По сравненію съ 1887 г въ 1896 г. обыкновенные расходы возросли:

	На сумму.	Процентъ.
По высшимъ государственнымъ учрежденіямъ	705,003	34
» вѣдомству Св. Синода	6.576,632	60
» министерству Императорскаго двора	3.890,213	37
» министерству внутр. дѣлъ	18.522.844	26
» » иностранныхъ дѣлъ	160,231	3
» » военному	78.335.253	37
» » морскому	19.572,181	49
» » финансовъ	86.550,293	87
» министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ	9.571,164	43
» министерству народнаго просвѣщенія	4.250,193	20
» министерству путей сообщенія	12.136,906	66
» » юстиціи	7.514,104	37
» государственному контролю	677,382	25
» главному управленію государственнаго коннозаводства	399.419	36

Въ общемъ по всѣмъ вѣдомствамъ, за исключеніемъ оборотовъ по желѣзнымъ дорогамъ, расходы увеличились на 248.861,818 р. Для этого увеличенія оставалось, какъ было сказано выше, только 207.203,018 р., но сюда нужно добавить сокращеніе расходовъ по системѣ государствен-

наго кредита на 41.658,800 р., которые пошли на повышеніе другихъ расходовъ и вмѣстѣ съ 207.203,018 р. составляютъ ровно 248.861,188 р. О значеніи сокращенія расходовъ по государственному кредиту будетъ идти рѣчь въ своемъ мѣстѣ, а теперь необходимо пояснить приведенныя данныя о возростаніи обыкновенныхъ расходовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Расходы особенно возросли по тремъ министерствамъ: военному, морскому и финансовъ. Изъ этихъ трехъ министерствъ, въ свою очередь, наиболѣе увеличило свои расходы министерство финансовъ, однако, въ бюджетѣ этого министерства имѣются только самыя скромныя суммы на просвѣщеніе и на защиту интересовъ рабочихъ классовъ при помощи распространенія фабричной инспекціи на всю территорію Россіи. По министерству народнаго просвѣщенія расходы увеличились на 4 милл., дающихъ въ процентномъ отношеніи увеличеніе на 20 проц. только въ виду вообще скромнаго бюджета этого министерства. Эти 4 милл. руб., кромѣ того, пошли, главнымъ образомъ, на строительныя нужды высшихъ учебныхъ заведеній. Пожалуй, можно еще отмѣтить возростаніе расходовъ по министерству юстиціи, такъ какъ оно вызвано распространеніемъ «новаго суда» на Сибирь и другія мѣстности, пользовавшіяся благами стараго суда. Вообще нельзя сказать, чтобы увеличившіеся государственные расходы оставляли особенно замѣтные культурные слѣды. По четыремъ вѣдомствамъ: св. синода военному, морскому и финансовому расходы увеличились на 191.214,352 рублей. На долю прямыхъ культурныхъ заботъ и расходовъ, вызываемыхъ широкими заботами о благосостояніи низшихъ классовъ, оставалось немного болѣе 50 милл. р. изъ общей суммы увеличенія государственныхъ расходовъ на 248 милл. р. Однако, едва ли можно утверждать, что по всѣмъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ на тѣ или иныя культурныя задачи, входящія въ предѣлы ихъ компетенціи, затрачено дѣйствительно 50 милл. р. за всѣ десять лѣтъ. Такой результатъ не ослабляется и характеромъ чрезвычайныхъ расходовъ. Вся сумма чрезвычайныхъ расходовъ, произведенныхъ за 10 лѣтъ (1.466,725,200 р) разошлась по слѣдующимъ назначеніямъ:

1) По системѣ государственнаго кредита	697.616,374
2) На сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и пріобрѣтеніе для нихъ подвижного состава	409.358,625
3) На выдачу желѣзнодорожнымъ обществамъ облигаціонныхъ капиталовъ.	135.000,000
4) На выкупъ желѣзныхъ дорогъ	20.929,966
5) На выдачу продовольственныхъ ссудъ и общественныя работы въ 1891 и 1892 гг.	161.010,818
6) На увеличеніе капиталовъ государственнаго и дворянскаго банковъ и прочіе расходы	42.829,417

Въ общей системѣ чрезвычайныхъ расходовъ, какъ и въ системѣ обыкновенныхъ расходовъ, желѣзныя дороги занимаютъ первое мѣсто. Можно думать, что вся суть дѣла сводится къ желѣзнодорожному хозяйству. Представимъ себѣ, что въ разбираемомъ нами десятилѣтнемъ періодѣ главную задачу составляли бы не какія-либо широкія культурныя начинанія, а самыя элементарныя нужды культуры, указывающія на необходимость сосредоточить всѣ заботы на просвѣщеніи и улучшеніи благосостоянія низшихъ классовъ. Въ такомъ случаѣ желѣзныя дороги, навѣрно, отошли-бы на второй планъ. Можно очень много и очень долго говорить о пользѣ желѣзныхъ дорогъ, но въ Россіи въ данное время впереди стоятъ низшіе классы населенія, о культурномъ и экономическомъ положеніи которыхъ распространяться не стоитъ.

Если на долю этихъ классовъ, являющихся главными плательщиками, досталось мало изъ тѣхъ громадныхъ средствъ, которые были израсходованы за послѣднее десятилѣтіе, то одновременно съ тѣмъ въ послѣднее десятилѣтіе мы ушли слишкомъ далеко отъ давнишнихъ благихъ намѣреній и плановъ по облегченію податныхъ тягостей, признанныхъ задерживающими ростъ благосостоянія среди вѣковыхъ податныхъ силъ. Извѣстно, что въ прежнее время у насъ это облегченіе признавалось возможнымъ только при радикальной реформѣ системы сборовъ, отводящей главное мѣсто прямымъ налогамъ, падающимъ на наиболѣе налогоспособные классы населенія. Въ послѣднее десятилѣтіе этотъ планъ былъ радикально измѣненъ. Было признано, что возможно широкое развитіе косвенныхъ налоговъ будетъ содѣйствовать тому, что весь ростъ государственныхъ доходовъ, получаемыхъ путемъ налоговъ, падетъ на наиболѣе состоятельные классы населенія. И на самомъ дѣлѣ былъ введенъ рядъ новыхъ косвенныхъ налоговъ и были значительно повышены всѣ старые косвенные налоги. Въ печати не разъ указывалось на то, что такой планъ увѣнчается результатами, прямо противоположными намѣченной цѣли. Указывалось на то, что природа косвенныхъ налоговъ, всюду и вездѣ падающихъ всей своей тяжестью на низшіе классы населенія, не можетъ измѣниться въ Россіи. Развитіе косвенныхъ налоговъ, не допускающихъ недоимокъ, выгодно для казны, но это, говорили, будетъ такъ исчерпывать платежную силу главныхъ податныхъ силъ, что онѣ не будутъ въ состояніи справляться и съ пониженными прямыми сборами. Насколько эти указанія оправдались— читатели могутъ видѣть изъ данныхъ государственнаго контроля, сгруппированныхъ въ слѣдующей таблицѣ:

ГУБЕРНІИ.		Сумма недоимокъ по выкупнымъ платежамъ.	Процентъ къ годовому окладу.	Долги по продовольственнымъ ссудамъ 1891—92 годовъ. Рубли. К.
Самарской	срочныхъ	9.816,172	308	2 410,094 - 83
	разсрочен.	888,218		
Оренбургской	срочныхъ	4.282,384	532	1.498,796—71
	разсрочен.	1.510,158		
Уфимской	срочныхъ	1.515,316	189	374.305—43
	разсрочен.	1.112,686		
Казанской	срочныхъ	11.367,679	324	3.823,296—38
	разсрочен.	886,975		
Нижегородской	срочныхъ	3.611.540	155	1.564,361—57
	разсрочен.	4.023,612		
Симбирской	срочныхъ	936,683	51	2.018,694 —
	разсрочен.	3.021,643		
Пензенской	срочныхъ	2.988,720	119	1.784,857—55
	разсрочен.	2.337,949		
Тамбовской	срочныхъ	4.224,897	96	1.989.373—47
	разсрочен.	86,874		
Воронежской	срочныхъ	7.732,785	169	4.357,717—41
	разсрочен.	12,768		
Саратовской	срочныхъ	3.976,761	121	2.491,604—11
	разсрочен.	367		
Орловской	срочныхъ	4.347,664	138	1.353,208—97
	разсрочен.	25,615		
Рязанской	срочныхъ	639,692	22	1.587.390—45
	разсрочен.	2 496,044		
Тульской	срочныхъ	3.694.840	149	2.305,275— 2
	разсрочен.	210,770		
Пермской	срочныхъ	3.644,231	117	1.134,192—16
	разсрочен.	36,416		
Курской	срочныхъ	1.980.261	46	1.270,794—91
	разсрочен.	204,985		
Херсонской	срочныхъ	545,996	30	705,548—26
	разсрочен.	—		
Вятской	срочныхъ	729,273	15	1.431,037—95
	разсрочен.	121,830		
Бессарабской	срочныхъ	230,408	13	186,538—79
	разсрочен.	—		
Подольской	срочныхъ	184.861	7	—
	разсрочен.	21,755		
Псковской	срочныхъ	1.457,683	138	—
	разсрочен.	11,480		
Таврической				56.871—33
Тобольской				1.215,445—14
Харьковской				119,223—85

Въ общемъ населеніе перечисленныхъ губерній имѣетъ недоимку по выкупнымъ платежамъ въ размѣрѣ 83.428,360 р., да по продоволь-

ственнымъ ссудамъ, не смотря на ихъ уменьшеніе и сложеніе десятками милліоновъ, остается должнымъ казнѣ 33.678,268 р. Недоимки по выкупнымъ платежамъ составляютъ по нѣкоторымъ губерніямъ прямо невѣроятный процентъ по отношенію къ годовому окладу. Мы удержали въ таблицѣ раздѣленіе этихъ недоимокъ на срочныя и разсроченныя, такъ какъ при такомъ ихъ дѣленіи цифры неопровержимо говорятъ о полной почти непримѣняемости закона 4 февр. 1894 г. Этотъ законъ установилъ разсрочку недоимокъ по выкупнымъ платежамъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а въ дѣйствительности она примѣняется въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Разсрочка, конечно, не могла измѣнить общую картину недоимочности въ 21 губерніяхъ. По поступленію прочихъ сборовъ эти губерніи слѣдовало бы прямо вычеркнуть изъ числа тѣхъ, на которыя можетъ казна разсчитывать при полученіи нужныхъ ей средствъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы признать неспособной къ какимъ бы то ни было платежамъ въ пользу казны чуть ли не половину всей Европ. Россіи. Но эти губернія даютъ сотни милліоновъ по косвеннымъ налогамъ Отсюда же уже само собою слѣдуетъ, что эти косвенные налоги выбираютъ изъ массы, т. е. наименѣе состоятельныхъ плательщиковъ такъ много, что они не въ состояніи безнедоимочно уплачивать въ общемъ довольно скромные выкупные платежи и оставляютъ въ недоимкѣ по три и по пяти годовыхъ окладовъ, осложняемыхъ крупными долгами по продовольственнымъ ссудамъ. Конечно, если бы тѣ же платежи, которые теперь поступаютъ съ 21 губерніи по косвеннымъ налогамъ, взимались прямыми налогами, то они оставались бы полностью въ недоимкѣ; косвенные же сборы отличаются такой принудительной силой, что ихъ нельзя не платить, пока человѣкъ существуетъ и двигается, до какихъ бы размѣровъ онъ ни съужалъ свои потребности въ предметахъ, обложенныхъ косвенными налогами. Если бы расширеніе системы косвенныхъ налоговъ на счетъ прямыхъ дѣйствительно слагало податное время на наиболѣе состоятельную часть населенія, то наименѣе состоятельные классы получили бы громадное облегченіе и не имѣлось бы тѣхъ данныхъ, которыя сгруппированы въ приведенной таблицѣ. На подавляющее значеніе косвенныхъ налоговъ не могли не обратить вниманіе и «Русскія Вѣдомости», за послѣднее время такъ часто оказывавшіяся солидарными съ финансовымъ вѣдомствомъ. Указывая на крупныя превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ 704 м. р., газета замѣчаетъ, что «эти суммы, употребленныя на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, были добыты главнымъ образомъ путемъ повышенія косвенныхъ налоговъ, слѣдовательно, уплачивались преимущественно малосостоятельной частью населенія, составляющею большинство плательщиковъ. Между тѣмъ, если бы тѣ же 700 милл. руб. получены были путемъ займа, проценты по нимъ обременили бы бюд-

жетъ приблизительно на 28 милл. рублей. При послѣднемъ способѣ удовлетворенія чрезвычайныхъ потребностей общая сумма, которую пришлось бы уплатить, конечно, была бы больше, въ концѣ концовъ, чѣмъ при системѣ, принятой въ настоящее время. Но за-то платежъ разсрочился бы на болѣе продолжительный періодъ и былъ бы менѣе отяготителенъ для нынѣшнихъ плательщиковъ; а при томъ весьма стѣсненномъ экономическомъ положеніи, въ которомъ находится у насъ масса населенія, несущая на себѣ главную тяжесть налоговъ, это соображеніе очень важно».

Планъ «Русскихъ Вѣдомостей» на счетъ займа является не особенно удачнымъ, хотя бы въ виду того, что у насъ и такъ много займовъ. На 1-е января 1897 г. государственный долгъ равнялся 6.735.376,493 руб. 59 коп. За десятилѣтній періодъ государственный долгъ увеличился на 1.453.989,903 руб. Сумма ежегодныхъ процентовъ увеличилась на 31.642,130 р.; сумма срочнаго ежегоднаго погашенія уменьшилась на 24.660,481 р. Если мы исключимъ долги по желѣзнымъ дорогамъ, то увеличеніе государственнаго долга за десятилѣтній періодъ будетъ равняться 342.204,692 р., уменьшеніе въ годовыхъ платежахъ процентовъ равняется 8.551,778 р., а уменьшеніе тѣхъ же годовыхъ платежей на срочное погашеніе займовъ составляетъ 29.043,621 р. Уменьшеніе расходовъ на уплату процентовъ объясняется конверсіями 5 проц. и 5½ проц. займовъ въ 4-процентные. Это уменьшеніе расходовъ на уплату процентовъ уравновѣшивается тѣмъ обстоятельствомъ, что капитальная сумма долга по конвентированнымъ займамъ увеличилась на 188.950,337 р. Уменьшеніе расходовъ на погашеніе послѣдовало благодаря тому, что срочные и погашаемые долги, при переводѣ ихъ въ 4 проц. государственную ренту, превращены въ безсрочные, т. е. не требующіе ежегоднаго погашенія, на громадную сумму въ 1.455.833,800 р. Это обстоятельство имѣетъ громадное значеніе. Хотя долги, кромѣ желѣзнодорожныхъ, увеличились на не большую сумму при одновременномъ сокращеніи расходовъ по государственному кредиту на 41 мил. р., но за то будущимъ поколѣніямъ передается 1.455.833,800 рублей долга, въ погашеніе котораго не вносится ни одного рубля. Если бы за эти 1.455.833,800 р. долга будущимъ поколѣніямъ передавались какія-либо крупныя культурныя пріобрѣтенія, то въ такомъ случаѣ получился бы какой-либо эквивалентъ. На самомъ же дѣлѣ составъ нашего государственнаго долга (кромѣ желѣзнодорожныхъ займовъ) почти исключительно сложился изъ займовъ для разныхъ прошлыхъ войнъ и покрытія дефицитовъ.

П. Кузнецовъ.

Губернаторъ, какъ органъ надзора.

Въ Именномъ Указѣ 1837 г., сопровождавшемъ общій наказъ гражданскимъ губернаторамъ [1]), сказано: «государственный совѣтъ, съ утвержденія нашего поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ учредить для гражданскихъ губернаторовъ и губернскихъ правленій правильнѣйшій и удобнѣйшій порядокъ и предложить мѣры для лучшаго устройства земской полиціи, не *отступая, впрочемъ, отъ коренныхъ постановленій учрежденія о губерніяхъ* 1775». Очевидно, наказъ 1837 г., по мысли законодателя, проникнутъ общимъ духомъ, общими началами съ учрежденіемъ императрицы Екатерины II. Съ другой стороны, достаточно раскрыть послѣднее изданіе (92 г.) II тома св. зак. и обратить вниманіе на подстрочныя примѣчанія, чтобы убѣдиться, что второй раздѣлъ общаго учрежденія губернскаго (учрежденіе начальниковъ губерній и губернскихъ правленій) является, въ весьма значительной мѣрѣ, воспроизведеніемъ—исправленнымъ и дополненнымъ—наказа 1837 г. Такимъ образомъ, преемственная связь между дѣйствующимъ законодательствомъ о правительственныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и учрежденіемъ для управленій губерній 1775 г. [2]) — очевидна. Поэтому выясненіе принциповъ Екатерининскаго законодательства не безразлично для пониманія губернаторской должности по дѣйствующему праву.

Управленіе губерній вручается учрежденіемъ 1775 г. намѣстническому (губернскому) правленію, состоящему изъ государева намѣстника, или генералъ-губернатора, правителя или губернатора и 2-хъ совѣтниковъ (ст. 5). По общему и вполнѣ основательному мнѣнію, отношенія намѣстника къ губернатору недостаточно выяснены учрежденіемъ. Тѣмъ не менѣе, при внимательномъ чтеніи памятника врядъ-ли можно согласиться съ проф. Лохвицкимъ, полагающимъ, что губернатору дано учреж-

[1]) П. С. З. № 10.303.

[2]) П. С. З. (1-е) № 14.392.

деніемъ такое значеніе, какое теперь имѣетъ вице-губернаторъ, т. е. второго предсѣдателя губернскаго правленія и занимающаго должность начальника губерніи въ случаѣ его отсутствія,—другими словами, что государевъ намѣстникъ является собственно правителемъ губерніи подобно временному губернатору [1]).

Прежде всего, губернаторъ никогда не занимаетъ должности намѣстника въ случаѣ его отсутствія. По 102 ст. учрежд. во время отлучки изъ намѣстничества государева намѣстника, правитель или губернаторъ отправляетъ свою должность *по даннымъ губернаторамъ наказамъ;* должность намѣстника остается незамѣщенной и уже одно это доказываетъ, что намѣстникъ, въ противоположность губернатору, является по учрежденію органомъ не активнаго управленія, а только надзора. Но, кромѣ того, екатерининскій губернаторъ не является, подобно современному вице-губернатору, только *вторымъ* предсѣдателемъ губернскаго правленія, или, точнѣе, временнымъ замѣстителемъ *единственнаго* предсѣдателя правленія,—т. е. намѣстника.

Правда, по ст. 94 учрежденія 1775 г., генералъ-губернаторъ есть предсѣдатель правленія, съ нимъ засѣдаетъ губернаторъ съ двумя губернскими совѣтниками; но дѣло въ томъ, что предсѣдательство намѣстника въ правленіи врядъ-ли можно понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается теперь предсѣдательство губернатора. Намѣстникъ не разсматривается учрежденіемъ, какъ интегральная часть самого правленія; всякое дѣло для своего рѣшенія отнюдь не должно необходимо пройти черезъ руки, быть выраженіемъ воли намѣстника. Проф. Андреевскій справедливо замѣчаетъ, что управленіе губернское, по мысли императрицы Екатерины II, должно было отражать въ себѣ управленіе самой верховной власти [2]). Поэтому намѣстникъ въ такомъ-же смыслѣ является предсѣдателемъ губернскаго правленія, въ какомъ сама императрица являлась предсѣдателемъ сената: намѣстнику принадлежалъ высшій надзоръ надъ дѣятельностью правленія, непосредственнаго-же участія въ дѣлахъ его онъ не принималъ. Можно найти множество подтвержденій этой мысли въ самомъ учрежденіи. Вышеупомянутая 94 ст. его, объявляющая генералъ-губернатора предсѣдателемъ правленія, во второй половинѣ постановляетъ: «когда-же генералъ-губернаторъ и губернаторъ внѣ губерніи бываютъ, тогда вице-губернаторъ заступаетъ мѣсто губернатора». Очевидно, въ заступленіи должности намѣстника особенной необходимости нѣтъ: *дѣла будутъ рѣшаться и безъ него.* Наоборотъ, по ст. 267 т. II изд. 92 г., въ случаѣ отсутствія губернатора и вице-губернатора управляющій казенной палатой или государственными имуществами замѣщаютъ не вице-губернатора, а губернатора, потому что

[1]) А. Лохвицкій. Губернія, т. I., стр. 216.

[2]) Проф. Андреевскій о намѣстникахъ, воеводахъ, губернаторахъ стр. 133.

безъ губернатора некому рѣшать текущихъ дѣлъ управленія. То-же самое но еще въ болѣе категорической формѣ, утверждаетъ 103 ст. учрежденія. Она гласитъ: «два совѣтника опредѣляются въ губернское правленіе для вспоможенія *губернатору* (а не намѣстнику). Они разсужденіемъ своимъ уважаютъ дѣло, и потомъ исполняютъ положенія *губернаторскія* (а не намѣстничьи). Буде же случится, что губернаторскія приказанія не соотвѣтствуютъ пользѣ общей или службѣ Императорскаго Величества, или нарушаютъ узаконенія и губернатора разсужденіями отъ того отвратить имъ не можно, тогда совѣтники долженствуютъ внести въ правленіе письменно свое мнѣніе, и губернатора, и сенатъ о томъ увѣдомить, *но приказаній губернаторскихъ отмѣнить не могутъ и по онымъ исполнять обязаны*". Не ясно-ли, что екатерининскій губернаторъ toto coelo отличается отъ вице-губернатора нашихъ временъ. Только что упомянутая 104 ст. достаточно отчетливо уясняетъ отношеніе намѣстника къ губернатору, по буквѣ и духу учрежденія Екатерины Великой. Губернаторъ, иначе называемой *правителемъ*, правитъ губерніей; губернское правленіе—это губернаторъ, обязанный выслушивать (но только выслушивать!) «уваженія» двухъ совѣтниковъ. Государевъ намѣстникъ своитъ внѣ губернскаго правленія и надъ нимъ [1]). Его функція—политическое руководство и верховный надзоръ,—надзоръ «съ правомъ исправленія» (по выраженію Сперанскаго); непосредственнаго участія въ управленіи онъ не принимаетъ. Только потому и оказалось «*возможнымъ*» въ 1781 г. назначить одного намѣстника на 2—3 губерніи: само собою разумѣется, что предсѣдательствовать, какъ современный губернаторъ, въ нѣсколькихъ губернскихъ правленіяхъ, отстоящихъ на сотни и тысячи верстъ другъ отъ друга, государевъ намѣстникъ не могъ.

Итакъ, отдѣленіе функціи надзора отъ функціи активнаго управленія—таково одно изъ главныхъ и въ высшей степени важныхъ началъ законодательства Великой Екатерины. Прибавимъ, что надзоръ намѣстника стоялъ надо всѣмъ мѣстнымъ управленіемъ, одинаково простирался на всѣ вѣтви его,—былъ единымъ и общимъ надзоромъ.

Указанный принципъ учрежд. 1775 поможетъ намъ уяснить себѣ дѣйствующее законодательство о губернаторской должности, его недостатки и пути къ его улучшенію.

Принципъ учрежденія 1775 г.—отдѣленіе функціи надзора отъ функціи управленія,—не получилъ, однако, осуществленія на практикѣ. Введеніе учрежденія въ 1781 г. въ дѣйствіе не замедлило обнаружить, что

---

[1]) Ст. 432 Учрежд. слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ порядокъ, какъ кому за кѣмъ слѣдовать надлежитъ въ торжественныхъ собраніяхъ: I главнокомандующій, II правленіе губернское,—*то есть* впереди губернаторъ или правитель, потомъ два совѣтника.

надзоръ, задуманный Императрицей, обратился, въ *управленіе* въ высшей степени *личное* [1]). Да иначе и не могло быть. Намѣстники явились органомъ не *мѣстнаго*, нормальнаго надзора, а надзора *верховнаго* политическаго. Они облечены были огромными и совершенно неопредѣленными полномочіями, правомъ политическаго руководства. Въ рукахъ подобныхъ лицъ надзоръ, сопровождаемый правомъ *исправленія*, не могъ не обратиться въ самовластіе, не ограниченное закономъ. Какъ могли намѣстники охранять законъ, когда сами они поставлены были выше закона?

По вступленіи на престолъ Императора Павла, въ 1797 г., должность генералъ-губернатора была упразднена, и, вмѣстѣ съ нею, упразднена была функція мѣстнаго надзора. Хотя надзоръ генералъ-губернаторовъ, справедливо говоритъ Сперанскій въ своемъ введеніи къ намѣстническому учрежденію (1821 г.), по неопредѣлительности своей былъ недостаточенъ, но упраздненіемъ его губернскія мѣста оставались уже безо всякаго главнаго мѣстнаго надзора, кромѣ прокурорскаго, который и вездѣ слабъ, а въ отдаленныхъ губерніяхъ почти ничтоженъ, ибо прокуроръ никакой власти въ губернскихъ мѣстахъ не имѣетъ [2]).

Въ царствованіе Императора Александра I-го сдѣлано было нѣсколько попытокъ возсоздать мѣстный надзоръ, необходимость котораго Императоръ вполнѣ понималъ. Но попытки эти съ самаго начала пошли по ложному пути. Предполагалось возможнымъ создать *мѣстный* надзоръ посредствомъ перенесенія въ мѣстность *высшаго*, *политическаго* надзора, т. е. посредствомъ возсозданія должности государева намѣстника. Проектъ 1816 г., проектъ Сперанскаго 1821 г., дѣятельность Балашева, какъ генералъ-губернатора пяти губерній,—вездѣ и всегда генералъ-губернаторъ является, по выраженію Сперанскаго, установленіемъ государственнымъ, министерствомъ, дѣйствующимъ на мѣстѣ. Генералъ-губернаторъ не только слѣдитъ за исполненіемъ законовъ мѣстными властями, онъ останавливаетъ исполненіе указовъ сената и предписаній министровъ, буде отъ того можетъ произойти вредъ (проектъ 1861 г.). Генералъ-губернаторъ не только заставляетъ исполнять въ свое время и въ совершенной точности распорядокъ министра, но и слѣдитъ, чтобы министерскія части одна другой не вредили и ни которая-бы никого выше мѣры не стѣсняла. Замѣтивъ тому противное и бывъ не въ состояніи обстоять права чьи-бы то ни было, генералъ-губернаторъ доноситъ Государю или высшему правительству (проектъ Балашева).

Если, однако, верховный надзоръ государевыхъ намѣстниковъ Екатерины Великой былъ не желателенъ, ибо онъ переходилъ въ самовластіе; верховный надзоръ генералъ-губернаторовъ, по упомянутымъ проектамъ,

[1]) Градовскій. Полож. Ист. Админ., стр. 426.
[2]) Калачовъ. Архивъ 59 г., стр. 108.

былъ не только нежелательнымъ, онъ былъ прямо невозможнымъ. По учрежденіи въ 1802 г. министерствъ функція политическаго руководства и надзора по необходимости сосредоточилась въ рукахъ министровъ. Само собою разумѣется, что порученіе одной и той-же функціи двумъ, совершенно независимымъ другъ отъ друга органамъ не только излишне, но и прямо вредно, и чѣмъ выше, чѣмъ неопредѣленнѣе функція, тѣмъ больше и тѣмъ неизбѣжнѣе вредъ. Вопреки предсказаніямъ Балашева, генералъ-губернаторы оказались и непріятны министрамъ, и неполезны службѣ.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Николая I-го, 6-го декабря 1826 г. при государственномъ совѣтѣ образованъ былъ комитетъ, занявшійся разсмотрѣніемъ проекта Балашева и другихъ проектовъ, относящихся къ преобразованію губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Въ засѣданіи 4 мая 1827 г. дѣятельность и проекты Балашева, послѣ подробнаго разсмотрѣнія, были окончательно осуждены комитетомъ, а вмѣстѣ съ ними осуждена была и самая идея генералъ-губернаторской должности, какъ нормальнаго, повсемѣстнаго учрежденія имперіи. Мѣстный надзоръ генералъ-губернаторовъ, не отдѣленный отъ управленія, по мнѣнію комитета, не доставлялъ-бы правительству увѣренности, что теченіе дѣлъ въ губерніяхъ и благосостоянія народа соотвѣтствуютъ благотворнымъ его намѣреніямъ. Твердость, единство и сила управленія зависятъ отъ совершенства установленій, отъ хорошаго выбора лицъ, а не отъ безмѣрной ихъ власти. Напротивъ того, эти установленія теряютъ свою силу и разрушаются, когда высшіе сановники (какъ сіе нерѣдко бывало) употребляютъ данныя имъ полномочія на то, чтобы затруднять или останавливать законное теченіе дѣлъ, и одинъ другому противодѣйствовать. Желанный порядокъ въ губерніяхъ только тогда учредится, когда будутъ постановлены точныя и единообразныя правила для всѣхъ мѣстъ управленія и суда, когда мѣста сіи зависѣть будутъ отъ одного центральнаго верховнаго правительства, которое-бы руководствовало каждаго по одинаковымъ началамъ и, такъ сказать, единымъ движеніемъ [1]).

Въ виду этихъ соображеній комитетъ пришелъ къ заключенію, что генералъ-губернаторы должны быть сохранены только въ обѣихъ столицахъ и пограничныхъ губерніяхъ,—и это заключеніе, по журналу 4 мая 1827 г., удостоено было Высочайшаго утвержденія.

Но порѣшивъ, такимъ образомъ, съ генералъ-губернаторской должностью, Комитетъ отлично понималъ необходимость такъ или иначе создать въ губерніяхъ органъ мѣстнаго надзора.

Положеніе мѣстнаго управленія въ 70 годахъ настоящаго столѣтія прекрасно обрисовано Сперанскимъ въ его проектѣ учрежденія областного управленія (21 г.) и въ замѣчаніяхъ о губернскихъ учрежденіяхъ,

[1]) Калачовъ. Архивъ 1889 г. 69.

написанныхъ въ 1827 г. и напечатанныхъ въ архивѣ Калачова (за 1859 г.).—Губернскія мѣста, говоритъ Сперанскій, въ прямомъ смыслѣ не имѣютъ надъ собою мѣстнаго надзора; гражданскій губернаторъ, бывъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, не можетъ надзирать ни самъ за собою, ни за мѣстами, ему равными—есть надзоръ прокурорскій, но во-первыхъ, протесты его не могутъ остановить исполненія; во-вторыхъ, что значитъ надзоръ лица низшаго надъ высшими? Что значитъ надзоръ, коего послѣдствія являются мѣсяцъ, два, годъ послѣ исполненія? И что можетъ сей надзоръ, разсѣянной на многія тысячи дѣлъ судебныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ? Надзоръ съ властью исправленія, по общему учрежденію, принадлежитъ генералъ-губернаторамъ. Но тамъ, гдѣ званіе сіе нынѣ существуетъ, дѣйствіе его, яко личное и съ точностью не опредѣленное, непрестанно колеблется между самовластіемъ и послабленіемъ: тамъ-же, гдѣ нѣтъ сего званія, надзоръ чрезъ прокуроровъ прямо восходитъ въ сенатъ.—Но, во-первыхъ, есть дѣла, есть притѣсненія, упадающія на людей безгласныхъ, каковы суть сельскіе обыватели, отъ коихъ рѣдко могутъ быть жалобы; во-вторыхъ, какъ никого нельзя винить безъ отвѣта, а отвѣтъ и объясненіе безъ повѣрки документовъ на мѣстѣ, безъ сообщенія ихъ просителю, рѣдко могутъ быть достовѣрны, то и рѣшеніе сената или министерства, на нихъ основанное, случайно только можетъ быть справедливо; а случайность не правило и не замѣняетъ порядка.

Нормальнымъ органомъ мѣстнаго надзора, по мнѣнію Комитета 26 г., долженъ явиться *губернаторъ*. Это мнѣніе комитета легло въ основаніе общаго наказа гражданскимъ губернаторамъ 3 Іюня 1837 г. И дѣйствительно, оно представляется совершенно раціональнымъ и естественнымъ. Губернаторъ—нормальный, мѣстный органъ, не снабженный никакими особыми, сверхъ-законными полномочіями; онъ стоитъ одиноко, выше всякой мѣстной власти, и поэтому естественно, именно, ему поручить важную функцію надзора, требующую самостоятельности и независимости отъ мѣстныхъ вліяній.

Но поручивъ губернатору мѣстный надзоръ, Комитетъ, въ *противоположность Наказу* 37 г, отлично понималъ, что необходимо отнять у него рѣшающій голосъ въ администраціи.

Два въ одинаковой мѣрѣ замѣчательныхъ проекта представлены были въ Комитетъ 26 года—одннъ неизвѣстнымъ (Балугьянскимъ), другой Сперанскимъ. Проектъ Балугьянскаго въ особенности замѣчателенъ въ той части, которая трактуетъ о преобразованіи суда. Всѣ главныя начала судоустройства, призванныя къ жизни только судебной реформой, уже въ 27 г. горячо рекомендуются Балугьянскимъ [1]). Что же

[1]) Предположеніе учредить одну апелляціонную инстанцію и одну кассаціонную (Сенатъ) Комитетъ находилъ у насъ въ Россіи невозможнымъ.

касается губернскаго управленія вообще, то, оставляя губернаторовъ представителями губернскихъ правленій, онъ рекомендуетъ *коллегіальную* форму производства дѣлъ [1]). При обсужденіи этой записки, Комитетъ постановилъ, касательно власти губернатора, слѣдующія правила [2]): 1) Когда губернаторъ будетъ согласенъ съ мнѣніемъ всѣхъ членовъ губернскаго правленія, или же большинства ихъ, то рѣшеніе исполняется указаннымъ образомъ; 2) когда губернаторъ не согласится съ опредѣленіемъ губернскаго правленія, то имѣетъ право остановить исполненіе рѣшенія и немедленно представить дѣло на разсмотрѣніе того министерства, до кого оно по существу своему принадлежитъ, 3) въ случаяхъ важныхъ, когда нужны рѣшительныя мѣры и когда, по мнѣнію губернатора, невозможно безъ очевиднаго вреда отложить оныя до высшаго разрѣшенія, губернаторъ имѣетъ право принять ихъ и, вопреки опредѣленія губернскаго правленія, отвѣтствуя тогда какъ за самую мѣру, такъ и за ея поспѣшное исполненіе; и въ то же время доноситъ о томъ надлежащему министерству.

Функція губернаторскаго надзора выступаетъ въ этихъ опредѣленіяхъ вполнѣ отчетливо и ярко.

Другой проектъ, представленный въ Комитетъ 26 г., какъ мы уже сказали, принадлежитъ перу Сперанскаго. По мысли Сперанскаго, губернаторъ долженъ быть освобожденъ отъ предсѣдательствованія въ губернскомъ правленіи и обязанность эта должна быть возложена на вице-губернатора [3]). Въ своемъ отзывѣ на проектъ Сперанскаго, министръ внутреннихъ дѣлъ (гр. Закревскій), вполнѣ соглашается съ необходимостью освободить губернаторовъ отъ предсѣдательствованія въ губернскомъ правленіи и учредить въ сихъ послѣднихъ особыхъ предсѣдателей подъ именемъ вице-губернаторовъ.

Итакъ, изъ сказаннаго очевидно, что Комитетъ 6-го декабря 26 г. пришелъ къ слѣдующимъ двумъ выводамъ: 1) Необходимо функцію надзора поручить губернаторамъ; 2) необходимо—такъ или иначе—функцію надзора отдѣлить отъ функціи активнаго управленія.

Общій наказъ гражданскимъ губернаторамъ 3 іюня 1837 г. усвоилъ себѣ первый выводъ и пренебрегъ вторымъ.

Правда, наказъ, какъ справедливо указалъ и проф. Градовскій (ст. проектъ губернской реформы) [4]) выдвигаетъ и подчеркиваетъ, именно функцію надзора. Важнѣйшая обязанность губернаторовъ, гласитъ 345 ст. *наказа*, есть наблюденіе за точнымъ повсюду, въ управляемомъ ими краѣ, исполненіемъ государственныхъ постановленій Высочайшихъ по-

[1]) Калачовъ. Архивъ стр. 73.
[2]) Калачовъ. Архивъ 73.
[3]) Калачовъ. стр. 91. 477.
[4]) Сбор. Полит. Ист. Адм. 477.

велѣній Его Императорскаго Величества и основанныхъ на волѣ его распоряженій высшаго правительства. Наказъ старается устранить губернатора, сколько возможно, отъ непосредственной администраціи, отъ *личной* дѣятельности. Согласно 3 ст. наказа, губернаторы дѣйствуютъ или 1) черезъ предсѣдательствуемыя ими губернскія правленія, или 2) чрезъ особыя, учрежденныя для нѣкоторыхъ предметовъ, мѣста, или, наконецъ, 3) въ дѣлахъ казеннаго, судебнаго и другихъ, не входящихъ въ кругъ общаго управленія, вѣдомствъ, а также въ дѣлахъ *особо* тайныхъ, или нетерпящихъ ни *малѣйшаго* отлагательства—прямыми отъ своего лица предписаніями и распоряженіями. Ст. 324 объявляетъ гражданскихъ губернаторовъ отвѣтственными предъ высшимъ начальствомъ, между прочимъ, и тогда, если они дѣйствуютъ своимъ лицомъ въ такихъ случаяхъ, кои подлежатъ разсмотрѣнію губернскаго правленія, приказа общ. присут. или другихъ мѣстъ, состоящихъ подъ ихъ предсѣдательствомъ и когда къ изъятію оныхъ изъ сего, закономъ установленнаго порядка не было никакихъ важныхъ причинъ или особыхъ предписаній высшаго начальства.

Тѣмъ не менѣе, всѣ старанія наказа отдѣлить, такимъ образомъ, надзоръ отъ личной администраціи оказались тщетными, такъ какъ по положенію о порядкѣ производства дѣлъ въ губернскихъ правленіяхъ 1837 г. губернскія правленія остались почти тѣмъ-же, чѣмъ они были по учрежденію 1775 г., т. е. канцеляріей гражданскаго губернатора, и только [1]).

За исключеніемъ очень и очень небольшого числа дѣлъ, относящихся къ судной части (дѣла по наказанію за корчемство, за порубку лѣсовъ, по сомнѣнію въ законахъ, по вопросамъ о подсудности) и разрѣшавшихся по положенію 37 г. коллегіально [2]) (въ этомъ заключается нововведеніе, сравнительно съ учрежд. 1775 г.; можетъ быть оно допущено подъ вліяніемъ проекта Балугьянскаго), всѣ прочія, т. е. почти всѣ дѣла рѣшаются не по большинству голосовъ, а по усмотрѣнію и приказанію губернатора. Такимъ образомъ, губернаторъ, управляя губерніей черезъ губернское правленіе, управляетъ ею все-таки *лично*. Надзоръ и непосредственная администрація все-таки сосредоточиваются въ однѣхъ и тѣхъ-же рукахъ. То, что Сперанскій считалъ невозможнымъ, признается возможнымъ и желательнымъ Наказомъ 37 г., лежащимъ въ основѣ дѣйствующаго нынѣ законодательства: гражданскій губернаторъ, бывъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, надзираетъ самъ за собою.

Съ 1837 г. мѣстное управленіе наше еще не подверглось радикальной и всеобщей реформѣ. Въ основаніи Общаго Учрежденія Губернскаго, какъ упомянуто выше, и теперь лежитъ Наказъ Гражданскимъ Губернаторамъ 1837 г. Тѣмъ не менѣе, крупными законодательными рефор-

---

[1]) П. С. З. № 10, 304.

[2]) Ст. 31 Положенія (П. С. З. № 13, 304). Ст. 668 т. II св. зак. изд. 1842.

мами прошлаго царствованія, равно какъ другими менѣе значительными законами внесены существенныя измѣненія въ упомянутый Наказъ. Всѣ эти измѣненія имѣютъ одну общую и несомнѣнную тенденцію: усилить функцію губернаторскаго надзора и сократить функцію губернаторскаго управленія. Такой фактъ чрезвычайно важенъ: онъ указываетъ намъ тотъ путь, по которому должно пойти дальнѣйшее развитіе и реформированіе губернаторской должности.

Такъ, учрежденіе губернскихъ правленій 2 января 1845 г. [1]) и, позднѣе, временныя правила о преобразованіи губернскихъ учрежденій 8 іюня 1865 г. [2]) пытаются—правда, неудачно—усилить активную роль губернскихъ правленій, освободить губернатора отъ текущихъ дѣлъ управленія, поставить его внѣ губернскаго правленія и надъ нимъ. Съ другой стороны, положеніемъ комитета министровъ 22 іюля 1866 г. значительно распространены права губернаторскаго надзора [3]). Губернаторъ пріобрѣтаетъ право производить общую и внезапную ревизію даже въ такихъ административныхъ учрежденіяхъ, которыя не входятъ въ кругъ губернскихъ установленій и подчиняются своему спеціальному начальству [4]), кромѣ того, опредѣленіе къ должности чиновниковъ мѣстными административными учрежденіями различныхъ вѣдомствъ поставлено подъ контроль губернатора [5]).

На преобразованіе губернаторской должности оказали огромное вліяніе общеправительственныя реформы царствованія Императора Александра II.

Реформы крестьянская, судебная, земская и городская, введеніе всеобщей воинской повинности—освободили губернатора отъ множества судебныхъ и административныхъ обязанностей, лежавшихъ на немъ; а крестьянская, земская и городская реформы, кромѣ того, расширили

---

[1]) См. ст. 41 Нак. 37 г. (П. С. З. № 18. 580; ст. 668, т. II, ч. I Св. Зак. изд. 1842 г.; ст. 754, т. II ч., I Св. Зак. изд. 57: и затѣмъ соотвѣтственныя статьи слѣдующихъ изданій; далѣе, ст. 90 Нак. 37 г. и ст. 804 т. II Св. Зак. изд. 57 г; ст. 746, т. II Св. Зак. изд. 76 г.; ст. 521 Общ. Учрежд. Губ. т. II Св. Зак. изд. 92 г.

[2]) П. С. Зак. № 42.180; ст. 14 сравн. со ст. 52 Учр. 45 г.; ст. 35 и 20 Времен. Прав.

[3]) П. С. З. № 43.501.

[4]) Ст. 271 Общ. Учр. Губ. т. II Св. Зак. изд. 92 г.

[5]) Ст. 286 Общ. Учр. Губ. т. II Св. Зак. изд. 92. Кромѣ упомянутаго Положенія Ком. Мин. 1866 г., см. также: Именной Указъ объ улучшеніи хозяйственнаго и административнаго устройства заведенія Импер. Маріи 1866 г. (П. С. З. № 43.995). Выс. утв. положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ мин. нар. просв. (П. С. З. 48.406).—Вообще о прогрессующемъ значеніи губернаторскаго надзора срав. ст. 2.290 т. II ч. I Св. Зак. изд. 42 г.; 2.463 т. II ч. Св. Зак. изд. 57 г.; ст. 1.224 т. II ч. I Св. Зак. изд. 76 г. и, наконецъ, ст. 270 Общ. Учр. Губ. т. II Св. Зак. изд. 92 г.

сферу губернаторскаго надзора, увеличили необходимость въ мѣстной безпристрастной и надзирающей власти.

Наконецъ, необходимо указать, что законъ 12 іюля 1889 г., создавшій земскихъ участковыхъ начальниковъ, въ высокой степени способствуетъ отдѣленію отъ губернаторской должности чуждыхъ ея природѣ административныхъ функцій. Признавая полную, теоретическую и практическую, недопустимость совмѣщенія судебныхъ и административныхъ функцій въ лицѣ земскихъ начальниковъ, нельзя, съ другой стороны, не признать дѣйствительной необходимости въ уѣздномъ, *близкомъ къ мѣстности* органѣ активнаго управленія.

Еще Сперанскій, въ проектѣ о которомъ шла выше рѣчь, желая создать изъ губернаторской должности органъ правительственнаго надзора, предлагалъ учредить особую должность уѣзднаго правителя, представляющаго въ уѣздѣ лицо гражданскаго губернатора и предсѣдательствующаго въ уѣздномъ правленіи. По мнѣнію Сперанскаго, эту должность можно бы поручить уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Императоръ Николай I, соглашаясь въ принципѣ съ предположеніями Сперанскаго, полагалъ только, что едва-ли возможно избрать болѣе 500 надежныхъ чиновниковъ для подобныхъ мѣстъ; соединеніе же должности уѣзднаго правителя съ должностью предводителя дворянства врядъ-ли представляется удобнымъ. Можетъ-ли правительство имѣть увѣренность,—говорилъ императоръ,—что предводители, занимая мѣсто правителей уѣздовъ, будутъ всегда дѣйствовать сообразно съ намѣреніями (правительства), не увлекаясь, по крайней мѣрѣ, никогда желаніемъ охранять особыя выгоды того сословія, къ коему они принадлежатъ [1]).

Не раздѣляя сомнѣній императора Николая I, законъ 12 іюля 1889 г. обусловливаетъ занятіе должности земскаго начальника дворянскимъ происхожденіемъ лица. Въ этомъ—одинъ изъ наиболѣе крупныхъ недостатковъ закона; но какъ бы то ни было, создавая въ уѣздахъ сильную правительственную власть, этотъ законъ въ значительной степени способствуетъ будущему преобразованію губернаторской должности.

Таково историческое движеніе нашего законодательства по вопросу о губернаторской должности. Это движеніе еще далеко отъ своего предѣла, но тенденція его несомнѣнна: постепенно освобождаясь отъ функціи активнаго управленія, губернаторъ постепенно превращается въ органъ надзора.

II.

Обращаясь къ выясненію современнаго значенія губернаторской должности, нельзя не обратить вниманія на крайнюю неточность тѣхъ опредѣленій этой должности, какія встрѣчаются въ дѣйствующемъ правѣ.

---

[1]) *Калачовъ* п. с. стр., 102.

Ст. 292 общ. учр. губ. (св. зак. т. II изд. 1892 г.) называетъ губернатора представителемъ высшей въ губерніи власти; ст. 271 и 272 (тамъ-же)—представителемъ высшей правительственной, или административной въ губерніи власти; ст. 201 (тамъ-же)—начальникомъ и правителемъ губерніи; ст. 270 (тамъ-же) — непосредственнымъ начальникомъ губерніи, ст. 274—исполнителемъ и, такъ сказать, оберегателемъ закона и т. д.

Неточность опредѣленій губернаторской должности является прямымъ результатомъ неопредѣленности функцій ея. По дѣйствующему праву, губернаторская должность имѣетъ несомнѣнно двойственный характеръ. Во-первыхъ, губернаторъ представитель верховной власти въ губерніи; въ этомъ своемъ значеніи, онъ является, по преимуществу, высшимъ органомъ мѣстнаго надзора.—Во-вторыхъ, губернаторъ — органъ почти всѣхъ министерствъ и, прежде всего, министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ своемъ значеніи онъ участвуетъ въ активномъ управленіи, является начальникомъ или правителемъ губерніи.

I глава II раздѣла II тома св. зак. (ст. 268 и слѣд.) выдвигаетъ на первый планъ значеніе губернатора, какъ органа верховной, или высшей правительственной власти въ губерніи. Какъ таковой, губернаторъ опредѣляется и увольняется именными Высочайшими указами и вмѣстѣ Высочайшими приказами [1]). Свои отчеты губернаторъ представляетъ непосредственно Государю Императору [2]). Какъ представитель верховной власти, губернаторъ поставленъ выше всѣхъ должностныхъ лицъ губерніи, хотя бы и не подчиненныхъ ему въ служебномъ отношеніи, не смотря на сравнительное ихъ по классу должности или чину старшинство [3]).

Губернаторы получаютъ указы и повелѣнія только отъ Императорскаго Величества и правительствующаго сената и представляютъ рапорты и донесенія только Государю Императору и правительствующему сенату [4]).

Наконецъ, дѣйствующія правила объ отвѣтственности губернаторовъ за преступленія должности точно также могутъ быть объяснены исключительно воззрѣніемъ нашего законодательства на губернатора, какъ на представителя верховной власти въ мѣстности. Такъ, согласно ст. 394 общ. учр. губ. (т. II св. зак. изд. 1892 г.), губернаторы подвергаются отвѣтственности и замѣчаніямъ, выговорамъ или инымъ взысканіямъ, или же суду и удаленію отъ должности не иначе, какъ по ясному доказательству вины и по Высочайшимъ повелѣніямъ. Необходимо, впро-

[1]) ст. 203 т. II изд. 1892 г.

[2]) Ст. 391 и 393, т. II изд. 1892 г.

[3]) Ст. 292 тамъ же.

[4]) Ст. 398 тамъ-же

чемъ, замѣтить, что до самаго послѣдняго времени означенное постановленіе 394 ст. общ. учр губ. стояло въ очевидномъ противорѣчіи съ соотвѣтственными правилами устава уголовнаго судопроизводства, согласно которымъ преданіе суду должностныхъ лицъ, опредѣляемыхъ Высочайшею властью на должности не выше четвертаго класса, а слѣдовательно и губернаторовъ,—зависѣло отъ перваго департамента правительствующаго сената [1]). Указанное противорѣчіе устранено Высочайше утвержденнымъ 26 мая 1897 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ объ отвѣтственности губернаторовъ за преступленія должности. Исходя изъ того соображенія, что преданіе суду губернатора департаментомъ сената, умаляя значеніе губернаторской должности, тѣмъ самымъ колеблетъ достоинство и авторитетъ высшей власти, представителемъ которой является губернаторъ,—новый законъ обусловливаетъ приведеніе въ исполненіе опредѣленій правительствующаго сената о назначеніи надъ губернаторами слѣдствія, о преданіи ихъ суду и о временномъ или совершенномъ удаленіи отъ должности предварительнымъ испрошеніемъ Высочайшаго на сіе разрѣшенія чрезъ комитетъ министровъ.

Такова, по дѣйствующему законодательству — разумѣется въ общихъ чертахъ—характеристика губернатора, какъ мѣстнаго органа верховной, или высшей правительственной власти. Въ этомъ своемъ значеніи, какъ указано выше, губернаторъ, прежде всего, является главнымъ органомъ мѣстнаго надзора. Онъ—говоря словами закона—блюститель неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавія, пользъ государства и повсемѣстнаго точнаго исполненія законовъ, уставовъ, высочайшихъ повелѣній, указовъ правительствующаго сената и предписаній начальства [2]).

Попытаемся теперь свести и систематизировать права, принадлежащія губернатору, какъ органу мѣстнаго надзора.

Губернаторскій надзоръ проявляется въ двоякомъ направленіи: во-первыхъ, какъ надзоръ за должностными лицами,—правительственными и общественными; во-вторыхъ, какъ надзоръ за дѣятельностью учрежденій—правительственныхъ и общественныхъ.

I. Надзоръ за правительственными должностными лицами выражается въ слѣдующемъ: губернаторъ опредѣляетъ къ должностямъ или контролируетъ опредѣленіе чиновниковъ, служащихъ въ мѣстныхъ административныхъ учрежденіяхъ въ должностяхъ до VII класса включительно [3]). Всѣ представленія мѣстныхъ административныхъ начальствъ

[1]) Уст. угол. суд. ст. 1076, 1097 и 1112.
[2]) Ст. 270 общ. учр. губ. (т. II. св. зак. изд. 1892 г.).
[3]) Ст. 499, 285 и 286 общ. учр. губ. (т. II св зак. изд. 92).

за исключеніемъ контрольныхъ палатъ о награжденіи и подвѣдомственныхъ имъ лицъ идутъ чрезъ губернатора [1]),

Должностныя лица, назначаемыя на должности губернаторомъ, привлекаются имъ-же къ законной отвѣтственности [2]).

Что же касается общественныхъ должностныхъ лицъ, то, по положенію объ губ. и уѣзд. земск. учрежденіяхъ 1890 г., губернаторамъ предоставлено утвержденіе избранныхъ земскимъ собраніемъ членовъ губернской и уѣздной управы, а также предсѣдателя уѣздной управы [3]). Въ случаѣ неутвержденія избранныхъ лицъ, назначаются новые выборы, на которыхъ неутвержденныя лица уже не вправѣ баллотироваться, и только въ случаѣ неутвержденія и вновь избранныхъ управскія должности замѣщаются по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ [4]). Точно также городовое положеніе 1892 г. предоставляетъ губернаторамъ право утвержденія городскихъ головъ, ихъ товарищей и членовъ управы. Только въ губернскихъ, областныхъ и городахъ, образующихъ градоначальство, головы и товарищи ихъ утверждаются министромъ [5]). Послѣдствія неутвержденія тѣ-же, что и по земскому положенію,—съ тою, однако, разницей, что городскія должности замѣщаются по назначенію министромъ только въ столицахъ, губернскихъ, или имъ равныхъ городахъ,—въ остальныхъ-же они замѣщаются губернаторомъ [6]).

По дѣйствующему земскому и городовому положеніямъ выборные члены управы признаются состоящими на государственной службѣ [7]). Дѣла объ отвѣтственности за преступленія должности возсуждаются или постановленіями подлежащихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, или распоряженіями губернатора [8]). Наконецъ, представленіе означенныхъ лицъ къ наградамъ точно также проходитъ черезъ губернаторовъ.

---

[1]) Ст. 288 тамъ-же.

[2]) Ст. 290 тамъ же; срв. ст. 1088. п. I уст. угол. судопр.

[3]) Ст. 118 положенія. Предсѣдатели губернскихъ управъ утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[4]) Ст. 119 положенія о губ. и уѣзд. земск. учр. Проф. Коркуновъ (русское государственное право, т. II, изд. 2 стр. 431 по ошибкѣ говоритъ о замѣщеніи управскихъ должностей по назначенію министра, *или губернатора*.

[5]) Ст. 118 городового положенія. Въ столицахъ городскіе головы назначаются Высочайшею властью, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ. Думамъ предоставлено избирать для сего двухъ кандидатовъ.

[6]) Ст. 119 тамъ-же.

[7]) Ст. 124 полож. о губ. и уѣзд. зем. учр.; ст. 121 город. полож.

[8]) Что касается преданія суду, то члены уѣздныхъ земскихъ управъ, равно какъ голова, его помощникъ и члены городской управы въ уѣздныхъ или безъуѣздныхъ городскихъ поселеніяхъ предаются суду губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ; предсѣдатели земскихъ управъ и члены управъ губернскихъ, равно какъ голова, товарищъ головы и члены управы въ городахъ губернскихъ или имъ равныхъ, а также товарищъ головы и члены управъ въ столицахъ предаются

II. Переходя къ вопросу о губернаторскомъ надзорѣ за учрежденіями, необходимо различать: во-первыхъ, надзоръ за правительственными учрежденіями, находящимися въ прямой зависимости отъ губернатора (губернское правленіе, казенная палата, управленіе государственныхъ имуществъ, акцизное управленіе); во вторыхъ, надзоръ за правительственными учрежденіями, не входящими въ кругъ губернскихъ установленій и не состоящими въ прямой зависимости отъ губернатора (учрежденія по частямъ: горной, сельско-хозяйственной и соляной, почты и телеграфы и т. д.), наконецъ, въ-третьихъ, надзоръ за общественными установленіями.

Что касается учрежденій перваго рода, то надзоръ за ними выражается въ томъ, что губернаторы, въ случаѣ какихъ-либо дѣйствій, несогласныхъ съ законами, или противныхъ распоряженіямъ начальства, немедленно прекращаютъ сіи дѣйствія, даютъ дѣлу надлежащее направленіе и подвергаютъ виновныхъ взысканію [1]).

Гораздо слабѣе губернаторскій надзоръ за правительственными учрежденіями второго рода. Въ отношеніи къ нимъ губернаторы не входятъ ни въ какія непосредственныя распоряженія. Замѣтивъ въ дѣйствіяхъ этихъ учрежденій злоупотребленія или-же иное нарушеніе порядка и нерадѣніе о выгодахъ казны, они обязаны поставить имъ это на видъ; о важнѣйшихъ-же случаяхъ они доносятъ ближайшему, или даже, при безуспѣшности своихъ представленій, высшему начальству этихъ учрежденій [2]).

Наконецъ, въ Положеніи о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. и въ Городовомъ Положеніи 1892 г. подробно указаны правила губернаторскаго надзора «за правильностью и законностью дѣйствій» органовъ самоуправленія [3]). Надзоръ принадлежитъ губернатору какъ надъ дѣятельностью земскихъ собраній и городскихъ думъ, такъ и надъ дѣятельностью земскихъ и городскихъ управъ.

Дѣятельность собраній и думъ, какъ извѣстно, проявляется, во первыхъ, въ изданіяхъ *распоряженій* по частному случаю (Verfügungen) и, во-вторыхъ, въ изданіи общихъ, обязательныхъ для мѣстныхъ жителей, *постановленій* (Verordnungen). Всѣ, безъ исключенія, *постановленія* вступаютъ въ законную силу не иначе, какъ послѣ *утвержденія* ихъ губернаторомъ [4]). Изъ распоряженій только *точно* поименованныя въ законѣ подлежатъ губернаторскому утвержденію [5]). Такія распоряже-

суду совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ съ утвержденія министра; наконецъ, головы обѣихъ столицъ предаются суду по представленіямъ перваго департамента правительствующаго сената (ст. 136 пол. о губ. и уѣзд. зем. учр. и 151 город. пол.).

[1]) Ст. 279 общ. учр. губ. (т. II св. зак. изд. 1892 г.).

[2]) Ст. 362 и 363 тамъ-же.

[3]) Ст. 5 полож. о губ. и уѣзд. земск. учр., ст. 11 город. пол.

[4]) Ст. 111 полож. о губ. и уѣзд. зем. учр.; ст. 110 город. полож.

[5]) Ст. 82 пол. о губ. и уѣзд. зем. учрежд.; ст. 78 город. положенія. Точно также

нія, равно какъ и *всѣ* обязательныя для жителей постановленія, не получивъ утвержденія отъ губернатора, отмѣняются или утверждаются въ послѣдней инстанціи губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ, если губернаторъ соглашается съ мнѣніемъ его большинства, или министръ внутреннихъ дѣлъ въ противномъ случаѣ [1]). Всѣ прочія распоряженія, не подлежащія утвержденію правительственной власти, хотя и представляются также губернатору, но приводятся въ дѣйствіе безъ утвержденія его, если только въ двухнедѣльный срокъ со дня ихъ полученія губернаторъ не остановитъ ихъ исполненія [2]). Остановивъ исполненіе, губернаторъ передаетъ распоряженіе собранія или думы, остановленное за его незаконность, въ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе; въ послѣдней инстанціи дѣло рѣшается сенатомъ, если оно остановлено, какъ незаконное, или-же государственнымъ совѣтомъ и комитетомъ министровъ, если оно остановлено, какъ нецѣлесообразное; причемъ государственный совѣтъ разсматриваетъ дѣло лишь въ томъ случаѣ, если послѣдствіемъ предполагаемаго измѣненія должно явиться возвышеніе земскаго или городскаго обложенія противъ опредѣленнаго земскимъ собраніемъ или городскою думой. Для незначительныхъ городовъ, вмѣсто комитета министровъ, послѣднею инстанціей въ рѣшеніи дѣлъ означеннаго рода является министръ внутреннихъ дѣлъ [3]).

Надзоръ за дѣятельностью управъ выражается, прежде всего, въ правѣ *ревизіи*. Усмотрѣвъ изъ ревизіи, или изъ жалобы поданной ему, неправильныя дѣйствія управы, губернаторъ предлагаетъ ей о возстановленіи нарушеннаго порядка. Если управа встрѣтитъ затрудненія къ исполненію такого предложенія, дѣло—въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о городскихъ управахъ,—предварительно сообщается думѣ, которая сама можетъ отмѣнить постановленіе управы; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда рѣчь идетъ о земскихъ управахъ, дѣло непосредственно передается на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. На постановленіе этого присутствія земское собраніе и городская дума могутъ принести жалобу сенату [4]).

Такова функція губернскаго надзора.

Оставляя въ сторонѣ другія функціи губернатора, какъ представи-

---

исчислены въ законѣ распоряженія собраній и думъ, подлежащія утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 83 пол. о губ. и уѣзд. зем. учр. и 79 город. пол.).

[1]) Ст. 111, 84 и 85 полож. о губ. и уѣзд. зем. учр.; ст. 110 и 80 город. пол.

[2]) Ст. 86 пол. о губ. и уѣзд. земск. учреж.

[3]) Ст. 87–94 и 12 полож. о губ. и уѣзд. земск. учреж.; ст. 83—88 город. пол. Необходимо замѣтить, что въ сенатъ дѣло поступаетъ лишь тогда, если собраніе или дума обжалуютъ рѣшеніе губернскаго присутствія; наоборотъ, въ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ оно поступаетъ во всякомъ случаѣ, хотя бы рѣшеніе губ. присутствія и не было обжаловано.

[4]) Ст. 103, 130, 89 пол. о губ. уѣзд. земск. учр. ст. 101, 85 город. полож.

теля высшей въ губерніи власти [1]), переходимъ къ характеристикѣ его, какъ начальника и *правителя* губерніи,—другими словами, какъ мѣстнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ.

Называя губернатора правителемъ губерніи и въ то же время опредѣляя губернское правленіе, какъ высшее въ губерніи мѣсто, управляющее оною въ силу законовъ,—дѣйствующее право создаетъ, казалось бы, два управляющихъ органа, вполнѣ равносильныхъ другъ другу; причемъ законъ только повидимому разграчиниваетъ, а въ дѣйствительности какъ бы сливаетъ смежныя компетенціи этихъ органовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по смыслу закона, правительственныя функціи, осуществляемыя непосредственно и лично губернаторомъ, составляютъ какъ бы исключеніе; по общему правилу, функціи эти осуществляются губернскимъ правленіемъ. Согласно ст. 438 § 13 общ. учр. губ. (т. II св. зак. изд. 1892 г.), всѣ, вообще, дѣла, восходящія по дѣйствующимъ узаконеніямъ къ губернаторамъ и не поименованные въ ст. 430, производятся въ губернскомъ правленіи [2]). Ст. 430 исчисляетъ въ 8 пунктахъ предметы, принадлежащіе къ дѣлопроизводству губернаторскихъ канцелярій,—другими словами, состоящіе въ непосредственномъ вѣдѣніи губернатора. Казалось бы, что правительственныя функціи губернаторовъ и губернскихъ правленій закономъ вполнѣ разграничены. Дѣло, однако, въ томъ, что въ числѣ пунктовъ ст. 430 имѣется одинъ (восьмой), относящій къ дѣлопроизводству губернаторскихъ канцелярій переписку по дѣламъ, хотя въ общемъ порядкѣ и подлежащимъ производству губернскаго правленія, но требующимъ, по экстренности своей, личнаго распоряженія губернатора. По справедливому замѣчанію одного изъ ревизовавшихъ сенаторовъ, признать каждое дѣло требующимъ личнаго распоряженія губернатора вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія послѣдняго, а потому принятіе дѣла къ своему производству, или передача его по принадлежности обусловливается той энергіей, тѣмъ участіемъ, какія принимаетъ губернаторъ въ управленіи ввѣренной ему губерніей. Въ то время, какъ въ одной губерніи рѣдкое дѣло, возникшее производствомъ въ губернаторской канцеляріи, передается въ губернское правленіе, въ другой—большинство прошеній, не относящихся строго къ предметамъ вѣдомства канцеляріи, немедленно по поступленіи передается по принадлежности.

Если-бы дѣйствительно губернаторъ и губернское правленіе являлись двумя самостоятельными и другъ отъ друга независимыми управляющими органами,—въ такомъ случаѣ указанный порядокъ, разумѣется, не могъ

---

[1]) Сюда относится: охраненіе дарованныхъ законами сословныхъ преимуществъ и правъ; содѣйствіе духовенству; охраненіе правъ дворянства, сношенія чрезъ губернскаго предводителя съ дворянскимъ собраніемъ и т. д. (ст. 298 и сл. общихъ учр. губ., т. II св. зак., изд. 1892 г.).

[2]) Срав. ст. 430 прим. 2.

бы имѣть мѣста; объясняется этотъ порядокъ исключительно тѣмъ несамостоятельнымъ, служебнымъ, по отношенію къ губернатору, характеромъ, который присущъ губернскому правленію.

Ближайшее знакомство съ дѣйствующимъ правомъ и, въ особенности съ административной практикой, поскольку можно судить о послѣдней по отзывамъ начальниковъ губерній и данным сенаторскихъ ревизій,— не можетъ не привести къ тому убѣжденію, что губернское правленіе, отнюдь не будучи самостоятельнымъ управляющимъ органомъ, является *второй канцеляріей* губернатора,—и только. Губернаторъ, дѣйствуетъ ли онъ чрезъ губернаторскую канцелярію или губернское правленіе,— дѣйствуетъ, въ одинаковой мѣрѣ, рѣшительно и единолично.

Всѣ, вообще, дѣла, производимыя въ губернскомъ правленіи, по 493 ст. общ. учр. губ. (т. II св. зак. изд. 1896 г.) раздѣляются на *судныя и административныя.*

Къ суднымъ принадлежатъ важнѣйшія изъ дѣлъ губернскаго правленія,—а именно: отдача подъ судъ чиновниковъ, вопросы о подсудности, дѣла по сомнѣнію въ законахъ, дѣла по наложенію денежныхъ взысканій за упущенія по службѣ и, наконецъ, жалобы на медленность въ дѣлопроизводствѣ.

Дѣла административныя — подраздѣляются на два разряда; дѣла административныя второго разряда рѣшаются единоличною властью губернатора, или вице-губернатора или начальниковъ отдѣленій; причемъ дѣла, рѣшаемыя вице-губернаторомъ и начальниками отдѣленій, имѣютъ характеръ механически-исполнительный, не требующій какихъ бы то ни было самостоятельныхъ распоряженій [1]). Дѣла административныя перваго разряда, составляющія главное содержаніе дѣятельности губерскихъ правленій, по 497 ст., рѣшаются коллегіально постановленіями присутствія, съ утвержденія губернатора.

Казалось бы, что коллегіальный характеръ рѣшеній обезпечиваетъ— по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени—самостоятельность губернскихъ правленій. Дѣло, однако, въ томъ, что коллегіальность 497 статьи—не дѣйствительная, а, такъ сказать, фактивная коллегіальность; ибо, по 506 и 507 ст. общ. учр. губ., губернаторъ, будучи несогласенъ съ постановленіями присутствія, предлагаетъ ему свое мнѣніе, которое по дѣламъ административнымъ принимается къ исполненію. Такимъ образомъ, даже и въ смыслѣ закона, коллегіальность при рѣшеніи административныхъ дѣлъ не существуетъ; ибо заключеніе присутствія по этимъ дѣламъ имѣетъ только совѣщательный характеръ и нисколько не стѣсняетъ и не ограничиваетъ личнаго усмотрѣнія губернатора.

Остаются, такимъ образомъ, одни, такъ называемыя, *судныя* дѣла.

---

[1]) Ст. 496 общ. учр. губ. неправильно относитъ къ числу чисто-исполнительныхъ дѣлъ и дѣла, разрѣшаемыя, по 499 ст., единоличною властью губернатора.

Дѣла этого рода, по ст. 495 общ. учр. губ., рѣшаются присутствіемъ губернскаго правленія не иначе, какъ по большинству голосовъ... Но во-первыхъ, число такихъ дѣлъ весьма ограничено; по даннымъ сенаторскихъ ревизій, оно колеблется между 1—10 (въ Казанской и Уфимской губерніяхъ) и 1—17 (въ Черниговской губ.) общаго числа дѣлъ, во-вторыхъ, и судныя дѣла по даннымъ сенаторскихъ ревизій и отзывамъ самихъ начальниковъ губерній, въ дѣйствительности, рѣшаются не по большинству голосовъ, а согласно съ мнѣніемъ начальниковъ губерніи.

Фактически коллегіальнаго обсужденія дѣлъ, хотя бы и судныхъ, въ губернскихъ правленіяхъ никогда не бываетъ. По общему правилу, написанный совѣтникомъ или дѣлопроизводителемъ журналъ подписывается прежде совѣтникомъ того отдѣленія, въ которомъ дѣло производится, потомъ передается для подписи другому совѣтнику; отъ него поступаетъ къ вице-губернатору и затѣмъ посылается къ губернатору для утвержденія въ его квартиру.

Если губернаторъ не соглашается съ журнальнымъ постановленіемъ, *хотя бы и по судному дѣлу*, постановленіе это измѣняется или отмѣняется по усмотрѣнію губернатора. Въ такомъ случаѣ резолюція губернатора заслушивается губернскимъ правленіемъ, принимается, какъ обязательное для него предложеніе и приводится въ исполненіе, а прежде состоявшійся журналъ оставляется безъ дальнѣйшаго движенія.

Само собою разумѣется, что подобный порядокъ противорѣчитъ не только духу, но и прямо буквѣ закона. Для того, чтобы избѣгнуть возможнаго обвиненія въ нелегальности, въ нѣкоторыхъ губернскихъ правленіяхъ, какъ видно изъ данныхъ сенаторскихъ ревизій, практикуется слѣдующій порядокъ: *до* составленія журнала по судному дѣлу, вице-губернаторъ докладываетъ о немъ предварительно губернатору; губернаторъ кладетъ свою резолюцію и согласно этой резолюціи составляется журналъ.

Во всякомъ случаѣ, коллегіальное обсужденіе дѣлъ, хотя-бы и судныхъ, въ губернскихъ правленіяхъ никогда и нигдѣ не происходитъ.

Согласно 507 ст. общ. учр. губ. (т. II св. зак. изд. 1893 г.) членамъ губернскихъ правленій предоставляется право, въ случаѣ несогласія съ большинствомъ, заявивъ особое мнѣніе, сообщить о немъ министру внутреннихъ дѣлъ и главному начальнику края. Между тѣмъ, по отзывамъ большинства начальниковъ губерній, означенное право членовъ губернскихъ правленій остается безъ пользованія: представленія дѣлаются весьма рѣдко или даже совсѣмъ не дѣлаются, такъ что, въ теченіе 10—15 лѣтъ не было ни одного такого представленія.

По даннымъ сенаторскихъ ревизій, случаи несогласія кого-либо изъ членовъ губернскаго правленія съ мнѣніемъ губернатора составляютъ,

вообще, исключеніе и притомъ чрезвычайно рѣдкое. Такъ, напримѣръ, въ одномъ губернскомъ правленіи за 10 лѣтъ не было ни одного случая несогласія съ губернаторомъ; въ другомъ, по удостовѣренію чиновниковъ, такихъ случаевъ и совсѣмъ не бываетъ. Въ третьемъ на 3211 журнальныхъ опредѣленій былъ всего *одинъ случай* заявленія особаго мнѣнія со стороны члена присутствія губернскаго Правленія, а именно со стороны вице-губернатора.

Такимъ образомъ изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что коллегіальность губернскихъ правленій de facto не существуетъ; если-же мы примемъ во вниманіе безусловную зависимость членовъ губернскихъ правленій отъ губернатора, мы не можемъ не прійти къ тому заключенію, что этой коллегіальности не только нѣтъ, но ее и быть не можетъ. По справедливому замѣчанію одного изъ начальниковъ губерніи, коллегія полезна и является охранительницею права и закона только при условіи совершенной свободы мнѣнія, при условіи незыблемости ея рѣшеній, когда эти рѣшенія будутъ внѣ всякаго вліянія одноличной власти. Въ противномъ случаѣ, коллегія есть форма, не имѣющая содержанія, служащая только къ большему закрѣпленію дѣйствій стоящей надъ нею одноличной власти губернатора.

Къ губернскому правленію, какъ къ коллегіи, вполнѣ примѣнимы слова Бентама: «Коллегія—ширмы». За этими ширмами дѣйствуетъ единолично и самовластно губернаторъ. По замѣчанію сенаторовъ, производившихъ ревизію мѣстныхъ учрежденій, дѣйствительное значеніе губернскаго правленія сводится къ тому, что оно является *второю канцеляріей* губернатора.

Основываясь на фактахъ, собранныхъ сенаторскими ревизіями, можно было бы привести не мало примѣровъ, подтверждающихъ такое заключеніе. Сплошь и рядомъ дѣла, относящіяся къ вѣдѣнію губернскихъ правленій, не исключая даже и судныхъ дѣлъ, производятся въ губернаторскихъ канцеляріяхъ; нерѣдко въ губернаторскихъ канцеляріяхъ и губернскихъ правленіяхъ производятся совершенно однородныя дѣла; бываютъ случаи, когда по одному и тому-же дѣлу производится одновременно переписка и въ губернаторской канцеляріи, и въ губернскомъ правленіи.

Заключеніе ревизовавшихъ сенаторовъ повторяется совѣщаніемъ 81 г., выработавшимъ положенія объ устройствѣ мѣстнаго управленія, въ мотивахъ къ проекту учрежденія губернскаго управленія. По словамъ совѣщанія, созданное учрежденіемъ о губерніяхъ (1775 г.), какъ высшее въ губерніи присутствіе, управляющее оною въ силу законовъ Именемъ Императорскаго Величества, губернское правленіе... утрачивало постепенно свое значеніе и изъ первенствующей коллегіи обратилось на практикѣ въ канцелярію губернатора.

Каждый губернаторъ о своемъ губернскомъ правленіи можетъ сказать: губернское правленіе—это я. Такимъ образомъ, высшимъ органомъ активнаго министерскаго управленія является въ мѣстности губернаторъ,—и только губернаторъ.

Позволяемъ себѣ думать, что послѣ вышеизложеннаго нами отмѣченный фактъ совмѣщенія въ рукахъ губернатора функціи надзора съ функціей активнаго управленія можно считать доказаннымъ...

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, вліяетъ-ли и, если вліяетъ, то какимъ образомъ—такое совмѣщеніе на осуществленіе губернаторомъ важнѣйшей изъ своихъ функцій, составляющей, такъ сказать, essentiale губернаторской должности, а именно функціи высшаго, надвѣдомственнаго надзора.

Для этой цѣли мы послѣдовательно разсмотримъ, прежде всего, надзоръ губернатора надъ подвѣдомственными ему, какъ главному органу активнаго управленія, органами: министерства внутреннихъ дѣлъ,—губернскимъ правленіемъ и мѣстной полиціей; затѣмъ надзоръ надъ правительственными учрежденіями другихъ вѣдомствъ и, наконецъ, надзоръ надъ органами самоуправленія.

Что касается, прежде всего, управляющихъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, непосредственно подчиненныхъ губернатору, какъ главному органу активнаго управленія, то само собою разумѣется, что надъ ними нѣтъ и не можетъ быть общаго, надвѣдомственнаго надзора со стороны того-же губернатора, какъ представителя высшей въ губерніи власти: факты, собранные сенаторскими ревизіями, неопровержимо доказываютъ, въ какой степени правъ былъ Сперанскій, утверждая, что губернаторъ, бывъ предсѣдателемъ (т. е. начальникомъ) губернскаго правленія, не можетъ надзирать самъ за собою; точно также онъ не можетъ надзирать самъ за собою, будучи начальникомъ полиціи. Въ отношеніи къ губернскому правленію и полиціи, надзоръ губернатора отнюдь не является надвѣдомственнымъ надзоромъ представителя высшей въ губерніи власти, а исключительно вѣдомственнымъ, въ порядкѣ служебной іерархіи, надзоромъ начальника надъ своими подчиненными.

Недостаточность такого надзора станетъ очевидной для всякаго, кто пожелалъ-бы познакомиться съ богатымъ матеріаломъ, собраннымъ сенаторскими ревизіями 30-го года, о характерѣ дѣятельности нашихъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій.

Изъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ просвѣтительное вліяніе эпохи реформъ всего менѣе коснулось губернскаго правленія и полиціи. По сей день здѣсь паритъ еще въ полной красѣ и силѣ доброе старое время,—время, когда всякая власть, по выраженію Сперанскаго, непрестанно колебалась между самовластіемъ и послабленіемъ. Отличительною чертою дѣлопроизводства въ губернскихъ правленіяхъ по дан-

нымъ сенаторскихъ ревизій, оказывается невѣроятная, по истинѣ дореформенная, медленность его. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ обревизованныхъ губернскихъ правленій изъ числа 3,834 дѣлъ, значащихся по описямъ распорядительныхъ отдѣленій за 1880 г., самое незначительное число поступило въ 1879 и 1880 г., всѣ-же остальныя относятся къ прежнему времени, а нѣкоторыя начаты производствомъ еще въ 1860 годахъ. Въ одномъ 1882 состоялось около 100 постановленій общаго присутствія, которыми прекращены старыя дѣла за невозможностью рѣшить ихъ вслѣдствіе истеченія долгаго времени. Въ другомъ губернскомъ правленіи изъ дѣлъ, производившихся въ 1880 г., во время ревизіи, оказались начатыми: три въ 1854 г., три въ 1856 г. и вообще, начатыхъ ранѣе 1860 г. было 18 дѣлъ, ранѣе 1870 г.—161 дѣло.

По общему признанію характеръ дѣлопроизводства губернскихъ правленій исключительно бумажный, безжизненный и рутинный. Нигдѣ, такъ называемая, канцелярская «отписка» не играетъ такой значительной роли, какъ здѣсь. Время убивается на совершенно безплодную переписку не только между различными отдѣленіями одного и того-же губернскаго правленія, но даже между различными столами одного и того-же отдѣленія.

Приведу примѣръ, одинъ изъ многихъ: пятый столъ слѣдственнаго отдѣленія сообщаетъ въ четвертый столъ того-же отдѣленія, что при семъ отношеніи препровождается послѣднему дѣло о неправильныхъ дѣйствіяхъ чиновниковъ полиціи X и У. Черезъ четыре мѣсяца четвертый столъ отвѣчаетъ, что упомянутаго дѣла при сообщеніи за № такимъ-то прислано не было. Черезъ пять мѣсяцевъ при новомъ сообщеніи пятый столъ посылаетъ въ четвертый упомянутое дѣло.

Такимъ образомъ потребовалось *шесть* бумагъ и *девять* мѣсяцевъ для того, чтобы передать дѣло изъ одного стола въ другой, хотя эти столы, если не стояли рядомъ, то, по всей вѣроятности, помѣщались въ одной и той-же комнатѣ.

Необходимо замѣтить, что приведенная характеристика губернскихъ правленій является общей для всѣхъ безъ исключенія обревизованныхъ губерній. Въ виду этого нельзя, кажется, не признать, что указанное явленіе вызывается отнюдь не личными свойствами того или иного губернатора, а неправильной постановкой въ законодательствѣ и административной практикѣ вопроса о губернаторскомъ надзорѣ, вообще.

Переходя къ вопросу о губернаторскомъ надзорѣ надъ полиціей, необходимо сразу отмѣтить, что, по отзывамъ всѣхъ ревизовавшихъ сенаторовъ, надзоръ этотъ находится въ состояніи вполнѣ неудовлетворительномъ.

Хотя, по дѣйствующему законодательству, надзоръ надъ полиціей вѣдается губернскимъ правленіемъ, въ дѣйствительности, прямымъ и

непосредственнымъ начальникомъ ея является губернаторъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ полиціи, губернаторъ, по общему правилу, проявляетъ наибольшую энергію и активность. За неисполненіе губернаторскихъ требованій чины полиціи всегда подвергаются болѣе или менѣе строгимъ взысканіямъ; наоборотъ, жалобы частныхъ лицъ или заявленія другихъ вѣдомствъ, въ особенности, прокурорскаго надзора—въ большинствѣ случаевъ, оставляются безъ послѣдствій, такъ-какъ въ такихъ заявленіяхъ и жалобахъ губернаторы склонны видѣть посягательство на высокій престижъ ихъ собственной власти.

Основываясь на данныхъ сенаторскихъ ревизій, совѣщаніе 1881 г. пришло къ тому убѣжденію, что въ числѣ существеннѣйшихъ причинъ замѣчаемаго неустройства занимаетъ безспорно не послѣднее мѣсто и недостатокъ дѣйствительнаго надзора за установленіями и должностными лицами и почти *полное отсутствіе дѣйствительной ихъ отвѣтственности* за нарушеніе закона, за бездѣятельность и за допущеніе злоупотребленій.

Дѣйствительно, въ матеріалахъ, собранныхъ сенаторскими ревизіями, на каждомъ шагу встрѣчаются примѣры полнѣйшей безнаказанности должностныхъ лицъ, вообще, и чиновъ полиціи, въ особенности, за совершенныя ими, нерѣдко весьма значительныя, преступленія должности. Сплошь и рядомъ дѣла, которыя подлежали-бы судебному разсмотрѣнію, оканчиваются административнымъ взысканіемъ, а то и просто прекращаются или за продолжительностью пустой переписки, или за неразысканіемъ бумагъ. Бываютъ случаи, когда вошедшее въ силу постановленіе губернскаго правленія о преданіи суду чиновниковъ за неправильныя ихъ дѣйствія не приводится въ исполненіе по распоряженію губернатора.

И все это дѣлается во имя престижа правительственной власти, какъ будто-бы не преступленіе, а наказаніе подрываетъ этотъ престижъ.

По общему отзыву всѣхъ ревизовавшихъ сенаторовъ, важнѣйшею причиной неудовлетворительности нашей администраціи является безотвѣтственность и безнаказанность ея.

Не подлежитъ сомнѣнію, что указанное обстоятельство объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что надъ мѣстными органами активнаго управленія губернаторскій надзоръ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, т.-е. надзоръ губернатора, какъ представителя высшей въ губерніи власти—вовсе не существуетъ и, въ виду правительственныхъ функцій губернатора, существовать не можетъ.

Переходимъ къ вопросу о надзорѣ губернатора надъ мѣстными правительственными органами другихъ вѣдомствъ, непосредственно ему не подчиненными. Мы видѣли, что права губернатора по надзору надъ неподвѣдомственными ему учрежденіями, по дѣйствующему праву, весьма

ограничены. Въ дѣйствительности, какъ это видно изъ отзывовъ самихъ губернаторовъ, равно какъ изъ матеріаловъ коммиссіи 1881 г., надзоръ надъ такими учрежденіями почти номиналенъ

Причина указаннаго факта заключается въ слѣдующемъ:

Въ виду значительности правительственныхъ функцій, осуществляемыхъ губернаторомъ, послѣдній, оставаясь de jure представителемъ высшей правительственной власти, de facto мало по малу обратился въ органъ министерства внутреннихъ дѣлъ; причемъ необходимо замѣтить, что въ положеніе вѣдомственнаго чиновника означеннаго министерства губернаторъ поставленъ не въ силу закона, а въ силу обстоятельствъ, лишившихъ его на практикѣ значенія представителя высшаго правительства.

Ст. 263 общ. учр. губ., согласно которой губернаторы опредѣляются и увольняются именными Высочайшими указами и вмѣстѣ Высочайшими приказами, и въ послѣднемъ изданіи II тома (1892 г.) цитируетъ Высочайшее повелѣніе 3-го мая 1829 г., въ силу котораго представленія министерства внутреннихъ дѣлъ объ опредѣленіи губернаторовъ къ должности подлежатъ внесенію въ комитетъ министровъ. На практикѣ, однако, означенный порядокъ, никакимъ позднѣйшимъ закономъ не отмѣненный, не примѣняется вовсе, и всѣ представленія какъ объ опредѣленіи губернаторовъ, такъ и объ удостоеніи ихъ различныхъ наградъ исходятъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ и создается полная фактическая зависимость губернаторовъ отъ означеннаго вѣдомства. Такая зависимость, какъ справедливо полагаетъ совѣщаніе 1881 г., вызываетъ стремленіе другихъ вѣдомствъ обособить свои мѣстныя управленія отъ прямого вліянія на нихъ губернаторской власти.

Отсюда происходитъ та рознь въ мѣстномъ управленіи, которая охарактеризована въ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ (гр. Закревскаго), отъ 9-го февраля 1831 г., слѣдующими словами: каждая изъ сихъ частей (т.-е. отдѣльныхъ управленій) нерѣдко являетъ особенную ревность въ доказательство своей независимости отъ главнаго въ губерніи управленія. Изъ сихъ присвоеній неподчиненности происходятъ затрудненія и медленность въ производствѣ дѣлъ, сокрытіе истины и иногда несправедливая защита преступленія къ отстоянію каждаго вѣдомства, какъ будто каждая часть судится особыми законами и враждуетъ противъ другой въ защиту своихъ отдѣльныхъ правъ. Извѣстныя слова указа нынѣ царствующаго Монарха по поводу несчастія на Ходынскомъ полѣ, краснорѣчиво доказываютъ, что за истекшія 60 лѣтъ эта рознь не умѣла сгладиться или исчезнуть.

По словамъ одного изъ начальниковъ губерніи, всякое замѣчаніе губернатора, касающееся учрежденія ему не подвѣдомственнаго, принимается за неумѣстное вмѣшательство въ чужое дѣло, а донесеніе о без-

порядкахъ въ такомъ учрежденіи высшему начальству—за доносъ. Для того, чтобы создать столь необходимый надзоръ, въ одинаковой степени дѣйствительный и сильный, надъ *всѣми* мѣстными учрежденіями *всѣхъ* центральныхъ вѣдомствъ, необходимо, усиливъ функціи губернаторскаго надзора, освободить губернатора отъ функцій активнаго управленія, необходимо, по словамъ одного изъ начальниковъ губерніи, поставить губернатора на одинаковую степень іерархическихъ отношеній ко всѣмъ министерствамъ, другими словами, изъять изъ исключительнаго вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ, чтобы онъ былъ въ губерніи представителемъ не одного министерства, а правительства, вообще. Предоставленіе губернаторамъ характера представителей не одною вѣдомства, а общеправительственной наблюдательной власти, не можетъ не оказаться полезнымъ, такъ-какъ только это въ состояніи возвысить нравственное (и, прибавимъ, юридическое) значеніе начальниковъ губерній.

Что касается, наконецъ, губернаторскаго надзора надъ самоуправленіемъ, то и здѣсь мы встрѣчаемся съ вредными послѣдствіями совмѣщенія въ однѣхъ рукахъ функціи надзора съ функціей активнаго управленія.

Отзывы начальниковъ губерній, равно какъ данныя сенаторскихъ ревизій, дѣйствительно, обнаруживаютъ рѣзкій дуализмъ,—и даже, болѣе того, антагонизмъ между самоуправленіемъ и мѣстной администраціей,—антагонизмъ, котораго не отрицаютъ ни друзья, ни враги самоуправленія. Усматривая въ чрезмѣрной независимости самоуправленія главную причину указанной розни и антагонизма, послѣдняя реформа, если и не уничтожаетъ совсѣмъ, вопреки первоначальнымъ предначертаніямъ, этой независимости, то, во всякомъ случаѣ, значительно сокращаетъ ее.

Врядъ-ли, однако, именно этотъ путь можетъ привести къ желанной цѣли, т. е. къ устраненію розни между правительствомъ и самоуправленіемъ. Существеннѣйшимъ элементомъ, душою самоуправленія, въ отличіе отъ управленія министерскаго, является его независимость, Можно спорить о сравнительныхъ преимуществахъ министеріализма и самоуправленія, но признавать необходимость или желательность самоуправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать независимость его, практически и логически невозможно, ибо самоуправленіе безъ независимости—не живой организмъ, а автоматъ.

Компетенція самоуправляющагося общенія, въ отличіе отъ компетенціи правительственнаго органа, является его субъективнымъ публичнымъ правомъ; въ сферѣ этой компетенціи правительственная власть, начиная съ низшихъ агентовъ и кончая министромъ, не въ правѣ распоряжаться и повелѣвать. Роль правительственной власти необходимо сводится къ

надзору за самоуправленіемъ; этотъ надзоръ, разумѣется, долженъ быть активнымъ и сильнымъ, способнымъ остановить любой органъ самоуправленія, лишь только онъ выйдетъ за границы своего права, отмежеванныя закономъ. Самый вопросъ, однако, о наличности или отсутствіи такого нарушенія органомъ самоуправленія своей компетенціи не можетъ и не долженъ рѣшаться правительственной властью: какъ всякій споръ о правѣ, онъ подлежитъ рѣшенію судебныхъ, а въ данномъ случаѣ, судебно-административныхъ мѣстъ.

Органомъ надзора надъ самоуправленіемъ является губернаторъ; но въ то же время онъ остается и органомъ активнаго управленія. Функціи надзора и управленія представляются ему нераздѣльно-слитыми, немыслимыми одна безъ другой. Право надзора, съ точки зрѣнія губернатора, вѣдомственнаго чиновника Министерства внутреннихъ дѣлъ, является только внѣшнею оболочкой другого болѣе существеннаго права,—права распоряженія. Компетенціей всякаго учрежденія опредѣляется духъ его; губернаторъ не можетъ не думать, что надзоръ безъ права распоряженія подобенъ никуда не годной скорлупѣ безъ ядра, содержащагося въ ней. Будучи начальникомъ полиціи, начальникомъ губернскаго правленія, губернаторъ не можетъ быть органомъ надзора — и только надзора — надъ самоуправленіемъ. Одно изъ двухъ: либо онъ старается всякими способами (напримѣръ, вліяя чрезъ полицію на успѣшность поступленія земскихъ и городскихъ сборовъ) пріобрѣсти *рѣшающій* голосъ въ дѣлахъ самоуправленія, либо онъ вовсе не интересуется этими дѣлами, относясь не достаточно серьезно и строго къ своему праву надзора.

Не ясно ли, что до тѣхъ поръ, пока губернаторъ не будетъ освобожденъ отъ несвойственныхъ ему функцій активнаго управленія, рознь между администраціей и самоуправленіемъ, да и вообще, ненормальное положеніе послѣдняго представляется неизбѣжнымъ и неустранимымъ зломъ.

Мы познакомились, такимъ образомъ, съ тѣмъ, въ высокой степени нежелательнымъ вліяніемъ, какое оказываетъ совмѣщеніе разнородныхъ функцій въ рукахъ губернатора на отправленіе послѣднимъ важнѣйшей изъ своихъ функцій, а именно, функціи независимаго, общеправительственнаго надзора...

Можно было бы указать и другія, не менѣе нежелательныя послѣдствія такого совмѣщенія; для примѣра упомянемъ объ отвѣтственности губернаторовъ.

Опредѣляя порядокъ отвѣтственности, новый Законъ 1897 г., какъ извѣстно, имѣлъ въ виду губернатора, какъ органа высшей въ губерніи власти. Если-бы, дѣйствительно, губернаторъ являлся только *такимъ* органомъ, — т. е. органомъ надзора—установленный закономъ порядокъ его отвѣтственности представлялся бы вполнѣ раціональнымъ. Но именно

потому, что губернаторъ осуществляетъ не только функціи надзора, но и функціи активнаго управленія, въ дѣйствительности, однако, отвѣтственность его имѣетъ слишкомъ отвлеченный и сложный характеръ для того, чтобы въ достаточной мѣрѣ обезпечивать закономѣрность правительственныхъ мѣропріятій губернатора, какъ органа министерства внутреннихъ дѣлъ.

III.

Итакъ, историческое движеніе нашего законодательства о губернскихъ административныхъ учрежденіяхъ, равно какъ современное положеніе его, категорично свидѣтельствуютъ о неотложной необходимости кореннаго преобразованія губернаторской должности.

Еще въ 1870 г. Комитетъ министровъ нашелъ, что тщательный пересмотръ не только общаго Наказа губернаторамъ, но и, вообще, всего II тома свод. зак. о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ представляется мѣрой *настоятельно необходимой*. А между тѣмъ этотъ пересмотръ до настоящаго дня, несмотря на множество коммиссій, на затраченное время и трудъ, остается въ области благихъ пожеланій.

Тѣмъ не менѣе, вѣковая законодательная работа по вопросу о мѣстной административной реформѣ не прошла и не могла пройти безслѣдно: она привела если не къ созданію legis latae, то, во всякомъ случаѣ, къ выясненію legis ferendae.

Въ проектахъ Балугьянскаго и Сперанскаго, въ трудахъ коммиссіи 1826 года, въ проектѣ преобразованія губернскихъ учрежденій Коммиссіи 61 и 62 гг., затѣмъ въ отзывахъ начальниковъ губерній, въ проектѣ Китицына, во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ 1870 г. наконецъ, въ запискахъ сенаторовъ, обозрѣвавшихъ губерніи въ 1880 г., равно какъ въ проектахъ Коммиссіи статсъ-секретаря Каханова 1880,—мы встрѣчаемся съ одними и тѣми же основными началами будущей мѣстно-административной реформы.

Начала эти сводятся къ слѣдующему:

1) Важнѣйшія административныя дѣла по активному управленію губерніей должны рѣшаться коллегіальнымъ учрежденіемъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, подъ предсѣдательствомъ губернатора, по большинству голосовъ.

2) Губернаторъ долженъ быть освобожденъ отъ функцій активнаго управленія; онъ долженъ быть выведенъ изъ зависимости отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и обратиться въ органъ общеправительственной въ губерніи власти.

3) Губернаторскій надзоръ долженъ быть общеправительственнымъ надзоромъ; онъ долженъ распространяться на всѣ мѣстныя учрежденія (кромѣ контрольныхъ и судебныхъ) всѣхъ центральныхъ вѣдомствъ.

Признавая полную раціональность означенныхъ началъ, мы должны однако, оговорить, что самыя формы губернаторскаго надзора, равно какъ способы осуществленія его, не могутъ и не должны быть однообразными. Въ однихъ случаяхъ губернаторъ долженъ осуществлять свои права надзора единолично, въ другихъ—въ качествѣ предсѣдателя смѣшанныхъ коммисій. Одни дѣла подлежатъ утвержденію губернатора, другія ex officio заблаговременно представляются на разсмотрѣніе его, третьи—могутъ быть вытребованы губернаторомъ для разсмотрѣнія, на основаніи дошедшихъ до него жалобъ, или вслѣдствіе результатовъ ревизіи. Губернаторское veto имѣетъ характеръ въ однихъ случаяхъ абсолютный, въ другихъ—относительный; въ случаяхъ относительнаго veto, окончательное рѣшеніе по дѣлу, остановленному губернаторомъ, зависитъ либо отъ судебно-административныхъ мѣстъ, либо отъ высшаго начальства того присутствія, коего рѣшеніе губернаторомъ остановлено.

Однимъ словомъ, тонкая индивидуальность способовъ и формъ губернаторскаго надзора необходима для того, чтобы этотъ надзоръ соотвѣтствовалъ индивидуальному характеру различныхъ категорій дѣлъ, производимыхъ въ различныхъ правительственныхъ мѣстахъ.

Одна только форма надзора—или, точнѣе, quasi-надзора — не можетъ и не должна быть предоставлена губернатору: это, такъ называемый, надзоръ съ правомъ *исправленія*; ибо такой надзоръ ничѣмъ не отличается отъ активнаго управленія, и, во всякомъ случаѣ, легко переходитъ въ него.

По проекту коммиссіи 1881 г., губернское правленіе упраздняется вовсе. Для разсмотрѣнія и разрѣшенія вопросовъ и важнѣйшихъ дѣлъ по всѣмъ отраслямъ управленія, для обсужденія и принятія экстренныхъ мѣръ, по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, для разрѣшенія наиболѣе важныхъ дѣлъ, вѣдаемыхъ нынѣ губернскимъ правленіемъ, проектъ создаетъ особое коллегіальное учрежденіе, подъ именемъ присутствія губернскаго управленія, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ шести независимыхъ отъ губернатора членовъ [1]); дѣла въ присутствіи губернскаго управленія рѣшаются по большинству голосовъ.

Губернаторъ, по проекту, есть главный въ губерніи органъ высшаго правительства (стр. 4); губернаторъ опредѣляется и увольняется Высочайшими указами и вмѣстѣ приказами. При открытіи вакансій Комитетъ министровъ повергаетъ на Высочайшее благоусмотрѣніе избраннаго имъ кандидата изъ числа лицъ, представляемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (стр. 88). Губернаторъ удостоивается наградъ по представленіямъ

[1]) Члены присутствія губернскаго управленія: вице-губернаторъ, начальникъ финансоваго управленія въ губерніи, прокуроръ окружнаго суда, предсѣдатель губернской земской управы и, наконецъ, одинъ членъ по избранію губернскаго земскаго собранія (стр. 65).

Комитета Министровъ, основаннымъ на ходатайствѣ министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 89). Губернаторъ привлекается къ отвѣтственности и предается суду по постановленію правительствующаго сената. Кромѣ непосредственнаго начальства надъ полиціей, которое по мнѣнію большинства коммиссіи, должно быть оставлено за губернаторомъ [1]), вѣдѣнію губернатора, какъ главнаго въ губерніи органа высшаго правительства, подлежитъ:

а) надзоръ за дѣятельностью *всѣхъ* гражданскихъ установленій и должностныхъ лицъ, входящихъ въ составъ уѣзднаго и губернскаго управленій,

б) принятіе всѣхъ необходимыхъ мѣръ къ обезпеченію исполненія въ губерніи законовъ, требованій высшаго правительства и обязанностей, возложенныхъ на отдѣльныя установленія и должностныхъ лицъ (ст. 87).

Таковы основныя начала губернской административной реформы, предположенныя совѣщаніемъ 81 г. Они не осуществлены еще до нашихъ дней; но раньше или позже они будутъ, они должны быть осуществлены. Законность въ управленіи—такова величайшая цѣль законодательной политики. Управленіе должно быть подзаконнымъ потому, что произволу нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ современномъ правовомъ государствѣ,—въ государствѣ, которое, по 47 ст. Осн. Зак., управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ. Съ развитіемъ правосознанія общество начинаетъ понимать, что награждающій произволъ ненавистнѣе и страшнѣе карающаго закона. Управленіе должно быть подзаконнымъ, потому что только въ отношеніи къ подзаконной власти, подданный является субъектомъ публичныхъ правъ, — лицомъ, а не вещью. Оно должно быть подзаконнымъ, потому что иначе невозможна та политическая свобода, которая, по словамъ Монтескье, заключается въ спокойствіи духа, проистекающемъ изъ увѣренности въ неприкосновенномъ характерѣ своихъ правъ.

Законность,—это слово способно вдохновить законодателя на тяжелый трудъ обновительной реформы, необходимость которой давнымъ-давно сознана верховною властью; въ этомъ словѣ—будущность страны, законъ мирнаго и гармоничнаго развитія государственныхъ и гражданственныхъ началъ.

Для того, чтобы идея законности управленія, вообще, и мѣстнаго управленія, въ частности, получила надлежащее осуществленіе,—конечно, недостаточно одной реорганизаціи губернаторской должности; необходимо и надлежащее устройство административной юстиціи, и правильная по-

[1]) Меньшинство (три члена противъ шести) проектировали учрежденіе особыхъ начальниковъ полиціи (о мотивахъ см. отд. IV пол. 60).

становка въ законѣ вопросовъ самоуправленія, и измѣненіе судопроизводственныхъ правилъ о преданіи суду чиновниковъ за преступленія должности, и т. д., и т. д.

Но въ связи съ этими реформами, въ высшей степени необходимо учрежденіе въ мѣстности сильнаго и независимаго правительственнаго органа надзора. Такой органъ необходимъ вездѣ, онъ, въ особенности, необходимъ у насъ, гдѣ общество не контролируетъ дѣятельности правительственныхъ учрежденій чрезъ посредство своихъ представителей и контролируетъ ихъ въ слишкомъ недостаточной степени чрезъ посредство печати.

Органомъ сильнаго и независимаго общеправительственнаго надзора въ губерніи можетъ и долженъ быть освобожденный отъ функцій активнаго управленія губернатора. Такой губернаторъ — губернаторъ пореформенный—разумѣется, мало будетъ похожъ на современнаго. Въ наше время, по общему правилу, губернаторы вербуются изъ числа лицъ, прошедшихъ чрезъ военную школу, именно потому, что они являются, прежде всего, органами активнаго управленія; губернаторъ будущаго, т. е. губернаторъ, какъ органъ надзора — по необходимости, долженъ быть юристомъ; ибо для того, чтобъ охранять законность, нужно, прежде всего, знать законъ.

Такой губернаторъ, поставленный внѣ активнаго управленія для надзора за нимъ, сослужитъ хорошую службу великому дѣлу законности.

Вл. Гессенъ.

---

* * *

Я хочу быть любимой тобой—
Не для знойнаго сладкаго сна,
Но—чтобъ связаны вѣчной судьбой
Были наши навѣкъ имена.

Божій міръ такъ отравленъ людьми,
Эта жизнь такъ скучна и темна.
О, пойми, о, пойми, о, пойми,—
Въ цѣломъ свѣтѣ всегда я одна!

И гнететъ меня горькій недугъ,
И нѣтъ радостей мнѣ на землѣ.
Безъ любви, безъ друзей, безъ подругъ,
Я скитаюсь въ полу́ночной мглѣ.

И молитва моя холодна,
И томлюсь я въ нѣмой тишинѣ:
Я одна, я одна, я одна,
И никто не склонится ко мнѣ.

И никто не протянетъ руки,
Не освѣтитъ мой тягостный путь.
Отъ сомнѣній, отъ мукъ, отъ тоски—
Не могу я ни съ кѣмъ отдохнуть.

И, сгорая, устала я пѣть,
Я не слышу родныхъ голосовъ.
«Умереть, умереть, умереть!»
Мнѣ лепечетъ немолкнущій зовъ.

Я не знаю, гдѣ правда, гдѣ ложь,
Я затеряна въ мертвой глуши.
Что мнѣ жизнь, если ты оттолкнешь
Этотъ крикъ наболѣвшей души?

Пусть другіе бросаютъ цвѣты
И мѣшаютъ ихъ съ прахомъ земнымъ,
Но—не ты, но—не ты, но—не ты,
О властитель надъ сердцемъ моимъ!

И навѣки я буду твоей,
Буду кроткой, покорной рабой,
Безъ упрековъ, безъ слезъ, безъ затѣй...
Я хочу быть любимой тобой!

М. Лохвицкая.

Леонардо-да-Винчи.

его жизнь и научно-философскіе труды.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

4-го Апрѣля 1896 г., въ свѣтлый солнечный день, я подъѣзжалъ къ Анкіано, мѣсту рожденія Леонардо-да-Винчи. Анкіано—это небольшое селеніе, вблизи отъ городка Винчи, у подножія Албанскихъ горъ. Сѣвъ въ вагонъ желѣзной дороги во Флоренціи, я вышелъ въ Эмполи, а оттуда до Винчи приходилось ѣхать на лошадяхъ, въ оригинальной повозкѣ подъ балдахиномъ. Передохнувъ въ Винчи, я направился въ Анкіано, нетерпѣливо ожидая впечатлѣній отъ этого мало посѣщаемаго, но многозначительнаго для искусства угла Италіи. Со мною ѣхалъ одинъ изъ видныхъ обывателей Винчи, интеллигентный итальянецъ среднихъ лѣтъ, Роберто Мартелли, который неумолчно говорилъ мнѣ о Леонардо-да-Винчи. Подъ его наблюденіемъ находятся разныя бумаги, манускрипты и рѣдкостныя сочиненія, относящіяся въ великому художнику. Онъ знакомъ съ Уціелли и является живымъ посредникомъ между Анкіано и его немногочисленными посѣтителями. Наша повозка неторопливо поднималась въ гору. Горы тѣснились по сторонамъ, съуживая горизонтъ. Иногда Мартелли, какъ-бы провѣряя знанія иностранца, заговаривалъ о какой-нибудь подробности изъ жизни Леонардо-да-Винчи и, получивъ реплику, оживлялся, дѣлалъ летучія обобщенія, пояснялъ давно прошедшую эпоху примѣрами изъ современнаго быта. Дорога, обсаженная деревьями, проходила полями, и мой спутникъ разсыпалъ мѣстныя словца и наименованія окружающихъ растеній, описывалъ ихъ цвѣтъ и плоды... Въ Анкіано я пробылъ почти цѣлый день, остановившись въ томъ самомъ старинномъ домикѣ, гдѣ, по преданію, родился великій магъ XV—XVI вв. Я поднимался на горы, дышалъ холоднымъ вѣтрянымъ воздухомъ Монте-Альбано и съ головокружительнымъ упоеніемъ смотрѣлъ на разстилающійся оттуда горизонтъ Тосканы, съ сверкающимъ во мглѣ шпицемъ винчіанской башни. По мѣрѣ подъема долина

точно убѣгала вдаль, сначала медленно, неуловимо,—потомъ, на какомъ-то поворотѣ, внезапно развернулась во всю ширь и слилась съ смутной, чуть замѣтной синевою далекаго моря. Маленькое, чуть бѣлѣющее гнѣздо—Винчи—расплылось въ дымномъ отдаленіи, а Анкіано, съ его нѣсколькими убогими постройками, совсѣмъ скрылось изъ глазъ. На вершинѣ горы холодный вѣтеръ свисталъ въ ушахъ и рвалъ платье. Я думалъ о томъ, что такой же грандіозный, суровый горизонтъ, съ темнѣющими горами и блѣдными мглистыми далями разстилался и передъ молодымъ Леонардо, которому суждено было въ этихъ мѣстахъ впервые увидѣть великолѣпіе и безбрежность божьяго міра. Здѣсь, въ Анкіано, онъ воспринялъ тѣ первыя впечатлѣнія, которыя возбудили его широкую любознательность, его неугомонную потребность носиться холоднымъ и подвижнымъ, какъ вѣтеръ, умомъ надъ тайнами безграничной природы. Чѣмъ больше я вникалъ въ произведенія Леонардо-да-Винчи, тѣмъ больше улавливалъ внутреннее родство его души и этихъ подавляющихъ пространствъ, въ которыхъ почти пропадаетъ крошечное Анкіано.

Происхожденіе Леонардо-да-Винчи окружено неясностями. Отецъ его, флорентинскій нотаріусъ Піеро-да-Винчи, имѣлъ летучую романическую исторію съ нѣкоею Катериною изъ Анкіано, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Піеро Каттабрига. Ея положеніе, ея характеръ, ея внѣшность—все это остается неизвѣстнымъ для біографовъ художника, современныхъ ему и позднѣйшихъ. Только одна фраза Анонима указываетъ на то, что это была «женщина хорошей крови». Установленъ годъ рожденія Леонардо-да-Винчи—1452, но дальнѣйшія свѣдѣнія о его дѣтской жизни теряются въ туманѣ. Извѣстно, что онъ былъ усыновленъ отцомъ, который былъ трижды женатъ, извѣстно также, что отецъ принялъ на себя заботы о его образованіи, отдавъ его въ лучшую живописную школу того времени—школу своего друга Верроккіо, но все самое характерное—обстановка жизни, вліяніе матери, соотношеніе ихъ натуръ и физіономій—пропало для художественной критики. Изящная фигура Леонардо-да-Винчи появляется въ исторіи изъ мглы романической легенды. Но всѣ современные ему біографы, Вазари, Анонимъ, Паоло Джіовіо, согласно показываютъ, что это былъ человѣкъ обольстительной наружности, гибкій, граціозный, обвѣянный чарами разнородныхъ талантовъ. Удивительный по яркости обрисовки разсказъ Вазари, при всѣхъ своихъ фактическихъ погрѣшностяхъ, даетъ намъ живое представленіе объ этомъ исключительномъ человѣкѣ. Вазари начинаетъ свою біографію нѣсколько приподнятыми словами о томъ, что небо иногда изливаетъ всю свою благодать на одного человѣка, соединяя въ немъ высшія доступныя на землѣ дарованія. Такимъ именно человѣкомъ былъ Леонардо-да-Винчи. Кромѣ красоты, которую нельзя достаточно похвалить словами,—говоритъ Вазари,—въ немъ была грація, «болѣе чѣмъ безконечная въ каждомъ его движеніи». И такъ великъ

былъ его геній, что къ какимъ-бы труднымъ вещамъ онъ ни обращался,—онъ все разрѣшалъ съ легкостью. Такимъ же обаятельнымъ человѣкомъ рисуется Леонардо-да-Винчи и у Паоло Джіовіо, и у Анонима, и у Ломаццо. Онъ умѣлъ говорить съ рѣдкимъ совершенствомъ, хотя и не былъ по натурѣ многорѣчивымъ ораторомъ. Надо думать, что въ словахъ его чувствовался уже въ самые ранніе его годы тотъ особенный умъ, острый, сухой и гибкій, который долженъ былъ дѣлать его опаснымъ оппонентомъ въ самыхъ серьезныхъ бесѣдахъ. Онъ былъ сдержанъ и, при всей граціи и подвижности, загадочно тихъ. Вазари разсказываетъ, что, не будучи богатымъ по положенію, онъ держалъ слугъ и краснвѣйшихъ лошадей и велъ жизнь съ нѣкоторымъ чувственнымъ блескомъ. Показанія другихъ біографовъ не противорѣчатъ этимъ словамъ Вазари. Можно предположить, какъ на это указываетъ Аморетти, что уже въ то время онъ имѣлъ заказы, которые доставляли ему средства для удовлетворенія своимъ изысканнымъ вкусамъ и прихотямъ. Широкая извѣстность молодого Леонардо—съ его обворожительной наружностью, чудеснымъ «сладчайшимъ» голосомъ, выдержанными свѣтскими манерами, отъ которыхъ вѣяло природнымъ холодкомъ Албанскихъ горъ, съ его артистическою игрою на странной лирѣ—собственнаго изобрѣтенія,—росла съ каждымъ днемъ, возбуждая къ нему общее вниманіе. Другого такого юноши не было и не бывало во Флоренціи. Онъ стоялъ выше всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, по уму, по талантамъ, по энциклопедичности знаній и казался непостижимымъ. О немъ говорили, о немъ шумѣла молва, въ которой восхищеніе смѣшивалось съ недоумѣніемъ, и уже кипѣла зависть, смягчаемая по отношенію къ другимъ характерамъ теплой человѣчной симпатіей. Имя Леонардо было у всѣхъ на устахъ—онъ былъ и казался молодымъ львомъ, съ величавымъ, хотя и затаеннымъ хищничествомъ, съ особенными холодными страстями, съ тою покровительственною гордынею, которая позволяла ему бродить въ толпѣ безъ опасенія слиться съ нею. Онъ вездѣ оставался самимъ собою, царилъ надъ людьми, какъ недосягаемая вершина, и давалъ чувствовать превосходство своего замысловатаго генія даже въ обществѣ такихъ людей, какъ замѣчательнѣйшій географъ и математикъ своего времени Тосканелли, у котораго онъ, можетъ быть, бралъ спеціальные уроки.

Занимаясь разнородными науками, онъ возбуждалъ въ то-же время изумленіе своимъ живописнымъ талантомъ. Научныя занятія какъ-то особенно претворялись въ его фантазіи, входили въ его художественную работу, какъ небывалый, чудодѣйственный элементъ. Въ этомъ отношеніи каждая строка въ біографіи Вазари бросаетъ ослѣпительный свѣтъ на фигуру молодого живописца. Онъ сдѣлалъ для португальскаго короля картонъ Адама и Евы во время ихъ грѣхопаденія. Въ картонѣ этомъ изображены различныя травы, растенія, животныя съ такою тщательностью и такимъ правдоподобіемъ, что «ни одинъ божественный талантъ не могъ-бы создать ничего болѣе совершеннаго». Здѣсь изображено, между про-

чимъ, фиговое дерево съ вѣтвями и листьями, вырисованными съ такою тонкостью, что нельзя достаточно надивиться терпѣнію художника. Здѣсь-же представлена пальма—съ такою рельефностью, съ такимъ искусствомъ, что ее могли создать терпѣніе и талантъ одного Леонардо. Вотъ что говоритъ Вазари объ одномъ изъ первыхъ, не дошедшихъ до насъ, произведеній Леонардо-да-Винчи. Онъ ни однимъ словомъ не отмѣчаетъ живыхъ человѣческихъ фигуръ этого картона—Адама и Евы, но восхищается травами, деревьями, животными, сдѣланными съ неподражаемымъ проникновеніемъ въ жизнь природы. Будущій естествоиспытатель уже даетъ знать себя въ этомъ картонѣ. Посѣщая капеллу Бранкаччи, которая была въ то время вліятельною школою для всѣхъ начинающихъ живописцевъ, онъ, можетъ быть, вдохновился темою Мазаччіо, но не наивные первообразы людей, геніально намѣченные этимъ художникомъ, а роскошная фауна и флора земного рая всего болѣе захватили воображеніе Леонардо-да-Винчи. Другое произведеніе его въ этомъ періодѣ его дѣятельности—Мадонна, сдѣланная для папы Климента VII. Превосходная картина—кратко замѣчаетъ Вазари, и сейчасъ-же переходитъ къ характерной для художника детали. Между другими вещами, говоритъ онъ,—Леонардо изобразилъ стеклянный сосудъ съ цвѣтами, наполненный водою. Вода эта, на своей поверхности, кажется совсѣмъ живою и влажною, болѣе живою, чѣмъ настоящая вода. Опять-таки не Мадонна вызываетъ восхищеніе художника-біографа, а предметы природы, переданные съ волшебной реальностью. Далѣе Вазари разсказываетъ, что Леонардо-да-Винчи изобразилъ Нептуна, несущагося на колесницѣ по бурному морю, окруженнаго дельфинами и морскими чудовищами. Естественно-научныя познанія художника начинаютъ уже соединяться въ какія-то замысловатыя фантазіи, реальныя въ своихъ подробностяхъ, химерическія по своей сложности, и, быть можетъ, вполнѣ современныя для ренессанса по своей внѣшней темѣ. Иногда въ такихъ темахъ Леонардо-да-Винчи возвышался до неслыханной виртуозности и ошеломляющихъ эффектовъ. Такъ онъ сдѣлалъ голову Медузы — съ необычайнымъ сплетеніемъ змѣй, не поддающимся никакому описанію. Можно сказать съ полною увѣренностью, что змѣи эти казались столь-же живыми и правдоподобными, какъ вода, травы и животныя въ другихъ его юношескихъ опытахъ. Онъ навѣрное наблюдалъ змѣй, зналъ ихъ различныя породы, любовался ихъ влажнымъ блескомъ, ихъ коварными извивами, наблюдалъ со скрытой любовью ко всему ядовитому. Онъ былъ при этомъ въ родной стихіи, какъ единственный въ своемъ родѣ художникъ, съумѣвшій соединить интересы самаго точнаго и тонкаго знанія съ демоническими грезами и фантазіями. Наконецъ—отмѣтимъ послѣдній любопытнѣйшій разсказъ Вазари. Однажды Піеро-да-Винчи, отецъ Леонардо, передалъ сыну круглый щитъ изъ фиговаго дерева (rotella di fico) съ просьбою расписать его по своему усмотрѣнію. Леонардо тщательно обработалъ поверхность щита, залилъ ее гипсомъ и сталъ придумывать, что-бы изобразить на немъ особенно страшнаго и

чудовищнаго. Онъ собралъ въ своей рабочей комнатѣ, куда никто не допускался, самыхъ разнообразныхъ животныхъ — ящерицъ, сверчковъ, бабочекъ, саранчу, летучихъ мышей. Изъ всѣхъ этихъ животныхъ онъ сдѣлалъ одно невѣроятное сочетаніе, представивъ летящее чудовище, которое изрыгаетъ ядъ изъ пасти, огонь изъ глазъ, дымъ изъ ноздрей. Мастерская художника наполнялась удушливымъ смрадомъ отъ издыхающихъ живыхъ тварей, но Леонардо не чувствовалъ этого—изъ великой любви къ искусству, замѣчаетъ Вазари. Когда картина была готова, Леонардо освѣтилъ ее особеннымъ образомъ и позвалъ отца. Піеро-да-Винчи, при первомъ взглядѣ на произведеніе сына, съ ужасомъ отшатнулся... Однако Вазари, быть можетъ, ошибается, говоря, что Леонардо-да-Винчи не чувствовалъ смрада издыхающихъ животныхъ. Онъ долженъ былъ его чувствовать, этотъ изысканный эстетикъ съ тонкимъ обоняніемъ, но самый запахъ гніенія и разложенія могъ шевелить въ немъ какіе-то нервы, волновать его творческую изобрѣтательность при созданіи отвратительнаго чудовища. Невинныя бабочки и зловѣщія летучія мыши, холодныя молчаливыя ящерицы, тихо поющіе сверчки, хищная саранча — все разлагалось въ его комнатѣ, распространяя въ воздухѣ ядовитый дурманъ и отраву. Въ этой атмосферѣ своеобразно-чувственная натура Леонардо-да-Винчи раскрывалась въ ужасающихъ образахъ, въ которыхъ правда природы превращалась въ схоластически запутанную химеру. Позднѣе, по тому-же кудесническому методу, съ гипнозомъ музыкальныхъ звуковъ и причудливыхъ буффонадъ, писалась во Флоренціи знаменитая Джіоконда, это искусственное сочетаніе разныхъ историческихъ эпохъ въ одномъ утонченно-хищномъ образѣ. Отъ rotella di fico до Джіоконды Леонардо шелъ естественнымъ путемъ своихъ научно-философскихъ склонностей и странныхъ внутреннихъ влеченій.

Эти странныя влеченія проникали въ самыя серьезныя его занятія, а иногда заставляли его съ тихимъ смѣхомъ придумывать разныя шутки, которыя тоже содѣйствовали его славѣ—славѣ всемогущаго чародѣя. Наука въ его рукахъ то являлась орудіемъ широкихъ культурныхъ усовершенствованій — онъ убѣдительно доказывалъ возможность провести каналъ между Флоренціей и Пизой, отведя воду изъ Арно, предлагалъ поднять баптистерій San-Giovani, подведя подъ него новое основаніе съ лѣстницей, безъ малѣйшаго потрясенія его,—то разсыпалась на мелкія выдумки, волнуя пылкое воображеніе флорентинцевъ. Такъ, въ старинныхъ итальянскихъ біографіяхъ Леонардо-да-Винчи разсказывается, что онъ выдѣлялъ изъ разныхъ вещей зловонные газы и незамѣтно распространялъ ихъ въ комнатахъ, чтобы изгнать оттуда людей. Для этой цѣли онъ прибѣгалъ къ слѣдующему коварству: онъ раскладывалъ по комнатамъ длинныя извивающіяся кишки и, сидя у себя, накачивалъ въ нихъ газы посредствомъ мѣховъ. Можно себѣ представить, въ какомъ смущеніи уходили нежеланные посѣтители дома, съ какимъ недоумѣніемъ они размышляли о причинахъ внезапно распро-

страняющагося зловонія. А молодой хитроумный Леонардо смѣялся надъ наивными жертвами своихъ научныхъ затѣй. Иногда онъ производилъ веселые для него опыты надъ спящими людьми, устраивая приборы, которые внезапно поднимали изголовье постели. Спящіе, сброшенные съ постели невидимою рукою, должны были просыпаться съ ужасомъ, какъ отъ игры нечистыхъ силъ. А Леонардо на слѣдующее утро съ безмятежнымъ лицомъ и ехидной усмѣшкой въ душѣ выслушивалъ ихъ разсказы.

Такъ среди разнообразныхъ занятій, почти необозримыхъ по своей ширинѣ и заключавшихъ въ себѣ живые элементы величайшихъ будущихъ открытій и изобрѣтеній, складывалась жизнь молодого художника. Его рисунки уже пользовались огромной извѣстностью, картины возбуждали интересъ своей глубокомысленной новизной. Школа Верроккіо, этого оригинальнѣйшаго генія своего времени въ живописи и скульптурѣ,—въ лицѣ Леонардо пріобрѣла могучую силу для переработки общепринятыхъ эстетическихъ понятій, для разрушенія всякихъ привычныхъ устоевъ, даже наиболѣе человѣчныхъ и внутренне необходимыхъ. Лица освѣтились утонченной интеллигентной улыбкой, передающей демоническую дерзость новыхъ художниковъ. Цвѣтущее искусство Тосканы, съ его теплыми, свѣжими красками, съ его наивными формами, вдругъ заволоклось разъѣдающимъ сѣрымъ дымомъ. Никто изъ школы Веррокіо, которая воздвигала свои эстетическіе образы на строго-научныхъ основаніяхъ, не произнесъ ни одного подозрительнаго слова, не положилъ на полотно ни одной черты, явно возмутительной для нравственнаго чувства, но эти странныя, болѣзненныя, рахитичныя лица, съ ихъ двусмысленными улыбками, съ ихъ недобрыми, острыми взглядами, были окружены какой-то атмосферой разложенія, заражали демоническими настроеніями однихъ и приводили въ негодованіе другихъ. Незамѣтно выростало молодое поколѣніе, которое, переживъ двойственность ренессанса, выдвинуло нѣсколькихъ блестящихъ представителей, переработавшихъ латинское язычество въ оригинальную болѣзненную психологію. Никакихъ обличительныхъ документовъ, никакихъ достовѣрныхъ доказательствъ не было, а между тѣмъ, надъ двумя главарями новаго художественнаго движенія уже повисла скверная хула, приведшая ихъ на скамью подсудимыхъ. 9-го апрѣля 1476 г. Веррокіо и Леонардо-да-Винчи были привлечены къ отвѣтственности по анонимному обвиненію, брошенному въ спеціально для этого предназначенный ящикъ, in tamburo, на стѣнѣ Palazzo Vecchio. Обвиненіе гласило, что сорокалѣтній учитель, Веррокіо, и двадцатичетырехлѣтній ученикъ, Леонардо-да-Винчи, тайно нарушаютъ законы нормальной нравственности. По судебному приговору отъ указаннаго числа обвиняемые были условно оправданы: absoluti cum conditione ut retamburentur—оправданы до слѣдующаго такого-же обвиненія. Черезъ два мѣсяца въ томъ-же 1476 г. Веррокіо и Леонардо-да-Винчи опять были привлечены къ судебной отвѣтственности и на этотъ разъ окончательно оправданы. Нужно замѣтить, что документы по этому дѣлу, сохраняе-

мые въ флорентинскомъ Архивѣ, до сихъ поръ никому не показаны, несмотря на протесты и хлопоты даже такого хорошо поставленнаго въ Италіи ученаго, какъ Уціелли. Обозрѣнію изслѣдователей доступна только краткая формула приговора, приведенная выше. Самъ Уцiелли, во второмъ томѣ своихъ «Ricerche», оспаривая нѣкоторыя неосторожныя слова Рихтера, съ паѳосомъ обороняетъ память Леонардо-да-Винчи отъ этой злокачественной хулы. Къ обвиненію посредствомъ tamburo, т. е. къ анонимному доносу могли прибѣгнуть только недобросовѣстные люди,—говоритъ онъ,—иначе они, навѣрно, явились-бы на судъ съ неопровержимыми доказательствами. Такая защита Уцiелли отличается наивностью: столь умные и предусмотрительные люди, какъ Верроккіо и Леонардо-да-Винчи, зная, что нарушеніе законовъ «нормальной Венеры» влечетъ за собою уголовную отвѣтственность, не могли-бы, конечно, дать недоброжелателямъ никакихъ явныхъ противъ себя уликъ. На формальномъ судебномъ процессѣ они должны были держать себя, какъ люди, презирающіе бездоказательную инсинуацію. Затѣмъ Уцiелли указываетъ на собственныя слова Леонардо-да-Винчи, въ летучей сентенціи объ отношеніяхъ двухъ половъ, гдѣ онъ говоритъ, что людямъ подобаетъ слѣдовать законамъ природы и строго блюсти «Venerem obversam». Эти слова кажутся и Уцiелли, и Сеайлю неопровержимымъ доказательствомъ нравственнаго здравомыслія Леонардо-да-Винчи. Но строгое критическое изученіе обстоятельствъ жизни и художественныхъ произведеній Леонардо-да-Винчи, въ которыхъ воплотились тайны его души, не позволяетъ довѣряться обычнымъ изрѣченіямъ мудраго и житейски-умнаго художника. Обвиненіе посредствомъ tamburo могло быть злостнымъ извѣтомъ,—во всякомъ случаѣ, оно не можетъ считаться доказаннымъ,—но нельзя не видѣть сквозь отдаленіе эпохи источника этого обвиненія, его навязчивой логики въ связи съ двусмысленными улыбками и чертами своеобразнаго вырожденія въ произведеніяхъ Верроккіо и Леонардо-да-Винчи. Они возбуждали странную молву, смущали и пугали здоровое нравственное чувство. Ядовитая сплетня, которая вилась и разросталась вокругъ молодого красавца и изящнаго щеголя Леонардо, не могла захватить въ связи съ нимъ ни одного женскаго имени—ни одинъ изъ его біографовъ не указываетъ даже намекомъ на какія-либо его сердечныя увлеченія,—и сплетня кинулась туда, куда смотрѣли со скрытой дерзостью глаза его загадочно-улыбающихся образовъ. Обвиненіе, котораго нельзя подтвердить никакими внѣшними доказательствами, остается одною изъ очень важныхъ подробностей въ біографіи Леонардо-да-Винчи, бросая свѣтъ на эту развращенную эпоху и на внутреннюю жизнь самого художника, съ его научными интересами, съ его многосторонними экспериментами и неудовлетворенностью всѣмъ ординарнымъ, обычнымъ. Его оригинальный, внѣшне-обаятельный обликъ входитъ въ ту особенную культурную полосу, которая несетъ въ себѣ приговоръ надъ всѣми попытками возродить отжившія классическія понятія и отжившую жестокую красоту.

Съ этого момента источникомъ для біографіи Леонардо-да-Винчи является Аморетти. Показанія Вазари, при богатствѣ превосходныхъ психологическихъ замѣчаній, и отрывочныя сообщенія Анонима, Паоло Джіовіо, Ломаццо не даютъ точнаго представленія о дѣятельности Леонардо-да-Винчи по переѣздѣ въ Миланъ. Аморетти, пользуясь нѣкоторыми пособіями, въ то же время разрылъ архивные документы и собралъ въ своей біографіи все существенное и интересное для пониманія наиболѣе важнаго періода въ жизни Леонардо-да-Винчи. Разсказъ его не вездѣ отличается полною послѣдовательностью, но главные моменты художественныхъ и общественныхъ работъ его намѣчены твердо и ясно. Сквозь отдѣльные эпизоды виденъ живой Леонардо-да-Винчи—въ гораздо большей степени, чѣмъ у извѣстнаго современнаго біографа Леонардо-да-Винчи, Уцielли, который постоянно споритъ съ Аморетти, провѣряя каждое его показаніе и слишкомъ часто ударяясь въ поверхностныя обобщенія. Какъ бы то ни было, Аморетти первый установилъ съ приблизительной точностью время переѣзда Леонардо-да-Винчи въ Миланъ—почти на десять лѣтъ раньше, чѣмъ это указаноВазари. По соображеніямъ Аморетти, Леонардо долженъ былъ явиться въ Миланъ около 1483 г., а по соображеніямъ Уцielли время переѣзда падаетъ на промежутокъ 1483—1487 г. До этого момента Леонардо-да-Винчи имѣлъ свое постоянное мѣстопребываніе во Флоренціи, никуда не отлучаясь на долгіе сроки. При этомъ нужно замѣтить, что возникшія въ современной литературѣ, по мысли Рихтера, предположенія, что до переѣзда въ Миланъ Леонардо-да-Винчи побывалъ на востокѣ, можно считать теперь разсѣянными, благодаря работамъ нѣкоторыхъ англійскихъ и отчасти итальянскихъ критиковъ. Впрочемъ, такой разносторонній знатокъ Леонардо-да-Винчи, какъ Равессонъ-Молльенъ, до нѣкоторой степени склоняется къ этой завлекательной для воображенія легендѣ. Во всякомъ случаѣ, въ 80-хъ годахъ XV в. Леонардо-да-Винчи былъ уже въ Миланѣ. Во Флоренціи ему, можетъ быть, не удалось-бы вполнѣ развернуть свои окрѣпшія дарованія и стремленія. Ему нужна была широкая, почти завоевательная арена творчества, гдѣ онъ могъ бы явиться зачинщикомъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ общественной и оффиціальной дѣятельности, гдѣ онъ былъ бы единственнымъ энциклопедически-великимъ человѣкомъ и гдѣ надъ нимъ не тяготѣлъ бы контроль — духовный контроль такого суетно-талантливаго властителя, какимъ былъ Лоренцо Медичи. Онъ могъ свободнѣе, шире, почти внѣ конкурренціи, раскрыть свой изобрѣтательный геній подъ покровительствомъ Людовика Моро, этого Шелковичнаго Дерева, расцвѣтавшаго на влажной, еще не воздѣланной почвѣ Ломбардіи. Тутъ онъ сразу вошелъ въ кругъ необозримыхъ интересовъ и хищныхъ политическихъ вожделѣній, которые дали примѣненіе его разнообразнымъ научнымъ и въ то же время мудро-интриганскимъ выдумкамъ. Не трудно повѣрить словамъ Вазари, что Людовико Моро высоко оцѣнилъ

флорентинскаго Апеллеса: Леонардо принесъ съ собою въ атмосферу Милана движенiе живыхъ культурныхъ силъ, и, какъ бы напитавшись новыми соками, Шелковичное Дерево стало давать свои кроваво-красные плоды. У Леонардо-да-Винчи не возникало при этомъ никакихъ сомнѣнiй и нравственныхъ вопросовъ. Онъ созерцалъ жестокую борьбу герцога за свое первенство, самыя его преступленiя, равнодушно внимая неопровергнутой молвѣ объ отравленiи племянника Людовико Моро, Джiанъ Галеаццо—этого «Феба съ бѣлокурой гривой», какъ его называетъ Беллинчiони,—воспринимая пестрыя впечатлѣнiя окружающей жизни только какъ мотивы къ умственной и художественной переработкѣ. Аморетти опровергаетъ нелѣпый разсказъ о томъ, что Леонардо-да-Винчи разъигрывалъ во дворцѣ Людовико Моро только роль сладкогласнаго пѣвца и музыканта. Моро не могъ не знать о немъ, какъ о выдающемся живописцѣ, потому что еще его предшественникъ, Галеаццо-Марiя Сфорца, купилъ его знаменитую rotella di fico за 300 дукатовъ. Кромѣ того, Людовико Моро нуждался въ архитекторѣ и скульпторѣ, которому можно было бы поручить возведенiе пышныхъ памятниковъ и монументовъ для упроченiя своей славы и популярности въ народѣ. Извѣстно, что съ этой цѣлью онъ собралъ около себя всѣхъ болѣе или менѣе свободныхъ, незанятыхъ знаменитыхъ людей того времени, и если вѣрить словамъ Танци, издателя стихотворенiй Беллинчiони, самъ Людовико Моро былъ въ нѣкоторомъ родѣ «океаномъ», къ которому стекались «великiя рѣки» итальянской умственной жизни. Наконецъ, градоправитель Милана не могъ не заинтересоваться тѣми разнообразными проектами, которые Леонардо да-Винчи представилъ ему въ своемъ знаменитомъ письмѣ, впервые обнародованномъ въ бiографiи Аморетти. Письмо это необходимо привести цѣликомъ,—какъ единственный въ своемъ родѣ документъ, который показываетъ намъ нѣчто небывалое, истинно гигантское: тридцатилѣтняго генiя, для котораго ни въ чемъ, ни въ какой области знанiя и искусства не существуетъ никакихъ трудностей:

«Свѣтлѣйшiй Государь, разсмотрѣвъ и вполнѣ обдумавъ опыты всѣхъ тѣхъ, которые считаются мастерами и изобрѣтателями военныхъ орудiй, и найдя, что по устройству и дѣйствiю эти орудiя ничѣмъ не отличаются отъ общеупотребительныхъ, я постараюсь, не нанося никому ущерба, открыть передъ Вашей Свѣтлостью нѣкоторые мои секреты. Теперь же я предложу ихъ на ваше благоусмотрѣнiе съ надеждою, что они будутъ имѣть значенiе во всемъ, что я здѣсь вкратцѣ обозначу:

«1. Я знаю способъ дѣлать мосты, въ высшей степени легкiе и удобные для переноски, посредствомъ которыхъ можно преслѣдовать и даже обращать въ бѣгство враговъ, и другiе надежные мосты, неповредимые въ огнѣ и битвѣ, легкiе и удобные для подъема и перекидыванiя. Я знаю способы предавать огню и разрушать мосты враговъ.

«2. На случай осады какой-нибудь мѣстности я знаю способъ осу-

шать рвы и дѣлать различные мостки со ступенями, и другія орудія, пригодныя для осады.

«3. Item. Если вслѣдствіе высоты вала или укрѣпленности мѣста и его положенія нельзя прибѣгнуть къ бомбардированію его,—я знаю способъ разрушить всякую обыкновенную или горную крѣпость, если только она построена не на скалѣ.

«4. Я знаю способы дѣлать пушки, очень удобныя и легкія для передвиженія, которыми можно метать взрывчатыя вещества и дымъ которыхъ нагоняетъ страхъ на враговъ, причиняя имъ уронъ и вызывая смятеніе.

«5. Item. Я знаю способы прокладывать, не произведя ни малѣйшаго шума, подземные ходы, узкіе и извилистые, чтобы достигнуть извѣстнаго пункта, на случай, если бы понадобилось идти подъ рвами или подъ какой-нибудь рѣкой.

«6. Item. Я дѣлаю закрытыя повозки, надежныя и неповредимыя. Врѣзавшись въ среду враговъ, повозки эти, со своей артиллеріей, могутъ разомкнуть какое угодно количество вооруженныхъ людей, а позади этихъ повозокъ можетъ слѣдовать инфантерія — безъ опасности и безъ малѣйшаго затрудненія.

«7. Item. Въ случаѣ надобности, я могу дѣлать мортиры и огнеметательные снаряды красивѣйшей и наиболѣе цѣлесообразной формы, отличающіеся отъ тѣхъ, какіе находятся въ общемъ употребленіи.

«8. Тамъ, гдѣ нѣтъ возможности прибѣгнуть къ пушкамъ, я могу дѣлать камнеметныя и другія метательныя машины, дѣйствующія съ необыкновеннымъ успѣхомъ—внѣ общаго употребленія. Вообще, согласно обстоятельствамъ, я могу создавать самыя разнообразныя орудія для причиненія вреда.

«9. Въ случаѣ, если дѣло происходитъ на морѣ, я знаю множество орудій, въ высшей степени пригодныхъ для нападенія и обороны, и судна, выдерживающія самую жестокую пальбу, и взрывчатыя вещества, и вещи, производящія дымъ.

«10. Въ мирное время надѣюсь быть въ высшей степени полезнымъ—по сравненію съ кѣмъ угодно,—въ архитектурѣ, въ сооруженіи и публичныхъ и частныхъ зданій, и въ проведеніи воды изъ одного мѣста въ другое.

«Item. Могу работать въ качествѣ скульптора надъ мраморомъ, бронзою и глиною, а также въ живописи могу дѣлать все, что только можно сдѣлать—по сравненію съ кѣмъ угодно.

«Также можно будетъ соорудить бронзоваго коня, который составитъ безсмертную славу и вѣчную честь блаженной памяти вашего отца и знаменитаго дома Сфорца. Если же кто-нибудь найдетъ что-либо изъ вышесказаннаго невозможнымъ и неисполнимымъ, — я совершенно готовъ произвести опытъ или въ вашемъ паркѣ, или въ любомъ другомъ мѣстѣ, угодномъ Вашей Свѣтлости, которой я довѣряю себя съ нижайшимъ почтеніемъ».

Такое письмо, въ которомъ каждая строка выражаетъ серьезную убѣжденность и тихую, несокрушимую увѣренность въ своемъ превосходствѣ чуть-ли ни надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ, должно было показаться, при первомъ чтеніи, по замѣчанію одного англійскаго писателя, письмомъ съумасшедшаго или генія. Съ необычайной легкостью фантазіи и затаеннымъ хищничествомъ Леонардо-да-Винчи проектируетъ неслыханные дотолѣ способы военной обороны и истребленія враговъ, цѣлый рядъ инженерныхъ сооруженій, надземныхъ, подземныхъ и переносныхъ, которыя должны оказаться несокрушимыми въ борьбѣ. Можно подкапываться подъ чужія крѣпости, незамѣтно извлекать воду изъ рвовъ, проходить подъ рѣками, переступать черезъ высокія стѣны, врываться въ ряды непріятельскаго войска въ закрытыхъ неповредимыхъ повозкахъ—нѣтъ такой вещи въ мірѣ, которой Леонардо-да-Винчи не соорудилъ бы на пользу воинственнаго герцога. Онъ можетъ «создавать самыя разнообразныя орудія для причиненія вреда» — во время опасности, а въ мирное время съумѣетъ разукрасить городъ зданіями и статуями, оросить ломбардскія поля каналами и водопроводами. Онъ беретъ на себя заботу герцога—обезсмертить домъ его колоссальною конною статуей его отца, Франческо Сфорца. Съ этой именно работы надъ «Колоссомъ», продолжавшейся, по словамъ Сабба-да-Кастиліоне, шестнадцать лѣтъ, и началась дѣятельность Леонардо-да-Винчи въ Миланѣ— пышная, научно-глубокомысленная, иногда полезная въ культурномъ отношеніи, временами суетно-блистательная и праздничная... Нѣсколько страницъ біографіи Аморетти намѣчаютъ первыя проявленія изобрѣтательнаго генія Леонардо-да-Винчи на Ломбардской почвѣ.

Мы видимъ Леонардо-да-Винчи среди занятій, которыя не прерываются вплоть до послѣднихъ дней его пребыванія въ Миланѣ. Его главною работою была работа надъ «великимъ колоссомъ»—gran colosso, надъ конной статуей Франческо Сфорца. Надъ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ онъ не переставалъ трудиться и тогда, когда писалась «Тайная Вечеря», хотя оно всетаки не было доведено до конца. Мысль о немъ составляла величайшую тревогу его жизни. Онъ набрасывалъ различные проекты для этого памятника, мѣнялъ идею, можетъ быть намѣченную самимъ герцогомъ. Никто не зналъ лошадь такъ, какъ Леонардо-да-Винчи. Намъ извѣстно изъ Вазари, что онъ любилъ лошадей, понималъ до тонкости ихъ натуру, не говоря уже о знаніи анатоміи. Въ его рукописяхъ имѣется запись отъ 23-го апрѣля 1490 г., которая гласитъ: «Я началъ эту книгу и снова взялся за коня»—семь лѣтъ упорнаго труда, не давшаго законченныхъ результатовъ, привели его, повидимому, къ какому-то новому плану. Требовались большія денежныя суммы, чтобы увѣнчать этотъ грандіозный замыселъ, но герцогъ, который тратилъ не мало средствъ на пышныя празднества, на своихъ любовницъ и, вообще, на всякую внѣшнюю помпу, очевидно, не имѣлъ возможности предоставить Леонардо-да-Винчи необходимыя для этого

средства. Одна фраза изъ утеряннаго письма Леонардо-да-Винчи къ Людовико Моро показываетъ, что художникъ хорошо понималъ положеніе вещей и даже не надѣялся ни на какія счастливыя обстоятельства: «О конѣ,—пишетъ онъ,—я ничего не скажу, потому что знаю времена». Въ 1493 г., по случаю августѣйшей свадьбы, Nuptiae Augustae, племянницы Людовико Моро, Біанки Маріи Сфорца, съ императоромъ австрійскимъ Максимиліаномъ, готовая модель Колосса была выставлена подъ тріумфальной аркой на площади дворца, Piazza del Castello. Можно себѣ представить настроеніе художника въ эту минуту, когда онъ въ первый разъ явился передъ изумленнымъ народомъ величайшимъ скульпторомъ своей эпохи. Въ то время онъ еще не создалъ ни одного изъ своихъ знаменитыхъ произведеній. «Тайная Вечеря», можетъ быть, еще только задумывалась, битва при Ангіари и Джіоконда были написаны только по возвращеніи изъ Милана во Флоренцію. Миланское общество знало его, какъ обворожительнаго придворнаго живописца и декоратора, какъ архитектора и инженера, но еще ни разу не стояло лицомъ къ лицу съ такимъ грандіознымъ по замыслу произведеніемъ искусства, какъ конная статуя бывшаго властителя. Толпа, всегда впечатлительная ко всему необычайному, увидѣла воинственнаго героя Ломбардіи на конѣ, поражающемъ своей жизненностью и мощью,—и слава Леонардо-да-Винчи должна была сразу разлиться по всей Италіи. Поэты, воспѣвая въ латинскихъ и итальянскихъ стихахъ торжественную свадьбу, воздавали хвалу генію Леонардо-да-Винчи. Миланъ на этотъ разъ съумѣлъ поспорить не только съ Венеціей, гдѣ Верроккіо воздвигъ конную статую Коллеони, но и съ Римомъ, гдѣ красовалось уже великое произведеніе древняго міра—конь, несущій на себѣ любимаго народомъ императора Марка Аврелія. Дальнѣйшая исторія Колосса затеривается для насъ въ путанныхъ и тревожныхъ событіяхъ того времени. По словамъ Саббада-Кастиліоне, гасконскіе стрѣлки Людовика XII, взявшаго Миланъ въ 1499 г., разстрѣляли Колосса изъ ненависти къ Людовико Моро. Но легенда эта можетъ въ настоящее время считаться опровергнутой, ибо извѣстно, что спустя два года герцогъ Ферарскій велъ переговоры черезъ своего резидента о пріобрѣтеніи модели Леонардо-да-Винчи. Во всякомъ случаѣ, Колоссъ не былъ перелитъ въ бронзу и тѣмъ былъ осужденъ на погибель. Это обстоятельство долгое время болѣзненно отзывалось въ душѣ Леонардо, и разсказъ Анонима о томъ, какъ мстительный «драконъ» Микель-Анджело публично уязвилъ его напоминаніемъ о незаконченномъ конѣ, показываетъ намъ его особенную чувствительность въ этомъ вопросѣ.

Но занимаясь втеченіи многихъ лѣтъ Колоссомъ, Леонардо-да-Винчи часто отвлекался другими работами, гораздо менѣе серьезными, хотя, быть можетъ, и дававшими вѣрныя средства къ существованію. Къ самымъ первымъ годамъ миланской жизни относится устройство разныхъ частныхъ и общественныхъ праздниковъ, съ театральными представле-

ніями, въ которыхъ онъ игралъ роль режиссера и декоратора. Объ этихъ празднествахъ сохранились довольно подробныя свѣдѣнія въ стихахъ Беллинчіони, и о нихъ же говоритъ Аморетти въ своей прекрасной біографіи. Такъ мы знаемъ о двухъ представленіяхъ, устроенныхъ во славу «Терпѣнія» и «Труда» въ домахъ Федериго Санъ-Северино и Антоніо Марія Санъ-Северино. Стихотворный текстъ этихъ представленій былъ сочиненъ Беллинчіони. У самого Леонардо-да-Винчи имѣется указаніе на то, что 26 января 1491 г. онъ находился въ домѣ Галеаццо-да-Санъ Северино, чтобы руководить его праздничнымъ турниромъ. Это были частныя празднества у высокопоставленныхъ людей. Но въ эти же годы Леонардо-да-Винчи посвящалъ не мало времени устройству оффиціальныхъ торжествъ—при бракосочетаніяхъ миланскихъ властителей. Въ 1489 г., пишетъ Аморетти, онъ былъ чрезвычайно занятъ — occupatissimo—по случаю свадьбы Джіанъ Галеаццо и Изабеллы Аррагонской, сопровождавшейся «величайшею помпою». Для этого праздника Леонардо-да-Винчи, по порученію Людовико Моро, устроилъ представленіе подъ названіемъ «Paradiso». Художникъ измыслилъ цѣлую систему планетъ—въ живыхъ лицахъ, которыя, вращаясь по намѣченному имъ плану, воспѣвали новобрачныхъ стихами Беллинчіони. Устройство такого сложнаго праздника потребовало отъ Леонардо-да-Винчи не мало времени, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1490 г., на него были возложены всѣ декоративныя и театральныя заботы по случаю великаго торжества—брака самого Людовика Моро съ Беатриче д'Эсте. Черезъ два года послѣ свадьбы герцога художникъ долженъ былъ опять показать свой изобрѣтательный геній—при пріемѣ австрійскаго императора, женившагося на Біанкѣ Маріи Сфорца. Можно сказать, что все первое десятилѣтіе миланской жизни прошло для Леонардо-да-Винчи среди этихъ торжественныхъ, но суетныхъ придворныхъ работъ. Чисто художественныя работы, которыя требуютъ сосредоточеннаго вниманія, невольно отодвигались на второй планъ—оставались занятія наукою и работы надъ разными культурными сооруженіями, которыя, при всей ихъ значительности, не могли возбуждать къ нему широкаго общественнаго интереса, какъ къ великому мастеру искусства. Вся его великолѣпная изобрѣтательность была привлечена здѣсь къ мелкимъ интересамъ придворнаго быта.

За первымъ десятилѣтіемъ послѣдовало второе, не менѣе богатое торжественными празднествами и тріумфальными зрѣлищами. Политическая и общественная жизнь Милана падала и запутывалась, мѣнялись правительства, но пышные парады во славу того или другого властителя не прекращались, сопровождались безмѣрною помпою, и Леонардо-да-Винчи неизмѣнно оставался въ роли придворнаго режиссера и декоратора, поражавшаго артистическимъ разнообразіемъ своихъ выдумокъ. Онъ былъ неизмѣненъ въ своемъ равнодушіи къ событіямъ дня, къ соціальнымъ волненіямъ Ломбардіи, къ коварнымъ, предательскимъ дѣяніямъ Людовико Моро. Художникъ съ патетическимъ, нравственнымъ темпераментомъ

Микель-Анджело, навѣрное, не ужился бы на почвѣ, взростившей Шелковичное Дерево, и разразился бы бурными протестами противъ всего, что творилось вокругъ герцогскаго трона, но Леонардо-да-Винчи, вѣрный своему сухому виртуозному характеру, продолжалъ расточать свой геній на великолѣпія безплодныхъ зрѣлищъ. Онъ не угодничалъ явно передъ державными лицами, какъ стихотворецъ Беллинчіони, но вся его дѣятельность въ указанномъ направленіи имѣла характеръ утонченной купленной лести. За пышнымъ свадебнымъ празднествомъ 1493 года послѣдовало новое всенародное зрѣлище, устроенное въ честь французскаго короля Карла VIII. Людовико Моро, который имѣлъ основаніе опасаться союза неаполитанскаго и испанскаго короля, рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи Франціи. Джіанъ Галеаццо, виновникъ всѣхъ его опасеній, женатый на Изабеллѣ Аррагонской, былъ въ это время въ Павіи, удаленный отъ миланскихъ дѣлъ, почти при смерти отъ медленно дѣйствующаго яда. Никто не сомнѣвался въ томъ, что этотъ «Фебъ съ бѣлокурой гривой» былъ жертвою Людовико Моро, который видѣлъ въ немъ опаснаго конкуррента на миланскій престолъ. Знали объ этомъ, конечно, и люди, приближенные къ герцогу, и несомнѣнно здѣсь не могло быть никакихъ тайнъ для Леонардо-да-Винчи, видѣвшаго насквозь душу и стремленія своего патрона. Однако, въ 1494 г., именно тогда, когда Джіанъ Галеаццо былъ уже наканунѣ смерти, Леонардо-да-Винчи устраивалъ, по заказу Моро, блистательную встрѣчу Карлу VIII въ этой самой Павіи. Аморетти не нашелъ въ документахъ прямыхъ доказательствъ участія Леонардо-да-Винчи въ этихъ торжествахъ, но онъ хорошо понимаетъ, что, по самому положенію вещей, никто, кромѣ Леонардо-да-Винчи, не могъ явиться достойнымъ режиссеромъ при устройствѣ такого важнаго въ политическомъ отношеніи тріумфа. Надо считать вѣроятнымъ, говоритъ онъ, что всею помпою этихъ празднествъ руководилъ Леонардо-да-Винчи,—и замѣчаніе этого остроумнаго и сочувственно настроеннаго біографа нельзя не признать логически вполнѣ основательнымъ. Аморетти понимаетъ, что въ исторіи Ломбардіи началась та мутная полоса, съ которой лучше было бы не связывать никакихъ воспоминаній о дѣятельности Леонардо-да-Винчи. Но факты, извлекаемые на судъ потомства критическими догадками и изученіемъ цѣлой эпохи изъ легендъ и преданій, остаются въ силѣ и должны быть представлены во всей ихъ наготѣ. Галеаццо умеръ. Моро остался на время торжествующимъ побѣдителемъ. Помпезныя празднества продолжаются своимъ порядкомъ. Въ 1496 году подготовлялась встрѣча съ тріумфальными арками австрійскому императору Максимиліану, и опять Аморетти указываетъ на то, что устройство этой встрѣчи, по своей декоративной грандіозности, не могло обойтись безъ участія Леонардо-да-Винчи.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и Людовико Моро, несмотря на всѣ свои политическія ухищренія, лишился герцогской власти. Въ 1500 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, онъ былъ отвезенъ, въ качествѣ плѣнника Людо

вика XII, во Францію и заключенъ въ замокъ Лошъ, гдѣ и умеръ. Внѣшнее положеніе Леонардо-да-Винчи расшаталось. Онъ уѣхалъ во Флоренцію, былъ одно время на службѣ у Цезаря Борджіа въ качествѣ военнаго инженера и снова возвращался въ Миланъ, гдѣ владычествовали тогда представители французскаго короля. И въ этотъ періодъ его изобрѣтательный геній въ области народныхъ и дворцовыхъ зрѣлищъ, можетъ быть, давалъ ему необходимыя средства къ жизни. Во всякомъ случаѣ, въ 1507 г. Леонардо-да-Винчи долженъ былъ показать себя передъ новымъ правительствомъ при устройствѣ торжественнаго въѣзда Людовика XII въ Миланъ послѣ побѣды надъ Генуей. Это празднество напоминало, по словамъ Аморетти, великолѣпные тріумфы римскихъ императоровъ, и хотя въ документахъ опять таки не имѣется указанія на Леонардо-да-Винчи, но трудно допустить, чтобы миланскіе правители не прибѣгли, при такихъ обстоятельствахъ, къ его прославленному декораторскому таланту. Конечно, онъ не сталъ бы отказываться отъ подобныхъ порученій: ему было совершенно безразлично кому служило и служитъ его блистательное и безсердечное искусство. Служба Людовику XII была выгодна, потому что его военные успѣхи, сопровождавшіеся тріумфами, могли дать новые поводы къ раскрытію его неисчерпаемыхъ виртуозныхъ силъ, — въ гораздо большей степени, чѣмъ подобные же заказы Людовико Моро, который, при нищенствѣ государственныхъ средствъ, силился поддержать свой падающій престижъ въ глазахъ народа. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ за указаннымъ торжествомъ Людовикъ XII праздновалъ свою громкую побѣду надъ венеціанцами. Онъ захотѣлъ ознаменовать ее небывалымъ зрѣлищемъ, и, по соображеніямъ Аморетти, основаннымъ на тонкой критикѣ старинныхъ документовъ, въ устроеніи этого зрѣлища принималъ участіе не только Леонардо-да-Винчи, но и всѣ его ученики. Работа продолжалась сорокъ шесть дней. Были воздвигнуты тріумфальныя арки, публичныя и частныя зданія были разукрашены тончайшею живописью — «pitture mollissime», какъ выражается одинъ историкъ, употребляя тѣ слова, которыми онъ въ другихъ случаяхъ описывалъ произведенія Леонардо-да-Винчи. Историкъ прибавляетъ, что работы эти казались самой жизнью—слова, которыя онъ, опять-таки, какъ замѣчаетъ Аморетти, обращалъ обыкновенно только къ созданіямъ Леонардо да-Винчи. За всѣ эти услуги, которыя должны были производить на побѣдоносное иностранное правительство впечатлѣніе гражданственной покорности, Людовикъ XII одарилъ Леонардо-да-Винчи правомъ пользованія водою Большого Миланскаго канала, стипендіей и титуломъ живописца французскаго короля. Но вотъ союзу итальянскихъ владыкъ удалось на время свергнуть французское правительство въ Миланѣ и посадить на престолъ сына Людовика Моро—Максимиліана. Понадобились новыя, на этотъ разъ патріотическія торжества, и Аморетти, съ осторожными оговорками и видимымъ прискорбіемъ, даетъ понять, что живописецъ французскаго короля не могъ не съиграть

своей роли и въ данномъ случаѣ. Онъ зналъ Максимиліана еще ребенкомъ, быть можетъ даже разрисовалъ для него дѣтскую азбуку, и въ минуту случайнаго торжества герцогу было естественно обратиться къ геніальному декоратору своего отца. Но безпечно измѣнивъ Людовику XII для Максимиліана Сфорца, Леонардо-да-Винчи въ скоромъ времени опять всецѣло предался французскому королю—преемнику Людовика XII, Франциску I. Ломаццо разсказываетъ, со словъ современниковъ, что Леонардо-да-Винчи, умѣвшій дѣлать птицъ, которыя летали въ воздухѣ, придумалъ для пріема Франциска I въ Павіи слѣдующее небывалое чудо механики: онъ изготовилъ льва, который могъ двигаться, и, по строго-научному разсчету, долженъ былъ подойти въ опредѣленное время къ королю, причемъ изъ раскрывшейся груди его посыпались лиліи и разные другіе цвѣты. Есть біографы, которые относятъ это изобрѣтеніе Леонардо-да-Винчи къ предшествующимъ французскимъ царствованіямъ, но показанія Ломаццо, принимаемыя Аморетти и поддерживаемыя въ настоящее время такимъ изслѣдователемъ, какъ Миланези, нужно признать болѣе достовѣрными.

Сквозь эти историческія преданія чувствуется воздухъ Милана. Почти съ момента своего пріѣзда сюда Леонардо-да-Винчи очутился именно въ той обстановкѣ, которая могла возбуждать и направлять его тонко-научный и вмѣстѣ съ тѣмъ хищный геній. Можно сказать, онъ явился въ Миланъ въ наиболѣе подходящій для него моментъ общественной жизни—лишенной внутренняго и даже внѣшняго средоточія и единодушнаго народнаго паѳоса. Во Флоренціи онъ рано или поздно долженъ былъ-бы оказаться неумѣстнымъ, неподходящимъ къ общему тону идейнаго и государственнаго возбужденія, съ центральнымъ героемъ въ лицѣ самонадѣяннаго и вліятельнаго Лоренцо Медичи. Среди борющихся силъ ломбардской столицы, гдѣ коварно подготовлялась смертельная катастрофа для законнаго герцога Джіанъ Галеаццо и гдѣ, при разнородности этнографическихъ элементовъ, не могло быть всемогущихъ массовыхъ теченій, Леонардо-да-Винчи сразу овладѣлъ всѣми средствами для раскрытія своихъ талантовъ. Онъ оказался въ обществѣ, которое близко стояло къ правящимъ лицамъ. Цецилія Галлерани, собиравшая у себя людей различныхъ профессій, женщина съ тонкимъ вкусомъ и образованіемъ, открывала передъ нимъ арену для тѣхъ наблюденій и, можетъ быть, созерцательныхъ наслажденій, которыя питали его душу соками самой утонченной чувственности. У Галеаццо-Санъ-Северино, славнѣйшаго изъ капитановъ герцогскаго войска, женатаго на Біанкѣ, дочери Людовико Моро, онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ дѣйствующими силами политическаго механизма Ломбардіи. Наконецъ, во дворцѣ самого герцога, который до 1494 г. считался только градоправителемъ Милана, онъ долженъ былъ оказаться, именно въ эту пору, нужнымъ человѣкомъ. Предвидѣлись политическіе перевороты и замѣшательства, уже намѣчался интриганскій союзъ съ Франціей, и Леонардо-да-Винчи,

человѣкъ всеобъемлющихъ знаній, инженеръ, архитекторъ, скульпторъ и живописецъ, и при томъ человѣкъ выразительнаго молчанія, безъ сомнѣнія, внушалъ корыстному претенденту на престолъ самыя широкія надежды. Онъ удовлетворялъ тончайшимъ разсчетамъ мужчинъ и очаровывалъ женщинъ. Ни одной изъ женщинъ онъ не отдавалъ сердечнаго предпочтенія, и можно допустить, что онъ былъ одинаково пріятенъ и Беатриче д'Эсте и Изабеллѣ Аррагонской, не говоря уже о Цециліи Галлерани, хотя жены политическихъ соперниковъ должны были питать другъ къ другу острую вражду. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что въ подлинныхъ документахъ Леонардо-да-Винчи сохранился собственноручный его набросокъ «сооруженія въ формѣ павильона»—для купальни, съ надписью «павильонъ въ саду герцогини». Отдѣльно нарисованы краны, которыми выпускается холодная и теплая вода, указаны пропорціи той и другой для полученія пріятной температуры. Аморетти полагаетъ, что этотъ проектъ, который выражаетъ любезную предупредительность художника по отношенію къ высокопоставленной дамѣ, былъ сдѣланъ для Беатриче д'Эсте. Но Рихтеръ справедливо указываетъ на то, что намѣченное сооруженіе могло быть предназначено и для Изабелы Аррагонской, которая въ 1492 г. одна имѣла законное право называться Миланской герцогиней. Самая надпись, сдѣланная рукою Леонардо-да-Винчи, гдѣ говорится, что павильонъ предполагается поставить посрединѣ дворцоваго «лабиринта герцога Миланскаго», наводитъ, по мнѣнію Рихтера, на ту мысль, что художникъ имѣлъ въ виду молодого Галеаццо, а не Людовико Сфорца, котораго онъ обыкновенно называлъ въ своихъ манускриптахъ, даже послѣ смерти Галеаццо, просто «il Moro». Какъ-бы то ни было, эта неопредѣленность въ вопросѣ о томъ, для которой изъ двухъ «дукессъ» Леонардо-да-Винчи измышлялъ роскошный купальный павильонъ съ усовершенствованными приспособленіями, въ высшей степени характерна для всей его внѣшней дѣятельности на миланской почвѣ. Онъ невольно лавировалъ между борющимися партіями, чтобы какъ нибудь занять независимое положеніе художника, хотя, можетъ быть, при этомъ приходилось постоянно жертвовать неуловимыми ощущеніями нравственной щепетильности. Незамѣтно для самого себя онъ извивался, какъ змѣя, между вліятельными конкуррентами и, ни передъ кѣмъ явно не угодничая, платилъ обильную дань политическому и общественному разврату своего времени, гораздо больше, чѣмъ Микель-Анджело, чѣмъ Рафаэль, и вообще кто бы то ни было изъ достойныхъ его соперниковъ по искусству. Руководя у Галеаццо Санъ-Северино «состязаніемъ», устроеннымъ, по вѣрной догадкѣ Уціелли, въ честь торжества при бракосочетаніи Людовико Моро и Беатриче д'Эсте, Леонардо-да-Винчи долженъ былъ соблюдать такой разсчетъ, чтобы не нарушить мѣры въ воздаяніи градоправителю оффиціозныхъ почестей: Людовико Моро могъ не достигнуть желанной герцогской власти, Джіанъ Галеаццо, красивый и популярный въ народѣ юноша, могъ взять верхъ надъ своимъ грубымъ

и хищнымъ дядей. Леонардо-да-Винчи превозмогъ эти трудности. Искусство его отличалось именно тою гибкостью, которая позволяла ему виртуозно обходить всякія препятствія и во всѣхъ случаяхъ жизни оказываться вѣрнымъ своему прирожденному такту. Но при этомъ внутренняя жизнь художника должна была постепенно удаляться отъ непосредственныхъ человѣчныхъ интересовъ. Ни одно изъ празднествъ послѣднихъ годовъ XV столѣтія и первыхъ XVI не имѣло характера живого народнаго торжества, и каждый разъ Леонардо-да-Винчи являлся поставщикомъ тѣхъ театральныхъ декорацій, за которыми скрывались скверныя закулисныя тайны его времени. Бракосочетаніе Біанки Маріи Сфорца съ австрійскимъ императоромъ имѣло значеніе политическаго договора съ сильною державою на случай какихъ-либо опасныхъ перипетій въ положеніи Милана. Затѣмъ, пышныя встрѣчи, устроенныя Карлу VIII, Людовику XII, Франциску I можно считать рядомъ политическихъ униженій, потому что Франція приносила съ собою въ Италію завоевательные планы и не щадила итальянской гордости и итальянской крови. А Леонардо-да-Винчи неутомимо продолжалъ придумывать и воздвигать свои тріумфальныя арки, не переставая въ то-же время работать и надъ Колоссомъ, и надъ «Тайной Вечерей», и надъ портретомъ Цециліи Галлерани и Лукреціи Кривелли, и надъ ирригаціей ломбардскихъ полей, прилегающихъ къ Виджевано, и надъ усовершенствованіемъ шлюзъ (conca) въ Мартезанскомъ и другихъ каналахъ. Овладѣвъ, наконецъ, герцогскимъ престоломъ, Людовико Моро рѣшилъ по новому передѣлать весь Миланъ. Онъ созвалъ со всей Италіи писателей, ученыхъ, художниковъ, такъ что, по выраженію одного современника, Миланъ превратился «изъ морщинистой старухи въ изящную молодую дѣвушку». Жизнь закипѣла въ повышенномъ тонѣ. Даже языкъ Милана, грубое сѣверное нарѣчіе, засверкалъ свѣжими красками подъ вліяніемъ флорентинскаго поэта Беллинчіони. Такъ говоритъ объ этомъ моментѣ Танци, издатель его стихотвореній, въ предисловіи книги, обращенномъ къ Людовико Моро. По его словамъ, даже каналы Милана—Кантарана, Нироне и другіе—были полны теперь водами съ Парнасса. Самъ Беллинчіони восхваляетъ Людовико Моро въ напыщенныхъ выраженіяхъ, проникнутыхъ низменной лестью. Огромный муравейникъ, среди котораго вдругъ развернулось и расцвѣло Шелковичное Дерево, заволновался, суетливо захлопоталъ, какъ это всегда бываетъ при внезапномъ успѣхѣ властныхъ людей. И Леонардо-да-Винчи, этотъ міровой геній, который могъ озарить своимъ свѣтомъ всѣхъ владыкъ міра,—какъ это видно изъ Аморетти и по нѣкоторымъ рукописнымъ замѣткамъ самого Леонардо-да-Винчи,—тоже поддался искушенію польстить узурпатору. Онъ описываетъ аллегорическую картину, имѣющую цѣлью прославить герцога. Людовико Моро, въ образѣ Успѣха, является центральной фигурой этой картины. Къ ногамъ его склоняется придворный Гвальтіери, въ то время, какъ Моро прикрываетъ краемъ своей одежды юношу, спасающагося отъ чудовищной фигуры

бѣдности, которой герцогъ угрожаетъ своимъ жезломъ. Легко представить себѣ, съ какою благосклонностью могла быть принята во дворцѣ такая аллегорическая картина, сдѣланная первоклассньмъ художникомъ. Леонардо-да-Винчи былъ всегда любезенъ своему патрону, цѣнившему въ немъ, по своему, изобрѣтательный умъ и выдержанное спокойствіе въ притязаніяхъ, которыя, при бѣдности ломбардской казны, могли бы даже оказаться поводомъ къ разрыву. Извѣстно, что Людовико Моро не имѣлъ возможности дать Леонардо-да-Винчи тѣ средства, которыя могли-бы удовлетворить требованіямъ его тонкаго прихотливаго вкуса, и художникъ мало-по-малу смирялся въ своихъ склонностяхъ къ комфорту и изысканному щегольству, которыя онъ проявлялъ въ молодые годы. Однако, не задолго до паденія своей политической власти, въ 1499 году, Людовико Моро счелъ нужнымъ отблагодарить его за разныя услуги подаркомъ, быть можетъ, незначительнымъ для другого, болѣе богатаго герцога, но щедрымъ при его обстоятельствахъ, а именно—шестнадцатью «пертиками» виноградника, купленнаго для него въ полную собственность у монастыря св. Виктора. Это было послѣднимъ подаркомъ герцога человѣку, который, расточая на службѣ у него сокровища своихъ научныхъ и художественныхъ откровеній, оставался при этомъ совершенно равнодушнымъ къ его судьбѣ и смотрѣлъ черезъ его голову въ холодныя бездны безличныхъ, схоластически-безбрежныхъ интересовъ. Онъ былъ чуждъ герцогу—не потому, что герцогъ возмущалъ его скверными свойствами своей натуры и дѣятельности, а потому, что никакая частная жизнь, съ ея ограниченными, но живыми, теплыми формами, не трогала и не привязывала его души, не настраивала его фантазіи. Однако здѣсь, въ Миланѣ, какъ и во Флоренціи, онъ возбуждалъ къ себѣ изумленное вниманіе въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества, волновалъ воображеніе, создавалъ о себѣ легенды. Имъ занимались повсюду: при дворѣ и въ грязныхъ переулкахъ городской окраины, Боргетто, у военныхъ людей, какъ Галеаццо-Санъ-Северино, и въ тихихъ кельяхъ монастырей. Никто не любилъ его сердечною любовью, но о немъ вездѣ говорили и спорили, иногда, вѣроятно, съ ожесточеніемъ. Можно себѣ представить, какіе толки возбуждалъ въ обществѣ его Колоссъ, его «Тайная Вечеря», его небывалыя инженерныя сооруженія и, наконецъ, мелкія золотыя блестки его изобрѣтательности въ области механики. Аморетти разсказываетъ, что въ 1489 г. онъ придумалъ цѣлую систему блоковъ для подъема подъ куполъ миланскаго собора священнаго гвоздя—Chiodo della Croce,—этой драгоцѣнной для католиковъ реликвіи. Съ величайшею легкостью онъ дѣлалъ то, что казалось толпѣ недоступнымъ и въ высшей степени знаменательнымъ по своему содержанію и смыслу. Флорентинскій Апеллесъ превзошелъ всѣ ожиданія и надежды миланскаго общества. Онъ мужалъ, пріобрѣталъ все болѣе и болѣе знаній, все дальше уходилъ отъ толпы, съ ея будничными печалями и мимолетными веселіями, хотя, постоянно отыскивая натуру, онъ бродилъ

среди нея съ пытливымъ острымъ вниманіемъ въ свѣтлыхъ глазахъ. Самый видъ его долженъ былъ производить особенное впечатлѣніе. Высокій, съ широкими плечами, съ длинной волнистой бородой и густыми мохнатыми бровями, одѣтый съ оригинальнымъ изяществомъ, онъ казался теперь настоящимъ магомъ—придворнымъ магомъ, который все знаетъ и держитъ въ рукахъ тайныя пружины современныхъ событій. Геній его раскрывался въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, но при этомъ въ немъ постепенно умирало все примитивно-человѣчное, простое и сердечное. Казалось, что онъ взираетъ на вопросы добра и зла съ недосягаемой художественной высоты, но въ дѣйствительности Леонардо-да-Винчи былъ просто равнодушенъ къ нимъ по свойству своего умозрительнаго таланта, по темпераменту искателя отвлеченныхъ, научныхъ истинъ.

Такимъ Леонардо-да-Винчи былъ въ своемъ искусствѣ и такимъ онъ выступаетъ въ жизни, какъ она рисуется сквозь дымъ миланскихъ и флорентинскихъ легендъ. Съ этими же чертами безсердечной геніальности онъ является передъ нами и на страницахъ Аморетти. Другой, современный его біографъ, Уціелли, старается придать ему характеръ возвышенной духовной полноты, вопреки фактамъ и логической очевидности, которой держится Аморетти, возбуждая при этомъ невѣроятный полемическій пылъ Уціелли. Ему кажется, что Аморетти прибѣгаетъ къ системѣ распространительнаго историческаго толкованія, которая, будто-бы, побуждаетъ его ставить на мѣсто фактовъ догадки и предположенія, не подтверждаемыя архивными документами. По мнѣнію Уціелли, Аморетти разрисовываетъ воображеніемъ дѣйствительную роль Леонардо-да-Винчи въ жизни миланскаго общества. Такъ, ему кажется, что разсказъ о декораторской дѣятельности Леонардо-да-Винчи просто фантастиченъ. Напр., Аморетти принимаетъ за фактъ, что Леонардо-да-Винчи былъ организаторомъ пышнаго свадебнаго празднества 1489 г., съ представленіемъ вращающихся планетъ. Аморетти основывается при этомъ на собственныхъ словахъ Танци, предпосланныхъ стихамъ Беллинчіони, которыя распѣвались тогда предъ новобрачными, Джіанъ Галеаццо и Изабеллой Аррагонской. Вотъ эти слова: «Праздникъ или представленіе, подъ названіемъ Рай (Paradiso), которое было поставлено по заказу Людовико, во славу миланской герцогини, и было такъ названо потому, что великимъ геніемъ и искусствомъ Леонардо-да-Винчи флорентинскаго былъ устроенъ (fabricato) именно рай, о всѣми семью планетами. Эти планеты были представлены людьми, имѣвшими видъ и одѣяніе, описанные поэтами. И всѣ они восхваляли герцогиню Изабеллу». Для Аморетти этихъ словъ, которыя мы приводимъ изъ послѣдняго изданія стихотвореній Беллинчіони, совершенно достаточно, чтобы признать за достовѣрный фактъ участіе Леонардо-да-Винчи въ свадебномъ торжествѣ, памятномъ многимъ поколѣніямъ. Леонардо-да-Винчи устроилъ Paradiso и, конечно, руководилъ эффектнымъ представленіемъ,

заказаннымъ Людовико Моро. Но Уціелли дѣлаетъ педантическую придирку къ разсказу Аморетти, обращая вниманіе на то, что у Танци говорится только объ устройствѣ планетной системы, а не объ его личномъ режиссерствѣ и присутствіи на представленіи. Точно также, собственная запись Леонардо-да-Винчи, относящаяся къ 1491 году, по поводу его руководительства состязаніемъ у Галеаццо Санъ-Северино, не даетъ права Аморетти, по соображеніямъ Уціелли, сообщать объ его руководительствѣ двумя другими празднествами—у Федериго и Антоніо Марія Санъ-Северино. Документы ничего не говорятъ о роли Леонардо-да-Винчи въ этомъ дѣлѣ и потому, не вдаваясь въ распространительное историческое толкованіе, надо воздержаться отъ привлеченія къ пустымъ увеселеніямъ славнаго имени Леонардо-да-Винчи. Въ другомъ мѣстѣ Уціелли такими-же доводами старается подорвать довѣріе къ сообщенію Аморетти о пышной встрѣчѣ, устроенной при помощи Леонардо-да-Винчи въ 1496 г. австрійскому императору Максимиліану, хотя при этомъ готовъ признать, что приготовленія къ этому, можетъ быть, не состоявшемуся празднеству, не обошлись безъ сотрудничества Леонардо-да-Винчи. Съ другими сообщеніями Аморетти онъ не споритъ, но приведенными возраженіями онъ какъ-бы хочетъ набросить тѣнь на Аморетти и этимъ окончательно укрѣпить свой тезисъ о безмѣрномъ нравственномъ великолѣпіи Леонардо-да-Винчи, позволяющемъ поставить его наряду съ Аристотелемъ и Христомъ. Все болѣе и болѣе увлекаясь ролью защитника и панегириста Леонардо-да-Винчи, Уціелли доходитъ въ своемъ пылкомъ краснорѣчіи до комической наивности. Онъ обращается къ самому себѣ съ предполагаемыми замѣчаніями отъ лица читателя: «Синьоръ Густаво Уціелли, — говоритъ онъ,— зачѣмъ тратить силы на разъясненіе всѣхъ этихъ распространительныхъ толкованій Аморетти?» Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, владыки того времени больше цѣнили устроителей публичныхъ зрѣлищъ, чѣмъ авторовъ хорошей книги. Паоло Джіовіо свидѣтельствуетъ намъ, что и Леонардо-да-Винчи пріобрѣлъ себѣ положеніе скорѣе, какъ организаторъ публичныхъ празднествъ, чѣмъ какъ художникъ и человѣкъ науки. На эти предполагаемыя возраженія Уціелли отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ считаетъ возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что владыки такъ-же, какъ и частныя лица, обращались къ Леонардо-да-Винчи за помощью въ описанныхъ празднествахъ, но онъ не вѣритъ, чтобы художникъ, ушедшій въ науку, созидавшій колоссальную конную статую, работавшій надъ моделью для купола миланскаго собора, участвовавшій въ совѣщаніяхъ по устройству павійскаго собора, могъ сдѣлать своимъ платнымъ ремесломъ суетную декоративную работу. Леонардо-да-Винчи либо трудился, замкнувшись въ своей студіи, либо дѣлалъ наблюденія надъ природою подъ открытымъ небомъ, либо выражалъ свою великую душу въ чисто художественныхъ созданіяхъ, и ему некогда было размѣниваться на мелочи придворной и свѣтской жизни. Такъ думаетъ Уціелли о миланской полосѣ въ жизни своего излюбленнаго героя. Но мы полагаемъ, что

вдумчивая критика документовъ, сдѣланная Аморетти, критика, мѣстами изящная по своимъ тонкимъ, беззлобнымъ, но меланхолическимъ оговоркамъ, можетъ быть признана логически вполнѣ достовѣрною и крайне важною для пониманія настоящаго облика Леонардо-да-Винчи. Аморетти ничего не преувеличиваетъ, не погрѣшаетъ излишествомъ распространительнаго толкованія. Самъ исконный миланецъ, независимый и неутомимый изслѣдователь архивныхъ документовъ, сохраняемыхъ въ Амброзіанской библіотекѣ, въ томъ числѣ и «Атлантическаго кодекса», писатель съ яснымъ и трезвымъ умомъ, чуждымъ флорентинскимъ увлеченіямъ и флорентинскому многословію, онъ безпристрастно воспроизводитъ на страницахъ своего ученаго труда всѣ политическіе и общественные кошмары ломбардской исторіи того времени. Безъ этой праздничной помпы, безъ кровавыхъ и коварныхъ распрей владычествующихъ соперниковъ, нельзя себѣ представить Милана XV и XVI вѣка, какъ нельзя себѣ представить и загадочной жизни Леонардо-да-Винчи безъ его змѣиныхъ извивовъ среди запутанныхъ житейскихъ отношеній и нравственныхъ противорѣчій. Въ небольшой, сжато изложенной біографіи Аморетти Леонардо-да-Винчи стоитъ, какъ живой, тогда какъ объемистое, кропотливое и безсистемное изслѣдованіе Густаво Уціелли, эти всемірно извѣстные «Ricerche intorno a Leonardo da Vinci» не возсоздаютъ передъ нами его тонко-демоническаго образа и даже затрудняютъ его пониманіе наивнымъ паѳосомъ предисловія и отдѣльныхъ замѣчаній, относящихся къ нравственной и умственной личности художника.

Но не разобравшись въ сложномъ вопросѣ о личности Леонардо-да-Винчи, Уціелли подробно и вполнѣ доказательно изучилъ и разсѣялъ знаменитую легенду объ «Академіи Леонардо-да-Винчи». Какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ и здѣсь обозрѣваетъ литературу предмета въ разныхъ частяхъ книги, постоянно перебивая изложеніе побочными и тоже распространительными толкованіями отдаленныхъ или мало идущихъ къ данному вопросу фактовъ. Тѣмъ не менѣе, если собрать воедино всѣ доводы Уціелли, какъ хронологическіе, основанные на критикѣ источниковъ, такъ и логическіе, разсчитанные на знакомство съ воздухомъ эпохи, нельзя не придти къ тому заключенію, что никакой организованной академіи, художественной или ученой, подъ предсѣдательствомъ Леонардо-да-Винчи въ Миланѣ не было. Начать съ того, что о такой академіи нельзя найти ни малѣйшаго упоминанія ни у Беллинчіони, ни у Ломаццо, ни у Лука Пачіоли, ни у другихъ современныхъ Леонардо-да-Винчи писателей—за исключеніемъ одного только Вазари, показанія котораго именно относительно миланскаго періода его жизни не отличаются ни полнотою, ни обстоятельностью. Стоитъ, между прочимъ, отмѣтить, что Вазари, упоминая мелькомъ объ академіи, пишетъ: «Leonardus Vinci Academia», хотя было-бы правильнѣе, во всякомъ случаѣ, писать «Academia Leonardi Vinci», какъ пишутъ, обсуждая вопросъ, старые и новые біографы художника. Трудно допустить, что Беллинчіони, воспѣвавшій въ своихъ

стихахъ разные мелкіе факты и событія миланской жизни, обошелъ молчаніемъ цѣлое учрежденіе, съ періодическими засѣданіями, подъ руководствомъ флорентинскаго Апеллеса, учрежденіе, которое, въ его глазахъ, могло бы дать ему право на самую восторженную лесть по адресу Людовико Моро, покровителя и властнаго мецената предполагаемой академіи. Точно также трудно повѣрить, чтобы и Ломаццо, собиравшій анекдоты изъ жизни Леонардо-да-Винчи, лично знавшій Франческо Мельци, его ученика и душеприказчика, нигдѣ, ни въ одномъ изъ своихъ произведеній, не отмѣтилъ заслугъ Академіи въ области науки или искусства. Именно Ломаццо, который разсыпалъ очень много историческихъ и техническихъ свѣдѣній въ двухъ своихъ сочиненіяхъ о живописи, архитектурѣ и скульптурѣ, долженъ былъ не мелькомъ и не гдѣ нибудь, а съ полною обстоятельностью, во многихъ отдѣлахъ своего изслѣдованія, разсмотрѣть дѣятельность академіи, руководимой Леонардо-да-Винчи. А между тѣмъ, онъ не проронилъ ни единаго, самаго отдаленнаго намека на существованіе такого важнаго учрежденія. У Лука Пачіоли, который, по вѣрному замѣчанію Уціелли, грѣшитъ скорѣе преувеличеннымъ и многословнымъ краснорѣчіемъ, чѣмъ скромностью и сжатостью выраженій, мы тоже не находимъ, въ его «Divina proportione», ни слова о Винчіанской Академіи, хотя онъ разсказываетъ о «достославномъ научномъ состязаніи» отъ 9-го февраля 1498 года въ присутствіи Людовико Моро и при участіи Леонардо-да-Винчи. Лука Пачіоли перечисляетъ всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ на этомъ торжественномъ собраніи, причемъ о Леонардо-да-Винчи онъ говоритъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, прославляя его художественный и научный геній, но слово Академія ни разу здѣсь не попадается. Это было состязаніе, гдѣ главную роль играли ученые, теологи и философы въ духѣ тогдашняго ломбардскаго просвѣщенія, еще не свободнаго отъ средневѣковыхъ суевѣрій. Въ этомъ сборищѣ духовныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, какъ, напр., Бусти, настоятель монастыря delle grazie, Галеаццо-Санъ-Северино и т. п., въ смѣшеніи съ толпою придворныхъ «медиковъ и астрологовъ», среди которыхъ блисталъ знаменитый въ свое время Амброджіо Варезе да Розате, Леонардо-да-Винчи и даже Лука Пачіоли должны были выдѣляться, какъ люди истинной науки, какъ отщепенцы отъ общаго культурнаго строя. Лука Пачіоли не даромъ упоминаетъ имя Леонардо-да-Винчи послѣднимъ въ ряду перечисленныхъ миланскихъ знаменитостей, потому что его участіе въ этомъ шумномъ словопреніи должно было быть самымъ незамѣтнымъ, пассивнымъ. Онъ, навѣрное, презрительно молчалъ на этомъ засѣданіи, слѣдуя своему собственному изрѣченію въ Трактатѣ о живописи: гдѣ крикъ, тамъ нѣтъ истиннаго знанія. Ему тутъ нечего было дѣлать, его сужденія и мысли, почерпнутыя изъ интимнаго наблюденія надъ природою, могли-бы разсѣять холоднымъ вѣяніемъ ироніи дымъ запутанныхъ богословскихъ и астрологическихъ фантазій. Видѣть въ этомъ единственномъ, упомянутомъ у Лука Пачіоли, диспутѣ

одно изъ собраній Винчіанской Академіи, значитъ совсѣмъ невѣрно представлять себѣ умственную жизнь Милана. Дворъ Людовико Моро, какъ и его предшественниковъ, не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности углубляться въ чисто-научные вопросы. Астрологи вполнѣ владѣли его вниманіемъ и симпатіями. При молодомъ Джіанъ Галеаццо пользовался вниманіемъ астрологъ Георгій изъ Россіи. При немъ-же въ 1485 году состоялъ «замѣчательнѣйшій врачъ, великій астрологъ и превыше всего алхимикъ»—маэстро Левъ Іудей. Но это были не единственные астрологи при миланскомъ дворѣ, замѣчаетъ Габотто,—ихъ было здѣсь цѣлое множество, потому что при дворѣ Моро ничто не дѣлалось иначе, какъ по совѣту со звѣздами—«per puncto de astrologia». Болѣзни, всякія домашнія и общественныя происшествія, какъ, напр., командировка пословъ во Францію, не обходились безъ вліятельныхъ указаній астрологовъ. Въ 1489 г. Моро спѣшно вызываетъ Амброджіо Варезе-да-Розате въ Виджевано, чтобы выслушать его предсказанія по важнѣйшимъ дѣламъ. Вотъ какой характеръ имѣла умственная жизнь Милана. При этомъ легко понять истинную роль Леонардо-да-Винчи въ качествѣ придворнаго ученаго. Его знанія не раскрывались передъ толпою. Онъ оставлялъ ихъ про себя и даже, излагая на бумагѣ свои разсужденія о вопросахъ отвлеченной науки, прибѣгалъ къ особаго рода хитроумной выдумкѣ—писалъ справа налѣво, быть можетъ, опасаясь при этомъ, какъ догадываются Уціелли и Равессонъ-Молльенъ, непрошеннаго надзора со стороны церкви. Академія, которая-бы систематически проводила его взгляды, его научную методологію, была-бы совершенно невѣроятна посреди миланскаго общества. Эта Академія есть не больше, какъ легенда, обязанная своимъ мнимымъ существованіемъ воображенію его біографовъ. По справкамъ Уціелли, свѣдѣніе о существованіи такой академіи прошло въ литературу въ началѣ XVII в. и затѣмъ было повторено разными авторами, писавшими о Леонардо-да-Винчи, какъ-то: Маццента, дю-Френь, Сасси и др. вплоть до Аморетти. Этотъ послѣдній говоритъ объ Академіи съ полнымъ убѣжденіемъ, повидимому, даже не подозрѣвая возможности какой-либо ошибки въ данномъ направленіи, хотя передъ нимъ были всѣ тѣ первоисточники, которые должны были навести его на вѣрную дорогу. Главнымъ доказательствомъ для Аморетти служитъ показаніе Вазари и существованіе извѣстнаго рисунка—квадрата съ запутаннымъ орнаментомъ и круглой надписью въ серединѣ «Academia Leonardi Vici». Въ 1884 г. Уціелли, разсматривая этотъ вопросъ во второмъ томѣ своихъ «Ricerche», еще держался того мнѣнія, что рисунокъ, находящійся въ «Атлантическомъ кодексѣ» и существующій въ видѣ гравюры въ Амброзіанской библіотекѣ, въ Парижѣ въ Cabinet des Estampes и въ Британскомъ Музеѣ, былъ предназначенъ служить билетомъ для членовъ Академіи. Въ настоящее время, какъ мы уже знаемъ, Уціелли откровенно высказываетъ другое мнѣніе, полагая, что рисунокъ «Атлантическаго кодекса» есть лишь выраженіе какихъ-нибудь мечтаній Леонардо-да-Винчи объ основаніи научно-художе-

ственной Академіи подъ его руководительствомъ. Эта догадка не лишена правдоподобія и, въ связи съ обстоятельно-разобранными документами и общими разсужденіями, такъ сказать, принципіальнаго свойства, исчерпываетъ весь вопросъ о миланской Академіи.

Однако, если существованіе Академіи оказалось невѣрною легендою, то не подлежитъ сомнѣнію, что Леонардо-да-Винчи имѣлъ въ Миланѣ своихъ учениковъ и преданныхъ друзей. Надо думать, что, не умѣя привязываться къ людямъ сердцемъ, онъ очаровывалъ ихъ своимъ необъятнымъ геніемъ и тѣмъ артистическимъ изяществомъ, которымъ была проникнута его внѣшность и, вообще, все то, что выходило изъ его рукъ. Онъ завораживалъ людей, какъ змѣя, приковывалъ къ себѣ ихъ вниманіе, держалъ въ гипнотическомъ плѣну ихъ умъ. Такими близкими къ нему людьми были Салаи или Андреа Салаино и Франческо Мельци. Вазари разсказываетъ, что Салаино—юноша съ прекрасными вьющимися волосами, женственно граціозный—очень нравился Леонардо-да-Винчи. Онъ былъ его креатурою,—одновременно слугою и ученикомъ. У Аморетти мы находимъ, въ разныхъ мѣстахъ, указанія на то, что Леонардо-да-Винчи особенно заботился о Салаино. Онъ тратилъ деньги на его одежды, помогалъ, изъ собственныхъ средствъ, сдѣлать приданое его сестрѣ, давалъ ему отвѣтственныя порученія и, наконецъ, оставилъ ему часть имущества по духовному завѣщанію. Въ примѣчаніяхъ Саверіо-дель-Монте къ трактату Ломаццо о живописи, скульптурѣ и архитектурѣ и въ примѣчаніяхъ Миланези къ біографіи Вазари мы имѣемъ повтореніе тѣхъ-же свѣдѣній. Саверіо-дель-Монте наивно подчеркиваетъ, что Салаино былъ особенно любезенъ своему патрону за красоту тѣла и души. Онъ служилъ моделью для многихъ его картинъ, а его собственныя картины подправлялись кистью Леонардо-да-Винчи—furono ritoccati dal maestro. Другимъ близкимъ ученикомъ Леонардо-да-Винчи былъ Бельтраффіо—богатый и знатный миланецъ, жившій отъ 1467 г. до 1516 г. По легендѣ, Бельтраффіо былъ преемникомъ Леонардо-да-Винчи въ управленіи Академіей. Затѣмъ, въ числѣ людей, развившихъ свое живописное дарованіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ Леонардо-да-Винчи, слѣдуетъ назвать Чезаре-да-Сесто, Марка д'Оджіонно и Франческо Мельци. О послѣднемъ Ломаццо говоритъ, какъ о замѣчательномъ миніатюристѣ. Это былъ богатый миланскій юноша аристократическаго происхожденія, который въ тревожныя минуты могъ предоставить Леонардо-да-Винчи спокойное убѣжище въ своихъ владѣніяхъ въ Ваиріо, на берегу быстро текущей Адды. Когда впослѣдствіи Леонардо-да-Винчи рѣшилъ переѣхать во Францію, Франческо Мельци послѣдовалъ за нимъ. Повидимому, Франческо Мельци былъ болѣе другихъ прикованъ къ своему геніальному учителю и другу. По духовному завѣщанію, именно онъ сдѣлался наслѣдникомъ всѣхъ рукописей, рисунковъ и инструментовъ, принадлежавшихъ Леонардо-да-Винчи. Мельци до конца жизни не выходилъ изъ подъ гипнотическихъ чаръ великаго мага. Онъ разсказывалъ Ло-

маццо о чудесахъ его механической изобрѣтательности и, повидимому, служилъ авторитетнымъ источникомъ для всѣхъ, интересовавшихся дѣятельностью художника. Въ Амброзіанской галлереѣ сохраняется до сихъ поръ портретъ молодого Мельци, сдѣланный рукою Бельтраффіо. На этомъ портретѣ онъ изображенъ съ нѣжнымъ, женственнымъ лицомъ, съ густыми и длинными свѣтлыми волосами, которые, закрывая уши, падаютъ на плечи плотною массою. Небольшіе глаза его смотрятъ меланхолично и нѣсколько подавленно. Онъ одѣтъ въ блузу со складками, на головѣ большая мягкая шляпа съ широкими завороченными полями.

Салаино, Бельтраффіо, Чезаре-да-Сесто, Марко д'Оджіонно и Франческо Мельци—вотъ та немногочисленная свита учениковъ, которая окружала Леонардо-да-Винчи въ Миланѣ. Сюда, конечно, не входятъ люди, не находившіеся подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, каковы Луини, Бернардино Конти, Гауденціо Феррари и другіе, явившіеся подражателями и продолжателями художественныхъ пріемовъ Леонардо-да-Винчи. Имѣя въ виду его повседневную жизнь въ Миланѣ, приходится говорить только о небольшомъ кружкѣ названныхъ художниковъ, къ которымъ надо еще присоединить, въ качествѣ ученаго друга Леонардо-да-Винчи, замѣчательнаго математика Лука Пачіоли. Съ послѣднимъ Леонардо-да-Винчи познакомился, впрочемъ, не ранѣе 1497 года, т. е. когда была уже почти окончена «Тайная Вечеря». Лука Пачіоли благоговѣлъ передъ легкимъ, подвижнымъ геніемъ Леонардо-да-Винчи. Высокообразованный человѣкъ, онъ писалъ свои сочиненія безформеннымъ стилемъ, представлявшимъ смѣшеніе сквернаго итальянскаго нарѣчія съ варварскими латинскими фразами. Долгое время надъ нимъ тяготѣли обвиненія въ научныхъ плагіатахъ,—обвиненія, которыя теперь могутъ считаться разсѣянными. Не подлежитъ сомнѣнію, что Леонардо-да-Винчи, со своимъ математическимъ складомъ ума, былъ полезенъ ему и даже сдѣлалъ для него геометрическіе рисунки, помѣщенные въ его книгѣ «Divina Proportione». Въ свою очередь Лука Пачіоли оказывалъ великому художнику услуги, помогая ему при вычисленіяхъ размѣровъ и тяжести Колосса. Когда въ 1500 г., послѣ разгрома политическаго могущества Людовико Моро, Леонардо-да-Винчи уѣхалъ изъ Милана во Флоренцію, Лука Пачіоли послѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ Салаино. Мудрая змѣя, долгое время обвивавшаяся вокругъ Шелковичнаго Дерева, перекинулась теперь въ теплую родственную Тоскану, увлекая за собою двухъ загипнотизированныхъ друзей.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Паоло Джіовіо.

(Написано около 1527 г. Richter. The literary Works, vol. II, стр. 5).

Леонардо, родомъ изъ Винчи, незначительнаго мѣстечка Тосканы, придалъ живописи великое значеніе, отрицая право заниматься ею для

тѣхъ, кто не подготовился къ ней путемъ науки и свободнаго искусства, которыя служатъ для живописи необходимою опорою. Онъ требовалъ, чтобы живописи предшествовали занятія пластикою, потому что она даетъ первообразъ для воспроизведенія фигуръ въ плоскости. Ничто его такъ не занимало, какъ труды надъ оптикою, посредствомъ которыхъ онъ до тонкости постигъ законы тѣней и свѣта, въ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ. Онъ предавался нечеловѣчески тяжелой и отвратительной работѣ въ анатомическихъ школахъ, разсѣкая трупы преступниковъ, чтобы прослѣдить пути природы} и, по расположенію нервовъ и позвонковъ, воспроизводить различные сгибы и напряженія членовъ. Онъ изобразилъ въ таблицахъ каждую тончайшую частицу, не исключая мельчайшихъ жилокъ и внутренней ткани костей, съ величайшею точностью и, такимъ образомъ, отъ его многолѣтней работы должно было остаться на пользу искусства безконечное число образцовъ. Между тѣмъ, отыскивая разнообразныя вспомогательныя средства, онъ весьма неисправно трудился надъ однимъ опредѣленнымъ искусствомъ и довелъ до конца очень мало работъ. Увлекаемый легкостью генія и подвижностью натуры, онъ постоянно измѣнялъ первоначальнымъ замысламъ. Однако, его Вечеря Христа съ апостолами, написанная на стѣнѣ въ Миланѣ, возбуждаетъ изумленіе. Эта картина такъ понравилась королю Людовику, что, восторженно созерцая ее, онъ спросилъ окружающихъ, нельзя-ли перенести ее во Францію, вырѣзавъ стѣну, или отъ этого разрушится сама замѣчательная Вечеря? Существуетъ картина съ изображеніемъ ребенка Христа, играющаго съ Богоматерью и бабушкою св. Анною,—картина, которая была пріобрѣтена королемъ Франциском и помѣщена имъ среди лучшихъ украшеній его кабинета. Есть также въ залѣ флорентинскаго Совѣта изображеніе битвы и побѣды, одержанной надъ пизанцами, начатое замѣчательнѣйшимъ образомъ, но имѣвшее печальный конецъ, вслѣдствіе недостатковъ штукатурки, которая осыпалась подъ красками, разведенными на маслѣ, несмотря на всѣ старанія художника наложить ихъ какъ можно лучше. Очевидно, что глубоко понятное огорченіе по поводу такого неожиданнаго несчастія еще болѣе возвысило цѣну этой неоконченной работы. Онъ дѣлалъ для Людовика Сфорца колоссальную конную статую изъ гипса, чтобы потомъ вылить ее изъ бронзы. На лошади предполагалось изобразить, изъ того-же матеріала, отца Людовико, Франческо, знаменитаго воина. Въ этой работѣ возбуждаетъ удивленіе мощный разбѣгъ тяжелодышащей лошади, въ чемъ проявляется величайшее мастерство скульптора и высшее пониманіе природы. Леонардо привлекалъ къ себѣ своими изысканными дарованіями, выдержкою аристократическихъ манеръ и прекрасной наружностью. Затѣмъ онъ былъ рѣдкимъ изобрѣтателемъ и цѣнителемъ всего изящнаго и въ особенности услаждающихъ театральныхъ зрѣлищъ, владѣлъ музыкальнымъ искусствомъ, сопровождая игрою на лирѣ сладчайшее пѣніе, а потому сдѣлался въ высшей степени угоденъ всѣмъ властнымъ лицамъ, которыя

только его знали. Онъ умеръ во Франціи, шестидесяти семи лѣтъ отъ роду, повергнувъ своихъ друзей въ тѣмъ большее горе, что среди множества юношей, учившихся подъ его руководствомъ, не осталось ни одного выдающагося художника.

G. Bossi. Del Cenacolo. Milano 1810. (Paolo Giovio 20—22).

Giorgio Vasari. Lionardo da Vinci (Trattato della pittura, Roma 1890).

Carlo Amoretti. Memorie storiche su la vita, gli studi e le opere di Lionardo da Vinci. Milano 1804, стр. 24—26 (письмо къ Л. Моро).

Bernardo Bellincioni. Le Rime, Bologna 1876, vol. I. Prefatione di Prete Francisco Tantio

— Vol. II. Bologna 1878. Canzone della pazienza 202—203. Canzonetta della fatica, 204—205. Festa ossia Rappresentazione chiamata *Paradiso*, 208.

Gio. Paolo Lomazzo, Trattato dell'arte della pittura, scultura ed architettura, Roma 1844, vol. I, 174 (Melzi), vol. II. 175 (Melzi), vol. II. 382 (Salaino), ibidem (Beltraffio).

Gustavo Uzielli. Ricerche intorno a Leonardo da Vinci, Serie prima. Torino 1896. стр. 110—114, 208—210 (критика Аморетти), 136 (Galeazzo Sanseverino), 153—156 (Bagno per la duchessa), 341—370. 496—505 (Accademia).

G. Uzielli. Ricerche intorno a Leonardo da Vinci. Serie seconda, Roma 1884, стр. 200—201, 441—448 (tamburazione del 9 di Aprile e 9 di Giugno 1476), стр. 370—371 (Accademia).

Jean Paul Richter. The literary Works of Leonardo da Vinci, vol. II. The Sforza Monument 1—7. The notes on Sculpture стр. 15. 723, стр. 399—400. 1345 (отрывки изъ письма Леонардо-да-Винчи), стр. 34. 751 и примѣч. (padiglione). стр. 284 (tamburazione).

G. Milanesi (Trattato della pittura, Roma 1890). Prospetto Cronologico della vita e delle opere di Leonardo da Vinci.

Ferdinando Gabotto. Nuove ricerche e documenti sull'Astrologia alla Corte degli Estensi e degli Sforza. Torino 1891.

Léonard de Vinci. Les Manuscrits (H de la Bibliothéque de l'Institut. Ash. 2038 et 2037 de la Bibliothéque Nationale), publiés par M. Charles Ravaisson-Mollien. Paris 1891. H. (²) Folio 88 [40] verso (Людовико Моро). Concordance succincte des biographies et des autographes de Léonard de Vinci 45—47.

M. Charles Ravaisson-Mollien. Extrait des procés verbaux de la Société nationale des Antiquaires de France, стр. 3. Séance du 20 Iuin 1894.

Я привелъ біографію Паоло Джіовіо въ переводѣ съ латинскаго, причемъ я дѣлалъ справки съ итальянскимъ переводомъ этого прекраснаго документа, помѣщеннымъ въ книгѣ Босси о «Тайной Вечерѣ». Указавъ затѣмъ источники, изъ которыхъ я почерпалъ біографическія свѣдѣнія о жизни Леонардо-да-Винчи, — преимущественно старинно итальянскіе, эпохи Леонардо-да-Винчи, и позднѣйшіе, какъ Аморетти и Уціелли,—долженъ прибавить при этомъ, что другія существующія біографіи представляютъ, въ большинствѣ случаевъ, компилятивный пересказъ общеизвѣстныхъ фактовъ. Полной характеристики Леонардо-да-Винчи, психологической или научно-философской, я не нашелъ ни въ одной изъ европейскихъ литературъ, хотя о немъ написано не мало сочиненій съ тѣми или другими спеціальными цѣлями. Опускаются

мелочи, иногда анекдотическаго характера, но представляющія громадную важность для объясненія и пониманія этой загадочной личности, и отмѣчаются факты его внѣшней жизни—наиболѣе крупные—безъ критики тѣхъ обстоятельствъ, той умственной атмосферы, въ которой сложилась и прошла жизнь Леонардо-да-Винчи. Даже капитальнѣйшіе труды по изданію манускриптовъ Леонардо-да-Винчи, каковы изданіе Рихтера, монументальное изданіе Равессона-Молльена, прекрасныя изданія Ѳ. Сабашникова, наконецъ итальянское изданіе «Атлантическаго Кодекса»—еще не послужили, повидимому, ни одному европейскому критику матеріаломъ для всесторонней оцѣнки и характеристики Леонардо-да-Винчи. Эта работа еще ожидаетъ терпѣливаго изслѣдователя, вооруженнаго разнообразными знаніями и обладающаго чутьемъ къ сложнымъ психологическимъ задачамъ, способностью видѣть живую человѣческую личность въ исторической перспективѣ.

Въ русской литературѣ тоже имѣется нѣсколько работъ о Леонардо-да-Винчи, какъ, напр., статьи г. Шохора-Троцкаго и проф. Столѣтова, которыми однако не приходится пользоваться при изученіи Леонардо-да-Винчи, потому что эти работы сдѣланы не по первоисточникамъ. Они касаются научной дѣятельности Леонардо-да-Винчи въ тѣхъ общихъ чертахъ, которыя можно найти въ новѣйшихъ европейскихъ сочиненіяхъ, пріобрѣвшихъ большую извѣстность. Отмѣчу, между прочимъ, еще небольшую книжку подъ названіемъ: «Леонардо-да Винчи, его жизнь и дѣятельность», изданія Ф. Павленкова, вышедшую въ 1892 г. Авторъ этой книжки—докторъ философіи М. Филипповъ. Трудно представить себѣ біографическій очеркъ, написанный съ большею неосторожностью по отношенію къ такому предмету, какъ жизнь и дѣятельность Леонардо-да-Винчи. Авторъ не составилъ себѣ, можно сказать, никакого представленія о художественныхъ работахъ Леонардо-да-Винчи и, повидимому, не ознакомился даже съ его наиболѣе знаменитыми картинами. Такъ, въ книжкѣ помѣщенъ снимокъ—къ слову сказать, очень плохой—Луврскаго «Вакха», подъ которымъ напечатано «Іоаннъ Креститель»! Кромѣ того, авторъ приводитъ, въ качествѣ снимка съ эрмитажнаго «Св. Семейства» Леонардо-да-Винчи, снимокъ съ картины, которая вовсе не находится въ с.-петербургскомъ Эрмитажѣ, не говоря уже о томъ, что авторитетные критики совсѣмъ не признаютъ с.-петербургскую картину, такъ-же, какъ и приведенную въ книжкѣ, за произведеніе Леонардо-да-Винчи. Отмѣчаемъ эти характерныя подробности только для того, чтобы показать добросовѣстность и вниманіе біографа къ поставленной себѣ задачѣ. О томъ, что говорится въ книжкѣ г. Филиппова, такъ сказать, отъ себя, мы распространяться не станемъ. Отмѣтимъ еще только нѣсколько курьезовъ, вкравшихся въ книжку ученаго писателя. Людовико Моро называется у него Людовикомъ ле Море, а также Мавромъ!

Слѣдуя за компиляціями и не справляясь ни съ какими серьезными спеціальными работами на эту тему, авторъ разсказываетъ, что въ 1494 г. Леонардо-да-Винчи «поселяется въ Павіи, гдѣ беретъ уроки анатоміи у генуэзскаго ученаго Марко Антоніо делла Торре». Если бы г. Филипповъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ знакомъ съ сочиненіемъ Упіелли и другими спеціальными работами, онъ зналъ бы, что въ 1494 г. знаменитый павійскій анатомъ былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Знакомство съ нимъ Леонардо-да-Винчи относится, въ дѣйствительности, къ болѣе позднему времени. Наконецъ, еще одинъ курьезъ—среди многихъ другихъ, которые мы оставляемъ безъ вниманія. Вотъ что пишетъ г. Филипповъ на 31 стр. своей книжки: «Даже религіозныя празднества не обходились безъ участія Леонардо. Однажды понадобилось перенести гробницу св. Кіодо. Леонардо тотчасъ предлагаетъ свои услуги, онъ сооружаетъ машину изъ блоковъ и веревокъ и облегчаетъ трудъ рабочихъ». *Chiodo* della Croce—т.-е. *гвоздь* отъ креста превратился въ гробницу св. Кіодо! При такомъ знаніи итальянскаго языка и обстоятельствъ дѣла можно всякое непонятное слово превратить въ имя какого-нибудь святого. Если бы г. Филипповъ доискался по книгамъ, что Chiodo della Croce былъ поднятъ блоками подъ куполъ миланскаго собора, онъ, вѣроятно, не рискнулъ бы сказать, что дѣло идетъ о гробницѣ св. Кіодо. Подобныхъ курьезовъ въ книгѣ г. Филиппова несмѣтное множество. Можно смѣло сказать, что такой легкомысленной книжки о Леонардо-да-Винчи не найдется ни въ одной изъ европейскихъ литературъ. Въ Европѣ изученіе Леонардо-да-Винчи, во всякомъ случаѣ, поставлено на почву добросовѣстныхъ изслѣдованій подлинныхъ документовъ и источниковъ.

А. Волынскій.

Близнецы св. Николая.

(Изъ «Сказокъ дѣйствительности»).

I.

Если въ Италіи скверно, то могу васъ поздравить—наткнетесь на такую погоду, хоть къ сѣверному полюсу бѣги отъ нея! Мы такъ привыкли — ненастье дома въ порядкѣ вещей. Солнце и голубое небо совсѣмъ не для Петербурга, не къ лицу ему. Выскочишь отсюда весною съ раздерганными нервами, измученный шестимѣсячной зимой, туманной, гнилой, разлаженной—только и мечтаешь послѣ этой жути и мути: какъ бы скорѣе отогрѣться въ лазурномъ краю... А тутъ, за альпами все сѣро, уныло и скучно. Дождь, дождь и дождь! Отовсюду точно завѣсы опущены передъ вами и сквозь ливень вы любуетесь мокрыми полями, озябшими платанами, посинѣвшими отъ холода дворцами и простуженными виллами. Точно у старика воспоминаніе далекой юности:—чуть-чуть примерещится гдѣ-то въ сторонѣ, сквозь мглу и ненастье, залитой свѣтомъ уголокъ съ тонкими кипарисами и сверкающими на солнцѣ мраморами—и опять тучи бѣгутъ за тучами, низко-низко нависшее небо плачетъ надъ измокшею землей—радъ бы зажмуриться и ничего не видѣть больше. Такъ и на этотъ разъ: равноденственныя бури съиграли плохую шутку съ адріатическимъ раемъ. Все потускло, поблекло, слиняло. Точно заботливый хозяинъ затянулъ Италію чехлами—ничего не разберешь сквозь сѣтку дождя... Ни красокъ, ни опредѣленныхъ линій. Сплывается, теряетъ контуры, распускается въ скучной безконечности... Летишь съ сѣвера на югъ— и за Миланомъ — города кажутся пятнами. Похоже на картину, долго пролежавшую въ сыромъ погребѣ. Пьяченца, Парма, Реджіо, Модена — на мгновеніе подразнятъ изъ тумана острою колоколенкой или мрачною громадой средневѣковаго собора, обернувшагося къ вамъ

16*

царственнымъ порталомъ... И опять Богъ вѣсть откуда наползаютъ сѣрыя безформенныя тучи, стирая все передъ вашими глазами... И то было намѣчено чуть-чуть карандашемъ, а тутъ чья-то чудовищная лапа размазала его—и не разобрать: сонъ это или дѣйствительность... За Болоньей, которая изъ-за окутавшей ее мглы погрозилась падающими башнями, началось нѣчто невообразимое. Адріатическое поморье, обыкновенно такое ласковое, счастливое, нѣжно утопающее въ свѣтлой лазури, было захвачено слѣдовавшимъ съ нами циклономъ. Рѣчки пыжились, яро неслись грудью, смывали берега и бѣсились, вскидывая мыльную пѣну чуть не до верхушекъ утесовъ. Море злобилось и накидывалось шумными валами на идилическіе города. Одинъ бѣлый Пезаро—родина Романскаго соловья Россини—былъ подъ солнцемъ. Оно прорвалось сквозь туманъ и приголубило своего любимца. Санъ Марино, Фано, Синигалья—дрожали отъ громовыхъ ударовъ. Вверху подъ небесами точно свершалась отчаянная битва. Изъ тучъ въ тучи, отъ одного горизонта къ другому, неслись крылатыя рати. Было уже поздно. Отъ взмаховъ ихъ мечей вздрагивали горы и цѣлыя ливни огня сыпались оттуда на притаившуюся землю. За Анконою — море не видно. Но въ темномъ царствѣ ночи, испуганное и смятенное, оно стонало и спѣшило въ ущелья и на отмели, убѣгая отъ таинственнаго и невидимаго врага... Въ вагонахъ—скверно. Жутко, холодно. Мы ѣхали точно въ рѣшотахъ. Дуло отовсюду. Насквозь пронизывало горною стужей, брызгало въ скважины, и порою казалось, что ослѣпительно синія молніи направляются въ наши окна. Поѣздъ то и дѣло останавливался въ полѣ, какъ будто на отчаянномъ бѣгѣ ему надо было отдышаться. Оторопѣлые и перепуганные кондуктора—орали на станціяхъ. Ждали катастрофы. Позади насъ уже сорвало нѣсколько мостовъ, кто могъ поручиться, что и впереди не случилось того же? Гдѣ-то въ туманѣ мы налетѣли на пожарище. Небеснымъ огнемъ зажгло рощицу пиній и вѣтромъ ихъ раздувало точно факелы. Пламя рвалось на всѣ стороны, не зная куда ему кинуться отъ ужаса... Я вспомнилъ этотъ уголокъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его подъ чуднымъ осеннимъ солнцемъ. Зонтичныя дерева такъ тонко и нѣжно рисовались тогда на ясной и прозрачной синевѣ, бросая сверху почти голубыя тѣни на золотистыя теплыя скалы. Тогда мы жаловались на зной—теперь-бы хоть на минуту отогрѣться въ немъ. Усталымъ и измученнымъ путешественникамъ удалось заснуть только подъ утро. Стихало—но еще гуще былъ туманъ. Кругомъ не такъ дуло. И, завернувшись въ пледы, мы забились по угламъ купе. За Ортоной все тонуло въ тучахъ... День родился въ нихъ — холодный и сѣрый. За окнами уже ничего нельзя разобрать. Полная безнадежность, что-то побѣдное, безпощадное, непроницаемое. Можно было

пожалѣть о ливнѣ. Эти тусклыя потемки хуже, сплошнѣе. Душило. Я забылся опять... Прошло часа три, четыре... Открылъ глаза—я откинулся, до того неожиданно было то, что я увидѣлъ. Точно благодѣтельная фея ударила передо мною волшебнымъ жезломъ. Сказка да и только! Но какая сказка—яркая, очаровательная, послѣ которой невольно хочется зажмуриться на дѣйствительность. Въ иную, уже блаженную и радостную безконечность раскинулись чистыя небеса. Сквозь святую лазурь ихъ улыбаются цвѣтущей землѣ херувимскіе лики... Воды — точно «вчера» было кошмаромъ — такъ и горѣли спокойною, безмятежною синью, откидывая на желтыя отмели серебристое кружево едва замѣтнаго прибоя. Я опустилъ раму. Пахло цвѣтами. Сады зелеными облаками приникли къ бѣлымъ домикамъ съ плоскими кровлями, веселымъ и шаловливымъ, какъ дѣти, игравшіе у ихъ наружныхъ каменныхъ лѣстницъ. Еще полчаса—и вотъ она благодатная Апулія!.. У голубаго моря, подъ бирюзовыми небесами, купаясь въ одномъ и радуясь другимъ, бѣлые какъ снѣгъ, чисто восточные города, очерченные прямыми линіями... Тѣ-же плоскія кровли—одна выше другой, точно ступени въ воздушную область счастливыхъ миражей. Бѣлыя башни, бѣлые соборы, бѣлые порталы, бѣлые дворцы, бѣлыя улицы, бѣлыя площади... И по всему бѣлому—голубыя тѣни и пестрыя арабески зелени и цвѣтовъ, цѣпляющихся за стѣны, за колонны, за зубцы, за балконы... Что-то необыкновенно тихое, спокойное, нѣжащее и успокаивающее, какъ колыбельная пѣсня, ласковое, какъ поцѣлуй матери, прозрачное, какъ душа ребенка... Да, это она счастливая, веселая, смѣющаяся Апулія... Когда поѣздъ останавливался, изъ виноградниковъ долетали пѣсни женщинъ и дѣвушекъ. Не итальянскія—купающіяся точно птицы въ тепломъ воздухѣ—а полувосточныя, проникнутыя благородною свѣтлою грустью, точно вздыхающія о чемъ-то. О чемъ? Не знаешь самъ—только на душѣ отъ нихъ растетъ отвѣтная поэтическая жажда—того, чего нѣтъ на свѣтѣ, что грезится только смутно и неясно... Край миражей—это онъ съ его сказочными далями... На югъ за моремъ—таинственная Африка, на востокъ—спящая въ великихъ руинахъ Греція... Въ верху небо—гдѣ нѣкогда надъ этою страною мирился коранъ съ Евангеліемъ, и христіанскіе ангелы были прекрасны, какъ гуріи пророка... Да... это она счастливая, поющая Апулія!..

II.

Бѣлый Бари! Онъ удивительно красивъ у воздушной Адріатики... Когда я вышелъ изъ вагона—этотъ городъ Св. Николая Мирликійскаго горѣлъ подъ солнцемъ. Плоскія кровли его сверкали одна надъ другой, огибая голубой заливъ... Онъ точно обнятъ каменными молами, тоже

бѣлыми, какъ бѣло все здѣсь. Въ лунныя ночи — весь этотъ городъ въ серебристой фатѣ, наброшенной на бѣлый атласъ подвѣнечнаго платья. Днемъ онъ передъ вами раскидывается сказкой, высѣченной изъ камня... Иначе не знаю какъ и назвать это. Изъ-за плоскихъ кровель, если видѣть ихъ съ моря, приподымается на каменныхъ локтяхъ и смотритъ въ безконечную даль величавая и нѣсколько сумрачная подъ короною восточнаго купола — великолѣпная громада собора. Могучій, цѣльный, онъ является достойнымъ саркофагомъ погребеннаго подъ нимъ святого— одинаково чтимаго во всемъ христіанскомъ мірѣ... Старое Бари: узкія улицы, надъ которыми дома перебросили одинъ къ другому арки, точно схватились руками, крохотныя площади, съ легендарными башнями, съ мраморными рѣзными фасадами церквей, съ нишами, гдѣ стоятъ въ голубыхъ и золотыхъ вѣнцахъ статуи Мадоннъ, колонны Богъ вѣсть кѣмъ, когда и зачѣмъ завезенныя сюда съ малоазійскихъ руинъ. Эта часть города вся слѣпилась вокругъ Св. Николая. Именно слѣпилась! Въ ея щеляхъ и трещинахъ—кишмя кишатъ десятки тысячъ наивнаго люда, полуодѣтаго и немытаго. Какіе типы—истинное раздолье художнику! Цѣлые дни проведешь, любуясь дѣтьми и женщинами, ничего общаго не имѣющими съ классическою и строгою Италіей. Кажется все неправильно, а хорошо такъ, что не оторваться. Кто только не работалъ надъ созиданіемъ этой своеобразной красоты! И греки, и албанцы, и норманны, и сарацины, уже не говоря о римлянахъ... Всякій внесъ черточку — и всѣ черточки ужились и сложились въ лицѣ барійской женщины — хоть читай на немъ длинную лѣтопись завоеваній этого края... шумъ и гамъ въ тѣсныхъ улицахъ стараго Бари — точно все оретъ, поетъ и смѣется нарочно, желая оглушить васъ суетней и суматохой... Только вкрапленный въ это мѣсиво суровый нормандскій замокъ одинъ молчитъ и хмурится, да таинственная и молитвенная Базилика Св. Николая всей своей каменной бездною говоритъ вамъ о вѣчности. Я бы сказалъ о небѣ, но небеса по этимъ трещинамъ раскинули такія голубыя ленты—радостныя и свѣтлыя, что и безъ собора вы не забудете свѣтлыхъ и прозрачныхъ высей... Средневѣковое гнѣздо это съ башнями и соборами, обросло отовсюду новыми кварталами. Тутъ прямыя и широкія, подъ прямыми углами пересѣкающіяся улицы, но тоже бѣлыя, тоже плоскокровельныя, тоже сверкающія чѣмъ-то счастливымъ и яснымъ... Въ ихъ глубинѣ то улыбнется вамъ морская лазурь, то цвѣты загородныхъ садовъ... И вдругъ—идешь-идешь по нимъ и останавливаешься какъ вкопанный! Что это? Откуда принесло—и смотришь безъ конца, какъ сгорбившись подъ знакомыми сумами и котомками, въ ободранныхъ полушубкахъ и расколовшихся картузахъ, запыленные, сѣрые— непремѣнно «цѣлымъ міромъ» прутъ наши... Какъ это Кострома и Рязань попали въ бѣлое Бари?.. Русскіе? — спрашиваете вы... «Да, ба-

тюшко! Св. Николаю поклониться...»—и движется эта толпа, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по бездорожью, съ своеобразной, стихійною силой... Лохматая, бородатая, рваная, если хотите унылая и голодная, но неодолимая въ стремленіи къ разъ намѣченной цѣли... Чего только не дѣлаютъ съ нею! Мы—Богъ вѣсть къ чему держимъ консула въ Бриндизи, а тутъ вся заботливость о нашемъ паломникѣ въ рукахъ у настоящихъ его вороговъ, не то грековъ, не то левантинцевъ, обдирающихъ съ него послѣднее. Стонетъ и ноетъ отъ такой заботы о немъ богомолецъ-костромичъ, валятъ его спать въ грязные и чумные подвалы, гонятъ его—къ ложнымъ святынямъ, рвутъ съ него лохмотья... Кажется, и оставить ему нечего, а какъ нищій, бѣгущій чрезъ колючки, смотришь—то тамъ то сямъ бросаетъ онъ лоскутъ за лоскутомъ—такъ что на бѣлый свѣтъ измозженное тѣло у него жалуется... Жалкій грошъ завязался—непремѣнно тотъ-же защитникъ приведетъ паломника къ знакомой бабѣ, и та подъ видомъ манны св. Николая продастъ ему простую воду... Дорвутся до каменныхъ плитъ собора—и падаютъ на нихъ богомольцы, въ неописуемо-благоговѣйномъ порывѣ забывая все—и усталь, и му́ку, и обиду. И чудится имъ, что царственные своды, покоющіеся на могучихъ колоннахъ, раздвигаются въ безконечность и иное, не это радостное и лазурное, а мистическое «неизрѣченное» небо раскрываетъ надъ ними таинственную глубину... А тутъ еще—нѣчто необычное. Вдругъ въ высотѣ заговоритъ и тысячами звуковъ наполнитъ все органъ—и таетъ въ благодарной молитвѣ душа и мерещится наивному богомольцу, ужъ не подхватили-ли его крылья серафимовъ въ обѣтованный рай...

По обѣ стороны верхняго алтаря широкія каменныя ступени падаютъ въ темень... Оттуда загадочные напѣвы. Затая дыханіе, спускается очарованный паломникъ—и старый, нижній храмъ, настоящая гробница величайшаго святого, охватываетъ его отовсюду вѣковымъ величіемъ... Низки и тяжелы здѣсь колонны, грузно нависли своды... Сотни лампадъ струятъ въ потемки трепетный свѣтъ. Едва-едва различается древняя лѣпка, тускло отливаетъ строгими отсвѣтами позолота. И весь священный, безмолвный, загадочный торжественно зоветъ душу богомольца алтарь, воздвигнутый надъ мощами св. Николая. Молится и плачетъ костромичъ, оторвать лба не въ силахъ отъ мраморныхъ плитъ, къ каждой колоннѣ припадаетъ высохшими отъ страстной жажды устами, слушаетъ чуждое ему служеніе католическихъ патеровъ, пока въ этомъ алтарѣ не отворится низенькая золоченая дверца—и онъ ползетъ подъ нее, распростираясь на металлическомъ помостѣ. Тамъ окно внизъ... Сквозь чудится что-то—но не покрытыми влагою глазами—богомолецъ видитъ его... Онъ пріобщился такимъ образомъ святынѣ христіанскаго міра. Онъ съ слабыми, ничтожными силами, съ нищетой, невѣжествомъ, безъязычіемъ

одолѣлъ разстояніе, побѣдилъ преграды, казавшіяся неодолимыми, и теперь касается цѣли своего стихійнаго странствія. Онъ весь въ атмосферѣ, переполненной благоговѣніемъ милліоновъ, молившихся здѣсь. Каждый изъ нихъ оставилъ что-то, какую то частичку священнаго порыва подъ нижнимъ сводомъ стараго храма. Каждый здѣсь именно оторвался отъ мучительной дѣйствительности, отъ тяжелаго послушанія земной жизни—и тутъ ему открылся уголокъ завѣсы, скрывающей до смертнаго часа его свѣтоносную родину. И весь потрясенный, счастливый, колеблющійся, точно это непосильная ноша духовнаго восторга давитъ его,—возвращается назадъ странникъ, уже не замѣчая облѣпившей его отовсюду саранчи. Опять рвутъ съ него все, что могутъ, помыкаютъ имъ какъ осломъ подъяремнымъ, смѣются надъ его робостью, непониманіемъ — но онъ весь такъ и сіяетъ радостными глазами. Онъ всѣхъ любитъ въ эту минуту—и даже мысли о томъ, что онъ долженъ простить кого-то за это издѣвательство надъ нимъ, не приходитъ ему въ голову. Простить? за что? Онъ сейчасъ пережилъ такое великое счастье, что все остальное, какъ ночныя тѣни передъ солнцемъ, смылось, исчезло, ушло... Блаженъ тотъ, кто можетъ такъ чувствовать! Жизнь хороша подобными ощущеніями и въ ихъ огнѣ сгораютъ ея несовершенства и огорченія...

III.

Лѣтъ десять назадъ — я былъ здѣсь впервые. Бари съ тѣхъ поръ нисколько не измѣнился. Недѣля, проведенная въ его бѣлыхъ стѣнахъ, запала въ мою память. Также тогда, какъ и теперь, случилось въ соборѣ видѣть нашихъ паломниковъ, не отрывавшихся отъ чужихъ иконъ и невѣдомыхъ имъ статуй, воспаленными отъ дороги и слезящимися отъ утомленія глазами. Чуть-ли не на третій день послѣ моего пріѣзда я зашелъ въ прохладу и потемки собора — отдохнуть отъ ослѣплявшаго жгучаго солнца. Ужъ очень строго оно было — даже на узкихъ улицахъ не оказывалось никакой защиты. Наканунѣ я познакомился съ однимъ изъ здѣшнихъ канониковъ. Онъ привѣтливо поклонился мнѣ теперь, спускаясь въ нижній храмъ. Расписанныя стекла оконъ въ высотѣ пропускали очень скупо дневной свѣтъ, да и то окрашивая его лучи въ голубые, желтые и красные цвѣта. Во мракѣ, подъ сводами, они встрѣчались, перекрещивались воздушною причудливою сѣткою, зажигались на мраморѣ колоннъ, скользили по позолотамъ и умирали въ полутонахъ. Кромѣ меня, было здѣсь нѣсколько нищихъ. Въ Италіи домъ Божій—домъ живущихъ именемъ Его. Они спали, сидя на скамейкахъ у стѣнъ, одинъ даже разлегся на каменной плитѣ — точь-въ-точь полустертое временемъ изображеніе погребеннаго подъ нею, нѣкогда знаменитаго мертвеца. Улица сюда не врывалась назойли-

вымъ шумомъ, хотя то и дѣло двери открывались, впуская въ соборъ оборванцевъ-мальчишекъ. Они, впрочемъ, стихали здѣсь и, прикурнувъ у стѣнъ рядышкомъ, какъ воробьи, оглядывали большими черными глазами громадный алтарь. Я не помню—не задремалъ-ли и я самъ, потому что мнѣ вдругъ представились восточные поклонники, завернутые въ яркіе бурнусы, и почудилось, что за мраморнымъ порталомъ собора ревутъ усталые верблюды. Потомъ я сообразилъ, что тотъ-же знакомый каноникъ разсказывалъ, какъ нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ сюда изъ Палестины, Сиріи и Египта сходились пиллигримы. Но зачѣмъ воображеніе дополнило ихъ верблюдами, вѣдь не на этихъ же корабляхъ пустыни богомольцы переплывали море? Одинъ подошелъ-было ко мнѣ и когда я открылъ глаза, онъ вдругъ обернулся сторожемъ раки св. Николая.

— Eccellenza... Eccellenza...

Въ Италіи такъ это часто слышишь, что обращаешь столько же вниманія на непринадлежащій титулъ, сколько и на «сіятельство», даруемое всѣми петербургскими извозчиками.

— Что вамъ?

— Простите... Падре Франческо... il canonico... проситъ васъ скорѣе внизъ.

— Что тамъ случилось?

— Совершенно необыкновенное дѣло... И такъ какъ вы русскій...

Я ничего не понялъ. Почему, какъ русскій, я долженъ былъ принимать участіе въ необыкновенныхъ дѣлахъ? Тѣмъ не менѣе, я поторопился и внизу увидѣлъ стараго каноника въ высшей степени разстроеннымъ и встревоженнымъ.

— Вотъ, вотъ...

Схватилъ меня за руку и ведетъ въ дальній уголъ.

— Богомолку засталъ здѣсь... Русская... Въ такихъ лохмотьяхъ сюда приходятъ только ваши соотечественницы. Посмотрите сами.

За толстою приземистою колонной подъ окномъ лежалъ какой-то комокъ.

Съ перваго раза трудно было разобрать что-нибудь. Только потомъ я различилъ посинѣвшее лицо съ стиснутыми зубами, маленькое, съ кулачекъ все... Большіе глаза были широко раскрыты и въ ихъ горячемъ взглядѣ выражалось такое страданіе! Она точно хотѣла крикнуть,—не намъ, насъ она едва-ли видѣла—и только сипѣла. Горло у нее перехватывало спазмою и по темному лицу бѣжали судороги. Въ моей памяти осталась ея нога, какъ-то неестественно подогнутая подъ себя, и рука, то сжимавшая, то разжимавшая худые костлявые пальцы.

— Она въ припадкѣ. Надо доктора.

Тотъ же хромой сторожъ побѣжалъ, но когда «il medico» явился, въ грязныхъ и жалкихъ лохмотьяхъ лежало ужъ неподвижное тѣло.

— Что я могу тутъ... Умерла она—вотъ и все.

— Отчего...

— Смерть бываетъ отъ разныхъ причинъ... Вамъ легче будетъ, ежели я вамъ назову ихъ?

Жалкій, никому недорогой и никому невѣдомый трупъ подняли и унесли. У колонны сдѣлалось пусто.

— Эта женщина часъ назадъ появилась... должно быть св. Николай позвалъ ее къ себѣ. Ибо сказано не вѣсте ни дня ни часа... Егда...

Сторожъ игралъ роль духовной особы. Онъ было выбрилъ себѣ даже тонзурку, да капитулъ собора запретилъ ее бѣдному малому. Любилъ онъ выражаться латинскими текстами, поджимая губы и приподнимая брови.

— Такова жизнь!—размышлялъ онъ...—Какъ мотылекъ ночью, прилетѣлъ на огонь и исчезъ, не оставивъ по себѣ слѣда...

И не докончилъ... Слѣдъ именно оказался и при томъ тутъ же немедленно. Въ сторонѣ что-то пискнуло. Точно котенокъ мяукнулъ—жалобно, жалобно.

— Это еще откуда?—возмутился онъ было, кинулся на этотъ звукъ и закричалъ оттуда:

— Падре... Падре Франческо...

— Ну, чего тебѣ?

— Пожалуйте сюда... скорѣе, скорѣе. Небывалое дѣло... совсѣмъ небывалое.

Мы подошли.

У самой рѣшетки позади раки святого опять узелокъ невообразимыхъ тряпокъ. Прислоненъ къ ней. Точно оставлена дорожная сума. Только почему изъ этой сумы показалась крохотная дѣтская рученка и перебираетъ пальчиками, точно подзывая насъ. Сторожъ живо развернулъ лохмотья.

— Боже мой... Да тутъ не одинъ...

— Что не одинъ?

— Ребенокъ...

— Какъ ребенокъ?—приросъ къ землѣ каноникъ.

— Тутъ ихъ двое... Посмотрите.

Мы наклонились.

Ни до, ни послѣ того я не видѣлъ такихъ маленькихъ дѣтей. Какъ только ихъ открыли, они задрыгали ножками и ручками, какъ кузнечики, опрокинутые на спину.

— Близнецы!..

Каноникъ съ нѣкоторымъ страхомъ смотрѣлъ на нихъ.

— Что-же съ ними дѣлать?—наконецъ едва-едва нашолся онъ.

Сторожъ немедленно принялъ многозначительное выраженіе лица.

— Въ такихъ случаяхъ обыкновенно варятъ молоко съ хлѣбомъ.

— Ну, а потомъ...

— Потомъ укладываютъ спать.

— Куда и гдѣ?

Духовная особа съ запрещенною тонзуркою не нашлась.

— Куда и гдѣ?—настойчиво повторилъ падре.

— Я думаю... Отправить ихъ въ полицію.

— Какъ въ полицію! — вскипятился каноникъ... Вѣдь, мать довѣрила ихъ св. Николаю... а мы въ полицію! Ты въ умѣ? Близнецы... дѣйствительно, близнецы... Я знаю, приходилось крестить... Именно близнецы св. Николая.

Онъ машинально пощекоталъ одного изъ нихъ подъ губою... Но близнецъ заблагоразсудилъ гораздо лучше забрать толстый и корявый палецъ священника въ ротъ, сжалъ его деснами и такъ засосалъ и зачмокалъ, точно тотъ представлялъ собою нѣчто невѣроятно вкусное. И губы въ трубочку вытянулъ и глаза зажмурилъ..

— Близнецы св. Николая... И думать нечего. Ему они оставлены—и онъ ихъ не забудетъ... Мать вѣдь теперь у него... Она молится за нихъ.

И старикъ перекрестилъ дѣтей, шепча надъ ними молитву...

IV.

Близнецы св. Николая — такъ они съ тѣхъ поръ и значились по всему околотку!

Невѣдомо какъ—но не прошло и получасу—нижняя церковь, гдѣ лежатъ мощи, чуть-ли не сплошь наполнилась бабьемъ. Кто облетѣлъ узкія улицы и крохотныя площадки стараго Бари съ вѣстью? Какая сила согнала сюда крикливую толпу—не знаю, но я видѣлъ, что padre Francesco вдругъ разцвѣлъ между ними и уже глядя на меня сіяющими глазами повторялъ:

— Ну, что?.. Св. Николай—оставилъ своихъ близнецовъ, а? Говорятъ, чудесъ нѣтъ. Ихъ только не замѣчаютъ... Чтожъ, ты теперь побѣжишь звать полицію?—смѣялся онъ надъ сторожемъ съ запрещенною тонзуркой.

— Sic tranzit gloria mundi!—невѣдомо съ чего ронялъ тотъ.

Еще минуту, двѣ спустя и онъ, и падре были отброшены въ сторону.

Старый каноникъ усѣлся на лавочкѣ и спокойно смотрѣлъ на женщинъ, сторожъ еще пробовалъ мѣшаться въ ихъ распорядокъ.

— Ты рожалъ дѣтей?—накинулась на него одна матрона столь воинственнаго вида, что «духовная особа» попятилась.

— Нѣтъ... т.-е. не пробовалъ.

— И не кормилъ?.. И не возился съ ними?.. Такъ убирайся—собирать сольди съ иностранцевъ...

Бабье явилось не съ пустыми руками. Напротивъ. У каждой въ рукахъ было что-нибудь... Не успѣлъ я и оглянуться — какъ близнецовъ св. Николая разоблачили изъ лохмотьевъ, въ которыхъ ихъ оставила мать. Минуту спустя, два этихъ сморщенныхъ маленькихъ человѣчка уже красовались въ чистыхъ рубашечкахъ, въ красныхъ вязанныхъ чулочкахъ. Ихъ запеленали, прикрыли теплыми одѣяльцами и крохотные глазенки сиротъ только пучились на все это, да губы вытягивались въ трубочку... Бабье нанесло сюда столько всякаго тряпья, что едва-ли какое нибудь новорожденное дитя въ Бари обладало подобнымъ приданымъ. Одна—складывала подъ корзинкою бѣлье отъ своихъ умершихъ дѣтей, другая бросала около гарусное одѣяльце, третья невѣдомо откуда летѣла съ большимъ пикейнымъ бурнусикомъ. И каждая молилась св. Николаю, повторяя:

— Помяни моего Бепи (или какое-нибудь другое имя)... Онъ тамъ у васъ... Ты его живо найдешь въ раю.

Но очевидно близнецы угодника Божьяго далеко не удовлетворились этимъ. Одинъ изъ нихъ сморщился такъ, что булавочныя головки его глазенокъ пропали, и заоралъ... Другой немедленно послѣдовалъ столь спасительному примѣру.

— Вотъ тѣ и на! А накормить...

— У Пеппины слишкомъ много молока. Она, говорятъ, щенкамъ отсасывать его давала...

— Бѣгите за Пеппиной.

Но чудо слѣдовало за чудомъ. Не успѣли о ней вспомнить, какъ на темной лѣстницѣ въ верхнемъ храмѣ показалась массивная фигура съ такимъ молочнымъ хозяйствомъ, что дѣйствительно одному ребенку— обладай онъ чудовищнымъ аппетитомъ—съ нимъ-бы не справиться.

— Гдѣ тутъ сироты св. Николая? — орала она, разстегиваясь на ходу.

— Вотъ они, вотъ... Ишь кричатъ.

Пеппина сначала одного, потомъ другого выхватила изъ корзины и приложила ихъ пухлые ротики къ налившимся и лопавшимся соскамъ... Близнецы св. Николая и это приняли какъ должно. Засопѣли, зажмурились, такъ какъ будто они еще ни разу не открывали на свѣтъ Божій своихъ черныхъ горошинъ. Невѣдомо какъ изъ пеленокъ вынырнули худенькія ручонки, уперлись въ грудь Пеппины, да какъ! ихъ пальчики утопали въ ней, перебирая ее.

— Ангелочки... Божьи дѣти!—шептало кругомъ умиленное бабье...

— Какъ вы за мною сразу не послали!—упрекала ихъ Пеппина...—

Наконецъ я за своего Нонни спокойна. Здоровымъ мальчуганомъ выростетъ. За него св. Николай позаботится!

— Хватитъ-ли у тебя молока?

Та только призрительно взглянула на спрашивавшую...

Когда дѣти отвалились отъ груди, сонные—ихъ опять уложили въ корзинку и прикрыли.

— Куда-жъ ихъ нести теперь?

— Ко мнѣ. Я первая прибѣжала!—взвизгнула одна, принимая надъ близнецами св. Николая воинственную позу.

— Какъ-же. Ты посмотри, что я принесла къ нимъ... Тутъ два шолковыхъ одѣяла.

— У васъ обѣихъ свободнаго угла нѣтъ въ домѣ. А у меня верхняя горница пустая.

— Всѣ вы дуры!—рѣшила Деппина.—Я ихъ кормлю, я ихъ и возьму...

— Что-жь что ты кормишь. Эка невидаль! Подумаешь какъ тебѣ дорого это стоитъ... вчера ты такъ-же щенковъ кормила.

Деппина взвизгнула, обнаруживая богатѣйшій «благой матъ», засучила рукава и вообще засвидѣтельствовала столь рѣшительныя намѣренія, что старый каноникъ счелъ эту минуту удобной, чтобы вмѣшаться въ дѣло.

— Вы съ ума сошли! Гдѣ вы орете, дуры... Вѣдь тутъ св. Николай лежитъ.

— Что-жь что лежитъ? Онъ видитъ изъ-за чего мы. Не изъ-за дурного. За его-же близнецовъ хлопочемъ.

— Да вы подумайте... Кому ихъ мать отдала?..

— Ему!—ткнула воинственная дама на золотую раку.

— Ну то-то. А вы ихъ отнять у него хотите.

— Въ самомъ дѣлѣ, бѣдняжка, вѣдь одному св. Николаю довѣрила ихъ.

Бабье начало отступать.

— По моему,—началъ каноникъ,—близнецы св. Николая здѣсь и останутся... Цѣлый день церковь отперта. Кому изъ васъ свободно—та и будетъ съ ними.

— Отлично. По крайней мѣрѣ никому не обидно.

— Ну вотъ... Пусть хоть по очереди каждая смотритъ за дѣтьми. А св. Николай благословитъ васъ за это и у васъ дома все пойдетъ отлично. Вѣдь вы знаете, за нимъ молитва не пропадаетъ. У пастуховъ здѣсь какъ козы плодятся и какое молоко даютъ? Вся Апулія завидуетъ. А у виноградарей какіе гроздья? По десяти фунтовъ случаются. Ни въ Трани, ни въ Барлеттѣ такихъ нѣтъ.

— Кто-же въ этомъ сомнѣвается?

— Однимъ имъ и живемъ.

— Онъ у насъ первый хозяинъ.

— Постойте!—опять всполошилась Пеппина.—А на ночь какъ-же?

— Что на ночь?

— На ночь церковь запирается. На кого-же вы дѣтей оставите здѣсь?

— Въ самомъ дѣлѣ.

Каноникъ задумался. Пеппина торжествовала.

— Оно и выходитъ, что на ночь я ихъ должна брать къ себѣ. Я кормлю, я и беру.

— Ну да, пока кормишь, пожалуй...

— Пока у тебя молока хватитъ.

— Что за чудотворецъ былъ-бы св. Николай, если-бы у меня да молока для его близнецовъ не хватило!

Поднялся гомонъ и споры разрѣшились тѣмъ, что бабье пришло къ соглашенію заботиться о близнецахъ всѣмъ. Святой Николай имъ отецъ, а онѣ матери. Пока Пеппина ихъ кормитъ—быть имъ по ночамъ у нее, перестанетъ кормить—каждая изъ матерей будетъ брать ихъ къ себѣ по очереди. Что понадобится—дѣлать ребятамъ сообща. Всякое утро Пеппина обязывается приносить корзину съ дѣтьми сюда и ставить ее тамъ, гдѣ ихъ положила усопшая. Такимъ образомъ никому не было обидно, и св. Николай обязывался заботиться о нихъ обо всѣхъ. Кончили съ этимъ, началось другое. Что дѣлать съ лохмотьями, въ которыя были завернуты дѣти-близнецы? Эти тряпки несомнѣнно принесутъ счастье тому, кто ими обладаетъ. Ихъ надо тоже раздѣлить. Но когда захотѣли приступить къ этому, оказывалось, что столь драгоцѣнный матеріалъ невѣдомо кѣмъ похищенъ. Бабье взбѣленилось, искало виноватую и не нашло. Для меня, впрочемъ, было ясно, чьихъ рукъ это дѣло. Не даромъ лицо духовной особы съ запрещенною тонзуркой вдругъ сдѣлалось такъ умиленно и невинно.

— У васъ они?—спросилъ я у сторожа.—Я вѣдь видѣлъ.

— Не выдавайте только. Вы знаете—я совсѣмъ нищій.

— Да зачѣмъ вамъ эта дрянь?

— Какъ дрянь?—и онъ даже подпрыгнулъ.—Какъ дрянь! Да знаете-ли вы: когда всѣ здѣсь успокоются, не найдется ни одного контрабандиста, чтобы онъ у меня не купилъ «на счастье» лоскутка. Противъ іеттатуры будутъ зашивать ихъ въ платье. Всякій, кто поѣдетъ къ тунисскимъ берегамъ на коралловые рифы—непремѣнно возьметъ у меня хоть вотъ эдакій обрывокъ,—указалъ онъ кончикъ мизинца.—Я на эти лохмотья два года буду одѣваться, по крайней мѣрѣ. Онѣ каждому (и первому—мнѣ) принесутъ удачу. Вы видѣли картину, которая виситъ вонъ на той колоннѣ?

— Нѣтъ.

— Подите посмотрите, и прочтите подпись.

Дѣйствительно, синія волны моря взметываются къ самымъ небесамъ, а съ небесъ къ нимъ спускаются кирпичные облака. Посреди этого хаоса стоитъ себѣ рыбакъ въ красномъ чулкѣ на головѣ и держитъ въ рукахъ тряпку. Курсивъ внизу пояснилъ, что умеръ когда-то, прикладываясь къ мощамъ св. Николая, бѣдный нищій (не смѣйтесь надъ соединеніемъ этихъ словъ—здѣсь случаются и богатые нищіе). И вотъ рыбакъ Антоній оторвалъ отъ его лохмотьевъ здоровый кусокъ. Черезъ годъ застигла его изображенная на картинѣ буря. Всѣ ловцы тунцовъ погибли. Одинъ онъ, держа лоскутъ въ рукахъ, невредимо добрался до берега. Въ ознаменованіе чуда онъ и поручилъ написать это мѣстному Айвазовскому и повѣсилъ на колоннѣ у раки св. Николая.

Когда я уходилъ, близнецы спали. Подъ головами у нихъ (одна въ одномъ концѣ корзинки, другая въ другомъ) красовались розовыя подушечки. Пуговки, замѣнявшіе пока носы, сопѣли во всю. Губки во снѣ чмокали и сладко раскрывались. Надъ ними бодрствовала одна изъ воительницъ.

За участь сиротъ св. Николая можно было успокоиться.

Бѣдная мать, отходя въ иной міръ, лучше не могла ихъ помѣстить!..

V.

Черезъ день близнецамъ привелось участвовать въ процессіи, касавшейся ихъ очень близко.

По узкимъ улицамъ стараго Бари тихо и торжественно двигались одѣтые въ бѣлые сутаны члены мѣстныхъ братствъ. Шли въ два ряда. У каждаго въ рукахъ горѣла толстая восковая свѣча. Безвѣтріе полное, и жолтое пламя едва-едва колыхалось въ знойномъ воздухѣ. Посреди тоже въ бѣломъ тормошились дѣти. Нѣкоторымъ заботливыя матери прицѣпили къ спинамъ гусиныя перья, что должно было знаменовать ихъ ангельскую чистоту. Случалось, невинные младенцы, присѣвъ по пути, оставляли визитныя карточки, но это было въ порядкѣ вещей и никого не смущало. За братствами слѣдовали дѣвушки въ бѣломъ тюлѣ и музыка. Мѣстная «банда муничипале» исполняла арію «Травіаты» и капельмейстеръ, съ пѣтушиными перьями на головѣ и въ гусарскомъ мундирѣ, дирижировалъ, шествуя спиною впередъ и лицомъ къ своимъ maestri e professori. За музыкой катафалкъ, подъ его короною и балдахиномъ въ простенькомъ гробу лежала наша богомолка. За своихъ близнецовъ и она удостоилась великой чести. Мѣстный капитулъ не рѣшался хоронить ее. Еще-бы, вѣдь

умерла, разумѣется упорствуя въ своей схизмѣ, но тотъ же старый каноникъ побѣдилъ упорство товарищей: «какъ это вы ее не проводите до кладбища, когда она дѣтей оставила нашему святому?» Рѣшили отпѣть ее какъ слѣдуетъ и даже подъ парчевымъ зонтикомъ вели подъ руки за катафалкомъ старшаго священника. Вокругъ вился сизыми струйками дымъ отъ кадилъ, вверху голубѣло безмятежное, строгое южное небо, а позади тоже бабье, распѣвая по своему и далеко не въ тактъ Вердіевской аріи погребальный гимнъ, несло на рукахъ корзинку съ близнецами св. Николая. Все Бари ужъ знало о происшествіи. Въ желѣзной паутинѣ балконовъ бились тысячи дѣтскихъ головокъ, глазѣя на своихъ будущихъ товарищей. На плоскія кровли выбѣгали смуглыя дѣвушки, подхватывая знакомыя строфы. Съ террасъ, гдѣ были цвѣты, онѣ же сыпали на катафалкъ какой нибудь Агафьи или Матрены благоуханные лепестки розъ и лилій... Бѣлыя улицы съуживались и опять расширялись въ площадки. Окрестныя церкви встрѣчали усопшую мелодическимъ колокольнымъ звономъ. Часто на порогахъ домовъ, мимо которыхъ двигалась процессія, дѣти, стоя на колѣняхъ, присоединяли и свои звонкіе голоски къ пѣнію ихъ матерей и сестеръ. Во всемъ этомъ было столько праздничнаго, веселаго, что, я думаю, и покойница улыбалась въ тѣсномъ гробикѣ. Какъ-то направо вдругъ раскинулась на невообразимый просторъ темная синева Адріатики и по ней, точно на встрѣчу близнецамъ св. Николая, подъ вѣтромъ, дувшимъ съ востока, неслись безчисленныя серебряныя кудрявыя головки. На чистой бирюзѣ небесъ стройно и тонко обрисовались мраморы красиваго кладбища съ старыми кипарисами позади, выстроившимися точно монахи, чтобы встрѣтить толпу обычнымъ привѣтствіемъ траппистовъ: «братъ мой, вспомни, всѣмъ надо умереть». За то въ ихъ тѣни бюсты надъ могилами и памятники казались живыми, такъ былъ бѣлъ, тепелъ и нѣженъ ихъ камень... Агафью или Матрену хотѣли было положить въ общую могилу бѣдняковъ, но бабы, опекунши ея дѣтей, сами готовившіяся въ такую, собрали послѣдніе гроши и купили ей отдѣльную... Отпѣвали просто рабу Божію. Имя ея никому не было извѣстно: «Тамъ не ошибутся,—тыкали бабы перстами въ бирюзовую глубину.—Ее ангелъ встрѣтитъ и узнаетъ ея душу. Ему не надо земного имени».

Близнецы, насосавшіеся передъ тѣмъ Пеппинова молока, проспали всю дорогу. Когда любопытные открывали ихъ бѣленькое покрывало—потревоженныя мордашки жмурились и чихали отъ солнца, но не раскрывали глазъ. Ихъ поднесли къ страшному черному зѣву безобразной ямы, этой послѣдней строки земного существованія, но они и къ ней остались равнодушны. Имъ было тепло, хорошо, сухо... Корзину нѣжно и тихо несли ласковыя руки—чего-же еще?.. Душа бѣдной матери тоже вѣрно радовалась ихъ счастью... Во-время догадалась умереть .. И подъ

легкимъ вѣтеркомъ даже важные, торжественные, молитвенные кипарисы, привѣтливо покачивали тонкія верхушки. Опустили гробъ. Засыпали его землей. Глухо стучала она въ его доски, точно старалась разбудить кого-то подъ ними, «еще-де есть время... встань, крикни!» Но тамъ было темно и до ужаса тихо. И яма мало-по-малу наполнялась, сравниваясь съ краями. Ушли господа въ сутанахъ. Въ послѣдній разъ мелькнула въ бѣлыхъ воротахъ пестрая «банда муничипале», тихо исчезли въ нихъ священники... Погасли кадила и только нѣсколько сизыхъ струекъ еще осталось въ воздухѣ, медленно разсѣеваясь надъ старыми могилами. Бабье разбрелось по своимъ, оставивъ пока корзину съ близнецами св. Николая среди цвѣтовъ. Тутъ солнце не такъ палило. Сморщеннымъ мордашкамъ не-за-чѣмъ было жмуриться и куксить. Надъ ними наклонялись пышныя алыя розы, точно хотѣли разобрать, что это за невиданныя козявки заползли къ нимъ и спятъ. Жасмины осыпали ихъ бѣлыми пахучими лепестками. Точно большая басовая струна гудѣлъ надъ ихъ пуговками-носами громадный и мохнатый шмель. За одну мордашку укрѣпилась было желтая бархатная бабочка, да мордашка чихнула, и бабочка испуганно сорвалась прочь. Божья коровка всползла на багровую морщинистую щечку... Мимо корзины по землѣ суетились зеленыя ящерицы, проплывали надъ нею въ воздухѣ солидные жуки. Веселая пташка сѣла на край корзинки и зачиликала во всю. Просыпайтесь-де, дурачки, чего вы въ такую погоду жмуритесь? Развѣ всегда бываетъ подобное солнце и небо? Попѣла—попѣла, потопорщилась, приподняла пушистыя перья и крылья и, увидавъ, что издали подходятъ женщины, утонула въ небесной лазури...

Такъ близнецы св. Николая и не проснулись, когда ихъ уносили съ кладбища.

А между тѣмъ въ этотъ торжественный моментъ они, такъ сказать, кончали всѣ свои расчеты съ прошлымъ... Впрочемъ, какое-же прошлое могло быть у нихъ?

Безъимянная богомолка осталась одна подъ пышными кипарисами и мраморами чуждаго ей кладбища.

VI.

Черезъ три года я опять попалъ въ Бари.

На этотъ разъ я пріѣхалъ сюда черезъ Константинополь, Афины, Корфу и Бриндизи и весь былъ полонъ свѣта и ясности далекаго юга. Бари уже не такъ поразилъ меня чистотою и святостью своихъ небесъ и лазурью безконечныхъ далей. Была весна—все здѣсь цвѣло и благоухало. Старый городъ задыхался отъ лилій. Онѣ перевивали балконы, стояли въ вазахъ на окнахъ, бѣлѣли въ рукахъ у женщинъ. Подъ одною изъ древнихъ арокъ, гдѣ еще греческимъ письмомъ изо-

браженъ благословляющій толпу угодникъ, я узналъ моего каноника. Онъ нисколько не поддался времени. Тѣ же лучистыя морщинки у смѣющихся глазъ и то же довольное, румяное лицо. Я подошелъ къ нему. Онъ точно меня видѣлъ только вчера...

— Сегодня день будетъ жаркій... Поѣдемъ ко мнѣ въ садъ.

— Куда?

— Около Битонто. Четверть часа отсюда... Вотъ отслужу мессу— и на цѣлый день буду свободенъ. У меня тамъ есть прошлогоднее винцо. Я вамъ скажу—пьешь и гостямъ Каны Галилейской не завидуешь.

— Вѣдь осенью по всей Италіи былъ неурожай?

— Только не у насъ!.. Здѣсь св. Николай за всѣхъ. И пока онъ лежитъ подъ нашимъ соборомъ—нечего бояться. Земля не перестанетъ родить намъ все что нужно... И даже сверхъ. Въ октябрѣ мы не знали куда дѣвать виноградъ. Столько его было.

Мы вышли на площадь передъ громадою мраморнаго фасада св. Николая. Онъ точно надвигался на насъ величавый, царственный, опираясь каменными руками на своды по сторонамъ... Тутъ обыкновенно играютъ десятки и сотни дѣтей. Соборъ даетъ имъ достаточно тѣни, а когда солнце подымается слишкомъ высоко и ее мало—они убѣгаютъ въ церковь, въ ея священный сумракъ. Истинное прибѣжище «малымъ симъ», завѣщаннымъ Христомъ своимъ угодникамъ. Подъ высокими арками у массивныхъ колоннъ — ребята какъ у себя дома. И на этотъ разъ мы были окружены цѣлою оравою ребятишекъ. Они съ хохотомъ дергали стараго каноника за черныя полы его рясы, таскали изъ ея кармановъ леденцы и прыгали кругомъ...

— А гдѣ же Пепа и Бепи?—строго насупился онъ.

— Пепа и Бепи съ ихъ бабушками—въ церкви... Ихъ сегодня бралъ къ себѣ завтракать Карлуччіо. У него ризотто съ ракушками.

— Ну то-то... Смотрите вы у меня.

— Это еще что за Бепи и Пепа?—спросилъ я.

— Эге! А близнецы св. Николая? Забыли вы ихъ, что-ли?

— Нѣтъ. Только именъ не зналъ.

— Мы ихъ такъ окрестили.

— Да развѣ раньше они не были окрещены?

— Кто ихъ знаетъ. Мать изъ могилы не встанетъ разсказать. А немного больше святой воды не помѣшаетъ.

— Какъ же имъ живется?

— Слава Богу! Св. Николай невидимо заботится о брошенныхъ дѣтяхъ. Вы слышали—ризотто съ ракушками сварили и сейчасъ же за Бепи съ Пепой послали. Гдѣ что нибудь лакомое—бабушки ужъ бѣгутъ за ними.

— Это еще что за бабушки?

— Наши женщины, которыя въ тотъ разъ, какъ мать оставила дѣтей св. Николаю, набѣжали въ церковь. Онѣ себя сами въ бабушки произвели. Съ Пеппиной во главѣ. Пеппина вѣдь откормила ихъ, ну въ ея честь дѣвочку и назвали Пепой... На что Апулія благодатный край, а и у насъ такихъ яблокъ не найдете полныхъ и румяныхъ, какъ Бепи съ Пепой—да вотъ сами увидите.

И дѣйствительно, вошелъ я въ соборъ и сквозь его мракъ прямо къ канонику двинулись два пузыря. Раскормленные, румяные, толстые... Идутъ за ручку, одинъ другую держитъ. «Они всегда такъ, вмѣстѣ и всегда за ручку». Переваливаются. Жирныя ножки путаются въ длинныхъ блузахъ. Новые сапожонки стучатъ во всю, другія дѣти—босы, а эти нѣтъ. Нельзя же близнецовъ св. Николая не принарядить. Бабушки стараются во всю. Точно у нихъ нѣтъ своихъ. Дотронулся я до щекъ Пепы—дѣйствительно яблоки и закраснѣли, какъ яблоки. Только голубые глаза да желтые цвѣта соломы, волосы у обоихъ выдаютъ ихъ происходенiе съ далекаго сѣвера. Смѣхъ ихъ такъ и звучитъ серебрянымъ колокольчикомъ по всему собору. Другiе здѣсь—пришлецы: молятся, плачутъ, жалуются святому, просятъ его. А эти у св. Николая—дома. Они смѣются, бѣгаютъ, играютъ и непремѣнно вмѣстѣ, непремѣнно за ручку. Не успѣлъ я еще налюбоваться на эту смѣшную парочку, какъ сюда вбѣжала толстая баба съ выбившимися изъ-подъ платка сѣдыми прядями волосъ.

— Бепи и Пепа—бѣгите сегодня обѣдать ко мнѣ.

А рука такъ и тянется приласкать обѣихъ.

— Мой Антонiо вотъ какую рыбу поймалъ... Я скажу Пеппинѣ, чтобы она привела васъ.

Дѣти смотрѣли отлично вымытыми. Здѣшнiе младенцы вообще грязавы отмѣнные. Ни одной мордашки не увидишь, чтобы она не была сплошь замазана. Въ Бари вода дорога и потому опрятность является великою роскошью. Но это до близнецовъ св. Николая не касалось. Они были на другомъ положенiи—и даже порою страдали отъ ревности безчисленныхъ бабушекъ. Не успѣетъ одна вытеретъ ихъ мокрымъ полотенцемъ, какъ глядишь летитъ другая—отполировать имъ розовыя щечки. А тамъ ужъ и третья издали грозится мыломъ. Бепи съ Пепой далеко не раздѣляли такого увлеченiя. Они, случалось, прятались въ уголокъ за ракою св. Николая, но и оттуда ихъ вскорѣ извлекали на соотвѣтственную казнь въ мыльной водѣ.

— Ихъ каждый день моютъ съ ногъ до головы!—разсказывали другiя дѣти, дивясь на этихъ маленькихъ страстотерпцевъ.

Платье на нихъ чистенькое—чуть оборвется, каждая бабушка спѣшитъ починить.

— Избалуете вы ихъ — дрянью выростутъ!—замѣчалъ усердствующимъ бабамъ каноникъ.

— А св. Николай на что?

— Да вѣдь съ вами никакой святой не совладаетъ. Плюнетъ и уйдетъ въ сторону, дѣлайте-де какъ хотите.

Въ церкви Бепи съ Пепой тоже ходили въ перевалочку и за ручку. Это до слезъ плѣняло бабушекъ. Мѣстный фотографъ увѣковѣчилъ близнецовъ—и у каждой барійской бабы непремѣнно была ихъ карточка на столѣ, вся разумѣется засиженная мухами до неузнаваемости...

— Теперь еще ничего. А вотъ выростетъ Пепа— бѣда будетъ ея будущему мужу.

— Почему?

— Какъ-же—подумайте, у него вмѣсто одной окажется сотни двѣ тещъ. Есть отъ кого повѣситься.

И добродушный каноникъ хохоталъ во все горло, представляя себѣ весь ужасъ подобнаго положенія.

VII.

Св. Николай дѣйствительно хранилъ близнецовъ.

Они отлично росли въ тѣни собора, подъ арками, въ безмолвіи и священной тишинѣ нижней церкви. Они такъ освоились съ нею, что, случалось, играли вокругъ золоченаго алтаря, подъ которымъ лежатъ мощи, въ то время какъ очередной пасторъ совершалъ мессу, а въ глубинѣ старый органъ наигрывалъ нѣсколько легкомысленныя мелодіи Палестрины. Бепи съ Пепой великолѣпно выдержали всѣ болѣзни, полагающіяся судьбою дѣтскому возрасту. Еще-бы, ни за однимъ маленькимъ королевскимъ принцемъ не было такого ухода, какъ за ними. Бабушкамъ приводилось и дневать и ночевать надъ постельками, въ которыхъ лежали близнецы. Казалось, что святыня, подъ защитою которой они росли, окружила сиротъ какимъ-то ореоломъ даже и для ихъ товарищей. На югѣ дѣти за тычкомъ не гонятся. Бепи съ Пепой не разъ видѣли, какъ споры ихъ маленькихъ друзей и подругъ разрѣшались единоборствомъ, достойнымъ Гектора съ Ахиллесомъ. Потомъ юные герои гордо ходили съ подбитыми глазами и шишками на лбу, съ расквашенными носами и тому подобными орденами, питающими самолюбіе младенческой невинности. Такіе знаки отличій, только разъ достались на долю Бепи. Какой-то изъ крохотныхъ оборвашекъ ни съ того ни съ сего уронилъ толстую Пепу. Та хотя и не ушиблась, но отъ испуга заорала, да такъ, что Бепи счелъ своею братскою обязанностью непремѣнно за нее вступиться. Забывъ, такъ сказать, свой духовный санъ, онъ накинулся на четырехъ-лѣтняго задиру и въ свою очередь угостилъ того такою затрещиной, что карапузикъ въ первую

минуту былъ слишкомъ удивленъ этимъ и не нашелся что ему дѣлать. Тѣмъ не менѣе, опомнившись, онъ обнаружилъ великую для его безпанталоннаго возраста боевую опытность. Онъ собралъ своихъ и когда Бепи съ Пепой держась за руку вышли изъ церкви, накинулся на перваго и оттузилъ его по мѣрѣ-возможности. Близнецу досталось-бы сильнѣе, но св. Николай, очевидно, не лишилъ его своего покровительства. Какъ разъ въ ту минуту, какъ Бепи лежалъ на животѣ, брыкаясь толстыми ножками и ревѣлъ во всю,- въ глубинѣ узкой улицы показалась Пеппина. Она мгновенно оцѣнила положеніе обоихъ воюющихъ сторонъ. Немедленно въ побѣдителей полетѣлъ сначала одинъ башмакъ съ деревяннымъ каблукомъ, а затѣмъ улепетывавшаго мстителя настигъ у самаго поворота за соборъ другой башмакъ, и попалъ въ то мѣсто, которое всякому ребенку положено самою судьбою для воспринятія всевозможныхъ воздаяній. Не прошло и мгновенія, какъ Пеппина въ крикливую стаю этой мелюзги ворвалась истиннымъ ураганомъ. Дѣтишки метались во всѣ стороны, но стихійная дама настигала ихъ повсюду, и наскоро отшлепавъ одного, уже стремилась къ другому. Въ это время Бепи съ Пепой заняли обсерваціонный пунктъ на ступеняхъ собора и оттуда спокойно любовались торжествомъ добродѣтели. На гвалтъ, поднятый Пеппиной, сбѣжались другія бабушки и въ маленькомъ масштабѣ повторили здѣсь сцену Иродова избіенія младенцевъ. Потомъ дѣтей долго стыдили: «кого вы вздумали задирать, вѣдь это близнецы св. Николая. Они сироты и за нихъ вступится самъ угодникъ Божій!» Доказательство справедливости этого было на лицо и дѣти увѣровали, что Бепи съ Пепой на особомъ положеніи. Ихъ нельзя трогать и задѣвать. Тѣмъ болѣе, что, разобравшись, бабушки водили своихъ оборвашекъ къ ракѣ святого и тамъ опять читали имъ наставленія. Такимъ образомъ, послѣ этого нежданнаго циклона, близнецы уже росли вполнѣ безмятежно. Даже во время свалокъ, когда дѣти раздѣлялись на враждебныя партіи и на площади собора начинали такую вселенскую потасовку, отъ которой всѣ окрестные собаки прятались куда попало, а взъерошенные коты возносились на плоскія кровли поближе къ ихъ трубамъ—Бепи съ Пепой взявшись за ручки спокойно проходили черезъ объятые воинственнымъ огнемъ дружины сражающихся. Если ужъ имъ удавалось попасть въ слишкомъ опасный пунктъ, гдѣ въ данную минуту совершался рѣшительный моментъ боя, то кто-нибудь изъ вождей побѣдоносной арміи схватывалъ ихъ за концы рубашекъ, торчавшихъ неизбѣжно, какъ полагается дѣтскими модами, позади въ разрѣзахъ штановъ (ибо и Пепа носила таковыя-же) и оттаскивалъ сиротъ назадъ.

— Здѣсь не ваше мѣсто, видите дерутся. Достанется вамъ по затылку—насъ-же бабушки драть будутъ.

И проникаясь великою мудростью этого дѣтскаго совѣта, Бепи съ

Пепой за ручку подымались на ступени и тамъ подъ защитою громады мраморнаго св. Николая оставались спокойными зрителями героическаго эпоса.

У нихъ притомъ была своя роль и свои обязанности, чисто, впрочемъ, духовныя.

Въ Бари очень часты религіозныя процессіи.

То и дѣло по узкимъ бѣлымъ улицамъ медленно движутся кресты, хоругви, мощи святыхъ и Мадонна, одѣтая на этотъ случай мѣстною портнихой въ самое модное платье. «Banda municipale» впереди открываетъ шествіе иногда гимномъ Гарибальди, иногда королевскимъ маршемъ, а то какою-нибудь аріей изъ оперы, не все-ли равно, лишь-бы въ участвующихъ совершался надлежащій подъемъ духа. Вверху на плоскихъ кровляхъ дѣвушки поютъ свое, совсѣмъ не въ ладъ старымъ священникамъ, двигающимся въ средоточіи процессіи, окутаннымъ фиміамомъ и отъ солнца прикрытымъ балдахинами съ страусовыми перьями. И вотъ тутъ-то Бепи съ Пепой исполняли провиденціальное назначеніе, умиляя сердца грубоватыхъ рыбаковъ, контрабандистовъ, не совсѣмъ безопасныхъ членовъ таинственнаго общества Mala vita, Camorra, Maffia и другихъ. Близнецы св. Николая должны были изображать ангеловъ. На нихъ ярко горѣло трико, покрытое серебряной или золотой чешуей, а позади красиво колыхались крылья изъ лебединыхъ перьевъ.

— Ну вотъ совсѣмъ ангелы, точь въ точь ангелы!—радовались бабушки, очевидно вполнѣ знакомыя съ небожителями, которыхъ они еще видѣли вчера и увидятъ завтра.

Мѣстный художникъ, подарилъ близнецамъ св. Николая луки и колчаны со стрѣлами и въ первую-же процессію наивные каноники дали имъ въ руки первые и за спину, между лебедиными перьями, закинули вторыя.

— Ну ужъ теперь ихъ и не отличить отъ ангеловъ!—восхитились бабушки.

Такимъ образомъ пухлые купидоны отлично сходили за херувимовъ. И надо отдать справедливость, къ раскормленнымъ мордочкамъ Бепи и Пепы этотъ новый уборъ шолъ гораздо лучше. Дѣвушки и рыбаки при видѣ ихъ совсѣмъ уходили въ религіозный экстазъ, и даже импровизировали, не сходя съ мѣста, гимны, гдѣ славили Мадонну, пославшую на землю лучшихъ своихъ пажей-ангелочковъ. Они-же близнецы св. Николая, и въ томъ-же костюмѣ съ луками и колчанами, непремѣнно участвовали въ каждомъ погребеніи дѣтей, знаменуя, что отошедшій въ лучшій міръ младенецъ сдѣлался на лазурныхъ небесахъ именно такимъ, какъ и они. Что могло быть счастливѣе подобнаго дѣтства?

VIII.

Близнецы св. Николая, въ качествѣ духовныхъ особъ, мало-по-малу совсѣмъ вошли въ свою роль. Являлись-ли богомольцы приложиться къ золотому помосту, подъ которымъ погребенъ угодникъ Божій — онѣ уже тутъ какъ тутъ. Священникъ служитъ обѣдню и трехлѣтній карапузикъ Бепи въ бѣлой кружевной рубашкѣ стоитъ около него и по своему мнѣнію помогаетъ, а Пепа въ это время кувыркается въ землю, воображая, что она молится. Читаетъ каноникъ евангеліе и Бепи бормочетъ что-то, развернувъ гдѣ-то добытую имъ книгу. Такъ онѣ и пребывали, пріобрѣтя себѣ неоспоримое право гражданства въ нижнемъ храмѣ. Уходили они отсюда только ѣсть и спать, причемъ очередь на сіе послѣднее между бабушками велась самая строгая. Дурного дѣти видали мало. Такъ какъ ихъ считали принадлежностью собора и въ нѣкоторомъ родствѣ съ св. Николаемъ, то въ домахъ, гдѣ они ночевали, всѣ старались держать себя соотвѣтственно. Даже бывало когда какой-нибудь Піетро или Франческо разбушуется, его сейчасъ же унимали: «что де ты,—съума сошелъ? Вѣдь тутъ у насъ близнецы изъ собора». И не въ мѣру подгулявшій рыбакъ немедленно утихомиривался. «Я де что-жъ... Я ничего. Я вѣдь знаю, что мы только однимъ св. Николаемъ и живемъ. Захочетъ онъ—вернешься съ рыбой, а не захочетъ — на днѣ лодки дрянь, въ родѣ «полиппо» или «каламаре» окажется. Это ужъ такъ! и грубыя, мозолистыя лапы, привыкшія только къ весламъ, гарпунамъ и канатамъ, тянутся къ румянымъ щечкамъ благополучныхъ сиротъ. Бепи и Пепа привыкли даже къ тишинѣ и безмолвію громадной базилики. Уйдутъ всѣ оттуда и стоитъ каменная гора эта надъ ракою святого безжизненная и мертвая, какъ чудовищная гробница. Прижмутся гдѣ-нибудь въ уголку братъ съ сестрою, точно козявки, заползшіе въ бездну мрамора и порфира. Сидятъ и смотрятъ, какъ гигантскія колонны теряются въ высотѣ, какъ надъ ними едва-едва поблескиваетъ позолота плафона, какъ сквозь цвѣтныя окна льются въ эту пропасть пестрыя лучи солнца. Ни звука кругомъ и только изрѣдка Пепа, какъ болѣе рѣзвая, сорвется и побѣжитъ по каменнымъ плитамъ, но ея движеніе здѣсь не замѣтно, какъ не замѣтна была бы птичка сквозь раскрытое окно подъ кровлей, влетѣвшая сюда. Особенно мала она—эта трехлѣтняя дѣвочка—казалась у одной изъ колоннъ... Улитка, приставшая къ вѣковому дубу, больше бы заняла на немъ мѣста. Случалось въ такія минуты улягутся дѣти на полу и болтаютъ.

— Бепи, а Бепи... Что св. Николай отецъ намъ?

— А то какъ же?

— То же самое что рыбакъ Антоніо—маленькому Нонни.

— Да... Только онъ и другимъ отецъ тоже, св. Николай... Его всѣ отцомъ называютъ.

— А почему у насъ мамы нѣтъ? У Нонни вонъ старая Олива, у Артуро—Марія.

— Потому что у насъ вмѣсто одной мамы много бабушекъ. Гдѣ же тутъ мамѣ быть.

— А когда ты выростешь, ты будешь ходить подъ золотымъ балдахиномъ и пѣть съ кадиломъ въ рукахъ?

— Да!.. И передо мной будетъ banda municipale играть музыку.

— Отлично. А я... я куда дѣнусь?

— Ты?.. А помнишь пріѣзжала сюда такая важная-важная монахиня...

— Ну.

— Ты такой же будешь.

— Я не хочу... Она вся въ черномъ и злая-презлая. Бабушка Лючія разсказывала, что она никому ни одного сольди ради Христа не дала.

— Тогда я для тебя другое придумаю.

— Ну?

— Я прикажу надѣть на тебя зеленое платье, на голову шляпку такую, чтобы на ней всѣ цвѣты сразу были, въ уши вотъ этакіе серьги.

— Больше чѣмъ у бабушки Пепины?

— Ну вотъ, что такое твоя Пепина? На руки браслеты и на ноги красные сапоги и тебя во всемъ этомъ поставятъ на золотой подносъ и будутъ носить на рукахъ. Я подъ золотымъ балдахиномъ, а ты на золотомъ подносѣ.

— Какъ Мадонна!—всплескивала она пухлыми ручками.

— Да... И у насъ много-много всего будетъ. Ты знаешь, вѣдь св. Николай очень-очень богатъ.

— Какъ лавочникъ Джуліо?

— Ну вотъ захотѣла! У лавочника Джуліо однихъ сластей на полкахъ сколько! И на каждой сласти свой ярлычекъ. Развѣ можно быть такимъ. Лавочникъ Джуліо одинъ!.. Но все-таки и св. Николай богатъ. Не такъ, но богатъ. И у насъ будетъ телѣжка.

— Какъ у дяди Инноченціо? Да... И оселъ... Ты знаешь, я хочу бѣлаго.

— Хорошо, Пепа. Я тебѣ куплю бѣлаго осла. И даже съ султаномъ надъ ушами и съ бубенчиками.

И дѣти въ тишинѣ старой базилики погружались въ безмолвное созерцаніе своего будущаго величія. Минуты шли за минутами, часы за часами. Изъ полумрака медленно и таинственно вырисовывались ста-

туи святыхъ. На громадныхъ старыхъ картинахъ случайные лучи выхватывали то голову мученика, то какого-нибудь римскаго воина. Изъ загадочныхъ нѣдръ органа, ни съ того ни съ сего, вдругъ раздавалась на всю эту каменную бездну странная мистическая нота, а дѣти широко раскрывъ глазенки безмолвно смотрѣли передъ собою. Вотъ плиты съ изображеніемъ какихъ-то полустершихся рыцарей и прелатовъ. Едва-едва отличишь ихъ лица и шеломы.

— Ты знаешь, Пепа... Они иногда просыпаются?

Пепа такъ привыкла ко всему сказочному, чудному, связанному съ старыхъ храмомъ, что не боится этого и не жмется къ брату.

— Ну?

— Да... Въ ночь на Рождество Христово.

— Это когда у бабушки Эмиліи толстую свинью рѣжутъ и насъ угощаютъ.

— Вотъ, вотъ... Тогда всѣ эти рыцари встаютъ. Плиты отваливаются.

— Зачѣмъ встаютъ?

— Чтобы молиться.

— И имъ даютъ ѣсть... Для нихъ тоже колятъ свиней?

Бепи задумывался. Этого онъ не зналъ. Полагалъ только, что не оставятъ же бѣдныхъ рыцарей безъ всякаго угощенія. И дѣтскій шопотъ умиралъ въ громадѣ мрамора. Старыя колонны однѣ сторожили сиротъ и солнце сверху, прорываясь въ росписныя окна пестрыми лучами, играло на головенкахъ близнецовъ св. Николая.

IX.

Иногда въ тишинѣ царственной базилики дѣти задавались и научными вопросами.

— Кто посолилъ море? добивалась Пепа.

— Кто? воду всегда солятъ, когда бросаютъ рыбу. Помнишь, бабушка Пеппина варила намъ ее...

— Но кто?.. Кто солитъ...

— Боженька... Сверху Ему легко.

— А кто сильнѣе—Боженька или св. Николай?

Бепи задумывался... Вѣрно св. Николай, потому что кому же здѣсь напримѣръ больше молятся и кого просятъ..

— Св. Николай всегда можетъ побѣдить Боженьку...

— Отчего каноникъ говоритъ, что св. Николай вверху, на небѣ?

— А то гдѣ!

— А его цѣлуютъ внизу, здѣсь.

— Онъ и вверху и внизу...

— Неправда... какъ-же это такъ и вверху и внизу... Этакъ, пожалуй, и еще куда-нибудь попадешъ.

Бепи отбояривался дипломатически. Такъ-де говоритъ старый каноникъ, а онъ уже навѣрное знаетъ это—потому что ему всѣ вѣрятъ и когда король пріѣзжалъ, то онъ цѣловалъ руку именно старому канонику, а не кому другому... И потомъ кто какъ не старый каноникъ опускаетъ свѣчку внизъ къ самымъ мощамъ св. Николая, чтобы ихъ всѣ видѣли? Это уже такъ бываетъ, что и тамъ и здѣсь! Дѣвочка въ свою очередь задумывалась, сначала недовѣрчивая и сомнѣвающаяся... Но тотчасъ же хлопала въ ладоши...

— А я знаю... А я знаю какъ!

— Ну.

— А такъ? Я вчера у бабушки Петроніи въ зеркало смотрѣла и сама въ двухъ мѣстахъ была...

— Вотъ видишь. Значитъ старый каноникъ правду сказалъ... Онъ тамъ вверху на небѣ, какъ въ зеркалѣ, а здѣсь съ нами—настоящій, оттого его всѣ и приходятъ просить сюда. И о чемъ попросятъ, если это хорошо и никому отъ этого дурного не будетъ—онъ непремѣнно сдѣлаетъ. Онъ обо всѣхъ заботится... Онъ добрый... Онъ, сказываютъ, больше всего насъ, дѣтей, любитъ...

Случалось, что малютокъ рыбаки брали съ собою, когда погода была тиха и волны Адріатики не раскачивали лодокъ. Близнецы св. Николая—по общему мнѣнію—однимъ своимъ пребываніемъ на промыслѣ уничтожали всякую іетатуру. Какъ ни силенъ дьяволъ — а и онъ ничего не могъ сдѣлать противъ Бепи и Пепы. Они также держась за ручку шли на берегъ. Тамъ ихъ подымали и усаживали на лавку въ ловецкій челнъ. «Ну теперь—только-бы сѣтей хватило—радовались рыбаки—а рыбы будетъ сколько угодно». И дѣти таращились, слѣдя за тѣмъ, какъ берегъ отбѣгаетъ отъ нихъ, дома на немъ, бѣлые и плоскокровельные, уменьшаются, въ землю вростаютъ, а далекія рощи напротивъ надвигаются на Бари. И соборъ тоже — ихъ соборъ. Чѣмъ болѣе умаляется городъ — тѣмъ выше онъ, одинокій, въ своей царственной красотѣ. Море кругомъ, то самое, которое для рыбы посолилъ боженька, тихо и синё. Синѣе неба, по которому едва-едва намѣтились бѣлыя сквозныя облачка. Дѣти уже знаютъ, что такія, вовсе не облака, а крылья безчисленныхъ ангеловъ, которыя сверху смотрятъ и видятъ все, что здѣсь дѣлается. И не только видятъ, но и слышатъ каждую мысль человѣка. И если эта мысль дурная—они сейчасъ-же летятъ и разсказываютъ объ этомъ Богу. И плачутъ, и отъ ихъ слезъ ростутъ такія бѣлыя, нѣжныя и благоухающія лиліи. Лодки уплывали далеко-далеко. Берегъ совсѣмъ уходилъ изъ глазъ. Здѣсь онъ вѣдь плоскій, низменный. Кругомъ голубѣла только вода спокойная, загадочная... Бепи смотрѣлъ наклонившись съ борта и ему подъ нею чудились какія-то очертанія. Вонъ камни... И вокругъ камней быстро-

быстро и юрко скользитъ что-то длинное, извилистое... А вонъ чуть не къ самой поверхности поднялась зеленая борода подводнаго дяди, котораго такъ боятся рыбаки. Ему стоитъ проснуться да крикнуть и вдругъ зашумитъ ураганъ, бѣшено разволнуется море и не вступись св. Николай—никому не вернуться къ каменнымъ пристанямъ родного города. Но теперь онъ—водяной дядя не проснется. Едва-едва пошевеливается его зеленая борода и въ ней весело и шаловливо мечутся мелкія рыбки... Солнце сверху грѣетъ... Спится отъ него и Бепи, тихо сползая на дно лодки, уже не въ силахъ разжать слѣпившихся вѣкъ, рядышкомъ съ Пепою. Ту смаривало раньше. Только только зазыблются по водѣ яркіе блики, загорится ими каждая струйка,—дѣвочка ужъ зѣваетъ и сонно смыкаетъ глазки. Часто мимо лодокъ пыхтя, хрипя и разгоняя по сторонамъ большія, крутыя волны, шли черные громадные пароходы. Какіе-то люди оттуда кричали рыбакамъ. Случалось и эти приставали къ брошеннымъ имъ веревочнымъ трапамъ и продавали морякамъ рыбу. Дѣвочка, проснувшаяся, во всѣ глаза смотрѣла на чужія, незнакомыя лица, прислушивалась къ непонятной рѣчи.

— Бепи, а Бепи,—толкала она брата.

— Ну.

— Это тѣ самые, которымъ Боженька смѣшалъ языки?

— Какіе тѣ самые?

— Невѣрные?..

— Не знаю...

— Должно быть они. Ты знаешь, бабушка Пеппина разсказывала, что они воруютъ дѣтей.

— Зачѣмъ?

— Чтобы тѣ лазили на мачты и сидѣли тамъ...

И Бепи съ Пепой долго смотрѣли вслѣдъ уходившимъ чернымъ морскимъ чудовищамъ, отъ которыхъ долго еще по всему этому морю разстилался бѣлый раздвоенный слѣдъ, и оставалась грязная полоса дыма вверху. Пепа знала что это за дымъ. Въ каждомъ такомъ пароходѣ, въ трюмѣ, заключенъ чортъ. Его бьютъ крестомъ, а онъ все время цапается по морю желѣзными лапами. Отъ этого и бѣгаютъ пароходы такъ быстро. А дымъ—это дыханіе усталаго чорта. У него все горитъ въ груди и потому вмѣсто воздуха оттуда на весь голубой, осіянный просторъ и валитъ дымъ.

— Плохо быть чортомъ!—соображаетъ Бепи.

— Еще-бы... Особенно когда его поймаютъ, вотъ такъ, да подъ крестъ...

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Генри Джорджъ.

17-го (29) октября минувшаго года не стало знаменитаго автора «Прогресса и бѣдности». Смерть подкралась къ нему неожиданно, въ самый разгаръ политической борьбы, когда Джорджъ, уже не въ первый разъ выставившій свою кандидатуру на постъ нью-іоркскаго мэра, былъ, повидимому, всего на шагъ отъ крупнаго политическаго успѣха, какимъ было-бы его избраніе. Наканунѣ еще Джорджъ произнесъ четыре рѣчи и вернулся домой только около полуночи. Эта лихорадочная дѣятельность и свела его въ могилу: его сердце не выдержало такого напряженія; ночью Джорджъ почувствовалъ себя дурно и къ утру скончался.

Если Джорджъ и при жизни не могъ пожаловаться на недостатокъ популярности—въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ среди соціальныхъ реформаторовъ совершенно исключительное положеніе,—то смерть его съ еще большой ясностью показала, какъ близокъ и дорогъ былъ Джорджъ не только безчисленнымъ читателямъ его произведеній, но и своимъ согражданамъ. За гробомъ его шло около 50,000 человѣкъ. Эта близость Джорджа къ народу обусловливается тѣмъ, что онъ былъ не только писателемъ, но точно также въ высшей степени популярнымъ ораторомъ и дѣятелемъ, отстаивавшимъ въ жизни тѣ-же идеалы и тѣ-же стремленія, какъ и въ литературѣ. Правдивая, возмущавшаяся всѣми формами соціальнаго зла и соціальной неправды, личность Джорджа ярко выдѣлялась на будничномъ фонѣ алчнаго эгоизма его соотечественниковъ, ихъ опьяненія золотомъ и ихъ нравственнаго индифферентизма. Цѣлая пропасть отдѣляла Джорджа отъ типичнаго янки, и это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Джорджъ и самъ прошелъ тяжелую школу жизни и только въ зрѣломъ возрастѣ, будучи уже вполнѣ сложившимся человѣкомъ, открыто выступилъ съ требованіемъ коренной соціальной реформы.

Генри Джорджъ долго вынашивалъ свои идеи, прежде чѣмъ нашелъ для нихъ законченное литературное выраженіе. Его первой попыткой въ этомъ направленіи была брошюра «Our Land and Land Poliry», вышедшая въ 1871 г., когда Джорджу было уже за 30 лѣтъ. Но только восемь лѣтъ спустя онъ облекъ этотъ скелетъ живою плотью въ своемъ быстро завоевавшемъ всемірную извѣстность «Progress and Poverty». Неудивительно, что это сочиненіе поражаетъ своей цѣльностью и законченностью. Джорджъ вложилъ въ него не только свое міровоззрѣніе, но и свою индивидуальность; потому-то его послѣдующія работы въ

жутся лишь болѣе обстоятельнымъ развитіемъ отдѣльныхъ сторонъ его основного трактата и находятся въ непосредственной генетической связи съ послѣднимъ. Въ «Прогрессѣ и бѣдности» соціальное ученіе Джорджа изложено во всемъ его объемѣ, начиная съ первоначальныхъ посылокъ и кончая практическими выводами. Для того, чтобы сдѣлать хотя-бы одинъ шагъ въ другомъ направленіи, ему пришлось-бы порвать со всѣмъ своимъ прошлымъ.

Джорджъ началъ свою научную работу, собственно говоря, съ конца, т. е. съ практическихъ выводовъ, которые онъ предвосхитилъ уже въ вышеупомянутой брошюрѣ объ аграрной политикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Только позднѣе онъ пришелъ къ теоретической формулировкѣ основной соціальной проблемы. Всякій, кто знакомъ съ сочиненіемъ Джорджа, согласится, что въ «Прогрессѣ и бѣдности» формулировка проблемы гораздо шире и глубже предлагаемыхъ имъ для ея разрѣшенія средствъ. Противопоставивъ матеріальный прогрессъ общества возрастанію бѣдности и съ геніальною силой изобразивъ яркій контрастъ между культурными завоеваніями и возростающей нищетою народныхъ массъ, Джорджъ захватилъ соціальный вопросъ въ самомъ его корнѣ. Какъ американецъ, лишь смутно сознающій противорѣчія классовыхъ интересовъ [1]) и привыкшій полагаться на здравый смыслъ, Джорджъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ чисто раціоналистически. Ему кажется, что все зло происходитъ отъ того, что люди не понимаютъ, въ чемъ заключается ихъ благо, и что стоитъ имъ лишь захотѣть, и всѣ жизненныя несообразности исчезнутъ. Вотъ путь, на которомъ Джорджъ ищетъ рѣшенія соціальной проблемы. Только такимъ образомъ и можно понять, почему всю отвѣтственность за современныя соціальныя невзгоды онъ возлагаетъ на существованіе частной поземельной собственности, почему онъ энергично отвергаетъ существованіе какой-либо противоположности между трудомъ и капиталомъ. Джорджъ былъ и самъ свидѣтелемъ того, какъ расточало сѣверо-американское правительство находившіяся въ его рукахъ природныя богатства, и это навело его на мысль, что самое существованіе поземельной собственности представляетъ собою никому не нужное и вредное расточительство, которое безъ труда и безъ ущерба для народнаго хозяйства можетъ быть устранено. Капиталъ Генри Джорджъ не рѣшился подвергнуть такой-же критикѣ: опираясь опять - таки на факты американской жизни, онъ думалъ, что капиталъ необходимъ въ производствѣ. Возникновеніе и развитіе капиталистическаго строя выходило за предѣлы его кругозора: циклъ этого развитія слишкомъ великъ, чтобы Джорджъ могъ самъ наблюдать его въ его цѣломъ, а что касается книжной науки, для

[1]) Это относится къ «Progress and Poverty». Въ его позднѣйшемъ сочиненіи «Protection or free Trade» проглядываетъ уже болѣе глубокое воззрѣніе на сущность соціальныхъ затрудненій. Онъ ясно видитъ, что, напр., движеніе въ пользу таможеннаго покровительства обусловливается интересами извѣстныхъ классовъ. Мы вернемся къ этому ниже.

которой въ 1870 г., когда Джорджъ выпустилъ свою книгу, сущность капиталистическаго производства уже не была непроницаемой тайной, то она была почти совершенно незнакома Джорджу, такъ какъ научный балластъ его ограничивался знаніемъ доктрины классической политической экономіи.

Какъ извѣстно, книга Джорджа имѣла огромный успѣхъ, и, что̀ особенно замѣчательно, ее больше читали, чѣмъ хвалили. Но идея націонализаціи земли нашла себѣ гораздо меньше послѣдователей, чѣмъ можно-бы было предположить, судя по литературному успѣху Джорджа. Движеніе, вызванное Джорджемъ въ Америкѣ, было сравнительно незначительно и не имѣетъ того будущаго, о которомъ мечталъ Джоржъ. Въ Европѣ его книга вызвала лишь слабые отголоски, да и то не столько благодаря самому Джорджу, сколько подъ вліяніемъ другихъ лицъ, давшихъ этому ученію если не болѣе талантливое, то, во всякомъ случаѣ, болѣе полное и строгое обоснованіе. Очевидно, что умы и сердца большинства читателей книга Джорджа привлекала не этимъ, и не это было причиной ея успѣха. Какъ и въ большинствѣ соціальныхъ трактатовъ, сильной стороной «Прогресса и бѣдности» была критика существующаго соціальнаго строя, смѣлая и яркая постановка основной проблемы. Не менѣе характерную черту соціальнаго міровоззрѣнія Джорджа составляетъ его оптимистическая, убѣжденная вѣра въ свѣтлое будущее человѣчества. Эта вѣра не позволяетъ ему смотрѣть на соціальное зло, какъ на естественную необходимость, какъ на неизбѣжное проклятіе человѣческаго рода. Соціальныя невзгоды—дѣло рукъ человѣческихъ; ихъ не было до вступленія общества на путь прогресса и ихъ не станетъ, когда человѣчество возьмется за умъ. Вотъ соціальное credo Джорджа.

Глубина убѣжденія и правдивость натуры Генри Джорджа очень часто приводили его къ столкновенію съ разнообразными мнѣніями и людьми. Полемическая жилка была въ немъ очень сильна, и страницы, отводимыя имъ критикѣ и полемикѣ, принадлежатъ обыкновенно къ числу самыхъ блестящихъ. Джорджъ всегда стремится не столько къ пораженію противника, сколько къ выясненію того, что̀ ему самому кажется истиной. Поэтому его опроверженія по большей части служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ объясненіемъ враждебныхъ ему мнѣній и такимъ образомъ являются отдѣльными звеньями его систематическаго ученія. Эту черту нельзя не замѣтить уже въ «Прогрессѣ и бѣдности», гдѣ Джорджъ разбираетъ по существу экономическую систему классической школы. Онъ не довольствуется опроверженіями отдѣльныхъ ученій ея, а пытается также дать общую и во многихъ отношеніяхъ мѣткую характеристику воззрѣній этой школы и обнаружить ту пропасть, которая отдѣляетъ его міровоззрѣніе отъ классической теоріи. Ея основной недостатокъ, по мнѣнію Джорджа, заключался въ томъ, что она не видѣла соціальной гармоніи, которая обнаруживается сама собой, если разсматривать соціальную жизнь въ ея цѣломъ, а не въ отдѣльныхъ проявленіяхъ. Здѣсь Джорджъ указываетъ на то

представленіе, которое легло въ основу его міровоззрѣнія. Соціальная гармонія Джорджа не есть, однако, поверхностное обобщеніе повседневныхъ экономическихъ явленій à la Бастіа. Это реформаторская идея раціоналистическаго происхожденія. Въ силу этой скрытой гармоніи, Джорджъ вѣритъ въ уничтоженіе соціальной нужды и соціальнаго угнетенія; она служитъ ему гарантіей свѣтлаго будущаго человѣчества и даетъ ему силу къ борьбѣ со зломъ и неправдой.

Въ высшей степени любопытное выраженіе соціальныхъ воззрѣній Джорджа мы находимъ далѣе въ его полемическомъ «Открытомъ письмѣ къ папѣ Льву XIII» (The condifion of Labour), представляющемъ собою отвѣтъ на извѣстную папскую энциклику. Джорджъ отказывается признать въ энцикликѣ голосъ истиннаго христіанства и видитъ въ ней просто продуктъ соціальнаго заблужденія. По его мнѣнію, ни одна изъ предлагаемыхъ и допускаемыхъ папой мѣръ не въ состояніи устранить соціальныхъ затрудненій; Джорджъ противъ государственнаго вмѣшательства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, онъ не вѣритъ ни въ широкое значеніе рабочихъ организацій, ни въ благотворительность, съ особенной настоятельностью рекомендуемую папой. Если существующій строй не можетъ быть признанъ справедливымъ, то для его реорганизаціи нужна только свобода и націонализація земли.

Такой же ярко выраженный принципіальный характеръ имѣетъ полемика Джорджа со Спенсеромъ (Perplexed philosopher) и съ протекціонизмомъ (Protection or free Trade). Послѣдняя интересна особенно въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые высказывается въ яркой формѣ мысль о противорѣчіи классовыхъ интересовъ. Высказывается она, правда, лишь въ рядѣ отдѣльныхъ афоризмовъ и не приводитъ Джорджа къ существенно новымъ соціальнымъ воззрѣніямъ. Но, благодаря сознанію этой противоположности, онъ становится на сторону свободной торговли и объявляетъ себя врагомъ капиталистическихъ сторонниковъ протекціонизма. Книга о свободной торговлѣ даетъ чрезвычайно яркое и цѣльное представленіе о соціальныхъ симпатіяхъ Джорджа: онѣ всецѣло на сторонѣ труда. Только съ точки зрѣнія интересовъ послѣдняго и разбирается проблема свободной торговли. Джорджъ не находитъ словъ для выраженія своего негодованія противъ своекорыстныхъ политикановъ и ихъ закулисныхъ вдохновителей, отстаивающихъ, ради своихъ личныхъ цѣлей, покровительственную систему.

Въ этомъ сочиненіи Джорджа есть, между прочимъ, глава о соціализмѣ. Но она далеко не соотвѣтствуетъ значенію Джорджа, какъ соціальнаго писателя. Скажемъ только, что онъ подчеркиваетъ здѣсь свое мнѣніе, будто между капиталомъ и трудомъ нѣтъ никакого антогонизма, а есть лишь антагонизмъ между трудомъ и монополіей. Это показываетъ, какъ далекъ былъ Джорджъ даже и въ то время, когда онъ работалъ надъ «Свободной торговлей», отъ пониманія сущности и значенія капиталистическаго производства. Едва-ли нужно говорить, что, понятая бук-

вально, эта формула не можетъ претендовать даже на относительную истинность.

Мы сказали выше, что идея національзаціи земли даже въ Америкѣ не имѣетъ того будущаго, на которое разсчитывалъ Джорджъ. Это, однако, не значитъ, чтобы его проектъ былъ лишенъ всякаго соціальнаго значенія. Напротивъ, онъ затрагиваетъ одно изъ больныхъ мѣстъ современнаго общественнаго строя. Но дѣло въ томъ, что Джорджъ придалъ своему проекту крайне архаичную форму. Видя главное зло не столько въ существованіи поземельной собственности, сколько въ прогрессивномъ возростаніи ренты, поглощающемъ все болѣе и болѣе значительную часть продукта общенароднаго производства, Джорджъ предлагаетъ, для устраненія этого зла, обложить землю всеобщимъ налогомъ, который передавалъ бы всю вновь наростающую ренту въ руки государства. Налогъ этотъ сдѣлалъ бы, по его мнѣнію, излишними всѣ другіе виды обложенія. Такимъ образомъ, Джорджъ возвращается къ руководящей соціальной идеѣ XVIII вѣка, которая была выдвинута физіократами, но съ физіократами же и исчезла. То обстоятельство, что писатель конца XIX вѣка совершенно самостоятельно воспроизвелъ идею физіократовъ, само по себѣ весьма характерно и вовсе не представляетъ случайности. Дѣйствительно доктрина Джорджа имѣетъ внутреннее сродство съ ученіемъ физіократовъ, въ особенности съ тою разновидностью его, которую мы встрѣчаемъ въ талантливой и въ свое время имѣвшей выдающійся успѣхъ книгѣ Мирабо-отца «l'Ami des hommes ou traité de la population» (1756). Но Джорджъ во всѣхъ отношеніяхъ безусловно выше своего предшественника. Въ его взглядахъ больше идейнаго единства, въ его аргументаціи больше силы, и намъ не хочется думать, чтобы ученіе Джорджа во всемъ его цѣломъ постигла такая же участь, какая постигла всѣми забытую нынѣ книгу Мирабо.

Несомнѣнно, въ соціальныхъ ученіяхъ Джорджа не мало ошибокъ, и еще болѣе неполныхъ истинъ. Какъ въ пору весенняго пробужденія природы, когда каждый зародышъ пролагаетъ себѣ дорогу къ свѣту и жизни, на ряду съ крѣпкими и жизнеспособными ростками пробивается не мало и такихъ, которымъ суждено погибнуть, не дождавшись расцвѣта, такъ и въ ученіи Джорджа прочныя истины тѣсно переплетаются съ смѣлыми гипотезами и научными заблужденіями, которыя не уйдутъ отъ безпощадной руки времени. Въ массѣ идей и красокъ, которыми такъ богаты произведенія Джорджа и которыя такъ ярко оттѣняютъ духовную индивидуальность Джорджа, много необоснованнаго и произвольнаго. Но его сила вовсе не въ научной корректности, а во внутреннемъ единствѣ его системы и въ изумительно цѣльной индивидуальности. И, несмотря на всѣ свои недостатки, основное сочиненіе Джорджа представляетъ одинъ изъ значительнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ нашего вѣка.

* * *

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Наши земскія дѣла.

Земская недѣля.—Необходимость гласности и отрицательное отношеніе къ ней нѣкоторыхъ земствъ.—Земскія qui pro quo.—Вопросъ объ увеличеніи гласныхъ и устраненіи волостныхъ старшинъ и писарей отъ выборныхъ должностей.—Старый вопросъ о розгахъ въ Саратовскомъ и Бѣжецкомъ земствахъ.—Циркуляръ министерства земледѣлія и вопросъ о народномъ продовольствіи на земскихъ собраніяхъ.

Вмѣстѣ съ осенью обыкновенно наступаетъ сезонъ общественной дѣятельности. Отдохнувшіе за лѣто дѣятели появляются на арену со свѣжими силами, новыми проектами, мѣропріятіями, подымаютъ и возбуждаютъ различные вопросы. На этомъ фонѣ не послѣднее мѣсто занимаютъ и земскія сессіи. Но, увы, мы о нихъ знаемъ или слишкомъ мало или почти ничего не знаемъ. Между тѣмъ дѣятельность такого всеобъемлющаго института, охватывающаго районъ 34 губерній, не можетъ не привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе. Наконецъ, въ силу «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» земства обязаны вести свое хозяйство открыто и гласно. Правда, тамъ и сямъ въ различныхъ провинціальныхъ органахъ мы наталкиваемся на кое-какія свѣдѣнія о дѣятельности отдѣльныхъ земствъ, но свѣдѣнія эти слишкомъ отрывочны, чтобы по нимъ составить общую характеристику дѣятельности земскихъ учрежденій. Въ 70—80 гг. вольное экономическое общество предприняло трудъ добровольно знакомить публику съ дѣятельностью земствъ, давая въ своемъ «Земскомъ Ежегодникѣ»—довольно подробную сводку всѣхъ земскихъ начинаній въ той или другой отрасли земскаго хозяйства. Приблизительно въ тѣ-же времена существовалъ частный органъ, изд. В. Ю. Скалономъ, «Земство», исключительно посвященный изученію земской дѣятельности. Но все это было. Теперь-же мы о земствѣ узнаемъ случайно, да и то съ большими затрудненіями. Ретроградность земствъ въ этомъ отношеніи доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ. Мы увѣрены, что если-бы земствамъ было предоставлено дѣлать собранія открытыми или закрытыми по собственному желанію, то большинство изъ нихъ воспользовалось-бы

этимъ правомъ и захлопнуло-бы двери передъ носомъ непосвященныхъ въ земскія тайны. Въ Шадринскомъ земствѣ перестаютъ, подъ шумокъ, печатать доклады, отчеты и журналы земскихъ собраній, хотя ежегодно и ассигнуется на это опредѣленная сумма. По словамъ газ. «Уралъ», въ одномъ изъ засѣданій прошлогодняго очередного собранія, нѣкоторые изъ гласныхъ поинтересовались причинами этого явленія—и что-же они, спрашивается, получили въ отвѣтъ отъ члена управы г. Нагайбакова? Довольно любопытный и рѣдкій въ земскихъ лѣтописяхъ отвѣтъ:—«Я по долгу службы не считаю себя обязаннымъ объяснять причины, почему доклады и журналы не печатаются». Доклады не напечатаны, о прошлой дѣятельности—гласныхъ ни полслова, а между тѣмъ составъ гласныхъ на нынѣшній годъ мѣняется. Новые выборные, явившись рѣшать судьбы народнаго благосостоянія, бродятъ, какъ въ лѣсу, совершенно не подготовленные къ обсужденію тѣхъ или другихъ мѣропріятій.

Подобныя исторіи повторяются, конечно, и въ другихъ земствахъ. При такомъ положеніи вещей корреспондентъ на собраніи вовсе не желателенъ и на него со стороны управъ постоянно предпринимается гоненіе, мелочное, грязное, недостойное такого института, какой изъ себя представляетъ земство. Вотъ что, напр., разсказываетъ корреспондентъ «К. В. Края». Въ Самарѣ на собраніе явился корреспондентъ мѣстной «Самарской Газеты» и сѣлъ за поставленный для корреспондентовъ столъ. Вскорѣ былъ объявленъ перерывъ, во время котораго предсѣдатели собранія—г. Толстой и управы—г. Кленовскій вышли. Является сторожъ и уноситъ изъ собранія корреспондентскій столъ, говоря, что это онъ дѣлаетъ по приказанію предсѣдателя управы. За корреспондента вступается гл. Коробовъ. Однако, несмотря на его настойчивость, сторожъ не рѣшился оставить столъ, хотя г. Коробовъ и бралъ на себя всю отвѣтственность. Сейчасъ-же послѣ перерыва, Коробовъ обратился къ предсѣдателю собранія съ вопросомъ, почему нѣтъ на собраніи стола для корреспондентовъ, какъ того требуетъ въ силу гласности земское дѣло. Послѣ цѣлаго ряда длинныхъ препирательствъ со стороны предсѣдателя собранія и гл. Коробова, предсѣдатель управы не вытерпѣлъ и поторопился объясниться, заявивъ, что управа не знаетъ и въ глаза не видала того корреспондента, для котораго понадобился столъ, да и вообще не знаетъ—есть-ли среди публики корреспондентъ, такъ какъ, когда являются въ чужой домъ, то представляются хозяевамъ. Гласный Денисовъ, соглашаясь съ гл. Коробовымъ, указываетъ на то, что на земскомъ собраніи хозяиномъ является собраніе, а не управа, почему онъ еще разъ предлагаетъ г. предсѣдателю распорядиться поставить столъ. Что-же оставалось дѣлать г. Толстому? Тщетно онъ указываетъ на то, что онъ не имѣетъ права распоряжаться хозяйственною частью; тщетно указываетъ на то, что вопросъ относительно постановки стола выходитъ *изъ предѣловъ земской компетенціи*, да, наконецъ, и вообще—стоитъ-ли обращать вниманіе на такіе пустяки, какъ назойливое желаніе одного изъ посѣ-

тителей считать себя лицомъ, могущимъ требовать отъ земства нѣкоторыхъ удобствъ; ему все-таки пришлось поставить вопросъ этотъ на очередь и рѣшить его открытой баллотировкой.

Вотъ вамъ еще одинъ случай, разыгравшійся въ моршанскомъ муниципалитетѣ. «Едва я успѣлъ войти въ день засѣданія въ помѣщеніе думы,— повѣтствуетъ корреспондентъ «Новаго Времени»,—какъ сторожъ предупредительно сообщилъ мнѣ, что у насъ засѣданія закрытыя и постороннихъ на нихъ не пускаютъ. Миновавъ благополучно эту первую преграду, я вошелъ въ комнату. Появленіе новаго лица вызвало недоумѣвающіе взгляды присутствовавшихъ. Разрѣшителемъ недоумѣнія является секретарь думы, любезно сообщившій, что засѣданіе думы закрытое.

— Позволю себѣ спросить—почему?

— Таково распоряженіе Николая Ивановича (городского головы).

— Но почему? Насколько мнѣ извѣстно, земскія и думскія засѣданія всегда открыты и доступны публикѣ.

— Да у насъ публика, вообще, не бываетъ на засѣданіяхъ.

— Чтобы провѣрить—составляетъ-ли Моршанскъ такое блестящее исключеніе, я сѣлъ, въ ожиданіи открытія засѣданія, къ великому недоумѣнію для секретаря передъ подобною настойчивостью. Онъ посмотрѣлъ на меня, куда-то убѣжалъ, снова возвратился и занялъ наблюдательный пунктъ, опять исчезъ и опять появился. Наконецъ, раздался звонокъ, гласные направились къ столу; двинулся и я занять мѣстечко въ сторонкѣ. Секретарь пришелъ въ окончательную ажитацію, побѣжалъ къ городскому головѣ и между ними начались совѣщанія, послѣ которыхъ городской голова провозгласилъ: «объявляю, что засѣданіе будетъ закрытое».

Расправа, какъ видите, очень короткая. Можно только радоваться, что г-да земцы, въ этомъ отношеніи, куда деликатнѣе.

Не лучше, однако, дѣло обстоитъ и по отношенію къ гласнымъ, особенно тамъ, гдѣ сильно преобладаетъ какой-нибудь одинъ сословный элементъ. Мы видѣли только что, какъ безцеремонно расправилась шадринская управа и не можемъ поручиться, что подобныя исторіи не повторялись и въ другихъ захолустныхъ земствахъ. Въ настоящую сессію во многихъ земствахъ раздавались жалобы на недостаточное число гласныхъ, поднимались вопросы объ устраненіи изъ числа гласныхъ такихъ личностей, которыя по своему общественному положенію могутъ подвергнуться со стороны своихъ непосредственныхъ начальниковъ давленію. Дѣйствительно, если взглянуть на составъ земскихъ собраній, нельзя не замѣтить, какъ сильно понизилось число гласныхъ по новому земскому положенію. Въ «Новомъ Времени» находимъ любопытную табличку, подтверждающую, и довольно рельефно, наши слова.

Уѣзды:	Число гласныхъ По старому положенію	По новому положенію.
Кунгурскій	32	15
Екатеринбургскій .	60	35

Елецкій	71	40
Лукояновскій.	58	36
Бузулукскій	80	39
Стерлитамакскій.	62	37
Старобѣльскій	68	39
Херсонскій	86	40
Елисаветградскій	96	40
Самарскій.	59	26
Рязанскій	58	37

Нѣтъ сомнѣнія, что сокращеніе въ такой пропорціи, колеблющейся отъ 30 до 60%, сильно понизило запасъ тѣхъ силъ, на которыя могло разсчитывать земство для своей многосложной работы. Земства съ цифрами въ рукахъ доказываютъ ненормальность такого явленія, сильно отражающагося на народномъ благосостояніи. Ходатайства въ подлежащія административныя учрежденія летятъ со всѣхъ сторонъ, но пока что, результатовъ воздѣйствія этихъ ходатайствъ не видно. Слишкомъ сложенъ чиновный механизмъ со своими классификаціями, способными запутать всякаго человѣка, плохо знакомаго съ тѣмъ, какъ у насъ вершатся и разрѣшаются тѣ или другіе неотложные вопросы. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ земства занимаются на земскихъ собраніяхъ разрѣшеніемъ такихъ «мудреныхъ» вопросовъ, какъ, напр., вопросъ о выпискѣ рекомендованнаго министерствомъ баллотировочнаго ящика съ механическимъ счетчикомъ, что имѣло мѣсто въ нолинскомъ и свіяжскомъ собраніяхъ. Тщетно гл. В. Е. Метелевъ—въ первомъ и Н. М. Стонани—въ другомъ увѣряли, что подобные вопросы должны разрѣшаться не собраніемъ, что земству не зачѣмъ примѣнять у себя всякое «съ вѣтру» полученное изобрѣтеніе,—гласные требовали чуть-ли не закрытой баллотировки для разрѣшенія этого столь великой важности вопроса, стоимостью въ 40 р.

Насколько велика потребность увеличенія числа гласныхъ земскихъ собраній путемъ открытія болѣе широкаго доступа въ земскія собранія представителямъ отъ крестьянъ и другихъ недворянскихъ сословій, служитъ примѣромъ моршанское земство. По словамъ корреспондента «Русск. Вѣд.», всѣхъ гласныхъ отъ дворянъ въ моршанскомъ у. должно быть по закону 24; между тѣмъ собирается ихъ *только 16*. До чего здѣсь царитъ индифферентизмъ къ земству, видно изъ того, что здѣсь *никогда* не бываетъ даже *подобія выборовъ*. Можно, конечно, разсчитывать на пополненіе земскаго собранія гласными изъ крестьянъ, но при этомъ приходится наталкиваться на такія затрудненія, что, при одномъ взглядѣ на нихъ, опускаются руки. А великое земское дѣло гибнетъ, при злорадномъ смѣхѣ такихъ органовъ печати, какъ «Московскія Вѣдомости».

Однако, даже и пополняя составъ собранія гласными отъ крестьянъ, можно при самомъ поверхностномъ наблюденіи замѣтить, что и здѣсь не безъ терній. Мы говоримъ о неудобствахъ выбирать до[illegible]ъ лицъ,

старшихъ писарей и т. п. По этому поводу мы нашли любопытную статью г. Оленина въ «Спб. Вѣд.», рисующую въ яркихъ краскахъ ту подавленность и приниженность, какая чувствуется у гласныхъ-подчиненныхъ при одномъ только совмѣстномъ сидѣніи съ гласнымъ-начальствомъ.

«Теоретически, какая это идиллія была-бы, — говоритъ сотрудникъ «Спб. Вѣд.»:—сидятъ вмѣстѣ начальники и подчиненные и обсуждаютъ народныя нужды, каждый отстаиваетъ свое мнѣніе, обмѣниваются возраженіями, опровергаютъ другъ друга и все мирно и хорошо... а на практикѣ вотъ что бываетъ: старшина-гласный Хромовъ, Дмитріевской волости, Костромскаго уѣзда, выставилъ въ собраніи неправильность дѣйствій члена управы во время неурожая 1891 г., заключающуюся въ томъ, что членъ управы не провѣрилъ во-время приговора о выдачѣ ссудъ на обсѣмененіе полей этой волости. Но это отозвалось на крестьянахъ—и что же? На другой день, въ комнатѣ, смежной съ залой собранія, во-время самаго засѣданія, состоялось другое засѣданіе, экстренное, административнаго съѣзда, на которомъ означенный старшина Хромовъ единогласно (за исключеніемъ моего голоса) былъ устраненъ отъ должности... Вотъ какіе терніи бываютъ иногда на пути гласныхъ-старшинъ, когда они невпопадъ иногда рѣшаются выйти изъ присущей имъ молчаливости!»...

Съ своей стороны мы можемъ разсказать любопытную сценку идеальныхъ отношеній въ яранскомъ земскомъ собраніи. Надо сказать, что въ силу исключительнаго положенія Вятской губ., гдѣ почти нѣтъ помѣстнаго землевладѣнія, а слѣдовательно на собраніяхъ отсутствуетъ дворянскій элементъ, собраніями руководятъ предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ земскихъ начальниковъ. Отсюда ясно, что весь ходъ собранія всецѣло въ рукахъ г. предсѣдателя; отъ него-же зависитъ судьба всѣхъ вопросовъ, такъ какъ само собою разумѣется, что, представляя въ глазахъ гласныхъ крестьянъ нѣкоторый престижъ, онъ съ успѣхомъ можетъ примѣнять его въ каждую данную минуту и пользоваться иной разъ и весьма нежелательно своимъ положеніемъ. Но перенесемся, однако, на минуту въ Яранскъ, на земское собраніе, гдѣ поставленъ на очередь весьма существенный въ земскомъ хозяйствѣ вопросъ—вопросъ о жалованьи членамъ управы. Какъ извѣстно, денежныя ассигновки разрѣшаются обыкновенно закрытой баллотировкой. При баллотировкѣ гл. Сметанинъ (бывш. предсѣдатель управы) бросилъ шаръ какъ-то не совсѣмъ удачно, послышался стукъ. Что-же дѣлаетъ г. Сметанинъ? Вмѣсто того, чтобы заявить объ этомъ предсѣдателю собранія, земскому начальнику Глазырину, онъ преспокойно выдвигаетъ ящикъ и водворяетъ на мѣсто непокорный шаръ. Видя, что это не вызываетъ неудовольствія со стороны предсѣдателя, онъ сталъ заглядывать въ баллотировочный ящикъ безостановочно, быть можетъ, исправляя ошибки г-дъ гласныхъ, которые клали шары не туда куда слѣдуетъ, а быть можетъ, изъ простой любознательности. Объ этомъ корреспондентъ «Вятскаго Края» умалчиваетъ.

Противъ воли и желанія наше обозрѣніе, вмѣсто того, чтобы за-

няться перечисленіемъ вопросовъ, обсуждавшихся на земскихъ собраніяхъ, занялось такими явленіями, которыя до земскаго дѣла совершенно какъ будто бы и не касаются. Однако, было бы въ высшей степени страннымъ, если бы мы не обрисовали хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ той обстановки, при которой ставятся на очередь такіе сложные, требующіе внимательной осмотрительности, большихъ знаній и умѣнья вопросы, какъ, напримѣръ—народное продовольствіе, земская адвокатура, всеобщее обученіе и цѣлый рядъ экономическихъ мѣропріятій, выдвинутыхъ въ различныхъ земствахъ на очередь, равно какъ и старый, но все еще не рѣшенный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлесныхъ наказаній, поднятый и въ настоящую сессію, по нашимъ свѣдѣніямъ, въ Саратовскомъ и Бѣжецкомъ земствахъ. Въ Саратовскомъ земствѣ (какъ передаютъ «Русск. Вѣд.» № 281 и «К. Волжскій Край» № 563) вопросъ этотъ былъ возбужденъ при обсужденіи смѣты на народное образованіе. Училищная коммисія, внесшая въ собраніе докладъ, утверждаетъ, что всѣ затраты земства, равняющіяся нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ, при существованіи тѣлесныхъ наказаній совершенно безплодны. Тѣлесныя наказанія парализуютъ всѣ мѣропріятія земства въ области народнаго просвѣщенія. Докладъ вызвалъ большія и довольно жаркія пренія. Говорили, вопреки обыкновенію, даже гласные-крестьяне. Одинъ указывалъ на то, что порка никого не исправляетъ, что сѣченые крестьяне перестаютъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, не ходятъ на сходы. Другой предлагалъ ходатайствовать о возстановленіи въ правахъ всѣхъ сѣченыхъ крестьянъ, ссылаясь на то, что даже закоснѣлые преступники съ теченіемъ времени возстановляются въ своихъ правахъ; крестьяне же нерѣдко подвергаются наказанію за слишкомъ незначительные проступки. Собраніе восторженно встрѣтило предложенное и *единогласно* постановило возбудить ходатайство, увеличивъ такимъ образомъ однимъ ходатайствомъ ту массу подобныхъ же ходатайствъ, которыя находятся теперь въ рукахъ высшей администраціи, и давнымъ давно ожидаютъ своего разрѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ. Совсѣмъ не такъ обстоялъ этотъ вопросъ въ Бѣжецкѣ. Тамъ своевременно поднятъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Гласный Ревякинъ предложилъ возбудить ходатайство объ освобожденіи отъ розогъ, настаивая на томъ, что разрѣшеніе этого вопроса весьма важно и необходимо при введеніи всеобщаго обученія. Собраніе, стоящее на высотѣ своего призванія, чутко отзывающееся на все, что только касается мѣстныхъ пользъ и нуждъ, и за которыя оно борется наравнѣ съ другими тверскими земствами, чуть-ли не съ момента открытія земскихъ учрежденій, поддержало гласнаго. Но, увы, предсѣдатель собранія г. Хрущовъ, въ силу данныхъ ему правъ, снялъ этотъ вопросъ съ очереди, признавая своимъ поступкомъ какъ бы всю законность существованія старыхъ розочныхъ традицій.

Не такъ давно министерство земледѣлія сдѣлало предварительный подсчетъ урожая на основаніи сообщеній своихъ корреспондентовъ. Картина, какъ мы и предвидѣли, вышла довольно печальная. Въ общемъ итогѣ урожай главныхъ хлѣбовъ—плохъ. Рожь и пшеница дали плохой сборъ въ большей части черноземной полосы и при томъ даже въ тѣхъ работахъ, гдѣ въ былые годы бывали обыкновенно избытки [1]).

По всей европейской Россіи мы видимъ огромный дефицитъ, такъ какъ всѣ хлѣба дали значительные недоборы.

Недоборъ	ржи	противъ	средняго	равенъ . . .	23.447.000	четв.
»	озим. пшеницы	»	»	. . .	5.186,000	»
»	яров. »	»	»	. . .	5.426,000	»
»	овса	»	»	. . .	19.726,000	»
»	ячменя	»	»	. . .	3.751,000	»
»	гречи	»	»	. . .	3.262,000	»
»	проса	»	»	. . .	2.379,000	»
»	гороха	»	»	. . .	628,000	»

Суммируя всѣ эти данныя, мы получаемъ крупную цифру въ 69.630,000 четвертей. Сравнивая ее съ итогами недоборовъ прежнихъ лѣтъ, легко убѣдиться, что она очень близко подходитъ къ недобору 1880 г. Такимъ образомъ, намъ приходится переживать третью голодовку, правда, не такую, какъ мы пережили въ 1891 г., но, во всякомъ случаѣ, судя по немногимъ отрывочнымъ даннымъ, довольно осязательную, если принять во вниманіе, что крестьянское хозяйство почти еще не оправилось отъ неурожая 1891 г.

Выше мы привели списокъ губерній съ значительнымъ недоборомъ. Мы встрѣтили здѣсь старыхъ знакомыхъ, напр., Самарскую, Тульскую, Рязанскую, Орловскую губ. и др. Безвыходное положеніе ихъ ничто не можетъ лучше характеризовать, какъ циркуляръ управляющаго министерствомъ земледѣлія о безплатномъ отпускѣ валежнаго лѣса населенію, потерпѣвшему отъ неурожая въ 13 губ., и другой—объ усиленіи производства разнаго рода работъ въ казенныхъ лѣсахъ.

Мы не склонны питать иллюзій и думаемъ, что, при всемъ желаніи, мѣры эти врядъ-ли въ состояніи удержать крестьянъ отъ разоренія. Не дать ему умереть съ голоду, спасти его отъ мучительной смерти — да, это сдѣлать можно. Но чтобы удержать его отъ нищеты, для этого одной этой мѣры слишкомъ недостаточно. Мы не станемъ распространяться о томъ, что́ значитъ для крестьянина одинъ только годъ, выбивающій его изъ колеи. Все это азбучныя истины, въ которыхъ мы въ достаточной степени убѣдились въ цѣломъ рядѣ хронически повторяющихся

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести списокъ губерній, гдѣ урожай ржи не доходитъ до 50% средняго. *Земскія*: Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Нижегородская, Самарская, Воронежская, Саратовская, Пензенская, Бессарабская, Таврическая, Харьковская, Черниговская, Пермская, Московская. *Не земскія*: Астраханская, Гродненская и Донская обл.

голодовокъ. Пострадавшія деревни будутъ спасены отъ голода, эпидемическихъ болѣзней (грознаго голоднаго тифа), но въ перспективѣ у нихъ неоплатные долги, окончательно нарушающіе то шаткое равновѣсіе, на которомъ держится наше народное хозяйство. Раньше [1]) мы уже говорили о томъ, что̀ предпринято нѣкоторыми изъ земствъ. Въ настоящее время мы можемъ дополнить еще нѣкоторыми данными общую картину народной обезпеченности и земскихъ заботъ о продовольствіи.

Уже теперь крестьяне усиленно начинаютъ сбывать свой скотъ. Такъ въ докладѣ калужской управы читаемъ, что на мѣстныхъ рынкахъ въ громадномъ количествѣ появились скотъ и птица. Процентъ безлошадныхъ быстро повышается, что несомнѣнно отзовется на экономическомъ благосостояніи крестьянъ. По Козельскому уѣзду, наприм., % безлошадныхъ дворовъ поднялся въ настоящее время до 22. («Русск. Вѣд.», № 289). Такую-же безотрадную картину рисуетъ тамбовскій корреспондентъ («Рус. Вѣд.», № 290). «Нынѣшній годъ вдвойнѣ тяжелъ для крестьянъ; кромѣ того, что хлѣба и корма уродилось вдвое меньше обыкновеннаго, уменьшились и заработки; въ прошломъ году, напр., лѣтняя поденная плата женщинамъ была 15, 20 и даже 25 коп., въ нынѣшнемъ 12, 15 и 20 к. Точно также понизилась наемка и на работы будущаго урожая; посѣвъ и уборка ржи и овса раньше была 15—16 руб. за кругъ, теперь же на-же ту работу нанимаютъ за 13—14 руб. Кормовыя средства, имѣвшія прежде малую цѣнность, какъ мякина, или иногда никакой, какъ ржаная солома, шедшая безполезно на припалъ, теперь составляетъ видную статью дохода.

На общій упадокъ крестьянскаго хозяйства указываетъ между прочимъ «Сельско-хозяйств. сборникъ Тульской губ.». Въ главѣ о состояніи скотоводства говорится объ общемъ недостаткѣ у крестьянъ кормовыхъ средствъ, объ усиленной распродажѣ скота по весьма низкимъ цѣнамъ. Въ ряду причинъ, вызывающихъ продажу, первое мѣсто занимаютъ: 1) взысканіе податей и недоимокъ (43%); 2) недостатокъ корма, нужда въ деньгахъ. Въ деревняхъ Елецкаго у., по словамъ «Спб. Вѣд.», «продаютъ лошадей, коровъ, овецъ и другую живность, и продаютъ, буквально за безцѣнокъ,—не только малоземельные крестьяне, но и богатые, даже помѣщики, опасаясь недостатка въ кормѣ и дороговизнѣ послѣдняго!»

На земскихъ собраніяхъ тревожно раздаются голоса о безвыходномъ положеніи, рисуются самыя мрачныя картины.

Данныя о неурожаѣ, собранныя Калужской губ. земской управой, указываютъ на плохой урожай озимыхъ и полный неурожай яровыхъ хлѣбовъ, въ особенности въ Жиздринскомъ у. («Р. Вѣд.», № 264, «Волгарь», № 260). Тяжесть неурожая озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ усиливается еще тѣмъ, что урожай травъ оказался въ большинствѣ уѣздовъ

[1]) № 8, августъ, 1897 г.

на ¹/₃ менѣе прошлогодняго, а по Тарусскому уѣзду на двѣ трети. Въ виду этого, управа внесла въ чрезвычайное собраніе докладъ, гдѣ предлагаетъ:

«1) возбудить ходатайство предъ правительствомъ о выдачѣ ссуды изъ имперскаго продовольственнаго капитала, какъ на продовольствіе населенія Калужской губерніи до новаго урожая, такъ и на обсѣмененіе яровыхъ полей весною 1898 г., въ размѣрѣ одного милліона руб., безъ процентовъ, срокомъ на три года; 2) ссуды въ причитающемся каждому уѣзду размѣрѣ выдать деньгами, рекомендуя земствамъ организовать общую закупку хлѣба, съ совершеннымъ устраненіемъ выдачи денегъ на руки заемщика; 3) съ операціею выдачи ссудъ крайне нуждающимся соединить операцію продажи хлѣба всему населенію по заготовительной цѣнѣ, а въ случаѣ необходимости даже со скидкою нѣсколькихъ процентовъ,—съ разрѣшенія губернской управы. Недовырученная вслѣдствіе такой скидки сумма должна быть покрыта, при заключеніи операціи, изъ суммъ губернскаго продовольственнаго капитала; 4) представить губернской управѣ разработать основанія выдачи ссудъ на пріобрѣтеніе нуждающимся крестьянамъ лошадей весною; 5) ходатайствовать предъ правительствомъ о пониженіи тарифа по перевозкѣ хлѣба всякаго рода,— какъ по казеннымъ, такъ и по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ,—для всѣхъ уѣздовъ; 6) представить по назначенію ходатайства жиздринскаго земства объ отсрочкахъ платежей 1-й и 2-й половины лицамъ, имѣнія которыхъ заложены въ частныхъ банкахъ, по примѣру льготъ, дарованныхъ дворянскому банку. Собраніе большинствомъ голосовъ постановило ходатайствовать о кредитѣ изъ имперскаго продовольственнаго капитала теперь же въ размѣрѣ одного милл. руб., безъ процентовъ, на три года, и распредѣлить эти средства по уѣздамъ на основаніи болѣе точныхъ данныхъ, которыя должны быть представлены къ очередному губернскому собранію, и ходатайствовать о пониженіи тарифа по перевозкѣ хлѣба всякаго рода и корма для всѣхъ уѣздовъ».

На совѣщаніи, происходившемъ въ Камышинской земской управѣ, выяснилось, что неурожаемъ охвачено ²/₃ уѣзда. Общій недостатокъ въ продовольствіи по подсчету управы выразился до 270 тысячъ пудовъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что при исчисленіи продовольственной ссуды управою принимались нуждающіяся лица всѣхъ возрастовъ по разсчету въ 1 п. 10 ф. въ мѣсяцъ на каждаго ѣдока. Минувшее земское собраніе, согласившись съ мнѣніемъ управы, постановило ходатайствовать о ссудѣ изъ продовольственныхъ капиталовъ. Въ настоящее время получено разъясненіе министерства вн. дѣлъ, что продовольственная ссуда можетъ быть выдана только на лицъ нерабочаго возраста и лишь по 30 ф. на ѣдока. Согласно этому разъясненію, ссуда изъ имперскаго капитала въ Камышинскомъ у. понизилась до 52 тысячъ пудовъ. («Р. В.», №№ 238, 302).

«Крестьянскому населенію Рязанскаго уѣзда предстоитъ пережить

тяжелую годину,—читаемъ мы въ «Биржевыхъ Вѣд.» (№ 264).—Въ большинствѣ волостей у населенія нѣтъ продовольствія и корма для скота. Весь хлѣбъ съѣденъ, а впереди долгихъ 11 мѣсяцевъ до новаго урожая. Наряду съ этимъ бѣдствіемъ на крестьянъ обрушилось и другое. По предписанію начальства, полиція начала взысканіе податей. А такъ какъ продавать отъ урожая нечего, то производится усиленная распродажа скота. Цѣны на скотъ упали, напр.: корова, стоившая еще недавно 30—40 руб., продается за 10 р., лошадь за 15 р., овца за 1 р. 50 к. Вообще, положеніе тяжелое и, по словамъ хозяевъ, напоминаетъ страшные 1891—92 гг.». Что же касается рязанскаго земства, то отношеніе его къ бѣдствующему мужику нѣсколько иное, сильно отличающееся отъ другихъ земствъ. Управа упорно отрицаетъ нужду въ помощи, толкуетъ, что мужикъ лѣнивъ, пьяница, тунеядецъ и отлыниваетъ отъ работы только потому, что надѣется на казну, которая не дастъ ему помереть съ голоду. Для очищенія совѣсти управа, однако, созываетъ экстренное земское собраніе, которое угощается ею цѣлымъ потокомъ фразъ о мужичьихъ порокахъ. Однако, несмотря на это, все-таки постановили испросить у губернскаго земства 50,000 рублей.

Печальное положеніе населенія констатируетъ и воронежское земство, опредѣлившее нужду въ продовольствіи около 2 милліоновъ пудовъ. Экстренное земское собраніе постановило: 1) ходатайствовать передъ правительствомъ объ отпускѣ 1,600 тыс. руб. изъ губернскаго продовольственнаго капитала, 2) ходатайствовать, чтобы не взыскивались съ населенія платежи («Р. В.», № 241). Въ настоящее время, однако, губернаторъ получилъ увѣдомленіе, что министерство признало *затруднительнымъ* удовлетворить земское ходатайство, въ виду того, что губернское земство, при исчисленіи вышеуказанной суммы, не приняло *во вниманіе возможныхъ* (на самомъ дѣлѣ отсутствующихъ) заработковъ крестьянскаго населенія при отхожихъ промыслахъ, а также возможности продажи не необходимаго крестьянскаго имущества. Главнымъ же образомъ потому, что въ возвратъ выданныхъ ссудъ въ 1891—92 гг.—около 1.500 т. рублей—поступило всего лишь около 170 т. руб.

Мы становимся втупикъ передъ такимъ признаніемъ некомпетенціи земскихъ учрежденій. Неужели земство рисуетъ въ черезчуръ мрачныхъ краскахъ экономическое положеніе населенія? Но тогда, чѣмъ объяснить продовольственную недоимку прежнихъ лѣтъ? Во всякомъ случаѣ, здѣсь повторяется точь въ точь то-же положеніе вещей, какъ и въ былыя голодовки. Земства просятъ денегъ, денегъ и денегъ. Имъ ихъ даютъ, но обязательно урѣзываютъ просимую ссуду на 50—75%. А то бываетъ и такъ. У Саратовскаго земства былъ заготовленъ комиссіоннымъ способомъ хлѣбъ. Земство ходатайствуетъ о томъ, чтобы распродать этотъ хлѣбъ населенію, которое, какъ выяснило чрезвычайное земское собраніе, также вынуждено обратиться за помощью. Но министерство финансовъ рѣшительно отказываетъ земству въ ходатайствѣ, мотивируя тѣмъ, что

хлѣбъ запроданъ Варшавскому военному округу. И теперь какъ земство, такъ и населеніе, имѣя дешевый хлѣбъ подъ руками, будетъ закупать его на сторонѣ, платя въ три-дорога. Индиферентизмъ администраціи поразителенъ. Вотъ что пишетъ, напр., корреспондентъ изъ Елецкаго у. въ «Спб. Вѣд.»: «Осенніе холода уже даютъ себя чувствовать, а между тѣмъ оффиціальное извѣщеніе о Высочайше дарованномъ крестьянамъ правѣ пользоваться дровами и лѣсными матеріалами изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ доселѣ еще не дошло до нашихъ мѣстъ».

Корресподентъ утверждаетъ, что «не только крестьянамъ, но и волостнымъ старшинамъ, писарямъ и даже становымъ приставамъ еще ничего неизвѣстно о новомъ законѣ, и наступающая холодная пора ожидается здѣсь народомъ съ жуткимъ, тоскливымъ чувствомъ. Населеніе изо всѣхъ силъ пытается обезпечить себя топливомъ, зная по опыту, что въ голодную зиму холодъ чувствуется сильнѣе и ощущеніе его мучительнѣе».

Въ заключеніе приведемъ еще два факта, характеризующихъ народное бѣдствіе. Какъ выяснило самарское экстренное земское собраніе, Самарская губернія очутилась въ крайне безвыходномъ положеніи. Положеніе настолько серьезно, что для нѣкоторыхъ частей можетъ повториться 1891—92 г. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ уже теперь замѣтны угрожающіе признаки голодовки.

Урожай какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ тамъ по всему уѣзду очень плохой. Съ полей нечего было собирать, даже греча сгорѣла, а хлѣбные запасы самые ничтожные. Къ этому нужно прибавить, что кормовъ для скота нѣтъ; о соломѣ и говорить нечего, а сѣна собрали очень мало: тамъ, гдѣ прежде ставили по сто и болѣе стоговъ, не сметали и пятнадцати. Цѣны на скотъ страшно упали и покупателей не находится. Насколько низки цѣны, можно видѣть по отдѣльнымъ покупкамъ: за шести-годовалыхъ лошадей брали 8—9 руб. На экспортъ рогатаго скота разсчитывать трудно, такъ какъ скотъ малоцѣнный, въ 10—15 пуд., и выдержать стоимости перевозки не можетъ, а мѣстное потребленіе мяса крайне ограничено. Притомъ-же нужно замѣтить, что хотя со времени голоднаго года всѣ усилія крестьянъ были направлены на увеличеніе живого инвентаря, особенно на счетъ страшно подешевѣвшаго въ послѣдніе годы хлѣба, но все-же особеннаго избытка въ скотѣ не замѣчается, и продажа его поведетъ къ безусловному разоренію.

Разсчитывать на посторонніе заработки крестьянамъ *рѣшительно невозможно.* Къ отходу чисто-земледѣльческое населеніе уѣзда совсѣмъ не привыкло, а на мѣстѣ *дѣлать нечего.* Насколько низки цѣны на трудъ уже теперь, можно судить по тому, напримѣръ, что женская прислуга нанимается въ городѣ Бугульмѣ за 80 коп. въ мѣсяцъ и дешевле, и можно сказать съ полною увѣренностью, что очень скоро будетъ наниматься изъ-за хлѣба. Въ такомъ положеніи находится Бугульминскій уѣздъ, но и другіе, какъ Новоузенскій, Бугурусланскій, Николаевскій

ушли недалеко отъ него, а мѣстами съ нимъ сравнялись. Тульское губернское земское собраніе, по словамъ «Торгово-промышленной газеты», «рѣшило приступить къ покупкѣ на средства земства хлѣба, муки, топлива и корма для скота, для продажи ихъ населенію по заготовительной цѣнѣ, а также для выдачи ихъ въ ссуду на продовольствіе и обсѣмененіе полей. Въ видахъ облегченія этой операціи, земское собраніе постановило, между прочимъ, ходатайствовать передъ правительствомъ о предоставленіи безплатнаго провоза предназначенныхъ для этой цѣли зерна и муки по желѣзнымъ дорогамъ, или, по крайней мѣрѣ, объ установленіи на эти перевозки, независимо отъ разстоянія, платы въ $^{1}/_{100}$ к. съ пуда и версты».

В. Владимірцевъ.

ПИСЬМО ИЗЪ СИБИРИ.

Артельная кабала [1]).

Золотые пріиски Сибири принадлежатъ къ тѣмъ далеко не счастливымъ уголкамъ, гдѣ концентрируется сибирскій рабочій и гдѣ, благодаря этому, очень ясно обрисовываются отношенія между нимъ и работодателемъ. На пріискахъ эти отношенія развиты и рѣзко, и своеобразно; благодаря особеннымъ условіямъ пріисковой жизни, рабочій и работодатель связаны крѣпкими узами взаимной зависимости: отсутствіе путей сообщенія, если не считать узенькихъ тропинокъ, заваленныхъ валежникомъ и камнями, и отдаленность пріисковъ отъ центровъ, гдѣ можно во всякое время достать рабочія руки—вотъ главнѣйшія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ всѣ отношенія между предпринимателемъ и рабочимъ окрашиваются въ яркій и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный цвѣтъ *почти* первобытной крѣпостнической зависимости.

Несмотря на это, крѣпостническій характеръ зависимости рабочаго отъ работодателя, поддерживаемый и закономъ въ формѣ довольно своеобразныхъ контрактовъ, ложится въ окончательномъ итогѣ тяжелымъ бременемъ только на перваго. Условія контракта, оффиціально заключаемаго, отдаютъ рабочаго въ распоряженіе хозяина, предоставляя послѣднему право назначать нанимаемаго на любую земельную работу. А работы эти очень различны: работа «забойщика» въ золотосодержащемъ пласту и «возчика»—вотъ двѣ основныя, крайнія отрасли труда, которыя требуютъ и различной физической силы, и различнаго навыка. «Забойщикъ» долженъ втеченіи дня «подкайлить» $1^1/_2$ куб. саж. земли, «отвалить» эту землю, разбить ее на возможно мелкія части и сложить на «таратайки». «Возчикъ» отвозитъ эту землю на промывательную машину. Изъ этого

[1]) Настоящій очеркъ рабочихъ артелей, составленный на основаніи личныхъ наблюденій, обнимаетъ нѣсколько крупныхъ и мелкихъ пріисковъ Западной Сибири. Общность условій существованія этихъ артелей заставляетъ автора думать, что съ самыми небольшими уклоненіями его *выводы* могутъ быть отнесены и къ болѣе широкому району.

видно, что работа «возчика» и работа «забойщика» рѣзко различаются и по степени необходимаго искусства (только ловкій и бывалый рабочій можетъ исполнять эту обязанность) и по напряженію физической силы. Это вліяетъ на высоту рабочей платы: забойщикъ получаетъ 20 р., рѣдко—22 р. въ мѣсяцъ, возчикъ—15—17 р. При чудовищно-высокой таксѣ, повышающей цѣны всѣхъ продуктовъ первой необходимости чуть не въ 2 раза [1]), этотъ заработокъ является тѣмъ минимумомъ, пониженіе котораго обрекало-бы семейнаго рабочаго на хроническое недоѣданіе. *Женскій трудъ совершенно не примѣняется въ организованномъ пріисковомъ дѣлѣ*, такъ что жены и дочери не могутъ составить для семьи подспорья; *трудъ мальчиковъ*, хотя и примѣняется, но *оплачивается крайне низко*... На пріискахъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, торговая эксплоатація,—эксплоатація *торговымъ капиталомъ*—ложится на рабочаго несравненно болѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ эксплоатація капиталомъ *промышленнымъ*; спросите любого рабочаго относительно этого «вопроса», до сихъ поръ по непонятной причинѣ оспариваемаго въ нашей литературѣ, и онъ, не задумываясь, укажетъ на угнетающую роль «такцій». Для иллюстраціи могу привести слѣдующія данныя, относящіяся къ послѣднимъ годамъ. По таксѣ сахаръ, напр., стоитъ 30 коп. фунтъ, тогда какъ на мѣстѣ покупки—17—18 коп., кирпичъ чаю 1 р. 40 к.; простой ситецъ 25—30 к. аршинъ; попытку оправдать такую высокую таксировку продуктовъ дороговизной ихъ доставки нельзя назвать удачной: продолжительныя наблюденія убѣдили насъ, что провозъ 1 пуда на разстояніи 200—300 верстъ «на вьючныхъ» обходится не дороже 50 коп. Уже размѣръ заработной платы въ связи съ высокой таксировкой продуктовъ первой необходимости долженъ дѣлать трудовую жизнь на пріискахъ Сибири тяжелымъ испытаніемъ. Прибавьте къ этому еще цѣлый рядъ вычетовъ за «прогульные дни» [2]), а также неимовѣрную продолжительность рабочаго дня (съ 4½ утра до 7—8½ вечера)! Послѣдній годъ (1897) дополнилъ эту крайне неблагопріятную обстановку жизни пріисковаго рабочаго люда. «Поганые листы»—созданіе чисто-мѣстнаго произвола—представляютъ до того уродливое явленіе, что самое существованіе ихъ совершенно немыслимо въ болѣе или менѣе развитомъ капиталистическомъ строѣ. Штрафные или, какъ со справедливымъ омерзеніемъ говорятъ рабочіе, «поганые листы»—свидѣтели того безграничнаго хозяйскаго произвола, который или безповоротно толкаетъ рабочаго на путь печальной наживы, или обрекаетъ его на голоданіе. Сбѣжавшій рабочій (побѣгъ—

---

[1]) Всѣ товары берутся рабочими изъ пріисковыхъ хозяйскихъ лавокъ; заѣзжіе торговцы производятъ торговлю нелегально, что вліяетъ на повышеніе цѣнъ. Несмотря на это, рабочіе набрасываются на всякаго заѣзжаго торговца.

[2]) «Прогулъ» является совершенно необходимымъ, такъ какъ работа производится во *всѣ* воскресные и праздничные дни, за исключеніемъ Рождества и Пасхи. «Прогульными днями» считаются и тѣ дни, когда рабочій не могъ явиться на работу по болѣзни.

явленіе обычное), а также рабочій, разсчитанный за «вину» или «нерадивость», вносятся въ особые листы, гдѣ дѣлается отмѣтка о побѣгѣ или разсчетѣ. Этотъ «скорбный листъ» здороваго человѣка съ перваго-же момента въ лучшемъ случаѣ отдаетъ злополучнаго «ошельмованнаго» рабочаго въ крѣпкіе когти его прежняго хозяина; только послѣдній изъ понятнаго намъ «чувства жалости» можетъ принять его обратно.

Вѣроятно, въ непосредственной связи съ этими условіями трудовой жизни стоитъ очень мало изслѣдованное и совершенно необъясненное, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне *поучительное* явленіе пріисковой жизни—*рабочія артели*. Элементъ личной зависимости является самымъ важнымъ въ общей суммѣ условій, опредѣляющихъ жизнь пріисковаго рабочаго. Гнетъ *этой* зависимости совершенно невыносимъ, онъ далеко превосходитъ гнетъ зависимости экономической, матеріальной. Какъ уродливое наслѣдіе крѣпостничества въ Европейской Россіи и какъ совершенно самостоятельное и очень живучее явленіе въ Сибири, эта личная зависимость во всѣхъ своихъ разнообразныхъ формахъ и видахъ служитъ сильнѣйшимъ тормазомъ общественнаго развитія страны. Въ пріисковой жизни личная зависимость даетъ себя чувствовать съ особенной силой, такъ что совершенно затемняетъ буржуазную природу этого «свободнаго договора». Какъ протестъ этой зависимости и какъ средство избавиться отъ нея, мы и должны разсматривать пріисковыя рабочія артели.

Золотопромышленники обыкновенно имѣютъ, кромѣ наемныхъ срочныхъ рабочихъ, которые согласно условіямъ контракта должны проработать весь лѣтній сезонъ съ апрѣля до 1 октября, еще такъ называемыхъ рабочихъ «золотничныхъ». Хозяинъ пріиска даетъ извѣстной группѣ рабочихъ (человѣкъ 10—20, а иногда и меньше, 5) клочекъ земли. Добывая золото на этомъ клочкѣ, рабочіе должны доставлять его все до послѣдней крупинки хозяину (утайка преслѣдуется закономъ). Группа выбираетъ на отведенномъ ей участкѣ мѣсто, оказавшееся по «развѣдкѣ» съ болѣе богатымъ содержаніемъ золота, ставитъ промывательную машинку («батарею») и строитъ землянку. Всѣ припасы артель обязана брать по установленной таксѣ изъ пріисковой лавки хозяина участка. Разсчетъ за золото происходитъ «съ золотника» по заранѣе условленной цѣнѣ. Обыкновенно эта цѣна не превышаетъ 2—2,5 р. за золотникъ, тогда какъ золотникъ золота отходитъ въ казну по цѣнѣ 4—4,5 р. [1]). Условія «золотничной» работы считаются рабочими выгоднѣе условій наемнаго труда: «золотничники» обыкновенно не работаютъ по воскреснымъ днямъ, бросаютъ работу тогда, когда это окажется нужнымъ и желательнымъ; усиленный трудъ приноситъ болѣе благопріятные результаты, тогда какъ наемный трудъ не обладаетъ та-

[1]) Данныя относятся къ 1892 году.

кимъ свойствомъ. Словомъ, работа «съ золотника» предоставлена сравнительно большему усмотрѣнію рабочаго, не связана никакимъ юридическимъ актомъ и обезпечиваетъ хоть нѣкоторый личный просторъ—преимущества, которыя очень цѣнитъ пріисковый рабочій. Но если въ работѣ «съ золотника» до значительной степени сглаживается элементъ личной зависимости, то надо знать, что это покупается дорогою цѣной—почти невѣроятнымъ коммерческимъ рискомъ и всегда значительными матеріальными жертвами. Подъ артельныя золотничныя работы нерѣдко уступаются участки низшаго качества, участки или «выработанные», или съ предполагаемымъ ничтожнымъ содержаніемъ золота. Но получивъ даже такой участокъ артель не можетъ быть увѣрена въ прочности своего положенія: пустой капризъ хозяина можетъ во всякое время лишить ее земли, и въ дѣйствительности рабочіе часто безъ видимой причины «прогоняются» съ занимаемаго ими участка (при занятіи мѣста никакихъ формальныхъ договоровъ и обязательствъ не заключается). Предоставленныя въ этомъ отношеніи полному усмотрѣнію хозяина земли, эти рабочія группы въ большинствѣ случаевъ принуждены держаться разъ занятаго участка, такъ какъ они обыкновенно не обладаютъ достаточными средствами и силами для правильно поставленной развѣдки или «ширфовки» [1]), безъ чего, какъ само собой понятно, работа подвержена самому значительному риску. Приэтомъ выработка очень ничтожна, орудія производства самаго примитивнаго устройства, раздѣленіе труда крайне слабое и, наконецъ, условія добыванія и сбыта золота, а также покупки предметовъ первой необходимости крайне тяжелыя. Неопредѣленность заработка, поставленнаго всецѣло въ зависимость отъ случайностей, такъ какъ, повторяю, у рабочей артели нѣтъ средствъ для правильно поставленной «ширфовки», въ связи съ громаднымъ рискомъ пробиться нѣсколько недѣль и не получить ровно ничего въ вознагражденіе, дѣлаетъ матеріальное положеніе артельщика еще менѣе сноснымъ и обезпеченнымъ, чѣмъ положеніе рабочаго срочнаго.

За то для золотопромышленника этотъ видъ труда представляетъ громадныя выгоды, такъ какъ артельныя работы не требуютъ съ его стороны никакихъ затратъ, и каждый золотникъ золота, каждый день *жизни* артельнаго рабочаго откладываютъ въ его карманъ изрядный дивидендъ. Торговецъ и промышленникъ, соединенные въ одномъ лицѣ — вотъ тотъ пріисковый паукъ, въ ловко сплетенныхъ сѣтяхъ котораго безпомощно бьются десятки и сотни измученныхъ молодыхъ жизней. Занимая участки низшаго качества, рабочія артели утилизируются и извлекаютъ выгоды изъ той части хозяйскихъ владѣній, которая при другихъ условіяхъ оставалась бы внѣ эксплоатаціи, какъ не стоющая затратъ капитала. Но помимо этихъ непосредственныхъ выгодъ, приносимыхъ такой формой добыванія (лучше сказать—скупки) золота, артельныя работы иногда

[1]) «Ширфы»—глубокія ямы, вырываемыя для опредѣленія содержанія золота пластовъ, лежащихъ на различной глубинѣ.

оказываютъ золотопромышленнику цѣнныя услуги тѣмъ, что нападаютъ на богатое мѣсторожденіе золота: даже большое богатство гибель для артели!

Каждый наблюдатель согласится безусловно, что въ экономическомъ отношеніи положеніе артельщика гораздо хуже и гораздо неустойчивѣе положенія наемнаго рабочаго. Только крайняя необходимость заставляетъ рабочаго вступать въ артель. Мы уже говорили о томъ преимуществѣ, которое отличаетъ работу въ артели отъ работы по найму, это—отсутствіе излишняго контроля и регламентаціи. Какъ своеобразная форма «борьбы» съ чисто сибирскими крайностями «золотого» капитализма, артель имѣетъ *временный* raison d'être лишь въ томъ отношеніи, что личная жизнь рабочаго ускользаетъ отъ прямого безсмысленнаго контроля посторонней «темной силы». Насколько такая форма борьбы съ указанными крайностями *малорезультатна*, можно видѣть изъ экономическихъ послѣдствій артельныхъ работъ «съ золотника». Нужно-ли прибавлять къ этому, что созданіе артелей въ случаяхъ крайней матеріальной необходимости—когда предложеніе труда значительно превышаетъ спросъ на него и когда, слѣдовательно, рабочій «садится» на любой участокъ—еще болѣе ухудшаетъ положеніе артельщиковъ! Разъединенныя, разбитыя по громаднымъ пространствамъ мелкими коллективными ячейками, артели лишены тѣхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ наемные рабочіе: «коллективный образъ дѣйствій» хотя и составляетъ довольно рѣдкое явленіе среди послѣднихъ, однако, ошибочно думать, чтобы общность интересовъ не создавала временныхъ организацій. Несмотря на все это, рабочія артели на золотыхъ пріискахъ западной Сибири—очень распространенное явленіе. Выработанные участки, въ которые капиталистъ не склоненъ затрачивать ни одного атома капитала, а также участки, не привлекающіе его взора своей малой содержательностью, положительно усѣяны этими мелкими рабочими группами. *Артельная организація труда—не больше, какъ особая и, быть можетъ, самая тяжелая, крайне выгодная для владѣльцевъ участковъ форма экономической эксплоатаціи.* Чуждые всякой идеализаціи артельныхъ организацій, рабочіе часто мѣняютъ жизнь наемника на жизнь артельщика, главнымъ образомъ, если не исключительно, потому, что усматриваютъ въ артеляхъ наиболѣе безобидную форму «борьбы» съ крайностями «золотого» капитализма: слишкомъ ужъ дорого обходится имъ «коллективный образъ дѣйствій!»... «Отъ грѣха подальше»—говорятъ они.

Если легальныя рабочія артели представляютъ собою сравнительно мелкія и непрочныя организаціи, то этого нельзя сказать о нелегальныхъ «*летучихъ*» артеляхъ. Артели «летучки» составляются людьми, бѣжавшими изъ тюрьмы, укрывшимися отъ суда, слѣдовательно, тѣми элементами «безпаспортныхъ», которые извѣстны подъ именемъ бродягъ. Бродяжническій элементъ составляетъ ядро «летучки». Но кромѣ него, въ составъ «летучки» входятъ бывшіе срочные пріисковые рабочіе, сбѣ-

жавшіе отъ своихъ хозяевъ. Запасшись самыми примитивными орудіями производства—лопатой и «кайломъ» [1]), «летучая» артель выбираетъ на одномъ изъ пріисковъ, *безъ вѣдома ихъ хозяевъ*, мѣсто и обрабатываетъ его. Прочной осѣдлости, однако, она не имѣетъ, а переходитъ, «перелетаетъ» съ одного мѣста на другое. Часто «летучка» промываетъ золото въ мѣстахъ постоянныхъ работъ золотопромышленниковъ, производя эти опасныя авантюры исключительно ночью. Случается, впрочемъ, что «летучка» осѣдаетъ на одномъ мѣстѣ; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, если содержаніе золота болѣе или менѣе постоянно. Что касается условій существованія этихъ артелей, то, помимо непрочности ихъ работъ, помимо рискованности такихъ предпріятій (законъ строго преслѣдуетъ какъ летучія артели, такъ и пріемъ-скупку изъ нихъ золота, что, однако, производится постоянно)—жизнь «летучки» едва ли не хуже обставлена, чѣмъ жизнь легальныхъ артелей. Добывъ небольшое количество золота, артель сбываетъ его на *любой* пріискъ и получаетъ около трехъ руб. за золотникъ. Здѣсь же артель беретъ всѣ необходимые припасы, такъ какъ другихъ мѣстъ для покупки нѣтъ; да и золотопромышленники понимаютъ преимущества trucksystem. Всѣ доходы и расходы дѣлятся поровну: равномѣрность въ такомъ распредѣленіи—полнѣйшая; отношенія другъ къ другу—образецъ справедливости, а общая нужда, общія опасности связываютъ членовъ летучихъ артелей прочными узами зависимости. Распаденіе такихъ артелей—рѣдкое явленіе, вызываемое какими-либо чрезвычайными обстоятельствами. Къ числу преимуществъ «летучихъ» артелей передъ легальными относится отсутствіе зависимости отъ хозяина *отдѣльнаго* пріиска: обрабатывая тайно извѣстный земельный участокъ, «летучка» сбываетъ золото тому, кому хочетъ (этимъ объясняются болѣе выгодныя условія сбыта). Но, не завися ни отъ кого въ отдѣльности, «летучія» артели подвергаютъ себя ежеминутной опасности быть пойманными и преданными въ руки полиціи. Угроза выдачи въ рукахъ владѣльцевъ пріисковъ является сильнымъ орудіемъ эксплоатаціи артельщиковъ. Въ этомъ случаѣ пользуются незаконностью положенія «летучки» не только хозяева пріисковъ, но и низшая полиція: послѣдняя дѣлаетъ періодическія «облавы» и беретъ съ каждаго «летуна» рублевый—двухрублевый выкупъ...

Этими немногими данными мы считаемъ возможнымъ закончить нашъ небольшой очеркъ рабочихъ артелей на пріискахъ Сибири. Покоющіяся на чудовищной эксплоатаціи рабочей силы и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющія для рабочихъ нѣкоторыя важныя преимущества передъ наемнымъ трудомъ, эти трудовыя организаціи должны постепенно *съ прогрессомъ техники* утратить смыслъ своего существованія. Наблюденія показываютъ, что артельныя организаціи отличаются поразительной живучестью. *Общій низкій уровень пріисковой техники благопріятствовалъ ихъ возникновенію и су-*

[1]) «Кайло»—особый видъ продолговатаго немного изогнутаго узкаго заступа.

ществованію. Для производства небольшихъ пріисковыхъ работъ почти не требуется затратъ капитала, другія производства вообще, а въ частности—промывательныя «батарейки» самаго примитивнаго устройства, употребленіе лошадиной силы не составляетъ необходимаго условія, а въ очень мелкихъ работахъ даже затруднительно и вредно. Но, какъ всюду, [illegible]ается нѣкоторый технической прогрессъ, выражаю[illegible] въ примѣненіи довольно сложныхъ промывательныхъ маш[illegible], поглощающихъ одновременно значительныя количества [illegible]осодержащаго песку; въ болѣе высокомъ раздѣленіи труда и въ возможно полномъ удержаніи плывущаго по желобамъ золота [1]). Каждый новый шагъ въ дѣлѣ пріисковой техники явится гибельнымъ для артельныхъ организацій. Съ теченіемъ времени ихъ экономическій базисъ—*большая* сравнительно съ наемнымъ трудомъ прибавочная стоимость—отпадетъ, и когда въ этомъ отношеніи разница между ними и наемной организаціей труда сведется къ нулю—у предпринимателей не останется главнаго импульса къ открытію артельныхъ работъ; послѣднія, какъ *общее* явленіе, сойдутъ со сцены пріисковой жизни. Но техника прогрессируетъ очень слабо, а потому и артельныя организаціи могутъ разсчитывать на долгій вѣкъ. Въ этомъ случаѣ повторится точь въ точь то, что на нашихъ глазахъ происходитъ въ «борьбѣ» между «кустарнымъ производствомъ» и фабричнымъ. *Несмотря на свою очевидную техническую отсталость,* первое (выражаясь народническимъ языкомъ) удачно «выдерживаетъ борьбу» со вторымъ, главнымъ образомъ, благодаря невѣроятной прибыли, которое оно приноситъ: прогрессъ техники при невозможности пользоваться его результатами, конкурренція болѣе усовершенствованныхъ промышленныхъ единицъ не страшны для того, кто *предварительно* заручился большимъ процентомъ прибыли. Это походитъ на извѣстную карточную игру, въ которой одинъ изъ игроковъ получаетъ нѣсколько «очковъ впередъ». Въ «борьбѣ» кустарнаго производства съ фабричнымъ эти «нѣсколько очковъ впередъ» принадлежатъ «кустарю», а въ «борьбѣ» наемной организаціи труда съ артельной—они на сторонѣ послѣдней. Едва ли поэтому здѣсь можетъ идти рѣчь о борьбѣ, скорѣе, это—тактическое отступленіе съ сохраненіемъ достоинства, но безъ надежды на прочное будущее. Насколько возможно предвидѣть, побѣда *въ общемъ* останется на сторонѣ наемной организаціи труда. Развѣ «летучія» артели, кореня-

---

[1]) Кстати замѣтимъ здѣсь же, что капитализація золотой промышленности отражается скорѣе благопріятно на положеніи трудящейся массы. Нѣкоторыя мелкія пріисковыя работы совершенно неправильно относить къ промышленнымъ предпріятіямъ; это—скорѣе предпріятія торговыя (пріисковыя лавки) и скупщическія (нелегальная скупка золота). Въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, какъ продажа продуктовъ, такъ и скупка золота отходятъ на задній планъ. Затѣмъ, хотя повсюду общія жилищныя условія пріисковыхъ рабочихъ не отвѣчаютъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ, однако несомнѣнно, что въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ за послѣднее время замѣчаются нѣкоторыя улучшенія.

щіяся въ общихъ условіяхъ нашей общественной жизни и комплектуемыя изъ «паріевъ» общества, сохранятъ свою жизненность на болѣе продолжительное время даже при рѣзкомъ измѣненіи въ техникѣ пріисковаго дѣла... Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. *Артельное закабаленіе* (тожъ—«артельная самостоятельность»)—ничуть не лучше, въ конечномъ архивъ исторіи [illegible]ленія *индивидуальнаго*. Свидѣтели постепенной сдачи въ смѣну безпросвѣтнаго прош[illegible]ныхъ артелей, мы не жалѣемъ о нихъ, ибо на [illegible] настоящаго пріисковой жизни выдвигаются новыя для трудящейся массы [illegible]ственныя условія.

М. Бейлинъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ

Чѣмъ является 1897 г. для крестьянскаго хозяйства?—Голодающіе калмыки.—Чесоточная деревня.—Вопросъ о врачахъ и фельдшерахъ въ двухъ земствахъ.—Больницы Казани, Кіева и Одессы.—«Обособленность» русскаго крестьянина.

> **Заржавѣвшій щитъ молилъ солнце: «Солнце, сообщи мнѣ блескъ!» Солнце отвѣчало щиту: «Щитъ, очистись отъ ржавчины».**

«Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ». Истины вѣрныя для своего времени, часто, теряя свой первоначальный смыслъ, примѣнимый только къ нему, остаются въ силѣ для характеристики положенія вещей другого типа, другой эпохи. Въ данномъ случаѣ слова лѣтописи прекрасно передаютъ тѣ впечатлѣнія отъ невеселыхъ фактовъ жизни подъ «властью земли», которые занимаютъ наше вниманіе въ настоящее время. Если вамъ случалось бывать въ русской деревнѣ,— вы видѣли этотъ длинный, сѣрый рядъ избъ, на каждой изъ которыхъ какъ-бы написано: недоимка, голодъ, безземелье, малоземелье, безлошадье, на иныхъ: достатокъ; изрѣдка порядокъ улицы прерывается статной, новой избой Колупаева или Разуваева. Глядя на это, вы вѣрно уже понимали, съ кѣмъ охотно раздѣляетъ свои полномочія «земля» и какихъ агентовъ своей власти посылаетъ она сидящимъ на ней. Можетъ быть вамъ нерѣдко удавалось подмѣтить и невольно запечатлѣть въ памяти физіономіи избушекъ; каждая изъ нихъ имѣетъ свое выраженіе; придается ли это количествомъ и разстановкой оконъ, разстояніемъ ли между ними и крышей, правильностью-ли и уклоненіемъ отъ нея самаго сруба и косяковъ,—опредѣлить трудно да и не важно; дѣло только въ томъ, что внѣшній видъ избушки—какъ-бы зеркало ея внутренней жизни. Обладай ихъ физіономіи способностью мѣнять свои выраженія подъ вліяніемъ перипетій и отпечатковъ текущаго,—вѣрно 97-ой годъ заставилъ-бы ихъ сдѣлаться еще мрачнѣе и нахмуреннѣе, еще веселѣе и здоровѣе выглядѣли бы избы раздѣляющихъ власть земли. Плохо вознаградились въ нынѣшнемъ году старанія нашихъ землепашцевъ о хлѣбѣ насущномъ. Результатомъ собранныхъ посѣвовъ оказался—недородъ, неурожай, охватившій довольно значительный районъ губерній. Оффиціальныя данныя говорятъ намъ, что по всей Европейской Россіи итогъ сборовъ всѣхъ хлѣ-

бовъ получился *ниже средняго*; въ черноземныхъ же губерніяхъ не только неурожай зерновыхъ хлѣбовъ, но и картофель уродился не вполнѣ удовлетворительно, а кормовыя средства для скота положительно въ нынѣшнемъ году—*скудны*. Въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ рожь дала почти половину средняго сбора, овесъ-же, ячмень и гречиха тамъ весьма плохи; это самыя пострадавшія губерніи. Въ области донской сборъ ржи всего 40% средняго сбора, озимой пшеницы—25%, овса—40%, проса—35%; приблизительно такъ-же уродился хлѣбъ и въ другихъ новороссійскихъ губерніяхъ, а также по среднему теченію Волги. Меньше пострадали губерніи—Московская, Тверская, Минская, Пермская, Гродненская, Ставропольская и обл. кубанская. Сравнительно съ прошлымъ годомъ общій сборъ ржи для всей Россіи на 171 мил. пудовъ слишкомъ менѣе; озимой-же пшеницы, которой собрано теперь 151 мил. пудовъ, собрано на 65 мил. пудовъ меньше прошлогодняго, а въ 1896 г. далъ лишь только «около средняго» урожая.

Органы печати въ провинціи изобилуютъ такими сообщеніями, отъ которыхъ жутко становится за «сѣятеля и хранителя», за щитъ земли русской.

Мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ нѣкоторыя типичныя характеристики этихъ безотрадныхъ картинъ народно-хозяйственной жизни.

«Неурожай тяжело отозвался на нашихъ мужичкахъ; картина мужицкой бѣдноты и горя съ каждымъ днемъ вырисовывается все болѣе и болѣе; эта живая картина человѣка мало-мальски совѣстливаго прямо подавляетъ. Бѣдствуютъ наши мужички безъ хлѣба, который имъ уже отпускался изъ запаснаго магазина, куда и опять они обращаютъ свои взоры; многіе теперь ѣдятъ уже ячменники, ибо хорошо понимаютъ, что продовольственной ссуды для каждаго хватитъ только въ натруску. Бѣдствуютъ безъ копѣйки денегъ, а деньги нужны на покупку одежды, обуви и др. Горюютъ о томъ, что нѣтъ для скота достаточнаго количества корма, котораго и достать негдѣ. Ранняя зима захватила всѣхъ врасплохъ и совсѣхъ добила мужичковъ. Разсчитывали, что скотъ пока прокормится въ полѣ; теперь же недостатокъ корма, и его надо продавать. Благодаря этому цѣна на скотъ совершенно упала и стоитъ: за лошадь 15—20 р., за пару быковъ 30—50 р. и корову 5—10 р. Цѣны до смѣшного малыя. Жалуются и на дороговизну хлѣба. Словомъ, на нашихъ мужичковъ всѣ бѣды обрушились заразъ». Вотъ какіе отголоски доносятся изъ Ставропольской губерніи (село Сотниковское).

Съ Кавказа пишутъ: «Въ текущемъ году почти во всемъ закатальскомъ округѣ абсолютно не было никакого урожая пшеницы, и жители округа не въ состояніи прокормить свои семейства до новаго урожая; они не собрали даже столько зерна, чтобъ имѣть возможность обсѣменить поля. Причиною неурожая въ однихъ мѣстахъ были градобитія, въ другихъ—засухи и появленіе въ огромномъ количествѣ полевыхъ мышей».

«Лукояновщина» средней полосы Россіи ползетъ и разростается въ ширь».

Тяжелое время приходится переживать нашей губерніи,—корреспондируютъ изъ Курска:—отовсюду изъ уѣздовъ получаются печальныя вѣсти о тяжкомъ положеніи, по случаю неурожая, не только крестьянъ, но и мѣщанъ уѣздныхъ городовъ. Хлѣбъ все дорожаетъ, сѣно въ Курскѣ уже 40 коп. за пудъ, солома 25 коп. Та же цѣна стоитъ и повсемѣстно, и крестьянамъ остается одно: уничтожить скотъ,—и онъ уничтожается. Саврасовъ, Пѣгашекъ избиваютъ ради шкуры, а рогатый скотъ бьютъ и туши вывозятъ на базары. Въ настоящее время въ базарные дни въ Курскѣ можно купить у крестьянъ порядочное мясо по 1 р. 20 к. за пудъ. Въ 1891—92 годахъ хотя нѣкоторые уѣзды Курской губерніи были пощажены неурожаемъ, въ текущемъ же году во всѣхъ—недородъ.

Но не всѣмъ горе, есть кому и порадоваться и, потирая въ довольствѣ руки, удачно половить рыбки въ мутной водѣ. Выручая изъ бѣды своихъ бѣдныхъ односельчанъ гг. Колупаевы этой весной и лѣтомъ ссужали ихъ деньгами съ обязательствомъ уплаты «по первому требованію», или «по предъявленіи». И вотъ теперь съ октября уже въ волостныхъ судахъ идутъ исковыя дѣла: предъявляются «требованія». Нужно замѣтить, что подавленныхъ безысходной нуждой бѣдняковъ, обыкновенно обнадеживаютъ тѣмъ, что деньги даются «навѣрное на годъ»,—но ищется съ нихъ по первому желанію кредитора; судъ въ виду обязательства со стороны ссуженныхъ—погасить долгъ по «первому требованію»,—тянетъ съ голоднаго все до его работоспособности включительно. Фигура кулака - ростовщика становится все кряжистѣе и упитаннѣе, «чумазый» хорошо знаетъ, что ему въ современномъ соціальномъ строѣ отводится крупная роль, онъ бьетъ на-вѣрняка; его сердце—кремень, но такой, изъ котораго, по выраженію Диккенса, «никакое огниво не высѣкло бы благороднаго огня». Если обезсилѣвшій въ нуждѣ крестьянинъ несетъ на рынокъ и всѣ продукты своего производства, и свои рабочія руки—это именно ему и нужно: конкуренція и паденіе цѣнъ, вызываемыя здѣсь, прямая выгода для агента власти земли [1]).

Впередъ идетъ время, впередъ идетъ дифференціація нашего крестьянства. Такіе годы, какъ 1897-й, даютъ сильный толчекъ этому ходу. Неурожай, толки о немъ въ печати, поднятый продовольственный вопросъ сильно выдвинули тотъ фактъ деревенской жизни, за которымъ послѣднее время укоренилось названіе—«недоѣданія». Г. Пѣшехоновъ, въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Богатства», въ статьѣ «Много-ли мужику хлѣба нужно», приводитъ поражающія безпощадностью голода цифровыя данныя по вопросу о нормальности питанья въ селахъ. Только сѣющія свыше 10-ти десятинъ питаются нормально болѣе или менѣе, только V-ая группа даетъ цифры заболѣваемости и смертности, не поражающіе своими размѣрами; остальная масса «болѣетъ и умираетъ»: хлѣба мало, а нечистота и грязь—родныя сестры голода,—гос-

[1]) Прекрасныя статьи по генезису этого явленія даны были въ «Самарскомъ Вѣстникѣ» за 1896 годъ, см. №№ 256, 261 и др.

подствуютъ повсюду. Тутъ нечего удивляться величинѣ и злокачественности физическихъ недуговъ нашей деревни, а они дѣйствительно производятъ подавляющее впечатлѣніе.

Въ «Астраханскомъ Вѣстникѣ» разсказывается о посѣщеніи калмыковъ въ селеніи Харацуглю докторами и самимъ повѣствователемъ. Калмыки до того исхудали, что просто страшно и больно смотрѣть на нихъ. У семилѣтнихъ ребятъ руки и ноги не толще палки. Кости просто покрыты кожей, безъ признака мяса подъ ней; отлично видно, гдѣ кость толще, гдѣ на ней бугорокъ, гдѣ ямочка. Нѣкоторые калмыки опухли: голова, какъ котелъ; твердой пищи уже не могутъ ѣсть, питаются однимъ чаемъ и то кое-когда. Одинъ изъ докторовъ, обойдя три кибитки, дальше, уже не могъ идти. «Нѣтъ моихъ силъ больше глядѣть на нихъ», говорилъ онъ,—«дѣло ясное—голодаютъ; ихъ не лѣчить, а кормить надо, ничего мы тутъ сдѣлать не можемъ». Калмыцкая голодовка не прекращается, а только періодически усиливается, обостряясь до такихъ размѣровъ, которые приводятъ населеніе къ состоянію, подобному описанному.

«Волынь» сообщаетъ о чесоточной деревнѣ: «Такая деревня есть и существуетъ въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ, и называется она «Почиски». Кажется невѣроятно, чтобы въ теченіи двухъ десятковъ лѣтъ люди болѣли такой болѣзнью и не было-бы конца этому. Нѣтъ двора, гдѣ-бы не было больныхъ этой болѣзнью и гдѣ-бы она не была постоянной гостьею. Чуть-ли новорожденные не одержимы ею; куда ни глянешь, всюду увидишь только почесываніе различныхъ частей тѣла. Полжизни у почискихъ крестьянъ, навѣрно, уходитъ на успокоеніе зудящаго тѣла съ помощью почесыванія и другихъ манипуляцій. Болѣзнь сама по себѣ не опасна, но если принять во вниманіе сопутствующія явленія, вродѣ экземъ, нарывовъ и тому подобныхъ кожныхъ заболѣваній, если принять во вниманіе истощеніе больныхъ отъ безсонныхъ ночей, вслѣдствіе страшнаго зуда, а отсюда слабый ростъ дѣтей, плохое ихъ питаніе и потому малую сопротивляемость организма всевозможнаго рода заболѣваніямъ, то будетъ вполнѣ понятно то зло, которое порождаетъ такая болѣзнь, какъ чесотка».

Въ «Саратовскій Листокъ» изъ Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи пишутъ: «Съ особенной силой свирѣпствуетъ въ нашемъ мѣстечкѣ «летучая рожа». При отсутствіи правильно организованной медицинской помощи и при *страшной скученности и бѣдности населенія*, *разныя болѣзни свиваютъ себѣ гнѣзда въ мѣстечкѣ*».

«Каспію» сообщаютъ изъ Нухи, что въ восточной части уѣзда развитъ въ высшей степени сифилисъ, какъ слѣдствіе дикаго разврата. Такъ, напримѣръ, въ селеніи Холманъ населеніе постепенно вымираетъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи въ зимніе мѣсяцы ежегодно дифтеритъ, корь и скарлатина разгуливаютъ на свободѣ, унося тысячи жертвъ. Намъ самимъ приходилось бывать въ восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи и до сихъ поръ не могутъ изгладиться изъ нашей

памяти жалкіе типы жалкаго племени чувашей; у каждаго представителя его, съ малаго до стараго, вы не можете хорошо видѣть глазъ: они совсѣмъ ушли куда то вглубь, въ узкія щелки, изъ которыхъ вѣчно течетъ, которыя вѣчно гноятся. Изъ рода въ родъ передается эта болѣзнь: вся семья со всѣми чадами и домочадцами моется въ одной посудѣ, одной водой, вытирается однимъ полотенцемъ.

«Ихъ не лѣчить, а кормить надо», «вслѣдствіе бѣдности и скученности населенія разныя болѣзни свиваютъ себѣ гнѣзда въ деревняхъ», «повальная глазная болѣзнь», «скарлатина и дифтеритъ уносятъ ежегодно тысячи жертвъ», «повальная чесотка», «населеніе постепенно вымираетъ!» «Мало словъ, но горя—горя рѣченька бездонная». Да вѣдь лѣчатъ-же ихъ, вѣдь есть-же у насъ врачи, фельдшера, городскія больницы, земскія? Вотъ о нихъ-то мы теперь и будемъ говорить; въ какомъ они положеніи, что тамъ дѣлаютъ. Но намъ нужны факты, факты и факты. Чтобы не далеко ходить за примѣрами—подъ руками у насъ «Южный Край». Вотъ корреспонденція изъ Старобѣльска. Жизнь тамъ тиха, однообразна—этимъ насъ не удивишь; если затхлость уѣздной жизни и была хоть когда нибудь въ своемъ родѣ оригинальностью, то теперь это такъ повсемѣстно и повседневно, что Нордау вѣрно приписалъ ей характеръ «банальности». Иногда эта провинціальная тина вдругъ всколыхнется и на поверхности ея всплыветъ какой-нибудь фактъ, о которомъ долго-долго будутъ говорить на своемъ, часто чрезмѣрномъ досугѣ, уѣздные обыватели. Вотъ въ Старобѣльскѣ теперь «задѣйствовали». Собрались земцы на собраніе и стали они думать, какъ-бы рѣшить съ вопросомъ «устройства медицинской части въ уѣздѣ». И порѣшили: число врачей съ одиннадцати увеличить до четырнадцати, число фельдшеровъ сократить (болѣе двадцати). Прекрасная вещь! кто-же не признаетъ научнаго превосходства врачей надъ фельдшерами? Да, но тутъ кто-то остался не доволенъ, на кого-то мѣры эти «произвели удручающее впечатлѣніе». Гласнымъ изъ крестьянъ это не понравилось; по мнѣнію представителей крестьянъ, во имя справедливости и во вниманіе къ тому, что крестьяне крупные земскіе плательщики, собраніе не должно-бы лишать ихъ доступной имъ медицинской помощи; тѣмъ не менѣе, большинствомъ голосовъ вопросъ рѣшенъ былъ для крестьянъ въ нежелательномъ смыслѣ.

Это все равно, какъ если-бы въ какомъ-нибудь уѣздѣ наши крутоярцы вдругъ постановили-бы народныя школы упразднить, а въ самомъ городѣ воздвигнуть гимназію. Здѣсь различія количественныя не сводимы на качественныя.

Но не кручиньтесь, старобѣльскіе крестьяне, — бываетъ и хуже; у васъ «упразднили» фельдшерскіе пункты, а вы войдите въ положеніе тѣхъ, у кого ихъ *совсѣмъ* нѣтъ. Въ отдаленныхъ отъ больницъ селахъ ходатайствуютъ передъ земской управой и земскимъ собраніемъ объ устройствѣ фельдшерскихъ пунктовъ для подачи хоть элементарной

помощи, но всѣ эти ходатайства остались втуне, «провалились» изъ-за неимѣнія средствъ у управы. Теперь вспомните какъ разгуливаютъ тамъ, вырывая тысячи жертвъ изъ народа, такіе пріятные гости, какъ дифтеритъ, скарлатина, корь, и сопоставьте съ мотивировкой отказа управы недостаткомъ средствъ слѣдующее обстоятельство: общество августовской волости проситъ свое волостное правленіе ходатайствовать передъ земкою управою о назначеніи фельдшера для нихъ; относя на счетъ земства лишь расходы на медикаменты, общество даетъ отъ себя средства для жалованья фельдшеру, въ размѣрѣ 360 руб. въ годъ, предоставляетъ ему квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. На рапортъ объ этомъ августовскаго волостного правленія въ уѣздную земскую управу черезъ мѣсяцъ получается бумага: «Николаевская земская управа въ своемъ засѣданіи сего числа, фельдшера для августовской волости дать не признала нужнымъ». Странныя, непонятныя вещи! Можетъ быть управа втихомолку, нарочно, сначала маскируясь такой грозной и безразсудно-несправедливой, готовитъ сюрпризъ для уѣзда: хочетъ пригласить (по примѣру старобѣльцевъ) одного лишняго врача на уѣздъ въ 600 тыс. душъ и желая неожиданно обрадовать населеніе, пока «проваливаетъ» всѣ ходатайства даже о тѣхъ фельдшерскихъ пунктахъ, содержаніе которыхъ ей не стоило бы почти ничего.

Какъ знать, что руководитъ земскими дѣятелями, какъ проникнуть въ причины и планы ихъ дѣяній?

Коснувшись положенія медицинской помощи, мы не можемъ пройти молчаніемъ (хотя бы это удалило насъ на извѣстное время отъ темы обозрѣванія жизни подъ властью земли) тѣхъ вопіющихъ фактовъ, которые даютъ намъ города съ ихъ больницами. Возьмемъ большіе университетскіе города на востокѣ, западѣ и югѣ: Казань, Кіевъ и Одессу.

Въ Казани—несмотря на то, что больница только-что открыта, она содержится такъ плохо, что положительно поражаетъ отсутствіемъ чистоты и уже изобилуетъ всякаго рода насѣкомыми. Посуды мало—изъ-за чего нарушаются сроки ѣды для больныхъ, да и самое помѣщеніе для нихъ душно, тѣсно; тутъ немудрено, что и платье больныхъ валяется прямо на грязномъ полу вмѣстѣ со всякимъ хламомъ. «Родильный покой производитъ во всѣхъ отношеніяхъ впечатлѣніе самое удручающее»—таковъ выводъ, сдѣланный инспекторомъ врачебной управы. Кіевская Александровская больница, располагая 270 кроватями, вмѣщаетъ въ себѣ въ настоящее время 335 больныхъ. Наплывъ паціентовъ такъ великъ, что, напримѣръ, 29-го ноября изъ 19-ти тифозныхъ принято было только 4; остальные больные путешествовали изъ одной больницы въ другую, и нашли-ли они себѣ гдѣ-нибудь пріютъ—неизвѣстно.

Городская больница нашей «южной Пальмиры» давно уже стала притчей во языцѣхъ, пріобрѣтя себѣ европейскую извѣстность. «Я видѣлъ много притоновъ (пишетъ одесскій корреспондентъ), гдѣ ютится настоящая голь-перекатная, я видѣлъ много запущенныхъ казармъ, я видѣлъ

и арестантскія роты, пугающія ваше воображеніе; но нигдѣ никогда не встрѣчалъ такого удручающаго состоянія нищеты и страданія». Это не палата, а сарай, грязный, мрачный, холодный сарай, въ которомъ люди задыхаются отъ зловонныхъ испареній, идущихъ изъ отвратительныхъ клозетовъ. Больные лежатъ вмѣстѣ съ умирающими, а нерѣдко и рядомъ съ мертвыми, грубость прислуги, индифферентизмъ врачей, отсутствіе всякаго присмотра ночью, когда на всю больницу съ 1,300 больными дежуритъ одинъ врачъ! Въ Луганскѣ городская больница вселяетъ страхъ и отвращенье даже въ здоровомъ человѣкѣ. А въ Пензѣ—на 60 т. жителей совсѣмъ нѣтъ городской больницы. Земская больница переполнена до того, что приходится «даже умирающимъ отказывать». Наплывъ городскихъ больныхъ заставляетъ администрацію не принимать не опасно больныхъ крестьянъ. И вотъ, если мужику понадобилась медицинская помощь,—является старая знахарка, принесетъ она медикаментовъ своихъ или тутъ же все пропишетъ; въ этихъ рецептахъ все несложно, все достается легко изъ огорода или поля. Кража случилась—и здѣсь свои домашнія средства, свои слѣдователи, ворожеи, колдуны... И эта обособленная жизнь мужика «со своими благоустройствами» приковываетъ его къ неблагодарной, но родной землѣ—невидимыми цѣпями, путами, завязанными Гордіевымъ узломъ...

Не знаемъ, заложено ли въ комъ-нибудь еще столько задатковъ «обособленности» и жизни для себя, своимъ домкомъ, своимъ селомъ—какъ именно въ русскомъ мужикѣ, въ русскомъ обывателѣ вообще. Объ этомъ не мало говорилось въ нашей литературѣ и «если такъ писалось и пишется, значитъ есть и причина тому». Въ «Южномъ Обозрѣніи» очень вѣрно подхватилъ эту русскую черту г. Гулливеръ. Низшіе неразвитые классы ходятъ въ темнотѣ относительно своихъ правъ и преимуществъ да и болѣе культурное общество въ сущности мало интересуется тѣмъ, что можно, чего нельзя по существующимъ у насъ законамъ. Если ему человѣкъ свѣдующій по праву, или по-крайней мѣрѣ тотъ, въ комъ онъ предполагаетъ такія знанія, скажетъ: «этого нельзя» (почему нельзя, по какой причинѣ, по какимъ статьямъ закона—неизвѣстно) обыватель, покачавъ грустно головой, идетъ домой въ увѣренности, что дѣйствительно нельзя, такъ какъ самъ совершенно не знаетъ, что *можно*, чего *нельзя*. Самое большое, если онъ скажетъ: «мы люди темные», и пойдетъ къ адвокату, который обладаетъ какимъ-то особымъ чудодѣйственнымъ средствомъ, который «нельзя» превращаетъ иногда въ «можно».

НА ОКРАИНАХЪ.

Кавказъ.

Недородъ и его послѣдствія.—Вопросъ о введеніи земства на Кавказѣ.—Кто отправляетъ правосудіе на Кавказѣ.—Составъ личной администраціи.—Поземельныя отношенія на Кавказѣ и межеваніе въ Закавказьѣ.—Политехникумъ въ Тифлисѣ.

На страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» намъ не разъ приходилось говорить объ экономическомъ положеніи обывателей Кавказа. Читатели, принимая во вниманіе это положеніе, сами могутъ судить о томъ состояніи, въ какомъ оказалась масса деревенскаго люда на всемъ сѣверномъ Кавказѣ, попавшемъ «въ полосу неурожая». Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напр. въ Ставропольской, и прошлый годъ принадлежалъ къ числу неурожайныхъ, а потому въ этой губерніи населеніе оказывается въ безпомощномъ положеніи. Для взноса хотя бы нѣкоторой части податей и сборовъ крестьянамъ пришлось распродать часть своего скота, который окончательно добиваетъ безкормица, въ виду неурожая травъ и ранняго наступленія зимы. Въ предупрежденіе массоваго падежа, скотъ распродается положительно за гроши, но и такія грошовыя цѣны постоянно понижаются въ виду того, что продать желаютъ всѣ, а на всѣхъ покупателей не хватаетъ.

Конечно, населенію тяжело разставаться со своимъ послѣднимъ имуществомъ, но при данныхъ условіяхъ другого исхода не имѣется. Заработки могли-бы оказать нѣкоторую помощь, но гдѣ вы найдете работу для такой массы нуждающихся? На самомъ сѣверномъ Кавказѣ, пострадавшемъ отъ неурожая, спросъ на трудъ сократился до послѣднихъ размѣровъ. Двигаться-же за поисками работы въ Россію нѣтъ возможности въ виду того, что тамъ достаточно своихъ пострадавшихъ отъ неурожая, да къ тому-же сѣверный Кавказъ прямо примыкаетъ къ громадной полосѣ неурожайныхъ губерній, въ которыхъ найти работу—дѣло мудреное. Населеніе толпами направляется въ кавказскіе города, но и тутъ шансы на работу болѣе чѣмъ слабы, въ виду массы ищущихъ труда, идущихъ даже изъ Закавказья, тоже захваченнаго неурожаемъ.

Отсутствіе въ краѣ земскихъ учрежденій отзывается весьма непріятно на удовлетвореніи продовольственныхъ нуждъ населенія. Къ сожалѣнію,

разрѣшеніе вопроса о введеніи земства на Кавказѣ почему-то замедляется и собственно неизвѣстно даже, въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ. Мѣстные дѣятели не перестаютъ указывать на безусловную необходимость поторопиться съ введеніемъ земскихъ учрежденій на Кавказѣ. Кутаисское дворянство избрало особую коммисію для составленія особой записки о введеніи земскихъ учрежденій въ губерніи. Записка разсматривалась на послѣднемъ губернскомъ дворянскомъ собраніи и, послѣ ея одобренія собраніемъ, губернскій предводитель дворянства, князь Цертелевъ, представилъ ее кутаисскому губернатору при особой бумагѣ, въ которой, по словамъ «Новаго Обозрѣнія», сказано: «Кутаисское губернское дворянское собраніе, имѣвшее мѣсто въ маѣ сего года, подвергнувъ подробному обсужденію вопросъ о положеніи землевладѣльческаго сословія губерніи и мѣры, кои могли-бы вывести его изъ настоящаго угнетеннаго состоянія, единогласно постановило ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о введеніи въ Кутаисской губерніи земскихъ учрежденій въ томъ видѣ, въ какомъ они дѣйствуютъ, на основаніи Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 12-го іюня 1890 г., во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи».

Какъ отнесся къ дѣлу кутаисскій губернаторъ, намъ неизвѣстно. На счетъ-же введенія земскихъ учрежденій въ другихъ губерніяхъ Кавказа столичная газета «Новости» сообщаетъ, что «вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ Ставропольской губерніи принялъ благопріятный оборотъ. Главное кавказское начальство высказалось за эту мѣру. Въ иномъ положеніи находится вопросъ о введеніи земства въ Тифлисской губерніи. Проектъ князя Г. М. Туманова, составленный еще два года тому назадъ по порученію дворянства, остается до сихъ поръ почти безъ движенія. Послѣднее очередное собраніе тифлисскаго дворянства обязало коммисію разработать проектъ земскихъ учрежденій къ декабрю этого года и созвать въ этомъ мѣсяцѣ чрезвычайное собраніе для обсужденія этого вопроса. Между тѣмъ, объ этомъ чрезвычайномъ собраніи пока ничего не слыхать».

На ряду съ земскимъ вопросомъ мыслящую часть мѣстнаго общества особенно интересуетъ вопросъ о судѣ присяжныхъ. Изъ «Черноморскаго Вѣстника» мы узнали, что кутаисскій губернскій предводитель, отправляя губернатору указанную записку о введеніи земскихъ учрежденій, отъ себя лично приложилъ особую записку, въ которой указываетъ на необходимость введенія суда присяжныхъ въ Кутаисской губерніи. Конечно, кутаисскій предводитель дворянства могъ говорить только объ интересахъ одной Кутаисской губерніи, а не всего Кавказа. Мѣстное-же общество вообще желаетъ принимать самое дѣятельное участіе въ отправленіи правосудія, именно во имя интересовъ правосудія. Пришлые судебные дѣятели оказываются, при всемъ ихъ добромъ желаніи, въ безпомощномъ положеніи, благодаря незнакомству съ мѣстными нарѣчіями. «Новое Время», вообще видящее въ мѣстной мыслящей части общества какой-то подозрительный элементъ, должно согласиться, что теперь въ отправленіи правосудія вмѣсто этой части общества первую роль играютъ подонки мѣстнаго на-

селенія. Ходъ любого дѣла зависитъ отъ судебнаго слѣдствія. Судебные слѣдователи, незнакомые съ мѣстными нарѣчіями, находятся въ полной зависимости отъ переводчиковъ. По поводу кавказскихъ разбоевъ, бакинскій корреспондентъ «Новаго Времени» говоритъ, что «въ учащеніи разбоевъ винили, бывало, судебныхъ чиновниковъ, которые-де, молъ, развратили татаръ гуманностью. Но судебные чиновники соприкасаются съ народомъ весьма мало и «разврата» не могли занести; но что переводчики и писцы, сопровождающіе слѣдователей, дѣйствительно, охулку на руку не клали, это правда, и составившаяся у татаръ и вообще у туземцевъ поговорка, что дѣло рѣшаетъ не слѣдователь и мировой судья, а переводчикъ,—совершенно вѣрна. Будучи набраны изъ едва доучившихся до русской грамоты татаръ и армянъ, они переводятъ по-своему, какъ имъ полезно... Что слѣдовало-бы реорганизовать всю эту братію—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Эксплоатируется также выпускъ арестованныхъ татаръ на поруки. Изъ этого отпусканія на поруки образовался цѣлый торгъ. Лица, имѣющія какое-нибудь состояніе, берутъ отъ полицейскихъ приставовъ удостовѣреніе о томъ, что они имѣютъ такое-то состояніе, и этотъ полицейскій документъ служитъ правомъ на выпускъ преступника. Ну, а затѣмъ часто—ищи вѣтра въ полѣ, когда, особенно, сумма поручительства не велика. Съ ранняго утра можно видѣть въ городахъ Закавказья, какъ туземцы шествуютъ къ переводчикамъ, ну и они понимаютъ другъ друга.—Что-же можетъ сдѣлать слѣдователь, усилія котораго парализуются его-же переводчикомъ, который къ 10—11 ч. утра, т. е. ко времени прихода слѣдователя въ камеру, уже подготовилъ все «производство».

Если «Новое Время» вообще боится почему-то мыслящей части мѣстнаго общества, то пусть-же оно задумается надъ послѣдствіями направленія судебнаго слѣдствія мѣстными переводчиками, держащими въ рукахъ безпомощнаго заѣзжаго слѣдователя. Такимъ слѣдователямъ трудно направлять дѣла такъ, чтобы систематическіе разбои дѣйствительно чувствовали на себѣ послѣдствія правосудія. Что можетъ подѣлать правосудіе съ разбоями, если, послѣ переводчиковъ, главной опорой тутъ является мѣстная полиція? «Новое Время» и тутъ говоритъ правду, что «почти 95% чиновъ закавказской полиціи безъ всякаго образованія, такъ какъ нельзя-же считать достаточнымъ образованіемъ для начальника уѣзда, его помощника, секретаря и участковыхъ приставовъ—исключеніе изъ уѣзднаго училища. Многіе изъ нихъ едва умѣютъ читать, а остальные не въ состояніи написать самостоятельной бумаги. Идеалъ *каждаго татарскаго юноши сдѣлаться приставомъ*; тогда за нимъ будетъ слѣдовать конвой изъ двадцати по крайней мѣрѣ человѣкъ и, разъѣзжая изъ деревни въ деревню, онъ всюду будетъ ѣсть жирный пловъ и шашлыкъ изъ только-что зарѣзаннаго барана. За такимъ приставомъ обыкновенно ѣдетъ длинный хвостъ конвоя изъ разныхъ лицъ, добивающихся тѣхъ или другихъ поблажекъ. Прислуги у такого пристава, даровой, очень много: всѣ тѣ, которые должны отсиживать при полиціи и о которыхъ послѣ донесутъ, что они отбыли предписанное

имъ наказаніе». Вотъ изъ какихъ мѣстныхъ элементовъ составляется штатъ начальниковъ уѣзда и стана. Если мы представимъ себѣ, что мѣстные образованные люди на тѣхъ-же мѣстахъ вмѣсто пожиранія барановъ занимались-бы политиканствомъ, то право, такое невинное занятіе выкупалось-бы тѣмъ, что они у мѣстныхъ бековъ не играли-бы въ карты за однимъ столомъ съ тѣми разбойниками, которые держатъ въ страхѣ всю округу и которыхъ имъ поручено поймать. Теперь-же разбойники, не страшась ни суда, ни полиціи, облагаютъ данью цѣлыя десятки селеній за отказъ отъ разбоевъ среди ихъ населенія и живутъ себѣ настоящими азіатскими владѣтельными ханами. Мѣстному населенію, не видящему ни откуда помощи, остается покориться и кормить своихъ бековъ и разбойниковъ—типы настоящаго азіатскаго ханства. Говорятъ, что въ будущемъ году будетъ праздноваться столѣтіе взятія Тифлиса. Къ дню празднованія этого столѣтія не мѣшало-бы избавить Кавказъ не только отъ прямыхъ разбойниковъ, но и отъ бековъ, держащихъ населеніе въ настоящей крѣпостной зависимости.

Рядомъ съ этимъ не мѣшало-бы установить какой-либо порядокъ въ земельныхъ отношеніяхъ. Здѣсь на Кавказѣ земельныя отношенія являются «спорными». Противъ систематическаго присвоенія казенныхъ земель принимаются разныя энергичныя мѣры, но онѣ и до сихъ поръ не приводятъ къ устраненію печальнаго явленія, грозящаго сокращеніемъ того земельнаго фонда, на пользованіе которымъ могла-бы разсчитывать масса земледѣльцевъ. О земельномъ богатствѣ мѣстныхъ крестьянъ распространяться не стоитъ. За рѣдкими исключеніями, малоземелье даетъ себя чувствовать въ самой рѣзкой формѣ и подвинуться некуда, такъ какъ теперь всѣ свободные клочки отводятся переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній. Въ результатѣ заботами объ обезпеченіи земли однихъ крестьянъ обостряется малоземелье другихъ. Говорятъ, что современемъ можно будетъ двигаться въ Закавказье, но когда настанетъ это время—неизвѣстно. Размежеваніе земель тамъ подвигается туго. Уже десятки лѣтъ тамъ работаютъ землемѣры, что и какъ-то размежевываютъ, а результатовъ до сихъ поръ не видно. Говорятъ, что на межевыя работы отпускается мало денегъ, но главное—подготовленныхъ силъ для межеванія и совсѣмъ мало.

Межеваніе—работа, повидимому, простая, но она требуетъ соотвѣтствующаго техническаго образованія. О разныхъ отрасляхъ этого образованія теперь много говорятъ въ Петербургѣ. Кавказъ не отстаетъ отъ общаго движенія. Исправляющій должность тифлисскаго городского головы на-дняхъ подалъ тифлисскому губернатору записку объ открытіи въ Тифлисѣ политехникума. Городъ на это дѣло жертвуетъ 100,000 р. деньгами и 200 дес. городской земли, цѣнность которыхъ можетъ быть опредѣлена не менѣе 300 тыс. рублей. Кромѣ того, ожидаются частныя пожертвованія отъ крупныхъ торгово-промышленныхъ фирмъ не только Тифлиса, но и другихъ кавказскихъ городовъ, такъ какъ политехникумъ будетъ служить интересамъ всего Кавказа.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общедоступные курсы.—Продовольственный вопросъ. — Патріотизмъ «Московскихъ Вѣдомостей» и критическое отношеніе къ дѣйствительности.—Паспортъ и родительская власть. — Упреки «Московскихъ Вѣдомостяхъ» по адресу дворянства.—Письмо Курскаго помѣщика. — Къ вопросу объ общинѣ. — Открытіе юридическаго факультета въ Томскѣ. — Окончательное рѣшеніе вопроса о варшавскихъ студентахъ. — Взгляды кн. Мещерскаго на нравы нашего времени.

Оживленныя пренія по вопросу о распространеніи техническаго образованія принесли свою долю пользы. Никто не отрицалъ того факта, что мы небогаты высшими школами прикладнаго образованія, но для большинства стало ясно, что у насъ высшее прикладное образованіе не можетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока общее образованіе во всѣхъ слояхъ общества оставляетъ желать весьма и весьма многаго. Самая организація этого образованія у насъ находится до сихъ поръ въ зачаточномъ состояніи по той простой причинѣ, что у насъ, кромѣ установленныхъ типовъ казеннаго образованія, почему-то не удается организація общаго образованія самимъ обществомъ. Такъ называемые общедоступные университетскіе курсы начинались чуть-ли не во всѣхъ университетахъ, но до сихъ поръ особаго успѣха не имѣютъ. Охотниковъ записываться на эти курсы вездѣ находилось многое множество, но суть дѣла состояла и состоитъ въ программахъ курсовъ. На общедоступныхъ университетскихъ курсахъ читались лекціи по многимъ наукамъ, кромѣ наукъ общедоступныхъ. Читались лекціи по химіи, механикѣ, астрономіи, и въ видѣ добавленія—лекціи по исторіи философіи, чуть-ли ни до Сократа, и по исторіи политической экономіи до А. Смита. На общеобразовательныхъ курсахъ химія не могла имѣть успѣха, а по наукамъ философскимъ и общественнымъ не особенно могли привлекать лекціи по археологіи. Слушателей могло интересовать только то, что было послѣ Сократа и А. Смита и что имѣетъ ближайшее отношеніе къ современнымъ общественнымъ вопросамъ. Въ этомъ отношеніи нѣсколько посчастливилось Петербургу. Благодаря иниціативѣ людей, преданныхъ запросамъ средне-культурной публики, въ Петербургѣ открываются общеобразова-

тельные курсы по самой широкой программѣ, дѣйствительно отвѣчающей назначенію общеобразовательныхъ курсовъ. Этому широко задуманному дѣлу нельзя не пожелать успѣха безъ встрѣчи съ тѣми разнообразными препятствіями, съ которыми у насъ почему-то всегда приходится встрѣчаться общественной инціативѣ и общественной самодѣятельности. Общество, освѣдомленное съ общей теоретической постановкой интересующихъ его вопросовъ, всегда будетъ сознательно и внимательно относиться къ текущимъ вопросамъ любой категоріи.

Если наши текущіе вопросы сводятся къ разнымъ недугамъ и дефектамъ, то, вѣдь, и въ любой странѣ больше всего занимаются пробѣлами и недостатками въ общественной жизни. У насъ, пожалуй, этими невзгодами жизни интересуются менѣе, чѣмъ въ любой другой странѣ. Возьмемъ для примѣра продовольственный вопросъ. Въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ о размѣрахъ неурожая сказано, что онъ близко подходитъ къ памятному неурожаю 1891 года. Наша періодическая печать отмѣтила эти сообщенія, но не проявляетъ особаго влеченія къ дальнѣйшему обсужденію вопроса о положеніи, созданномъ неурожаемъ. Конечно, въ газетахъ попадалось не мало статей, трактующихъ о неурожаѣ и продовольствіи, но въ общемъ содержаніе газетъ за октябрь, ноябрь и декабрь истекшаго года не можетъ идти въ сравненіе съ содержаніемъ газетъ за тѣ-же мѣсяцы 1891 года. Тогда въ каждомъ номерѣ любой газеты ежедневно обсуждались самые разнообразные вопросы, поставленные на очередь неурожаемъ. Ежедневно газеты слѣдили за положеніемъ населенія пострадавшихъ мѣстностей, за размѣрами ихъ нужды и полученной помощи. Быть можетъ, печать устала говорить о недородахъ и продовольственномъ вопросѣ, и ей, говорятъ, надоѣло повторять одно и то-же. Конечно, это соображеніе не лишено нѣкотораго значенія, но все-же имъ нельзя оправдать того, что печать теперь не слѣдитъ ежедневно за недородомъ и развитіемъ продовольственнаго вопроса и продовольственныхъ операцій такъ-же внимательно, какъ она слѣдила за ними въ 1891 году.

Въ 1891 году печать оказала неоспоримую помощь правительству въ разрѣшеніи продовольственнаго вопроса вообще и въ отдѣльныхъ мѣстностя́хъ въ частности. Теперь она напрасно отказывается отъ своего прямого призванія и не освѣщаетъ дѣйствительнаго положенія всѣхъ отдаленныхъ угловъ провинціи, попавшихъ въ число пострадавшихъ отъ неурожая. Помимо этой фактической стороны дѣла и принципіальная сторона насущнаго продовольственнаго вопроса не должна быть игнорируема. Пожалуй, тутъ можно говорить о томъ, что весь продовольственный вопросъ не нуждается въ какихъ-либо спорахъ и сводится къ деньгамъ и большимъ деньгамъ. Но, вѣдь, въ 1891—92 гг. дали много денегъ—въ общемъ выдали ихъ около 161 м. р., которыхъ далеко не хватило для надлежащей помощи. Прошло пять лѣтъ, опять приходится выдавать такую-же, а быть можетъ, и гораздо большую.

сумму На слѣдующій годъ, пожалуй, опять придется выдавать, такъ какъ озими, по заявленію министерства земледѣлія, оказываются въ плохомъ, а мѣстами—даже въ безнадежномъ положеніи. У казны, конечно, пока имѣются средства для выдачъ, но, вѣдь, она ихъ получаетъ съ тѣхъ, кому приходится выдавать ссуды на продовольствіе. Очевидно, путемъ такихъ выдачъ долго нельзя залѣчивать послѣдствія зачастившихъ неурожаевъ: средствъ не хватитъ.

Въ 1891—92 гг. говорили, что пострадавшимъ нужно оказать помощь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а потомъ безъ замедленій нужно принять мѣры къ тому, чтобы десятки милліоновъ народа не оказывались въ безпомощномъ положеніи при первомъ недородѣ и чтобы эти самые недороды не повторялись такъ часто, какъ они стали повторяться въ данное время. Мы не знаемъ, какія мѣры были приняты въ этомъ направленіи. Мало того, мы даже склонны думать, что слово «мѣры» тутъ употреблено для успокоенія, до подысканія какого-либо рѣшенія. Если слово мѣра тутъ умѣстно, то почему-же нельзя сказать, что должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы всѣ люди были добры и богаты? Мѣры остаются мѣрами, а суть дѣла все-таки въ томъ, что отъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ нельзя отдѣлываться словами. Зашли мы въ область неурожаевъ не безъ помощи мѣръ, а на выходъ изъ нея при помощи мѣръ могутъ надѣяться только тѣ, кто вѣритъ въ спасительное правило: клинъ клиномъ вышибай. Однако, теперь уже и «Московскія Вѣдомости» не вѣрятъ въ пользу такой политики и говорятъ, что по поводу неурожаевъ нужно подумать и серьезно подумать.

Къ сожалѣнію, «Московскія Вѣдомости» имѣютъ нѣсколько странное понятіе о томъ, какъ надлежитъ думать. Такъ, по поводу нашихъ финансовъ. «Московскія Вѣдомости» находятъ необходимымъ «думать», а разсуждать считаютъ непозволительнымъ. Газета прямо не допускаетъ никакой критики и требуетъ, чтобы всѣ безъ разсужденій говорили о блескѣ русскихъ финансовъ. Мы не знаемъ, что разумѣютъ «Московскія Вѣдомости» подъ блестящими финансами, хотя онѣ и говорятъ съ большимъ апломбомъ о блестящихъ финансахъ. Съ своей стороны, мы имъ напомнимъ, что въ Англіи бюджетъ можетъ быть внесенъ въ палату общинъ съ дефицитомъ, но никому не придетъ въ голову доказывать, что англійскіе финансы не являются самыми блестящими въ свѣтѣ. Послѣдніе два года въ палату общинъ вносились бюджеты, въ которыхъ, такъ сказать, едва концы съ концами сводились, т.-е. доходы едва покрывали расходы, или покрывали ихъ съ небольшимъ избыткомъ. Въ Россіи исполненіе росписей за послѣдніе годы заканчивается громаднымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами. Излишки, или такъ называемая свободная наличность государственнаго казначейства равняются сотнямъ милліоновъ рублей. Однако, несмотря на такой блескъ нашихъ цифръ и поразительную

скромность англійскихъ цифръ, англійскіе финансы, какъ мы всѣ это прекрасно понимаемъ, являются блестящими. Значитъ, блескъ англійскихъ финансовъ опирается на что-нибудь другое, кромѣ блеска цифръ, такъ какъ ихъ цифры если и блестятъ, то только своей скромностью. Въ то же самое время и блескъ англійскихъ финансовъ не ихъ собственный, а заимствованный, разъ ихъ собственныя цифры отличаются крайней безцвѣтностью. Они опираются на что-то гораздо болѣе прочное, чѣмъ блестящія цифры исполненія росписей. За англійскими финансами стоятъ англійское общественное хозяйство, весь строй жизни, культура и такъ далѣе. Во всѣхъ учебникахъ по финансовой наукѣ на первой страницѣ прописано, что состояніе финансовъ опредѣляется положеніемъ общественнаго хозяйства.

Конечно, это—азбучная истина, но и ее приходится напомнить, принимая во вниманіе невѣжественныя сужденія «Московскихъ Вѣдомостей» о русскихъ финансахъ. «Московскія Вѣдомости» создали особую исторію русскихъ финансовъ и имѣютъ свою опредѣленную хронологическую дату, отъ которой онѣ начинаютъ считать эру оживленія русскихъ финансовъ. Роль такой даты въ ихъ глазахъ играетъ уходъ покойнаго Н. Х. Бунге. Ушелъ Н. Х Бунге и финансы мгновенно стали процвѣтать.

Повидимому, «Московскія Вѣдомости» тутъ, какъ и въ массѣ другихъ случаевъ, придерживаются своего особаго финансоваго патріотизма, не допускающаго никакой критики. Но, быть можетъ, «Московскимъ Вѣдомостямъ» угодно будетъ вспомнить что ихъ «финансовый патріотизмъ», не допускающій никакой критики, находилъ иногда пріютъ и во французской республикѣ. Извѣстный французскій экономистъ Поль Леруа-Болье за свое, какъ говорили, безпристрастное научное отношеніе къ русскимъ финансамъ при И. А. Вышнеградскомъ былъ украшенъ русскимъ орденомъ. Конечно, Леруа-Болье любитъ Францію больше Россіи, но онъ не превозноситъ, а критикуетъ французскіе финансы. Онъ посвящаетъ имъ чуть ли не еженедѣльно статью за статьей подъ такими довольно однообразно чередующимися заглавіями: «Финансовый хаосъ», «Режимъ расточительства» и т. п. Свое критическое отношеніе къ французскимъ финансамъ Леруа-Болье объясняетъ своимъ патріотизмомъ и любовью къ отечеству. Для своего отечества онъ не дѣлаетъ никакой уступки ни за какія награды и съ гордостью разсказываетъ интересный инцидентъ изъ исторіи своего критическаго отношенія къ французскимъ финансамъ. «Жюль Ферри,—сообщаетъ Леруа-Болье,—обвинилъ насъ въ суровомъ преступленіи—«de diffamer les finances de la République» (въ опозореніи финансовъ республики), и на этомъ основаніи насъ выдавали за общественнаго врага и употребляли всевозможныя средства къ тому, чтобы закрыть намъ доступъ къ какой бы то ни было трибунѣ, откуда наши предостереженія могли бы найти себѣ отго-

лосокъ» [1]). Этотъ инцидентъ «Московскія Вѣдомости» могутъ истолковать двояко. Его можно приводить въ оправданіе подобныхъ обвиненій и подобныхъ преслѣдованій и на отечественной территоріи. «Московскія Вѣдомости» могутъ утверждать, что критическое отношеніе къ отечественнымъ финансамъ даже въ республикахъ иногда влечетъ за собою обвиненіе критиковъ въ преступномъ замыслѣ: «de diffamer les finances de la République». Напомнимъ однако «Моск. Вѣд.», что онѣ, ссылаясь на собственный опытъ, должны доказывать, что самое страстное критическое отношеніе къ отечественнымъ финансамъ вызывается именно самой страстной любовью къ отечеству. Въ противномъ случаѣ, онѣ должны и въ своей дѣятельности видѣть злонамѣренныя выходки, продиктованныя не патріотизмомъ, а самымъ низменнымъ и позорнымъ стремленіемъ de diffamer les finances de la patrie. Вѣдь, если вообще критическое отношеніе къ отечественнымъ финансамъ есть преступленіе— «de diffamer les finances de la patrie, то такимъ преступленіемъ оно и остается во всякое время, при всякомъ министрѣ финансовъ. Пусть же «Московскія Вѣдомости» вспомнятъ ихъ отчаянную критику русскихъ финансовъ при Н. Х. Бунге. Страстный характеръ этой критики иногда доходилъ до неприличной брани по адресу самой личности министра финансовъ Н. Х. Бунге. «Московскія Вѣдомости» тогда оставались одинокими въ своей отчаянной критикѣ русскихъ финансовъ и все-таки считали свою критику не только справедливой, но и высоко патріотичной. Никто имъ рта не зажималъ,—и что-бы сказали «Московскія Вѣдомости», если-бы къ нимъ за патріотическую критику русскихъ финансовъ было предъявлено обвиненіе въ стремленіи опозорить русскіе финансы?

Газета, конечно, сослалась бы на свое «охранительное призваніе«, будто-бы избавляющее отъ всякихъ подозрѣній насчетъ искренняго патріотизма. Но въ такой ссылкѣ не имѣлось-бы отвѣта на такой вопросъ. Почему именно проявленіе критическаго отношенія со стороны другихъ изданій не должно быть терпимо, а со стороны «Моск. Вѣд.» допустимо? Быть можетъ, потому что «Моск. Вѣд.» умѣютъ во-время «охлаждать пылъ». Онѣ и на вопросъ о родительской власти рѣшили навести «охладительную» тѣнь. Какъ извѣстно, этотъ вопросъ, благодаря процессу кн. Трубецкой съ родителями Дмитріевыми, продолжаетъ привлекать къ себѣ общее вниманіе и печати и общества. Быть можетъ, онъ остановитъ на себѣ вниманіе и коммиссіи по составленію новаго гражданскаго уложенія. Трудно примириться съ той мыслью, что коммиссія откажется отъ радикальной переработки всѣхъ статей I ч. X т., трактующихъ о родительской власти. Всѣ эти статьи не отвѣчаютъ ни принципіальнымъ требованіямъ, ни практическимъ запросамъ жизни. Принципіальнымъ требованіямъ онѣ не удовлетворяютъ въ силу своей отсталости, выражающейся

[1]) См. статью Леруа-Болье «Le chaos financier» въ «L'Economiste français» отъ 25 мая 1895 г.

въ признаніи родительской власти властью самодовлѣющею и получающею оправданіе въ себѣ самой. Отсталость такого взгляда нашла себѣ оцѣнку и въ курсѣ гражданскаго права г. Побѣдоносцева, который доказываетъ, что родительская власть существуетъ только въ интересахъ дѣтей, дана родителямъ только для исполненія ихъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ и сводится только къ исполненію этихъ обязанностей. Проникнутыя совершенно противоположными тенденціями статьи I ч. X т. не могутъ отвѣчать и практическимъ запросамъ жизни уже въ силу своей неполноты, выражающейся въ несоотвѣтствіи ихъ тѣмъ конфликтамъ, которые не предусматривались при редактированіи X т. и которыми теперь осложняются семейственныя отношенія по мѣрѣ ихъ развитія. Между жизнью и статьями гражданскаго уложенія, трактующими о родительской власти, время создало цѣлую пропасть. Въ дѣлѣ кн. Трубецкой съ родителями Дмитріевыми все инстанціонное движеніе процесса основано на томъ, что однѣ судебныя инстанціи желали дать перевѣсъ требованіямъ жизни, другія отдавали и отдаютъ предпочтеніе буквѣ закона.

Все это разногласіе между судебными инстанціями затрогиваетъ не одну инцидентную сторону въ процессѣ кн. Трубецкой съ г-ми Дмитріевыми, а касается жизненныхъ, бытовыхъ интересовъ массъ нашего населенія. Деревенскіе родители и безъ X тома глубоко вѣрятъ, что имъ дана власть надъ дѣтьми для самоуслажденія. Они чаще другихъ родителей оправдываютъ свое право требовать къ себѣ своихъ дѣтей ссылками на характеръ и существо принадлежащей имъ родительской власти. Съ обязанностью дѣтей подчиняться такому требованію родителей, вытекающей изъ широкихъ прерогативъ родительской власти, пришлось считаться и при составленіи новаго положенія о видахъ на жительство.

Новое положеніе о видахъ на жительство разсчитано на возможно большее облегченіе свободы передвиженія въ интересахъ свободы труда. Быть можетъ, эта цѣль скорѣе всего была-бы достигнута при отсутствіи видовъ на жительство, но разъ они удерживались, то редакторамъ новаго положенія пришлось искать разныхъ выходовъ изъ тѣхъ прерогативъ, которымъ награждена родительская власть въ X т. Самъ собою возникалъ вопросъ о томъ, какое значеніе могутъ имѣть облегченія паспортныхъ стѣсненій, если за родителями будетъ сохранено право удерживать при себѣ дѣтей и требовать ихъ къ себѣ, даже и по достиженіи ими совершеннолѣтія? Какое значеніе для массъ населенія могутъ имѣть эти облегченія, если за родителями будетъ сохранено право отказывать дѣтямъ въ выдачѣ или въ возобновленіи вида на жительство? Составители новаго положенія о видахъ на жительство поняли, что тутъ безусловно необходимо сдѣлать отступленіе отъ тѣхъ взглядовъ на родительскую власть, которыхъ придерживается дѣйствующее гражданское уложеніе. Прямо и радикально измѣнить смыслъ статей. ч. I, X т., трактующихъ о родительской власти, они не могли, а потому и рѣшили подыскать какой-либо компромиссъ, который, съ одной стороны, не являлся-бы прямымъ отрица-

ніемъ прерогативъ родительской власти, а съ другой—охранялъ-бы значеніе всѣхъ проектированныхъ облегченій въ полученіи видовъ на жительство. Роль такого компромисса играетъ ст. 19-я положенія о видахъ на жительство, рѣзко раздѣляющаяся на двѣ части, далеко не сходныхъ по своему смыслу и значенію. Въ началѣ 19 ст. категорически сказано: «неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ, хотя-бы и совершеннолѣтнимъ, виды на жительство выдаются и возобновляются не иначе, какъ съ согласія хозяина крестьянскаго двора». Но къ этому категорическому постановленію затѣмъ добавлено: «въ случаѣ отказа съ его стороны (т. е. хозяина), виды на жительство могутъ быть выдаваемы означеннымъ лицамъ по распоряженію земскаго начальника, мирового посредника, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чиновника, либо коммисара по крестьянскимъ дѣламъ, или замѣняющихъ ихъ должностныхъ лицъ, по принадлежности. *Распоряженіе сего рода обжалованію не подлежатъ*». Въ первой половинѣ подъ «хозяиномъ», само собою понятно, разумѣются, главнымъ образомъ, родители, и ихъ власти отдается должная дань уваженія. Во второй же половинѣ административнымъ лицамъ открывается полная возможность игнорировать родителей, если имъ угодно будетъ признать, что уваженіе правъ родительской власти въ данномъ случаѣ противорѣчило бы требованіямъ справедливости и здраваго смысла.

Такой компромиссъ, несомнѣнно, представляетъ собою шагъ впередъ. Онъ ставитъ администрацію въ лучшее положеніе, при ея добромъ желаніи послужить интересамъ справедливости, чѣмъ въ какомъ находится судъ, готовый постоять за правду, но не имѣющій къ тому полной возможности въ виду цѣлаго ряда статей X тома, награждающихъ родителей древней патріархальной властью. Однако, нельзя сказать, чтобы статья 19-я Положенія о видахъ на жительство вполнѣ отвѣчала своему назначенію и намѣченной цѣли. Она разсчитана на охраненіе порядка въ семьѣ и на поддержаніе уваженія со стороны дѣтей къ ихъ родителямъ. По ст. 19-й въ принципѣ дѣти должны уважать родителей, и безъ ихъ согласія не должны отлучаться по паспортамъ. Такое уваженіе можетъ быть поддержано разными условіями, но только не закономъ. Какой порядокъ можетъ быть въ семьѣ въ томъ случаѣ, если сынъ или дочь желаютъ уйти изъ дому по паспорту на заработки или для другихъ цѣлей, а отецъ имъ угрожаетъ отказомъ въ своемъ согласіи на выдачу паспорта? Само собою понятно, что такое разногласіе не можетъ содѣйствовать ни порядку въ семьѣ, ни проявленію уваженія со стороны дѣтей къ ихъ родителямъ. Оно не устраняется и не можетъ быть устранено закономъ, а, наоборотъ, возникаетъ и развивается въ силу закона, предоставляющаго родителямъ право удерживать при себѣ даже и совершеннолѣтнихъ дѣтей простымъ отказомъ въ своемъ согласіи на выдачу паспорта.

Положеніе перечисленныхъ административныхъ лицъ, управомочен-

ныхъ выдавать виды на жительство, вопреки несогласію родителей, въ свою очередь, является нѣсколько страннымъ. Они призваны поддерживать строгія семейныя начала патріархальной жизни въ деревнѣ. Сообразуясь съ такимъ своимъ призваніемъ, они должны выступать въ роли принципіальныхъ противниковъ жалобъ, подаваемыхъ дѣтьми на родителей, отказывающихъ въ своемъ согласіи на выдачу паспорта. Земскій начальникъ, къ которому обратятся совершеннолѣтнія дѣти съ просьбой разрѣшить имъ выдачу паспорта, за отказомъ въ согласіи на такую выдачу ихъ родителей, всегда склоненъ будетъ отвѣчать, что къ родителямъ нужно относиться съ уваженіемъ, нужно подчиняться ихъ волѣ, а не оскорблять жалобами на нихъ начальству. Допустимъ, что многіе земскіе начальники будутъ смотрѣть на дѣло иначе. Но вѣдь для обращенія къ земскому начальнику съ жалобой на родителей, отказывающихъ въ выдачѣ паспорта, нужна такая смѣлость, которою, навѣрно, обладаетъ только одинъ изъ ста заинтересованныхъ въ подобной жалобѣ. Но суть дѣла все-таки состоитъ въ томъ, что земскій начальникъ не обязанъ уважить жалобу въ какихъ-бы то ни было случаяхъ, а воленъ ее отклонить или принять, руководствуясь своимъ усмотрѣніемъ. Объ усмотрѣніи же вообще и въ частности объ усмотрѣніи земскихъ начальниковъ распространяться нѣтъ надобности.

Представьте себѣ положеніе массы трудящагося люда, живущаго вдали отъ родины и нуждающагося въ возобновленіи вида на жительство, получающаго отъ родителей или волостного извѣщеніе, что родители отказываютъ имъ въ своемъ согласіи на возобновленіе паспорта. Кто не знаетъ, что сплошь и рядомъ этотъ отказъ мотивируется желаніемъ родителей получить порядочный выкупъ за свое согласіе на возобновленіе паспорта. Цифра этого выкупа точно опредѣляется въ письмахъ къ «дѣтямъ», гдѣ говорится, что если не будетъ прислано 20 или 15 рублей, то согласія на возобновленіе паспорта не послѣдуетъ. Представимъ себѣ, что подобное требованіе предъявляется престарѣлыми родителями, не получающими никакой помощи отъ своихъ дѣтей и желающими воспользоваться представившимся случаемъ, чтобы вынудить такую помощь. И въ такомъ случаѣ, конечно, ничего хорошаго не послѣдуетъ. Дѣти, забывшія о своихъ родителяхъ, еще болѣе на нихъ озлобятся, а не исправятся. Отношенія между ними и родителями не улучшатся, а ухудшатся. Въ дополненіе къ всему, дѣтямъ придется бросать работу и мѣсто и «за безписьменностью» отправляться на мѣсто родины къ своимъ родителямъ. Какой адъ будетъ въ этой семьѣ! Конечно, мы тутъ разбираемъ такой случай, когда, повидимому, справедливость на сторонѣ родителей, но, вѣдь, чаще всего родители желаютъ своимъ отказомъ въ согласіи на возобновленіе паспорта поднять размѣръ той помощи, которую они получаютъ отъ своихъ дѣтей, проживающихъ въ городахъ на заработкахъ. Тутъ уже дѣло кончается очень просто: дѣти озлобляются, перестаютъ питать уваженіе къ своимъ родителямъ и перестаютъ оказывать имъ

регулярную помощь. Такимъ образомъ, съ какой-бы стороны вы ни подошли къ вопросу о родительской власти, получается одинъ и тотъ же выводъ: эта власть не можетъ быть поддержана обязательными юридическими нормами, которыя могутъ обострить отрицательныя стороны этой власти.

Тутъ, конечно, «Московскія Вѣдомости» найдутъ не мало поводовъ для своей весьма оригинальной полемики и будутъ говорить о томъ, что въ счастливыя времена крѣпостного права родителей почитали за совѣсть и страхъ. Въ эти опоэтизированныя газетой времена все было на своемъ мѣстѣ: дѣти оставались дѣтьми, родители родителями, дворяне дворянами. Объ этихъ дворянахъ, остававшихся дворянами, «Московскія Вѣдомости» вспоминаютъ по случаю возобновленія занятій особаго совѣщанія. «Было время,—говорятъ «Московскія Вѣдомости»,—и притомъ время недавнее, предшествовавшее крестьянской реформѣ, когда все русское дворянство духовно и политически представляло собою однородное цѣлое. Въ то время всякія мѣропріятія правительства, всякое обращеніе съ его стороны къ дворянству относилось къ цѣлому сословію, среди котораго можно было различать дворянство крупнопомѣстное и мелкопомѣстное, богатое и бѣдное, но за этими различіями—одинаково понимающее задачи и назначеніе сословія, одинаково преданное нашему исконному государственному строю, одинаково настроенное политически и одинаково дорожащее традиціями и преданіями своихъ предковъ». Очевидно, «Московскія Вѣдомости» не имѣютъ никакого понятія о дворянствѣ крѣпостной эпохи вообще и въ особенности—о дворянствѣ того недавняго времени, которое предшествовало крестьянской реформѣ. Среди дворянъ крепостной эпохи раздѣленіе на крупнопомѣстныхъ и мелкопомѣстныхъ имѣло громадное значеніе. Мелкопомѣстные дворяне играли при крупнопомѣстныхъ жалкую роль и далеко не считались имъ равными. Среди дворянъ крѣпостной эпохи и въ особенности во время, предшествовавшее крестьянской реформѣ, были люди разныхъ направленій и было не мало лицъ и даже больше чѣмъ теперь, которыя отрицательно относились къ тѣмъ «государственнымъ задачамъ сословія», которыми, будто-бы, дворянство жило во «время недавнее». Тогда «политически» дворянство было настроено не только не одинаково, но и весьма разнообразно. Поэтому, «Московскія Вѣдомости» просто сочиняютъ, заявляя, что только теперь появились среди дворянъ дворяне, отрицающіе самое дворянство. Горькія сѣтованія газеты, однако, заслуживаютъ вниманія. «Московскія Вѣдомости» сожалѣютъ, что «не только среди рядовыхъ дворянъ, не только среди членовъ сословія, по своей дѣятельности и по образу жизни порвавшихъ связь со своею родною средой, но даже и среди высшихъ представителей помѣстнаго дворянства, среди его предводителей, въ наши дни не рѣдкость встрѣтить лицъ, относящихся безусловно отрицательно къ государственнымъ задачамъ сословія—какъ ихъ сложилъ и создалъ весь ходъ нашей исторіи — признающихъ сословность и сословный строй общества учрежденіемъ устарѣлымъ

и безусловно отжившимъ свой вѣкъ и открыто проповѣдующихъ необходимость для дворянства всецѣло слиться съ общею нивеллированною массой народа». Мы не знаемъ, что собственно позорнаго находятъ «Моск. Вѣд.» въ слитіи съ массою народа. Неужели этотъ русскій народъ, который «Моск. Вѣд.» считаютъ избраннымъ изъ всѣхъ народовъ, можетъ осквернить сливающихся съ нимъ русскихъ дворянъ? Слитіе съ народомъ на почвѣ отрицанія сословности было всегда присуще дворянству въ той или иной степени и теперь, къ сожалѣнію, въ меньшей степени, чѣмъ во время, непосредственно предшествовавшее крестьянской реформѣ. Правда, лучшіе представители дворянства и теперь будятъ у членовъ своей семьи лучшія чувства, призывая ихъ забыть о своихъ сословныхъ правахъ и отказаться отъ притязаній средневѣковаго характера. Но они нечего «новаго» не предпринимаютъ, а напоминаютъ о тѣхъ традиціяхъ, которыми жила мыслящая часть дворянства, главнымъ образомъ—въ эпоху, непосредственно предшествовавшую отмѣнѣ крѣпостного права и во все время дальнѣйшихъ реформъ вплоть до средины 80-хъ годовъ. Такимъ образомъ отрицательное отношеніе къ сословности—есть настоящая историческая традиція, которой дворянство, навѣрно, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей не измѣнитъ и теперь, несмотря на всѣ воззванія «Моск. Вѣд.». Оно не убоится и той кары, которою ему угрожаютъ «Моск. Вѣд.», предлагающія заняться своеобразнымъ разслѣдованіемъ. По плану газеты, всѣ дворяне должны быть изслѣдованы душевно и политически, и кто изъ нихъ окажется нежелающимъ быть «дворяниномъ-помѣщикомъ крѣпостной эпохи», того исключить изъ дворянскаго сословія, охраняемаго особыми льготами и «поддерживаніемъ», которое «стоитъ не малыхъ жертвъ со стороны государства» (№ 331).

На счетъ возможныхъ результатовъ этого поддержанія двухъ мнѣній быть не можетъ. Считаемъ не лишнимъ ознакомить читателей съ письмомъ одного курскаго помѣщика, присланнымъ въ редакцію нашего журнала. Послѣ указаній на ошибочную постановку дворянскаго вопроса, помѣщикъ совѣтуетъ обратить вниманіе на слѣдующія соображенія:

«Вопросъ о роли дворянства, какъ сословія,—пишетъ помѣщикъ,—можетъ и долженъ интересовать ученыхъ историковъ. Большинство нашихъ дворянъ, конечно, не принадлежитъ къ числу ученыхъ историковъ, но отлично понимаетъ, что прошлое отошло въ область исторіи безвозвратно. Я не думаю о прошлой политической роли дворянства. Дворянство въ цѣломъ почти никогда не сознавало своей политической роли—роли, вообще говоря, фактически ничтожной на ряду съ значеніемъ бюрократіи. Но дворянство всегда дорожило землей по той простой причинѣ, что, за рѣдкими исключеніями, у него не было другихъ источниковъ для существованія. Было время, когда на землѣ сидѣлось вольготно, но это время прошло безвозвратно. Вотъ это время я имѣлъ въ виду, указывая на то, что оно отошло въ область исторіи безвозвратно. Теперь сидѣть на землѣ не сладко; для многихъ и даже для большинства дворянъ это

сидѣніе на землѣ есть настоящая мука, но дѣваться некуда и приходится сидѣть, пока васъ не попросятъ уйти. Банки подводятъ итоги ходу событій, но они вовсе не заинтересованы сгонять дворянъ съ земли. Наоборотъ, они заинтересованы въ томъ, чтобы вѣчные данники по платежу дивидендовъ ихъ акціонерамъ на земляхъ держались и уплачивали надлежащую дань даже и на льготныхъ условіяхъ. Бѣда въ томъ, что мужикъ не даетъ никакихъ льготъ и немилосердно гонитъ дворянъ съ земли. Конечно, я имѣю въ виду не мужика вообще, а даннаго мужика, приведеннаго къ данному его положенію. И гонитъ дворянъ съ земли собственно не «мужикъ», а данное положеніе мужика.

«Непосредственно послѣ реформы для помѣщиковъ, продолжаетъ авторъ письма, собственно наступили самыя блаженныя времена. Мужикъ фактически оказался прикрѣпленнымъ къ землѣ, но не къ землѣ вообще, а къ тѣмъ ничтожнымъ полоскамъ земли, которымъ было присвоено названіе земельнаго надѣла. Со дня освобожденія мужикъ оказался закрѣпощеннымъ къ сосѣднему имѣнію, не юридически, а фактически. Закрѣпощеніе, по существу дѣла, несомнѣнно болѣе сильное чѣмъ закрѣпощеніе юридическое. Отъ юридическихъ нормъ можно ускользнуть, можно ихъ обойти, а отъ условій, фактически закрѣпощающихъ, никуда не уйдешь. Прикрѣпленный фактически къ своему надѣлу мужикъ всей своей нуждой еще болѣе былъ прикрѣпленъ къ сосѣднему имѣнію. Тутъ онъ оказалъ громадную услугу помѣщику, онъ прежде всего создалъ цѣнность земли. Если при крѣпостномъ состояніи цѣнность земли слагалась изъ цѣны земли (вообще ничтожной) и крѣпостныхъ душъ, то послѣ реформы слѣдовало ожидать, что цѣнность земли падетъ. На самомъ же дѣлѣ цѣнность помѣщичьихъ земель не только не пала, а стала быстро возрастать. Она слагалась изъ цѣны земли плюсъ нужды сосѣдняго мужика, пришитаго къ имѣнію. Значитъ, въ сущности говоря, фактическое закрѣпощеніе для дворянъ оказалось болѣе выгоднымъ, чѣмъ отмѣненное юридическое закрѣпощеніе. Выгоды новаго положенія выражались въ чрезвычайномъ поднятіи доходности земли, благодаря крайней нуждѣ крестьянъ въ арендованіи земель. Способы оплаты аренды путемъ отработковъ давали въ распоряженіе помѣщиковъ самую дешевую рабочую силу. Не было надобности ни пахать, ни сѣять, ни обзаводиться своимъ инвентаремъ. Мужикъ съ извѣстной доли урожая засѣвалъ помѣщичье поле своими сѣменами, пахалъ и боронилъ помѣщичье поле своимъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Въ общемъ на почвѣ арендныхъ отношеній сложились процедура настоящей крѣпостной барщины, т.-е. работы прежде всего на помѣщика, и урывками на себя. Наши курскіе статистики вѣрно описали годовой оборотъ крѣпостного труда на почвѣ новыхъ пореформенныхъ отношеній. Набравшись «отработковъ» еще съ осени и ради уплаты аренды натурою, наши крестьяне, занятые въ сентябрѣ посѣвомъ своихъ и помѣщичьихъ земель, уборкою гречихи, молотьбою и пахотою для помѣщиковъ подъ овесъ и ячмень —ни-

когда не успѣваютъ къ осени подготовить почву для весенняго посѣва своего овса. Весною у нихъ также незначительный промежутокъ времени между оттепелью и посѣвами овса уходитъ на обязательныя работы для помѣщиковъ, а потому большинство крестьянъ вынуждено сѣять овесъ по непаханному полю, закрывая сѣмена сохою. Послѣ овса начинается хлопотливый періодъ пахоты подъ свеклу, гречу, горохъ и т. д. и посѣвъ этихъ растеній; здѣсь крестьянинъ опять-таки урывками можетъ заняться своимъ полемъ, потому о тщательной обработкѣ послѣдняго не можетъ быть и помину. Періодъ этотъ тянется вплоть до начала сѣнокоса. Если же здѣсь и остается свободное время—оно употребляется на вывозку экономическаго навоза. Послѣ 1 іюля начинается уборка озимыхъ хлѣбовъ и взметъ экономическаго пара, а потому не всѣ крестьяне успѣваютъ вспахать свой паровой клинъ: наиболѣе заваленные отработками домохозяева принуждены разсѣвать рожь и по непаханному полю подъ соху; большинство крестьянъ, впрочемъ, успѣваютъ кое-какъ вспахать землю одинъ разъ.

«Такія отношенія, утверждаетъ авторъ письма, установились не въ одной Курской губерніи, а у всѣхъ болѣе или менѣе хозяйственныхъ помѣщиковъ. Къ сожалѣнію, мужикъ не выдержалъ такого напряженнаго положенія и свихнулся. Онъ утратилъ прежнюю жадность къ землѣ,—жадность, его разорявшую въ конецъ. Теперь онъ уже не рвется къ арендованію земли, онъ потерялъ свой инвентарь, и помѣщику самому приходится вести свое хозяйство при помощи своего инвентаря, испарившагося у крестьянъ. Арендныя цѣны на землю стали падать. Теперь и крупные съемщики-кулаки не берутъ земли въ аренду, такъ какъ прежде они брали землю ради эксплоатаціи окрестнаго населенія, а теперь изъ него ничего не высосешь. Благодаря этому и цѣны на землю стали понижаться, чему не мало содѣйствуютъ и недороды и низкія цѣны на хлѣбъ. Это переходное состояніе отъ фактически крѣпостныхъ порядковъ, сложившихся послѣ реформы, является для помѣщиковъ, несомнѣнно, болѣе тяжелымъ, чѣмъ переходъ отъ крѣпостного права къ реформѣ. Тогда мужикъ сразу-же поддержалъ своей нуждой помѣщика на землѣ, а теперь, свихнувшись, онъ своимъ оскудѣніемъ ставитъ помѣщика въ безвыходное положеніе и гонитъ дворянина съ земли, не имѣющаго никакой опоры въ крестьянствѣ. Онъ сгоняетъ помѣщика съ земли такъ-же немилосердно, какъ быстро самъ тонетъ въ безднѣ все расширяющагося оскудѣнія. Вотъ почему дворянина нельзя удержать на землѣ прямыми мѣрами. Нужно начинать дѣло съ далекаго конца, а всѣ наши концы держитъ въ рукахъ мужикъ. Онъ тонетъ, и насъ съ собою тащитъ».

Быть можетъ и не всѣ концы держитъ мужикъ въ своихъ рукахъ, но мы не думаемъ полемизировать съ авторомъ письма, которое привели почти полностью въ видѣ характернаго документа. Письмо ставитъ ребромъ вопросъ не только о дворянствѣ, но и о современномъ положеніи крестьян-

скаго хозяйства и самихъ крестьянъ. Тутъ время ставитъ на очередь и такіе вопросы, которые казались для большинства мыслящей части общества благополучно разрѣшенными разъ навсегда. Мы имѣемъ въ виду вопросъ объ общинѣ. Г. Чичеринъ въ «С.-Пет. Вѣд.» повторилъ свои прежніе доводы въ пользу того, что наша современная община навязана народу и навязана по фискальнымъ соображеніямъ. На статью г. Чичерина никто не обратилъ вниманія, хотя, быть можетъ, теперь пришло время для болѣе трезваго отношенія къ общинѣ, какъ къ продукту чисто-народнаго творчества. Конечно, для практическаго разрѣшенія вопроса то или иное происхожденіе современной общины не можетъ имѣть особенно важнаго значенія. Но вопросъ о происхожденіи современной общины все-таки имѣетъ неизмѣримо большее практическое значеніе, чѣмъ повтореніе старыхъ доводовъ за и противъ общины въ той формулировкѣ, которую они получили въ статьѣ «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія землею». Къ сожалѣнію, пренія въ нашихъ ученыхъ обществахъ по вопросу объ общинѣ не вышли за предѣлы повторенія старыхъ доводовъ за и противъ общины. Со времени появленія статьи «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія землею» прошло почти 40 лѣтъ. За эти 40 лѣтъ многое измѣнилось. Быть можетъ, осталось очень мало слѣдовъ и отъ той общины, за которую стоялъ «Современникъ». Въ виду этого, вполнѣ возможно, что защищать общину теперь тѣми старыми доводами, которыми ее защищали при отмѣнѣ крѣпостного права, значитъ просто допускать явную ошибку въ предметѣ спора. Споръ идетъ о той общинѣ, которая существуетъ, а не о той, которая существовала или могла-бы существовать. Къ сожалѣнію, большинство изъ любителей повторять старые доводы въ пользу общины даже не обращаетъ вниманія на то, что тяжелыя условія должны были наложить свой отпечатокъ и на общину. В. С. Постниковъ, выражая въ своей книгѣ «Южно-русское крестьянское хозяйство «искреннюю увѣренность въ томъ, что общинныя тенденціи, глубоко сидящія въ характерѣ велико-русскаго племени, не угасли и въ настоящее время», одновременно доказываетъ, что «нельзя ожидать, чтобы ожесточенная борьба, происходящая теперь въ сельской жизни на почвѣ землевладѣнія, способствовала въ будущемъ развитію въ населеніи началъ общинности и согласія; и борьба эта не есть временная, вызываемая случайными условіями,—она является результатомъ бѣдности и несоотвѣтствія имѣющихся средствъ съ постоянно развивающимися въ народѣ потребностями». На такой общей неблагопріятной почвѣ трудно удержаться и старой общинѣ, угнетаемой основной причиной бѣдности, т. е. постоянно возростающимъ несоотвѣтствіемъ между размѣрами надѣла и увеличивающимся населеніемъ. На югѣ крестьяне, вообще, получили въ надѣлъ достаточно земли, но и они чуть-ли не поголовно жалуются на «утѣсненіе въ землѣ» и на

то, что они не могутъ приступить къ передѣламъ на наличныя души, по той простой причинѣ, что «нечѣмъ дѣлиться» и «нечего дѣлить». «За извѣстной нормой измельчаніе надѣловъ,—говоритъ г. Постниковъ,—ведетъ все равно къ неминуемой бѣдности и разоренію, и крестьяне это очень хорошо знаютъ. Въ большинствѣ мѣстностей южной Россіи эта норма еще не перейдена, но во многихъ селеніяхъ надѣлъ уже близокъ къ ней, что чувствуется, въ особенности, тамъ, гдѣ нельзя дополнить хозяйство на надѣльной землѣ арендованіемъ другихъ земель. Эксплоатація такихъ надѣловъ становится невыгодной и крестьяне сдаютъ ихъ въ аренду, продавая свой инвентарь и скотъ. Право на землю остается фикціей, а владѣлецъ ея обращается въ пролетарія».

Заниматься критикой такой общины и думать, что этимъ вы охраняете настоящую общину—заблужденіе, явно не отвѣчающее насущнымъ запросамъ крестьянской жизни. Извѣстный авторъ книги «Неурожай и общественное бѣдствіе» основательно предостерегаетъ отъ увлеченія благими разговорами объ этической сторонѣ мірского уклада, о неприкосновенности общины и т. п. Нужно думать о будущемъ, если-же мы будемъ стоять за одну неприкосновенность современной общины и не будемъ думать о будущемъ, то «рано или поздно настанетъ такое время, когда, при сохраненіи за всѣми членами общины, сколько-бы ихъ ни народилось въ будущемъ, права на земельный надѣлъ, это право, наконецъ, сдѣлается чисто-фиктивнымъ по ничтожности того участка земли, который будетъ доставаться на долю каждаго». Конечно, къ другимъ результатамъ и не можетъ вести политика охраненія неприкосновенности общины, которая уже выродилась до неузнаваемости.

Мѣстами, быть можетъ, община имѣетъ до сихъ поръ нѣкоторое практически благотворное значеніе. Такое значеніе, навѣрно, она сохраняетъ за собою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, но теперь и Сибирь вступаетъ въ новыя условія жизни, для приспособленія къ которымъ у крестьянъ-общинниковъ не имѣется подходящихъ данныхъ.

Кстати, упомянувъ о новыхъ условіяхъ жизни въ Сибири, считаемъ нужнымъ отмѣтить, что теперь уже признано необходимымъ внѣдрить среди сибирскихъ интеллигентныхъ обывателей нѣкоторыя правовыя понятія путемъ распространенія высшаго юридическаго образованія. Въ Томскѣ, какъ сообщаютъ «С.-Пет. Вѣд.», въ 1898 г. будетъ открытъ юридическій факультетъ. Путемъ такой добавки факультетовъ томскій медицинскій факультетъ постепенно разростается въ полный университетъ. Желательно, чтобы этотъ университетъ не заѣла среда и чтобы ему не пришлось жить въ такихъ условіяхъ, при какихъ приходилось до послѣдняго времени существовать, напр., варшавскому университету.

Суровый приговоръ варшавскаго университетскаго суда, надъ вар-

шавскими студентами, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, не былъ одобренъ совѣтомъ университета, постановившимъ ходатайствовать объ его смягченіи предъ попечителемъ округа. Ходатайство увѣнчалось нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ «Варшавскомъ Дневникѣ» на-дняхъ было помѣщено слѣдующее сообщеніе: «Изъ числа 244 студентовъ варшавскаго университета, преданныхъ университетскому суду по дѣлу о безпорядкахъ, произведенныхъ въ университетѣ 24-го и 25 го октября текущаго года, попечителемъ учебнаго округа, по разсмотрѣніи доклада суда и постановленія совѣта университета и на основаніи утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія правилъ о взысканіяхъ, налагаемыхъ университетскими властями на студентовъ, признаны подлежащими: исключенію изъ университета—1 студентъ, удаленію на 2 года—6, удаленію на 1 годъ—19, увольненію на 1 годъ—59, выговору въ присутствіи правленія университета—34, выговору ректора со внесеніемъ въ штрафную книгу—23 и выговору ректора безъ внесенія въ штрафную книгу—4; остальные 99 студентовъ признаны оправданными. Распоряженіемъ г. министра народнаго просвѣщенія, состоявшимся по соглашенію съ г. варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, 54 студентамъ, находящимся первый годъ въ университетѣ, подлежавшимъ увольненію на 1 годъ, это наказаніе замѣнено, въ видѣ особаго къ нимъ снисхожденія, выговоромъ въ присутствіи правленія университета. Сообразно съ этимъ, всѣмъ студентамъ, подлежащимъ выговорамъ различныхъ категорій, наказаніе уменьшено на одну степень. Такимъ образомъ будутъ исключены, удалены и уволены изъ университета—30 студентовъ, подвергнуты выговору—111 и оправданы—103». Конечно, такой приговоръ болѣе удовлетворяетъ чувству справедливости, чѣмъ осужденіе всѣхъ 244 студентовъ на разныя кары.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не отмѣтить того факта, что представители мѣстной власти смотрятъ на положеніе дѣла съ иной точки зрѣнія, чѣмъ то было при Гурко и Апухтинѣ. Сторонники прежняго режима имѣются въ краѣ, но дѣло не уладится путемъ веденія разными вѣдомствами своей политики въ оппозицію политикѣ генералъ-губернатора. Отъ этого страдаетъ не одинъ привислянскій край и не одинъ варшавскій учебный округъ. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» печатается отчетъ по кіевскому учебному округу, въ которомъ попечитель прямо жалуется на своеобразную оппозицію. «Увеличеніе числа народныхъ школъ въ юго-западномъ краѣ встрѣчаетъ,—говорится, между прочимъ, въ отчетѣ,—затрудненіе не только въ недостаткѣ средствъ. Довѣріе мѣстнаго населенія къ министерской школѣ настолько укрѣпилось, что весьма часто незначительною поддержкою со стороны казны можно вызвать со стороны крестьянскаго населенія значительныя матеріальныя жертвы въ пользу школы. Но дѣло тормозится постоянно несогласіемъ на открытіе училищъ со стороны мѣстнаго епархіальнаго начальства. Между тѣмъ, казалось бы, недостатокъ въ школахъ такъ ве-

ликъ, что даже при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ двухъ вѣдомствъ трудно было бы удовлетворить существующей потребности». Въ виду этого кіевскій попечитель указываетъ на положительную необходимость освободить министерство народнаго просвѣщенія отъ посторонней опеки въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. Это старый вопросъ. Но мало-ли у насъ старыхъ вопросовъ, остающихся вѣчно юными. Кн. Мещерскій въ своемъ «Дневникѣ» отъ 9-го декабря по самому древнему вопросу разразился слѣдующими, не лишенными остроумія обвиненіями:

«Въ чиновничьихъ сферахъ,—пишетъ редакторъ «Гражданина»,—заговорили о взяткахъ. Давно, признаюсь, объ этомъ разговора не слыхалъ. Потому-ли о взяткахъ не говорили, что ихъ не брали, или потому, что ихъ брали безъ разговоровъ, не берусь рѣшать, но фактъ тотъ, что на этихъ дняхъ въ разныхъ чиновничьихъ сферахъ заговорили о взяткахъ. Но въ какомъ смыслѣ заговорили? А въ такомъ, молъ, смыслѣ, что кто-то изъ начальниковъ заподозрилъ, не берутъ-ли взятки нѣкоторые изъ его подчиненныхъ. Фактъ этотъ, какъ явленіе нравовъ, ничего особенно интереснаго не представляетъ—произведутъ дознаніе, ревизію и узнаютъ: берутъ-ли заподозрѣнные взятки, или не берутъ — и конецъ. Но интересными, признаюсь, показались мнѣ слышанные мною по вопросу о взяткахъ разговоры, ибо въ нихъ вы имѣете уже дѣло не съ одинокимъ фактомъ, а съ знаменіемъ времени. Такъ, напримѣръ, мнѣ пришлось слышать разговоръ о томъ, что въ Петербургѣ есть два курьезныя явленія, касающіяся вопроса взятокъ: одно заключается въ томъ, что про человѣка, не берущаго и не взявшаго взятки, ходятъ легенды о томъ, что онъ взялъ, подчасъ даже съ указаніемъ именъ и дѣлъ, по которымъ онъ взялъ, а другое курьезное явленіе заключается въ томъ, что про берущихъ крупныя взятки ничего никогда никто не говоритъ... Изъ этого выходятъ двоякія послѣдствія: во-первыхъ, убѣдившись въ лживости разсказа о взяточникѣ, не берущемъ взятки, я невольно становлюсь подозрительнымъ и скептикомъ, и дѣлаюсь склоннымъ предполагать, что вообще разсказы о взяточникахъ преувеличены; а второе послѣдствіе, заключающееся въ томъ, что поелику, про настоящихъ, высокопробныхъ взяточниковъ не говорятъ вовсе, значитъ ихъ нѣтъ,—еще болѣе можетъ благопріятствовать процвѣтанію взяточничества. И оно такъ и есть... Никогда взяточничество не процвѣтало и не доходило до такихъ размѣровъ и до такой виртуозности, какъ теперь, и никогда въ то-же время объ немъ такъ мало не говорили, какъ теперь... Я, напримѣръ, не особенно много имѣю знакомыхъ въ водоворотѣ міра дѣлъ и гешефтовъ, но между тѣмъ, если-бы все, что я знаю про взятки и про взяточниковъ, пришлось разсказывать, не хватило-бы цѣлаго № «Гражданина», и если я, такъ мало вращающійся въ дѣловомъ мірѣ, такъ много знаю о взяткахъ, то что-же должны знать вращающіеся въ мірѣ дѣлъ много и часто? И тогда, сложивъ все, что каждый долженъ знать объ этомъ мірѣ взятокъ, не не ужаснетесь-ли вы отъ грандіознаго представленія о нынѣшнемъ мірѣ

взяточниковъ... Да, ужаснулись-бы, но не ужаснетесь, ибо не услышите разговоровъ объ этихъ окружающихъ васъ взяткахъ. При Гоголѣ писали и говорили про взятки, ибо дивились имъ, а дивились, вѣроятно, потому, что ихъ бралось не особенно много. Это логично допустить. Но теперь не говорятъ о взяткахъ, потому что къ нимъ притупилась чувствительность, а главное потому, что неловко говорить о нихъ, изъ опасенія намекнуть, по невѣдѣнію, на того, кто даетъ взятки, или задѣть того, кто беретъ, но ловко и тайно. Взятки стали брать культурно и благообразно, оттого о нихъ и не говорятъ».

Всѣ эти размышленія останавливаютъ на себѣ вниманіе потому, что принадлежатъ человѣку опытному. Вѣдь князь Мещерскій самъ выступалъ поставщикомъ казны по министерству путей сообщенія при г. Кривошеинѣ. Съ исполненіемъ типографскихъ заказовъ у кн. Мещерскаго вышла какая-то исторія, быть можетъ, онъ повѣдаетъ что-либо интересное о подрядчикахъ и поставщикахъ казны.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По поводу тридцатилѣтнаго юбилея г. Златовратскаго. — Характеристика его литературной дѣятельности. — Его народническія тенденціи. — Созиданіе и разложеніе идеаловъ.—Результаты, къ которымъ пришелъ г. Златовратскій.—Болячки «Книжекъ Недѣли».

Не такъ давно въ Москвѣ праздновали очень шумно и въ то-же время очень торжественно тридцатилѣтіе литературной дѣятельности Николая Николаевича Златовратскаго. Торжество это, насколько намъ извѣстно, никакъ не откликнулось въ Петербургѣ и о немъ мы узнали только изъ московскихъ газетъ; даже такое учрежденіе, какъ «Русское литературное общество», повидимому забыло о г. Златовратскомъ и не почтило его юбилея засѣданіемъ. Но всѣ эти «прорѣхи» нашей общественности нисколько не умаляютъ значенія ни самаго юбилея,, ни тѣмъ паче, литературной дѣятельности почтеннаго беллетриста-народника. Съ тѣхъ поръ, какъ звѣзда Глѣба Ивановича Успенскаго закатилась и, увы! какъ кажется навсегда,—г. Златовратскій занялъ первое мѣсто въ этой народнической беллетристикѣ; правда, онъ давно уже ничего не пишетъ, но его прежніе труды сохранили свое значеніе, а въ настоящую минуту, благодаря возбужденію вопроса о народничествѣ—они пріобрѣтаютъ новый интересъ и получаютъ какъ бы новую свѣжесть.

И однако, Н. Н. Златовратскому, въ его литературной дѣятельности, посчастливилось значительно меньше, чѣмъ многимъ другимъ, даже не столь одареннымъ. Прежде публика мало его читала, хотя имя его пріобрѣло быструю извѣстность, а теперь, можетъ быть, и совсѣмъ не читаетъ; критика, съ другой стороны, никогда не поощряла его, не поощряетъ и теперь, когда ей случится о немъ заговорить. Охотно соглашаясь, что цѣли, къ которымъ онъ стремится, и характеръ всей его литературной дѣятельности весьма почтенны, наша критика, тѣмъ не менѣе, не признаетъ за нимъ значительной художественной наблюдательности и полагаетъ, что его творчество—не изъ крупныхъ. Происходитъ это, по всей вѣроятности, отъ того, что г. Златовратскій въ со-

временной литературѣ представляетъ довольно странное и необычное явленіе,—необычное и странное въ томъ отношеніи, что онъ—запоздалый, нѣсколько поблекшій, но характерный отпрыскъ россійскаго романтизма. Онъ, конечно, не похожъ, по своимъ художественнымъ пріемамъ на заправскихъ романтиковъ сороковыхъ годовъ, но къ объекту своего творчества, т. е. къ такъ называемому народу, г. Златовратскій относится *романтично*. Онъ мало списываетъ съ натуры, не признаетъ, очевидно, никакой цѣны за непосредственной, неприкрашенной и правдивой наблюдательностью, и его главныя фигуры, взятыя имъ изъ народной среды, всегда въ значительной степени «идеализированы». Такъ г. Златовратскій среди общинной жизни русскаго мужика ухитрился найти короля Лира, съ его англійской, воспитанной вѣками, аристократической гордостью, съ высокомѣріемъ истиннаго лорда,, привыкшаго къ безграничной власти, умъ котораго помутился отъ того, что у него отняли эту власть. Можетъ быть, русская народная дѣйствительность и представляетъ намеки на подобный типъ въ его зачаточномъ состояніи, но эти зачатки, во всякомъ случаѣ, до такой степени ничтожны, неясны, сбивчивы, что строить на нихъ художественную фигуру, которая составляла бы какое-нибудь «преображеніе» дѣйствительности и въ то же время не была бы простой фальшею, едва ли представится возможнымъ для истиннаго художника, будь онъ даже самый ярый романтикъ. Къ тому же авторъ, скопировавъ до мельчайшихъ подробностей, съ внѣшней стороны, сюжетъ шекспировскаго Лира, не сдѣлалъ изъ него никакой драмы, какъ это сдѣлалъ Тургеневъ («Степной король Лиръ»), который очень хорошо видѣлъ, что сюжетъ Лира имѣетъ художественное значеніе только тогда, когда служитъ рамкой для внутренней драмы. Г. Златовратскаго, какъ по всему видно, интересовала не внутренняя драма, его интересовало желаніе найти въ русской народной жизни героическій характеръ, который бы поражалъ своими колоссальными размѣрами; но онъ не понялъ, что русская народная жизнь, сковывающая проявленіе личности, не можетъ создать подобный героическій характеръ, не говоря уже о томъ, что такой характеръ, даже независимо отъ среды, въ которой онъ взросъ, интересенъ только своимъ внутреннимъ трагизмомъ. Вотъ почему его Лиръ вышелъ ходульнымъ, неестественнымъ и составляетъ какъ бы пародію на ходульныхъ героевъ Виктора Гюго.

Вообще г. Златовратскій ухитряется находить въ русской народной жизни то, чего какъ разъ въ ней нѣтъ. Вотъ напримѣръ зажиточный мужикъ Листархъ Петровичъ, по прозванію Кабанъ. Онъ напоминаетъ собой тургеневскаго «лишняго человѣка». Со стороны онъ ничѣмъ не выдѣляется изъ общей трудовой массы; онъ пашетъ, боронитъ, сѣетъ и коситъ; кипятится и оретъ на сходкахъ, участвуетъ всѣмъ сердцемъ въ дѣлежѣ земли и при всемъ томъ онъ снѣдаемъ какою-то скорбью и тоскуетъ о томъ, что потерялъ смыслъ жизни. Это напоминаетъ романъ Жоржъ-Сандъ «Maitres sonneurs»; но у Жоржъ-Сандъ этотъ типъ ближе

къ дѣйствительности, трезвѣе и понятнѣе. У французской писательницы герой смутно чувствуетъ въ душѣ своей порывы къ художественной, творческой дѣятельности и тоскуетъ отъ того, что крестьянская среда, въ которой онъ взросъ, враждебна его стремленіямъ, не хочетъ и не можетъ удовлетворить ихъ. Гораздо лучше и праздивѣе обрисована героиня этого разсказа,—«дѣвка съ душой»; но и она—нѣчто въ родѣ «femme forte» французской литературы. Какъ въ Кабанѣ, такъ и въ «дѣвкѣ съ душой» бытовая сторона воспроизведена прекрасно, талантливо; мужики и бабы г. Златовратскаго по своимъ внѣшнимъ признакамъ, дѣйствительно, настоящіе мужики и бабы, но въ душѣ они всетаки коверкаютъ изъ себя «интеллигентовъ» и это сейчасъ же бросается въ глаза, какъ только вы заглянете въ ихъ внутренній міръ, въ ихъ душевныя заботы и стремленія, въ строй ихъ мысли и чувства. Бѣда усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Златовратскій не воспроизводитъ дѣйствительность, съ безпристрастіемъ истиннаго художника, а мудритъ надъ нею. Беллетристическая форма, которою онъ пользуется, интересуетъ его постольку, поскольку въ ней ему удобно выражать теоретическіе взгляды на народъ, на строй его жизни, на элементы, изъ которыхъ складывается его душевная и общественная жизнь. Отсюда—и тѣ странности, которыя замѣчаются не только у г. Златовратскаго, но и вообще у нашихъ народниковъ. Авторъ пользуется беллетрической формой, какъ бы мимоходомъ, нехотя, случайно и забываетъ ее или пренебрегаетъ ею при всякомъ удобномъ случаѣ. Его произведеніе, задуманное, какъ романъ, повѣсть или разсказъ, превращается, безъ всякой видимой причины, въ разсужденіе или въ журнальную статью, гдѣ трактуются вопросы народной психологіи. Этотъ публицистическій пріемъ нашихъ народниковъ—любопытная черта школы, исключительно ей принадлежащая. Ни у одного изъ нашихъ беллетристовъ—не народниковъ нельзя встрѣтить чего-либо подобнаго. Принимаясь за романъ или повѣсть, они знаютъ, что пишутъ художественное произведеніе, что должны говорить образами и картинами; имъ и въ голову не приходитъ, что они могутъ быть публицистами и защищать ту или другую теорію. Они бываютъ, конечно, тенденціозны, т. е. фальшивы или односторонне освѣщаютъ дѣйствительность, чтобы обнаружить такимъ образомъ свой взглядъ на нее, но, разсказавъ выдуманный анекдотъ, они не считаютъ еще себя вправѣ извлекать изъ него общіе выводы, ставить извѣстныя теоретическія положенія. У народниковъ—не то. Между ними есть и были писатели съ выдающимся художественнымъ талантомъ, а между тѣмъ забывая, что они—художники, они говорятъ общими мѣстами, какъ бы стыдясь своей творческой силы.

Г. Златовратскій по характеру своего таланта—поэтъ; этимъ мы хотимъ сказать, что онъ быстро схватываетъ детали и еще быстрѣе подмѣчаетъ ихъ связь,—органическую цѣлость предмета. Но къ этой первичной способности присоединяется еще наклонность къ рефлексіи, къ

отвлеченной формулѣ, которая стремится резюмировать подмѣченное поэтомъ съ возможной ясностью и точностью. Но какое направленіе примутъ эти способности и эта наклонность въ примѣненіи къ живому явленію? То направленіе, которое будетъ подсказано умомъ и сердцемъ автора. Его умъ—сантиментальный; онъ романтикъ первичной формаціи, à la Шатобріанъ, подчиняющій выводы своего ума движеніямъ своего сердца, и эти выводы ему дороже трезвой непосредственной истины. Мудрено-ли, послѣ этого, что онъ «влюбленъ въ русскій народъ», какъ объ немъ кто-то выразился? Мудрено-ли, что въ русскомъ народѣ онъ ищетъ,—и, конечно, находитъ — тѣ качества, которыя наиболѣе ему близки и дороги, которыя болѣе другихъ отвѣчаютъ его психическому состоянію, сокровеннѣйшимъ свойствамъ его души?

На дѣлѣ такъ именно и выходитъ. Въ русскомъ народѣ онъ находитъ именно то, что ему подсказываетъ его умъ и сердце. Возьмите хотя-бы его «Устои»,—самый серьезный этюдъ народной жизни, написанный имъ. Это не есть объективное произведеніе, въ которомъ-бы предметъ отражался цѣльно и правдиво, произведеніе, которое-бы говорило само за себя и котораго выводы соотвѣтствовали-бы прямому, непосредственному наблюденію, изъ котораго они созданы. Нѣтъ, это есть нѣчто въ родѣ фантастической постройки, матеріалами для которой послужило ему знаніе народной жизни. Съ большимъ знаніемъ дѣла, добросовѣстно г. Златовратскій разсказываетъ намъ, какимъ соціологическимъ процессомъ «устои» крестьянской жизни, данные исторіей и преданіемъ, разлагаются подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, и какимъ образомъ элементъ пришлый, наносный побѣждаетъ преданіе. Г. Златовратскій, разсказывая намъ это разрушеніе стараго и возникновеніе новаго, не скрываетъ передъ нами своихъ симпатій: отчасти эти симпатіи влекутъ его къ старому, къ общинному порядку вещей, отчасти онъ склоняется и къ новому, къ индивидуализму, но ни въ томъ, ни въ другомъ онъ не видитъ полнаго, цѣльнаго выраженія своего идеала, и поэтому къ процессу жизни онъ дѣлаетъ поправку въ лицѣ мужика-романтика, ищущаго смыслъ жизни.

Не легко передать послѣдовательно и вѣрно содержаніе «Устоевъ». Это одновременно и самый серьезный этюдъ народной жизни, когда-либо написанный г. Златовратскимъ, и самый неряшливый, если можно такъ выразиться, въ художественномъ отношеніи. Подъ предлогомъ того, что его произведеніе есть художественный этюдъ, а не соціологическій трактакъ, требующій извѣстной систематизаціи, г. Златовратскій ведетъ разсказъ безсвязно, отрывочно, непослѣдовательно, постоянно удаляясь въ сторону отъ главнаго теченія, вводитъ лишніе, ненужные эпизоды, разсуждаетъ отъ собственнаго лица, такъ что его «Устои», въ концѣ-концовъ, похожи на калейдоскопъ, въ которомъ все перепутано и перемѣшано и въ которомъ трудно разобраться. Все дѣло, однако, сводится къ слѣдующему.

Въ селѣ «Дергачахъ» жилъ мужикъ по имени Мосей, по прозванію Волкъ. Онъ что называется влюбился въ барскую рощу, добился того, что его назначили сторожить въ ней и, наконецъ, рѣшилъ купить ее. Втеченіе пяти лѣтъ копилъ онъ деньги, затѣмъ осуществилъ свою завѣтную мечту и на купленной землѣ построилъ себѣ избу. Семья Мосея, жившая въ Дергачахъ, все болѣе и болѣе разросталась; міръ рѣшилъ что Мосею надо выселить ее на собственную землю. Такимъ образомъ возникъ новый поселокъ. Дѣла новаго поселка шли не дурно; миръ и согласіе царствовали въ немъ; обитатели жили мирно и согласно, никакихъ нововведеній не дѣлали, а жили по старому, по-дѣдовски. Бѣдствія и несчастія начались только тогда, когда пріѣхалъ нѣкій Петръ Вонифантьевичъ, внукъ Мосея.

Этотъ Петръ является представителемъ новаго элемента—элемента индивидуализма, находящагося во враждѣ со старыми порядками деревни. Петръ еще въ юношескомъ возрастѣ попалъ въ Москву, куда онъ пріѣхалъ по собственной охотѣ, и тамъ служилъ въ конторѣ артели. Но служба эта ему не нравилась. Это былъ человѣкъ самолюбивый, съ характеромъ, рѣшившійся выдти въ люди. «Его душили злыя слезы, когда разные троюродные дядья и всякіе земляки начинали родительски внушать ему, что своими-то брезгать нечего». Онъ рѣшился искать для себя отдѣльную квартиру. Случай устроилъ такъ что онъ поселился въ одномъ «благородномъ» семействѣ,—въ семействѣ маленькаго чиновника. Вскорѣ онъ познакомился поближе съ хозяевами. Хозяинъ квартиры, Иванъ Степанычъ, полюбилъ Петра за его практичность и за умѣніе играть въ шашки. Его дочери рѣшили, что хотя онъ и кулакъ, но «любопытный экземпляръ» и мало-по-малу занялись его развитіемъ. Съ этою цѣлью онѣ сдали его на попеченіе нѣкоего студента Сережи, который сталъ съ нимъ заниматься химіей и геометріей. «Сліяніе» пошло быстро, и Петръ попалъ въ среду студенческой молодежи. Онъ былъ человѣкъ любознательный и хотя и немного понималъ изъ того, что ему преподавали, но все-же внимательно слѣдилъ за своимъ просвѣщеніемъ. «Просвѣщеніе», однако, скоро приняло неожиданный оборотъ. Сережа рѣшилъ, что ему науки не годятся. «Да и чорта-ли начинять его химіей,—говорилъ онъ,— когда изъ него въ концѣ-концовъ лавочникъ выйдетъ? Тутъ вѣдь нравственной ломкой дѣло-то пахнетъ. А это статья опасная! Я вотъ знаю примѣрецъ: распропагандировали молодца, а изъ него вышелъ шпіонъ!» Вслѣдствіе такого соображенія, студентъ передалъ Петра человѣку, неизмѣримо лучшему, чѣмъ онъ, а именно нѣкоему Пугаеву.

Въ этомъ Пугаевѣ г. Златовратскій укладываетъ часть своихъ идеаловъ. Пугаевъ «вѣрилъ только въ нравственное возрожденіе человѣчества», но тѣмъ не менѣе г. Златовратскій увѣряетъ насъ, что его дѣятельность приноситъ много пользы его ученикамъ, такъ-какъ онъ влагалъ въ нихъ все «свѣтлое, чистое, высокое». Однимъ словомъ, Пугаевъ нѣчто въ родѣ Рудина, съ тою одною разницей, что Пугаевъ считалъ интеллигентные классы

совсѣмъ не воспріимчивой почвой для нравственнаго воздѣйствія. Однако, Пугаевъ, не довѣряясь своимъ силамъ, опасаясь неудачи, въ народъ не пошелъ и продолжалъ проповѣдывать среди интеллигентныхъ классовъ. На Петра проповѣдь Пугаева не подѣйствовала «благотворно». Петръ увидѣлъ только, что съ нимъ возятся, но пользы отъ этой возни не видѣлъ. Пугаева онъ считалъ празднымъ болтуномъ и предпочиталъ, на худой конецъ, даже химію и геометрію. Онъ сталъ ходить въ пиджакѣ и глаженой сорочкѣ и былъ весьма польщенъ, когда замѣтилъ, что барышня Вѣра заглядывается на него. Философъ сталъ доказывать ему, что умъ, знаніе, богатство—пустыя слова, и доказывалъ это высокимъ слогомъ: «Я,—говорилъ онъ,—образованный городской человѣкъ—червь, тля передъ послѣднимъ изъ ратниковъ труда! Бѣги, юноша, бѣги, пока не поздно!» И Петръ, дѣйствительно, убѣжалъ, сообразивъ, что все это «пустыя слова». Отъ студенческой опеки онъ вскорѣ освободился, занялся «дѣломъ», нажилъ порядочный кушъ денегъ, «образовался» на московской мостовой и вотъ, въ качествѣ реформатора деревни, съ широкими планами личнаго благоденствія, явился на родину.

Тутъ Петръ вскорѣ подружился съ мѣстными «аблакатами» и мелкими чиновниками, съумѣлъ привлечь на свою сторону своего отца, Вонифантія, и повелъ оппозицію противъ міра и своей тетки Ульяны— представительницы дѣдовскихъ порядковъ. Въ тайны нѣкоторыхъ столичныхъ дѣлъ Петръ посвящаетъ своего отца и дядю Вахрамея слѣдующимъ образомъ: «Ну, гдѣ-жъ это, въ какихъ то-есть мѣстахъ,—опять допрашивалъ Вонифантій, тряся своей широкой бородой и уже заранѣе предвкушая тотъ эффектъ, который долженъ произвести его «умственный» сынъ знаніемъ такихъ дѣлъ,— капиталы произрастаютъ?—Да, да.— Въ банкахъ.—Ну, какъ, разсказывай!» И Петръ начиналъ разсказывать хитрую механику земельныхъ банковъ. Тѣмъ не менѣе жители поселка стали догадываться, что дѣло не ладно, что ночныя бесѣды отца съ сыномъ не поведутъ къ добру. Дѣло дошло до открытаго объясненія между Вонифантіемъ и Ульяной; рознь обнаружилась вполнѣ и открыто. Петръ задумалъ раздѣлъ и добился его. Треть земли попала въ руки Вонифантія и его ловкаго сына. Дѣдовскіе устои, такимъ образомъ, рухнули и Ульяна съ младшими братьями опять переселилась въ Дергачи.

Дальнѣйшую судьбу Петра мы узнаемъ побочнымъ путемъ, изъ писемъ Лизы, одной изъ дочерей того добраго Ивана Степаныча, у котораго Петръ жилъ въ Москвѣ. Лиза пошла въ Дергачи въ качествѣ сельской учительницы; она—восторженная дѣвушка, преданная «дѣлу народа», въ уста которой г. Златовратскій влагаетъ свои собственныя мысли о мужикѣ. Въ своихъ письмахъ она разсказываетъ, что Петръ вскорѣ сдѣлался писаремъ, заправляетъ всѣми мірскими дѣлами, уважаетъ «хозяйственныхъ» мужиковъ и гнетъ въ дугу бѣдняковъ и пьяницъ. Онъ-же попадаетъ въ попечители школы, и бѣдная Лиза съ ужасомъ видитъ, что всѣ ея идеалы для учениковъ ничто въ сравненіи съ

идеалами Петра. «Бѣдное сердце вашей Лизы разбито и разсѣяно по вѣтру, какъ дымъ, все, во имя чего она пришла сюда. И побѣдилъ ее здѣсь тотъ смѣшной волченокъ, тотъ хорошій паренекъ, которымъ она когда-то играла и забавлялась. Что такое она со своею любовью, со своей жертвой передъ этимъ низенькимъ, худощавымъ, полуграмотнымъ молодымъ, «умственнымъ» мужикомъ, который до чего-то самъ дошелъ своимъ умомъ». Но въ концѣ-концовъ Петръ оказывается побѣжденнымъ безтолочью дергачевскаго міра. Онъ отказывается отъ дѣла и самовольно уѣзжаетъ въ Москву.

Такимъ образомъ въ «Устояхъ» мы видимъ ту-же самую борьбу между отцами и дѣтьми, которую Тургеневъ подмѣтилъ еще раньше въ образованномъ классѣ. Эта борьба возникла, по толкованію г. Злотовратскаго, оттого, что въ жизнь народа вошли новые элементы, появились новыя требованія, которыя необходимо было удовлетворить; появились двѣ правды. Въ дѣдовскихъ устояхъ много было хорошаго, но внуки не могли уже помѣститься въ дѣдовской избѣ, имъ стало душно и тѣсно; и вотъ, вмѣсто того, чтобы приняться за пристройки, они просто снесли старую избу, разбрелись по сторонамъ и построили хоромы не то барскія, не то мужицкія. Читатели видятъ, что весь этотъ художественный этюдъ, на который г. Златовратскій потратилъ много таланта, есть не болѣе, какъ аллегорія, въ которой авторъ вознамѣрился высказать очень простую мысль: устои рушатся подъ напоромъ новыхъ пришлыхъ элементовъ. Но авторъ, со свойственною ему добросовѣстностію, не рѣшаетъ дѣла ни въ пользу отцовъ, ни въ пользу дѣтей; въ сущности нъ хотѣлъ-бы удержать строй жизни отцовъ, ему противенъ узко-буржуазный идеалъ, нарождающійся вмѣстѣ съ дѣтьми; но онъ видитъ, что этотъ старый строй не можетъ удержаться, что идеалъ дѣтей,—хотя онъ самъ по себѣ и не симпатиченъ,—все-же лучше отвѣчаетъ новымъ потребностямъ, и вотъ, не будучи въ состояніи примирить въ общемъ синтезѣ этихъ двухъ враждующихъ системъ, Златовротскій прибѣгаетъ къ мужику-романтику. Въ этюдѣ г. Злотовратскаго мы имѣемъ двухъ такихъ мужиковъ-романтиковъ: Мину и его сына Яньку. Говоря объ Янькѣ устами Лизы, г. Златовратскій выражается такимъ образомъ: «Онъ только... все еще не могу опредѣлить, кто онъ? Нѣтъ, это не сынъ земли, не сынъ міра, не ратникъ труда, не подвижникъ ума... Онъ даже не все это вмѣстѣ, онъ выше всего этого. Онъ царитъ надъ этимъ, безвѣстный романтикъ!» Въ чемъ, однако, заключается идеалъ этого романтика? Къ чему онъ стремится? Что проповѣдуетъ? Мина между прочимъ слѣдующимъ образомъ разсуждаетъ о Пименахъ, мужикахъ практическихъ и честныхъ: «Хорошіе люди, точно, я и Пименамъ скажу: надоть это имъ въ трудѣ поостепениться... И въ трудѣ жадность къ добру не доведетъ!.. Ежели въ трудѣ жадность—довольства въ себѣ нѣтъ!» Когда мужики упрекаютъ Мину за его выраженіе: «мужикамъ при барахъ было лучше, чѣмъ барамъ», онъ поясняетъ свои мысли слѣдующимъ образомъ: «Ты

постой, погоди... Говорю: довольства въ душѣ у баръ было мало... Чего не придумають: и всласть ѣды, и питья, и веселья... а довольства все нѣтъ. Спрашиваетъ баринъ Мину: отчего у тебя въ душѣ довольство?— А оттого, говорю, что я при правомъ дѣлѣ состою, хлѣбъ рощу».—По мнѣнію Мины, на свѣтѣ только двѣ правды и есть: крестьянинъ при хлѣбѣ, и царь при мірѣ. Въ мужицкую и мірскую правду Мина вѣритъ глубоко: эта вѣра составляетъ для него все. «Неправому дѣлу гибель, а правому нѣтъ»,—говоритъ онъ; маловѣріе составляетъ, по его мнѣнію, грѣхъ, и онъ не любитъ старовѣровъ зато, что они все толкуютъ о кончинѣ міра и объ антихристѣ. Неправда губитъ сама себя. «Кулакамъ-міроѣдамъ не жить. А не жить имъ потому, что сытости нѣтъ... У барина хоть малость да была, а у кулака нѣтъ... Чѣмъ больше жретъ, тѣмъ больше утроба проситъ... А все отъ неправды... Правоты въ своемъ положеніи не видитъ».

Нельзя не видѣть, какъ все это туманно и неопредѣленно, но въ «Устояхъ» нѣтъ ничего, что-бы раскрыло болѣе точно мысли г. Златовратскаго. Все зданіе, построенное г. Златовраскимъ, весьма шатко; его взгляды гадательны и произвольны, фантастичны и апріорны. Г. Златовратскій не изучаетъ народную жизнь, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Глѣбъ Успенскій, а фантизируетъ по ея поводу и приписываетъ народу такія качества, такія идеи и чувства, которыя составляютъ внутренній міръ самого г. Златовратскаго. Произошло это, кажется, отъ того, что въ самомъ г. Златовратскомъ совершался долго и медленно сначала процессъ возникновенія идеаловъ, а потомъ начался процессъ ихъ разложенія. Г. Златовратскій самъ намекаетъ на это, когда говоритъ: «Времена перемѣнчивы; бываютъ періоды, когда на смѣну увлеченій воцаряется благоразумье... въ такія времена невольно робѣешь, является желаніе уйти въ себя, притаиться и менѣе всего пріятно тревожить воспоминанія о дорогомъ, свѣтломъ времени надеждъ, порывовъ и увлеченій». Другими словами, построивъ себѣ идеалъ общинныхъ устоевъ, правды міра, г. Златовратскій усумнился въ его долговѣчности и пригодности, когда присмотрѣлся, что совершается въ самой жизни этого общиннаго міра: тогда его начали тревожить сомнѣнія относительно правды этого идеала...

Къ сожалѣнію, г. Златовратскій превращаетъ дѣло художественнаго изученія народа въ какую-то мечтательность «больного» человѣка, который зараженъ гамлетовскимъ ядомъ и носится съ собой, ища возможности пріурочить себя къ практической дѣятельности. Стоитъ-ли прибавлять, что такой взглядъ на художественное творчество не выдерживаетъ никакой критики и что, при такомъ пониманіи художественныхъ задачъ, произведенія автора не имѣютъ хоть сколько-нибудь опредѣленной художественной цѣнности? Художественный этюдъ превращается въ какую-то «Утопію», въ которой нѣтъ даже широкихъ преобразовательныхъ плановъ, а есть взамѣнъ этого какое-то скрытое нытье о томъ,

что интеллигентъ никоимъ образомъ не можетъ понять мужика, который ведетъ свою жизнь совсѣмъ не на тѣхъ началахъ, на которыхъ воспитался интеллигентъ. Все это очень странно, совершенно безполезно съ критической точки зрѣнія и совершенно несостоятельно съ теоретической. Путемъ такихъ художественныхъ мечтаній мы не придемъ къ познанію народной жизни, а художникъ даже съ самыми прекрасными намѣреніями, при полной добросовѣстности, достигнетъ только того, что создастъ произведеніе наивно-субъективное, странное по формѣ, несостоятельное по содержанію, не дающее никакого живого впечатлѣнія, никакой ясной картины того удивительнаго и великаго міра, который мы называемъ міромъ народной жизни. Такая именно судьба постигла литературную дѣятельность г. Златовратскаго. Но не будемъ слишкомъ строги къ почтенному и талантливому писателю, который хотя и не раскрылъ намъ тайны народнаго сфинкса, тѣмъ не менѣе сослужилъ добрую службу русскому обществу. Вина въ этомъ лежитъ не столько на немъ, сколько на тѣхъ условіяхъ, при которыхъ приходится жить нашимъ поколѣніямъ. Поэтому и мы искренно присоединяемся къ краснорѣчивымъ словамъ адреса, которымъ почтило московское общество г. Златовратскаго на его юбилеѣ.—«Вы внесли въ такъ-называемую народническую литературу собственный цѣнный вкладъ, явившись народникомъ новаго типа... Вы изобразили деревенскую жизнь во всей ея полнотѣ, во всѣхъ ея будничныхъ проявленіяхъ... Ваша любовь къ народу,—не порывъ восторженной, благородной вспышки энтузіазма, не холодная дань хотя-бы великому и священному долгу, тѣмъ болѣе не увлеченіе модой, но глубокая, органическая потребность, составляющая внутреннее, завѣтное содержаніе вашей души, любовь сильная, искренняя и задушевная».

Но мы слишкомъ увлеклись г. Златовратскимъ и совершенно забыли наше будничное дѣло,—обозрѣніе текущей журналистики. Не будемъ особенно жалѣть объ этомъ: г. Златовратскій, несмотря на всѣ оговорки, которыя мы принуждены были сдѣлать, гораздо интереснѣе нашей журналистики, въ особенности, когда онъ обнаруживается въ такомъ непривлекательномъ образѣ, какъ... «Книжки Недѣли». Объ этихъ «Книжкахъ» мы, можетъ быть, когда-нибудь поговоримъ подробнѣе, а теперь на прощаніе укажемъ на критическую добросовѣстность этого журнала. Послѣдняя «Книжка», приступая къ обозрѣнію журналовъ и говоря объ очеркѣ г. Горькаго «Мальва», называетъ «Сѣверный Вѣстникъ» «пріютомъ всяческихъ литературныхъ болѣзней». Что подразумѣваетъ «Книжка» подъ литературными болѣзнями—нѣтъ возможности догадаться, но если не болѣзни, то чрезвычайно противныя болячки мы замѣчаемъ въ «Книжкахъ». Отрекомендовавъ такимъ образомъ «Сѣверный Вѣстникъ», обозрѣватель черезъ страницу приступаетъ къ разбору разсказа г. Гнѣдича «Слѣпыши». Совершенно справедливо указывая на художественныя достоинства этого разсказа, г. обозрѣватель тѣмъ не менѣе умалчиваетъ, что «Слѣпыши» были напечатаны именно въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

А еще черезъ нѣсколько страницъ онъ расхваливаетъ статью проф. Кирпичникова «Очеркъ исторіи романа XIX вѣка», тоже умалчивая, что и этотъ «Очеркъ» былъ напечатанъ въ томъ-же «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Какъ видите, это по истинѣ джентльменскій поступокъ, и такое джентльменство, повидимому, довольно часто практикуется въ «Книжкахъ». Однако въ собственныхъ произведеніяхъ «Книжекъ» не мало характерныхъ особенностей. Такъ, напримѣръ, печатается романъ «На *груди* природы». Тамъ-же г. Вл. Тихоновъ помѣстилъ нѣчто изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній, гдѣ разсказываетъ, какъ въ одномъ изъ французскихъ городовъ онъ отыскалъ цѣлое гнѣздо руссофиловъ, говорившихъ съ какимъ то неистовымъ восторгомъ о Россіи и русскихъ. Изъ этихъ-же впечатлѣній мы узнаемъ, что автора зовутъ Владиміръ Алексѣевичъ и что съ нимъ случился, по истинѣ, трагическій казусъ. Дѣло въ томъ, что въ началѣ своего пребыванія во французскомъ городѣ, Владиміръ Алексѣевичъ затосковалъ, главнымъ образомъ потому, что не съ кѣмъ было молвить слова по-русски. Обрадовался онъ, однако, необычайно, когда узналъ, что у нѣкоего Некара есть русскій кучеръ, даже въ русскомъ кучерскомъ костюмѣ. И вотъ Владиміръ Алексѣевичъ немедленно отправился на поиски русскаго кучера. Подойдя къ дому г. Некара, онъ дѣйствительно увидѣлъ на козлахъ экипажа кучера въ русскомъ кучерскомъ кафтанѣ. «Ты... Вы русскій?—обратился я къ нему.—Plait-il, monsieur?—отвѣчалъ тотъ, слегка приподнявъ шляпу. И на мой вторичный вопросъ, уже на французскомъ языкѣ, онъ объяснилъ мнѣ, что онъ чистокровный французъ, а что русскій кучеръ былъ, дѣйствительно, у господина Некара, но прожилъ всего двѣ недѣли, затосковалъ по родинѣ и уѣхалъ домой».—Съ этого дня Владиміръ Алексѣевичъ еще пуще затосковалъ, главнымъ образомъ потому, что его поиски за русскимъ кучеромъ не увѣнчались успѣхомъ, и онъ еще угрюмѣе сталъ говорить съ французами о льнѣ, кудели и овсѣ...

КРИТИКА.

В. П. Авенаріусъ. «Гоголь студентъ», вторая повѣсть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». Спб. 1898 г.

Несмотря на давно оцѣненныя критикой обычныя достоинства сочиненій г. Авенаріуса и даже на общепризнанный и вполнѣ заслуженный успѣхъ его прекрасныхъ біографическихъ повѣстей о Пушкинѣ,—какъ видно изъ предисловія къ первой біографической повѣсти трилогіи «Ученическіе годы Гоголя», автору не разъ высказывались заранѣе сомнѣнія относительно трудностей, которыя по существу представляла новая предпринятая имъ работа. Трудности эти заключались въ сравнительной скудости данныхъ о раннемъ дѣтствѣ Гоголя и замѣчательной скрытности его характера. Вполнѣ сознавая ихъ, г. Авенаріусъ употреблялъ много времени на серьезное изученіе всего имѣющагося о Гоголѣ біографическаго матеріала и посѣтилъ всѣ тѣ мѣста, о которыхъ идетъ рѣчь въ его разсказѣ, и въ результатѣ, благодаря замѣчательному искусству создавать, на основаніи разрозненныхъ и отрывочныхъ данныхъ, живой и увлекательный разсказъ, побѣдоносно вышелъ изъ затрудненій, нарисовавъ передъ читателями цѣльную и яркую картину дѣтства своего героя. Благодаря упомянутой способности автора, многія лица, о которыхъ до насъ едва дошли краткія характеристики, и изъ нихъ особенно принадлежащія къ учебному персоналу нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, проходятъ передъ нами, какъ живыя, а искусство пользоваться разнообразіемъ повѣствовательныхъ пріемовъ при возсозданіи отдѣльныхъ личностей и самой обстановки дѣйствія помогаетъ автору возбуждать въ читателяхъ все болѣе и болѣе усиливающійся интересъ.

Годъ тому назадъ вышла въ свѣтъ отдѣльной книгой первая повѣсть художественно-біографической трилогіи, печатавшаяся первоначально въ «Родникѣ», и въ своемъ отдѣльномъ изданіи вызвавшая сочувственные отзывы печати. Въ виду указанныхъ предубѣжденій, такой успѣхъ слѣдуетъ считать большимъ торжествомъ автора. Теперь передъ нами вторая повѣсть трилогіи г. Авенаріуса, исполненная съ такимъ-же мастерствомъ.

Написанная тѣмъ-же авторомъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи сходный матеріалъ и такія-же средства художественнаго изображенія, повѣсть эта, разумѣется, производитъ сходное благопріятное впечатлѣніе. Но мы считаемъ не лишнимъ указать, что, по нашему мнѣнію, составляетъ главное условіе внѣшняго успѣха и сущность внутреннихъ достоинствъ обѣихъ вышедшихъ повѣстей. Г. Авенаріусу особенно удаются тѣ главы,— а такія главы у него значительно преобладаютъ,—гдѣ онъ, такъ сказать, беретъ для разсказа широкія рамки, выводя въ оживленномъ дѣйствіи множество лицъ; въ этихъ случаяхъ онъ съ особеннымъ мастерствомъ умѣетъ схватывать характерныя черты изображаемой обстановки и вести разсказъ съ драматической живостью. Поэтому-то мы легко переносимся, при чтеніи его повѣстей, то въ замкнутую школьную семью среднеучебнаго заведенія, то на площадь маленькаго малороссійскаго городка, то, наконецъ, за обѣденный столъ гостепріимнаго украинскаго помѣщика, и, какъ сказано, вездѣ автору удается, по небольшимъ бытовымъ черточкамъ и случайнымъ, иногда почти анекдотическимъ подробностямъ, создавать цѣльную законченную картину, что и составляетъ, по нашему мнѣнію, главную, капитальную заслугу автора. Мы не можемъ поэтому ставить автору въ преступленіе встрѣчающійся у него мѣстами художественный вымыселъ, такъ какъ порицанія могли-бы заслуживать лишь *отступленія* отъ извѣстныхъ и точно установленныхъ фактическихъ данныхъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ у г. Авенаріуса, но отнюдь не *художническое* изобрѣтеніе, которое существенно отличается отъ фактическихъ искаженій и которое *непремѣнно* должно составлять, такъ сказать, душу такого рода художественно-біографическихъ повѣствованій. Несмотря на азбучность этой истины, ее необходимо напомнить въ виду тѣхъ недоразумѣній, которыя все еще продолжаютъ иногда смущать нѣкоторыхъ скептиковъ, какъ это ясно изъ предисловія ко второй повѣсти трилогіи г. Авенаріуса. Намъ кажется, что сравнительно уступаютъ другимъ тѣ немногія главы, какъ начальная глава второй повѣсти, гдѣ Гоголь-юноша обрисованъ въ родной, домашней средѣ, такъ какъ здѣсь мы неизбѣжно встрѣчаемъ у автора, такъ сказать, меньше фактическихъ точекъ опоры, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, напр., при изображеніи быта нѣжинскаго лицея, освѣдомленный читатель постоянно живо чувствуетъ, что въ основѣ разсказа лежитъ зерно достовѣрныхъ данныхъ и что художникъ рисуетъ по имѣющейся уже канвѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мѣстами поражаетъ большой даръ синтеза у автора, дающій ему не только необходимыя средства сообщать единство и цѣльность отдѣльнымъ главамъ, но и наводящій его на нѣкоторыя очень мѣткія и вѣроятныя предположенія. Отмѣтимъ для примѣра одно изъ нихъ: по мимолетному упоминанію въ одномъ письмѣ Гоголя къ матери о выписанныхъ имъ нѣмецкихъ книгахъ изъ Лемберга, г. Авенаріусъ дѣлаетъ весьма правдоподобное заключеніе о томъ, что посредникомъ въ сношеніяхъ юнаго нѣмецкаго студента съ лембергскими книгопродавцами могъ служить профессоръ Зингеръ,

происходившій именно изъ этого городка. Эта удачная догадка внушила автору цѣлую главу о сношеніяхъ Гоголя съ проф. Зингеромъ. Но отмѣтимъ и одну неточность въ изложеніи г. Авенаріуса. На стр. 187 авторъ говоритъ: «въ семьѣ Орлая Гоголь находитъ какъ-бы отраженіе родной семьи», и именно также въ послѣднее время директорства Орлая, такъ что по оставленіи имъ лицея Гоголь какъ-бы почувствовалъ нѣкоторое нравственное сиротство; но изъ писемъ Гоголя къ матери мы видимъ обратное,—именно что подъ конецъ директорства Орлая Гоголь относился къ нему съ весьма замѣтнымъ несочувствіемъ, такъ что покойный Кулишъ счелъ необходимымъ замѣнить въ текстѣ писемъ фамилію Орлая вымышленными литерами SS. Такъ, напримѣръ, однажды, вскорѣ послѣ отъѣзда Орлая, Гоголь писалъ матери: «Орлай нашъ успѣлъ вездѣ такъ охулить нашу гимназію, что, думаю, и графъ Безбородко оттого такъ мало объ ней печется. Изъ Одессы на дняхъ получили письмо отъ Орлая. Онъ и тѣмъ заведеніемъ недоволенъ» (см. соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 44). Также, быть можетъ, недостаточно оттѣнено критическое и несочувственное отношеніе Гоголя-подростка къ извѣстному украинскому магнату Трощинскому. Быть можетъ, впрочемъ, авторъ, предназначая свою книгу преимущественно для юношества, избѣгалъ въ своемъ разсказѣ, въ виду педагогическихъ соображеній, выдвигать, такъ сказать, тѣневыя стороны жизни, которыя такъ рано стали на себя обращать вниманіе Гоголя. Быть можетъ, по той-же причинѣ, при всемъ разнообразіи повѣствовательныхъ пріемовъ, у г. Авенаріуса въ тонѣ изложенія находятъ мѣсто весьма различныя настроенія, но какъ будто тщательно избѣгается вездѣ тотъ мрачный сѣренькій колоритъ, наводящій на раздумье и пробуждающій задушевную сосредоточенную грусть, который такъ гармонировалъ съ отраженіемъ жалкой житейской пошлости въ безсмертныхъ созданіяхъ Гоголя. Эти задушевныя струны внутренняго міра героя повѣсти, по нашему мнѣнію, не должны быть оставлены безъ вниманія въ дальнѣйшемъ теченіи художественно-біографическаго разсказа.

В. Шерокъ.

Г. Зиммель. Проблемы философіи исторіи. Москва 1898. Стр. 165.

Авторъ этой небольшой книжки давно уже пользуется широкой извѣстностью, какъ добросовѣстный и остроумный изслѣдователь различныхъ вопросовъ этики и психологіи; но только теперь русская читающая публика получила возможность ближе съ нимъ познакомиться. И нужно сказать, что если «Проблемы» и не даютъ достаточно матеріала для сужденія о генезисѣ и характерѣ всего міросозерцанія Зиммеля, то по нимъ можно, во всякомъ случаѣ, судить, до какой высоты онъ достигъ въ своемъ пониманіи науки и научныхъ методовъ.

Книга раздѣляется на три главы, въ которыхъ говорится о психическихъ предпосылкахъ въ историческомъ изслѣдованіи, объ историче-

скихъ законахъ и о смыслѣ исторіи. Въ предѣлахъ этого оглавленія читателю предлагается для рѣшенія, а отчасти и рѣшается множество важныхъ и глубоко интересныхъ вопросовъ; но гораздо важнѣе и интереснѣе постановка всѣхъ этихъ вопросовъ и опредѣленіе главнаго вопроса всего изслѣдованія. Каковы задачи философіи исторіи? Одни подъ философіей исторіи разумѣютъ изложеніе исторіи въ общихъ чертахъ, сведеніе мелкихъ, незначительныхъ фактовъ къ крупнымъ событіямъ, характеризующимъ цѣлыя эпохи и группирующимъ вокругъ себя всѣ остальныя происшествія; другіе требуютъ отъ нея открытія и установленія историческихъ законовъ; третьи хотятъ, чтобъ она выяснила смыслъ исторіи, ея сущность и цѣль. Но при этомъ забываютъ, что обобщеніе и выведеніе законовъ всегда берутъ на себя науки, не обращаясь за помощью къ философіи, а выяснить смыслъ и цѣль исторіи не можетъ быть ея задачей просто потому, что неизвѣстно, есть ли въ исторіи, вообще, какой нибудь смыслъ и какая нибудь цѣль. Зиммель, исходя изъ пониманія философіи, какъ теоріи познанія, стремится подчеркнуть особенно ту мысль, что философія исторіи не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ спеціальной отраслью этой теоріи. Если общая теорія познанія изучаетъ готовое познаніе — подобно тому, какъ познаніе изучаетъ свои объекты, — то теорія историческаго познанія изслѣдуетъ не объекты исторіи (историческіе факты), а самое познаніе этихъ объектовъ. Отсюда видно, что философія исторіи совсѣмъ не ставитъ себѣ задачей давать наставленія о томъ, какъ изучать факты и какъ писать исторію, и слѣдовательно, нечего опасаться, что она можетъ хоть сколько нибудь повліять на реализмъ историческаго изслѣдованія: философія не выставляетъ нормъ, она изучаетъ, какъ изучаютъ и остальныя науки. Но въ чемъ же заключается содержаніе философіи исторіи, какіе вопросы она стремится разрѣшить? Во всякомъ познаніи мы замѣчаемъ элементы, которые нельзя вывести цѣликомъ изъ познаваемаго предмета и которые приноситъ съ собой субъектъ познанія; изъ этихъ апріорныхъ (по терминологіи Зиммеля) предпосылокъ большинство встрѣчается во всѣхъ родахъ познанія, но есть и такія, которыя составляютъ условіе только историческаго познанія. Это частью метафизическія предположенія, частью недоказуемыя и невыводимыя изъ опыта идеи, съ которыми историкъ уже приступаетъ къ своей работѣ и которыя связываютъ разрозненный матеріалъ въ единое цѣлое. Содержаніе философіи исторіи и составляетъ анализъ этихъ идей, или формъ познанія, и анализъ ихъ вліянія на исторіографію.

Прежде всего Зиммель устанавливаетъ тотъ фактъ, что историческое пониманіе ничѣмъ, по существу, не отличается отъ пониманія современныхъ намъ людскихъ отношеній. Какъ въ этихъ послѣднихъ мы видимъ лишь одну внѣшнюю сторону, одну игру автоматовъ, которая получаетъ въ нашихъ глазахъ смыслъ только тогда, когда мы предполагаемъ за ней наличность духовной жизни,—такъ точно и въ историческомъ изслѣдованіи мы принимаемъ цѣлый рядъ психологическихъ

предпосылокъ. Но дѣло то въ томъ, что историкъ не всегда признаетъ за внѣшними дѣйствіями существованіе душевныхъ движеній,—иногда онъ предполагаетъ и безсознательность, т. е. отсутствіе сознанія той цѣли, къ которой направляется данная дѣятельность; и вотъ самъ собою возникаетъ вопросъ: почему въ однихъ случаяхъ предполагается сознательность, а въ другихъ безсознательность? Къ сожалѣнію, Зиммель, поставивъ этотъ вопросъ, оставляетъ его безъ отвѣта и все время занимается анализомъ предпосылки о дѣятельности сознательной. Онъ указываетъ на то, что историкъ долженъ «понимать» дѣятельность историческихъ лицъ и группъ, умѣть становиться на ихъ мѣста и переживать тѣ-же душевныя состоянія, которыя переживали и они, иначе эта дѣятельность и эти состоянія будутъ казаться совершенно немотивированными. Только умѣющій любить пойметъ любящаго, только флегматикъ пойметъ спокойнаго человѣка. Но и этого мало: иногда душевныя движенія связываются въ такой комбинаціи, которую совсѣмъ нельзя найти въ опытѣ, которую историкъ и не переживалъ. Здѣсь онъ долженъ угадать, и чѣмъ способность угадыванія сильнѣе, тѣмъ онъ геніальнѣе. Поэтому, вся исторія насквозь проникнута субъективизмомъ, и только благодаря ему она и возможна. Но если такъ, какое значеніе имѣютъ историческіе законы? Отвѣтъ очень простой: историческихъ законовъ вовсе нѣтъ, ибо то, что выдается за законы, есть простое констатированіе единообразія въ послѣдовательности явленій; силы, производящія это единообразіе, не суть какія то *историческія* силы,—это тѣ-же силы природы. Если признано, что за монархіей слѣдуетъ всегда аристократія, за ней демократія, а потомъ снова—монархія, то это совсѣмъ еще не значитъ, что монархія возникаетъ *потому*, что раньше была демократія; но весь этотъ кругъ существуетъ потому, что дѣйствуетъ какая то сила, намъ неизвѣстная. Всѣ положенія, которыя выставляютъ историки подъ видомъ законовъ, не суть вовсе законы, а произведенія законовъ. И то, что привыкли называть закономъ, есть простое предвосхищеніе матеріальной истины, которая еще только должна быть открыта, а это предвосхищеніе, какъ все предвзятое, имѣетъ гораздо больше дурныхъ, чѣмъ хорошихъ сторонъ. Совсѣмъ иное нужно сказать о «смыслѣ исторіи». Конечно, тотъ смыслъ, котораго мы ищемъ въ исторіи, есть нѣчто безусловно субъективное, но оно не можетъ помѣшать изученію фактовъ, потому что его тамъ совсѣмъ нѣтъ. Если-бы мы знали всѣ факты и всѣ законы исторіи, все-таки оставался-бы открытымъ вопросъ, есть-ли исторія проявленіе божественнаго духа, или она развивается изъ самой себя; представляетъ-ли исторія изъ себя нѣчто замкнутое, самоцѣльное или она имѣетъ смыслъ лишь въ связи съ общимъ міровымъ процессомъ; и сама исторія имѣетъ ли смыслъ только, какъ нѣчто цѣлое, или въ каждой стадіи ея можно открыть самостоятельное значеніе. Но и открывъ смыслъ исторіи, опредѣливъ цѣль, къ которой она направляется, мы можемъ эту цѣль одобрять или не одобрять, можемъ считать ее

цѣнной самое по себѣ, можемъ и не считать. Всѣ такого рода толкованія находятся внѣ изученія фактовъ; поэтому, говоритъ Зиммель, къ нимъ нельзя примѣнять категорій истиннаго и ложнаго: они суть просто выраженія различныхъ интересовъ.

Таковъ общій характеръ изложенія. Просвѣщенный читатель увидитъ отсюда, какую оригинальную постановку получаютъ у Зиммеля всѣ обычные философско-историческіе вопросы; онъ увидитъ также, что впервые отчетливо выставленное здѣсь опредѣленіе философіи исторіи съ точки зрѣнія гносеологической находитъ себѣ поддержку въ такомъ же пониманіи этики (тотъ же Simmel, Einleitung in die Moralwissenschaft) и философіи права (напр. Vanni, Il problema della filosofia del diritto). А возможность одинаковой постановки вопросовъ въ различныхъ наукахъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о ихъ прогрессѣ и, въ данномъ случаѣ, о развитіи критической философіи.

В. Вальденбергъ.

Сочиненія Н. Златовратскаго. Изданіе третье (дополненное). Въ трехъ томахъ, съ портретомъ автора. Москва 1897 годъ. Цѣна за три тома 4 рубля.

16 ноября текущаго года праздновался 30 лѣтній юбилей литературной дѣятельности Н. Н. Златовратскаго и настоящее изданіе его сочиненій является какъ нельзя болѣе кстати, доказывая лучше всякихъ хвалебныхъ гимновъ солидныя заслуги автора. Произведенія Златовратскаго безспорно цѣнное пособіе для изученія народной жизни и именно тѣхъ ея формъ, которыя въ данный моментъ особенно привлекаютъ вниманіе общества. «Неисправимый поклонникъ народныхъ идеаловъ», онъ останавливается главнымъ образомъ на всестороннемъ изображеніи общиннаго уклада и его типичныхъ явленій—сходовъ, судовъ, передѣловъ, входя при этомъ во всѣ подробности и мелочи деревенскихъ будней, часто незначительныя на первый взглядъ, но безусловно необходимыя для правильнаго представленія изучаемаго быта. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, беллетристамъ-народникамъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, онъ разсматриваетъ мужика не изолированно, а въ связи съ тѣми условіями, въ которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать всю жизнь и которыми объясняются особенности его психологіи. Онъ хотѣлъ-бы обнять въ цѣломъ и уразумѣть правду народной жизни — это его главная цѣль. Увлекаясь ею, Златовратскій мало заботится о художественной обработкѣ своихъ произведеній; и съ точки зрѣнія литературныхъ пріемовъ они представляютъ пеструю смѣсь беллетристики, публицистики, этнографіи, иногда даже статистики. Его главная заслуга въ приближеніи къ дѣйствительности, въ точномъ воспроизведеніи основного фона крестьянской жизни, ея устоевъ главный недостатокъ — слащавость въ обрисовкѣ любимыхъ героевъ

Онъ видитъ здѣсь зачатки гармонической организаціи, которые въ будущемъ должны повести къ полному политическому, юридическому и экономическому «равненію» между общинниками. Все, что держится на этихъ устояхъ, сильно и жизнеспособно, все, что внѣ ихъ,—слабо, хило и немощно. Такова, по его мнѣнію, интеллигенція. Крестьянскому царству онъ противополагаетъ «царство культурныхъ тѣней», которыя, оторвавшись отъ народа, какъ грѣшники Данте, обречены на вѣчное скитаніе, не освѣжаемое надеждой. «Я ничего не вижу, кромѣ неуловимо-быстро смѣняющихъ одна другую стихійныхъ метаморфозъ, изъ которыхъ послѣдняя уничтожаетъ созданное первою. Сжигается то, чему поклонялись, и снова поклоняются тому, что сожигали». Таковъ результатъ двадцатилѣтняго опыта одного изъ золотыхъ сердецъ—двадцатилѣтняго исканія «настоящей» жизни... Въ настоящее изданіе вошло все, помѣщенное въ предыдущемъ, а также и то, что было издано въ послѣдніе годы подъ рубрикой «Новые разсказы», а затѣмъ нѣкоторые изъ разсказовъ и очерковъ, не появлявшихся раньше въ отдѣльныхъ изданіяхъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Венгеровъ. **Русская поэзія.** Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, и важнѣйшими критико-біографическими статьями, біографическими примѣчаніями и портретами. Выпускъ VI. Петербургъ. 1897 г.

Настоящій выпускъ заканчиваетъ собою первый томъ этого чрезвычайно объемистаго изданія, которому, подобно «Критико-біографическому словарю» того-же г. Венгерова, не скоро суждено закончиться. Г. Венгеровъ задался прекрасною и весьма полезною мыслью составить нѣчто вродѣ очень обширной хрестоматіи, въ которую вошли-бы цѣликомъ или частями произведенія всѣхъ русскихъ поэтовъ съ самаго начала существованія русской поэзіи, т. е. съ начала восемнадцатаго вѣка. Такого труда въ русской ученой литературѣ до сихъ поръ не было, но настоятельная потребность въ немъ давно ощущалась. Въ первомъ томѣ, такимъ образомъ, г. Венгеровъ далъ произведенія 116 поэтовъ XVIII вѣка; но это, какъ оказывается, еще не всѣ поэты этого столѣтія: осталось еще сто сорокъ три, писавшіе тоже въ XVIII вѣкѣ, но г. Венгеровъ не включилъ ихъ въ первый томъ, потому что писать они начали въ самомъ концѣ вѣка и главная часть ихъ литературной дѣятельности отразила литературныя теченія начала XIX вѣка. Все это, конечно, мелкіе поэты, совершенно неизвѣстные (даже по имени) большинству нашей образованной публики, но въ такомъ изданіи, какъ «Русскіе поэты», и они должны занять свое мѣсто. Г. Венгеровъ предполагаетъ включить ихъ во второй томъ, который имъ вѣроятно и будетъ посвященъ цѣликомъ... Само собой разумѣется, что цѣль г. Венгерова никоимъ образомъ не была-бы достигнута, если-бы онъ ограничился только напечатаніемъ произведеній поэтовъ безъ критико-біографическихъ примѣчаній. Эти примѣчанія занимаютъ въ изданіи г. Венгерова не менѣе обширное мѣсто. Достаточно будетъ одного примѣра, чтобы дать размѣръ этихъ «примѣчаній». Примѣчаніе къ Кантемиру заключаетъ въ себѣ восемь печатныхъ листовъ обыкновенной печати. Правда, что это одинъ изъ крупныхъ поэтовъ того времени, но тѣмъ не менѣе, едва-ли была надобность посвящать такъ много мѣста этому поэту. Въ примѣчаніе къ Кантемиру вошли обширныя мнѣнія и цѣлыя статьи (иногда больше печатнаго листа) слѣдующихъ писателей: Карамзина, Жуковскаго, Шишкова, Батюшкова, Д. Толстого, Шевырева, Бѣлинскаго, Галахова, Шимко, Сементковскаго. Такое обиліе, поистинѣ ужасное, объяснительныхъ примѣчаній и критическихъ статей, едва-ли кому-нибудь нужно: просто образованнымъ людямъ, интересующимся русской поэзіей, оно не нужно, потому что они не читаютъ этихъ поэтовъ и, разумѣется, никогда не будутъ ихъ читать, что-же касается до спеціалистовъ по исторіи русской литературы, то для нихъ простыя указанія на источники были-бы совершенно достаточны, такъ какъ въ случаѣ нужды они ни въ какомъ случаѣ не удовольствуются «примѣчаніями» г. Венгерова, а справятся и изучатъ эти источники. Но, не говоря уже о томъ, что всѣ эти примѣчанія и дополненія совершенно лишни и безполезны, они имѣютъ еще и то неудобство, что увеличиваютъ размѣръ изданія до чудовищности, а благодаря этому и цѣна изданія, какъ это само собой разумѣется, возростаетъ до невѣроятности. Вспомнимъ только, что первый томъ, состоящій изъ шести выпусковъ, стоитъ двѣнадцать рублей. Для русскаго покупателя, обыкновенно не особенно щедраго на покупку книгъ,—такая цѣна и сама по себѣ велика,—но кромѣ того, онъ долженъ еще имѣть въ виду, что другіе тома изданія

(количество которыхъ даже составитель не можетъ въ точности опредѣлить) будутъ стоить, каждый, столько-же, что покупателя поставитъ въ серьезное затрудненіе. Въ эти остальные тома должны войти во-первыхъ, поэты первой половины XIX вѣка, затѣмъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ (включительно до Щербины) и наконецъ послѣдніе поэты, въ большинствѣ случаевъ и понынѣ здравствующіе, включительно до гг. Фофанова, Чюминой и друг.

Иванъ-да Марья. **Грузинскіе поэты въ образцахъ.** Второе, дополненное изд. Тифлисъ. 1897 г.

Извѣстный переводчикъ, подписывающійся псевдонимомъ Иванъ-да-Марья, возымѣлъ благую мысль познакомить русскую публику съ современными грузинскими поэтами и выпустилъ небольшую книжку (всего 64 страницы) ихъ стихотвореній. Въ этой книжкѣ всего 24 стихотворенія восьми грузинскихъ поэтовъ. Не знаемъ, вслѣдствіе-ли столь ограниченнаго количества «образцовъ», или вслѣдствіе неудачнаго выбора, но книжка Иванъ-да-Марьи не внушаетъ особенно высокаго мнѣнія о грузинской поэзіи вообще и о помѣщенныхъ стихотвореніяхъ грузинскихъ поэтовъ въ частности. Нѣкоторые изъ этихъ поэтовъ страдаютъ фальшивой напыщенностью, другіе мелкостью поэтическихъ задачъ, разрабатываемыхъ ими. Князь Г. Д. Орбеліани, напримѣръ, такъ размышляетъ о своей возлюбленной:

От восторга «помрачился мой умъ»:
Не пойму, жара или снѣгъ теперь кругомъ?

Правда, что поэтъ приписываетъ эти размышленія «кавказскому разнощику», но изъ стихотворенія не видно, чтобы въ намѣреніяхъ поэта было желаніе пошутить. Съ другой стороны, князь Р. Д. Эристовъ такъ воспѣваетъ свою родину:

Нѣтъ! не отдамъ я за древо безсмертія
скалу я родную!
Нѣтъ! не отдамъ я за рай чужеземный
отчизну святую!

Большинство стихотворныхъ образцовъ принадлежатъ, какъ это понятно само собою, къ лирической поэзіи, но есть также одна поэма (князя И. Г. Чавчавадзе) и отрывокъ изъ поэмы князя Маміи Гуріели. Однако, повидимому, и эпическая поэзія въ Грузіи не процвѣтаетъ. Вообще, мы должны замѣтить, что у грузинскихъ поэтовъ (по крайней мѣрѣ, у большинства тѣхъ, съ которыми мы знакомимся по книжкѣ Иванъ-да-Марья) есть все, что угодно, только нѣтъ поэзіи. Въ лучшемъ случаѣ, это—не болѣе, какъ перепѣвы и отголоски чужихъ пѣснопѣній. Нѣкоторое поэтическое чувство мы замѣтили только у двухъ поэтовъ: князя Н. М. Баратова и князя Р. Д. Эристова. Что касается самого перевода, то, надо сказать, что онъ исполненъ вполнѣ литературно, а мѣстами даже и съ огонькомъ.

Фальновскій Өедоръ. **Веселые звуки и** другіе маленькіе разсказы.

Разсказы дѣйствительно маленькіе, но звуковъ веселыхъ въ нихъ нѣтъ. Грустью, скорбью вѣетъ отъ этихъ теплыхъ, симпатичныхъ эскизовъ. Въ каждый штрихъ ихъ вложено столько страданія и боли о тяжелыхъ «несовершенствахъ» жизни, что авторъ, какъ-бы изъ-за «ассоціаціи по контрасту», назвалъ книгу именемъ перваго разсказа: веселые звуки музыки надорванной нуждой и горемъ таперши, выведенной въ немъ, музыки, на которую такъ охотно «отзываются не сердцемъ, а ногами» веселые люди,—грустно и назойливо наигрываютъ въ сердцѣ читателя во время всего процесса чтенія «другихъ маленькихъ разсказовъ». Г. Фальновскій не даетъ намъ типовъ,—напрасно стали-бы искать мы въ книгѣ его обрисовки характеровъ: его занимаютъ больше, чѣмъ сами люди, страданія ихъ. Вдумчивую молодость поражаютъ отрицательныя стороны окружающаго, но богатый міръ жизни съ безконечнымъ калейдоскопомъ и метаморфозами лучей и тѣней, яркихъ звуковъ и затхлаго молчанія—еще не захватилъ автора. Онъ не знаетъ пока людей и явленій; онъ больше *чувствуетъ* жизнь, чѣмъ понимаетъ ее. Хотѣлось-бы, чтобы начинающій писатель работалъ больше, чтобы онъ остался «на тернистомъ пути писателя», какъ выразился его другъ г. Маевскій, издавшій «Веселые звуки»; вмѣстѣ съ нимъ мы пожелаемъ автору «сохранить ту вѣру и любовь къ человѣку, которою вся согрѣта его первая книжка».

«Герои жизни». *Н. Пружанскаго.* Повѣсти, разсказы и эскизы. С.-Петербургъ. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Среди всякаго рода покушеній на литературность, мы съ удовольствіемъ остановились на скромно изданной книгѣ г. Пружанскаго. Его герои дѣйствительно герои *жизни*, а не романа; это не звѣзды первой величины, одаренныя всѣми добродѣтелями и чуждыя всякихъ пороковъ — въ большинствѣ это обыкновенные средніе люди, которые именно потому и интересны, что ихъ можно встрѣтить на каждомъ шагу. Въ своей книгѣ авторъ удѣляетъ много мѣста разсказамъ изъ еврейскаго быта, характеристикѣ различныхъ еврейскихъ типовъ, причемъ не обнаруживаетъ обычныхъ крайностей, которыми въ этомъ дѣлѣ грѣшатъ очень и очень многіе. Описываемые имъ евреи не ходячая добродѣтель, какъ Жидъ г. Мачтета, но и не порожденія ехидны, какими ихъ рисуютъ наши юдофобы. Относясь съ видимой симпатіей къ еврейскому народу, авторъ рядомъ съ типами положительными, даетъ и отрицательные: его герои и здѣсь остаются героями *жизни*. Бытовыя подробности переданы очень живо и хорошо. Изъ прочаго обращаетъ на себя вниманіе разс-

сказъ «Хаосъ», героемъ котораго является бывшій профессоръ, спустившійся до ночлежнаго дома и попрошайничества на улицахъ. Исключительность положенія нисколько не вредитъ жизненности разсказа; передъ нами характерный и притомъ специфически русскій типъ—человѣкъ, которому ничего болѣе не остается, какъ искать забвенія въ винѣ. Недаромъ еще Крижаничъ три столѣтія тому назадъ подмѣтилъ, что русскій человѣкъ не любитъ «среднимъ путемъ ходить».

Сусальныя звѣзды. Романъ. *Н. А Лейкина.* Спб. 1898. Ц. 1 р. 20 к.

Сусальныя звѣзды—дешевенькія ресторанныя «артистки»—не разъ уже сіяли въ нашей изящной литературѣ; при извѣстной постановкѣ дѣла, правда, можно было бы сдѣлать интересной даже и эту избитую тему, но г. Лейкинъ въ своемъ романѣ не даетъ намъ ничего такого, чего-бы мы не знали до этихъ поръ, кромѣ развѣ характера главнаго героя, оригинально совмѣщающаго въ себѣ черты Тита Титыча съ чертами Ромео. Отдѣльныя сценки и картинки ресторанныхъ нравовъ недурны, но какъ и всѣ вообще юмористическія произведенія г. Лейкина, много теряютъ отъ избытка шаржа и недостатка чувства мѣры.

Леоновъ Максимъ. Стихотворенія. Изданіе второе, дополненное. Москва. 1898 г. Ц. 75 к.

Авторъ стихотвореній—самоучка. Онъ началъ писать 10 лѣтъ тому назадъ подъ благословеніемъ своего перваго случайнаго учителя-сапожника. Теперь поэтъ выпустилъ уже пять сборниковъ своихъ произведеній. Главная черта его таланта—подражательность; онъ очень неудачно иногда копируетъ извѣстныхъ авторовъ. Большинство стихотвореній лирическаго характера; нѣкоторыя посвящены описанію природы; встрѣчаются и народные мотивы. Во многихъ строфахъ замѣтно небрежное отношеніе къ риемѣ и къ соблюденію количества слоговъ. Авторъ прежде, чѣмъ издавать свои произведенія отдѣльными книжками, печаталъ ихъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ подъ псевдонимомъ «Максимъ Горемыка». Изъ того, что г. Леоновъ выпустилъ уже пять сборниковъ, нужно заключить, что книги его быстро расходятся; въ общемъ-же успѣхъ этотъ непонятенъ; объяснить его можно только недостаточно развитымъ вкусомъ покупателей, читающихъ такого, не заслуживающаго серьезнаго вниманія автора.

Кальдеронъ. **Жизнь есть сонъ.** Комедія. Переводъ съ испанскаго Д. К. Петрова. Спб. 1898.

Переводъ г. Петрова можно привѣтствовать, какъ почтенный и талантливый трудъ, сдѣланный тщательно, внимательно, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей оригинала. Для своего перевода г. Петровъ выбралъ не пятистопный ямбъ, чаще всего употребляемый у насъ въ драмѣ, а четырехстопный, который, по справедливому замѣчанію переводчика, ближе подходитъ къ восьмисложному размѣру, которымъ написана громадная часть испанскаго подлинника. Появленіе комедіи Кальдерона въ переводѣ г. Петрова слѣдуетъ еще привѣтствовать и потому, что русская литература очень бѣдна переводами испанскихъ поэтовъ вообще и Кальдерона въ частности, а ознакомиться съ ними необходимо для всякаго образованнаго человѣка. Честь, любовь, ревность—вотъ настоящія пружины испанской комедіи. Столкновеніе самыхъ возвышенныхъ страстей образуетъ канву интриги. Честь—всегда идеальное начало, потому что она покоится на той возвышенной морали, которая освѣщаетъ поступки, не принимая во вниманіе ихъ послѣдствій. Только примѣшиваясь къ общественнымъ предразсудкамъ, честь измѣняетъ своему благородному источнику и становится орудіемъ тщеславія. Женщинѣ Кальдеронъ надѣляетъ чувствомъ чести, столь-же развитымъ, которое господствуетъ надъ любовью или идетъ съ нимъ рядомъ. Любить только безупречнаго мужчину, любить въ полной чистотѣ, не выносить никакого двусмысленнаго ухаживанія, никакого оскорбленія самому строгому достоинству,—вотъ въ чемъ, по мнѣнію поэта, заключается женская честь. Ревность не имѣетъ цѣлью въ правахъ, изображаемыхъ Кальдерономъ, обладаніе. Она касается самыхъ нѣжныхъ волненій сердца и почти неуловимыхъ признаковъ, обнаруживающихъ это волненіе. Иногда столкновенія различныхъ душевныхъ силъ не приводятъ къ результату и тогда развязка имѣетъ исключительно комическій характеръ; по временамъ катастрофа какъ будто принадлежитъ къ области трагедіи и тогда честь играетъ роль рока, враждебнаго тѣмъ, которые не въ состояніи покориться строгимъ законамъ, не уничтожая своего счастія или не становясь преступными. Такова въ своей сущности національная испанская драма, которую иностранцы называютъ комедіей интриги, а испанцы, вслѣдствіе костюма, въ которомъ актеры играютъ,—комедіей плаща и шпаги (comedia de capa y spada). Комическая честь въ большинствѣ случаевъ заключается лишь въ роли комическаго лакея, носящаго названіе грасіозо. Этотъ лакей пародируетъ поэтическія стороны пьесы, передразниваетъ экзальтированныя чувства героя. Онъ рѣдко дѣятельно участвуетъ въ образованіи узла интриги,—въ этомъ участвуетъ случай. Не вдаваясь въ эти теоретическія соображенія о сущности испанской комедіи, имѣющей свой рѣзко выдѣлившійся типъ, г. Петровъ въ обширномъ предисловіи дѣлаетъ характеристику Кальдерона, какъ драматурга, обнаруживая обстоятельное знакомство съ предметомъ, и

затѣмъ, въ концѣ предисловія, отвѣчаетъ на вопросъ, въ чемъ главная мысль въ комедіи, переведенной имъ. Жизнь есть сонъ, —вотъ что говоритъ намъ испанскій поэтъ; всѣ, кто живетъ въ этомъ мірѣ, спятъ и грезятъ, хотя никто этого не замѣчаетъ. Разнообразіе явленій, ихъ возникновеніе и исчезновеніе, а главное, невозможность объяснить ихъ цѣль и дѣлаемое отсюда заключеніе, что они безумны, что жизнь есть безуміе (френезія, какъ говоритъ Кальдеронъ) и иллюзія—вотъ соображенія, которыя легко приводятъ на мысль, что и дѣйствительно жизнь есть сонъ. Но эти vanitas vanitatum—лишь одна сторона жизни, по опредѣленію Кальдерона. Обращая на нее исключительное вниманіе, мы находимся въ сферѣ аскетическаго мышленія. Но аскетизмъ не исчерпываетъ всего содержанія христіанскаго ученія. Не въ лучшемъ положеніи находится и эпикуреецъ, полагающій весь смыслъ жизни въ наслажденіи минутой: у него есть свой бичъ, который бьетъ весьма чувствительно—это страхъ смерти, мысль, что въ одно мгновеніе все разлетится прахомъ. И такъ, не эпикуреизмъ и не аскетизмъ. Нельзя презирать наслажденія жизнью, которыя не понимаются, конечно, въ грубомъ матеріальномъ смыслѣ; нельзя не видѣть также ихъ суеты и тщеты; слѣдовательно, нужно наслаждаться, но помнить о вѣчности, освящать самыя наслажденія жизнью и самую жизнь какой-нибудь высшей и вѣчной идеей. Эту мысль Кальдеронъ въ своей комедіи выдвигаетъ на первый планъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Многія мѣста комедіи г. Петровъ комментируетъ въ примѣчаніяхъ, иногда весьма цѣнныхъ. Жаль только, что онъ, указывая на многихъ поэтовъ и писателей, которые, подобно Кальдерону, иногда смотрѣли на жизнь, какъ на сонъ,—забылъ упомянуть о Шекспирѣ, который въ своей «Бурѣ» очень близко подходитъ къ Кальдерону, когда говоритъ: «Мы изъ того-же вещества, изъ котораго образуются сны, и маленькая жизнь наша окружена снами». Близкихъ къ этому или аналогическихъ афоризмовъ у англійскаго поэта можно было-бы найти много и сближеніе ихъ съ основной темой Кальдерона могло-бы привести къ интереснымъ заключеніямъ о міросозерцаніи испанскаго и англійскаго поэтовъ, столь различныхъ по своему поэтическому темпераменту.

Викторъ Гюго. **Гернани.** Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ (въ стихахъ). Пер. С. С. Татищева. Изданіе А. С. Суворина «Дешевая Библіотека». Ц. 15 к.

Передъ нами «Hernani» Гюго въ переводѣ г. Татищева «бѣлыми» стихами. Звучная рифма Гюго незамѣнима никакой. Однако, желательно было-бы, чтобы переводъ сохранялъ по возможности характеръ подлинника. Въ поэзіи однимъ изъ главныхъ требованій въ этомъ отношеніи является тождество стихотворнаго размѣра: у г. Татищева размѣръ стиха «Эрнани» игнорируется вполнѣ. Во всякомъ случаѣ, если въ переводахъ существуютъ различныя градаціи приближенія къ подлиннику, то работа г. Татищева занимаетъ здѣсь ступень невысокую. Однако, есть и положительныя стороны, говорящія въ пользу нея; вы найдете въ его переводѣ много красивыхъ строфъ, сильныхъ своей выразительностью и сходствомъ съ риторическимъ характеромъ нѣсколько напыщенныхъ монологовъ «Кастильской чести»:

Великій Карлъ, прости меня! Подъ этимъ
Священнымъ сводомъ вѣщія лишь рѣчи
Должны-бы раздаваться, прахъ твой не
тревожа.
Здѣсь онъ покоится. Скажи, гробница,
Какъ можешь исполина ты вмѣщать?
(IV акт., II явл.).

Хотя дальше и пропущены двѣ величественныя строки (Et tu bien là, géant d'un monde créateur. Et t'y peux-tu coucher de toute la hauteur)—все-же тутъ вы дѣйствительно слышите честолюбиваго Донъ-Карлоса передъ великой, подавляющей его тѣнью титана. Переводчикъ даже на размѣръ не посягнулъ здѣсь.

Встрѣчаются нѣкоторыя измѣненія, сдѣланныя неизвѣстно съ какой цѣлью; такъ, во второмъ дѣйствіи Донъ Карлосъ является въ сопровожденіи трехъ приближенныхъ («trois hommes de ma suite» — слова Донъ-Карлоса), г. Татищевъ выводитъ на сцену (по ремаркѣ) дѣйствительно троихъ, но къ чему-то заставляетъ Донъ-Карлоса считать ихъ за двоихъ («и два моихъ товарища на помощь...») и подчеркиваетъ это репликой Эрнани, который вмѣсто: «Vous en oubliez un», восклицаетъ: «Вы третьяго не ждали!» Въ переводѣ масса такихъ мѣстъ, гдѣ не уловлены оттѣнки смысла, выразительность. Напр., слова Донъ-Карлоса Доньѣ-Соль: «Eh! quelle voix veux-tu qui soit plus amoureuse!»—передаются: «Не бойся, голосъ мой любовію звучитъ къ тебѣ и страстью» или отвѣтъ Доньи-Соль Донъ-Карлосу: «Trop pour la concubine, trop peu pour l'épouse»—наложницей быть вашей не хочу, и не могу я вашей стать женой». Но это далеко не единственные въ своемъ родѣ «компромиссы» перевода.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Александренко В. Н., проф. **Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ.** Т. I. Варшава. 1897 г.

Книга проф. Александренко содержитъ въ себѣ исторію дипломатической службы нашихъ агентовъ въ Лондонѣ, а также касается вопроса о подчиненности имъ различныхъ лицъ и учрежденій, напр., канцеляріи миссіи и посольской церкви. За-

ключительныя главы разсматриваютъ національные органы международныхъ сношеній. Авторъ прежде всего останавливается на эпохѣ Петра Великаго и ея значеніи въ развитіи дипломатическаго представительства. Причиною, почему наши дипломатическія сношенія съ Англіей въ царствованіе Петра прекратились, по мнѣнію автора, слѣдуетъ признать обособленность національныхъ англійскихъ интересовъ. Съ этимъ нельзя не согласиться, потому что внѣшняя политика Англіи всегда сводилась только къ преслѣдованію ея личныхъ интересовъ, которые, въ виду ея исключительнаго географическаго положенія, никогда не совпадали съ интересами другихъ континентальныхъ державъ. Однако, въ царствованіе Екатерины II, англійскій кабинетъ понялъ, что относиться индиферентно къ Россіи нельзя, такъ какъ своимъ вмѣшательствомъ эта послѣдняя держава можетъ причинить ей много хлопотъ. Въ виду этого, Англія начинаетъ заботиться о заключеніи съ Россіей союза, но Екатерина II не вѣрила въ англійскую дружбу, а соглашалась только на союзъ оборонительный, и нашему дипломату Ивану Матвѣевичу Симолину было приказано «держаться (съ Англіей) однихъ неопредѣлительныхъ генеральностей», но не подъ какимъ видомъ не входить въ обсужденіе союза съ Англіей. Наши отношенія къ Англіи постепенно обострялись, и наконецъ, при императорѣ Павлѣ I, въ 1800 г., англійскому послу Витворту было предложено выѣхать изъ Россіи для того, чтобы «избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій, какія могутъ произойти отъ дальнѣйшаго пребыванія лживыхъ министровъ»; только смерть Павла предотвратила необходимость войны съ Англіей. При восшествіи на престолъ императора Александра I, эмбарго съ англійскихъ судовъ было снято и объявлено, что назначеніемъ новаго посла лорда Сентъ-Геленса русское правительство довольно. Разсматривая дипломатическую службу, проф. Александренко прежде всего останавливается на обзорѣ источниковъ активнаго посольскаго права, затѣмъ указываетъ на главнѣйшія направленія, существующія въ литературѣ по этому вопросу и, наконецъ, упоминаетъ о методѣ его изслѣдователей.

Весь этотъ отдѣлъ о дипломатической службѣ представляетъ большой интересъ не только для спеціалиста, но и для обыкновеннаго читателя, вообще интересующагося отечественной исторіей. Къ сожалѣнію, мы не можемъ остановиться даже бѣгло на обзорѣ этихъ главъ, потому что всѣ онѣ такъ тѣсно связаны между собою, что говорить объ одной и умолчать о другой безъ вреда для пониманія цѣлаго невозможно. Особенный-же интересъ представляетъ гл. XIV этого отдѣла, трактующая о культурно-политическомъ вліяніи Англіи на русскихъ дипломатическихъ агентовъ. Что касается положительныхъ выводовъ автора, то съ ними нельзя не согласиться, во-первыхъ, потому, что проф. работалъ по первоисточникамъ, а во-вторыхъ потому, что онъ отнесся вполнѣ объективно къ разсматриваемымъ матеріаламъ. Въ заключеніе не можемъ не высказать нашего пожеланія, чтобы почтенный ученый продолжалъ свои изысканія именно въ этомъ направленіи.

Проф. Э. Ю. Петри. **Антропологія.** Т. 2-й. 1895—1897.

Появившійся недавно второй томъ широко задуманной книги проф. Петри посвященъ «Соматической антропологіи». Авторъ поставилъ себѣ задачей изложеніе фактовъ, а также выводовъ и общихъ положеній современной науки о человѣкѣ. Въ настоящемъ ея видѣ эта наука возникла лишь нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Очевидно, что все сдѣланное до сихъ поръ въ этой области могло имѣть лишь значеніе подготовительныхъ работъ, которыя не даютъ еще права на окончательные выводы. Это сознаніе положено авторомъ въ основу разбираемой книги; что-же касается общей характеристики и содержанія послѣдней, то они лучше всего опредѣляются въ самомъ Введеніи: «человѣческій организмъ находится прежде всего подъ вліяніемъ соціально-географическихъ условій; но нельзя изучать соматику человѣка, не считаясь съ отраженіемъ духовной жизни его на внѣшнемъ обликѣ. Поэтому мы въ очеркахъ по Соматической Антропологіи отвели должное мѣсто не только анатомо-физіологическимъ, но и соціально-географическимъ и психопатологическимъ явленіямъ».

Первыя главы книги посвящены изложенію задачъ антропологіи и историческому развитію пониманія этихъ задачъ; далѣе авторъ знакомитъ читателя съ подборомъ антропологическаго матерьяла и съ составленіемъ антропологическихъ коллекцій. Методы антропометріи, а также инструменты описаны довольно подробно, при чемъ описаніе имѣетъ характеръ слишкомъ догматическій, такъ что читатель, незнакомый съ этимъ предметомъ, остается при убѣжденіи, что антропологическіе методы представляютъ собою нѣчто законченное и общепринятое. Между тѣмъ, въ послѣднее время все болѣе настойчиво и въ разныхъ мѣстахъ высказывается сознаніе недостаточности и неточности тѣхъ данныхъ и способовъ изслѣдованія, на которыхъ основаны наши свѣдѣнія о человѣкѣ.

Въ главѣ объ «Атавизмѣ» проф. Петри собралъ массу матерьяла по весьма важному и далеко еще не изученному вопросу о прошломъ физическаго развитія человѣка. Въ тѣснѣйшей связи съ ученіемъ объ эволюціи и совершенствованіи видовъ атави-

стическіе признаки играютъ роль молчаливыхъ и еще не разгаданныхъ свидѣтелей прошлаго. Нельзя не отмѣтить, что важность вопроса объ атавизмѣ требовала недостающаго въ книгѣ теоретическаго обоснованія приводимыхъ авторомъ данныхъ.

Въ главѣ о «Вырожденіи» изложено все, что извѣстно теперь о недостаточномъ развитіи, о нарушеніи нормы, уже разъ достигнутой человѣкомъ, о тѣхъ количественныхъ и качественныхъ недостаткахъ физическаго развитія, которые дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ правильной умственной и моральной дѣятельности. Сюда относится и вопросъ о «преступномъ типѣ», которому проф. Петри посвящаетъ не мало страницъ въ своей книгѣ. Излагая подробно ученіе о наслѣдственности, проф. Петри останавливается слишкомъ подробно на такихъ гипотетическихъ ученіяхъ, какъ ученіе Вейсмана, и не приводитъ работъ Негели, де-Вріеза, а изъ медицинскихъ—любопытныхъ изслѣдованій о наслѣдственности инфекціонныхъ болѣзней. Заключительная глава книги излагаетъ «нормы развитія» человѣка. Подобно цѣлому организму, и отдѣльные органы и ткани стремятся въ теченіи періода роста достигнуть опредѣленнаго предѣла, и нормальное развитіе заключается именно въ томъ, что организмъ и его части не останавливаются ни на этомъ предѣлѣ, ни переходятъ за него. Разумѣется, что эти предѣлы не одинаковы для различныхъ расъ, половъ, возрастовъ и условій жизни. На всѣхъ этихъ вопросахъ проф. Петри останавливается въ своемъ изложеніи.

Въ общемъ книга проф. Петри весьма разнообразна и богата содержаніемъ; обширныя указанія на литературу весьма цѣнны для любознательнаго читателя. Въ западно-европейской литературѣ существуютъ только двѣ-три попытки изложенія антропологіи во всемъ ея объемѣ, таковы книги Топинара и Ранке. Книга проф. Петри есть послѣдняя и новѣйшая работа въ этой области.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки *Жюля Пейо*. Переводъ съ французскаго М. А. Энгельгардта. Изд. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Настоящій трудъ Жюля Пейо по своему содержанію представляетъ изъ себя непосредственное продолженіе его предшествующаго, очень популярнаго у насъ «Воспитанія воли»—дисциплинируемая воля должна находить себѣ поддержку въ твердыхъ нравственныхъ вѣрованіяхъ, которыя, какъ ее самое, можно и должно воспитывать. Подробно анализируя объекты, природу и механизмъ вѣрованія, авторъ беретъ это понятіе въ самомъ широкомъ смыслѣ, подводя подъ него и то, что въ обыденной жизни имѣетъ значеніе достовѣрности. Достовѣрность для него не есть нѣчто противоположное вѣрованію; такъ какъ міръ вещей въ себѣ скрытъ отъ насъ, то въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло только съ состояніями нашего сознанія, съ единственною разницею, что въ первомъ они являются болѣе простыми и ясными, чѣмъ во второмъ.

По своей природѣ вѣрованіе не отличается отъ воли; заключеніе о ихъ тождественной основѣ подтверждается параллелизмомъ ихъ развитія. Какъ и воля, вѣрованіе вначалѣ является порывистой силой, стремящейся распространиться по всѣмъ направленіямъ. У дѣтей и у дикарей оно по быстротѣ распространенія вполнѣ аналогично съ рефлективнымъ дѣйствіемъ. И воля и вѣрованіе возникаютъ независимо отъ опыта — наоборотъ, они объясняютъ его; но натыкаясь въ своемъ развитіи на всевозможныя препятствія, они въ концѣ-концовъ подчиняются опыту и, согласно его указаніямъ, оставляютъ извѣстные пути и направляются по другимъ. Нашъ разсудокъ, явленіе вторичное по времени и характеру своего возникновенія, мало по-малу беретъ верхъ надъ явленіями первичными—волей и вѣрованіями, и регулируетъ ихъ теченіе. Обнимая весь ходъ нашего существованія, онъ можетъ подчинить настоящее соображеніямъ далекаго будущаго. На этомъ основывается наша власть надъ вѣрованіями. Зная законы нашей природы и примѣняя соотвѣтственныя мѣры, мы можемъ развить въ себѣ и тѣмъ болѣе въ дѣтяхъ прочныя нравственныя вѣрованія и на мѣсто отживающихъ религій прошлаго водворить новую, законами которой будутъ освобожденіе отъ грубыхъ побужденій животной природы, уваженіе къ чужой личности, сознаніе нашей общественной солидарности, наконецъ, слѣдованіе указаніямъ высшей воли, которая все яснѣе и яснѣе открывается тому, кто подчиняется ей.

Какъ мы видимъ, психологическую теорію воли Пейо дополняетъ метафизической. Отправляясь отъ нашей сознательной воли, которую онъ считаетъ единственно извѣстной намъ реальностью, онъ заключаетъ о существованіи соотвѣтствующей ей реальности внѣ насъ и видитъ во вселенной темную волю, которая стремится къ сознанію и достигаетъ его въ человѣчествѣ и посредствомъ человѣчества.

Помимо чисто теоретическаго интереса, представляемаго изслѣдованіемъ Пейо, оно имѣетъ и практически-педагогическое значеніе, какъ попытка разрѣшенія одного изъ самыхъ темныхъ и спорныхъ вопросовъ педагогики. Какъ-бы мы сами ни относились къ вѣрованіямъ, мы не можемъ не считаться съ ними, воспитывая другихъ; такъ или иначе, мы должны принять какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе, и трудъ Пейо—безусловно цѣнное пособіе для выясненія дѣла. Вмѣстѣ съ его авторомъ, мы не можемъ не признать, что современное воспитаніе излишне сосредоточивается на

одностороннемъ упражненіи памяти, совершенно игнорируя другія стороны человѣческой природы, что пора, наконецъ, увѣнчать нашу систему обученія разумнымъ воспитаніемъ всѣхъ способностей и силъ, скрывающихся въ человѣкѣ. Къ сожалѣнію, книга написана тяжелымъ языкомъ и переводчикъ невсегда приходитъ на помощь автору. Во всякомъ случаѣ, время, потраченное на преодолѣніе этихъ трудностей, не может считаться потеряннымъ.

Деревня нашего времени. Очерки. *Сергѣя Роміаса*. Москва. 1897 г. Ц. 1 р.

Настоящее положеніе нашей деревни является однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ современности и всякая литературная лепта, прибавляющая хоть что-нибудь къ нашимъ знаніямъ о немъ, безспорно должна быть признана полезной. Попытку въ этомъ родѣ представляетъ изъ себя книга г. Роміаса, но, къ сожалѣнію, попытку очень неудачную. Изъ всѣхъ особенностей современной деревни онъ останавливается преимущественно на двухъ—распаденіи семьи и сопутствующей ему распущенности нравовъ, но зато останавливается такъ подробно, что даже самому терпѣливому, читателю становится скучно. То, что свободно умѣстилось-бы въ одномъ небольшомъ очеркѣ, г. Роміасъ разводитъ на 2890 страницахъ, входя въ ненужныя подробности семейныхъ отношеній, по нѣскольку разъ возвращаясь къ одному и тому-же. Растянутость сюжета еще болѣе выступаетъ на видъ, благодаря крайне тяжелому языку, который нельзя назвать не только литературнымъ, но и просто культурнымъ, ни даже грамматически правильнымъ. Для образчика приведемъ первую попавшуюся на глаза выдержку: «При своемъ наружномъ здоровьѣ, бодрости, какъ будто (?) уравновѣшенности, развинченный нервно и уже вырождавшійся, и вслѣдствіе (?) частаго пьянства, и вслѣдствіе (?) атавическихъ свойствъ (?) и вслѣдствіе порока своего, что также изводилъ ему силы и умъ, Иванъ, съ натурой жесткой и лишь съ зародышами душевности и любовности, не лишенный, впрочемъ, нѣкотораго съ природой созвучія, въ томъ, напримѣръ, выражавшагося, что онъ любилъ остаться на полосѣ совершенно одинъ, съ необъятнымъ куполомъ надъ головою, либо въ лѣсу, тоже одиноко, слушать пѣніе птицъ и нѣкоторой внутренней (?) созерцательности, хотя и въ уродливой формѣ у него выражавшейся—съ серьезнымъ чувствомъ, кромѣ матери своей, относился еще къ одной только женщинѣ, къ сестрѣ своей Пашѣ, не отъ того ли быть можетъ...» Періодъ продолжается въ этомъ духѣ еще на восемнадцати печатныхъ строкахъ! Читатель извинитъ намъ эту длинную выписку: она избавляетъ насъ отъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.

III. ПЕДАГОГИКА И ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Воспитаніе и образованіе. *Алексѣя Николаевича Острогорскаго*. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Цѣль этой небольшой брошюры выяснить отношеніе образованія къ воспитанію; вопросъ этотъ неоднократно трактовался въ нашей педагогической и непедагогической литературѣ, но до сихъ поръ еще не успѣлъ заявить о себѣ въ жизни сколько-нибудь существенными результатами. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ цѣлями воспитательнаго воздѣйствія задаются лишь отдѣльныя единицы; ихъ общее направленіе почти исключительно образовательное; они ограничиваются обученіемъ. Въ виду этого брошюра г. Острогорскаго имѣетъ несомнѣнное значеніе и интересъ. Указавъ на крайнюю неопредѣленность самыхъ терминовъ воспитаніе и образованіе, авторъ знакомитъ читателя со взглядами на интересующій его вопросъ нашихъ извѣстныхъ педагоговъ, ученыхъ и литераторовъ. При всемъ ихъ разнообразіи, общій выводъ у всѣхъ почти тождественъ. Онъ состоитъ въ томъ, что образованіе можетъ быть поставлено такъ, что окажетъ на воспитаніе весьма существенное вліяніе. Опредѣляя воспитаніе, какъ воздѣйствующую дѣятельность одного лица на другое—дѣятельность, имѣющую въ виду убѣжденія и характеръ человѣка, авторъ сводитъ роль воспитателя къ содѣйствію въ работѣ самовоспитанія. Въ мучительномъ процессѣ роста убѣжденій средствами такого содѣйствія являются наука, литература и жизнь. Научныя знанія не рождаютъ мотивовъ къ дѣйствію, но образованіе, обогащая насъ знаніями о вещахъ, въ средѣ которыхъ проявляются наши этическіе запросы, снабжаетъ насъ лучшими средствами для рѣшенія нравственныхъ вопросовъ; поэтому образованіе воспитываетъ *посредственно*. Сообщая образованіе, школа не можетъ уйти отъ *посредственнаго* воспитательнаго вліянія на своихъ питомцевъ—болѣе того, она не можетъ уйти и отъ прямого. Прямое воспитывающее вліяніе принадлежитъ жизни, ея урокамъ и внушеніямъ, ея впечатлѣніямъ и требованіямъ, а въ школѣ дѣти проводятъ продолжительный періодъ жизни, когда они формируются и опредѣляютъ свои жизненныя дороги. Поэтому школа отвѣтственна за ту жизнь, которая складывается въ ея стѣнахъ. Она должна придти на помощь семьѣ въ дѣлѣ воспитанія и, развиваясь и улучшаясь въ другихъ отношеніяхъ, раздвигать при этомъ индивидуализацію воспитанія, поощряя въ одномъ то, что приходится сдерживать въ другомъ. Книга г. Острогорскаго, написанная очень популярно, безусловно заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

Коммиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній.

Программа домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса. Москва. 1897 г. Ц. 50 к.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ-пяти лѣтъ коммиссія по организаціи домашнихъ чтеній издаетъ свои «Программы домашняго чтенія»; теперь вышла программа на третій годъ систематическаго курса. Трудясь надъ составленіемъ программы, коммиссія имѣетъ въ виду: 1) лицъ, вовсе не имѣвшихъ возможности пріобрѣсти правильнаго средняго образованія, во болѣе или менѣе привыкшихъ читать серьезныя книги популярно-научнаго содержанія: 2) лицъ, окончившимъ среднюю школу, но не получившихъ высшаго образованія и 3) лицъ, окончившихъ высшую школу, которыя пожелали-бы освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ» и сообразно съ этимъ дѣлаетъ свои указанія. Контингентъ лицъ первой и второй категоріи, по различнымъ обстоятельствамъ, такъ великъ у насъ, что для нихъ труды коммиссіи чистый кладъ; здѣсь люди науки, профессора и ученые, развертываютъ передъ ними всю цѣнную литературу по каждому вопросу своей спеціальности, и это не сухіе библіографическіе перечни, а внимательные совѣты, указанія и объясненія. Входя въ положеніе человѣка, оторваннаго отъ круга людей образованныхъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, члены коммиссіи предлагаютъ имъ свое руководительство и общеніе: къ каждому отдѣлу послѣ приведенія литературы прибавлены соотвѣтствующіе повѣрочные вопросы; за ничтожную плату коммиссія предлагаетъ отвѣты на другія недоразумѣнія, которыя могутъ встрѣтиться у лица, занявшагося самообразованіемъ.

Въ прилагаемомъ листѣ объявленій, въ концѣ этого номера нашего журнала, мы напечатали подробное содержаніе «Программъ домашняго чтенія на третій годъ».

Изданія Посредника. **«Колдунья».** Разсказъ *Элизы Оржешко.* Переводъ съ польскаго. Ц. 3 коп. «Воспоминанія часового мастера». По Эркману-Шатріану. Изложила В. Лукьянская. Ц. 3 коп. «Дитя и мать». Сборникъ разсказовъ. Ц. 1½ коп. «Нелло и Патрашъ». Цѣна 1½ коп. Москва 1897 г., Настоящія изданія Посредника, какъ и прежнія, отличаются содержательностью и вполнѣ доступны простому читателю, котораго имѣютъ въ виду. Талантливый разсказъ Эл. Оржешко—очень цѣнный вкладъ въ нашу народную литературу, одною изъ главныхъ задачъ которой несомнѣнно является борьба съ предразсудками, господствующими въ народной массѣ. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ года четыре, пять тому назадъ выходили съ кольями на холеру и не дальше какъ въ прошломъ году самымъ настоящимъ образомъ сожгли одну «вѣдьму», Колдунья Оржешко прочтется съ большою пользою и интересомъ. То-же можно сказать и о «Воспоминаніяхъ часового мастера», относящихся ко времени великихъ наполеоновскихъ войнъ. Вопреки большинству военныхъ разсказовъ, распространенныхъ въ народѣ, «Воспоминанія» минуютъ героевъ и сосредоточиваются главнымъ образомъ на сѣренькихъ людяхъ толпы, непричастныхъ великимъ замысламъ полководцевъ и по странной ироніи судьбы несущихъ на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія ихъ ошибокъ. Подчеркивая темныя стороны войны, книга можетъ содѣйствовать выработкѣ правильнаго взгляда на взаимныя отношенія народовъ и въ этомъ смыслѣ безусловно полезна. Изложеніе въ общемъ недурно, хотя нѣсколько вяло и тягуче. Сборникъ «Дитя и мать» на нашъ взглядъ наименѣе удачное изъ разсматриваемыхъ нами изданій. Половину его занимаетъ разсказъ г. Горбунова-Посадова «Одна», представляющій изъ себя плачъ матери надъ могилой дочери, умершей отъ голодной горячки. Довольно художественный самъ по себѣ, онъ утомляетъ даже интеллигентнаго читателя своею излишнею растянутостью; читателю не интеллигентному, болѣе скупому на изліянія чувствъ и менѣе свѣдущему въ красотахъ языка, онъ врядъ ли покажется интереснымъ. Второй разсказъ «Мачиха» Лукьянской блѣденъ по формѣ и по содержанію, зато третій—«На привалѣ» Уйда (переводъ съ англійскаго) до извѣстной степени искупаетъ недостатки сборника своею яркостью и захватывающимъ драматизмомъ сюжета.

Разсказъ «Нелло и Патрашъ», принадлежащій перу той же англійской писательницы, подходитъ болѣе для дѣтей и по своимъ достоинствамъ значительно ниже помѣщеннаго въ сборникѣ. Это—исторія даровитаго мальчика, брошеннаго на произволъ судьбы и въ концѣ-концовъ умирающаго отъ голода и холода вмѣстѣ со своимъ единственнымъ другомъ—собакою Патрашемъ. Разсказъ написанъ интересно, но, къ сожалѣнію, слишкомъ напыщенно и сентиментально.

ПИСЬМО ИЗЪ МАДРИДА.

Вы просили меня написать изъ Испаніи — исполняю вашу просьбу но неохотно. Почему? Вы сейчасъ узнаете.

Въ Испаніи перебывало много великихъ туристовъ, были и наши соотечественники. Были не долго, но писали цѣлые фоліанты. Имъ везло они вели длинныя бесѣды, не зная языка, блистали остроуміемъ, которымъ прежде не отличались, приводили цѣлые діалоги, обнаруживали глубокое знаніе исторіи, этнографіи, географіи и литературы—все, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Я не буду доискиваться тайны этихъ чудесъ. Съ грустью могу лишь замѣтить, что всѣ указанные успѣхи моихъ соотечественниковъ для меня недоступны, хотя я давно занимаюсь испанской литературой и языкомъ, кое-что писалъ объ Испаніи и отъ души желалъ бы себѣ удачи моихъ предшественниковъ. Но что дѣлать! Приходится мириться съ судьбой. Отложивъ политическіе вопросы въ сторону, я сообщу вамъ свои нѣкоторыя бѣглыя наблюденія.

1) Пресса. Высшія учебныя заведенія.

Я могу сообщить вамъ лишь немногое о прессѣ столичной и провинціальной.

Ни въ одной странѣ индивидуумъ не пользуется такой безграничной свободой, какъ въ Испаніи, и, прибавлю, нигдѣ такая свобода не была-бы возможна. Правительство въ сущности слабо. Оно не имѣетъ ни права, ни силы оказывать давленіе на отдѣльныя личности и кружки. Испанецъ дѣлаетъ что хочетъ, говоритъ что хочетъ, устраиваетъ митинги, засѣданія, никого не спрашивая. Вздумается ему устроить торжественный пріемъ какому либо Вейлеру—и пріемъ готовъ. Вздумается ему кричать ура! авантюристу Донъ-Карлосу—и онъ кричитъ. И тѣмъ не менѣе, если не считать анархистовъ, имѣющихъ международрый характеръ,—ни династіи, ни странѣ не грозитъ опасность отъ внутреннихъ междуусобицъ, и все обстояло-бы удовлетворительно, если-бы не несчастная ку-

банская война. Отъ чрезмѣрнаго злоупотребленія личной свободой спасаетъ Испанію національный характеръ ея жителей. Два слова объ этомъ.

Испанія представляетъ единственное въ мірѣ этнографическое единство. Пришлые элементы составляютъ ничтожнѣйшій процентъ. Небольшая по объему фабричная производительность Испаніи имѣетъ то существенное преимущество передъ нашей и всѣми другими, что поглощаетъ испанскіе капиталы, а не питаетъ нѣмецкіе и французскіе, какъ наша. Всякіе «вопросы», вродѣ «польскаго» или «еврейскаго», здѣсь отсутствуютъ. Въ Испаніи немыслимы такія квалификаціи, какъ «это—коренной нѣмецъ», «коренной русскій» (тутъ критеріи крайне сбивчивы!) Въ Испаніи немыслимъ модный у насъ абсурдъ, осложняющій нашу внутреннюю политику, постояннаго смѣшенія вѣроисповѣданія и національности и эксплоатаціи патріотизма въ пользу одной группы. У насъ многіе и даже очень просвѣщенные люди твердо убѣждены, что лютеранинъ значитъ нѣмецъ, а католикъ—полякъ. Все это для испанца такіе вопросы, о существованіи которыхъ онъ не въ состояніи и думать. Единство племени, расы чувствуется всѣми испанцами, несмотря на различія провинцій.

Испанскій простолюдинъ—въ высшей степени симпатиченъ. Я очень радъ, что мои бѣглыя наблюденія сошлись въ этомъ пунктѣ съ наблюденіями другихъ лицъ, между прочимъ одного очень просвѣщеннаго соотечественника, нѣсколько лѣтъ, по долгу службы, проживающаго въ Мадридѣ. Именно намъ обоимъ казалось, что между испанскимъ простолюдиномъ и нашимъ крестьяниномъ существуетъ полная аналогія. И здѣсь и тамъ вы видите необыкновенное трудолюбіе, нетребовательность, безграничное терпѣніе, преклоненіе передъ авторитетомъ, религіозность безъ нетерпимости и неистощимыя добродушіе и снисходительность. Надъ этимъ въ высшей степени благодарнымъ матеріаломъ, къ сожалѣнію, въ Испаніи стоятъ сословія деморализованныя, взяточники-чиновники и фанатичное духовенство. Эксплоатація, которой подвергается испанскій простолюдинъ, прямо чудовищная; и, кромѣ этой эксплоатаціи, онъ три года выдерживаетъ страшную войну на Кубѣ, въ послѣднее время на Филиппинскихъ островахъ! Какой неистощимый источникъ производительныхъ силъ!

Но я уклонился отъ главной темы. Мнѣ предстоитъ сказать два слова о прессѣ.

Газетъ въ Испаніи очень много, Иныя выходятъ по два раза въ день. Каждая политическая группа имѣетъ свои органы. Кромѣ того, существуютъ и провинціальныя изданія. Въ общемъ испанскія газеты редактируются не хуже французскихъ. Отдѣлъ внутренней политики очень хорошо обставленъ и газеты имѣютъ корреспондентовъ во всѣхъ главныхъ городахъ полуострова. Реклама и утка не играютъ, повидимому, здѣсь такой роли, какъ въ нѣмецкихъ и французскихъ изданіяхъ. Къ особенностямъ ежедневной испанской прессы слѣдуетъ отнести и то, что

она занимается болѣе своими, чѣмъ чужими дѣлами, не посвящаетъ передовицъ всѣмъ государствамъ, до Абиссиніи включительно, а блюдетъ свои интересы.

Кромѣ ежедневныхъ, существуетъ, конечно, и еженедѣльники, и журналы. Тутъ, конечно, большое разнообразіе, и я не рѣшаюсь выводить общихъ заключеній; скажу только, что впечатлѣніе отъ всего этого получается удовлетворительное. Юмористическія изданія не культивируютъ исключительно «клубничку», а находятъ и другія темы, менѣе скабрезныя и односторонння.

Я не предполагаю говорить о всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Мадрида, съ которыми и не знакомъ, а позволю себѣ побесѣдовать о университетѣ и Атенеѣ.

Мадридскій университетъ, какъ и другіе университеты Испаніи, представляетъ своеобразное учрежденіе, напоминающее наши университеты времени Александра I. Это именно *universitat*—совокупность цѣлаго ряда учебныхъ заведеній съ органами чрезвычайно разнообразными. Собственно университетъ, въ нашемъ смыслѣ, составляетъ три факультета: *юридическій*, *точныхъ наукъ* и *философско-литературный*. Каѳедры болѣе или менѣе соотвѣтствующія нашимъ, заняты профессорами (catedrafico), избираемыми по конкурсу. Доступъ въ университетъ, конечно, открытъ всѣмъ. Медицинскій факультетъ, вполнѣ основательно, выдѣленъ какъ особая школа.

Продолжительность курса зависитъ отъ тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ студентъ. Для лицентіата существуетъ одинъ срокъ, для доктора другой. И то, и другое не даетъ никакихъ служебныхъ правъ и преимуществъ, хотя, конечно, принимается во вниманіе. Съ организаціей студентовъ я не знакомъ. Сколько мнѣ извѣстно, корпораціи въ нѣмецкомъ смыслѣ здѣсь нѣтъ; студенчество распадается на политическія и земляческія группы.

Коллегія профессоровъ организована на подобіе нѣмецкихъ: ректоръ, деканъ и секретари выбираются коллегіей. Гонорара здѣсь не существуетъ. Всѣ профессора получаютъ одинаковое жалованье, а проживающіе въ Мадридѣ получаютъ прибавку въ 1000 франковъ. Профессорское жалованье не велико и не превышаетъ получаемаго нашими профессорами, но, къ сожалѣнію, въ этомъ нѣтъ полной аналогіи: во 1-хъ жизнь въ Испаніи à la longue не дорога (квартиры въ Мадридѣ на 50, 70 процентовъ дешевле петербургскихъ, харьковскихъ, одесскихъ,—а о провинціи и говорить нечего), во 2-хъ, профессора получаютъ послѣ пятилѣтія небольшую прибавку жалованья. Кромѣ того, между ними нѣтъ патриціевъ и плебеевъ, какъ у насъ и въ Германіи, благодаря злополучному гонорару. Наконецъ, они читаютъ 2—3 лекціи въ недѣлю, а не 6, какъ наши! Профессора въ отставкѣ получаютъ очень небольшую пенсію,—наши въ этомъ отношеніи куда счастливѣе, но испанскіе catedrafi'cos умудряются... никогда не выходить въ отставку.

Другое учрежденіе, на которое я обращаю ваше вниманіе,—«Ateneo, scientifico, literario, artistico». Это—общество, членами котораго состоятъ ученые, литераторы и художники. Число членовъ очень велико. Учрежденіе обладаетъ большими средствами и его организація въ высшей степени замѣчательна.

Общество состоитъ изъ постоянныхъ и временныхъ членовъ (избираемыхъ по рекомендаціи одного изъ первой категоріи), вносящихъ: первые одновременно 100 фр. и 10 фр. ежемѣсячно, вторые по 15 фр. ежемѣсячно. Благодаря этимъ взносамъ и пожертвованіямъ, «Ateneo» обладаетъ въ настоящее время прекраснымъ зданіемъ, образцовой библіотекой, большими и прекрасными кабинетами для чтенія, выписываетъ массу періодическихъ изданій на всѣхъ языкахъ, имѣетъ своихъ библіотекарей, секретаря, кассира и цѣлый штатъ прислуги. Въ «Ateneo» въ вечерніе часы происходятъ чтенія лекцій по всѣмъ спеціальностямъ. Лектора и профессора университета, и извѣстные литераторы и ученые, вродѣ Эчегарайя, читающаго высшую математику, проф. Пелипо—испанскую литературу. На лекціи могутъ подписываться и лица обоего пола, не члены «Ateneo». Такимъ образомъ эти лекціи являются вольнымъ университетомъ своего рода. Чтенія происходятъ въ роскошно обставленной и изящно отдѣланной аудиторіи. Программы лекцій не печатаются въ газетахъ Атенея, а текстъ ихъ издается отдѣльными выпусками. Отношеніе лектора къ публикѣ сознательное и опредѣленное, пріятно поразившее меня.

Я воображалъ, что испанцы, по организаціи ораторы и, пожалуй, въ извѣстной степени, болтуны, будутъ требовать отъ своихъ лекторовъ цвѣтовъ риторики, краснорѣчія и обладающимъ такими свойствами будутъ отдавать предпочтеніе. Ничуть не бывало. Аплодисменты выпадали на долю не присяжныхъ ораторовъ, умѣющихъ, подобно нашимъ лекторамъ, искупать бѣдность содержанія пышными заключеніями (не понимая всей пошлости этого), а на долю дѣйствительно толковыхъ и содержательныхъ лекцій. Иныя читались по запискамъ—и это не мѣшало восторгаться ими. Вообще, содержаніе для публики «Ateneo»—на первомъ планѣ. У насъ же публика сама не знаетъ, чего требовать отъ лектора—и въ результатѣ выходитъ очень мало толку, особенно въ виду непомѣрно высокихъ цѣнъ на публичныхъ чтеніяхъ и систематической эксплоатаціи лекторовъ въ пользу всякой благотворительности.

Да, можно позавидовать Мадриду, обладающему такимъ учрежденіемъ, какъ «Ateneo».

2) Театръ и зрѣлища.

Въ настоящее время въ Мадридѣ функціонируютъ 15 театровъ. Для города съ населеніемъ въ 450,000—болѣе чѣмъ достаточно. Не думайте, что они прозябаютъ: напротивъ, многіе изъ нихъ переполнены, а во всѣхъ сборъ вполнѣ удовлетворительный. Меня интересовалъ классиче-

скій репертуаръ: старый и современный, и потому я главнымъ образомъ посѣщалъ «Испанскій театръ» (Teatro espanol), относящійся весьма внимательно къ своимъ задачамъ. Кромѣ пьесъ современныхъ драматурговъ, испанскій театръ посвящаетъ 2—3 представленія въ недѣлю старымъ драматургамъ, золотого вѣка, какъ Кальдеронъ, Лопе де Вега, Сервантесъ, Кведо и др. Я присутствовалъ на этихъ представленіяхъ и остался въ восторгѣ отъ всего видѣннаго. Декораціи, костюмы — выдержаны въ самомъ строгомъ стилѣ. Историкъ культуры чувствуетъ полное удовлетвореніе; иллюзія получается совершенная. Но это не все; актеры не только знаютъ свои роли въ совершенствѣ, но исполняютъ ихъ такъ, какъ должны были они исполняться 3—4 столѣтія тому назадъ; какая отдѣлка деталей, какая тонкость исполненія! Видна школа, строгая, добросовѣстная, и изящный, восхитительный вкусъ.

Посмотрите, напр., какъ исполняются здѣсь интермедіи Кведы или Сервантеса. Эти народные фарсы, устарѣвшіе теперь, требуютъ спеціальной, особенно тонкой фразировки. Существуетъ предѣлъ очень незамѣтный, за которымъ начинается балаганный фарсъ—и этого предѣла никто изъ здѣшнихъ артистовъ никогда не переступитъ.

Современный репертуаръ испанскаго театра въ настоящее время ограничивается пьесами Эчегарайя. Читатели «Сѣв. Вѣстн.» нѣсколько знакомы съ дѣятельностью этого замѣчательнаго драматурга (см. «Сѣв. Вѣст.», май 1897, моя статья). У насъ, сколько мнѣ извѣстно, ставились 2 пьесы Эчегарайя — и не имѣли успѣха. Я склоненъ думать, что ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ пьесъ этого очень умнаго и талантливаго драматурга не будетъ имѣть у насъ успѣха. Причины далеко не столь просты: онѣ кроются въ слишкомъ мѣстномъ, спеціальномъ характерѣ драмъ Эчегарайя, воспроизводящихъ особенности испанскаго національнаго характера и міросозерцанія,—и въ исполненіи актеровъ. Первая причина, конечно, очень важна, но съ нею можно кое-какъ поладить: воображеніе публики способно примириться съ исключительностью типовъ и интриги; другое дѣло—исполненіе актеровъ.

Во всѣхъ почти пьесахъ Эчегарайя существуетъ роль, умѣлое проведеніе которой спасаетъ цѣлое. Въ настоящее время ставятъ: «Пятно, которое очищаетъ». Въ этой пьесѣ—одной, по моему мнѣнію, изъ слабыхъ въ репертуарѣ Эчегарайя — есть женскій характеръ Матильды, прекрасно задуманный и выполненный. Все остальное слабо, не оригинально. Отъ пониманія, воспроизведенія этого характера зависитъ весь успѣхъ пьесы—и надо видѣть, какъ исполняется эта роль Маріей Тьерреро, актрисой необыкновенно талантливой, глубокой! Но и эта актриса не спасла бы драмы, еслибы не замѣчательный ансамбль труппы: блѣдные книжные типы получаютъ въ исполненіи актеровъ испанскаго театра рельефность и индивидуальность; никто изъ нихъ не сдѣлаетъ ложнаго типа, который погубилъ-бы пьесу, въ общемъ слабую.

Отъ классическаго театра до боя быковъ—громадный скачекъ. Но и

то, и другое par excellence національно. Пусть это послужитъ нашимъ оправданіемъ.

Я видѣлъ бой быковъ. Но и здѣсь меня преслѣдуетъ неудача. Мои предшественники какъ то всегда попадали на блестящія представленія, я бывалъ лишь на заурядныхъ, которыми довольствуется мадридская публика осенью и зимой. Постараюсь сообщить свои впечатлѣнія.

Мнѣ не разъ приходилось сѣтовать, подобно директору театра въ прологѣ «Фауста», что мы слишкомъ много читаемъ. Но никогда я не жалѣлъ такъ объ этомъ, какъ въ моментъ своего перваго появленія въ циркѣ, гдѣ долженъ былъ произойти знаменитый бой. Иллюстраціи Доре, описанія Кине, Амичиса, Готье и мн. др. такъ подготовили мое воображеніе, что я не видѣлъ ничего новаго. А между тѣмъ зрѣлище дѣйствительно единственное въ своемъ родѣ. Но для изображенія его недостаточно пера, даже очень смѣлаго: необходима кисть живописца. Тѣмъ не менѣе я попытаюсь напомнить вамъ въ немногихъ словахъ главные моменты столь прославленнаго боя быковъ.

Громадный амфитеатръ, въ которомъ свободно можетъ расположиться 20,000 человѣкъ, на этотъ разъ лишь на половину полонъ зрителями: и цѣны нѣсколько другія, и быковъ-то немного — всего четыре. Но это толпа живая и пестрая, залитая лучами яркаго осенняго солнца, въ которомъ песчаная арена кажется золотой. На этомъ яркомъ, золотомъ фонѣ вы увидите рядъ давно знакомыхъ вамъ картинъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ сигнала. Мужчины, одѣтые по праздничному, дамы, разряженныя, но, за немногими исключеніями, безъ шляпъ, добродушные полицейскіе и капельдинеры, торговцы орѣхами, водой, сладостями, газетами, вѣерами—все это шумитъ и кричитъ въ ожиданіи начала представленія. Наконецъ, заиграла музыка, и весь составъ участниковъ зрѣлища выходитъ на арену. Все это ваши старые знакомые: эспады, бандильеры, пикадоры, «красныя обезьяны» и пр. до муловъ, которымъ предстоитъ свозить съ арены убитыхъ лошадей и быковъ. Составъ этотъ менѣе многочисленъ, менѣе разряженъ, чѣмъ во время пышныхъ празднествъ, но тѣмъ не менѣе костюмы героевъ дня сіяютъ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, головы украшены традиціонными шляпами—все это нѣсколько, правда, выцвѣтшее и полинявшее. Обреченныя на смерть лошади пикадоровъ съ трудомъ влачатъ ноги, подбодряемыя громадными шпорами всадниковъ. Недостаетъ только траурной колесницы—она остается за сценой. Ихъ даже двѣ: одна для знатныхъ, другая для плебеевъ. Весь этотъ кортежъ обходитъ сцену, склоняясь передъ пустой ложей короля. По данному сигналу отворяются ворота и на аренѣ появляется главный герой дня: toro.

Быки воспитываются въ Испаніи въ спеціальныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ свою репутацію. Они, почти всегда, безусловно хороши, съ темпераментомъ южнымъ, страстнымъ и невыдержаннымъ (если можно говорить о темпераментѣ быковъ!). Спокойная доселѣ публика начинаетъ

волноваться; слышны возгласы по адресу достоинствъ или недостатковъ быка и участниковъ. Перепетіи боя вамъ извѣстны: быка раздражаютъ всячески; въ ярости онъ набрасывается на своихъ враговъ, умерщвляетъ лошадей и нерѣдко топчетъ и сброшеннаго съ лошади пикадора. Одинъ изъ быковъ при мнѣ убилъ втеченіи нѣсколькихъ минутъ три лошади, высоко поднявъ ихъ вмѣстѣ съ всадникомъ; онъ два или три раза набрасывался на ихъ трупы и поворачивалъ ихъ, какъ игрушку. Это былъ настоящій лютый быкъ, которому пришлось имѣть дѣло съ дебютантомъ—эспадой.

Дебютъ вышелъ неудачный. Быкъ былъ изъ ряда вонъ свирѣпый—и новичекъ эспада очевидно струсилъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и не могъ выбрать удобнаго момента для нанесенія удара. Разъ пять вонзилъ онъ въ спину быка шпагу, но безуспѣшно; быкъ продолжалъ бѣгать по аренѣ и пять ударовъ шпагой глубиной, по крайней мѣрѣ, въ $^3/_4$ аршина были для него игрушкой. Надо было видѣть ярость публики, при видѣ неудачи эспады. Это былъ для него судный день. Вопль насмѣшекъ, угрозъ, издѣвательствъ стоялъ въ воздухѣ. Публика не кричала, а ревѣла. Отборная ругань сыпалась по адресу несчастнаго бойца. Наконецъ, онъ успѣлъ доканать злополучнаго быка, — но его репутація была потеряна навсегда.

Сколько разъ разсуждали объ этической сторонѣ этихъ зрѣлищъ, возмущались ихъ безнравственностью и дикостью. Но проповѣдники безчеловѣчія боя быковъ часто бываютъ поборниками войны, являющейся, въ большинствѣ случаевъ, или недоразумѣніемъ или, (какъ всѣ англійскія войны) прямымъ грабежомъ. О чемъ-же имъ толковать? Но не будемъ пока углубляться въ вопросъ о безнравственности подобныхъ зрѣлищъ: этотъ вопросъ слѣдуетъ разбирать въ связи съ многими другими.

О *сарсуэлѣ* (zarzuela), спеціально испанскомъ жанрѣ фарса-оперетки, я поговорю въ другой разъ.

Л. Шепелевичъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Международный женскій конгрессъ въ Брюсселѣ.

Состоявшійся въ августѣ текущаго года международный женскій конгрессъ въ Брюсселѣ, организованный «Бельгійскимъ союзомъ правъ женщинъ» («Ligue Belge du droit des femmes») и посвященный обсужденію вопроса о гражданскихъ и экономическихъ правахъ женщины, хотя и оказался несравненно менѣе многолюднымъ, чѣмъ прошлогодній сентябрьскій международный женскій конгрессъ въ Берлинѣ, тѣмъ не менѣе представилъ выдающійся интересъ, вслѣдствіе впервые выдвинутаго на немъ вопроса о правѣ женщины на отыскиваніе отца ея незаконнаго ребенка (Recherche de la paternité), надъ разрѣшеніемъ котораго энергично работаетъ въ настоящее время западно-европейскій юридическій міръ, и вслѣдствіе рѣзко выдвинутаго вопроса о правѣ женщинъ-работницъ.

Международный женскій конгрессъ въ Брюсселѣ, состоявшій подъ покровительствомъ бельгійскаго правительства, продолжался съ 4-го по 7-е августа (нов. стиля) и собирался въ «Palais des Académies». На конгрессѣ присутствовали и женщины, и мужчины, причемъ обѣ стороны выступали въ качествѣ ораторовъ и референтовъ. Доклады разрѣшалось дѣлать на французскомъ, фламандскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. За право присутствія на конгрессѣ члены различныхъ женскихъ обществъ уплачивали 5 франковъ членскаго взноса, остальныя лица 10 франковъ. Торжественному открытію занятій конгресса предшествовалъ, какъ водится, блестящій раутъ, данный наканунѣ, 3-го августа, въ залѣ Кеверса, хозяйками конгресса, бельгійскими женщинами, членами «Ligue Belge du droit des femmes» въ честь иностранныхъ членовъ конгресса. Самый конгрессъ открылся 4-го августа рѣчью предсѣдательницы конгресса, доктора правъ, Маріи Попелэнъ. Предсѣдательница любезно привѣтствовала иностранныхъ делегатокъ и постаралась выяснить цѣль занятій конгресса. Привѣтственная рѣчь предсѣдательницы вызвала, разумѣется, отвѣтныя привѣтственныя

рѣчи—различныхъ иностранныхъ делагатокъ: г-жи Анны Моргенштернъ («Berliner Hausfrauenverein»), г-жи Маріи Мартэнъ—отъ имени испанскихъ женщинъ, впервые присоединившихся на брюссельскомъ конгрессѣ къ женскому движенію, г-жи Винцентъ,—представительницы рабочихъ лигъ въ Парижѣ, m-lle Вейгеле—отъ англійскихъ женщинъ и др. Изъ всѣхъ сообщеній, сдѣланныхъ въ этотъ день, безспорно выдѣлились: доклады двухъ молодыхъ представительницъ женскаго движенія въ Германіи: г-жи Прэльсъ («Frauenverein») и г-жи Маріи Стритъ («Rechtschütz-verein») и небольшое резюмэ члена русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества З. Л. Вороновой — о положеніи русской женщины съ точки зрѣнія ея имущественныхъ правъ. На послѣобѣденномъ засѣданіи конгрессъ приступилъ къ обсужденію вопроса recherche de la paternité. Самымъ яркимъ моментомъ въ ходѣ занятій конгресса въ этотъ день явился докладъ одной изъ представительницъ нѣмецкихъ женщинъ, доктора правъ изъ Мюнхена, m-lle Ангспругъ, выразившей желаніе видѣть незаконныхъ дѣтей, такъ сказать, пансіонерами государства. Правительства, имѣющія средства для массы другихъ не менѣе трудныхъ организацій, должны изыскать необходимыя деньги и для содержанія незаконныхъ дѣтей—до тѣхъ поръ, пока они сами не будутъ оказываться въ состояніи зарабатывать себѣ хлѣбъ. Докладчица предложила, для достиженія намѣчаемой цѣли, т. е. выработки государственной системы воспитанія незаконныхъ дѣтей—учрежденіе особой международной лиги, которая вѣдала бы интересы этихъ «безъ вины виноватыхъ» существъ. Какъ бы въ дополненіе и закрѣпленіе рѣчи m-lle Ангспругъ, представительница французскихъ женщинъ, г-жа Далль, заявила, что «Французскій союзъ правъ женщинъ» («Ligue française pour le droit des femmes») уже ходатайствовалъ передъ правительствомъ своей страны за судьбу незаконныхъ дѣтей, въ предлагаемомъ г-жей Ангспругъ смыслѣ. Но представительница голландскихъ женщинъ, г-жа Шукъ-Гаверъ, возразила, что въ основаніи системы воспитанія незаконныхъ дѣтей, рекомендуемой г-жей Ангспругъ, лежатъ начала соціалистическія, которыя врядъ-ли могутъ быть осуществлены въ настоящее время. Несравненно большую практическую пользу принесетъ, въ данномъ случаѣ, иное рѣшеніе, а именно: признаніе за женщиной—юридическаго права на отыскиваніе отца незаконнаго ребенка. Представительница нѣмецкихъ женщинъ, г-жа Минна Кауеръ, вполнѣ присоединившись къ мнѣнію, высказанному г-жей Шукъ-Гаверъ, указала на несправедливость германскаго законодательства, лишающаго женщину этого законнаго права, которое, однако, будетъ возстановлено, вѣроятно, только въ томъ случаѣ, если нѣмецкія женщины будутъ допущены въ палату депутатовъ. Наконецъ, извѣстный женскій адвокатъ и профессоръ—г. Бридель сдѣлалъ бѣглый обзоръ законодательствъ всѣхъ странъ по отношенію къ вопросу recherche de la paternité, указалъ на несостоятельность этихъ законодательствъ и, въ заключеніе

какъ бы подводя итогъ всей работѣ конгресса за минувшій день, провозгласилъ полную свободу и равноправіе женщины съ мужчиной и одинаковую отвѣтственность ихъ обоихъ въ дѣлѣ содержанія и воспитанія незаконныхъ дѣтей.

День 5-го августа былъ посвященъ конгрессомъ осмотру колоніальнаго отдѣла и секціи женскаго труда—на брюссельской выставкѣ, а 6-го августа было приступлено къ обсужденію самаго жгучаго и живого вопроса: объ экономическихъ правахъ женщинъ. И если, какъ мы видѣли, на первомъ засѣданіи конгресса (4-го августа), посвященномъ обсужденію вопроса о гражданскихъ правахъ женщинъ и recherche de la paternité, первенствовали представительницы нѣмецкихъ женщинъ, то день 6-го августа долженъ быть признанъ полнымъ торжествомъ женщинъ французскихъ и отчасти бельгійскихъ: такъ смѣлы, по широтѣ намѣчаемыхъ задачъ и основныхъ идей, оказались доклады французскихъ делегатокъ съ представительницей лигъ въ Парижѣ, г-жей Винцентъ, во главѣ. Онѣ ратовали за полную свободу женскаго труда, не стѣсненнаго никакой регламентаціей, за допущеніе женщинъ къ занятіямъ всевозможными посильными для нихъ профессіями, за уравненіе заработной платы работницы-женщины съ рабочимъ-мужчиной, какъ за одно изъ главныхъ средствъ для борьбы съ постоянно увеличивающимся женскимъ нищенствомъ и проституціей, и, кромѣ того, выдвигали въ своимъ докладахъ право женщины—быть избираемой въ члены коммерческихъ палатъ, суда присяжныхъ, торговыхъ и рабочихъ Совѣтовъ. Наконецъ, былъ прочитанъ докладъ извѣстнаго бельгійскаго юриста—адвоката г. Луи Франка, распадающійся на 12 отдѣльныхъ параграфовъ и представляющійся какъ бы своего рода великой хартіей для женщинъ-работницъ. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о началахъ, положенныхъ въ основаніе этой хартіи, укажемъ на одинъ изъ ея первыхъ параграфовъ, въ которомъ обсуждается вопросъ о необходимости выдачи извѣстнаго содержанія женщинѣ-работницѣ во время родового періода, а также и промежутка времени, непосредственно предшествующаго и послѣдующаго за нимъ. По окончаніи доклада г. Луи Франка, представительница нѣмецкихъ женщинъ, г-жа Минна Кауеръ, заявила, что нѣмецкія женщины принимаютъ программу борьбы за экономическія права женщинъ, выработанную французско-бельгійскими піонерками женскаго вопроса, на что послѣднія любезно отвѣтили включеніемъ въ свою программу главныхъ положеній по рабочему вопросу, составленныхъ нѣмецкими женщинами на предыдущемъ женскомъ конгрессѣ.

День 7-го августа былъ посвященъ конгрессомъ обсужденію вопроса о допущеніи женщины къ участію въ общественной и государственной благотворительности. Предсѣдательница собранія на этотъ день m-lle Леони Лафонтэнъ («Ligue belge du droit des femmes») указала на желательность допущенія женщинъ въ администрацію больницъ и на не-

обходимость организаціи центральнаго учрежденія благотворительности съ подвѣдомственными ему мѣстными комитетами. Миссъ Жоржина Хилль («Women's guardians society») высказалась въ томъ смыслѣ, что до сихъ поръ въ дѣлѣ общественной благотворительности мужчины потеряли много времени, а женщины ничего не достигли; между тѣмъ, есть дорога, гдѣ они должны встрѣтиться: это дорога справедливости. Благотворительность не должна существовать: благотворительность есть ничто иное, какъ взаимная обязанность. Извѣстная ветеранка женскаго движенія въ Германіи г-жа Лина Моргенштернъ горячо поддержала мысль Жоржины Хилль о замѣнѣ благотворительности справедливостью.

Наконецъ, послѣобѣденное засѣданіе 7-го августа было предоставлено обсужденію вопроса о средствахъ повсемѣстнаго расширенія и распространенія женскихъ союзовъ и организаціи синдикатовъ женской прессы. Въ видахъ достиженія первой изъ упомянутыхъ цѣлей — М-me Шелига, представительница «L'union universelle des femmes», требовала учрежденія особой международной лиги, подраздѣляющейся на три секціи: 1) секцію курсовъ ученія 2) женскихъ работъ и 3) секцію законодательную. Въ заключеніе своей рѣчи М-me Шелига говорила о спеціально женскомъ театрѣ, въ возможность возникновенія котораго ораторъ безусловно вѣритъ. Г. Луи Франкъ, въ интересахъ женскаго движенія, предложилъ созывать ежегодные мѣстные женскіе конгрессы и черезъ каждыя пять лѣтъ—женскіе конгрессы международные, выяснилъ необходимость учрежденія особаго международнаго женскаго института и изданія международнаго ежегодника, а также указалъ и на слѣдующія реформы, осуществленіе которыхъ можетъ быть достигнуто женщинами немедленно: допущеніе женщины въ школьную администрацію и полученіе женщиною права голоса въ училищныхъ совѣтахъ.

Конгрессъ закончился блестящимъ банкетомъ на фермѣ Камбрійскаго лѣса.

Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора брюссельскаго конгресса, отмѣтимъ, что изъ русскихъ женщинъ на немъ присутствовали: О. К. Нечаева, Е. Н. Щепкина, г-жа Витмеръ, г-жа Новикова и др., а также пожелаемъ, чтобы на предстоящемъ въ 1900 г. международномъ женскомъ конгрессѣ въ Парижѣ русскія женщины сильнѣе и ярче проявили себя и въ рѣчахъ, и въ докладахъ, чѣмъ онѣ проявили себя не Брюссельскомъ конгрессѣ.

В. Б—н.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе декабря мѣсяца.

Божерьяновъ И. Н. Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ. Спб. 1897. Ц. 5 р.

Броуновъ П. И. Практическое значеніе сельскохозяйственно - метеорологическихъ наблюденій. Спб. 1897.

Булгаковъ С. Н. Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Съ приложеніемъ статьи Ф. Кнаппа: Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Бунге Н. А. Курсъ химической технологіи. Вып. III. Кіевъ. 1897.

В. О. Стихотворенія. Спб. 1898.

Венгеровъ С. А. Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, біографическими примѣчаніями и портретами. Выпускъ VI. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Вольногорскій П. Въ лѣсу и въ полѣ. Спб. 1898. Ц. 2 р. 75 к.

«Вѣстникъ Сіона». Сборникъ. Харьковъ. 1897. Ц. 1 р.

Геммельманъ С. Стихи. М. 1897. Ц. 50 к.

Дерюжинскій В. Ф. Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. Москва, 1897 г. Ц. 40 к.

Дружининъ Н. Новое сельское общество. Спб. 1898.

Засодимскій П. Вл. Дѣдушкины разсказы и сказки. Москва. 1898. Ц. 1 р.

Зетъ Е. Сказки китайскія, бретонскія, финляндскія. Екатеринославъ. 1897 г. Ц. 15 к.

Кальдеронъ. Жизнь есть сонъ. Комедія. Переводъ съ испанскаго Д. К. Петрова. Спб. 1898. Ц. 2 р.

Кустарные промыслы, текущая статистика. Спб. 1897.

Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи. Часть 1-я. М. 1897. Ц. 2 р.

Коломійцовъ Н. П. Труды сельско-хозяйственной метеорологической сѣти. Москва. 1897.

К—ой М. Очерки и замѣтки. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Лисовскій Н. М. Русская періодическая печать 1703—1894. Вып. I. Спб. 1895.

Минцловъ С. Р. Стихотворенія. 1888—1897. Одесса. 1897. Ц. 25 к.

Облеуховъ. Отраженія. Оды. Поэмы. Лирика. М. 1898. Ц. 2 р.

Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая. Барнаулъ. 1897.

Отчетъ рогожскаго отдѣленія 1-го московскаго общества трезвости. М. 1897.

Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. Томъ IV. Спб. 1898.

Павловъ А. П. Поѣздка въ исторіи науки объ ископаемыхъ организмахъ. М. 1897. Ц. 40 к.

Покровскій В. Справочная книжка по географіи. Юрьевъ. 1891. Ц. 1 р.

Позняковъ Н. И. Рейнеке Лисъ - Хитродумъ, передѣлано съ нѣмецкаго. Спб. Изд. А. Ф. Девріена.

Протоколы засѣданій тверского земскаго собранія. Тверь. 1897.

Пыльневъ А. А. Синтаксисъ. Спб. 1897

Пыльневъ А. Вопросникъ къ учебному курсу теоріи словесности В. А. Яковлева. Спб. 1897.

Ревъ И. Сахарная нормировка Кіевъ 1897.

Его-же. Земледѣльческіе синдикаты Кіевъ. 1897.

Рышковъ В. На больничныхъ койкахъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Томъ VI. Ташкентъ. 1897.

Сборникъ протоколовъ засѣданій губернскаго и уѣздныхъ врачебныхъ совѣтовъ Курской губ. за 1895 г. Курскъ. 1896.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ. Тверь. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ. Томъ XIII. Тверь. 1897.

Свѣтловъ В. Уголокъ Колхиды. Романъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Сегаль С. Л. Курсъ гигіены. Новочеркаскъ. 1896. Ц. 1 р.

Сельскохозяйственный обзоръ нижегородской губ. за 1896 г. Н. Новгородъ. 1897.

Скворцова Е. Забытыя письма.

Старковъ И. Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Статистическій сборникъ новгородскаго губ. земства за 1896 г. Новгородъ. 1897.

Струве Генрихъ. Способности и развитіе философствующаго ума. Москва 1897.

Труды пятаго и шестого съѣздовъ земскихъ врачей и представителей земства Курской губ. Курскъ. 1893—1896.

Фулье Альфредъ. Критика новѣйшихъ системъ морали. Перев. съ фр. Е. Максимовой и О. Конради. Спб. 1898. Ц. 2 р.

Ходатайство тифлисской городской думы. Тифлисъ. 1897.

Шляпошниковъ М., д-ръ. 1-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ. Харьковъ. 1897. Ц. 20 коп.

Шопенгауеръ Артуръ. Новые афоризмы. Переводъ съ нѣмецкаго Р. Кресипа. Харьковъ. 1898. Ц. 1 р.

Шрейдеръ Д. И. Нашъ дальній востокъ. Спб 1898.

Чюмина О. Н. Стихотворенія 1892—1897. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ-Давыдовъ А. Зимнія сумерки. Москва. 1898.

Лависсъ Э. и Рамбо А. Всеобщая Исторія. Т. II. М. 1897. Ц. 3 р.

Кэрнсъ Д. Э. Логическій методъ политической экономіи. Перев. М. И. Туганъ-Барановскаго. М. 1898. Ц. 1 р.

Отчетъ кустарно-промышленнаго банка пермскаго губ. земства за 1896 г. Пермь. 1897.

Puschkin A. Der eherne Reiter S. Petersburg. 1898.

Открыта подписка на 1898 годъ

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

газета

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ въ г. Одессѣ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

Вступая въ 30-й годъ изданія, при обновленномъ составѣ редакціи и при участіи многихъ столичныхъ литературныхъ силъ, «Новороссійскій Телеграфъ» неослабно будетъ заботиться объ одномъ: дать читателямъ живой и интересный матеріалъ, какъ злободневный, такъ и литературный. Для этой цѣли редакціей получаются ежедневно, помимо Россійскаго Телеграфнаго Агентства, спеціальныя телеграммы отъ столичныхъ корреспондентовъ.

«Новороссійскій Телеграфъ» періодически помѣщаетъ иллюстраціи событій и портреты выдающихся дѣятелей и, по программѣ, имѣетъ право обсуждать судебныя рѣшенія общихъ судебныхъ учрежденій (этимъ правомъ не пользуется теперь ни одна изъ мѣстныхъ газетъ) и помѣщать рефераты засѣданій военно-окружныхъ судовъ.

Подписавшіяся на 1898 годъ и внесшіе сполна годичную подписную плату 14 рублей, будутъ получать безплатно, въ теченіи года, въ видѣ преміи, одинъ изъ лучшихъ въ Россіи изъ иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ журналовъ

„СѢВЕРЪ"

издаваемый въ С.-Петербургѣ Н. Ф. Мертцемъ подъ редакціей извѣстнаго поэта А. А. Коринфскаго со всѣми приложеніями, а именно:

12 томовъ сочиненій извѣстнаго писателя Генриха Сенкевича, 12 №№ парижскихъ модъ, 12 №№ выкроекъ, узоровъ, вышиваній, монограммъ и т. п. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала «Хозяйство и Домоводство» и роскошный художественный альбомъ:

48 иллюстрацій къ полному собранію сочиненій

Ивана Сергѣевича Тургенева

Такимъ образомъ гг. подписчики получаютъ за прежнюю плату 14 рублей большую ежедневную газету и лучшій изъ иллюстрированныхъ журналовъ съ массой цѣнныхъ приложеній.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на углу Дерибасовской и Преображенской улицъ, въ городскомъ домѣ, и въ отдѣленіи газеты при типографіи «Нов. Тел.», Новая улица, домъ Озмидова.

Условія подписки:

Безъ доставки и пересылки: на 1 мѣс. 1 р., на 2 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 5 р., на 6 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 7 р., на 8 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 9 р., на 10 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 11 р., на 12 мѣс. 12 р.

Съ доставкою и пересылкой: на 1 мѣс. 1 р. 20 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 3 мѣс. 3 р. 60 к., на 4 мѣс. 4 р. 80 к., на 5 мѣс. 6 р., на 6 мѣс. 7 р. 20 к., на 7 мѣс. 8 р. 40 к., на 8 мѣс. 9 р. 60 к., на 9 мѣс. 10 р. 80 к., на 10 мѣс. 12 р., на 11 мѣс. 13 р., на 12 мѣс. 14 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять за пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей. безъ преміи.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1898 года.

Редакторъ-Издатель Г. А. ЛИПИНСКІЙ

ХОЗЯЙСТВО И ПРАВО

съ точки зрѣнія

МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО ПОНИМАНІЯ ИСТОРІИ.

Соціально-философское изслѣдованіе

Рудольфа Штаммлера.

Vitam impendere vero.

Переводъ съ нѣмецкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8
1898.

ВВЕДЕНІЕ.

Соціальная философія.

Ὁπότε γάρ τὸ δίκαιον μὴ οἶδα ὅ ἐστι, σχολῇ εἴσομαι εἴτε ἀρετή τις οὖσα τυγχάνει εἴτε καὶ οὔ, καὶ πότερον ὁ ἔχων αὐτὸ οὐκ εὐδαίμων ἐστὶν ἢ εὐδαίμων.

Пока я не знаю, *что такое справедливое*, для меня трудно знать, добродѣтель-ли это, или нѣтъ, и несчастенъ-ли, или счастливъ тотъ, кто имъ обладаетъ.

Платонъ, de republ. I p. 354 c.

1. Идея соціальной философіи.—2. Философія права и хозяйства.—Обобщенія историческихъ фактовъ; сравненіе права.—3. Соціальная философія и общее ученіе о правѣ.—4. Методъ соціально-философскаго изслѣдованія.—5. Матеріалистическое пониманіе исторіи.

1.

Наука о соціальной жизни человѣка находится въ настоящее время въ ненадежномъ и колеблющемся состояніи.

Могучимъ потокомъ надвигаются на насъ соціальныя проблемы, не разбиваясь о регулирующую плотину, соорудить которую можетъ лишь опирающаяся на науку техника, и неугомонныя волны соціальнаго броженія съ стихійною силой стремятся одна за другой, непонятыя въ своей основной законосообразности.

Уразумѣніе этой основной законосообразности и составляетъ цѣль настоящей книги.

Всякое точное специальное изслѣдованіе имѣетъ истинную цѣнность только тогда, если оно находится въ зависимости отъ общей законосообразности и руководится общими принципами познанія. Безъ отношенія къ такой основной законосообразности, къ общей объективной точкѣ зрѣнія, которая сохраняла-бы значеніе при разсмотрѣніи всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ, послѣднее было-бы не въ состояніи доказать свой raison

d'être. И не одна только личная потребность въ уразумѣніи цѣнности и значенія того, что служитъ объектомъ изысканія, принуждаетъ изслѣдователя направить свой взоръ въ глубину и стремиться къ изученію объективныхъ основныхъ законовъ его познанія. Лишь при условіи упомянутаго уясненія общей закопосообразности истиннаго познанія вообще становится возможнымъ твердо намѣченный методъ спеціальнаго изслѣдованія: если у знанія нѣтъ этихъ фундаментальныхъ законовъ, то всякая изолированная попытка найти выясняющуюся въ извѣстномъ пунктѣ истину, какъ по своему выполненію, такъ и по своему результату, неизбѣжно будетъ *случайной*.

Для соціальной науки все это имѣетъ, конечно, особое значеніе. Она еще не нашла истиннаго метода, при помощи котораго она могла-бы,— какъ это возможно въ естествознаніи,—смѣло идти впередъ въ разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ, не соображаясь съ основной законосообразностью своего познанія. Мы видимъ въ ней только непрестанное исканіе истиннаго научнаго метода, исканіе, отъ котораго едва-ли можетъ избавиться какое либо основательное изслѣдованіе въ области юриспруденціи или политической экономіи.

Даже *надлежащій способъ*, по которому слѣдуетъ собирать въ названныхъ отрасляхъ знанія *спеціальныя познанія*, можетъ быть установленъ лишь въ зависимости отъ пониманія *общей законосообразной связи* всѣхъ частныхъ, возможныхъ здѣсь познаній. Ибо только изъ этой общей связи и можетъ быть выведено, въ *какомъ смыслѣ* слѣдуетъ *вообще* наблюдать соціальныя явленія и констатировать ихъ. Напр., всякое спеціальное юридическое изслѣдованіе, заявляющее притязанія на научную цѣнность, должно быть приведено въ согласованіе съ общимъ *объединеннымъ воззрѣніемъ* на сущность и возникновеніе права.

Далѣе ясно, что всякое обобщеніе *частнаго наблюденія, какъ таковаго*, и каждая попытка понять конкретно воспринятое *въ качествѣ законосообразнаго*, можетъ имѣть смыслъ и значеніе только при условіи допущенія *общей закономѣрности* соціальной жизни. Если кто-либо, будетъ-ли это de lege lata или ferenda*), высказываетъ положеніе, имѣющее спеціальное содержаніе, утверждая въ то-же время, что это положеніе *необходимо*, то онъ допускаетъ, разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ и *всеобщій законъ*, изъ котораго этотъ частный законъ только и можетъ получить свойство необходимости. И подобно тому, какъ физіологъ всегда предпосылаетъ законъ причинности въ его формальной всеобщности и подобно тому, какъ всякое познаніе естественныхъ законовъ покоится на общей закономѣрности природы, то-же самое должно быть введено соотвѣтствующимъ образомъ и въ научное познаніе общественной жизни человѣка.

*) О существующемъ или предполагаемомъ законѣ.

Кто стремится установить въ созданіи правовыхъ нормъ и правовыхъ институтовъ и въ развитіи соціальной жизни вообще закономѣрные процессы, тотъ приписываетъ частнымъ фактамъ общественнаго существованія человѣка свойство необходимости, и, слѣдовательно, онъ долженъ знать и умѣть отвѣтить, что онъ, собственно, хочетъ этимъ сказать?

Въ какомъ смыслѣ при созданіи новаго права можетъ быть рѣчь о необходимости? Можно-ли установить и примѣнить всеобщую *закономѣрность* соціальной жизни людей точно такъ-же, какъ закономѣрность природы является основой естествознанія? Или между той и другой областью существуютъ, можетъ быть, какія-либо общія различія? Поскольку основательно и поскольку оправдывается перенесеніе и параллельное приложеніе естественно-научныхъ понятій и методовъ къ соціальному познанію, въ особенности къ правовѣдѣнію?

Конечно, не найдется ни одного юриста и ни одного экономиста, которому не приходилось-бы задуматься надъ этими вспросами. Какъ уже сказано, намѣчая себѣ самостоятельную цѣль познанія, онъ неизбѣжно наталкивается на вопросъ объ истинномъ методѣ, вѣрномъ и однообразномъ способѣ изслѣдованія, а по окончаніи работы снова возникаетъ сомнѣніе: какую цѣнность и какое значеніе имѣетъ результатъ этого изслѣдованія въ *цѣломъ нашей науки?*

Но радикальной постановки вопроса, признанія, что здѣсь рѣчь идетъ объ *особомъ объектѣ* критическаго наблюденія и уясненія, а именно о *законосообразности* всего нашего познанія въ соціальной сферѣ, въ большинствѣ случаевъ мы еще не встрѣчаемъ.

Область научнаго изслѣдованія велика и съ трудомъ можетъ быть окинута взоромъ; кто хочетъ вполнѣ сродниться съ нимъ, задаетъ себѣ большую и трудную работу. Чѣмъ энергичнѣе и добросовѣстнѣе онъ принимается за нее, тѣмъ легче онъ замыкается въ опредѣленномъ вопросѣ, чтобы затѣмъ перейти къ другому. Чѣмъ самостоятельнѣе онъ поступаетъ при этомъ, тѣмъ болѣе колоссальные размѣры пріобрѣтаетъ для него задача ясной разработки своего *специіальнаго предмета.* Едва-едва удается ему поддерживать сношенія со своимъ сосѣдомъ, прикованнымъ къ такой-же тачкѣ.—Можетъ ли его привлечь проблема, нисколько не увеличивающая запасъ положительныхъ специіальныхъ познаній, не сулящая никакого познанія со специіальнымъ историческимъ содержаніемъ и довольствующаяся изслѣдованіемъ формальнаго единства этого знанія и принципіальнаго характера этого единства?

И тѣмъ не менѣе приходится дать отвѣтъ на эту проблему, для того, чтобы не потеряться со всей своей работой въ ненадежной случайности. Потому-то мы и видимъ столь часто, что каждый, такъ сказать, для удовлетворенія своей домашней потребности старается *мимо-*

ходомъ установить основное воззрѣніе, при чемъ далеко не всегда можно сказать, что онъ проникъ достаточно глубоко въ грунтъ, чтобы создать прочный фундаментъ для своего научнаго зданія. Такая, первоначально, можетъ быть, лишь на скоро сколоченная или собранная изъ разныхъ кусковъ, основа немедленно затвердѣваетъ, и въ многочисленныхъ мнѣніяхъ о научныхъ задачахъ и методахъ проявляются различія школъ и направленій, между которыми разгорается партійная борьба.

Но эта борьба интересуетъ уже не одну академію. Вопросъ о высшей закономѣрности, которой должна быть подчинена соціальная жизнь, практически немедленно превращается въ принципіальное воззрѣніе на отношеніе индивидуума къ обществу. И отъ этого перваго принципіальнаго уразумѣнія зависитъ постановка и разрѣшеніе задачи дальнѣйшаго развитія, преобразованія и улучшенія нашихъ соціальныхъ установленій. Всякая политическая партія, не желающая ограничить своего существованія предѣлами дня и привить себѣ, путемъ исключительнаго преслѣдованія конкретныхъ интересовъ, зародышъ смерти, должна исходить изъ прочнаго принципіальнаго пониманія основы, особенностей и задачи всякаго общественнаго строя. Въ этомъ смыслѣ вырабатываются, или по крайней мѣрѣ должны-бы были вырабатываться политическія программы, поскольку онѣ логически ясны и обоснованы, честны и реальны. Если-бы *вообще* не существовало никакой *объективной* нормы соціальной жизни, нельзя было-бы составить никакого критически обоснованнаго отзыва объ *отдѣльныхъ* историческихъ формахъ общественнаго строя, отзыва, который одобрялъ-бы или отвергалъ ихъ

Поэтому научное уразумѣніе проявляющейся въ жизни человѣческаго общества закономѣрности обусловливаетъ возможность сформировать *законосообразно* совмѣстную жизнь въ ея особомъ историческомъ состояніи и показать *объективно* убѣдительнымъ образомъ умѣстность извѣстныхъ соціальныхъ стремленій, при чемъ разрѣшеніе конкретныхъ соціально-политическихъ вопросовъ перестаетъ зависѣть отъ смутнаго [1]), т.-е. случайно сформировавшагося настроенія даннаго субъекта и начинаетъ сообразоваться и согласоваться съ основнымъ закономъ соціальной жизни.

Стремленіе-же къ *законосообразной* организаціи общества существуетъ; это стремленіе нельзя ни прикрыть, ни проглядѣть: оно называется *соціальнымъ вопросомъ*.

---

[1]) Отъ этого недостатка не свободны даже лучшія произведенія нашей соціально-политической литературы. Такъ, напр., интересная во многихъ частностяхъ книга Jentsh'a, Weder Kommunismus noch Kapitalismus (Ни коммунизмъ, ни капитализмъ 1893) только на 383-й стр., послѣ обстоятельнѣйшей критики и оцѣнки существующихъ соціальныхъ условій, возбуждаетъ вопросъ: въ чемъ состоитъ пробный камень для оцѣнки государственныхъ установленій? Но авторъ тотчасъ-же забываетъ о немъ. Этотъ методологическій недостатокъ не представляетъ единичнаго явленія.

Всѣ эти соображенія ведутъ къ признанію необходимости *соціальной философіи*, т.-е. научнаго изслѣдованія о томъ, *какой основной формальной закономѣрности подчиняется соціальная жизнь людей*.

Соціальная философія спрашиваетъ сообразно съ этимъ, что должно быть признано въ соціальной жизни людей *всеобщимъ* и *необходимымъ*? Цѣлью ея является, такимъ образомъ, познаніе тѣхъ понятій и принциповъ, которые сохраняютъ значеніе для *всей* соціальной жизни. Она должна отвлечься въ своемъ ученіи отъ всякаго *спеціальнаго содержанія* какого либо исторически даннаго соціальнаго бытія и стремиться къ систематическому уразумѣнію *закономѣрности*, свойственной общественной жизни людей вообще.

2.

Всѣ существующія системы *философіи права* имѣютъ ту общую особенность, что онѣ исходятъ изъ понятія *права*, какъ конечнаго единства примѣнимыхъ въ этой области соображеній. Законы Платона и φύσει δίκαιον Аристотеля, ius naturale sive divinum католической церкви, равно какъ и ius naturae ac gentium Гроція, право разума, contrat social и убѣжденіе людей, находящихся въ юридическомъ сообществѣ—всѣ эти ученія и воззрѣнія, во всѣхъ разновидностяхъ и приложеніяхъ, всегда дѣлаютъ *право* исходной точкой и высшимъ объектомъ разсмотрѣнія.

Они сравниваютъ его съ близлежащими понятіями и отграничиваютъ его отъ послѣднихъ; стараются опредѣлить вліяніе другихъ факторовъ человѣческой жизни на юридическій строй и говорятъ о «взаимодѣйствіи», въ которомъ оно находится съ соціальнымъ хозяйствомъ; но всегда при этомъ предполагается, что рѣчь идетъ о *конечномъ* объектѣ научнаго изслѣдованія.

Но это то-же самое, какъ если-бы кто либо въ цѣляхъ теоретическаго обоснованія естествознанія попытался сдѣлать конечнымъ принципомъ понятіе тяжести.

Но, съ другой стороны, не представляется цѣлесообразнымъ, по примѣру популярной школы политической экономіи, признавать понятіе *хозяйства* высшимъ понятіемъ и дѣлать его самостоятельной конечной основой соціально-научнаго изслѣдованія. Ошибочно говорить о «хозяйственной жизни», какъ объ особомъ и независимомъ явленіи, которое находится въ соотношеніи съ другими проявленіями человѣческой культурной жизни, которое допускаетъ вмѣшательство извнѣ и оказываетъ, въ свою очередь, вліяніе [2]).

[2]) Типическій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ серьезно задуманная работа Арнольда, Kultur und Rechtsleben (1865). Онъ признаетъ семь факторовъ національной жизни, семь особыхъ областей, въ которыхъ проявляется духовная жизнь народа и которыя, имѣя самостоятельное существованіе, въ то-же время находятся

Вмѣсто этого необходимо начать изслѣдованіе съ самого понятія *соціальной жизни*, какъ нашего конечнаго проблематическаго объекта, при основномъ анализѣ котораго слѣдуетъ указать надлежащее мѣсто въ общественномъ существованіи людей праву и соціальному хозяйству, опредѣливъ въ то-же время для этого цѣлаго соціальной жизни общую закономѣрность и критически обосновавъ ее.

Вѣдь есть-же понятіе *соціальнаго развитія*; его употребляютъ, по краймѣрѣ, въ спеціальномъ значеніи. Говорятъ о закономѣрности въ немъ, о *соціальныхъ законахъ* вообще; при этомъ приходится выступать за предѣлы спеціальнаго разсмотрѣнія права и человѣческаго хозяйства, какъ законченныхъ объектовъ. Какъ скоро устанавливается и обсуждается понятіе человѣческаго общества и человѣческой коллективной жизни, должно быть выяснено, что рѣчь идетъ объ основномъ понятіи, по отношенію къ которому понятія права и соціальной экономіи играютъ служебную роль. Ибо оба они имѣютъ различное значеніе при изслѣдованіи общественной жизни людей; эта послѣдняя есть основное понятіе, за которымъ для соціальнаго изслѣдованія не скрывается никакого другого и въ которомъ коренятся и сочетаются въ высшемъ единствѣ всѣ частныя соціальныя понятія и главнымъ образомъ упомянутыя понятія юридической нормы и общественнаго хозяйства.

Поэтому всякое критическое изложеніе соціальной науки должно начинать съ понятія человѣческаго общества и соціальной жизни вообще и достичь въ *этомъ* отношеніи логической ясности и законосообразнаго уразумѣнія, имѣющаго общее значеніе.

При помощи какого метода можно добыть подобное познаніе и изобразить въ убѣдительной формѣ закономѣрность соціальной жизни?

Я долженъ и въ этомъ случаѣ прежде всего высказаться отрицательно объ одномъ общепринятомъ пріемѣ, какъ о недостаточномъ: о пріемѣ *обобщенія* изъ историческихъ фактовъ.

Такія обобщенія дѣлались различными путями.

Прежде всего во всѣ времена исторію охотно признавали учительницей въ томъ смыслѣ, что изъ нея пытались вывести *практическія ученія и максимы для государственнаго человѣка*. Если извѣстные историческіе процессы считать проявленіями общихъ закономѣрныхъ основъ, то при этомъ возникаетъ надежда придти путемъ обобщенія

во взаимодѣйствіи между собою; эти факторы—языкъ, искусство, наука, обычай, хозяйство, право и государство. Для до-христіанской эпохи онъ присоединяетъ, въ качествѣ восьмого фактора, еще религію, ибо вѣра и культура въ то время отдѣляли народы другъ отъ друга, тогда какъ христіанство уничтожило въ этомъ отношеніи обособленіе народовъ и создало вѣру, связующую всѣ народы въ одно сообщество.

Объ ученіи Арнольда ср. также § 32 и прим. 88; § 36 и прим. 101 § 50 и прим. 132; § 56, прим. 139.

происшедшаго къ уразумѣнію общаго, а вслѣдъ затѣмъ и практическаго значенія историческихъ и современныхъ, равно какъ и вновь возникающихъ вопросовъ соціальной жизни. Такъ вывелъ Макіавелли изъ римской исторіи Ливія ученія, приспособленныя для позднѣйшаго итальянскаго средневѣковья; въ томъ же духѣ разработалъ богатый историческій матеріалъ Монтескье. И вплоть до новѣйшаго времени политики и экономисты поступали,—первые по большей части предостерегая и совѣтуя, послѣдніе же преимущественно поучая—по формулѣ: *если* обнаруживаются тѣ или иныя историческія явленія, *обыкновенно* слѣдуетъ то-то и то-то.

Между тѣмъ должно быть съ самаго начала ясно, что при каждомъ обобщеніи, допускаемомъ по отношенію къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ, необходимо предпосылается высшее единство развертывающейся въ исторіи человѣчества соціальной жизни. Нельзя «обобщать» на вѣтеръ, а всегда нужно быть приготовленнымъ къ вопросу: *въ какомъ смыслѣ* предпринимается, собственно, это обобщеніе и по какому праву? *Какая общая точка зрѣнія* руководила въ частныхъ случаяхъ обобщеніемъ извѣстныхъ наблюденій? Производится ли обобщеніе въ смыслѣ причинности или въ смыслѣ идеи цѣли? Почему имѣетъ мѣсто то или другое, и въ какомъ именно смыслѣ?

Каждое обобщеніе вноситъ въ обобщаемое единичное воспріятіе идею *необходимости*, которой подчиняется обобщаемое. Только путемъ точнаго уясненія *необходимой* зависимости частнаго отъ общаго познаніе частнаго можетъ получить значеніе *общей* теоріи. Поэтому, для того, чтобы получить въ своемъ обобщеніи доказательность, соціальныя идеи должны сохранять *формальное* единство, исходить изъ общихъ понятій и опираться на законченное пониманіе соціальной жизни и ея развитія. Всѣ обобщенія историческихъ фактовъ предпосылаютъ извѣстный способъ обобщенія, слѣдовательно, и формальную общую законосообразность соціально-историческаго познанія. Но въ такомъ случаѣ должно быть возможно также познать эту высшую формальную законосообразность, которой должны подчиняться отдѣльныя обобщенія, разъ они претендуютъ на научную истинность, и саму по себѣ. И прежде всего необходимо ясно сознавать,—я ссылаюсь на мой предыдущій примѣръ— въ чемъ заключается надлежащее примѣненіе закона причинности въ соціальной жизни, основывающагося, какъ уже сказано, на прочномъ уразумѣніи понятія общественной жизни человѣчества и соціальныхъ явленій вообще. Необходимо уяснить принципіально, въ чемъ и какъ должна примѣняться телеологическая точка зрѣнія.

Тотъ же основной предварительный вопросъ возникаетъ въ частности при *сравненіи права*.

Посредствомъ сравненія различныхъ правовыхъ установленій и сходныхъ другъ съ другомъ институтовъ получается, собственно, лишь возмож-

ность точнѣе и глубже понять въ отдѣльности сравниваемые объекты. Сравнивая одно явленіе съ другими, можно уразумѣть его яснѣе и вѣрнѣе. Но самостоятельнаго *третьяго*, возвышающагося надъ обоими сравниваемыми объектами, при помощи простого сравненія еще нельзя получить. Для уничтоженія изолированности добытыхъ частныхъ познаній и приведенія ихъ къ высшему единству, въ основу должна быть положена *законосообразная формальная возможность* такого сочетанія, необходимъ единый основной способъ, благодаря однообразному примѣненію котораго становится возможнымъ *законосообразное уясненіе* послѣдовательности развитія права. Нашъ вопросъ гласитъ: *какъ долженъ производиться общій синтезъ частныхъ соціально-историческихъ познаній при помощи высшаго однообразнаго способа?*

Мнѣніе Колера, что «ключомъ всего развитія является *имманентное влеченіе народовъ*, приводящее ихъ *безсознательно къ прогрессу*», не можетъ быть признано достаточнымъ отвѣтомъ на нашъ вопросъ [3]). Столь же мало разрѣшаетъ его формула Іеринга, имѣющая спеціально своимъ объектомъ развитіе права, противопоставляющая въ этомъ развитіи историческому праву «святость *вѣчнаго первоначальнаго права человѣка на существованіе*» и выставляющая идеей права «вѣчное созиданіе» [4]). Это не болѣе, какъ ненужная фразеологія; такая же фразеологія часто встрѣчается и въ тѣхъ случаяхъ, когда пытаются замаскировать проблему закономѣрности соціальной жизни общей характеристикой крупныхъ историческихъ эпохъ и общими разсужденіями объ индивидуализмѣ и альтруизмѣ, хотя бы въ духѣ Карлейля. Не распространяясь объ этомъ подробнѣе, я повторяю только, что такой пріемъ, поскольку онъ можетъ имѣть объективную цѣнность, долженъ исходить тоже изъ формально-однообразнаго изслѣдованія о научно-обоснованномъ способѣ установленія понятій и законовъ соціальной исторіи человѣчества. Кто хочетъ охарактеризовать и оцѣнить въ общей формѣ *извѣстную* эпоху, предпосылаетъ, разумѣется,— хотя, можетъ быть, безсознательно для самого себя—научную возмож-

[3]) Колеръ (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft 8, 149 и въ другихъ мѣстахъ). Въ Archiv für bürgerliches Recht онъ говоритъ (1, p. V sq.), что «законодатель есть факторъ исторіи и благодаря этому органъ царящихъ надъ нами культурныхъ силъ». А въ книгѣ: Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz (1883) есть слѣдующее мѣсто (стр. 257): «Въ настоящее время мы можемъ установить положительно лишь три закона историческаго процесса. Первый изъ этихъ законовъ есть законъ ограниченія индивидуума, принципъ, что кругъ дѣйствій индивидуума ограниченъ, что судьба (!) не терпитъ, чтобы человѣкъ выходилъ за предѣлы предписанной ему сферы. Другой законъ заключается въ томъ, что свѣтлыя божества неизмѣнно низвергаютъ силы ночи въ мрачныя нѣдра земли. И, наконецъ, третій законъ гласитъ, что исторія всегда будетъ картиной радости и страданія, ликованія и скорби, что она предлагаетъ индивидууму то сладкій медъ, то горькую желчь».

[4]) Jhering, Der Kampf ums Recht, 4 изд. (1874). стр. 9.

ность относиться подобнымъ образомъ къ человѣческой общественной жизни *вообще;* характеристика же отдѣльной эпохи, какъ бы она ни была пространна, представляетъ собою лишь примѣненіе общей соціальной философіи къ данному періоду времени.

3.

Поэтому *общее ученіе о правѣ* далеко не разрѣшаетъ поставленной соціальной философіей задачи.

Подъ этимъ терминомъ понимаютъ дисциплину, имѣющую двоякое назначеніе: дополнять спеціальныя юридическія науки изученіемъ и разработкой того, что составляетъ общій признакъ различныхъ частей юриспруденціи, а затѣмъ уяснять общіе законы развитія права [5]).

Первая цѣль, стремленіе къ которой вызывается исключительно внѣшнимъ фактомъ существованія въ средѣ юристовъ детальнаго раздѣленія труда, для *общаго* познанія пока еще не имѣетъ значенія и можетъ быть оставлена нами безъ разсмотрѣнія. Но вторая все же говоритъ объ общихъ законахъ. Однако, что такое *общій законъ развитія права?* Разрабатывающіе общее ученіе о правѣ съ ничѣмъ неоправдываемой беззаботностью принимаютъ это понятіе за вѣрную цѣль, къ которой ведетъ безопасный путь. Это—самообманъ. Понятіе *соціальной закономѣрности* вовсе не столь просто, чтобы оно могло быть очевиднымъ для каждаго безъ усиленнаго размышленія, такъ сказать, само собою. И однако съ этимъ высшимъ понятіемъ долженъ согласоваться всякій отдѣльный законъ развитія права.

Часто встрѣчается взглядъ, будто при помощи точной индукціи историческихъ наблюденій надъ правомъ могутъ быть выяснены конечныя основныя понятія и основные законы соціально-научнаго познанія. Однако это ошибочно. Ибо при индукціи необходимо предпосылаются только что названныя фундаментальныя познанія. Приведу примѣръ.

Если, напр., общее ученіе о правѣ наблюдаетъ, въ какой средѣ и въ какихъ группахъ людей и благодаря какимъ процессамъ возникло *право* въ исторіи и если это ученіе стремится, путемъ такого сопоставленія возникновенія *правовыхъ* нормъ, установить въ сравнительно общей формѣ законъ развитія, то при этомъ оно уже предпосылаетъ понятіе *права.* И такъ какъ несомнѣнно, что втеченіе исторіи новое право возникало безчисленное количество разъ и безъ соблюденія соответствующихъ пра-

---

[5]) Программа «общаго ученія о правѣ» всего яснѣе установлена Меркелемъ, сдѣлавшимъ (въ Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart 1, 1 ff.; 1,202 ff. 1874) попытку замѣнить ею философію права. Ср. его же въ Энциклопедіи права, изд. Holtzendorf'омъ, сист. часть, 5 изд., стр. 89—91.

Тамъ же болѣе точныя указанія литературы.

вовыхъ нормъ, то возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ можно вообще узнать, есть-ли данное соціальное установленіе *право?* Чѣмъ отличается приказаніе, исходящее отъ произвольной власти и на долго сохраняющее значеніе произвола, отъ нарушающаго право повелѣнія, которое становится *правомъ?* Отвѣтъ на эти вопросы не можетъ быть данъ на основаніи индуктивнаго изученія различныхъ процессовъ, благодаря которымъ возникаетъ *право*. Ибо понятіе *права* предвосхищено уже въ каждомъ отдѣльномъ изслѣдованномъ процессѣ. Вопросъ индукціи естъ вопросъ объ *общемъ содержаніи* событій, вызвавшихъ одинаковымъ образомъ возникновенія *правовыхъ* установленій. Но такъ какъ возникновеніе права во всѣхъ отдѣльныхъ индуктивно-обслѣдованныхъ случаяхъ, когда они сопоставлялись въ цѣляхъ сравнительнаго изученія, признавалось уже *установленнымъ* фактомъ, то понятіе права путемъ подобнаго изученія не могло быть выяснено.

Съ другой стороны, понятіе *права* всѣми признавалось съ апломбомъ общепримѣнимымъ понятіемъ соціальнаго познанія и трактовалось въ качествѣ таковаго. Было бы немыслимо утверждать, что содержаніе отдѣльныхъ правовыхъ установленій втеченіе исторіи постоянно мѣняется, если-бъ понятіе права не представлялось общей формальной основой. Слѣдовательно, уразумѣніе сущности и значенія общаго понятія права должно быть добыто *инымъ* путемъ, а не посредствомъ сопоставленія различныхъ частныхъ приложеній этого понятія, которыя не могли-бы имѣть мѣста, еслибы понятіе права не было логическимъ prius по отношенію къ нимъ. *Частныя наблюденія надъ правомъ* зависятъ отъ общихъ понятій права, а не наоборотъ. Понятіе *права*, напротивъ того, совершенно независимо отъ того или иного *спеціальнаго приложенія* его въ сферѣ конкретнаго опыта. Оно не можетъ быть отвлечено отъ спеціальныхъ наблюденій надъ правомъ, такъ какъ такія наблюденія становятся вообще возможны только благодаря ему. При всякомъ единичномъ наблюденіи возникаетъ сомнѣніе, почему оно называетъ себя наблюденіемъ надъ правомъ? И удовлетворительный отвѣтъ можетъ быть данъ только на основаніи выведеннаго особымъ методомъ общаго понятія права.

Въ чемъ заключается этотъ необходимый методъ соціально-философскаго изслѣдованія, мы разсмотримъ ниже.

Предварительно я долженъ замѣтить: сказанное относится и къ *закономѣрности соціальной жизни* въ ея цѣломъ, для уясненія которой право составляетъ лишь основное условіе. Что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ понятіемъ? Если бы кто-либо предположилъ, что этотъ вопросъ можно разрѣшить при помощи критическаго сопоставленія нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ наблюдалась *закономѣрность* явленій въ исторической жизни, то я снова спрошу: откуда же извѣстно, что подобное частное явленіе обладаетъ свойствомъ закономѣрности?

Простая индукція многихъ частныхъ наблюденій не въ состояніи установить *основныя понятія и основную закономѣрность* наблюдаемыхъ процессовъ. *Фундаментальныя условія* соціально-научнаго познанія должны быть изслѣдованы особо при посредствѣ своеобразнаго метода.

Современные юристы, не допускающіе помимо общаго ученія о правѣ никакого изслѣдованія общаго свойства и полагающіе, что высшія понятія и общепримѣнимые принципы можно получить исключительно посредствомъ сопоставленія частныхъ наблюденій, безсознательно сходятся со старыми натуръ-философами, стремившимися уяснить понятіе и законы теплоты посредствомъ сопоставленія различныхъ теплыхъ объектовъ: человѣческой крови, огня въ печи, лучей солнца и т. д.

Вмѣсто того я считаю необходимымъ самостоятельное существованіе дисциплинъ *соціальной философіи* и *общаго ученія о правѣ* и нахожу, что каждая изъ нихъ имѣетъ свой raison d'être, каждая въ своемъ родѣ.

Первая должна трактовать о томъ, въ какомъ смыслѣ возможна вообще законосообразность въ познаніи соціальной жизни. Эта дисциплина стремится, какъ было сказано выше, къ уясненію и изложенію понятій и принциповъ, необходимыхъ и общепримѣнимыхъ во всякой соціальной наукѣ. Ея ученіе должно отвлечься отъ всякаго спеціальнаго содержанія правовыхъ установленій, и изложеніе высшей соціальной закономѣрности и соотвѣтствующихъ ей понятій можетъ дать только *формальное пониманіе* общественнаго существованія людей, *какъ таковаго.*

Другое изъ названныхъ ученій должно искать разработанныхъ *по своему содержанію законовъ.* Ему пришлось-бы имѣть дѣло (при разрѣшеніи второй изъ упомянутыхъ задачъ) съ *закономѣрнымъ содержаніемъ* историческихъ правовыхъ установленій, поскольку такое содержаніе можетъ быть наблюдаемо и за предѣлами отдѣльнаго правоваго строя. Оно должно уловить въ законосообразной формѣ относительную общность въ содержаніи историческихъ процессовъ въ области права. Его спеціальная задача заключается, слѣдовательно, въ *изученіи отдѣльнаго правоваго строя содержанія: общія основныя понятія и законосообразность,* присущая результатамъ его изслѣдованія, должны быть взяты изъ соціальной философіи.

Это можно выразить еще и слѣдующимъ образомъ. *Объектомъ соціальной философіи являетя закономѣрность* соціальной жизни людей, *какъ таковая.* Это—то единство частныхъ наблюденій, благодаря которому послѣднія пріобрѣтаютъ свойство необходимости и общепримѣнимости. Это—изложеніе и дедукція основныхъ понятій и фундаментальныхъ принциповъ научнаго познанія вообще. *Объектомъ общаго ученія о правѣ является законосообразное уразумѣніе общаго содержанія различныхъ правовыхъ установленій.*

Первая дисциплина занимается лишь формальной законосообразностью

соціальнаго познанія и потому имѣетъ дѣло только съ высшими, общеприиѣнимыми во всей соціальной жизни понятіями и ученіями. Вторая есть знаніе, имѣющее эмпирическое содержаніе; въ установленіи законосообразности этого знанія ей приходится всецѣло опираться на предпосылаемую соціальную закономѣрность.

Теорія соціальной философіи должна отличаться строгой необходимостью и всеобщностью. Выводы-же общаго ученія о правѣ по существу могутъ имѣть лишь относительно общій характеръ.

Такимъ образомъ онѣ отнюдь не противорѣчатъ другъ другу. Напротивъ, онѣ гармонически дополняютъ или, по крайней мѣрѣ, должны гармонически дополнять другъ друга. А что онѣ имѣютъ неодинаковое значеніе и что *спеціальная юридическая истина* находится въ зависимости отъ возможности *соціальной истины*, не можетъ *вообще* нарушать ихъ совмѣстной дѣятельности.

Но области ихъ изслѣдованія должны быть отграничены другъ отъ друга на томъ основаніи, что, вслѣдствіе только что упомянутаго нами различія цѣлей, методъ научнаго изслѣдованія не можетъ быть въ обоихъ случаяхъ одинаковымъ. Общее ученіе о правѣ можетъ ограничиться простымъ индуктивнымъ методомъ in concreto; оно въ правѣ поступать такимъ образомъ, поскольку общую основу *соціально-научной истины вообще*, исходя изъ которой оно можетъ приняться за свою спеціальную задачу, ей доставляетъ соціальная философія. Соціальная философія, напротивъ того, создавая фундаментъ, не можетъ прибѣгнуть къ способу изслѣдованія, который опирается на ту-же основу.

Необходимо прежде всего отчетливо охарактеризовать свойственный соціальной философіи методъ.

4.

Научное уразумѣніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, стремится, въ противоположность къ установленію частныхъ соціальныхъ истинъ, уяснить то, что можетъ придать отдѣльнымъ познаніямъ связь въ системѣ общей необходимости. Не подлежитъ сомнѣнію, что установленіе общихъ принциповъ и подведеніе отдѣльныхъ фактовъ подъ общія точки зрѣнія есть дѣло человѣческаго сознанія. Цѣльное пониманіе частныхъ и смѣняющихся явленій, которое мы называемъ *закономъ*, возникаетъ въ насъ не механическимъ образомъ,—оно должно быть *выработано*. И вырабатывается оно человѣческимъ сознаніемъ.

Закономѣрность соціальной жизни представляется такимъ образомъ цѣльнымъ уразумѣніемъ общественнаго существованія людей, высшимъ способомъ, посредствомъ котораго могутъ быть уловлены и уяснены всѣ соціальныя явленія. Сознательное уразумѣніе этой закономѣрности доставило-бы надежную общую руководящую нить, слѣдуя которой

можно-бы было уловить и оцѣнить одинаковымъ образомъ всѣ отдѣльныя данныя соціальной исторіи.

Поэтому первое требованіе, которое должно быть предъявлено къ солидному соціально-философскому изслѣдованію, заключается въ томъ, что мы должны расчленить въ ихъ содержаніи и логически-объективно анализировать тѣ понятія и положенія, которыми мы пользуемся въ соціальномъ познаніи; такимъ образомъ мы можемъ уяснить особенный характеръ соціально-научнаго познанія, какъ науки съ особымъ объектомъ изученія и своеобразнымъ содержаніемъ познанія. Кто говоритъ о закономѣрности соціальной жизни, о соціальномъ развитіи, соціальныхъ язвахъ и возможности или невозможности ихъ исцѣленія, кто ссылается на законы соціально-экономическихъ явленій, говоритъ о соціальныхъ конфликтахъ и вѣритъ въ прогрессъ общественной жизни людей или отрицаетъ его—тотъ долженъ, во избѣжаніе не имѣющей ровно накакого значенія субъективной болтовни, прежде всего привести въ ясность особенности *соціально-научнаго* познанія. Это должно быть особое познаніе о соціальной жизни людей, имѣющее научный характеръ, т.-е. стремящееся къ законченному пониманію ея. Но въ чемъ-же заключается, всетаки, эта *соціальная жизнь*, что составляетъ ея особенность и дѣлаетъ это понятіе спеціальнымъ предметомъ нашего познанія? Что можно считать разумнымъ образомъ *соціальнымъ феноменомъ?* Какіе *отдѣльные логическіе элементы соціальнаго существованія* людей обнаруживаются при логическомъ анализѣ и каково ихъ отношеніе другъ къ другу?

Наука о соціальной жизни людей должна быть отличной отъ простого познанія внѣшней природы. Въ соціальной жизни чувствуется присутствіе особаго объекта для человѣческаго уразумѣнія. Разлагая общія понятія, съ которыми здѣсь необходимо приходится имѣть дѣло, соотвѣтственно ихъ познавательному содержанію, мы увидимъ, благодаря какимъ логическимъ моментамъ возникаетъ вообще возможность соціально-научнаго познанія, въ противоположность простому созерцанію природы, какіе изъ нихъ дѣлаютъ *соціальную жизнь* особымъ объектомъ нашего познанія.

Эта предварительная работа неизбѣжна. Только опираясь на ея удостовѣренные результаты, и можно приниматься за дальнѣйшее изслѣдованіе *закономѣрности* соціальной жизни. Кто хочетъ установить законы человѣческой общественной жизни, долженъ предварительно привести себѣ въ ясность общія условія *познанія*, которымъ необходимо подчиняется вся *соціальная* наука. Только на основаніи точнаго уразумѣнія этихъ общихъ условій познанія общественной науки и можетъ быть вѣрно и точно опредѣленъ принципіальный характеръ возможной здѣсь законосообразности.

Проблема соціальной закономѣрности заключается въ установленіи *единства* въ измѣнчивыхъ явленіяхъ соціальной жизни. Принципіальный вопросъ объ этой закономѣрности коснулся бы такимъ образомъ тѣхъ неизмѣнныхъ условій, при которыхъ возможно установленіе единства. Условія эти приходится заимствовать изъ упомянутаго предварительнаго изученія, пользуясь послѣдовательно тѣми основными соціальными понятіями, путемъ приложенія которыхъ, въ качествѣ ихъ необходимаго вывода, можно получить общій формальный принципъ соціальной жизни, ея основное единство. Съ помощью систематическаго разложенія нашихъ соціальныхъ понятій мы должны отыскать тотъ принципъ, сознательное приложеніе котораго только и можетъ привести къ объединенію измѣнчивыхъ стремленій соціальной жизни.

Этому требованію въ формально-логическомъ отношеніи должно-бъ было вполнѣ соотвѣтствовать *матеріалистическое пониманіе* исторіи, о которомъ намъ придется говорить ниже и которое выставляетъ, въ качествѣ закономѣрности соціальной жизни и соотвѣтственно этому—въ качествѣ общаго метода научнаго изученія послѣдней, естественную зависимость правового строя, какъ формы общественной жизни, отъ соціальнаго хозяйства, такъ что измѣненіе въ соціально-экономическихъ феноменахъ необходимо обусловливаетъ соотвѣтствующее измѣненіе существующаго права.

Прежде чѣмъ коснуться этого вопроса подробнѣе, я желалъ бы устранить въ немногихъ словахъ два возможныхъ недоразумѣнія.

Задача, которую мы себѣ поставили, имѣетъ *гносеологическій*, а *не психологическій* характеръ. Мы стремимся къ познанію того, что можетъ быть установлено съ безусловной необходимостью и общеобязательностью для всей соціальной жизни людей, не принимая во вниманіе никакого особаго содержанія извѣстной общественной жизни. Нашу конечную цѣль представляетъ, слѣдовательно, установленіе высшей единой точки зрѣнія для всей человѣческой общественной жизни. Поэтому мы нуждаемся въ точномъ изображеніи коренныхъ условій, при которыхъ подлежащая нашему познанію соціальная жизнь можетъ быть *закономѣрной*, т.-е. при которыхъ она можетъ войти въ высшее единство соціально-научнаго разсмотрѣнія.

Подобно тому, какъ мы различаемъ между взглядами, имѣющими *только субъективное* значеніе, и ученіями, которымъ присуще значеніе *объективное*, и объективно отдѣляемъ ошибку отъ научной истины, точно такъ-же мы желали бы провести различіе между воззрѣніями на соціальную жизнь, имѣющими *исключительно субъективную* цѣнность, и соціальнымъ познаніемъ, имѣющимъ значеніе *объективной* истины.

Мы выдѣляемъ, слѣдовательно, съ одной стороны, тѣхъ, кто довольствуется въ вопросахъ человѣческой жизни и соціальной исторіи *одними*

частичными наблюденіями. Однако, трудно предположить, чтобы число ихъ было, дѣйствительно, очень велико. Отъ объединенія единичныхъ наблюденій въ общее познаніе, въ то, что обыкновенно называется міросозерцаніемъ и жизнепониманіемъ, отъ стремленія къ уразумѣнію закономѣрности не можетъ отказаться ни одинъ человѣкъ, дорожащій достоинствомъ своего существованія и умѣющій цѣнить его. Но если-бы такой человѣкъ нашелся и объявилъ: это *мой* взглядъ; *вѣренъ*-ли онъ, можетъ-ли его содержаніе считаться *объективно истиннымъ*, или нѣтъ, для меня несущественно, то мы спросимъ: *кому это нужно*, зачѣмъ онъ утруждаетъ другихъ *своей* болтовней?

Кто желаетъ, однако-же, убѣдить кого-либо другого, въ справедливости своего методически-обоснованнаго воззрѣнія на соціальные вопросы, тотъ предпосылаетъ возможность *объективнаго доказательства*. Но такое доказательство можетъ быть предпринято не иначе, какъ на основаніи общей *закономѣрности* соціальной жизни, какъ мы ее освѣтили въ ея смыслѣ и значеніи. Сообразно съ этимъ, *содержаніе* всякаго соціальнаго познанія—сознательно, или ошибочно—можетъ быть или чисто субъективнымъ, или можетъ имѣть объективную цѣнность. И такъ какъ мы намѣреваемся изслѣдовать условія этой альтернативы и найти въ нихъ формальную возможность закономѣрности соціальной жизни, то изслѣдованіе должно состоять въ *объективно-логическомъ* анализѣ *содержанія познанія* по вопросамъ, касающимся соціальной жизни людей, а не въ *субъективно-психологическомъ* обсужденіи *процессовъ познанія*.

Одно дѣло критически изслѣдовать, при какихъ объективныхъ условіяхъ познанія извѣстному содержанію нашихъ представленій присуще свойство объективной истинности, другое дѣло — присматриваться, посредствомъ какого психологическаго процесса индивидуумъ можетъ достичь законосообразнаго познанія. Послѣднее предполагаетъ, разумѣется, первое. Напротивъ того, вопросъ объ *объективныхъ* условіяхъ законосообразнаго познанія можетъ быть рѣшенъ и самъ по себѣ. Такимъ образомъ, въ цѣляхъ большей ясности, мы сосредоточимся въ этомъ изслѣдованіи на проблемѣ законосообразнаго содержанія соціальнаго познанія и при этомъ будемъ принимать во вниманіе только тѣ объективныя условія, при которыхъ соціальному ученію присуща *объективная истинность*.

Затѣмъ я желалъ бы разъ навсегда отстранить слѣдующее недоразумѣніе. Можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что мы желаемъ доказать существованіе какого-то абсолютнаго начала (Unding), существующаго гдѣ либо въ пространствѣ, внѣ исторической соціальной жизни, *предшествующаго ей по времени*. Объ этомъ нѣтъ и рѣчи.

Соціальная философія стремится, конечно, достигнуть въ своемъ ученіи независимости отъ всякаго особаго содержанія историческихъ правовыхъ и бытовыхъ установленій. Но я не говорю, что она должна

быть независима отъ историческихъ установленій, а говорю о независимости отъ *особаго содержанія* отдѣльныхъ историческихъ нормъ. Соціальная философія ищетъ общей закономѣрности, раскрывающейся въ исторіи соціальной жизни. Но эта закономѣрность существуетъ, разумѣется, *не внѣ* историческихъ общественныхъ установленій, а представляетъ единый и общенеобходимый видъ познанія ихъ. Что во всѣхъ вопросахъ соціальной науки приходится имѣть дѣло съ соціально-историческимъ матеріаломъ, не подлежитъ сомнѣнію. Противоположность философскаго и чисто-историческаго познанія заключается не въ матеріалѣ, а въ точкѣ зрѣнія и въ цѣляхъ изученія: матеріалъ можно изслѣдовать или съ цѣлью отыскать *въ немъ* единство и закономѣрность, которую и нужно въ этомъ случаѣ привести въ ясность, или же можно удовлетворяться констатированіемъ единичныхъ явленій, интересуясь соціальной жизнью лишь постольку въ ней совершаются извѣстныя событія и придавая ей значеніе только потому, что эти событія дѣйствительно совершились.

Высшее единство всего соціальнаго познанія, отъ котораго зависитъ всякій соціальный законъ и всякая научно-доказательная дедукція соціальныхъ стремленій, должно, такимъ образомъ, отвлечься отъ всякаго *особаго содержанія* соціальной исторіи: такъ какъ оно должно быть основнымъ закономъ *всей* соціальной жизни, то и познаніе его не должно основываться на *особенностяхъ* единичныхъ историческихъ фактовъ.

Но такъ какъ это единство, въ качествѣ основного закона общественнаго существованія людей, должно служить при изслѣдованіи соціальной жизни высшей точкой зрѣнія, ясно, что это единство разнообразія и смѣны явленій въ соціальной жизни не могло существовать *во времени*, прежде чѣмъ возникла сама общественная жизнь. Наоборотъ, ходъ человѣческаго познанія въ его *хронологической послѣдовательности* таковъ, что оно начинается съ единичнаго воспріятія и частныхъ наблюденій; только позднѣе человѣческое размышленіе приходитъ къ законосообразному синтезу разнообразія соціальныхъ явленій и, наконецъ, къ практическому изслѣдованію *общей основы*, благодаря которой становится возможнымъ законосообразное наблюденіе общественной соціальной жизни.

Слѣдовательно, «абсолютной закономѣрности», представляющей собою что-то мистическое, не существуетъ—будь это такъ, то дѣйствительная соціальная жизнь возникла бы въ неясной зависимости отъ этого начала лишь послѣ него,—наше познаніе начинается и въ соціальныхъ вопросахъ частнымъ наблюденіемъ. Только въ дальнѣйшемъ развитіи познанія,—по времени позднѣе,—можно достичь уразумѣнія соціальной закономѣрности, какъ законченнаго пониманія частныхъ наблюденій, и уяснить общій принципъ этой закономѣрности.

Но по своему *значенію* это, по времени болѣе позднее, соціально-философское познаніе стоитъ безусловно выше частнаго соціальнаго знанія.

Только оно можетъ доставить почву и основу для всякой соціальной попытки установленія опредѣленнаго по содержанію соціальнаго закона и дать обоснованіе соціальнымъ системамъ, представляющимся желательными; только съ его помощью спеціальное изученіе соціальной жизни можетъ получить принадлежащее ему по праву значеніе въ царствѣ научнаго познанія.

Именно потому теряетъ силу возраженіе, будто искомая нами основная закономѣрность соціальной жизни, какъ основной принципъ всякаго научнаго познанія, можетъ быть установлена «*a priori*», совершенно безотносительно къ исторической соціальной жизни. Это совершенно не соотвѣтствуетъ нашимъ стремленіямъ: цѣль, которую мы себѣ поставили предполагаетъ точнѣйшее изученіе исторической общественной жизни людей. Но въ предѣлахъ познанія соціальной исторіи мы различаемъ изученіе спеціальнаго смѣняющагося матеріала и уразумѣніе того, что должно быть общепримѣнимымъ и необходимымъ во всемъ соціальномъ познаніи. Такимъ образомъ, это уразумѣніе тоже должно входить въ составъ *научнаго* опытнаго познанія, въ качествѣ его интегрирующей части. Поэтому оно можетъ быть найдено и установлено вовсе не посредствомъ мистическихъ фразъ, опирающихся на мнимо «раціональныя» соображенія, а только путемъ разложенія нашего соціально-историческаго опыта и уясненія того единства, которое можетъ возвести соціальное наблюденіе *въ науку*, въ познаніе, руководимое единой высшей точкой зрѣнія и общимъ методомъ.

Такимъ образомъ, мы предпринимаемъ аналитическое изслѣдованіе наличнаго эмпирическаго соціальнаго знанія въ цѣляхъ установленія законосообразности соціально-научнаго познанія, общаго основного метода, имѣющаго самостоятельное общенеобходимое значеніе. Но это должно быть осуществлено не посредствомъ безпорядочнаго сопоставленія, сравненія, обобщенія, а въ томъ смыслѣ, чтобы установить въ соціально-историческомъ эмпирическомъ познаніи тѣ логическіе элементы, опираясь на которые только и можно объединить на общей основѣ все соціальное изслѣдованіе, т. е. законосообразно понять соціальную жизнь.

Такимъ образомъ, общая закономѣрность общественной жизни, какъ мы уже говорили, должна отвлечься отъ всякаго *особаго* содержанія и стать выше его; но такую закономѣрность можно найти только посредствомъ внимательнаго анализа *познанія соціальной жизни людей вообще съ точки зрѣнія его содержанія.*

Закономѣрность эта можетъ быть найдена въ видѣ *основного единства условій соціально-научнаго познанія.*

5.

Въ систематическомъ приложенiи этого метода мы не имѣемъ во всей сферѣ соцiальной науки ни одного предшественника. Даже Кантъ, критика котораго—какъ можетъ замѣтить каждый свѣдущiй человѣкъ—имѣла на созданiе нашего плана рѣшающее влiянiе, въ своей «Метафизикѣ нравовъ» не далъ основной теорiи соцiальной жизни.

Но мы можемъ получить въ нашемъ предпрiятiи весьма замѣтное содѣйствiе со стороны до сихъ поръ не пользовавшагося въ теоретической литературѣ значенiемъ *матерiалистическаго пониманiя исторiи.* Вышеприведенная основная идея этого воззрѣнiя—признанiе полной и необходимой зависимости формы общества отъ организацiи соцiальнаго хозяйства—заключаетъ въ себѣ предположенiе, что ею характеризуется видъ соцiальной закономѣрности, единство общаго принципа и методическая точка зрѣнiя, съ которой слѣдуетъ наблюдать и изслѣдовать исторически складывающуюся общественную жизнь людей.

Матерiалистическое пониманiе исторiи дѣлаетъ средоточiемъ общественной жизни соцiальное хозяйство. Подобно тому, какъ въ противоположность къ вѣрѣ древняго мiра, признававшаго землю центромъ вселенной, система Коперника оперлась на предположенiе, что земля вмѣстѣ съ другими планетами вертится вокругъ солнца, и доказала, что только при этомъ предположенiи и можно внести единство въ разнообразiе астрономическихъ явленiй, точно такъ-же и матерiалистъ отбрасываетъ мнѣнiе, что центральной силой соцiальной жизни могутъ быть признаны идеальные факторы въ качествѣ своеобразныхъ и самостоятельно дѣйствующихъ формъ соцiальной жизни. Онъ установляетъ обратное отношенiе и допускаетъ въ качествѣ конечной дѣйствующей причины, отъ которой зависятъ всѣ соцiальныя представленiя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соцiальный строй, лишь общественное хозяйство. Въ зависимости отъ эмпирически смѣняющейся формы послѣдняго возникаютъ человѣческiе идеалы и формы человѣческаго сообщества.

Матерiалистическое пониманiе исторiи стремится внести этимъ способомъ единство и закономѣрность въ сумятицу вѣчно-смѣняющихся соцiальныхъ явленiй. Оно старается научно установить между различными элементами, изъ которыхъ эмпирически складывается соцiальная жизнь, истинное систематическое соотношенiе и путемъ уясненiя этого соотношенiя выработать методъ законченнаго пониманiя исторiи. Этимъ оно стремится дать общую руководящую нить, которая указываетъ изслѣдователю закономѣрность въ сутолокѣ историческихъ фактовъ, и при помощи которой можно, вслѣдствiе этого, вѣрно понять дѣйствительность и предугадать будущее.

Такимъ образомъ матеріалистическая философія исторіи впервые не только говоритъ о *закономѣрности* человѣческой исторіи, но точно также даетъ дѣйствительно ясное понятіе и дѣйствительно точное уразумѣніе ея.

Эта философія заключаетъ въ себѣ вѣрную мысль, что историографія соціальной жизни людей можетъ сдѣлаться *наукой* только въ томъ случаѣ, если она будетъ разсматривать, приводить въ порядокъ и оцѣнивать отдѣльные факты съ общей точки зрѣнія основного единства всей общественной жизни: хорошимъ историкомъ можно сдѣлаться не путемъ точнаго собиранія изолированныхъ фактовъ, а путемъ правильнаго синтеза ихъ съ точки зрѣнія общей закономѣрности.

Намъ не трудно произвести требуемое разграниченіе между тѣмъ и другимъ познаніемъ въ ихъ основномъ значеніи. Различіе между отдѣльными познанными законами и общей формальной закономѣрностью, т. е. *основнымъ видомъ правильнаго* синтеза фактовъ въ законы, благодаря которому только и становится возможнымъ обоснованіе послѣднихъ, имѣетъ рѣшающее значеніе для каждаго изслѣдователя, стремящагося къ уясненію *закономѣрности*. Ибо цѣль матеріалистическаго пониманія исторіи направлена къ тому, чтобы изобразить все соціальное развитіе въ качествѣ естественнаго процесса, соотвѣтственно тѣмъ законамъ, которые удалось уяснить. При этомъ слѣдуетъ различать, во-первыхъ, особые законы, имѣющіе значеніе для отдѣльныхъ историческихъ явленій въ предѣлахъ извѣстнаго соціальнаго строя; таковы, напримѣръ, по мнѣнію придерживающихся матеріалистическаго пониманія исторіи марксистовъ, имманентно присущіе капиталистическому способу производства частные законы, вродѣ закона необходимаго производства прибавочной цѣнности, закона періодическихъ торговыхъ кризисовъ и т. д.; во-вторыхъ—имѣющій значеніе для всей соціальной жизни, формальный основной законъ необходимой зависимости общественной жизни отъ соціальнаго хозяйства, на который опираются затѣмъ въ своемъ значеніи и въ своемъ научномъ обоснованіи частные законы, проявляющіеся при особыхъ эмпирическихъ условіяхъ.

Я допускаю, что этотъ основной законъ матеріалистическаго пониманія исторіи далеко не можетъ считаться принятымъ всѣми изслѣдователями соціальной и правовой исторіи. Но какое же другое основное воззрѣніе на закономѣрное теченіе соціальной жизни людей и на возможность научнаго познанія частныхъ законовъ имѣютъ они? Что такое соціальный законъ? При помощи какого формальнаго критерія познанія отдѣльные наблюдаемые факты соціальной исторіи получаютъ значеніе *закономѣрныхъ* событій? Какъ только мы отстраняемъ матеріалистическое пониманіе исторіи, мы находилъ по отношенію къ этому вопросу полную пустоту.

Поэтому мы пріурочимъ наше соціально-философское изслѣдованіе къ изложенію матеріалистическаго пониманія исторіи. При изученіи этого воззрѣнія, мы увидимъ, что оно во всѣхъ направленіяхъ незакончено и неразработано, что, поэтому, намъ прежде всего придется поставить и выяснить вопросъ, что можно разумѣть подъ беззаботно примѣняемыми имъ основными соціальными понятіями и что можно удержать изъ нихъ? При этомъ обнаружится точно также, что это пониманіе соціальной исторіи въ дѣйствительности не достигло уясненія высшей закономѣрности соціальной жизни людей, къ которому оно стремилось, и что, при послѣдовательномъ развитіи своихъ ученій, оно ведетъ неизбѣжно къ противорѣчіямъ и неясностямъ.

Такимъ образомъ, слѣдя за названнымъ ученіемъ и исправляя его, мы выработаемъ одновременно основы общей теоріи соціальнаго вопроса и соціальной философіи, хотя, какъ это читатель скоро увидитъ, мы не стремимся въ этомъ изслѣдованіи къ полнотѣ и не замышляемъ дать объемистый отчетъ о книгахъ и работахъ по соціальной наукѣ.

На этомъ я заканчиваю свой прологъ.

Если кто-либо, прослѣдившій очерченную программу, все еще не уясняетъ себѣ, какъ она должна быть примѣнена и какъ нужно пользоваться указаннымъ методомъ, если онъ желаетъ примѣра, то такимъ примѣромъ можетъ служить ему эта книга. Изученіе ея, какъ я думаю, можетъ дать полное представленіе о приложеніи сказаннаго и совершенно уничтожить всѣ тѣ сомнѣнія, которыя можетъ возбудить краткое изложеніе плана въ человѣкѣ, который еще не вошелъ въ кругъ идей автора.

Но чтобы этого можно было достигнуть безъ серьезнаго и самостоятельнаго труда со стороны читателя, я, конечно, утверждать не рѣшаюсь.

Книга первая.

Современное состояніе вопроса.

Der Materialismus ist die erste, die niedrigste, aber auch vergleichsweise festeste Stufe der Philosophie.

Lange, Geschichte des Materialismus, 3 Aufl. (1876) II, S. 538.

Матеріализмъ представляетъ первую, низшую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительно надежнѣйшую ступень философіи.

Ланге, Исторія матеріализма.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Соціальный матеріализмъ.

6. Основныя идеи. — I. Общая борьба за существованіе есть основа человѣческаго общества. — 7. Продолженіе. — II. Соціальныя идеи, какъ рефлексъ хозяйственныхъ условій.—8. Заключеніе.—III. Отношеніе къ историзму и фатализму.—9. Замѣчанія по исторіи догмы.—10. Современный соціализмъ.—I. Его теоретическое обоснованіе.—11. Продолженіе.—II. Пояснительныя подробности.—12. Продолженіе.—III. Полемическій діалогъ буржуа и соціалиста.—13. Заключеніе.—IV. Правильная постановка вопроса при критической оцѣнкѣ соціалистическаго ученія.

6.

Основныя идеи соціальнаго матеріализма вкратцѣ заключаются въ слѣдующемъ: человѣкъ есть снабженное соціальными инстинктами живое существо; одаренный влеченіями, которыя побуждаютъ его къ постоянному общенію съ своими ближними, онъ слѣдуетъ этимъ влеченіямъ для того, чтобы съ большей легкостью вести борьбу за существованіе и противодѣйствовать враждебнымъ силамъ природы.

Основу всей общественной жизни людей составляетъ общее производство ихъ жизни, коллективное добыванiе нужныхъ для существованiя средствъ и гармоническое производство полезныхъ и возвышающихъ человѣка благъ. Поэтому отъ способа ихъ совмѣстной дѣятельности, направленной къ поддержанiю и улучшенiю ихъ жизни, зависитъ необходимо обусловливаемая этимъ способомъ форма человѣческаго сообщества,—общественный строй.

Право народа, какъ направляющая норма совмѣстной жизни и дѣятельности, есть ничто иное, какъ орудiе въ борьбѣ за существованiе, ведущейся сообща и единодушно. Понятно, поэтому, что право, по сравненiю съ соцiальнымъ хозяйствомъ, должно отступить на заднiй планъ. Оно занимаетъ зависимое, служебное, подчиненное положенiе, иначе оно теряетъ всякiй смыслъ. Общественное хозяйство обусловливаетъ его и руководитъ имъ. Хозяйство, будучи матерiей соцiальной жизни, есть истинно реальное, дѣйствительная субстанцiя права. Отъ особенностей хозяйственныхъ условiй зависятъ особенности обусловливаемаго ими правового строя.

Если, поэтому, въ соцiальномъ хозяйствѣ группы людей происходятъ значительныя перемѣны, то онѣ дѣлаютъ необходимымъ соотвѣтствующее измѣненiе существующаго правового строя; существенно измѣнившiяся хозяйственныя условiя необходимо влекутъ за собою параллельную реформу дѣйствующаго права. И такъ какъ право, съ точки зрѣнiя матерiалистическаго пониманiя исторiи, признается добавочнымъ орудiемъ въ общей борьбѣ за существованiе и должно служить лишь къ правильному пользованiю хозяйственными условiями, то измѣненiе, происшедшее въ правовой организацiи, можетъ быть объяснено и опредѣлено лишь въ качествѣ слѣдствiя метаморфозъ соцiальнаго хозяйства, вызвавшихъ необходимость этого измѣненiя права.

Такимъ образомъ, по теорiи соцiальнаго матерiализма, на основанiи измѣненiй въ соцiальномъ хозяйствѣ, какъ матерiи соцiальной жизни, можно заключить о предстоящихъ соотвѣтственныхъ измѣненiяхъ юридической формы точно также, какъ изъ причины можно вывести необходимое слѣдствiе. И, наоборотъ, при всѣхъ видоизмѣненiяхъ правового строя, которыя наблюдаются въ исторiи, можно установить съ увѣренностью, слѣдуя вышеприведенному принципу, предшествующiя измѣненiя въ соцiальномъ хозяйствѣ.

Отсюда вытекаетъ для указаннаго ученiя закономѣрность раскрывающейся въ человѣческой исторiи соцiальной жизни. При этомъ всегда слѣдуетъ придерживаться точки зрѣнiя исторiи развитiя. Хозяйственныя основы историческаго общественнаго строя нельзя считать прочными неподвижными состоянiями; онѣ непрерывно измѣняются. Климатъ, свойства почвы и другiя особенности страны принимаются во

вниманіе при изслѣдованіи права только черезъ посредство производящаго и мѣнового хозяйства: солнце, свѣтившее во времена Гомера, свѣтитъ и надъ нами, но правовыя и государственныя условія въ тѣхъ-же странахъ совершенно измѣнились, ибо соціальное хозяйство, говоритъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію, тамъ совершенно перемѣнилось, какъ оно и вообще всегда и необходимо находится въ непрестанномъ измѣненіи. Это движеніе можетъ быть установлено и познано при помощи естественно-научнаго метода. Изученіе закономѣрнаго хода развитія экономическихъ явленій образуетъ такимъ образомъ первую и основную соціально-научную задачу. На основаніи этого изученія, дѣйствуя указаннымъ образомъ, можно выяснить необходимыя измѣненія правоваго строя, о которомъ идетъ рѣчь.

Это возможно даже и для будущаго, поскольку и въ этомъ случаѣ можно установить съ нѣкоторой достовѣрностью закономѣрную тенденцію грядущаго развитія. Поскольку такія тенденціи соціальнаго развитія могутъ быть предусмотрѣны и изображены, возможно и предсказаніе соотвѣтствующихъ необходимыхъ измѣненій права, даже если необходимость ихъ въ данное время еще и не вполнѣ выяснилась. Ибо развитіе хозяйственныхъ феноменовъ порождаетъ соціальные конфликты между ними и существующимъ правовымъ строемъ. Эти противорѣчія рано или поздно съ неумолимой настоятельностью требуютъ разрѣшенія и влекутъ за собою, по общему закону соціальной жизни, соотвѣтствующее хозяйственной перемѣнѣ преобразованіе права.

Закономѣрность соціальной жизни людей, по ученію соціальнаго матеріализма, есть *закономѣрность экономическихъ явленій*. Послѣднія, образуя въ своей совокупности соціальное хозяйство, развиваются по законамъ природы. Явленія эти возникаютъ, движутся, испытываютъ измѣненія, прекращаются въ допускающемъ естественно-научное изученіе процессѣ. Въ своей совокупности они составляютъ матерію соціальнаго существованія людей; въ своей жизни и исчезновеніи они образуютъ ея движеніе. Въ законахъ, которымъ они подчиняются, концентрируется закономѣрность человѣческой общественной жизни: *другой соціальной закономѣрности не существуетъ.*

Неизмѣнное движеніе экономическихъ феноменовъ подобно другимъ естественнымъ процессамъ. О закономѣрномъ развитіи хозяйственныхъ условій можно сожалѣть, но задержать его или дать ему другое направленіе превышаетъ человѣческія силы. Это—естественно-необходимый процессъ, въ которомъ раскрываются и смѣняются, возникаютъ и замираютъ экономическія явленія,—закономѣрная цѣпь явленій, которую человѣческое познаніе можетъ заключить въ научную систему.

Только непонятыя стихійныя силы, какъ въ природѣ, такъ и въ соціальной жизни, являются демонически разрушительными и безпощад-

ными силами. Если-же онѣ поняты въ своей закономѣрности, то человѣкъ можетъ уклониться отъ многаго, наносящаго ему вредъ, и сдѣлаться даже до извѣстной степени господиномъ надъ слѣпыми силами естественно-необходимаго развитія экономическихъ явленій. Конечно, если кто-либо сталъ-бы оказывать сопротивленіе закономѣрному движенію соціальныхъ явленій съ цѣлью задержать ихъ, то онъ былъ-бы сбитъ и раздавленъ ими. Но кто понялъ неизбѣжное историческое движеніе соціальнаго хозяйства, тотъ можетъ оказать на него вліяніе, благопріятствуя и помогая ему или руководя имъ; можетъ вмѣшаться въ него въ желательномъ для себя направленіи.

Такъ какъ такое вмѣшательство въ соціальную жизнь должно совершаться при помощи регулирующаго строя юридической организаціи, то для соціальнаго матеріалиста вытекаетъ отсюда неустранимая зависимость, естественно-необходимое вассальное отношеніе права къ хозяйству. Каждая общественная форма—такъ гласитъ его ученіе—имѣетъ свое собственное право. Матеріалисту кажется неизбѣжно необходимымъ, что извѣстный правовой строй долженъ быть уничтоженъ противорѣчащимъ ему развитіемъ соціальнаго хозяйства, что неизмѣнный ходъ и постоянная тенденція развитія экономическихъ феноменовъ неизбѣжно должны создать новое право. Ибо право не болѣе, какъ человѣческая попытка овладѣть стихійными и необузданными силами соціальнаго производства. Если оно приходитъ въ разладъ съ ними, то эти силы раздавятъ его; для того же, чтобы сохранить свою жизненную силу и свое существованіе, право *необходимо* должно слѣдовать закономѣрному развитію хозяйственныхъ условій и приспособляться къ нимъ.

7.

Матеріалистическое пониманіе исторіи сознательно противопоставляетъ себя *идеологичеекому* воззрѣнію на человѣческую исторію, т.-е. ученію о самостоятельно возникающихъ и дѣйствующихъ идеяхъ. При этомъ историкъ-матеріалистъ вовсе не отрицаетъ существованія идеальныхъ цѣлей въ человѣческихъ представленіяхъ и стремленіяхъ, ни того факта, что измѣненія права требуются во имя справедливости, что унаслѣдованныя установленія могутъ быть признаваемы то благими, то дурными, но онъ отрицаетъ, что человѣческія представленія о правѣ и справедливости имѣютъ самостоятельное существованіе въ особомъ замкнутомъ мірѣ, представляя въ своемъ возникновеніи второй и обособленный причинный рядъ. И онъ утверждаетъ, что идеи не суть истинныя причины въ общественной жизни, а возникаютъ лишь въ качествѣ отраженія опредѣленнаго соціальнаго хозяйства.

1. Въ согласіи съ основнымъ теоретическимъ воззрѣніемъ матеріализма, матеріалистическое пониманіе исторіи не допускаетъ существо-

ванія *двухъ* различныхъ видовъ опыта, *двухъ* обособленныхъ міровъ познанія. Нашему познанію представляются не два самостоятельныхъ ряда явленій, не факты, требующіе уразумѣнія въ двухъ обособленныхъ сферахъ. Законъ причинности, съ точки зрѣнія котораго въ научномъ пониманіи природы каждое явленіе представляется необходимымъ слѣдствіемъ другого, предшествующаго явленія, не можетъ существовать въ видѣ двухъ параллельныхъ рядовъ, изъ которыхъ одинъ рядъ имѣлъ-бы значеніе по отношенію къ физическимъ явленіямъ, другой для единства идей въ такомъ случаѣ не вполнѣ ясно представляемаго.

Но все это не представляетъ характерной черты матеріализма. Что все наше объективное познаніе *едино*, что возможенъ лишь *одинъ* рядъ законовъ подлежащихъ нашему уразумѣнію явленій міра, это доказывалъ съ исчерпывающей ясностью, настойчиво развивая основныя идеи Платона, никто иной, какъ Кантъ.

«Существуетъ лишь *одинъ* опытъ, въ которомъ всѣ воспріятія представляются въ полной и закономѣрной связи, точно также, какъ существуетъ только *одно* пространство и *одно* время, въ которомъ раскрываются всѣ формы явленія и всякое отношеніе бытія и небытія» [6]).

«Мы можемъ точно также сказать—такъ поясняетъ это въ прекрасномъ парафразѣ Наторпъ—что существуетъ только *одна* объективная истина, *одна* объективность нашего познанія. Это—понятіе «объекта» вообще: необходимое единство, въ которомъ сосредоточиваются всѣ относящіяся къ нему явленія. Единство же объекта устанавливается единствомъ закона, условія его составляютъ единство времени и пространства. Это единство природы, тожественное съ единствомъ «опыта», не можетъ быть установлено въ качествѣ «регулятивнаго» правила, а должно быть «конститутивнымъ» принципомъ науки. Наука, познаніе объекта, существуетъ только въ силу этой посылки. Воззрѣніе и въ особенности методъ, игнорирующіе эту посылку, исключаютъ себя, вслѣдствіе этого, изъ области науки» [7]).

Поэтому и матеріалистическое пониманіе исторіи, желая понять и исчерпать соціальную жизнь людей въ одномъ единствѣ, признавая, что существуетъ только *одинъ* видъ соціальныхъ феноменовъ и *одна* только формально однородная возможность ихъ возникновенія и воздѣйствія, вовсе не занимаетъ, благодаря этому, исключительнаго положенія. Это основное воззрѣніе на общественную жизнь, конечно, чрезвычайно нуждается въ критическомъ изслѣдованіи и уясненіи, но не ведетъ необходимо къ *соціальнаму матеріализму*. Этотъ характеръ оно пріобрѣтаетъ только

---

[6]) Кантъ, Kritik der reinen Vernunft. Первое изд. (1781) стр. 110.

[7]) Natorp, Einleitung in die Psychologie (1888) стр. 74 и сл.

2. благодаря присоединенію воззрѣнія, что и въ соціальной жизни *матерія* (соціальное хозяйство) и *движеніе* (экономическихъ феноменовъ) должны считаться тѣмъ, что одно только *истинно* и одно только совершается, что, наоборотъ, соціальныя идеи, представленія и желанія слѣдуетъ считать простыми призрачными отраженіями, *закономѣрно* зависимыми отъ соціальной матеріи, т. е. отъ общественнаго хозяйства и его реальныхъ измѣненій.

По воззрѣнію матеріалистической соціальной философіи, въ человѣческой общественной жизни не существуетъ никакой другой закономѣрности, кромѣ закономѣрности соціальнаго хозяйства, какъ матеріи совмѣстной соціальной жизни людей. Соціальное хозяйство есть единственно реальное въ соціальной жизни; законы его движенія суть единственныя истины въ этой области. Все, что фигурируетъ на ряду съ этими реальными экономическими феноменами, въ томъ числѣ и убѣжденія въ законосообразности и законности извѣстныхъ соціальныхъ стремленій, есть только рефлексъ, отраженіе, принимать которое за самостоятельный предметъ было бы научной ошибкой.

Вся духовная жизнь народа съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи есть ничто иное, какъ обусловленное матеріей даннаго общества, его соціальнымъ хозяйствомъ, и зависящее отъ нея отраженіе этого соціальнаго хозяйства. Какъ матеріалисту, со временъ Демокрита, матерія представляется единой истинной субстанціей, а душа лишь зависимымъ обманчивымъ представленіемъ, и какъ матеріалистъ объясняетъ психическіе процессы въ человѣкѣ движеніями матеріи, соціальный матеріализмъ переноситъ это воззрѣніе въ общественную сферу въ томъ смыслѣ, что только хозяйственную совмѣстную дѣятельность слѣдуетъ признавать реальной субстанціей человѣческой коллективной жизни, что спеціальными экономическими условіями объясняются и опредѣляются проявленія психической жизни и что, поэтому, единственно возможную закономѣрность соціальной жизни слѣдуетъ искать въ познаніи закономѣрныхъ движеній экономическихъ феноменовъ.

Въ этомъ смыслѣ соціальные матеріалисты называютъ всѣ общія воззрѣнія, свойственныя извѣстной культурной эпохѣ, «надстройкой» надъ даннымъ общественнымъ хозяйствомъ. Они дѣлаютъ это, какъ мы уже сказали, въ томъ убѣжденіи, что соціальное хозяйство есть въ соціальной жизни единственно реальное начало, которое одно только и можетъ быть объектомъ научнаго познанія: явленія соціальнаго сознанія, какъ уже говорилось, суть лишь рефлекторныя дѣйствія хозяйственныхъ условій, исходятъ изъ послѣднихъ и ими-же обусловливаются. Если экономическія явленія въ ихъ закономѣрныхъ движеніяхъ познаны, то вмѣстѣ съ тѣмъ объяснены научнымъ образомъ и психическія отраженія соотвѣтствующихъ соціальныхъ идей, ибо коллективное мышленіе и соотвѣтству-

ющіе ему, повидимому, совершенно свободные поступки зависятъ отъ соціальнаго хозяйства къ томъ смыслѣ, что они представляютъ только внѣшнюю видимость единой истинной субстанціи,—матеріи соціальной жизни.

Это примѣняется одинаково какъ къ морали и религіи, такъ и къ искусству и наукѣ, равно какъ и къ непосредственнымъ воззрѣніямъ и стремленіямъ, имѣющимъ своимъ объектомъ сохраненіе или измѣненіе общественнаго строя.

Воззрѣнія на то, что дозволено и что дурно, у кочующаго пастушескаго народа, которому знакомо лишь общинное пользованіе лугами, складываются иначе, чѣмъ у крестьянина, обладающаго ограниченной частной собственностью. Отлична отъ нихъ мораль крупнаго торговца, мелкаго ремесленника, хищнаго рыцаря. Религіозныя представленія народа охотниковъ и рыбаковъ необходимо совершенно не похожи на религіозныя представленія обществъ съ развитымъ товарнымъ производствомъ, свободной торговлей и промышленностью. И только при болѣе развитыхъ хозяйственныхъ условіяхъ могутъ достигнуть процвѣтанія искусство и наука; параллельно съ подъемомъ или упадкомъ хозяйственныхъ условій развиваются или падаютъ и послѣднія.

Такимъ образомъ, соціальный матеріализмъ учитъ, что общія проявленія духовной жизни въ человѣческой исторіи суть ничто иное, какъ отраженія хозяйственныхъ условій. Только послѣднія суть истинныя реальности соціальной жизни, тогда какъ первыя представляютъ собою лишь лишенныя самостоятельнаго существованія явленія, въ которыхъ находятъ себѣ извѣстное выраженіе субстанціальные объекты общественной жизни, экономическіе феномены. Принимать идеи—такъ разсуждаетъ матеріалистическое пониманіе исторіи — за особыя и самостоятельныя вещи, которыя существуютъ сами по себѣ, было-бы ошибкой. Какъ радуга не есть особое, самостоятельное существо, а только рефлексъ, объясняющійся движеніями матеріи, точно такъ-же матеріалистъ не признаетъ самостоятельными сущностями и возникающія въ жизни народовъ идеи, подобныя указаннымъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ. Можно интересоваться возникновеніемъ и значеніемъ соціальныхъ представленій, наблюдать зарожденіе, вліяніе, исчезновеніе идей въ исторіи, но всегда необходимо при этомъ помнить, что въ нихъ мы не находимъ и не познаемъ ни *истинныхъ объектовъ* соціально-научнаго изслѣдованія, ни *дѣйствительныхъ законовъ* историческихъ процессовъ. Если изслѣдованіе касается идей, то рѣчь идетъ *только* объ *отраженіяхъ*, а не о *реальныхъ объектахъ*, рефлексомъ которыхъ были эти идеи.

Кто хочетъ дѣйствительно научно изслѣдовать человѣческую общественную жизнь и показать ея закономѣрность, тотъ можетъ воспользоваться идеями, какъ рефлекторными явленіями, обусловленными

вліяніемъ истинныхъ соціальныхъ субстанцій на человѣческіе умы. Но онъ не долженъ, по мнѣнію матеріалистическаго ученія, гипостазировать ихъ и приписывать имъ самостоятельное существованіе и особую закономѣрность. Пользованіе ими, какъ средствами изслѣдованія, допускается, но только въ той мѣрѣ, въ какой оно указываетъ на истинные феномены соціальной жизни и ея истинную закономѣрность: соціально-хозяйственныя явленія и законы ихъ развитія.

Отсюда въ ученіи соціальнаго матеріализма вытекаетъ, что особый видъ человѣческаго сообщества, форма извѣстнаго общества совершенно необходимо обусловливается хозяйствомъ. этой соціальной общины и зависитъ только отъ него. Ибо, такъ-какъ, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, всѣ идеи справедливости суть лишь отраженія истинныхъ реальностей экономическаго строя и не обладаютъ самостоятельнымъ бытіемъ, то, вслѣдствіе этого, и всѣ измѣненія права, требуемыя и осуществляемыя во имя справедливости, на дѣлѣ обусловливаются лежащими въ ихъ основѣ хозяйственными причинами, по отношенію къ которымъ принятая формула соціальной справедливости представляетъ *лишь другое выраженіе*, при чемъ хозяйство есть реальность, а идея—лишь отраженіе ея.

Потому-то—продолжаетъ названное ученіе—мнѣнія о томъ, что слѣдуетъ считать соціально справедливымъ, и имѣютъ столь разнообразный характеръ, будучи различны не только у разныхъ народовъ, но и у разныхъ сословій и классовъ одного и того-же народа. Ибо мнѣнія эти отражаютъ лишь истинную и реальную основу соотвѣтствующихъ соціальныхъ условій. Послѣднія-же настолько разнообразны, что различія въ возрѣніяхъ на справедливость, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, разумѣются сами собой.

Истинными причинами измѣненій въ правѣ слѣдуетъ считать не своеобразныя и самостоятельныя движенія въ особомъ, второмъ царствѣ идей, а движенія въ области соціальной матеріи, въ области соціальнаго хозяйства, которая одна только и можетъ считаться доступной научному познанію,—такова основная идея соціальнаго матеріализма, которую онъ считаетъ возможнымъ высказать еще и въ слѣдующей формѣ: при организаціи соціальной жизни людей къ законосообразной формѣ послѣдней ведетъ не прогрессирующее уразумѣніе возможной справедливости; форма эта достигается, поскольку мы можемъ полагаться на писаную исторію, благодаря классовой борьбѣ, какъ продукту экономическихъ феноменовъ.

Что религіозныя представленія и нравственныя идеи имѣютъ свое вліяніе на разработку и развитіе права, можетъ быть допущено, слѣдовательно, и при матеріалистическомъ пониманіи исторіи, но они не могутъ считаться факторами, происхожденіе которыхъ слѣдуетъ искать въ своеобразномъ и самостоятельномъ мірѣ, отличномъ отъ

міра матеріальнаго, и обладающемъ особыми формами причинности. Идеи опираются въ своемъ возникновеніи на матеріальную основу соціальной жизни и необходимо обусловливаютъ ее въ своихъ особенностяхъ характеромъ этого матеріальнаго базиса. Поскольку право опредѣляется непосредственно идеями, оно обусловливается ими въ силу общей причинной связи всѣхъ объектовъ нашего познанія; притомъ-же идеи, въ свою очередь, опять-таки находятся въ зависимости отъ матеріи соціальнаго существованія людей.

Другого вида закономѣрности въ человѣческой общественной жизни, помимо научно-познаннаго движенія хозяйственныхъ явленій и соотвѣтствующей имъ классовой борьбы, по ученію соціальнаго матеріализма, не существуетъ. Это послѣднее есть высшее познаніе, доступное намъ по отношенію къ соціальному существованію человѣка.

8.

Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ считать теорію матеріалистическаго пониманія исторіи разновидностью *историзма*, въ особенности исторической школы въ юриспруденціи [8]).

Послѣдняя учитъ, правда, что право *по своей сущности* представляетъ естественный *продуктъ*, вырабатывающійся въ необходимомъ процессѣ, а не по самостоятельной идеѣ законодателя, безъ всякаго вмѣшательства свободной человѣческой воли, въ причинно необходимомъ рядѣ событій. Однако, историческая школа юристовъ—поскольку она вообще обладала извѣстной *теоріей*—признавала право *общимъ убѣжденіемъ*, которое создавалось національнымъ духомъ народа особымъ, не поддающимся научному уясненію и анализу, образомъ. Общая увѣренность въ томъ, что должно быть признано правомъ, и *есть*, слѣдуя этому ученію, *право*. Изреченіе законодателя или установившійся обычай есть лишь проявленіе этого убѣжденія, лишь констатированіе, а не конституированіе права.

Эта догматика исторической школы юриспруденціи опирается, такимъ образомъ, на представленіе о загадочномъ психическомъ феноменѣ, существованіе и послѣдствія котораго можно прослѣдить въ эмпирическомъ мірѣ, тогда какъ онъ самъ принципіально непознаваемъ и выходитъ за предѣлы опыта. Поэтому, воззрѣніе исторической школы, благодаря своему основному дуализму, представляетъ прямую противоположность мате-

---

[8]) Самъ Марксъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказался противъ исторической школы (Rheinische Zeitung, приложеніе къ № 221, 9 августа 1842 г.: Das philosophische Manifest der historischen Rechtsschule). По существу статья эта не представляетъ, однако, ничего замѣчательнаго.

ріалистической философіи исторіи, ставящей право въ исключительную зависимость отъ движеній матеріи соціальной жизни, отъ закономѣрнаго развитія экономическихъ феноменовъ, рѣшительно и рѣзко отвергающей всякое самостоятельное воздѣйствіе психическихъ силъ.

Въ стремленіи къ научному изслѣдованію общественной жизни людей соціальный матеріализмъ стоитъ гораздо выше мистическаго спиритуализма исторической школы, романтическая закваска которой служитъ препятствіемъ къ философскому анализу основныхъ научныхъ понятій. Школа эта ратовала противъ принадлежащаго старому до-критическому времени понятія свободы, противъ ученія, что законодатель можетъ дѣйствовать совершенно свободнымъ образомъ, не стѣсняя себя причинностью, и вмѣшиваться въ закономѣрно-раскрывающійся рядъ соціальныхъ явленій, оказывая на него причинно-независимое воздѣйствіе. Но она поставила на мѣсто этого ученія лишь субъективное мнѣніе, что всякая творческая дѣятельность въ области права сводится къ проявленіямъ народнаго духа, который, какъ по своему происхожденію, такъ и по своей сущности, непознаваемъ. Можно-ли послѣ этого удивляться, что ученики этой своеобразной философской секты въ области права, не вѣрившіе въ существованіе народнаго духа въ старинномъ смыслѣ, но симпатизировавшіе результатамъ ученія, отъ *философскаго* обоснованія права не удержали рѣшительно *ничего!*

Матеріалистическое-же пониманіе исторіи ведетъ непосредственно къ установленію фундаментальной теоріи, къ уразумѣнію внутренней закономѣрности соціальной жизни людей. Оно отстаиваетъ и по отношенію къ общественному существованію людей принципъ безусловной причинности соціальныхъ явленій, соотвѣтственно законамъ универсальнаго механизма; оно проникнуто стремленіемъ къ созданію науки, изучающей частныя проявленія этого принципа, и признаетъ истиннымъ только то, что можетъ быть эмпирически познано соотвѣтственно этому принципу; оно требуетъ для всякаго законосообразнаго уразумѣнія соціальныхъ явленій сведенія къ закономѣрности экономическихъ феноменовъ, положенной въ ихъ основу. Матеріалистическая философія исторіи не полагается на пресловутый «историческій инстинктъ» состоящій по большей части лишь въ сомнительной способности ассимилировать слабыя стороны минувшихъ временъ, улавливать слабости и недостатки умершихъ людей и обнаруживать часто весьма мелочные мотивы ихъ поступковъ (запоздавшій розыскъ!), а требуетъ методическаго уясненія историческаго развитія съ общей точки зрѣнія соціальной закономѣрности, которую мы назвали закономѣрностью соціальнаго матеріализма и охарактеризовали, какъ таковую.

Такимъ образомъ, по своему смыслу, ученіе соціальнаго матеріализма есть основное философское воззрѣніе на соціальную жизнь людей, разсматривающее ее въ ея конечной внутренней закономѣрности.

